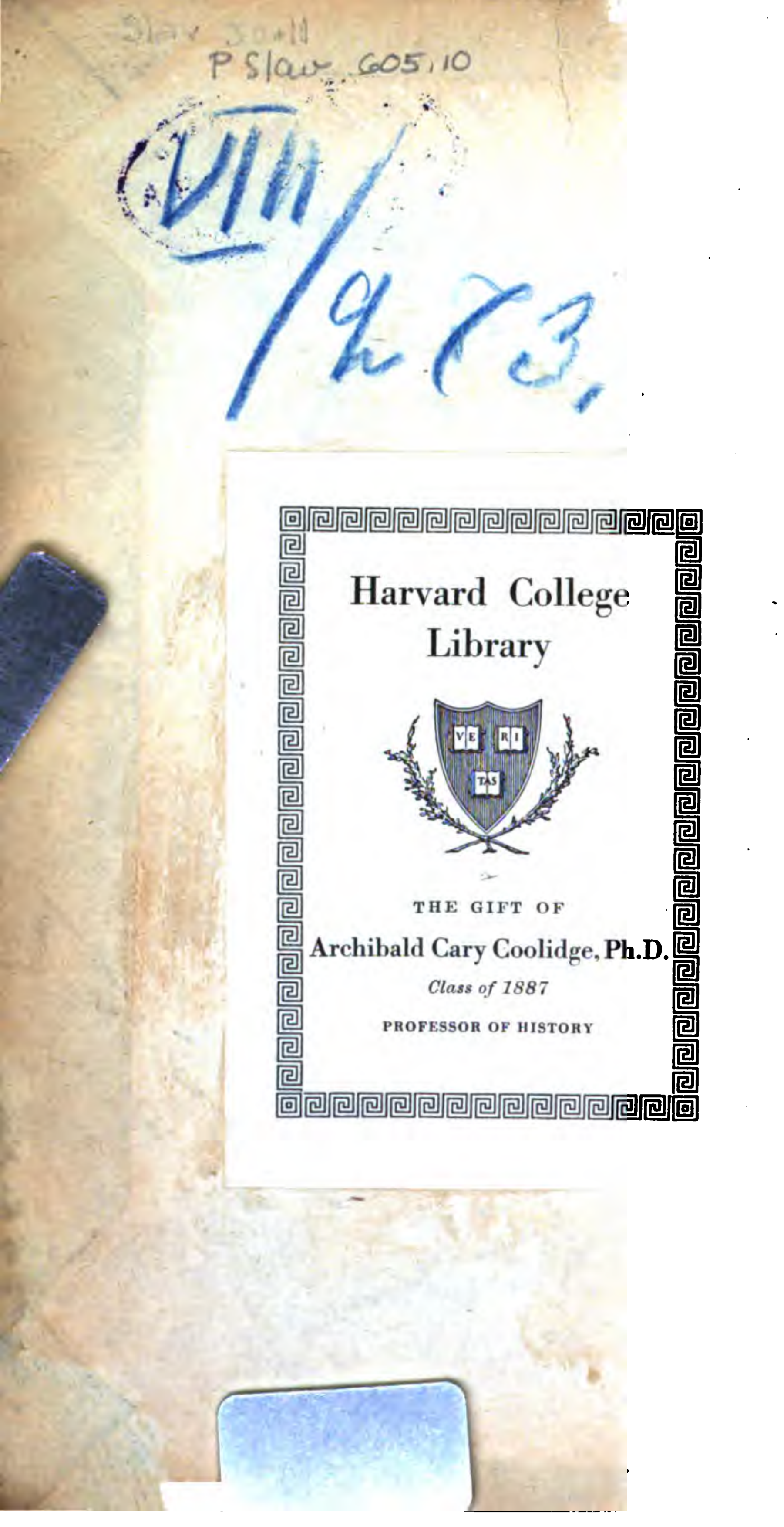

P Slav 605.10
VIII/9473.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЯЛЬКА.

(Изъ «сказокъ дѣйствительности»).

Я, во-первыхъ, тайный совѣтникъ, такъ что мнѣ остается только шагъ до «высокопревосходительства»; во-вторыхъ, директоръ департамента, съ сотнями чиновниковъ, участь которыхъ зависитъ отъ меня. Особа въ полномъ значеніи слова! Выше меня министръ, которому я дѣлаю доклады, но онъ уже и теперь посматриваетъ на меня подозрительно. Вчера даже у него вырвалось: «вы, Ардаліонъ Петровичъ, кажется высоко мѣтите, смотрите какъ бы у васъ не закружилась голова!» Очень мнѣ нужно на его мѣсто! Мало хлопотъ, подумаешь, и хоть голова у меня крѣпкая и отъ пустяковъ не кружится, но я дальше «товарищей» не мечтаю, и то будетъ хорошо для человѣка, выбившагося въ люди трудомъ и смекалкой. Въ университетѣ я не былъ, началъ писцомъ, и когда черезъ три года (мнѣ везло!) получилъ «счетнаго чиновника»,— почувствовалъ себя въ раю. Еще бы, восемьсотъ рублей жалованья. Вотъ тогда мозги у меня дѣйствительно завертѣлись. А то велика птица—министръ! Теперь, проходя мимо мелкихъ служащихъ у меня, я часто думаю: мечтаютъ ли они, какъ мечталъ когда-то я, о высокомъ званіи помощника столоначальника съ тысячью двумястами въ годъ и маревомъ олимпійца-начальника отдѣленія гдѣ-то вверху, въ облакахъ, въ отдаленнѣйшемъ будущемъ, гдѣ полагается быть мраку временъ?... Прибавьте ко всему, что я не женатъ и потому не долженъ, какъ мой товарищъ, занимающій у насъ въ министерствѣ такой же постъ, ежеминутно и мучительно слѣдить за своею супругой, какъ бы она не выкинула чего-нибудь неподлежащаго, ибо въ нашемъ положеніи самолюбіе развивается удивительно. Кажется поэтому, кому бы, какъ не мнѣ, считать себя

счастливымъ. А между тѣмъ... Впрочемъ, объ этомъ ниже. Странно (мнѣ это не разъ приходило въ голову), почему директоръ департамента не бываетъ героемъ романа? Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, кого только нѣтъ между «сими послѣдними» (проклятая привычка къ казеннымъ бумагамъ: нѣтъ-нѣтъ да и ввернешь «сихъ послѣднихъ!»). Или и гг. писатели, какъ мои чиновники, думаютъ, что директору департамента не полагается имѣть общечеловѣческихъ чувствъ? А можетъ быть именно поэтому-то они у насъ развиты болѣе, чѣмъ у кого другого; только благодаря особенностямъ нашего положенія, служебному одиночеству и привычкѣ быть фокусомъ для взгляда подчиненныхъ, чувства эти у насъ выражаются нѣсколько странно? Взять хотя бы и мою жизнь,—чѣмъ она не романъ, позвольте? Разумѣется, я не стану, какъ маскарадная дама, дѣлиться воспоминаніями со всякимъ писателемъ. Меня только и можно наблюдать, что въ вицъ-мундирѣ или за винтомъ сельско-хозяйственнаго клуба, а ни то, ни другое обстоятельство не даетъ никакого простора повѣствовательной любознательности. И такъ вѣрно будетъ до смерти, потому что моего дневника или правильнѣе «записокъ» ранѣе никто не увидитъ, даже та, для которой онѣ пишутся. Въ этомъ, впрочемъ вся его цѣль, иной мнѣ не надо. Никакихъ событій я вносить сюда не буду. Это лѣтопись моего сердца, т.-е. именно того, чего во мнѣ никто не подозрѣваетъ, и только. Внѣшняя жизнь въ моей тетрадкѣ не отразится вовсе. Когда я умру, въ моемъ столѣ найдутъ ее и на обложкѣ увидятъ «для одной Ляльки!» Лялька ее и прочтетъ и узнаетъ, что я по отношенію къ ней не такъ виноватъ, какъ она думала или могла думать; убѣдится, что за всѣ послѣдніе шестнадцать лѣтъ, если я о чемъ-нибудь мечталъ, кого-нибудь искренно любилъ, то только о ней и ее. Я еще не старикъ, но мнѣ уже около пятидесяти. Могила, какъ будто, далека, хотя у насъ, у петербуржцевъ, ничего не сообразишь. Кажется, здоровъ человѣкъ, какъ быкъ, и не просто здоровъ, но и къ «Бѣлому орлу» представленъ, только бы радоваться, да объ арендѣ тысченокъ въ пять помышлять,—анъ вдругъ параличъ сердца—и «упокой Господи душу раба твоего, иде же праведные обитаютъ!» Такъ можетъ и со мной случиться, и вотъ тогда-то Лялька не разъ поплачетъ надъ этими страничками и вмѣсто того, чтобы клясть мою память, оправдаетъ ее, благословитъ и помолится за меня. Буду ли я знать—это иной вопросъ. Надо думать, что буду. Съ одной стороны это выходитъ и такъ, а съ другой—черезъ сомнѣнія-то мы всѣ прошли и у каждаго отъ нихъ въ мозгу ржавчина осталась. Но хоть и не буду, все-таки живому утѣшительно

сознаніе, что память о немъ не угаснетъ, что на его могилу придутъ дорогіе люди, помянутъ добромъ, перекрестятъ холодный мраморъ съ казенной надписью и, уходя, унесутъ съ собою въ душѣ мягкое, нѣжное, грустное и умиленное отраженіе какой-то высшей, свѣтлой печали. А если бы сама по себѣ такая и не коснулась Лялькина сердца, то мой дневникъ сдѣлаетъ это. Лялька пойметъ, что въ потемкахъ нашей петербургской сутолоки—мнѣ только изъ далека, изъ ея захолустнаго города свѣтило солнце и грѣло меня. Увидитъ, что я жилъ для нея, и только для нея... Если у нея будутъ дѣти, пусть и они поймутъ, что я уже не такъ виноватъ передъ ними. Грѣхъ случается со всякимъ, но авось они признаютъ, что я въ достаточной мѣрѣ искупилъ его. Разумѣется, она мучилась и страдала,—едва ли кому-нибудь выпадаетъ такая безрадостная полоса жизни! Но это скоро, скоро измѣнится. Мы будемъ вмѣстѣ, и я залѣчу раны ея бѣднаго сердчишка. Всѣ обстоятельства складываются такъ. Дорогая моя, взгляни, какой чудесный уголокъ я тебѣ приготовилъ. Только мягкая женская рука способна была бы создать подобное. Можетъ быть, мнѣ и удалось потому, что я все это дѣлалъ тайкомъ, не расходовался на совѣты и болтовню. По неволѣ приходилось. Воображаю, какъ оторопѣлъ бы любой изъ моихъ чиновниковъ, заглянувъ въ «Лялькину» комнату. Во-первыхъ, я бы немедленно прослылъ сумасшедшимъ. И какъ обрадовался бы мой вице-директоръ! Бѣдному меня посадили на шею. Взяли изъ другого вѣдомства, а онъ уже чуть не принималъ поздравленія. Плохимъ утѣшеніемъ была ему Станиславская лента!... Всякій разъ, когда онъ справляется о моемъ здоровьѣ, я можетъ быть и грѣшу, но думаю, что мысленно онъ посылаетъ меня туда, «идеже нѣсть болѣзни и воздыханія». Ему особенное удовольствіе доставляетъ сѣсть на мое кресло и, когда я не бываю въ департаментѣ, принимать за меня доклады. Обо мнѣ онъ долженъ думать не важно. «И что-де нашли въ этомъ дуракѣ? Я и умнѣе, и талантливѣе его. Вѣрно онъ просилъ, ползалъ (это я-то!)—ну, и добился. Истинные заслуги всегда приносятся въ жертву пролазничеству и интригѣ!» Если и не таковы его мысли, то во всякомъ случаѣ въ этомъ стилѣ. Мой товарищъ, директоръ другого департамента, зсказывалъ же, что его «вице», которому надоѣло ждать, началъ ужить о немъ панихиды, какъ о мертвомъ. Ему говорили, что › помогаетъ!... Можетъ быть и за упокой души раба Божія Арюна кто-нибудь подаетъ просвирки!...

II.

Какъ это давно случилось! Даже не узнаешь себя, оглядываясь на прошлое. Мнѣ повезло на службѣ, и въ тридцать лѣтъ я былъ произведенъ въ надворные. Можетъ быть, именно потому, что безъ меня не могли обойтись. Обо мнѣ, смѣясь, говорили: «Петровъ не намъ чета. У него въ суткахъ сорокъ восемь часовъ—и изъ нихъ сорокъ онъ работаетъ». Оно, впрочемъ, понятно, я всегда былъ самолюбивъ, и дяденекъ и тетенекъ, обивающихъ министерскіе пороги, въ моемъ распоряженіи не оказывалось. Приходилось самому о себѣ заботиться и не только отъ дѣла не бѣгать, но ловить его вездѣ, гдѣ возможно. При этомъ у насъ, у чиновниковъ, выработался особенный способъ дѣлать карьеру. Надо обладать воображеніемъ—ни больше, ни меньше. Оно не однимъ поэтамъ необходимо, но и хорошему начальнику отдѣленія. Такихъ сотни,—гдѣ обратить на себя вниманіе, только исполнительностью не возьмешь! Къ счастію, у насъ падки на проекты. Надо попасть во время и въ настроеніе. Не со всякимъ сунешься со-слѣпу. При семъ очень хорошо, если чиновникъ связанъ съ какой-нибудь редакціей. Это васъ ставитъ на видъ. Васъ ищутъ,—кому не пріятно прочесть нѣсколько строкъ въ распространенномъ изданіи, да еще съ прилагательными «дѣятельный, знающій, оказавшій большія услуги отечеству и т. д.». Разъ попали вы въ такую линію, да есть у васъ тактъ,—живо въ «дѣйствительные статскіе» выскочите. Но тутъ надо уловить моментъ. До «дѣйствительнаго» якшаться съ литературой полезно, но далѣе требуется осторожность. Вы уже работайте черезъ другихъ, а сами не очень-то подчеркивайте связь съ печатью. Тутъ ее вамъ въ счетъ поставятъ, пожалуй. Съ газетой сношенія завести легко. Насколько любой журналъ чурается всякой казенщины, настолько ежедневная печать нуждается въ насъ. Ей необходимы служебныя извѣстія, слухи о «видахъ и предположеніяхъ». Не дурно, знаете, во-время напечатать такую передовицу, которая совпадетъ съ важною правительственною мѣрой. Простодушный подписчикъ воображаетъ, что рѣшающія учрежденія прислушиваются внимательно къ мнѣніямъ газеты и такимъ образомъ создается ея вліяніе. Оттого-то такъ много межъ нами всякаго рода «сотрудниковъ». Ну, и отъ начальства безопаснѣе. Все поосторожнѣе съ нами будетъ. Не сразу за жабры схватитъ. «Еще, пожалуй, потомъ онъ распишетъ». Такъ вотъ придумаешь какой-нибудь проектъ, пусть хоть глупый, все равно, сейчасъ о немъ самъ разблаговѣстишь: «до нашего свѣдѣнія д

шло, что талантливый и дѣятельный чиновникъ такого-то министерства разработалъ положеніе... и т. д.» Потомъ нѣсколько разъ вернешься къ тому же вопросу въ передовыхъ статьяхъ и всюду въ красную строку: «обращаясь къ проекту энергичнаго, дѣятельнаго и хорошо освѣдомленнаго N. N. (имя рекъ). Въ концѣ-концовъ и высшая власть начинаетъ любопытствовать: «что это за талантливый и дѣятельный чиновникъ завелся у него? А ну-ка, назначить его въ разныя коммиссіи». И только дошли вы до этого вожделѣннаго предѣла, не надо вамъ будетъ ни тетушекъ, ни дядюшекъ съ свободнымъ входомъ въ министерскую гостиную. Вы на виду, и если обладаете верхнимъ чутьемъ, умѣете держать носъ по вѣтру, такъ и Владиміръ на шею не за горами. Только смотрите, плетя свою паутину, не забывайтесь. Печать въ служебномъ отношеніи глупа и на медвѣжьи услуги всегда способна. Вы такъ себя хвалите, чтобы въ этомъ и начальству одобреніе слышалось. Умѣетъ-де выбирать полезныхъ сотрудниковъ, прекрасная школа для работниковъ и т. д. Чѣмъ тоньше, тѣмъ лучше. Вы не вѣрьте, когда мы, нѣкоторымъ образомъ сановники, говоримъ «намъ наплевать на газеты». Это такъ, въ модѣ если хотите, для вящаго «представленія и усмотрѣнія» своей независимости. Пусть потомъ говорятъ: такой-то не гоняется за популярностью, а служитъ дѣлу. Въ сущности же къ двумъ-тремъ газетнымъ строкамъ мы очень не равнодушны, пожалуй, такъ же, какъ къ женщинѣ. Ну, такъ вотъ, благодаря и работѣ и умѣнью, въ тридцать лѣтъ я былъ уже на виду. Со мною считались, у меня явились департаментскіе враги, ожидавшіе, что я имъ сяду на шею, и друзья, цѣпко хватавшіеся за фалды моего вицъ-мундира, чтобы подняться на желаемую высоту. Я возился съ семью коммиссіями и, кромѣ того, исполнялъ одно порученіе за другимъ. Товарищъ министра снисходилъ иногда бесѣдовать со мною, и министръ мнѣ улыбался довольно любезно. Всѣ они точно давали этимъ понять: ты, братъ, изъ нашихъ, и если не выкинешь дурака, такъ займешь впослѣдствіи такой же постъ. Интриговали противъ меня тоже весьма усердно, но я былъ на чеку. Нашъ братъ въ подобномъ переходномъ положеніи напоми--етъ собою Севастополь. Его аттакуютъ неожиданно, а ему придится зарываться въ землю и предупреждать непріятеля тран-йными работами. Могу сказать, что и въ этомъ отношеніи мнѣ -езло безъ всякой съ моей стороны подлости. То-есть по нашему -иновническому пониманію. Своему начальнику отдѣленія я под-авилъ ножку въ коммиссіи такъ ловко, что онъ вылетѣлъ въ про-нцію. Его за молчаливость считали большимъ умомъ, а я его за-

ставилъ высказаться, и всѣ убѣдились въ его глупости. Вице-директору, ненавидѣвшему меня за «скороспѣлость», тоже былъ устроенъ бенефисъ съ подношеніями изъ публики, въ видѣ туманныхъ, но отмѣнно достигавшихъ цѣли газетныхъ замѣтокъ, и онъ опамятовался, сталъ со мною любезенъ и милъ. Все шло какъ по маслу, когда мнѣ самому нежданно-негаданно, подъ видомъ отличія, учинили служебную пакость, въ видѣ командировки, да куда еще, въ пріуральскія губерніи! Мои враги разсчитывали, удаливъ меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга, вычеркнуть такимъ образомъ мое имя изъ сердца и изъ памяти ихъ высоко- и просто превосходительствъ. Оно вышло не совсѣмъ такъ, но объ этомъ потомъ. Скажу только, что изъ департамента на ревизію я уѣзжалъ со стѣсненнымъ сердцемъ. Можетъ быть, и не совсѣмъ хорошо, но для насъ наши столъ, отдѣленіе и министерство—отечество въ отечествѣ, и еще неизвѣстно, какое изъ нихъ намъ ближе. Мы всѣ толкуемъ о народѣ и о пользахъ родины, но поставьте насъ лицомъ къ лицу съ этимъ народомъ и этими пользами—и мы почувствуемъ себя несчастными, оскорбленными и униженными. Своего рода ностальгія по департаменту. Народа-то и отечества мы, вѣдь, все равно не знаемъ и не узнаемъ,—ну, а служебную часть изучили въ тонкостяхъ, больше чѣмъ любые скрипачъ или піанистъ свои инструменты. Отнимите ихъ—и господа артисты теряютъ всякій поводъ къ существованію. Такимъ образомъ выѣхалъ я въ пріуральскія губерніи какъ въ ссылку, хотя и временную. Дѣло было весною. Петербургъ, лучше котораго нашъ братъ-чиновникъ ничего себѣ и представить не можетъ, весь такъ и горѣлъ подъ солнцемъ. Случаются часто въ апрѣлѣ и маѣ подобные дни на сѣверѣ. И небо голубое, и Нева точно старается во что бы то ни стало оправдать данное ей имя красавицы, и сады быстро убираются въ первую, нѣжную и мягкую зелень, и дома точно ихъ переписали на-бѣло. А люди въ это время! Ходятъ полные счастья, боятся расплескать его. Правда, Ладога еще грозитъ льдомъ. Вмѣстѣ съ нею—тифы и лихорадки готовятся перейти въ наступленіе, но, вѣдь, у насъ свѣтлые дни такъ рѣдки, что подъ безоблачнымъ небомъ и не думаешь вовсе о завтрашнемъ ненастьѣ.

III.

Волга и Кама въ томъ году вскрылись очень рано. Изъ Казани вверхъ я подымался на пароходѣ. Ни людей, окружавшихъ меня съ ихъ интересами, жизнью, привычками, ни природу, развертывав-

шую мимо картину за картиною, я, сказать правду, не понималъ, но невольно поддавался совершенно новому для меня сознанію молодости. Не улыбайся, Лялька, если ты это прочтешь, когда тебѣ самой минетъ тридцать лѣтъ, мы въ эту пору еще юноши, хотя съ облѣзшими затылками и геморроидальными лицами. Изъ-за нашихъ канцелярскихъ бумагъ мы прогадываемъ все, и когда случайность выкинетъ хотя бы такого, какъ меня, въ широкое русло милліоновъ другихъ существованій, мы вдругъ начинаемъ соображать, что еще не жили вовсе. Хорошо (а можетъ быть и дурно!), если сердце не совсѣмъ атрофировалось,—оно забьется съ двойною силой и скоро наверстаетъ утраченное. Чиновникъ въ коммандировкѣ похожъ въ этомъ отношеніи на мужа, уѣхавшаго куда-нибудь безъ жены. Оба съ одинаковою лихорадочною торопливостью стараются вознаградить себя: первый—за долгіе годы нежданно оказавшейся скучною работы, второй за безупречную супружескую вѣрность. Хватаются за что попало, лишь бы поскорѣе, лишь бы эта минута не прошла даромъ, точно ни слѣдующей минуты, ни «завтра» не будетъ. Гдѣ-то позади, въ туманѣ, вмѣстѣ съ канцеляріей, осталось кресло, которое ты просидѣлъ. Тутъ же точно впервые замѣчаешь, какъ прелестна улыбка на молодомъ и свѣжемъ лицѣ женщины, особенно когда оно смотритъ на тебя; какъ отдается въ твоемъ сердцѣ ея вздрагивающій голосъ и какъ красивы ея руки и какою полнотою счастья вѣетъ ото всей ея фигуры. Находишь новыя слова и новыя чувства и досадливо себя спрашиваешь: да неужели до сихъ поръ всѣ эти долгіе годы я проспалъ дуракъ-дуракомъ? И природа тоже дѣйствуетъ на насъ. Сначала ея не замѣчаешь, а потомъ по-неволѣ является вопросъ, чѣмъ ты собственно любовался на петербургской улицѣ, или изъ окна въ четвертомъ этажѣ, выходящаго въ слѣпую стѣну громадной кирпичной дылды, по которой только дождь да сырость разрисовываютъ нелѣпыя географическія карты! А тутъ вода искрится подъ солнцемъ; точно въ отвѣтъ его лучамъ, въ ней вспыхиваютъ и гаснутъ милліоны огоньковъ. Струи бѣгутъ куда-то, отражая и зелень береговъ, и песчаныя ихъ осыпи и утесы съ капризными, а иногда загадочными, какъ руны исчезнувшаго народа, [illegible]ломами, расщелинами и трещинами. А ночи, чудныя лунныя [illegible]чи, когда весь міръ плыветъ къ невѣдомымъ таинственнымъ бе[illegible]гамъ, оставляя за собою серебристый слѣдъ во всю пройденную [illegible]ь безконечность. Я оставался чуть не до утра на палубѣ. [illegible]не понималъ тѣхъ словъ, которыми мнѣ говорила природа, [illegible] чуялъ ихъ смыслъ, ихъ значеніе. Я всматривался въ звѣзд[illegible] небеса и находилъ въ ихъ торжественномъ мерцаніи что-то

общее съ совершавшимся въ мой душѣ. И вдругъ, въ одну такую ночь, когда мѣсяцъ, какъ заколдованный, остановился надъ спавшею землей, я разомъ сообразилъ, какъ пустъ, ничтоженъ, жалокъ холодный, каменный, казенный городъ, который теперь оставался далеко позади; какъ не интересны, никому не нужны чувства и идеи, движущія сотнями тысячъ его узниковъ, какъ безцвѣтна и безсмысленна вся полоса медленно протекшихъ тамъ дней, мѣсяцевъ и годовъ. Неужели я ихъ истратилъ такъ глупо и пошло, не зная ни этой природы, ни этой жизни?... Съ разсвѣтомъ я засыпалъ, но не надолго. Мнѣ казалось, что сонъ воруетъ минуты драгоцѣннаго счастья, и разъ утраченная больше никогда не вернется. Я сидѣлъ на палубѣ, смотрѣлъ, дышалъ и радовался. Чувства, спавшія въ душѣ, просыпались и развертывались, какъ цвѣты подъ горячею лаской солнца. Прости, Лялька, за эти сравненія. Я ихъ невольно нашелъ въ своемъ распоряженіи «отъ сего числа и безъ всякаго номера». Помню, какъ мнѣ смѣшны показались первыя полученныя мною письма отъ сослуживцевъ. Они съ необыкновенною важностью (точно судьбы земного шара зависѣли отъ этого!) сообщали мнѣ о перемѣнахъ и перемѣщеніяхъ въ нашемъ департаментѣ, въ микрокосмѣ, который за далью совсѣмъ было исчезъ у меня изъ памяти и изъ сердца. Читать ихъ я пошелъ въ садъ маленькаго городка. По песчанымъ дорожкамъ его— золотые блики солнца играли съ веселыми тѣнями мелкой листвы. Порою въ лучъ попадала бабочка и на мгновеніе загаралась, точно она была вся изъ эмали. Пахло жасминами и еще какими-то цвѣтами. Тормошась въ вершинѣ, надо мною задорно и весело оралъ щегленокъ, у самыхъ ногъ дрались нахальные воробьи, вдали въ глубинѣ аллеи видна была старая бесѣдка. Ее тоже заткала цѣпкая зелень. Въ просвѣтѣ вѣтвей благоговѣйно голубѣло небо. Я посмотрѣлъ въ его глубину,—о, какая красота мерещилась и угадывалась за нею! Какое величіе вѣчности, безконечности, любви и всепрощенія! Благосклонная, умиротворяющая красота! Казалось, отростаютъ крылья; еще нѣсколько мгновеній—и они унесутъ тебя въ чудный міръ, для котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. И тутъ вдругъ: «Анемподистова представили къ Аннѣ первой степени, а Ознобишину обѣщанъ столъ въ отдѣленіи Суковникова Самъ же Суковниковъ виситъ на волоскѣ. Его послѣдній докладъ очень не понравился... и т. д.». И подумать, что такими жалкими волосками перепутата вся жизнь! Вечеромъ въ тотъ же день я долженъ былъ поѣхать на мѣсто ревизіи уже на лошадяхъ. Письма петербургскихъ сослуживцевъ я забылъ на столѣ въ гостиницѣ и

потому не отвѣчалъ на нихъ, да и что я могъ бы написать? Что небо здѣсь прекрасно и зелень прохладна, щеглы необыкновенно веселы, и въ каждомъ глупѣйшемъ воробьѣ природа проявляетъ больше смысла и ума, чѣмъ во всемъ нашемъ департаментѣ? Меня сочли бы помѣшавшимся и... вся моя карьера рухнула бы. Нѣтъ, новыя впечатлѣнія надо было оставить про себя!

Въ мой далекій городъ, куда меня посылали для «разноса», я попалъ утромъ.

На почтовой станціи меня встрѣтили трепещущіе и взволнованные люди, задыхавшіеся въ узкихъ мундирахъ, пахнувшихъ камфорою. Изъ смятенія этихъ бѣдняковъ я, до сихъ поръ знавшій только бумаги, понялъ, какой ужасъ моя скромная фигура внушала міркy, можетъ быть, даже и мерзавцевъ... Въ самомъ дѣлѣ отъ моихъ впечатлѣній зависѣла вся судьба ихъ и ихъ семей и сотенъ народа, связаннаго съ сими послѣдними. (Опять—«сіи послѣдніе»—не смѣйся Лялька. Могъ бы зачеркнуть, да я и на службѣ терпѣть не могу неопрятныхъ черняковъ. Пусть уже остается такъ, какъ написалось... Вѣдь, и я-то самъ, какъ оказывается въ жизни до сихъ поръ былъ только «симъ послѣднимъ» и ничѣмъ болѣе!)

IV.

Не жалуйся, Лялька, на излишнюю, можетъ быть, подробность моихъ воспоминаній. Когда обращаешься къ прошлому, всегда дѣлаешься болтливъ. То же, что въ дорогѣ. Ѣдешь, ѣдешь—и впереди каждое разстояніе кажется короткимъ, а позади за то оно уходитъ въ безконечную даль; одни сливающіеся ряды верстовыхъ столбовъ чего стоятъ! Будущее или неизвѣстное всегда намъ представляется болѣе сжатымъ, чѣмъ пережитое. *Намъ*, но, разумѣется, не *вамъ*, у кого еще вся жизнь впереди!... Въ крошечномъ городенкѣ, куда меня услали петербургскіе благопріятели, мнѣ пришлось провести болѣе двухъ мѣсяцевъ. Я захватилъ часть лѣта не потому, что не могъ кончить скорѣе. Мнѣ просто хотѣлось долѣе подышать этимъ воздухомъ и жить простою, не искусственною жизнью. Мы въ большихъ и крупныхъ центрахъ постоянно себя морфинизируемъ всевозможными дрянными привычками. Одна уже необходимость газеты въ постели развѣ не равняется впрыскиванію одуряющаго яда? Мозгъ еще свѣжъ и сердце спокойно, а тутъ сейчасъ съ головой въ безтолочь и раздраженіе, во всевозможныя разочарованія, злорадства, обманутыя надежды. Въ концѣ-кон-

цовъ мы всѣ дѣлаемся неврастениками до того, что какая-нибудь политическая бактерія, вродѣ Криспи, начинаетъ намъ портить кровь, хоть онъ и весь-то не стóитъ одной ея капли. И такъ, вѣдь, постоянно! А наши обѣды вечеромъ, клубныя сидѣнія до разсвѣта, убійственный винтъ, сплетни, выглядыванія другъ друга, доклады, отъ которыхъ въ головѣ заводится муть, театры, еще недавно бывшіе школой, а теперь ставшіе разсадниками всевозможной одури для ума и сердца? Вѣдь, мы и къ людямъ подходимъ не просто и не сразу, какъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ— лицомъ къ лицу и здравствуйте, а какъ плохіе пѣвцы берутъ высокую ноту съ подъѣздомъ. Я поздоровѣлъ въ глуши. Даже замѣтилъ румянецъ на своемъ лицѣ, чего со мною давно не было. Ѣлъ за двоихъ и всевозможныя блюда, при одномъ перечисленіи которыхъ мои петербургскіе товарищи, успѣвшіе нажить себѣ катары,— бросились бы къ столамъ писать прошенія объ отпускахъ ихъ въ Карлсбадъ или Маріенбадъ для поправки разстроеннаго здоровья. И притомъ люди, съ которыми меня свела судьба, оказались совсѣмъ не тѣми, какихъ я ожидалъ встрѣтить издали. Всѣ эти «мерзавцы»—разшерстить и расточить кого я призывался—были, во-первыхъ, столь неистово обременены чадами и домочадцами, что и дотронуться до нихъ страшно, а во-вторыхъ, и «мерзавцами» то они выходили только съ одного бока. У насъ нѣтъ полныхъ выразителей какого-нибудь типа или качества. За границей (мнѣ еще ни разу не случалось бывать тамъ, но я много читалъ) ужъ если подлецъ, такъ круглый, форменный. Съ какой стороны къ нему ни подойди, со всѣхъ одинъ и тотъ же ландшафтъ, и добродѣтельные люди тоже—на диво, точно ихъ въ одной лабораторіи на страхъ врагамъ отливаютъ. Новенькіе пятіалтынные—всѣ на одну мѣрку и ни на комъ пятнышка. И скучно же должно быть съ ними. У насъ—съ какой стороны на него, на «подлеца», взглянешь. Справа,—такъ, пожалуй, и пеньки-то въ Россійской имперіи на петлю ему не хватитъ, а слѣва—такъ обѣ руки ему протянешь и сейчасъ же: «милый человѣкъ, пожалуйте пирога откушать!» Потому онъ съ себя для васъ рубаху сниметъ, ну, а при этомъ право какъ-то даже совѣстно соображать, съ кого онъ самъ-то эту рубаху стянулъ. И хорошіе люди у насъ на два фронта раскалываются. Нашъ «хорошій человѣкъ» нѣтъ, нѣтъ да такую подлость выкинетъ, что только ахнешь! Откуда сіе? Въ лучшемъ случаѣ—долга не отдастъ, или клевету для краснаго словца о васъ распуститъ, да какую! Совѣстно потомъ въ зеркало взглянуть... Когда я всмотрѣлся въ мірокъ, окружавшій меня (ты, Лялька, его лучше знаешь,—онъ,

вѣдь, я думаю, вовсе не измѣнился за эти шестнадцать-семнадцать лѣтъ?) мнѣ вдругъ стало его жалко до смерти. Такъ жалко, точно я свою плоть рѣзать собираюсь. Ну, надо сказать правду, что и предназначенные для расточенія «мерзавцы», усмотрѣвъ въ моей душѣ нѣкоторыя человѣческія движенія, обернулись ко мнѣ такъ, что заставили полюбить ихъ. И вмѣсто того, чтобъ уничтожать ихъ съ дѣтишками, началъ я вдумываться, отчего они вышли «вредными сынами отечества» и «преступными чиновниками». Какъ только сталъ я на эту почву,— ну, если хочешь, сердечности, что ли,— ларчикъ-то самъ собою мнѣ открылся. Виноваты они, дѣйствительно, да кто имъ вину эту далъ, кто подготовилъ и сдѣлалъ ихъ такими? Нашъ же казенный распорядокъ, формальщина. Отписался по бумагѣ, а тамъ хоть трава не расти. Тутъ-то, когда я, такъ сказать, переживалъ медовый мѣсяцъ знакомства моего съ людьми и природой, случай столкнулъ меня съ Аглаей Дмитріевной. Ты, Лялька, поймешь, что мнѣ именно трудно тебѣ описать этотъ эпизодъ. Ты знаешь Аглаю Дмитріевну, когда ей минуло за тридцать пять и она отъ семейной возни и хлопотъ и отъ вѣчныхъ непріятностей со стороны мужа преждевременно постарѣла и опустилась. Да и болѣетъ она, судя по ея письмамъ, постоянно, а это тоже вѣдь не краситъ женщину! Ну, а въ то время она была если не хороша собой, то удивительно свѣжа и жизнерадостна, что замѣняетъ многое. Я такого густого румянца не видалъ, и каріе глаза у нея весело смотрѣли; встрѣтивъ ихъ, самому хотѣлось улыбнуться... Волосы у нея были—дай Богъ каждой, заплететъ, бывало, въ косу, да размахнется,—точно плетью «опривѣтитъ», какъ говорили тамъ. Я стоялъ на квартирѣ у ея матери, вдовы какого-то секретаря, старухи щемящаго свойства. По крайней мѣрѣ, на меня она производила вѣчными жалобами и сѣтованіями именно такое впечатлѣніе. Точно подъ ложечкой васъ щекочетъ до того, что тошно сдѣлается, и не знаешь, куда сунуться. Носила она капоръ даже въ жаркія погоды, на дочь жаловалась, что та ее не уважаетъ. Несмотря на свою кажущуюся глупость, такъ свирѣпо охотилась за женихами для Аглаи Дмитріевны, что мѣстная молодежь прозвала вдову великимъ ловцомъ. На меня на дѣйствовала, какъ комаръ въ безсонницу: визжитъ-визжитъ, егодяй, надъ головой. Ужъ укусилъ бы скорѣе, хоть душа ы отошла, а онъ все свое и-и-и да и-и-и — со стономъ, со юстью, съ натугой. Человѣка бы, кажется, изъ-за него зарѣ лъ... Къ моему счастью, я рѣдко бывалъ дома, и здѣсь больше одилъ въ садъ, гдѣ меня ждала Аглая, днемъ варившая вишню,

а вечеромъ мечтавшая въ аллеяхъ и всегда (прости, Лялька, я, ей-Богу, не смѣюсь,—мнѣ, напротивъ, умилительны эти воспоминанія) объ Аммалатъ-бекѣ и Мулла-Нурѣ. Я же ее и познакомилъ съ Марлинскимъ. Нельзя же было разомъ дать ей что-нибудь посерьезнѣе...

V.

Разумѣется, ты меня спросишь: отчего я на ней не женился? Какъ тебѣ отвѣтить, право, не знаю. Во-первыхъ, сама Аглая Дмитріевна никогда не начинала разговора объ этомъ; во-вторыхъ, ея матери нельзя было тронуть съ мѣста, — она бы развалилась; о поѣздкѣ въ Петербургъ та думала такъ же, какъ о путешествіи хотя бы на тотъ свѣтъ. Дешевле не считала. Въ дочери же видѣла самимъ Богомъ дарованную ей рабу и, конечно, на разлуку съ нею не согласилась бы ни подъ какимъ видомъ. До тѣхъ поръ я не зналъ женской любви,—не случайныя же встрѣчи на петербургскихъ улицахъ послѣ двадцатаго числа считать за такую. Да меня и не тянуло къ ней,— слишкомъ весь ушелъ въ служебное честолюбіе. А тутъ рядомъ съ нахлынувшими на меня новыми впечатлѣніями повѣяло и жаждою не купленной ласки, раздѣленнаго счастья. Я не знаю, можетъ быть, эту штуку сыграло со мною южное солнце. Или слишкомъ много цвѣтовъ было въ ихъ саду. По вечерамъ, бывало, выйдешь туда и ощущаешь, что кровь горячѣе и стремительнѣе льется по жиламъ, въ виски стучитъ; какимъ-то сладостнымъ туманомъ напоенная благоуханіями прохлада одурманиваетъ голову. Коллежскимъ регистраторомъ себя чувствуешь, способнымъ на всякое легкомысліе. Можетъ быть, такимъ образомъ именно природа караетъ насъ, надворныхъ совѣтниковъ, за преступное забвеніе ея законовъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если никто у насъ не смѣетъ отговариваться невѣдѣніемъ уложенія Россійской имперіи,—а поди-ка изучи всѣ ея шестнадцать томовъ,—то кольми паче непростительно незнаніе требованій премудро установленной самимъ Господомъ Богомъ натуры... Особенно хороша была въ этомъ маленькомъ саду бесѣдка. Она полуразвалилась и днемъ не представляла ничего, что̀ бы могло остановить на ней вниманіе. Но въ сумракѣ, когда прозеленѣвшія балки сливались съ окутавшею ихъ отовсюду растительностью, она казалась большимъ гнѣздомъ, ароматнымъ и нѣжнымъ, приготовленнымъ для невѣдомыхъ радостей. Кругомъ росли розы, и въ потемкахъ мы ихъ скорѣе угадывали по благоуханію, чѣмъ видѣли. Жасмины своею бѣлизной выдавались опредѣленнѣе, да и въ воздухѣ ихъ запахъ доносился такъ же, какъ въ большомъ хорѣ рѣзко и отчетливо слышится вамъ

высокое сопрано пѣвицы... Тишина была такая, что стрекотъ и верещаніе одинокой цикады казались въ ней чуть не крикомъ. Потомъ въ холодъ и скуку моей петербургской жизни эти вечера вносили столько теплоты и счастья! Долго я жилъ воспоминаніями о нихъ. День былъ весь отданъ труду. Я, какъ архивная крыса, рылся въ старыхъ бумагахъ, повѣрялъ счета, справлялся съ оправдательными документами, дѣлалъ запросы и записывалъ отвѣты на нихъ, подготовляя большой и благосклонный къ маленькимъ людскимъ слабостямъ докладъ. Я даже предвидѣлъ, что онъ подкоситъ мою карьеру,—разумѣется, служебную, впрочемъ, иной у меня не бывало; но крохотные областные ястребочки мнѣ показались только букашками, достойными не Зевесовыхъ перуновъ, а единственно жалости. Такъ и хотѣлось сдунуть ихъ прочь съ рукава и сказать имъ вслѣдъ: летите и живите, Божьи коровки, я васъ во всякомъ случаѣ не трону. Можетъ быть, къ такой вредной чиновнику сантиментальности меня располагала любовь. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣжной ласки Аглаи Дмитріевны какъ-то странно было идти и разносить вселенную. Итакъ, бывало, днемъ возишься въ бумажномъ океанѣ, чуть не утопая въ немъ, а вечеромъ торопишься въ зеленую бесѣдку къ ея розамъ и жасминамъ, удерживая сильно бьющееся сердце и стараясь еще издали разслышать тихое, тихое и робкое: «это вы, Ардаліонъ Петровичъ?» Странно, несмотря на близость нашихъ отношеній, мы съ Аглаей никакъ не могли перейти на «ты». Знала ли объ этомъ старуха? Разумѣется, нѣтъ. Но почему именно въ послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ вашемъ захолустьѣ она сочла себя въ правѣ почти требовать у меня денегъ, денегъ и денегъ. Противно писать! Я и набрасываю послѣднія строки, такъ сказать, поборая себя, но думаю, что для оправданія моей памяти ты должна освѣдомиться обо всемъ, что было. Не правда ли? Ну, такъ вотъ, матери Аглаи Дмитріевны надобилось то крышу чинить, то новый заборъ ставить, то полы перебирать, то стѣны бѣлить. Это были мелкія подачки, и я только смѣялся. Но за недѣлю до моего отъѣзда, когда мы съ Аглаей ходили смерть-смертью, старуха разомъ попросила у меня довольно много «для устройства судьбы дочери». Не Аглаѣ же было ...общить объ этомъ, и я ей не сказалъ ни слова. Напротивъ, это ...ня даже успокоило: такимъ образомъ я нѣсколько примирялся съ ...ѣстью, зналъ, что не оставляю дѣвушку беззащитною, среди ...жды, окружавшей ее прежде. У насъ, въ Россіи (я думаю, этого ...ьше нигдѣ нѣтъ)—и по праву, и безъ права—на каждый зара...нный рубль десять ртовъ раскрыто. Я говорю не о нищихъ.

Этимъ и Богъ велѣлъ, да отъ нихъ больше копейками отдѣлываются. Я имѣю въ виду людей иногда съ образованіемъ и даже съ положеніемъ, но тоже живущихъ на чужой счетъ. Чуть завелся у тебя лишній кусокъ,—глядь, къ нему уже чужіе и жадные рты тянутся. Я и теперь, просыпаясь утромъ, знаю, что Глаша на тарелкѣ вмѣстѣ съ газетами подастъ мнѣ нѣсколько писемъ, и во всякомъ требованіе денегъ. Одну съ квартиры гонятъ, другая безъ зимняго платья осталась, третьему надо дочь выдавать замужъ, четвертый собирается въ Москву и у него на билетъ нѣтъ денегъ. И почему-то и за квартиру заплатить, и шубку купить, и приданое дать, и на билетъ второго класса послать пятнадцать рублей долженъ все я же... А послѣ начинаются визиты людей, съ которыми имѣлъ несчастье когда-то познакомиться или только встрѣтиться. И каждый—одно и то же. Прилетитъ радостный, точно онъ открылъ Америку. Разскажетъ тебѣ новости, которыя ты вчера уже прочелъ въ газетахъ, спроситъ твоего мнѣнія: проченъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ, предвидятся ли колебанія въ иностранной политикѣ и, уже прощаясь, точно спохватится и небрежно попроситъ отъ десяти до двадцати пяти рублей. И, вѣдь, всѣ эти бездѣльники не считаютъ себя ни негодяями, ни плутами. Высоко носятъ голову и очень горячо осуждаютъ другихъ! Что уже говорить послѣ этого объ Аглаиной матери, которая какъ-никакъ, а имѣла на меня права. Я подчинялся ея требованіямъ безпрекословно. Вѣдь тѣмъ самымъ я покупалъ спокойствіе ея дочери. Старуха такъ, должно-быть, и понимала, потому что не благодарила меня, считая все это въ порядкѣ вещей. Даже наканунѣ отъѣзда, когда я укладывался, а Аглая сидѣла около заплаканная, ея мать пріотворила двери и оттуда опять потребовала кратко и выразительно: «Пожалуйте пятьсотъ!» Я, совершенно не отдавая отчета, переспросилъ: на что? Она гораздо резоннѣе отвѣтила мнѣ: «Мало ли на что!» Не вини Аглаю Дмитревну за ея безучастность. Во-первыхъ, она выросла въ полномъ подчиненіи у матери; во-вторыхъ, та среда, гдѣ она жила, иначе и не смотрѣла,—тамъ деньги оправдываютъ все; а въ-третьихъ, рядомъ съ громаднымъ несчастіемъ, которымъ ей представлялся мой отъѣздъ, что значили эти мелочи?

VI.

Однако, въ Петербургъ я ѣхалъ не то чтобъ ужъ очень спокойно! Вмѣсто разноса и уничтоженія до тла областного мелкаго человѣчка я везъ въ докладѣ если не полное его оправданіе, то,

во всякомъ случаѣ, извиненіе многихъ его погрѣшностей. Я зналъ, что стоящіе у сути всякаго дѣлопроизводства, неукротимою строгостью къ подобнымъ инфузоріямъ подчеркиваютъ и свидѣтельствуютъ свою честность. Я даже готовился къ переводу въ другое министерство, гдѣ у меня была заручка. Положимъ, по нашему департаментскому обиходу это называется «изъ поповъ въ дьякона», но что же дѣлать мнѣ, еще полному свѣжихъ и новыхъ впечатлѣній!... Пожалуй, теперь я бы этого не сдѣлалъ,—годы и служба сушатъ людей до того, что изъ-за бумаги не видишь связанную по рукамъ и по ногамъ и брошенную тебѣ на растерзаніе жертву. Канцелярщина тутъ очень удобна,—ты, вѣдь, не увидишь вызванныхъ тобою слезъ, не услышишь проклятій, не къ тебѣ протянутся руки обнищалой семьи. Это все гдѣ-то въ сторонѣ, въ отвлеченіи. Отъ тебя только и требуется предписать «отъ сего числа, за номеромъ такимъ-то» и по точному смыслу статьи 000 разнести живое существо въ клочки — вотъ и все... Если бы насъ, предписывающихъ, заставили быть и исполнителями, эффектъ получился бы иной. Я помню господина, который шипѣлъ на новые суды и на институтъ присяжныхъ за оправдательные приговоры. Чего-чего онъ не толковалъ по этому поводу, и вдругъ его самого назначили въ составъ «засѣдателей». Я пошелъ полюбопытствовать, чѣмъ-то, какою строгостью проявитъ себя сей Драконъ. Кстати его выбрали старшиною. И вдругъ, представь мое изумленіе: и преступникъ покаялся, и сомнѣній никакихъ дѣло, разсмотрѣнное на судѣ, не возбуждало; «ну,—думаю,—закатаютъ тебя, голубчика, въ тартарары!» Выходитъ мой Драконъ съ листомъ и читаетъ дрожащимъ голосомъ: нѣтъ, не виновенъ!... Я потомъ къ нему: ваше превосходительство, что же вы? А онъ перекрестился, да и говоритъ: одно дѣло болтать, а другое судить! Ну его, пусть кается передъ Господомъ, да семью кормитъ. У него, вѣдь, орава дѣтей на шеѣ. А будь на бумагѣ,—обвиненнаго въ Сибирь, жену—на улицу. Дѣти ворами бы выросли. Да, повторяю еще разъ, за бумагою «отъ сего числа и за номеромъ такимъ-то» человѣка съ его страданіями и радостями никогда не видишь. Прости меня за отступленіе, Лялька. Не я инъ виноватъ въ немъ. Наше поколѣніе вообще многоглаголиво. г, такъ, вотъ, ѣду я въ Петербургъ и жду всякаго поношенія. ередъ представляю, какъ обрадуются мои враги и вознегодуютъ іятели, державшіеся за фалды моего вицмундира. Правду скаъ, когда я явился въ департаментъ, у меня душа въ пятки ушла. едставилъ я свои заключенія директору, тотъ прочелъ, поднялъ

на меня глаза изъ-за очковъ и подмигнулъ мнѣ: «Однако, я вамъ скажу, вы—фейнеръ-кондитеръ!» Ничего не понимаю. Иду къ себѣ, а мои пріятели сіяютъ и руки жмутъ мнѣ. Главный врагъ мой тоже меня поздравляетъ, хоть у самого губы бѣлыя и лицо покривилось, точно у него невралгія. Что такое? Только-что было началъ разспрашивать, курьеръ за мною отъ министра: пожалуйте къ его высокопревосходительству. А министра только назначили. Старый-то уволился въ пространство «съ сохраненіемъ»... Иду и про себя читаю: помяни царя Давида и всю кротость его!... Новая метла чисто мететъ. Хорошо если только выговоръ, а вдругъ по шапкѣ... Являюсь, ни живъ, ни мертвъ. И вдругъ—пожалуйте. Подымается мнѣ навстрѣчу самъ: лицо сіяющее, рука впередъ протянута,—не бойся-де, пожми, мы нынче не кусаемся. Вообще, видъ благостный и внушающій подчиненному довѣріе. Слушаю и ушамъ не вѣрю: «Вы угадали мои намѣренія. Я выше всего ставлю сердечность. Будемъ людьми, а не машинами. Благодарю васъ. Можете впредь разсчитывать на меня, какъ на каменную гору. Я съ большимъ, большимъ удовольствіемъ читалъ вашъ докладъ и радуюсь, что у меня такіе сослуживцы!» И опять мнѣ руку и даже—о, верхъ служебнаго честолюбія!—«У меня запросто собираются по средамъ, милости просимъ, радъ буду ближе познакомиться съ такимъ достойнымъ сотрудникомъ!...» Возвращаюсь какъ въ туманѣ, а за мною въ догонку чиновникъ особыхъ порученій. «Ардаліонъ Петровичъ, позвольте васъ поздравить!»—«Съ чѣмъ?»—«Приказалъ самъ представить васъ за особое отличіе къ чину статскаго!...—Да я только надворный.—Ничего не значитъ... Онъ и доложитъ объ этомъ отдѣльно... Сплю ли я или нѣтъ? Иду и щупаю себя за носъ. Нѣтъ. Вонъ и курьеръ Стратилатовъ ласково улыбается, пряча мою трехрублевку въ карманъ, и чиновники что-то ниже обыкновеннаго кланяются, а мой пріятель, состоящій со мною въ одномъ рангѣ, Скопидомовъ, точно его за ново отлакировали, блеститъ до несносности.—«Что съ вами со всѣми, объясни мнѣ хоть ты?»—Ловко ты, братъ, устроилъ все... Быть тебѣ посланникомъ въ Лондонѣ, а не начальникомъ отдѣленія у насъ въ министерствѣ! — Да, ради Бога, голубчикъ, въ чемъ дѣло?—Ну, братъ, хоть меня не тумань. Кажется, мы друзья... Что же, ты не зналъ, что министру эти тамъ, въ захолустномъ городкѣ, родственниками ближайшими приходятся?... Кому ты очки-то втираешь?... Когда я опомнился,— странна природа человѣческая,—мнѣ вдругъ понравилась роль фейнеръ-кондитера. Я поступилъ по душѣ, что называется, во всемъ этомъ инцидентѣ, но теперь вдругъ прикинулся, что меня, стараго воробья,

на мякинѣ не провели, что я даже зналъ о перемѣнѣ министра впередъ, и когда враги мои радовались моей командировкѣ, долженствовавшей погубить меня, я за нее схватился «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ», какъ за лѣствицу Іаковлю, которая доведетъ меня до неба. И послѣ этого положеніе мое разомъ улучшилось. Разскажи я по правдѣ, какъ все случилось, про меня бы сказали: «дуракамъ счастье». Ну, а теперь я вдругъ выросъ въ общемъ мнѣніи, и товарищи стали смотрѣть на меня снизу вверхъ.

VII.

Торжествуя, нашъ братъ долженъ быть вдвое осторожнѣе. Пораженнымъ прощается многое. На этомъ добрые люди любятъ даже показывать великодушіе. Вотъ мы-де какіе, на врагахъ зла не помнимъ и посему на всякое благодѣяніе, не свыше, впрочемъ, полтинника, идемъ охотно. Разумѣется, я постарался очаровать всѣхъ, сдѣлался вдвое любезнѣе и съ помощниками столоначальниковъ даже обращался по-товарищески. Не думай, Лялька, чтобы за эти мѣсяцы сравнительнаго спокойствія я не помышлялъ вовсе о далекомъ, за тридевятью земель затерянномъ захолустьѣ и объ Аглаѣ Дмитріевнѣ. Не только мозгами ворочалъ по сему предмету, но даже создавалъ тысячи плановъ, хотя бы на время. Понравилось бы ей здѣсь, она могла остаться совсѣмъ. Разъ даже ея дѣла со старухой, чего я не ожидалъ, уладились. Она просила меня выслать ей деньги на дорогу и настолько еще, чтобъ оставить сколько-нибудь матери. Я на другой же день исполнилъ ея желаніе и взволнованный ожидалъ ея пріѣзда. Но, увы, черезъ мѣсяцъ я получилъ второе письмо отъ нея. Мать ея вдругъ измѣнила намѣреніе погостить мѣсяца три-четыре въ обители, гдѣ у нея была родственница игуменья, и Аглая застряла дома. Еще черезъ нѣсколько недѣль случилось нѣчто, показывающее, какъ давно я о тебѣ забочусь. Ты не обвинишь меня, что я выбросилъ тебя на свѣтъ, какъ котенка, и ни мало не интересовался твоею участью. Я въ тотъ разъ вернулся домой поздно. Засѣдали, какъ теперь помню, мы въ одной изъ глупѣйшихъ коммиссій, которыя вообще для петербургскихъ чиновниковъ -виду, стали чѣмъ-то вродѣ спорта: кто кого перебѣжитъ на полловы впередъ. Усталъ я адски, приходилось много спорить и го-рить о предметахъ вовсе къ дѣлу не относящихся,—тоже харак-рное явленіе всѣхъ нашихъ коммиссій. Готовилась выставка, и сѣ самолюбія были раздражены до чрезвычайности. Таковъ нашъ оздухъ, и «экспозиція» была пустѣйшая, чуть ли не арестант-

скія работы, коимъ и всѣмъ вкупѣ цѣна грошъ. Но это въ порядкѣ вещей: вздумай на святой Руси кто-нибудь устроить выставку, хотя бы солитеровъ внутренняго приготовленія, явится пропасть экспонентовъ оспаривать золотую медаль, ибо что же за выставка безъ золотыхъ медалей! Въ эту ночь меня точно на кордѣ гоняли, а придя домой, я нашелъ у себя письмо отъ Аглаи Дмитріевны. Думалъ отдохнуть, и вмѣсто того до самаго утра прошагалъ изъ угла въ уголъ, едва удерживая все больше и больше охватывавшее меня смятеніе. Дѣло въ томъ, что, какъ оказалось, наши съ ней отношенія не обошлись безъ послѣдствій. Она очень долго сомнѣвалась, такъ ли это, не хотѣла тревожить меня по пустякамъ, но теперь не только Аглая, но и ея мать убѣдились, что «дѣло не благополучно». «Я бы тебѣ,—писала она,—не стала даже говорить объ этомъ, но ты знаешь мою старуху и поймешь, что моя жизнь теперь будетъ адомъ, если ты мнѣ не поможешь. Разумѣется, я знаю, что могла бы поѣхать къ тебѣ, и ты бы меня не прогналъ, но какъ я оставлю маму одну, безъ близкаго къ ней человѣка? Вѣдь, всетаки, она меня выростила и какъ могла воспитала». Помочь оказалось весьма возможно. Надобны были деньги, которыя старуха очень любила, въ данномъ случаѣ, впрочемъ, она оказывалась правой. Вѣдь она не на себя ихъ брала, а на мое же дѣтище. «Лучше всего,—сообщала Аглая,—было бы, еслибы ты назначилъ намъ что можешь—помѣсячно. Чиновники получаютъ жалованье двадцатаго, а двадцать перваго ты бы высылалъ намъ содержаніе». Къ нѣжному и ласковому посланію моей бѣдной и далекой подруги слѣдовала грубая и неожиданная приписка противной (прости меня за этотъ эпитетъ) вѣдьмы: «на подлость я своей единородной дочери Аглаидѣ благословенія не давала и какъ оныя ваши письма у меня и заперты въ штукатунку, то къ случаю я ихъ могу заказнымъ кувертомъ въ доказательство доложить вашему начальству. Объ этомъ подумайте, а я слову владыка и что обѣщаю, всегда исполню. Это ужъ всѣмъ извѣстно, и вы не думайте, что я гадостямъ потворщица. Не знаю, гдѣ это указано: дѣвицъ портить потому, что моя Аглаида до встрѣчи съ вами была какъ яблочко, и ежели теперь она пропала, то ваше дѣло показать заботу!» Я, понятно, и безъ этого письма помогъ бы бѣдняжкѣ и, не отвѣчая старухѣ, тотчасъ же увѣдомилъ первую, чтобъ она не безпокоилась и, пока я живъ, она будетъ обезпечена. Я даже вторично предложилъ ей выйти за меня замужъ, но она опять отказалась, не желая бросать матушку на произволъ судьбы и отнюдь не думая портить мнѣ службу. Тѣмъ не менѣе, я радовался отъ души, что съ перваго дня

жизни будущаго моего ребенка онъ зависитъ только отъ меня и ни отъ кого больше. Если спросишь теперь у Аглаи Дмитріевны, и она покажетъ тебѣ мои письма, ты увидишь, сколько думъ и заботъ я положилъ на это дѣло. Не было ни одного дня, чтобъ я не внесъ черточку въ устройство твоей судьбы, не оказывалось ни одного успѣха, чтобъ я не воспользовался имъ для тебя. Впослѣдствіи, продолжая по-прежнему работу въ газетахъ, я весь гонораръ оттуда, а онъ достигалъ трехъ тысячъ въ годъ, откладывалъ на «приданое». То, что я посылалъ Аглаѣ, было изъ жалованья и изъ другихъ источниковъ. Когда потомъ умерла тетка, оставившая мнѣ тридцать тысячъ въ бумагахъ, я ихъ присовокупилъ къ твоему капиталу. Такимъ образомъ, Лялька, теперь, когда тебѣ уже шестнадцать-семнадцать, и когда я тебя собираюсь взять къ себѣ, ты у меня будешь «не выкидышемъ», какъ называла тебя бабушка, не безприданницей, а очень и очень для хорошаго человѣка приличною невѣстой, болѣе чѣмъ со ста тысячами твоихъ собственныхъ денегъ, отчетомъ въ которыхъ ты никому не обязана. Но деньги что! Моя совѣсть спокойна въ другихъ отношеніяхъ. Чѣмъ могъ, я сгладилъ для тебя, какъ было принято выражаться когда-то, путь жизни. Я заочно воспиталъ и развилъ тебя, я не допустилъ, чтобы на твою молодую еще судьбу палъ чей-нибудь упрекъ. И если, какъ Аглая пишетъ, всѣ тебѣ завидовали въ гимназіи и искали знакомства съ тобою, то поблагодари за это хоть послѣ моей смерти меня, твоего неоффиціальнаго отца. Помолись за меня и, если въ твоихъ воспоминаніяхъ, все-таки, осталась хоть какая-нибудь горечь, прости ее мнѣ. Я ради тебя не отказывался ни отъ какого труда. Всякій былъ для меня хорошъ, лишь бы я могъ снести въ банкъ на твою долю лишнюю сотню рублей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я даже разстроилъ здоровье свое этимъ, и мнѣ сулили врачи разныя великія и злыя напасти, но, слава Богу, все обошлось благополучно. Мой пріятель-нѣмецъ говоритъ: «Не такъ страшенъ шортъ, какъ его малютка», и въ данномъ случаѣ онъ оказался гораздо невиннѣе. Разумѣется, и переутомленія, и недуговъ не было бы, еслибы, сверхъ заботъ о тебѣ, мнѣ не пришлось еще и много тратиться косвенно ради тебя же. Но объ этомъ ты узнаешь далѣе. Сегодня я усталъ и ложусь спать.

VIII.

Вообще со мною не церемонились, но я не виню въ этомъ твою ...ть. Аглая, какъ всѣ въ глуши, думаетъ, что въ Петербургѣ ...ньги достаются очень легко: сколько пожелалъ, столько ихъ и

будетъ, а особенно такому важному человѣку, какъ я. Вѣдь въ ихъ глазахъ мое служебное положеніе казалось до такой степени высокимъ, что въ одномъ изъ обычныхъ писемъ, требуя отъ меня опять какую-то сумму, твоя бабка говорила: «Хоть вы и превозвышены, ну да авось Господь намъ, бѣднымъ сиротамъ, поможетъ найти начальство и еще позначительнѣе». Не понимаю только, почему она свои просьбы сопровождала всегда угрозами, точно я отказывалъ ей когда-нибудь! Но за три мѣсяца до твоего появленія на свѣтъ, Аглая Дмитріевна прислала мнѣ отчаянное письмо. Я такъ и понялъ, что старуха ѣстъ ее поѣдомъ, исподволь, сама смакуя все наслажденіе мучить дочь, которая, что̀ бы съ нею ни дѣлали, все равно не уйдетъ. Знаешь, есть такіе пауки на югѣ. Когда онъ сытъ, онъ не высасываетъ сразу большихъ насѣкомыхъ, запутавшихся въ его сѣткѣ. Только подбѣжитъ и съ необыкновеннымъ знаніемъ мушиной анатоміи перекуситъ несчастной жертвѣ нервъ, управляющій движеніемъ. Живая добыча, не умирая, остается неподвижной, въ ожиданіи, когда у хозяина явится аппетитъ. Ты меня прости, Лялька, а твою бабушку я терпѣть не могу. Она жива до сихъ поръ, и вѣрно продолжаетъ портить вамъ всѣмъ жизнь; ну да, Богъ дастъ, я скоро выручу тебя оттуда. Въ русскихъ семьяхъ водятся такія старушонки, которыя считаютъ себя вправѣ—и не только вправѣ, но и обязанными—изводить всѣхъ чадъ и домочадцевъ. Ихъ потомство въ свою очередь думаетъ, что оно должно терпѣть безпрекословно, ибо бабка ихъ всѣхъ выростила и на ноги поставила. Тѣ же Кабанихи въ большей или меньшей степени. Онѣ, впрочемъ, только и сильны общею слабостью и предразсудкомъ. Отъ нихъ и въ петли лѣзутъ, и въ прорубь кидаются, а онѣ все живутъ и живутъ, хороня здоровыхъ, сильныхъ и молодыхъ одного за другимъ... Вотъ и твоя бабка такова. Ты, разумѣется, прочтешь это, когда ея уже не будетъ на свѣтѣ, и испортить такимъ образомъ твоихъ отношеній къ ней я не могу. Я хорошо помню одну богомерзкую старушонку, которая, намучивъ внучку, говорила ей въ утѣшеніе: «А ты терпи, заслуживай у Господа»... Ну, такъ вотъ, въ совершенно безумномъ письмѣ Аглая Дмитріевна говорила мнѣ, что она «порѣшила покончить съ собою»; ей житья нѣтъ, а послѣ и еще хуже будетъ, потому что куда уйдешь отъ сраму. Она-де и теперь никуда не показывается, даже въ церковь, чтобы на нее глазъ не пялили и смѣшками не провожали. Русское общество по захолустьямъ зло очень въ такихъ случаяхъ. Оно не прощаетъ увлеченія, и я понималъ вполнѣ положеніе твоей матери. Посланіе свое она заканчивала болѣе отраднымъ извѣстіемъ, что нашелся у нихъ «въ

городу» тихій и скромный чиновникъ Скворешниковъ, не пьющій и не драчунъ. Онъ и у начальства на виду, по крайней мѣрѣ, самъ исправникъ говоритъ про него: «Молодой человѣкъ достойный, звѣздъ съ неба не хватаетъ и образованія не ахти какого, но къ службѣ прилежитъ и рано или поздно, а секретаремъ полицейскаго управленія будетъ!» Такая аттестація восхитила и бабушку. Чего же и лучше, тѣмъ болѣе, что и старуху онъ уважать обязывался, выражая готовность дать въ этомъ клятву на иконѣ своего ангела, Игнатія. Теперь все дѣло въ томъ, что Скворешниковъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ съ Аглаей и покроетъ ея грѣхъ въ лучшемъ видѣ, но онъ желаетъ этотъ грѣхъ капитализировать и цѣнитъ его не меньше, какъ въ пять тысячъ приданаго наличностью. Можетъ быть, оно и не хорошо,—писала мнѣ твоя мать,—но послѣ того онъ къ моему ребенку будетъ внимателенъ и ласковъ и имя ему дастъ. Я прочелъ эти безсвязныя строки и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Во всемъ случившемся до сихъ поръ самымъ ужаснымъ было то, что ты могла явиться на свѣтъ незаконнорожденной. Нигдѣ такъ ярко не выражается жестокость и глупость нашего общественнаго порядка, какъ въ положеніи несчастныхъ, еще до появленія на свѣтъ уже безъ всякой вины обреченныхъ цѣлому ряду страданій и мукъ. Но, въ то же время, я путался въ предположеніяхъ, гдѣ, не губя служебнаго кредита, достать мнѣ требуемую сумму. Дѣла мои тогда еще не были такъ устроены и экономій не оказывалось. За письмомъ на другой день я получилъ телеграмму, послѣ первой — вторую. Я такъ и понималъ, что тамъ—и Аглая, и ея мать потеряли головы и не знаютъ, что имъ дѣлать, а образцовый молодой человѣкъ — господинъ Скворешниковъ, взирающій на бракъ, какъ на хорошую коммерческую сдѣлку, торопитъ ихъ и гонитъ въ хвостъ и голову. По вашимъ мѣстамъ женихъ онъ завидный, и упустить его нельзя, но ему тоже ждать не приходится. Старуха даже въ письмѣ съ ужасомъ увѣдомляла меня: «Купецкая вдова Бузукина уже и экипировку ему строитъ». Въ одинъ изъ этихъ дней, полныхъ сомнѣній и нерѣшительности, выхожу я на улицу. Погода стояла сѣрая, мозглая. Что-то мокрое сыпалось съ неба, проступало на стѣнахъ домовъ, осаждалось на бородѣ и на платьѣ. Карандашомъ въ туманѣ амѣченный Петербургъ еще гаже въ такіе дни. Я люблю его вообще, въ эту каторжную погоду готовъ бѣжать изъ него сломя голову. елъ я шелъ куда глаза глядятъ, пока не наткнулся на толпу, пегородившую тротуаръ. Шумъ оттуда, какіе-то крики. Чей-то плачъ гскій, больной, обиженный. У кого это хватаетъ духа такъ мугь ребенка? Городовой, выше всѣхъ головой, монументъ-монумен-

томъ, вѣрно изъ гвардейскаго полка его съ праваго фланга взяли, проталкивается и наклоняется къ чему-то маленькому-маленькому. «Что тутъ такое?»—спрашиваю. «А вотъ подите какія шельмы! Съ эстихъ лѣтъ воруютъ».—«Кто, что?»—«Дѣвчонка. Клопъ еще, отъ земли не видно, точно въ сырости завелась, а какъ ловко господину въ карманъ руку запустила».—«Пустите, дяденька,—плакала дѣвочка худенькая, блѣдная, вся въ подтекахъ, которую городовой уже крѣпко держалъ за руку.—Простите, дяденька, пустите. Больше никогда не буду».—«Какъ тебя зовутъ?»—строго и безстрастно опрашивалъ тотъ.—«Жонькой... милый, дяденька».—«Нечего, нечего,—сухо отвѣчалъ хорошо одѣтый господинъ, у котораго и въ карманѣ-то ничего не было.—Если ихъ съ этихъ лѣтъ поощрять, что же потомъ съ ними будетъ? Возьми ее, любезный». Городовой тутъ же открылъ допросъ по формѣ. «У тебя есть отецъ?»—«Нѣтъ, дяденька».—«А мать?»—«Боюсь, пустите».—«Тебѣ говорятъ, мать есть?»—«Не знаю!»—«Какъ не знаешь? Да ты откуда?»—«Я изъ воспитонокъ».—Можешь себѣ представить, дорогая моя Лялька,—толпа захохотала при этомъ! Вся эта круторылая, сытая, подлая сволочь только и нашла что насмѣшку въ своей оскотинѣвшей душѣ.—«Они всѣ такіе... байструки. Ихъ бы изъ воспитательнаго въ тюрьму прямо, лучше бы было». И ни въ одной мордѣ—искры жалости, хоть дѣвочка, ужъ совсѣмъ потерявшаяся, безсвязно болтала сквозь слезы: «исть хотѣлось. Тетка овтору недѣлю безъ работы. Я въ прачки взята».—«Ну, ладно, пойдемъ-пойдемъ!»—«Дяденька, голубчикъ, прости».—Она металась въ смертельномъ ужасѣ.—«Тамъ начальство разберетъ—проститъ тебя, либо къ разстрѣлу!»—шутилъ городовой.—«Вотъ, братецъ, моя визитная карточка!»—и жертва преступленія, которое и не могло удасться, солидный хорошо одѣтый «господинъ», подалъ ее городовому. Жертва... хотя кто тутъ былъ жертвою—вѣрно отмѣтитъ Господь на небесахъ!—Монументъ, какъ щенка слѣпого, поднялъ какой-то комокъ лохмотьевъ, изъ котораго на насъ на всѣхъ съ ужасомъ смотрѣли красные глаза безъ рѣсницъ, позвалъ извозчика, усѣлся на него торжественно и повезъ грозную злодѣйку въ участокъ. Меня по сердцу ударило, я въ тотъ день и на службу не пошелъ. Несчастная, выкинутая въ помойную яму дѣвочка, какъ живая, стояла передо мною. А что если съ моимъ ребенкомъ случится то же? Нѣтъ, надо было во чтобы то ни стало добыть требовавшіеся господину Скворешникову пять тысячъ. Хоть въ петлю влѣзь, а достань. Я всю недѣлю бѣгалъ по знакомымъ, собирая клочками недостававшія мнѣ деньги. Дошелъ до такого униженія, что у подчиненныхъ занялъ. Они, разумѣется,

дали охотно, хотя одинъ при этомъ намекнулъ весьма деликатно, что онъ уже два года помощникъ столоначальника, а въ сосѣднемъ отдѣленіи вакансія освободилась. Что тутъ было разсуждать! Я сдѣлалъ подлость и посадилъ его на не надлежащее мѣсто. Черезъ три недѣли я получилъ телеграмму, которую вписываю сюда цѣликомъ: «заочно благодаримъ посажоннаго папеньку за устройство счастья. Впредь почтительнѣйше просимъ его превосходительство не оставлять насъ милостями. Губернскій секретарь Игнатій Скворешниковъ и супруга его Аглаида». Теперь я могъ спать спокойно,—моему ребенку не грозилъ воспитательный домъ и улица за его воротами!...

IX.

Я думаю, что я потому такъ и люблю тебя, моя дѣтка. Ужъ очень ты мнѣ дорого досталась. Подумай только, когда ты будешь читать эти строки, какія нравственныя униженія я вынесъ, чтобы поставить тебя, какъ слѣдуетъ, на ноги. Одинъ этотъ Игнатій Скворешниковъ сколько у меня души вымоталъ. Я могу писать о немъ свободно, я знаю, что ты относишься къ нему, какъ къ постороннему человѣку. Аглая мнѣ не разъ писала, что ты имѣешь обо мнѣ точное понятіе, любишь меня, часто спрашиваешь мать, сама мечтаешь о встрѣчѣ со мною и молишься за меня. Я какъ отсюда вижу тебя въ твоей бѣленькой кроваткѣ, маленькую, крохотную букашку съ заспанными глазками, но серьезно вслѣдъ за матерью повторяющую: «помилуй Господи папу моего, раба твоего Ардаліона!» Чего бы я не далъ—увидать тебя въ твоей спаленкѣ, подъ слабымъ мерцаніемъ лампады, съ полураскрытыми розовыми губками, едва-едва видную въ мягкой подушкѣ. И пухлыя ручки лежатъ на одѣяльцѣ и отъ жары толстая, будто ниточками перевязанная ножка, выбилась изъ подъ него. Я думаю, что твой названный отецъ долженъ беречь тебя, какъ зеницу ока. Вѣдь, на твоемъ благополучіи зиждутся всѣ его разсчеты. Черезъ три мѣсяца послѣ телеграммы, изъ которой я узналъ, что на Аглаю и на него, наконецъ, были надлежащимъ образомъ возложены вѣнцы, я получилъ слѣдующее письмо, которое и прилагаю въ подлинникѣ:

«Ваше превосходительство
Милостивѣйшій Государь
господинъ посажонный папенька
Ардальонъ Петровичъ!

«Имѣю честь почтительнѣйше увѣдомить о нашей семейной радости. Вчерашняго числа въ ночь достолюбезная супруга моя Агла-

ида Дмитріевна благополучно разрѣшилась отъ бремени младенцемъ женскаго пола. Помогавшая ей при семъ акушерка, — по здѣшнимъ мѣстамъ лучшая,—на мой опросъ показала, что ребенокъ удался здоровый, тѣлосложенія отмѣннаго, но кормилица ему потребуется, ибо у матери молока на сей предметъ не достаточно. Зная, какое ближайшее участіе по безграничной добротѣ ваше превосходительство принимаете въ семейномъ нашемъ событіи, мы съ маменькой положили ждать отъ васъ указанія объ имени, кое предстоитъ дать новорожденной при обрядѣ святого крещенія. Для скорости покорнѣйше просимъ распоряженія вашего превосходительства по телеграфу, въ ожиданіи чего пребываемъ съ усердіемъ и упованіемъ

почтительнѣйшими
вашего превосходительства,
милостиваго государя и кавалера дѣтьми и слугами
Игнатій и Аглаида».

Мою мать звали Людмилой. Это была удивительной кротости и доброты женщина. Совсѣмъ святая! Въ страшной нуждѣ она сумѣла, никому не обязываясь и не поступаясь душой, поднять всю семью. И не ожесточилась не только сама, но и въ нашей душѣ открыла неизсякаемые живоносные источники добра. Сколько потомъ ни ломала насъ жизнь, какъ она ни обивала насъ обо всѣ углы, на какія уступки мы ей ни шли, но если въ насъ осталась частичка великой правды, мы ею обязаны всецѣло памяти нашей печальницы и страстотерпицы. Какъ мнѣ было иначе назвать тебя? Разумѣется, я имъ телеграфировалъ немедля: «Поздравляю, имя Людмила, прошу сообщать о здоровьи матери и дочери». Мнѣ казалось, что это имя перенесетъ на тебя, Лялька, отсвѣтъ той, которая когда-то его носила. Люди нашего поколѣнія грѣшатъ сантиментальностью. Нынѣшніе проще и... суше. Поэтому мнѣ думалось, что Людмила не можетъ вырости дурною дѣвочкой. Я горячо молился моей мамѣ не оставить тебя покровительствомъ и оттуда, гдѣ теперь она, изъ свѣтлой области блаженныхъ слѣдить за тобою, помогать тебѣ, укрѣплять въ добрѣ, какъ это она дѣлала съ нами, когда мы были на ея рукахъ маленькими... Странное дѣло, стоило мнѣ только памятью сердца обратиться къ усопшей нашей страдалицѣ, какъ отъ моего скептицизма ничего не осталось. Напротивъ, отовсюду начинало вѣять на меня счастливою дѣтскою вѣрой, голубиною кротостью. Небеса глубокія, безоблачныя открывались душѣ, и молитва, какъ крылья, уносила меня въ ихъ недосягаемую высь. Сомнѣнія оставались въ туманѣ, окружавшемъ

землю. Они не могли его осилить, и въ дивномъ царствѣ свѣта, всѣ въ радостномъ блескѣ блаженной любви, выступали мнѣ навстрѣчу милыя черты дорогой покойницы!...

X.

Судя по письмамъ твоей матушки, ты уже понимаешь, что̀ такое Игнатій Никоновичъ. Онъ тебѣ мало далъ радостей, и потому я не стѣсняюсь въ опредѣленіи его личности, зная, что не оскорблю тебя этимъ. Да и тебѣ слѣдуетъ хорошо освѣдомиться, чтобы на твоей совѣсти не было никакого укора въ неблагодарности къ «господину Скворешникову». Черезъ три недѣли послѣ твоего рожденія я получилъ одно за другимъ слѣдующія письма:

«Незабвенный мой другъ и благодѣтель
Ардаліонъ Петровичъ.

«Пишу вамъ еще больная и прошу опять оказать намъ великую помощь. Я и сама такъ думала, что вы по деликатности души и по гордому карахтеру не согласитесь, чтобы мой мужъ, Игнаша, принялъ на себя расходы по святому крещенію, какихъ было пятьсотъ рублей, потому что такое высокое дитя мы не могли какъ-нибудь и одному соборному протоіерею дали сто, а тутъ еще дьяконъ и причетники,—сочтите, во что намъ это взлѣзло. И потомъ Людмиллѣ пришлось заказать приданаго не мало, потому ежели Господь благословитъ меня другими дѣтьми, то имъ и простого шертинга будетъ предостаточно. Не изъ-за чего баловать, а ваша должна идти по особой линіи,—и угощали мы еще какъ въ первыхъ домахъ. Весь городъ обѣдалъ на крестинахъ,—клубнаго повара взяли и одного донского бѣлой головки наши чиновники вынростали нѣсколько дюжинъ. Душоночекъ мой, не сердитесь на свою вѣрнопреданную Аглаиду и съ сею же почтой пошлите Игнашѣ, потому что онъ пока себя держитъ благородно, а если обманется въ упованіяхъ, то съ Людмиллой можетъ обойдтись жестоко... Впрочемъ, мы живемъ хорошо и вѣчно молимся за васъ, нашего благодѣтеля, потому что заплатить вамъ за милости ваши къ намъ можетъ единъ Богъ, Господь праведный. За симъ пребываю къ вамъ съ почтеніемъ и любовью по гробъ ваша Аглаида...»

Вмѣстѣ съ этимъ въ конвертѣ было и другое, твоей бабушки. евидно, она не считала себя въ новомъ менажѣ отрѣзаннымъ итемъ, а принимала въ ихъ хозяйствѣ ближайшее участіе.

«Милостивый государь.

, старуха, ежечасно готова предстать предъ престоломъ, и мол ъ мнѣ о вашихъ поступкахъ, которыми вы поступали, никакъ

нельзя. Ежели Богъ меня увспроситъ, что я ему отвѣчу, тѣмъ болѣе Игнашенька—человѣкъ тихій, почтительный и не такой судьбы по добротѣ своей стоитъ, ибо до сихъ поръ Аглаюшку онъ хоть бы однимъ пальцемъ, а другіе, которые, скалками бьютъ не глежа и даже съ поврежденіемъ ликовъ. Вы—кавалеръ слетный! Пріѣхали, сдѣлали дѣвицу несчастной — и слѣдъ вашъ простылъ, а я, вѣдь, ей на такія подлости благословенія не давала; но хоть вы судьбу ея и устроили, однако, мы за деньги чести не продаемъ и потому усердно васъ прошу не ввести въ расходъ, въ коемъ онъ нисколько не виноватъ, Игнашеньку, а деньги на его имя послать отнюдь не медля. Вы меня простите, но я ужъ такая, мы, вѣдь, не учены, но знаемъ, что каждый передъ начальствомъ отвѣтствуетъ, и хочешь дѣлать пакости, то вышняя власть тебя не помилуетъ. Ежели Игнашенька Аглаюшку вѣнцомъ покрылъ, то должны вы это чувствовать, что же касается до прочаго, то не взыщите,— я человѣкъ простой и съ полнымъ моимъ почитаніемъ къ вамъ пребываю покорнеющая слуга Клавдія Клюкина».

Третье отъ благороднаго господина Скворешникова было короче. Вотъ оно:

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь и Благотворитель
Господинъ посажонный папенька
Ардалліонъ Петровичъ.

«Почтительнѣйше прошу высокую особу вашу—простить меня за безпокойство. Дочь *моя* (по метрикѣ здѣшняго собора), согласно милостивому указанію вашему, окрещена во имя св. Людмиллы. По исполненіи сей воли Вашего Превосходительства былъ устроенъ обѣдъ, на коемъ начальникъ здѣшняго города полковникъ и кавалеръ Батузатовъ провозгласилъ тостъ за ваше здравіе, и соборніе пѣвчіе пѣли вамъ многія лѣта, такъ что я даже по своему усердію признательно прослезился. Докладывая о семъ, имѣю счастіе представить на воззрѣніе персоны вашей счетъ произведеннымъ по сему предмету расходамъ, и ежели въ чемъ я по необразованію достоинство Вашего Превосходительства унизилъ, хотя бы чрезъ посредство замѣны настоящаго шампанскаго донскимъ, «бѣлая головка» г. Соколова, по 1 р. 30 к. за бутылку, то въ томъ прошу великодушнаго забвенія моему невѣжеству.

Вашего Превосходительства
Благодѣтеля моего и Господина
покорнѣйшій сынъ
Игнатій Скворешниковъ».

Ты уже знаешь, дорогая Лялька, что мои дѣла въ эту пору еще не такъ были блестящи, но, выручая тебя, я дальше и дальше затягивалъ петлю. Пришлось заложить все, что было, т.-е. что у меня оставалось еще, и между моими подчиненными даже создалась легенда о невѣроятной скупости ихъ начальника. Обо мнѣ разсказывали анекдоты. Я зналъ, что молодой, причисленный къ нашему департаменту, сотрудникъ журнала *Шутъ*, нѣкто Косоглазовъ, заставляетъ все отдѣленіе хохотать, изображая въ лицахъ, какъ я укорачиваю свое зимнее пальто. Проходя мимо, я замѣчалъ, какъ Косоглазовъ подмигиваетъ на меня, а его товарищи едва-едва удерживаются отъ смѣху. Но мнѣ было все равно. Я спасалъ своего ребенка и жалѣлъ только, что, благодаря упорству Аглаиды и твоей бабки, не могу открыто быть твоимъ отцомъ. По вечерамъ, возвращаясь домой, я представлялъ, какъ тебя въ это время купаютъ, и ты, вся красная, въ мыльной пѣнѣ, неистовымъ крикомъ протестуешь противъ столь невѣжливаго обращенія съ собою. Маленькими кулачонками трешь себѣ глаза, собирая пухлыя губки въ трубочку, тянешься къ груди кормилицы и упираешься въ нее пальчиками, такими крохотными и розовыми. Мнѣ—одинокому холостяку — легче жилось при этомъ. Ты, еще невѣдомая мнѣ, уже наполняла мое нерадостное существованіе. Опять переносясь въ мое дѣтство, я находилъ въ душѣ младенческую вѣру и, складывая руки, какъ учила меня когда-то мать,—молился за тебя издали.

XI.

Для успокоенія твоей совѣсти я долженъ откровенно сказать: не думай, чтобы ты чѣмъ-нибудь была обязана твоему оффиціальному отцу. За имя и за ласковое обращеніе съ тобою ему было уплачено. Съ своей стороны онъ не потратилъ на тебя ни одной копейки. Ты можешь смотрѣть на него, какъ на человѣка вполнѣ для тебя чужого. Съ этой стороны ты совершенно независима. Если я умру раньше, чѣмъ ты станешь на ноги, то чтеніе моихъ записокъ освободитъ тебя отъ всякаго обязательства къ Игнатію Никоновичу. Вспоминая тотъ періодъ моей жизни, я теперь удивляюсь, ‑‑къ я могъ такъ изворачиваться. Твоя мать была просто безвольн женщина. Она не виновата ни въ чемъ. Ни въ совѣсти, ни въ рактерѣ она не находила ничего, чтò бы помогло ей бороться съ диненнымъ вліяніемъ мужа и твоей бабки. Выражаясь грубо, л съ меня попросту драли шкуру. Я думаю, ни одинъ ребенокъ богатой петербургской семьѣ не обходится такъ дорого, какъ ты ила мнѣ, если вѣрить ихъ постояннымъ счетамъ и требованіямъ,

и чѣмъ дальше, тѣмъ они дѣлались настойчивѣе и притязательнѣе. Ты много болѣла въ дѣтствѣ. Я думаю, любого атлета изъ цирка можно утопить въ ужасающей массѣ лѣкарствъ, выпитыхъ тобою. Могъ ли я спорить? Разумѣется, нѣтъ. Я зналъ, что каждый мой отказъ отразится на тебѣ. Нравы тамъ грубые, и не у бабки ты нашла бы ласку, которая заставила бы забыть тычки господина Скворешникова. Я нѣсколько разъ порывался поѣхать туда, но что̀ бы я тамъ дѣлалъ? Посуди сама. Какую роль я бы игралъ при Игнатіи Никоновичѣ, да, наконецъ, и онъ самъ и старуха мнѣ не разъ писали: первый въ тонѣ почтительномъ, вторая въ рѣзкомъ и хамскомъ,—что мое появленіе у нихъ унизило бы честь твоего метрическаго папаши. Всѣ ужъ видишь, позабыли романъ, нѣкогда разыгравшійся между пріѣзжимъ изъ Петербурга чиновникомъ и уѣздною барышнею и считали тебя вполнѣ дочерью Скворешникова. А тутъ всплыло бы многое опять, и твою семью ожидала бы масса непріятностей. Что касается до твоего переѣзда ко мнѣ, то Аглая мнѣ писала о твоей хилости и слабости. Страшно было тебя тронуть съ мѣста. Если тебя интересуетъ моя личная жизнь, то скажу тебѣ одно. Я всю ее отдалъ тебѣ. Я встрѣчался въ обществѣ съ дѣвушками, которыя были мнѣ симпатичны. Нѣкоторыя обладали прекрасными характерами, будучи не лишены и наружныхъ достоинствъ. Онѣ мнѣ нравились, и я понималъ прекрасно, что съ ними могъ бы устроить то простенькое, сѣренькое счастье, будничное и скромное, на которое только и можемъ претендовать мы, люди ничѣмъ не выдѣлившіеся изъ общей массы. Нѣкоторыя изъ этихъ «барышенъ» и на меня посматривали такъ, чтобы дать мнѣ понять: и я-де не прочь, попробуй, постучись. Одна даже серьезно увлекалась мною—она и до сихъ поръ не замужемъ, все равно что въ монастырь ушла, въ какой-то институтъ классною дамой! Я былъ прекраснымъ женихомъ, но мнѣ ни разу и въ голову не пришло воспользоваться этимъ и устроить свою судьбу. Я считалъ, что этимъ самымъ отнимаю нѣчто у тебя—и даже не нѣчто, а все: и состояніе, и сердце, и заботу. Я, вѣдь, зналъ, что впослѣдствіи это понадобится тебѣ, и именно тогда, когда твое пребываніе въ оффиціальной семьѣ станетъ для тебя или тягостнымъ, или невозможнымъ. Нужно было бросить упованіе на личное счастье и готовиться къ тому, чтобы когда-нибудь жить твоею жизнью. Мнѣ казалось, ты меня еще сильнѣе полюбишь и отогрѣешь голубиною лаской мою старость. Вѣдь, мы всѣ здѣсь простуженные люди и сами вѣчно страдаемъ отъ окружающаго насъ нравственнаго холода! Потомъ и денежныя обстоятельства не позволяли мнѣ подумать

о собственномъ уголкѣ. Тогда я едва-едва раздѣлался съ долгами и отложилъ очень немного. Не принимай этого за упрекъ,—ты, вѣдь, ни въ чемъ не была виновата и тебѣ одной надо было бы очень мало. Но довольно пока о деньгахъ! Хуже всего то, что благороднѣйшій господинъ Скворешниковъ часто заставлялъ меня твоимъ именемъ дѣлать не только нравственныя уступки, но и прямыя подлости. Дочь не судья отцу, особенно, когда это для нея было, и потому я тебѣ смѣло исповѣдуюсь въ нихъ. Сначала Игнатій Никоновичъ униженнѣйше обратился ко мнѣ съ ходатайствомъ о переводѣ его въ акцизное вѣдомство. Я было хотѣлъ отказаться, но, вѣдь, между мною и имъ стояла ты, и, скрѣпя сердце, исполнилъ его просьбу,—спустя два мѣсяца онъ уже былъ помощникомъ окружнаго надзирателя. Еще черезъ два года ему захотѣлось быть самому окружнымъ надзирателемъ—и бѣднаго старика, занимавшаго этотъ постъ, человѣка, какъ потомъ оказалось, весьма достойнаго и честнаго, по моимъ настояніямъ, подъ моимъ вліяніемъ уволили въ отставку, а его высокоблагородіе, уже «коллежскій ассессоръ Скворешниковъ», спокойно усѣлся на хищнически добытое мѣсто и отблагодарилъ немедленно, попавъ подъ судъ. Даже не выждалъ времени и сталъ грабить винокуровъ и арендаторовъ такъ, что тѣ, несмотря на ангельское долготерпѣніе, волками взвыли и обратились въ Петербургъ съ жалобами. Кому же было выручать господина Скворешникова? Могъ ли я допустить, чтобы твой, хотя и метрическій, родитель былъ судимъ, лишенъ правъ и сосланъ въ тартарары. Вѣдь, для того, чтобы и тамъ эксплуатировать меня, онъ бы забралъ васъ съ собою на ужасъ и позоръ. Надо сказать правду, мнѣ многаго стоило спасти... мерзавца! Извини, я не могу удержать на кончикѣ пера этого слова. Тѣмъ болѣе, что я и самого себя чувствовалъ такимъ же, пожалуй, преступнымъ сообщникомъ «образцоваго чиновника», какъ его нѣкогда рекомендовалъ мнѣ исправникъ захолустнаго городка. Чтобы вызволить «Игнашеньку», мнѣ пришлось подымать силы земныя и небесныя. Я почувствовалъ ненависть къ себѣ самому. У меня развилась мнительность. Мнѣ кажется, что всѣ «это» знаютъ, видятъ и про себя считаютъ меня [illegible]янью. Нѣтъ прежней увѣренности, права смотрѣть въ глаза людямъ. Многое, на что когда-то я осмѣлился бы, теперь для меня не[illegible]ступно. Какъ у излѣчившагося отъ паралича. Ноги отлично ра[illegible]гаютъ, а ему все кажется, что онъ на нихъ припадаетъ и по[illegible]ронніе видятъ. Въ это время у меня на вискахъ пробилась сѣ[illegible]на, и я пересталъ уже питать въ душѣ честолюбивые планы. И [illegible]де слава Богу, что меня терпятъ.

XII.

Въ сорокъ лѣтъ, когда мои обстоятельства очень поправились, долги были уплачены и въ банкѣ лежали назначенныя для тебя деньги,—я почувствовалъ томительную скуку одиночества. Я думаю, это первый признакъ старости! Еще сравнительно молодому человѣку совершенно чужда жуткость пустыхъ, не наполненныхъ дѣтскимъ смѣхомъ комнатъ, уединенія не озареннаго по вечерамъ женскою улыбкой. Женатые люди тоже не знаютъ ничего подобнаго. Они часто даже завидуютъ намъ, хотя мы свою свободу и кажущуюся «беззаботность» въ большинствѣ случаевъ охотно промѣняли бы на ихъ зависимость. Особенно тяжело въ такихъ обстоятельствахъ нашему брату чиновнику. Цѣлый день воинствуешь съ бумагами, по уши уходишь въ канцелярскую безтолковщину, стараясь какъ бы не задуматься, не опомниться, потому что въ подобную минуту какъ-то сразу понимаешь ненужность тебя самого и безсодержательную пустоту твоего дѣла, а значитъ—и всей жизни. Поѣшь гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, причемъ тебѣ подаютъ обѣдъ фабричнаго производства, съ неизмѣнною рыбой, вываренной до того, что она стала похожа на мочалу, съ горошкомъ подозрительнаго зеленаго цвѣта, мясомъ—предварительно прошедшимъ черезъ всѣ сорокъ-сороковъ мытарствъ супа и щей, и наконецъ цыплятами, нуждавшимися при жизни въ коховскихъ прививкахъ. Пройдешься потомъ по тѣмъ же улицамъ, по которымъ ходишь вотъ уже двадцать лѣтъ, и все-таки сознаешь, что ты всѣмъ здѣсь чуждъ и ненуженъ, и они также чужды и ненужны. Шагаешь-шагаешь и думаешь: случись что-нибудь,—ну, нервный ударъ что ли, обморокъ, растянешься на этомъ мокромъ тротуарѣ, столпятся вокругъ любопытные, а помощь тебѣ подастъ, т.-е. въ участокъ, въ пріемный покой увезетъ, городовой — и только. Домой явишься—та же исторія. Тутъ тебѣ надоѣли и стѣны, и книги, и мебель. Холодно, безцвѣтно, невесело. Люди? Да какое же имъ до тебя дѣло? Пока исправно платишь жалованье, они тебя терпятъ, даже, пожалуй, передъ швейцаромъ и дворникомъ хвастаются: «У насъ-де господинъ не какъ у иныхъ прочихъ, которые...»,—а доведись этому «господину» оказаться утромъ мертвымъ въ постели, служительская преданность прежде всего обнаружится въ томъ, что онъ сначала обокрадетъ тебя, а потомъ уже побѣжитъ съ объявкою въ полицію. Но такъ умереть еще что! Съ полгоря. А вотъ болѣть одному, никому не дорогому, не дай Богъ. Со мной это случилось. Я пролежалъ двѣ недѣли. Кромѣ звона въ ушахъ рѣдко-рѣдко слы-

шалъ что-нибудь другое. Явится человѣкъ: не надо ли чего? А у самого на мордѣ написано: чортъ бы тебя взялъ. Сиди тутъ цѣлый день съ тобой!... Пріѣдетъ докторъ, покажешь ему языкъ, пощупаетъ пульсъ, постучитъ тебя въ грудь. Подожметъ губы, пропишетъ для очистки совѣсти глупѣйшій рецептъ и, получивъ пять рублей, уронитъ дурацкое утѣшеніе: «Вы не бойтесь, мы еще потанцуемъ, потанцуемъ». Даже грузнымъ, на чужихъ болѣзняхъ выпятившимся брюхомъ весело изобразитъ этотъ танецъ и уйдетъ за другими пятирублевками. Чиновника изъ департамента пришлютъ, и тотъ точно по казенному дѣлу съ бумагою, а не съ больнымъ товарищемъ знакомится. «Его превосходительство приказали узнать...» Скажешь ему что-нибудь. «Такъ и прикажете доложить?»—«Да, и поблагодарите.»—«Слушаю-съ!» А у самого на лицѣ удовольствіе. Слава-де Господу, отдѣлался. Зарегистровалъ вступившее отношеніе и съ души долой. Я пробовалъ было сестру милосердія пригласить, но тотчасъ же отказался,—столько на лицѣ у той выражалось готовности претерпѣть, добродѣтельнаго сострадания и самоотверженія. Даже пластырь на животъ ставила, точно кто-нибудь со стороны писалъ въ эту минуту съ нея Шарлоту Корде, везомую на эшафотъ. Видѣлъ я ихъ и потомъ, и такъ онѣ мнѣ стали противны, эти Жанны д'Аркъ, что я рѣшилъ впредь ограничиваться услугами моего Степана, хоть до меня доносилось не разъ его ворчаніе: «Колода-колодой и сиди изъ-за колоды дома!...» Вечерами и здоровому одно прибѣжище—клубъ. Сначала я въ благородное собраніе записался, по цѣлымъ часамъ тупо и глупо изъ угла смотрѣлъ, какъ телефонныя дѣвицы со счетными чиновниками кадрили и мазурки отплясываютъ, отважно поглощалъ пережившіе земскую давность бутерброды, даже съ дамами мухоморнаго вида въ какія-то сверхъестественныя игры садился. Сдаетъ, бывало, такая карты, а сама жадно пронизываетъ партнера подрисованными глазами. Доведись, тутъ бы тебя и выпотрошила и на солнце сушить вывѣсила шкуру. Потомъ я въ сельско-хозяйственный перебрался, обучился винту и объ одномъ только и заботился, какъ бы домой попозже, поменьше въ этой жути провести. И, вѣдь, весь нашъ сельско-хозяйственный изъ такихъ же холостяковъ. Въ ого ни вглянешься — въ каждомъ ужасъ одиночества... Бывало, дишь и внимаешь, какъ они разсуждаютъ о прелестяхъ свободы олостой беззаботности. А закроешь глаза, вслушиваешься не въ ва, а въ тонъ голоса и уловляешь въ немъ больныя-больныя ки. Точно человѣку плакать хочется, а онъ смѣется. И сколько ъ случалось, краснорѣчивый защитникъ холостяцкаго режима,

тотчасъ послѣ подобнаго разговора, вернется домой, да и сдѣлаетъ предложеніе чухонской дѣвицѣ, состоящей при немъ въ кухаркахъ. И возлагаютъ на нихъ вѣнцы, а сельско-хозяйственный клубъ лишается лучшаго украшенія. Но, главное, это—мысль о смертномъ часѣ. Какъ ни жутко жить одному съ изморомъ и несытью, съ жадью и мутью, а умирать еще жутче. Точно печаль присныхъ или слезы любимой женщины могутъ напугать смерть, и она отойдетъ отъ тебя. Кстати приходятъ въ голову разсказы о заживо зарѣзанныхъ докторами, о заживо похороненныхъ и вся эта кошмарная чепуха! Въ концѣ-концовъ, если избѣжалъ Сциллы и Харибды, т.-е. сельско-хозяйственнаго клуба и брака съ чухонской дѣвицей въ услуженіи, такъ привязываешься къ какой-нибудь чужой семьѣ, гдѣ тобою помыкаютъ, поручаютъ тебѣ сопровождать въ театръ богопротивную тещу, занимать богатую тетку, съ которой хоть сейчасъ рисуй китайскаго дракона, отыскивать кормилицу и сопровождать ее къ доктору для надлежащаго освидѣтельствованія, крестить чужихъ дѣтей и при этомъ требуютъ, чтобы ты считалъ себя облагодѣтельствованнымъ по гробъ жизни.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ *).

(Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго).

XVIII.

Парижъ, 48, rue de Douai. Пятница, 19 янв. 72.

Моя подагра снова отпустила меня, мой дорогой другъ. Я въ отчаяніи отъ всѣхъ этихъ глупыхъ помѣхъ и отъ того, что доставилъ вамъ столько безполезныхъ тревогъ, но чортъ возьми! должно же это пройти. Какой день хотите вы?

Вторникъ,
Среда или
Суббота,

и если я не умру (какъ увѣряетъ *Times*), я велю снести себя скорѣе къ вамъ, чѣмъ... Однимъ словомъ, я жду отвѣта.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XIX.

Москва, 26 іюня 1872 г.

Мой дорогой другъ,

Вы прислали мнѣ ваши проекты на лѣто,—вотъ мои:

N.B. Въ настоящую минуту я нахожусь въ Москвѣ, застигнутый сквернымъ припадкомъ подагры, которая приковала меня къ софѣ, я никакъ не ожидалъ ея, послѣ страшнаго припадка въ тябрѣ мѣсяцѣ. Это становится слишкомъ часто и меня слишкомъ ого поздравляютъ (увѣренія въ долговѣчности и т. д., и т. д.), счастью, припадокъ не слишкомъ силенъ, и я могу надѣяться кинуть столицу всея Россіи въ воскресенье или въ понедѣлькъ; сегодня среда.

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Я мчусь прямо, какъ стрѣла, въ Парижъ, потомъ оттуда въ Турэнъ къ моей дочери, которая готовится сдѣлать меня дѣдушкой; потомъ оттуда въ Valéry-sur-Somme, гдѣ нахожу своихъ старыхъ друзей Віардо. Я фланирую, работаю, если могу. Потомъ я ѣду въ Парижъ повидать тамъ нѣкоего Флобера, котораго я очень люблю и съ которымъ ѣду или къ нему въ Круассе, или въ Ноганъ къ m-me Зандъ, которая, какъ кажется, хочетъ насъ видѣть тамъ. А потомъ, начиная съ октября мѣсяца,—Парижъ. Вотъ!

Мой дорогой другъ, старость—это тяжелое тусклое облако, которое заволакиваетъ будущее, настоящее и даже прошедшее, такъ какъ дѣлаетъ его печальнымъ, стирая воспоминанія. (Боюсь, что французскій языкъ здѣсь очень плохъ, но ничего). Надо защищаться противъ этого облака. Мнѣ кажется, что вы защищаетесь недостаточно.

Я думаю, что въ самомъ дѣлѣ путешествіе по Россіи вдвоемъ со мной было бы для васъ хорошо, но въ аллеяхъ стараго деревенскаго сада, пропитаннаго сельскими благоуханіями, земляникой, птицами, солнечными лучами и тѣнями, и тѣ и другіе, полные дремоты, а кругомъ двѣсти десятинъ волнующейся ржи, — великолѣпно! Приходишь въ какое-то неподвижное состояніе, торжественное, безконечное и тупое, въ которомъ соединяется въ одно и то же время и жизнь, и животность и Богъ. Выходишь оттуда какъ послѣ я не знаю какой оздоровляющей ванны, и снова вступаешь въ колею, въ обычную колею.

Авторъ не долженъ падать духомъ. Пусть онъ смѣло идетъ до конца! Я знаю, что вы присутствовали на прекрасномъ музыкальномъ вечерѣ у m-me Віардо; кажется, публика была довольна.

Вы ничего не говорите о моей картинѣ, она вамъ не нравится или вы не видѣли ея? Прощайте и до свиданія, мой дорогой другъ, будемъ держать голову высоко, покуда ее не накроютъ волны

Сердечно цѣлую васъ.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XX.

Saint-Valéry-sur-Somme, maison Ruhant. Вторникъ, 30 іюля 1872 г.

Гдѣ вы въ настоящую минуту, дорогой мой другъ, и что вы будете дѣлать до зимы?

Напишите мнѣ словечко, прошу васъ. Что до меня, то вотъ двѣ недѣли, какъ я въ этой маленькой дырѣ, откуда пишу вамъ, и я бы чувствовалъ себя здѣсь очень хорошо, еслибы не проклятая по-

дагра, которая держитъ меня за лапу упорнѣе, чѣмъ когда-либо. Она подцѣпила меня шесть недѣль тому назадъ въ Москвѣ и не отпускаетъ. У меня было три или четыре припадка.

Я ходилъ съ помощью костылей, потомъ съ двумя палками, съ одной, и вотъ теперь опять я почти недвижимъ. Старость—скверная штука, n'en déplaise à M. Cicéron.

Я здѣсь съ семействомъ Віардо. У меня очень хорошенькая комната, гдѣ ничто не мѣшаетъ мнѣ работать, но вотъ! Ничего не выходитъ, потому что на рессорахъ ржавчина; а *Антоній* что подѣлываетъ? Сообщите мнѣ о немъ.

Этотъ заемъ въ 9, 10, 15 милліардовъ производитъ на меня впечатлѣніе оглушительнаго пушечнаго залпа. Вы, діаволы французы, созданы для того, чтобъ удивлять міръ тѣмъ или инымъ способомъ.

Я дѣдушка съ 18; моя дочь родила дочь, которую назвали Жанной и которую я поѣду крестить въ концѣ августа.

Я долженъ буду два раза проѣхать черезъ Парижъ. Если вы будете въ это время въ Круассе, то я проѣду къ вамъ.

Ну, будьте здоровы и до свиданія. Крѣпко жму вашу руку.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XXI.

Парижъ, 48, rue de Douai. Понедѣльникъ, 7 октября 1872 г.

Мой дорогой другъ,

Бѣда тому, кто явился бы поздравлять меня съ подагрой, прибавляя, что это вѣрный признакъ долгой жизни, и т. д., и т. д. Онъ рисковалъ бы услышать грубости.

Представляете ли вы себѣ, что я болѣе 15 дней въ Парижѣ. И въ самый день моего пріѣзда болѣзнь снова вернулась ко мнѣ (это въ 8-й или 9-й разъ); я уже пересталъ считать! И я недѣлю лежу въ постели, не будучи въ состояніи двигаться! Въ прошлый четвергъ я дѣлаю сверхъестественное усиліе. Я ѣду въ Ноганъ; тамъ была вся семья Віардо. Я остаюсь тамъ день, я возвращаюсь, и вотъ я снова запертъ въ комнатѣ, хромаю, какъ калѣка, и не предвижу, когда это кончится!... Все равно, я радъ, что побывалъ въ Ноганѣ и видѣлъ m-me Зандъ у нея въ домѣ: это — самая милая женщина, о которой только можно мечтать! И всѣ окружающіе ее прелестны.

Теперь мнѣ надо поѣхать въ Круассе *), но когда? Вотъ чего я не могу сказать съ увѣренностью.

---

*) Имѣніе Флобера около Руана.

Я знаю, что поѣду, какъ только отдохну немного; весьма вѣроятно, что въ началѣ слѣдующей недѣли. Вы будете заранѣе увѣдомлены. У меня самое большое желаніе видѣть васъ, говорить съ вами и выслушать конецъ *Антонія*, а потомъ надо поговорить, поболтать,—это совершенно необходимо.

Въ ожиданіи обнимаю васъ и говорю вамъ: до свиданія.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XXII.

Парижъ, 48, rue de Douai. Среда, 11 декабря 1872.

Что же это! Вотъ наступаетъ половина декабря, а Флобера нѣтъ! Къ несчастью я не Магометъ. Я не могу подойти къ горѣ. Я совсѣмъ не могу ходить, потому что вотъ уже двѣ недѣли какъ я не выхожу изъ комнаты, и Богъ знаетъ, сколько времени это продолжится еще! Моя подагра по меньшей мѣрѣ такъ же упорна, какъ версальское собраніе, и я думаю, что она останется, даже тогда, когда то разойдется или будетъ распущено. Ну же, маленькое усиліе, и пріѣзжайте въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ напишите мнѣ, имѣете ли вы намѣреніе пріѣхать, и когда? Никто не пріѣзжаетъ; это невыносимо. M-me Зандъ тоже остается въ Ноганѣ; но я не отчаиваюсь и говорю вамъ до свиданья. Въ ожиданіи обнимаю васъ.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XXIII.

Парижъ

Мой дорогой другъ!

Я здѣсь съ понедѣльника, но въ самый день моего пріѣзда меня опять *схватилъ* припадокъ подагры. Надѣюсь, что это послѣдній, и я выхожу сегодня въ первый разъ, но я не могу еще подняться на вашу лѣстницу. Завтра я пріѣду въ назначенный часъ и уже какъ-нибудь поднимусь къ вамъ. Я думалъ написать вамъ, чтобы вы пріѣхали, но я нахожусь въ квартирѣ, гдѣ еще полный хаосъ, въ квартирѣ Віардо, и потомъ я страшно золъ, оттого что долженъ былъ лежать въ постели. Итакъ, до завтра. Я буду очень радъ видѣть васъ.

Я живу въ улицѣ Douai, 48, но не пріѣзжайте; я пріѣду.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XXIV.

Парижъ, 48, rue de Douai. Среда, 4 іюня 73.

Мой дорогой другъ!

Думаете вы, что я не возгоржусь, какъ павлинъ, ото всего того, что вы говорите мнѣ въ вашемъ письмѣ. Я буду хранить его какъ драгоцѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, говорю вамъ, вы доставили мнѣ очень большое удовольствіе, и я счастливъ, что также могъ сдѣлать вамъ пріятное.

Крѣпко жму вашу руку. Вы правы, находя первый разсказъ (*Странная исторія*) слишкомъ короткимъ, онъ требуетъ гораздо большаго развитія; здѣсь такія психологическія положенія, что только намѣтить ихъ недостаточно; но лѣнь!

Я еще здѣсь, но завтра уѣзжаю. Я напишу вамъ изъ Вѣны и конечно изъ Карлсбада. Работайте. Нѣтъ, вамъ не надо говорить этого. Вы трудолюбивы, какъ муравей. Но будьте здоровы и ждите меня въ Круассе въ началѣ августа.

Вся семья здорова и проситъ передать вамъ тысячу пожеланій.

Крѣпко обнимаю васъ, и навсегда

Вашъ старый *И. Тургеневъ.*

PS. Вамъ пришлютъ мой другой романъ, какъ только онъ появится. Я немного боюсь за него *).

XXV.

Bougival, Seine-et-Oise, maison Halgan. Среда, 6 августа 73.

Вы говорите мнѣ слишкомъ много хорошаго, мой дорогой другъ; я краснѣю отъ удовольствія и отъ смущенія. Все равно, это очень пріятно, и старые латиняне были правы, когда говорили о *laudato a laudante viro*.

Я радуюсь и горжусь, что доставилъ удовольствіе моему старому Флоберу и автору *Антонія*, и съ его стороны очень мило, что онъ сказалъ мнѣ все это. Можетъ быть, мое письмо не застанетъ васъ въ Круассе, но все равно: оно должно отправиться. 10 сентября я пріѣзжаю, и мы не соскучимся. О, нѣтъ!

Знаете ли вы, что весь нашъ кружокъ (я говорю о моихъ здѣшхъ друзьяхъ, которые передаютъ вамъ тысячу пожеланій) ѣдетъ концѣ сентября въ Ноганъ, чтобы провести тамъ по меньшей рѣ недѣлю? Если бы вы тоже пріѣхали, это было бы настоящее жество!

*) Рѣчь идетъ, очевидно, о *Вешнихъ водахъ*, появившихся на русскомъ языкѣ въ г. и вскорѣ затѣмъ переведенныхъ на французскій.

Жара страшная и, несмотря на закрытыя ставни, съ меня почти льетъ. Писать при такихъ условіяхъ настоящее геройство. И поэтому вы позволите мнѣ поцѣловать васъ въ обѣ щеки и сказать вамъ до свиданья и еще разъ спасибо.

Вашъ старый, вѣрный другъ

И. Тургеневъ.

XXVI.

Bougival, Seine-et-Oise, maison Halgan. Четвергъ, 22 августа 1873.

Мой дорогой другъ!

Живой или мертвый я пріѣду къ вамъ въ Круассе,—но вотъ что со мной случилось. Два года тому назадъ, въ Англіи, я познакомился съ очень милымъ малымъ по имени Бѣллокъ, у котораго былъ страшно богатый дядя, старый генералъ въ отставкѣ, по фамиліи Холъ. Генералъ Холъ обладалъ:

Самою лучшею охотой на куропатокъ во всей Англіи!!!

Ничѣмъ, кромѣ этого. Но это былъ оригиналъ, который охотился одинъ и приглашалъ отъ времени до времени только своего племянника, и вотъ онъ умираетъ и оставляетъ свое состояніе, свое имя и *свою охоту* племяннику. И вотъ племянникъ вспоминаетъ обо мнѣ и приглашаетъ меня пріѣхать къ нему, чтобы настрѣлять горы куропатокъ между 9 и 14 сентября! Несмотря на мою безумную страсть къ охотѣ, единственное оставшееся мнѣ удовольствіе, я помню свое обѣщаніе, и я отвѣтилъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что я не знаю, позволитъ ли мнѣ моя подагра такую шалость. И не стыдно ли такому бородатому старцу, какъ я, два раза переѣзжать черезъ море для того, чтобы бросать свинцомъ въ куропатокъ!

Дѣло въ томъ, что я не рѣшаюсь — и вотъ почему: не буду стѣсняться. Я прошу васъ отложить на 5 дней мой пріѣздъ въ Круассе, т.-е. пріѣхать туда 15, вмѣсто 10. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что я не поѣду въ Англію, но такъ я буду спокойнѣе. Это рѣшено, не правда ли? Въ субботу я долженъ поѣхать въ Парижъ по дѣламъ, ровно въ полдень я буду въ Café Riche, чтобы тамъ позавтракать. Если вы можете туда пріѣхать, bravo! Если нѣтъ, я буду знать, что вы принимаете эту маленькую отсрочку безъ слишкомъ большаго негодованія. А въ ожиданіи желаю вамъ здоровья и хорошаго настроенія и цѣлую васъ.

Вашъ

И. Тургеневъ.

XXVII.

Парижъ, 48, rue de Douai. Суббота 6 декабря 1873 г.

Мой дорогой другъ,

Если я вамъ не отвѣтилъ тотчасъ, то только потому, что три дня находился у моей дочери. Я очень радъ, что вы окончили вашу пьесу *) и нисколько не удивленъ всѣми штуками и вывертами Кальвало **). Вы не то еще увидите, и вы должны теперь же *acierier* (отъ слова acier ***) ваши нервы, какъ говорятъ нѣмцы, именно потому, что ваша пьеса не похожа на все то, что писалось до сихъ поръ. Главное — съ возможно большимъ спокойствіемъ пройти черезъ всѣ муки дѣторожденія.

Я очень радуюсь, что скоро увижу васъ. Я покину Парижъ только черезъ два мѣсяца или даже позднѣе.

Я еще не видѣлъ *L'Oncle Sam*, но я видѣлъ *Monsieur Alphonse* Дюма. Это вещь *сдѣлана сильно,* и въ общемъ весьма замѣчательная и захватывающая, несмотря на то, что тамъ есть роль одиннадцатилѣтней дѣвочки, отъ которой тошнитъ, и встрѣчаются фразы вродѣ:

О, человѣческое сердце, глубокое, какъ небо, таинственное, какъ море или смерть!—или:

Созданіе Бога, живое существо, гдѣ хочешь ты, чтобъ я взялъ силы, чтобы наказать тебя!—или еще: *Чѣмъ было занято милосердіе Господне, когда оно создавало такого человѣка?*

Глупо вѣдь, а?

Всѣ здѣсь здоровы. Я пошелъ къ m-lle Комманвиль и узналъ, что она въ Стокгольмѣ.

Надо все-же вернуться въ Парижъ!

До скораго свиданья, не правда ли? Цѣлую васъ.

Вашъ старый

И. Тургеневъ.

XXVIII.

48, rue de Rome. Среда, 19 ноября 1873 г.

Итакъ, дорогой другъ, со вчерашняго вечера у васъ военная ктатура. Вы, какъ говорятъ, Макмагонецъ. Мнѣ всегда казалось, э лучше быть просто французомъ; но я могу ошибаться. Един-

*) *Кандидатъ,* комедія поставленная въ театрѣ *Vaudeville* въ мартѣ мѣсяцѣ 4 года.

**) Директоръ *Vaudeville.*

***) Сталь.

ственная хорошая сторона всего этого въ томъ, что вамъ ничто не можетъ помѣшать издать *Антонія*, такъ какъ намъ обѣщаютъ миръ и возвращеніе къ текущимъ дѣламъ въ теченіе 7 лѣтъ. Третьяго дня я былъ въ Версалѣ и вернулся оттуда грустный и съ отвращеніемъ въ душѣ.

Къ чорту политика! Я очень радъ, что вы работаете хорошо, и что ваша комедія подвигается гигантскими шагами. Комедія Сарду (которую я, впрочемъ, не видѣлъ), дѣлаетъ много шуму, но толку отъ нея мало. Я не думаю, чтобъ она выдержала 200 представленій *Rabagas*'а. Скорѣе ваша будетъ имѣть такой успѣхъ.

Здоровье мое поправилось; меня немного мучаетъ нервный кашель, но надо же всегда что-нибудь имѣть.

Раньше конца января я не уѣду изъ Парижа. До скораго свиданья, надѣюсь. Всѣ здоровы.

Обнимаю васъ.

Вашъ старый *И. Тургеневъ.*

XXIX.

Понедѣльникъ, 9 ч. утра.

Мой дорогой другъ,

Когда я вамъ писалъ, что трудно предпринимать что̀ бы то ни было, я не думалъ сказать такую истину. Въ истекшую ночь лодыжка моей больной ноги вдругъ распухла, и я не могу ни надѣть сапогъ, ни ступить на землю. И вотъ *Антоній* отложенъ. Это настоящая незадача, если только вы не пріѣдете сами съ рукописью. Или подождемъ дня два, такого рода припадки продолжаются не больше 48 часовъ. Мнѣ это очень досадно, и я жму вамъ руку въ полномъ разочарованіи.

Вашъ старый *И. Тургеневъ.*

XXX.

Спасское, Орловской губ. Гор. Мценскъ. Среда, 17 (5) іюня 1874 г.

Мой дорогой другъ,

Пишу вамъ изъ глубины моего мѣшка, куда я попалъ сегодня утромъ и гдѣ я нашелъ ваше письмо отъ 1 іюня. Оно шло долго, какъ видите, но не по своей винѣ и не по винѣ Віардо. Я не д[illegible] малъ, что такъ долго останусь въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и да[illegible] маршрутъ или, вѣрнѣе, распредѣленіе моего времени, которое ок[illegible] залось невѣрнымъ. Досадно только, что васъ не будетъ въ Круас[illegible] съ 20, т.-е. съ послѣ завтра, и что этому письму придется гнат[illegible] за вами. Оно нагонитъ васъ, я въ этомъ увѣренъ. но тѣмъ не м[illegible]

нѣе это леденитъ немного мое перо. Я вамъ не въ первый разъ пишу отсюда и вы знаете мѣстность: зелено, золотисто, широко, монотонно, спокойно, дряхло и страшно неподвижно, — скука патріархальная, медлительная и охватывающая васъ со всѣхъ сторонъ. Если я буду въ состояніи работать, то останусь здѣсь нѣсколько недѣль, если же нѣтъ, то несусь, какъ стрѣла, въ Карлсбадъ, а оттуда въ Парижъ.

Мое пребываніе въ Россіи было во всякомъ случаѣ не безполезно, я нашелъ приблизительно то, чего искалъ; правда, я менѣе, гораздо менѣе требователенъ, чѣмъ вы. Вы слишкомъ требовательны.

Вы довольны романомъ Золя? Я написалъ ему; я устроилъ его дѣло на будущее время. Это немного, но все же лучше, чѣмъ ничего. Его много читали и переводили въ Россіи; только что издали его *Curée*. *Антоній* рѣшительно не для большой публикѣ; и обыкновенные читатели отступаютъ въ ужасѣ, даже въ Россіи. Я не думалъ, что мои соотечественники такіе хилые. Тѣмъ хуже! Но *Антоній*, что̀ бы тамъ ни было, книга, которая останется.

Я вамъ разскажу многое, что заставитъ васъ смѣяться, когда я вернусь, и буду въ вашемъ миломъ кабинетѣ въ Круассе. Въ моей «cara patria» есть много весьма необычайныхъ и интересныхъ вещей. Въ настоящую минуту, благодаря легкому злоупотребленію молочною пищей, которой я предался въ надеждѣ, что родной воздухъ можетъ все, у меня боли въ желудкѣ, и какія страшныя! Мнѣ кажется, что онѣ должны чувствоваться даже въ формѣ буквъ, которыя я пишу. Это не необычайно и не интересно. Какой проклятый желудокъ, и какая проклятая политика въ настоящую минуту. А? что вы на это скажете? И вы, и я, мы оба не любимъ, когда говорятъ о ней, но какъ не воскликнуть, по крайней мѣрѣ, О! или А!

Я съ удовольствіемъ думаю о той минутѣ, когда мы снова возобновимъ наши милые, маленькіе обѣды драматическихъ писателей.

А покуда, если это письмо найдетъ васъ на одномъ изъ ледниковъ Righi, прохлаждайтесь насколько можете! Что касается до вашей милѣйшей племянницы, то передайте ей мои дружескія пожеланія. Я вижу, что мнѣ не придется увидать ее въ Россіи.

Этюдъ соотечественника, взятаго сзади *).

(*16 іюня, при 16 градусахъ жары*).

На этомъ (конечно, не...) цѣлую васъ и говорю вамъ до свиданія.

Вашъ старый *И. Тургеневъ*.

---

*) Въ подлинникѣ за этими словами помѣщенъ рисунокъ.

XXXI.

Москва, Пречистенскій бульваръ, въ Удѣльной конторѣ.
Воскресенье, 12 іюля (30 іюня) 1874 г.

Мой дорогой другъ!

Я получилъ ваше письмо изъ Rig-hi въ моментъ, когда съ трудомъ взобравшись на два костыля, я усаживался въ карету, чтобы покинуть деревню и пріѣхать сюда. Я не сломалъ ни одного члена, какъ вы предполагаете; но родной воздухъ, который такъ хорошо дѣйствуетъ на марсельцевъ, мнѣ вернулъ припадокъ подагры,—и на этотъ разъ въ *обѣихъ* ногахъ,—который приковалъ меня къ постели на двѣ недѣли, и до сихъ поръ еще не отпустилъ меня! Говорить вамъ, что, благодаря этому, жизнь представляется мнѣ въ розовомъ или лазурно-голубомъ цвѣтѣ (я думаю о вашихъ мечтахъ подъ швейцарскимъ небомъ), значило бы сказать грубую ложь. Болѣзни, медленное и холодное отвращеніе, тяжелое безпокойство, безполезныя воспоминанія. Вотъ, дорогой старина, перспектива, которая открывается передъ человѣкомъ, когда ему перевалитъ за пятьдесятъ. А надо всѣмъ этимъ и за всѣмъ этимъ резиньяція—отвратительная резиньяція. Подготовленіе къ смерти... Довольно!

Я постараюсь возможно скорѣе попасть въ Карлсбадъ. Не въ К., гдѣ вы простываете, но въ К. въ Богеміи, гдѣ я проведу пять недѣль. А осенью, позднѣе, увидимъ. Въ настоящую минуту я не хочу составлять никакихъ плановъ, въ особенности пріятныхъ плановъ,—боюсь сглазить самого себя.

Вы, повидимому, нисколько не наслаждаетесь чудными вершинами, воспѣтыми Галлеромъ и Руссо. Надо сознаться, народъ, который постоянно живетъ среди этихъ красотъ,—я говорю о швейцарцахъ,—наименѣе одаренный и наиболѣе невыносимо скучный изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ народовъ. Откуда эта аномалія?—сказалъ бы философъ. А можетъ быть это даже не аномалія? Какое будетъ на этотъ счетъ мнѣніе Бувара и Пекюше? Я въ восторгѣ, что вы нашли, наконецъ, un *site* или, вѣрнѣе, le site, но чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе я нахожу, что сюжетъ этотъ требуетъ *presto*, à la Свифтъ, à la Вольтеръ. Вы знаете, что это всегда было мое мнѣніе.

Вашъ scenario въ разсказѣ показался мнѣ прелестнымъ и комичнымъ. Если вы слишкомъ остановитесь на немъ, если выкажете слишкомъ много учености...

Все же вы принялись за дѣло. *Завоеваніе Плоссана* Золя было

переведено въ сокращеніи въ одномъ русскомъ журналѣ, потомъ его переведутъ *in extense*. Его любятъ въ Россіи.

Еслибы вы воспользовались вашимъ ледникомъ въ Righi, что бы придумать что-нибудь страстное, пылкое, пламенное, а? Вѣдь, это мысль! Но главное, освѣжайтесь сами. Къ несчастью, у нѣкоторыхъ людей скука возбуждаетъ и волнуетъ кровь. Возвращайтесь къ намъ блѣднымъ и безцвѣтнымъ, какъ стихъ Ламартина.

Я получилъ хорошія извѣстія отъ моихъ парижскихъ и буживальскихъ друзей. Это вливаетъ бальзамъ въ мою душу.

Что касается до политики... Большая безславная сабля будетъ управлять вами въ продолженіе 7 лѣтъ, и вы увидите, что она кончитъ тѣмъ, что будетъ управлять вами одна, безъ палатъ. Я вспоминаю, что въ деревнѣ (гдѣ у меня очень хорошая библіотека) я прочелъ въ одномъ сборникѣ подъ заглавіемъ: *Избранныя рѣчи, произнесенныя на французской трибунѣ съ 1789 по 1821 г.*, рѣчь Робеспьера по вопросу: долженъ ли быть судимъ Людовикъ XVI? Она показалась мнѣ прекрасной! Позднѣе, къ концу своей карьеры, Робеспьеръ испортился; онъ вдался въ чувствительность и въ пышныя фразы, трогательныя и трескучія, но въ этомъ молодцѣ были и хорошія стороны.

До свиданія, мой другъ, по всему вѣроятію въ Круассе, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и, будемъ надѣяться, въ добромъ здоровьѣ!

Обнимаю васъ.

Вашъ старый

И. Тургеневъ.

PS. Увѣрены ли вы, что вы въ Карлсбадѣ? Вы два раза пишете Карлтбадъ, но это невозможное названіе. Я какъ-нибудь смажу въ адресѣ.

XXXII.

Буживаль, Les Frênes. Понедѣльникъ, 11 окт. 1875 г.

Видъ вашего почерка, мой старый Флоберъ, доставилъ мнѣ ...льшое удовольствіе, а чтеніе вашего письма еще большее: вы ...ять выплываете и вы составляете... я чуть не сказалъ литера...рные планы?! Однимъ словомъ, васъ занимаетъ мысль, что вы ...имитесь за работу. Это хорошо, и я увѣренъ, что вы намъ да...е *тридцать страницъ*.

Les Frênes. Среда, 15 окт. 1875 г.

Я остановился на этомъ мѣстѣ моего письма, мой дорогой другъ, когда что-то помѣшало мнѣ, и вотъ я къ моему большому удивленію нахожу его въ своемъ бюварѣ. Я думалъ, что оно уже давно отправлено. Я выругалъ себя большимъ болваномъ и снова принимаюсь писать.

Итакъ я говорю, что мысль о тридцати страницахъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я тоже только что обѣщалъ моему русскому издателю разсказъ въ тридцать страницъ (2 печатныхъ листа) къ 26 ноября—крайнее число! А я еще не знаю даже, съ чего начать. Мой большой романъ отложенъ на неопредѣленное время, подобно Б. и П. *). Мой издатель съ грозными криками требуетъ отъ меня: Что-нибудь! И вотъ я закабалилъ себя. Посмотримъ, кто изъ насъ кончитъ скорѣе?

Увы, да, мы оба стары, мой дорогой другъ. Это безспорно. Постараемся по крайней мѣрѣ забавляться какъ старики. Кстати, читали ли вы въ *République Française* (отъ 10 или 11) фельетонъ подъ заглавіемъ *Самоубійство Ребенка* и подписанный X? Онъ поразилъ меня; ясно, что человѣкъ, написавшій это, принадлежитъ къ вашей школѣ. Если онъ молодъ, то будущее за нимъ. Постарайтесь достать себѣ эту вещь и скажите мнѣ ваше мнѣніе.

Здѣсь всѣ здоровы. Меня довольно сильно помучилъ циститъ,—такъ, кажется, называется воспаленіе мочевого пузыря; я провелъ двѣ скверныя ночи, и три дня пролежалъ въ постели. Теперь это почти прошло. Эти небольшія напоминанія, эти визитныя карточки намъ посылаетъ г-жа Смерть для того, чтобы мы не забыли ее.

Мы останемся здѣсь до 1 ноября. Погода стоитъ мягкая, пасмурная, сырая, не непріятная. Я не могу поселиться въ моемъ новомъ помѣщеніи въ этомъ году, но я хожу туда время отъ времени, пишу тамъ письма, какъ это и т. п. Въ каминѣ горитъ огонь, и все же спинѣ холодно.

Въ *Temps* былъ помѣщенъ также хорошенькій фельетонъ m-me Зандъ (написанный въ 1829 г., когда ей было 25 лѣтъ), вы должно быть читали его. Золя написалъ въ русскомъ журналѣ чудную статью о Гонкурахъ. Это заставитъ переводить ихъ романы.

Напишите мнѣ приблизительное число вашего возвращенія въ Круассе. Вы не останетесь дольше на берегу моря, я воображаю? И вы пріѣдете въ Парижъ, несмотря ни на что?

---

*) Буваръ и Пекюше.

Ваши друзья думают сгруппироваться вокругъ васъ такъ, чтобы вамъ было тепло.

Въ ожиданіи засвидѣтельствуйте мои дружескія чувства m-me Комманвиль. Васъ я обнимаю

И остаюсь
Вашъ вѣрный старый другъ
Ив. Тургеневъ.

XXXIII.

Спасское, Орл. губ., городъ Мценскъ. Воскресенье, 18 іюня 1876 г.

Мой дорогой другъ!

Я съ сегодняшняго утра въ своемъ Патмосѣ и унылъ, какъ ночной колпакъ. Замѣтили ли вы, что въ такія минуты обыкновенно пишутъ своимъ лучшимъ друзьямъ? Жара стоитъ въ 32 *градуса по Реомюру* въ тѣни. И вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря холоду въ 9 градусовъ ниже нуля, который былъ 21 мая, вся зелень сада испещрена сухими листочками, которые смутно наводятъ на мысль о мертвыхъ дѣтяхъ, и мои старыя липы бросаютъ такую жидкую, слабую тѣнь, что жалко смотрѣть на нее. Прибавьте къ этому, что мой братъ, который долженъ былъ ждать меня здѣсь для устройства денежныхъ дѣлъ, очень важныхъ для меня, уѣхалъ въ Карлсбадъ пять дней тому назадъ, что я думаю, что у меня будетъ подагра (которая была у меня въ это самое время и въ этомъ самомъ мѣстѣ два года тому назадъ), что я пріобрѣлъ почти несомнѣнную увѣренность, что мой управляющій грабитъ меня, и что я не могу отъ него отдѣлаться,—и судите о положеніи.

Смерть m-me Зандъ также причинила мнѣ много горя. Я знаю, что вы ѣздили въ Ноганъ на погребеніе, и я хотѣлъ послать соболѣзнующую телеграмму отъ имени русской публики, но меня остановили смѣшная скромность, боязнь *Figaro*, рекламы,—разныя глупости, однимъ словомъ!

Русское общество принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыя m-me Зандъ имѣла наибольшее вліяніе, и надо было сказать это,— чортъ возьми!—и я имѣлъ на это право въ концѣ концевъ, но вотъ! Бѣдная, милая m-me Зандъ, она любила насъ обоихъ, васъ въ особенности, и это понятно; какое золотое сердце было у нея! какое отсутствіе мелкихъ, фальшивыхъ, узкихъ чувствъ! какой то былъ славный человѣкъ и какая славная женщина! Теперь это тамъ, въ страшной ямѣ, ненасытной, нѣмой и глупой, и не сознающей даже, что она пожираетъ! Но ничего не подѣлаешь, поста-

раемся держать подбородокъ надъ водой. Пишу вамъ въ Круассе— предполагаю, что вы тамъ. Принялись ли вы снова за работу? Если я ничего не сдѣлаю здѣсь, то, значитъ, все кончено; здѣсь тишина, о которой ничто не можетъ дать понятія; ни одного сосѣда на двадцать километровъ въ окружности! все томится въ неподвижности! Домъ плохой, но не слишкомъ теплый, и мебель хороша. Превосходный письменный столъ и кресло съ двойнымъ сидѣньемъ изъ тростника! Есть еще очень опасный диванъ, — какъ только попадаешь на него, такъ засыпаешь,—я постараюсь избѣгать его. Я начну съ окончанія *Св. Юліанія* *).

Въ углу комнаты стоитъ старая византійская икона, совсѣмъ черная, въ серебряной ризѣ, ничего кромѣ огромнаго, мрачнаго, суроваго лица; она мнѣ немного надоѣдаетъ, но я не могу велѣть убрать ее, мой слуга счелъ бы меня за язычника, а здѣсь съ этимъ шутить нельзя.

Черкните мнѣ слова два веселѣе, чѣмъ эти. Обнимаю васъ и остаюсь

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ.*

PS. Знаете ли, что черкесъ Гассанъ, убивающій министровъ парами, какъ куропатокъ, внушаетъ мнѣ нѣкоторое уваженіе?

PPS. Мои дружескія пожеланія вашей племянницѣ и ея мужу.

XXXIV.

Спасское, Орловской губ., городъ Мценскъ.
Вторникъ, 23 іюня (4 іюля) 76.

Дорогой старина,

Пишу вамъ отсюда въ Круассе, изъ одного Патмоса въ другой. Я получилъ вчера ваше письмо, и вы видите, я отвѣчаю не медля.

Да, жизнь m-me Зандъ была полна, и между тѣмъ, говоря о ней, вы говорите: бѣдная m-me Зандъ. Этотъ эпитетъ подходитъ къ умершимъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ они достойны жалости,— смерть такая ужасная вещь. Я помню глаза маленькой Авроры; они удивительно глубокіе и добрые и походятъ въ самомъ дѣлѣ на глаза бабушки; они почти слишкомъ добрые для дѣтскихъ глазъ. Золя написалъ, кажется, длинную статью о m-me Зандъ въ русскомъ журналѣ; статья очень хорошая, говорятъ, но немного сурова. Золя не можетъ судить о m-me Зандъ вполнѣ вѣрно,— разстояніе между ними слишкомъ велико.

---

*) *Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ*, произведеніе Флобера, переведенное Тургеневымъ.

Я вижу, какіе страшные глаза вы дѣлаете передъ Адріэномъ Марксомъ; нужна совсѣмъ особенная грязь для того, чтобы производить подобнаго рода шампиньоны.

Вы работаете въ Круассе. Ну, я удивлю васъ. Никогда я не работалъ такъ, какъ работаю съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь: я провожу ночи безъ сна, склонившись надъ столомъ. Ко мнѣ снова вернулась иллюзія, которая заставляетъ думать, что можно сказать: Нѣтъ, ни что-нибудь такое, что никогда не было сказано. Мнѣ это все равно, но по другому! И замѣтьте, что при этомъ я подавленъ заботами о денежныхъ дѣлахъ, объ администраціи, объ арендныхъ платахъ и мало ли еще чѣмъ! (По этому поводу я могу вамъ сказать, что все не такъ еще плохо, какъ я думалъ въ первую минуту, и я кстати въ восторгѣ, что въ дѣлахъ вашего племянника начинаютъ проглядывать лазурные просвѣты). Но *Св. Юліаній* страдаетъ отъ этого избытка дѣятельности.

Мой проклятый романъ *) совершенно завладѣлъ мной, несмотря ни на что. Вы можете быть спокойны, переводъ обѣщанъ въ октябрьскій номеръ *Вѣстника Европы*. Онъ появится тамъ, или я умру.

Я не читалъ статей Фромантэна. Я не читалъ книги Ренана; я ничего не могу читать теперь, за исключеніемъ только газеты, которую я получаю, которая говоритъ мнѣ о событіяхъ на Востокѣ и читая которую, кажется, что все это видишь во снѣ. Я думаю, что это начало конца, но сколько отрубленныхъ головъ, сколько изнасилованныхъ, истерзанныхъ женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей! Я думаю также, что мы (я говорю о русскихъ) не можемъ избѣжать войны.

Вы хотите знать видъ моего жилища. Оно очень некрасиво. Вотъ нѣчто приблизительное:

Illustration to come **).

Я не знаю, хорошо ли вы поймете. Это деревянный, очень старый домъ, обшитый тесомъ и выкрашенный водяною краской въ свѣтло-лиловый цвѣтъ; передъ домомъ веранда, увитая плющомъ; обѣ крыши (A и B) желѣзныя и выкрашены въ зеленый цвѣтъ; наверху никто не живетъ и окна забиты. Этотъ домикъ все, что осталось отъ огромнаго жилища въ видѣ подковы, вотъ такъ:

Illustration to come,

которое было сожжено въ 1870, x—домъ, въ которомъ я живу.

Вчера вечеромъ, съ вашимъ письмомъ въ карманѣ, я сидѣлъ

---

*) *Новь*.

**) Рисунокъ.

на ступенькахъ веранды, а передо мной около шестидесяти крестьянокъ, одѣтыхъ почти всѣ въ красное и очень безобразныхъ (за исключеніемъ одной. Молодая, *шестнадцати* лѣтъ, у которой только что была лихорадка и которая удивительно походила на Дрезденскую Сикстинскую Мадонну). Онѣ плясали, какъ сурки или медвѣдихи, и пѣли рѣзкими, пронзительными, но вѣрными голосами. Это былъ маленькій праздникъ, устроить который онѣ просили меня, что было, впрочемъ, очень легко: два ведра водки, пирожки, орѣхи — вотъ и все. Онѣ тряслись, я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ было страшно грустно. Маленькую Сикстинскую Мадонну зовутъ Марія, какъ бы нарочно.

Но довольно. Я напишу вамъ еще, прежде чѣмъ уѣду отсюда. А пока крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ старый
И. Тургеневъ.

P.S. Я нахожу, что краски здѣшняго пейзажа блѣдны: небо, зелень, земля—блѣдность довольно теплая и золотистая. Это было бы только мило, еслибы широкія линіи, широкій ровный просторъ не придавали бы всему величія.

XXXV.

Буживаль, Les Frênes. Вторникъ, 8 августа 76.

N.B. На этой щегольской бумагѣ пишу вамъ случайно.

Мой дорогой другъ, два дня, какъ я здѣсь, послѣ путешествія во весь духъ черезъ Россію, Германію, и ваше письмо доставило мнѣ очень большое удовольствіе. Вы здоровы и вы работаете; я также здоровъ и я работалъ, такъ какъ, вещь невѣроятная, я окончилъ мой большущій романъ *), и я могу снова приняться за работу, такъ какъ мнѣ надо переписать его, онъ долженъ быть готовъ черезъ два мѣсяца, что будетъ не легко, вы знаете, что значитъ переписать. Бываютъ страницы, гдѣ не остается ни строчки.

Я, какъ Улиссъ, видѣлъ много вещей и людей, и нашелъ всѣхъ своихъ въ полномъ здоровьѣ. Я прогналъ управляющаго, который укралъ у меня около 130,000 фр., довольно значительная часть моего состоянія. Почему я былъ глупъ? Изъ лѣни я допустилъ себя до слѣпого довѣрія, хотя чувствовалъ очень хорошо, смотря на это сладкое, волосатое лицо, что оно принадлежитъ мошеннику. Ну, тѣмъ хуже, и пусть онъ переваривает мои деньги!

---

*) *Новь.*

У меня есть твердое намѣреніе оторваться отъ моей переписки дня на 2, на 3 (около 25 этого мѣсяца) и проѣхать въ Круассе прослушать *Попугая*. Вмѣстѣ съ перепиской я займусь окончаніемъ перевода *Св. Юліанія*, такъ какъ онъ долженъ появиться въ Россіи 1-го ноября.

Я только что прочелъ статью этого Господина о Ренанѣ. Это гнусно; вся эта *République des Lettres* воняетъ аффектаціей и чѣмъ-то, я не знаю, лживымъ и низкимъ.

Золя написалъ мнѣ. Онъ здоровъ и возвращается въ Парижъ въ концѣ сентября. Мой Chālet мнѣ нравится; онъ будетъ мнѣ нравиться еще больше, когда пройдетъ запахъ новой мебели. Погода стоитъ прекрасная, зелень деревьевъ передъ моими окнами отливаетъ чудными бархатистыми и золотистыми тонами. Это очень красиво.

Когда будете писать вашей племянницѣ, передайте ей отъ меня тысячу пожеланій, и до свиданья черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ.

Вашъ старый
И. Тургеневъ.

XXXVI.

Буживаль, Les Frênes. Chālet. Среда, 29 августа 76.

Мой дорогой другъ,

Я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ же, потому что мнѣ хотѣлось теперь же опредѣлить день моего пріѣзда въ Круассе, а это было не легко; но вотъ я получаю вашу телеграмму, и я вынужденъ сказать вамъ, что я не *могу* пріѣхать раньше 10 сентября, но тогда навѣрно.

Я въ восторгѣ, что вы кончили вашу работу. Если я найду, что *для начала* лучше, чтобы въ русскомъ журналѣ появился *Св. Юліаній*, я примусь за него, хотя тотъ уже почти конченъ. Вы знаете, что у насъ есть еще время до 1-го ноября.

Я съ головой ушелъ въ переписку, и это дѣло надоѣдаетъ мнѣ.

Въ концѣ-концовъ я здоровъ, но я чувствую, что меня окутываетъ какой-то старческій туманъ, очень непріятный.

Итакъ, мой другъ, до 10, безъ обмана.

Обнимаю васъ.

Вашъ
И. Тургеневъ.

XXXVII.

Буживаль, Les Frênes. Châlet. Воскресенье, 23 сентября 76.

Мой старый злодѣй,

Я вернулся сюда безъ помѣхъ; у меня не было времени навѣстить Маньи, но я видѣлъ Пелле. Я отдалъ на его разсмотрѣніе спорный вопросъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:

«— Такъ дѣлаютъ, и даже часто, но это не соотвѣтствуетъ правиламъ хорошей кухни».

Въ результатѣ я проигралъ вамъ шесть бутылокъ шампанскаго, но если *матеріальная* побѣда не за мной, то нравственная за мной!

Я снова принялся за переписку. Сегодня вечеромъ второй разъ перечту *Простое сердце*. Тысяча дружескихъ пожеланій всему Круассе.

Надѣюсь, что ваша племянница скоро встанетъ, и обнимаю васъ.

Кушающій жаренаго цыпленка, горячаго, безъ горчицы.

И. Т.

XXXVIII.

Буживаль, Les Frênes. Châlet (Seine-et-Oise).
Среда, 25 октября 76.

Пишу вамъ въ среду, и ваше письмо помѣчено средой, но сколько прошло недѣль? Двѣ, три, сто, тысяча, я не знаю! Что я дѣлалъ во все это время?—Ничего, и я ничего не знаю. Дни текли какъ вода, какъ песокъ. А вы, работали ли вы? Какъ здоровье m-me Комманвиль? Надѣюсь, что она давно встала. Когда вы пріѣдете въ Парижъ? Мы останемся здѣсь еще дней десять. Всѣ эти дни небо было пасмурно. Я ничего не читалъ. Впрочемъ, нѣтъ. Я прочелъ вторую пѣснь *Донъ-Жуана* лорда Байрона, и это былъ блестящій лучъ среди сумрака.

Было два или три прекрасныхъ музыкальныхъ вечера. Одну ночь меня промучили почечныя колики. Я думалъ, что подохну.

Но вотъ!

Напишите мнѣ слова два и передайте отъ меня тысячу хорошихъ пожеланій m-me и m-lle Комманвиль.

Я просто одурѣлъ, но это не мѣшаетъ мнѣ обнять васъ.

Вашъ

И. Тург.

XXXIX.

Буживаль, Les Frênes. Среда, 8 ноября 76.

Мой дорогой другъ,

Я погруженъ въ хлопоты по укладкѣ,—мы ѣдемъ послѣ завтра въ Парижъ; какъ только я водворюсь тамъ, я напишу вамъ болѣе подробно.

Вѣстникъ Европы далъ мнѣ знать, что онъ не можетъ напечатать *Св. Юліанія* за *моей* подписью *раньше* моего романа, въ виду обѣщанія не печатать ничего моего или подписаннаго моимъ именемъ раньше этой вещи; но такъ какъ романъ будетъ помѣщенъ въ январьскомъ номерѣ, *Св. Юліаній* пойдетъ въ февральской, раньше своего появленія во Франціи. Мнѣ думается, что я нашелъ хорошаго переводчика для *Простого сердца.*

Я въ восторгѣ, что m-me Комманвиль выздоровѣла и выходитъ. Передайте ей отъ меня тысячу пожеланій.

Что касается гигантскихъ трудностей *Иродіады*, я вѣрю въ нихъ, но я убѣжденъ, что вы побѣдите ихъ. Я не читалъ фельетона Золя, но я прочелъ первую часть *Assomoir*. Чортъ, чортъ!... мы поговоримъ объ этомъ. Напишу вамъ дня черезъ два, черезъ три, какъ только устроюсь въ Парижѣ. Мои почечныя колики были простою случайностью, очень непріятною, конечно, но съ тѣхъ поръ мое здоровье недурно.

До скораго свиданія. Обнимаю васъ.

Вашъ

И. Тургеневъ.

XL.

Парижъ, 50, rue de Douai. Суббота, 2/9 декабря 76.

Дорогой старина,

Ровно недѣлю тому назадъ я взялъ этотъ листокъ бумаги, чтобы написать вамъ; но я не написалъ ни слова. У меня скверное расположеніе духа: я чувствую себя старымъ, скучнымъ, тусклымъ, безполезнымъ и глупымъ. У меня былъ припадокъ подагры, но онъ кончился раньше времени. Я поправляю корректуры моего романа, который мнѣ пересылаютъ изъ Петербурга, и нахожу его пошлымъ, незначительнымъ *). Я почти никого не вижу. Я нахожу, что вы слишкомъ долго остаетесь внѣ Парижа; еслибъ я могъ говорить съ вами, все это улеглось бы, но писать надо было бы

*) *Новь.*

слишкомъ много: 1-е—это скучно, 2-е—на бумагѣ надо говорить все, даже то, что само собою понятно.

У насъ былъ обѣдъ съ Золя и Гонкуромъ; Додэ не могъ придти. Жалѣли о вашемъ отсутствіи. М. Пелле далъ намъ отвратительный обѣдъ; не надо больше ходить туда. Ну, когда же увидятъ васъ въ Парижѣ? Подвигается ли работа? Какъ здоровье?

Гонкуръ прочелъ намъ отрывокъ изъ своего романа *) прерывающимся отъ волненія голосомъ. Мнѣ казалось страннымъ, что человѣкъ съ сѣдыми волосами можетъ придти въ такое волненіе. То, что онъ прочелъ намъ, показалось мнѣ хорошо, но немного недодѣланнымъ. Я сунулъ носъ въ *Assomoir*. Въ восторгъ не пришелъ. Только это между нами. Талантъ есть, конечно, но романъ тяжелъ и слишкомъ много тамъ возни съ ночною посудой.

Когда вы возвращаетесь, рѣшительно? Дайте мнѣ знать объ этомъ не медля,—не подражайте мнѣ. А что вы скажете о грязи, въ которой здѣсь барахтаются? У насъ, навѣрное, будетъ война, что̀ бы тамъ ни говорили.

Я надѣюсь имѣть доходъ въ 10,000 рублей на весь 1877 годъ. Въ хорошія времена это составило бы 35,000 франковъ, въ средніе 30,000, въ дурныя 25,000, а надо разсчитывать на 25,000 не больше. Такъ какъ у меня на 10,000 франк. обязательствъ, и столько же долговъ, то останется немного. Терпѣніе!

Засвидѣтельствуйте мои дружескія чувства вашей племянницѣ и ея мужу. Я—прѣлая груша, старая тряпка, но я очень люблю васъ.

До свиданья.

И. Тургеневъ.

XLI.

Парижъ, 50, rue de Douai. Вторникъ 19 декабря 1876 г.

Мой дорогой старина,

Я возвращаюсь изъ добродѣтельнаго семейнаго путешествія, которое отняло у меня три дня и во время котораго я не мало скучалъ. И вотъ я отвѣчаю на ваше письмо. Покончимъ сначала съ вопросомъ о трехъ разсказахъ.

Св. Юліаній переведенъ, находится въ рукахъ издателя и будетъ оплаченъ по обычной для меня цѣнѣ, то-есть онъ дастъ намъ 300 р. (рубль колеблется между 2 фр. 85 с. и 3 фр. 30 с.) съ пе-

*) *La fille Elisa.*

чатнаго листа (16 страницъ), но вотъ зацѣпка: я формально обѣщалъ моему издателю и публикѣ (въ замѣткѣ, которую имѣлъ глупость напечатать) ничего не *давать* подъ моимъ именемъ, *до* моего большого романа. Я кончилъ этотъ романъ и отправилъ его въ С.-Петербургъ, и его въ настоящую минуту печатаютъ. Только змѣя издатель, вмѣсто того, чтобы напечатать его цѣликомъ, какъ онъ мнѣ форменно обѣщалъ, дѣлитъ его на двѣ половины, такъ что онъ появится въ двухъ книгахъ 1 (13) января и 1 (13) февраля, и онъ какъ хорошо меня опуталъ, что, въ моемъ качествѣ прѣлой груши, я далъ свое согласіе на это изуродованіе, которое отбрасываетъ несчастнаго *Юліанія* на мартъ мѣсяцъ, 1 (13). Надо, слѣдовательно, напечатать и два другіе разсказа. Во всякомъ случаѣ *Простое сердце* не *должно* быть напечатано одно. Это не невозможно, судя по тому, что вы пишите. Я отдалъ *Простое сердце* одной русской барышнѣ-писательницѣ, хорошо владѣющей языкомъ. Она въ Парижѣ, и если она съ честью выйдетъ изъ испытанія, я довѣрю ей также *Иродіаду*; конечно, я тщательно пересмотрю переводъ. Я перепишу его, если надо, такъ какъ необходимо, чтобы стояло мое имя! Иначе скажутъ, если онъ перевелъ первый разсказъ, то почему не переводитъ и другіе? Значитъ они не такъ хороши? Только такимъ образомъ мы можемъ имѣть хорошую плату *).

Но другія затрудненія! Я уѣзжаю въ Петербургъ (это между нами) 15 февраля и пробуду тамъ мѣсяцъ. Если возможно, что къ тому времени вы еще не будете готовы, я возьму съ собой только оригиналъ, такъ какъ у меня не будетъ времени сдѣлать переводъ хорошо. Тогда мнѣ надо будетъ найти кого-нибудь въ Петербургѣ, что не невозможно. *Конечный результатъ:* старайтесь кончить *Иродіаду* въ первыхъ числахъ февраля, и тогда мы посмотримъ.

Что до другихъ пунктовъ, о которыхъ говорится въ вашемъ письмѣ, то я отвѣчу въ краткомъ стилѣ, такъ какъ не хочу написать больше страницы.

1. Настойчивая просьба поспѣшить вашимъ возвращеніемъ, такъ какъ мнѣ васъ страннымъ образомъ недостаетъ.

2. Относительно Золя мы сходимся. Въ пятницу будетъ нашъ обѣдъ въ ресторанѣ Opéra Comique. Пелле—свинья.

3. Ренанъ. Его статья очень интересна во всемъ, что касается лично, но какой недостатокъ колорита и жизни! Я ничего не

*) Какъ мы упомянули въ предисловіи, два разсказа Флобера, *Св. Юліаній* и *Иродіада*, появились за подписью Тургенева, какъ переводчика и включены въ русское изданіе полнаго собранія сочиненій Тургенева.

вижу — ни Бретани, ни всѣхъ праведниковъ, ни его матери, ни его маленькихъ дѣвочекъ, благодаря которымъ произошло раздвоеніе въ его первой любви, ни его самого! И зачѣмъ онъ говоритъ, что *Богъ* далъ ему дочь *)?

4. Я не читалъ Монтегю, потому что онъ мнѣ противенъ. По всему вѣроятію войны не будетъ. Вы косвенно заинтересованы въ этомъ, такъ какъ она чертовски вліяетъ на курсъ рублей. Перемѣну министра я встрѣтилъ холодно. «Germiny» пирамидальна! Вотъ что можетъ заставить повѣрить въ существованіе Бога, эгоистичнаго, ироническаго и насмѣшливаго! У меня была m-me Комманвиль. Я былъ этимъ очень восхищенъ и очень польщенъ. Я нашелъ, что видъ у нея превосходный.

А теперь обнимаю васъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLII.

50, rue de Douai. 2 января 77.

Мой дорогой другъ!

На слѣдующей страницѣ вы найдете стихотвореніе, продиктованное школьнымъ учителемъ классу (по случаю Новаго года), и которое сынъ нашего консьержа, мальчикъ восьми лѣтъ, поднесъ своимъ родителямъ. Мать (она, кстати, читать не умѣетъ) принесла показать эту чудную вещь m-me Віардо. Она была такъ горда этимъ, что у нея слезы стояли на глазахъ; а я поспѣшилъ переписать это настоящее произведеніе искусства и послать его вамъ. Измѣряйте если можете глубину души этого «піона» **), растворившагося въ риторикѣ!

У меня отъ подагры болитъ колѣно; надѣюсь, что это скоро кончится, но сейчасъ я не могу двигаться.

А вы, вы все хорошо работаете?

Здоровье хорошо?

Дружески обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

---

*) Статья Ренана, о которой говоритъ Тургеневъ, глава *Воспоминаній дѣтства* французскаго философа, появившаяся въ *Revue des Deux Mondes* 1 декабря 1876 г. Эти *Воспоминанія* были соединены въ одну книгу нѣсколько лѣтъ спустя.

**) Классный наставникъ (Pion).

Chers Parents *).

Un nouvel an commence sa carrière,
Et vous savez les voeux que mon coeur peut former.
Il en est surtout un que l'amour nous suggère
C'est de vous voir toujours m'aimer
Autant que je cherche à vous plaire!
Jaloux du bonheur des amants
Le temps s'amuse à détruire leur chaîne,
Ce noeud qui leur fut cher, les fatigue et les gêne.
Le vent emporte leurs serments,
Et pour l'amante infortunée
Le plus souvent la bonne année
Est celle qui vient de finir!
Mais la tendresse filiale
N'est point sujette au repentir;
Toujours vive, toujours égale,
Le temps ne peut arrêter ses progrès,
Semblable aux feux de la Vestale,
Son ardeur ne s'éteint jamais!

XLIII.

Парижъ, 50, rue de Douai, въ среду вечеромъ 24 января 1877.

Мой дорогой старина!

Посылаю вамъ два нумера *Temps*, гдѣ помѣщена одна моя маленькая бездѣлка. Прочтите это, когда вамъ нечего будетъ дѣлать.

Первая часть моего романа, появившаяся въ Россіи, доставила, кажется, большое удовольствіе моимъ друзьямъ и очень мало публикѣ. Газеты находятъ, что я выдохся, и побиваютъ меня моими же собственными прежними произведеніями (какъ васъ *Madame Bovary*).

Я радуюсь, что вы работаете хорошо, а m-me Комманвиль, которую я видѣлъ и нашелъ въ полномъ здоровьѣ и хорошемъ настроеніи, сказала мнѣ, что вы вернетесь раньше, чѣмъ предпола-

---

*) Дорогіе родители, Новый годъ начинаетъ свой путь, и вы знаете пожеланія го сердца. Между ними одно главное, которое подсказываетъ намъ любовь: чтобы всегда любили меня такъ же, какъ я стараюсь понравиться вамъ. Время, зависчастью влюбленныхъ, стремится уничтожить соединяющія ихъ звенья. Узы, коія были имъ такъ дороги, утомляютъ и стѣсняютъ ихъ. Вѣтеръ уноситъ ихъ вы, и для несчастной влюбленной хорошій годъ чаще всего тотъ, который конся; но сыновняя любовь не можетъ вызывать раскаянія, всегда живая и всегда ная, она не можетъ ослабѣть отъ времени. Подобно огнямъ Весты, ея пламя ниа не потухаетъ!

гали. Bravo! Мнѣ недоставало васъ здѣсь. Что до меня, я не уѣду раньше первыхъ чиселъ марта.

Золя прислалъ мнѣ свой *Assomoir*. Это толстая книга, я примусь за нее.

Бѣдный Мопассанъ совсѣмъ полинялъ! (Онъ былъ у меня). Это—желудочная болѣзнь, по его словамъ. Онъ все такъ же милъ, но очень безобразенъ теперь.

Несмотря ни на что, я продолжаю вѣрить въ войну весной.

А теперь обнимаю васъ и до свиданья.

И. Тургеневъ.

XLV.

Буживаль, Les Frênes, 15, rue de Mesmer. Вторникъ, 24 іюля 1877.

Мой дорогой старина!

Я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ же потому, что у меня была смутная надежда поѣхать въ Круассе, чтобы самому привезти вамъ вашъ халатъ, но въ настоящую минуту эта надежда исчезла, и я посылаю вамъ халатъ *) по желѣзной дорогѣ.

Моей ногѣ лучше, но мнѣ еще невозможно много ходить.

Мнѣ кажется, я кончу тѣмъ, что попробую новое лѣкарство, которое расхваливаютъ въ журналахъ и названіе котораго начинается съ sal и кончается на ate. Эта негодная подагра принимаетъ у меня полухроническую, полуострую форму, которая надоѣдаетъ мнѣ. Жаль, что Б. и П. покончили съ медициной, я спросилъ бы ихъ мнѣніе.

Въ Россіи я сдѣлалъ ¼ того, что хотѣлъ сдѣлать, но и это уже нѣчто; конечно, я главное не сдѣлалъ. Я не видѣлъ моего брата. Все это въ тѣни.

Я бы очень хотѣлъ, чтобы война кончилась, хотя бы для того, чтобы могъ подняться курсъ русскаго рубля. Настоящее положеніе совершенно парализуетъ мои средства. Вы работаете, это хорошо; а дѣла, то, что, вы помните, такъ много обѣщало, какъ обстоитъ съ этимъ?

Что до моей литературы, она теперь въ глубочайшей изъ безднъ.

Я видѣлъ маленькую новеллу Золя въ *Echo Universel*. Начало въ особенности замѣчательно. Мой дружескій привѣтъ всѣмъ.

Обнимаю васъ.

Ив. Тург.

---

*) Подарокъ Тургенева Флоберу; шелковый татарскій халатъ, шитый разноцвѣтнымъ шелкомъ и золотомъ.

XLV.

Каэнъ, Grand-Hôtel de la Place Royale.
Пятница вечеромъ, 17 августа 77.

Каэнъ? Почему Каэнъ? спросите вы, мой дорогой старина! Что значитъ Каэнъ, чортъ возьми! А вотъ что: дамы семейства Віардо дожны провести пятнадцать дней на берегу моря, или въ Люкѣ или С-тъ-Овенѣ, и меня послали впередъ, чтобы найти что-нибудь. Я взялъ ваше письмо съ собой и спѣшу сказать вамъ, что вашъ пріѣздъ мнѣ очень подходитъ, такъ какъ я со *вторника* вернусь въ Буживаль и буду ждать словечко отъ васъ въ Frênes, чтобы знать, когда мнѣ выѣхать встрѣтить васъ въ Парижъ въ Faubourg St. Honoré. Мы поговоримъ такъ, что стѣны въ комнатѣ задрожатъ! Итакъ, начиная со вторника, я жду отъ васъ слова.

Обнимаю васъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLVI.

Буживаль, Les Frênes. Четвергъ, 30 августа 1877.

Мой дорогой другъ!

Когда вы говорите со мной, вы думаете, что имѣете дѣло съ человѣческимъ существомъ; разочаруйтесь,—я только старая посудина для подагры. Это значитъ, что она опять со страшною силой напала на меня съ іюня мѣсяца, когда мы завтракали вмѣстѣ, и что съ тѣхъ поръ я лежу на боку. Въ истекшую ночь она поднялась отъ пятки къ колѣну и, по всему вѣроятію, еще не закончила свои странствованія. Поэтому, если хотите меня видѣть, надо сдѣлать какъ Магометъ: подойти къ Горѣ.

Затѣмъ обнимаю васъ и желаю вамъ кучу хорошихъ вещей,—не имѣть подагры.

Вашъ
Ив. Тург.

VII.

Буживаль, Les Frênes. Суббота, 1 сентября 1877 г. 8 ч. утра.

Мой дорогой другъ,

Пишу вамъ, чтобы помѣшать вамъ подойти къ Горѣ, если у съ была эта мысль. Я рѣшился потащиться въ Парижъ на моихъ тыляхъ,—въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться съ д-мъ Сэ. Я долъ былъ отложить это до среды, такъ какъ воскресенья и поне-

дѣльники онъ проводитъ въ Трувилѣ, а по вторникамъ не принимаетъ. Не знаю, когда онъ отпуститъ меня, и мнѣ невозможно подняться на вашъ пятый этажъ. Поэтому наше свиданье, обѣдъ и т. д., все падаетъ въ воду. Послѣ 40 лѣтъ только одно слово составляетъ суть жизни: *Отказываться.*

Обнимаю васъ и желаю вамъ здоровья, дѣятельности и т. д., и т. д.

Вашъ старый
И. Тургеневъ.

XLVIII.

Буживаль, Les Frênes-Châlet. Пятница, 5 октября.

Мой дорогой другъ,

Только одно слово, сказать вамъ, чтобы вы не удивлялись моему молчанію, по многимъ причинамъ, которыя скажу, когда мы увидимся. Все это время я предавался мрачнымъ мыслямъ и былъ совершенно неспособенъ къ человѣческому общенію.

Какъ только будетъ возможно, я пріѣду къ вамъ, заранѣе предувѣдомлю васъ.

Я ничего не читаю, ничего не дѣлаю, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно здоровъ, благодаря салициловому натрію.

Бракъ m-lle Viardot немного отложенъ.

Работайте получше за насъ обоихъ. Обнимаю васъ.

Вашъ вѣрный
И. Тургеневъ.

XLIX.

Парижъ, 50, rue de Douai. Четвергъ, 8 ноября 1877 г.

Я долженъ все же написать вамъ, хотя бы для того, чтобъ узнать, сколько времени вы думаете еще пробыть въ Круассе, потому что я *хочу* пріѣхать къ вамъ, чего бы это ни стоило.

Вотъ десять дней, какъ мы оставили деревню и окончательно устроились здѣсь.

Здоровье мое лучше, благодаря салициловому натрію, который я принимаю уже два мѣсяца и который, кажется, вытѣснилъ подагру.

Мое главное горе въ томъ, что бракъ второй дочери m-me Віард съ человѣкомъ, котораго я любилъ и которому покровительствовал разстроился. Все произошло у меня на глазахъ. Были психологі ческія странности, которыя я желалъ бы видѣть лучше въ другом мѣстѣ.

Мы поговоримъ обо всемъ этомъ и еще о многомъ другомъ. Я никого не видѣлъ и не вижу. Золя, должно быть, вернулся, я думаю зайти къ нему на этихъ дняхъ. Надѣюсь, что вы здоровы и неустанно работаете. Шамеро *) сказалъ мнѣ, что ваши три разсказа вновь издаются. Тѣмъ лучше!

Обнимаю васъ.

Вашъ старый
И. Тургеневъ.

P. S. Хороша политика-то? Я всегда былъ увѣренъ, что министерство останется, и что дубовая голова, занимающая выгодное положеніе, сильнѣе всего народа.

L.

50, rue de Douai, Парижъ. Среда, 5 декабря 1877 г.

Мой милый старина,

Все въ томъ же горизонтальномъ положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ, со мной снова повторился припадокъ. Я не страдаю болѣе, но я начинаю спрашивать себя, какъ пользуются ногами; люди, которые ходятъ съ помощью костылей кажутся мнѣ богатырями, героями. Я представляю себѣ, что такимъ образомъ я въ одинаковомъ положеніи съ бѣдною Франціей, которая тоже не можетъ двинуть ни ногой, ни рукой. Какое положеніе, мой дорогой другъ! Этого никогда не было видано. Локомотивъ на всѣхъ парахъ несется къ безднѣ, а машинистъ спокойно чешетъ у себя въ... или складываетъ руки. А эта ложь, эта наглая ложь, которая сочится отовсюду, какъ замороженное полѣно на огнѣ: повторяю, ничего подобнаго никогда не было видано.

M-me Комманвиль была такъ добра и мила, что навѣстила больного. Я нашелъ, что видъ у нея чудный, сіяющій здоровьемъ. Я видѣлъ также Золя, который рѣшительно хочетъ написать пьесу для Сары Бернаръ.

Я только что кончилъ *Набоба*. Въ этой книгѣ есть многое выше уровня Додэ и многое *ниже*. То, что онъ наблюдалъ, великолѣпно; то, что онъ выдумываетъ—слабо, прѣсно и даже не оригинально. [Не]смотря на все это, хорошія стороны книги такъ хороши, что я [ду]маю, я рѣшусь написать ему *правдивое* письмо, которое доста[витъ] ему удовольствіе и огорченіе. Можетъ быть, въ концѣ кон[цовъ], я и не сдѣлаю этого.

---

*) Мужъ старшей дочери m-me Віардо и собственникъ большой типографіи.

А вы, работаете вы? М-ше Комманвиль говоритъ мнѣ, что да. Тѣмъ лучше. Пользуйтесь временемъ, пока никакая болѣзнь не пристала къ вамъ. Потому что разъ она придетъ, все кончено. Она внушаетъ вамъ резиньяцію, самоуничиженіе, съ христіанской точки зрѣнія, можетъ быть, и превосходныя, но ни къ чорту не годныя для того, кто можетъ еще что-нибудь сдѣлать.

Вы возвращаетесь къ Новому году не правда ли? Прощайте, обнимаю васъ.

У меня нѣтъ горя, но нѣтъ и никакой радости. Я кажусь самъ себѣ тѣнью изъ Елисейскихъ полей въ *Орфеѣ* Глюка. У меня долженъ быть ихъ взглядъ «глубоко удивленный и глубоко равнодушный», какъ говоритъ Жюль Симонъ, сдѣлавшись министромъ Макъ-Магона.—Жюль Симонъ Министръ, это на рѣдкость?

Вашъ другъ *Ив. Тургеневъ*.

Письмо, которое Тургеневъ собирался написать Додэ, было имъ написано и отослано, авторъ *Набоба* приводитъ его въ своей статьѣ о Тургеневѣ, написанной имъ въ 1883 г. для *Century Magazine* въ Нью-Йоркѣ. Вотъ оно:

Мой дорогой другъ!

Если я до сихъ поръ ничего не сказалъ вамъ о вашей книгѣ, то только потому, что хотѣлъ сдѣлать это подробнѣе, а не удовольствоваться нѣсколькими банальными фразами. Откладываю все это до нашего свиданія, которое теперь скоро наступитъ, надѣюсь, такъ какъ Флоберъ возвращается на этихъ дняхъ, и снова начнутся наши обѣды.

Скажу теперь только одно: изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ вами, *Набобъ*—самая замѣчательная и самая неровная. Если *Фромона и Рислуа* изобразить прямой линіей, то *Набоба* должно изобразить такъ: ~~~, и верхушки зигзаговъ могутъ быть доступны только *перворазрядному таланту*.

Прошу извинить меня за то, что объясняюсь такъ геометрически.

У меня былъ очень сильный и продолжительный припадокъ подагры. Я вышелъ въ первый разъ только вчера—и у меня ноги и колѣна точно у девяностолѣтняго человѣка. Я боюсь, что сдѣлаюсь тѣмъ, что англичане называютъ *a confirmed invalid* *).

Тысячу дружескихъ пожеланій m-me Додэ; сердечно жму вамъ руку **).

Вашъ *Иванъ Тургеневъ*.

---

*) Совершенный инвалидъ.

**) Это письмо въ статьѣ Альфонса Додэ помѣчено по ошибкѣ 24 мая 1877 г.,

LI.

Парижъ, 50, rue de Douai. Понедѣльникъ, 14 іюня 1878 г.

Мой дорогой другъ!

Я въ самомъ дѣлѣ странное существо, но на этотъ разъ менѣе, чѣмъ вы думаете.

Я вамъ говорилъ, что на сегодня меня пригласилъ толстякъ Ханыковъ *). Я могъ бы отказаться, еслибъ онъ никого не пригласилъ для этого случая... но подумайте, два математика, которыхъ позвали нарочно для этого. Моя репутація такъ плоха (что касается точности), что я погубилъ бы себя навсегда.

Я прочелъ фельетонъ Золя... Что хотите? Я жалѣю его. Да, онъ внушаетъ мнѣ сожалѣніе: и я боюсь, что онъ никогда не читалъ Шекспира. Въ немъ есть природный недостатокъ, отъ котораго онъ никогда не избавится.

Итакъ, до субботы!

Ужъ буду же я пунктуаленъ въ этотъ день.

Весь вашъ *Ив. Тургеневъ.*

LII.

Буживаль, 16, rue de Mesmer. Les Frênes. Воскресенье, 23 іюня 1878 г.

Я также, мой дорогой другъ, думалъ, что въ настоящее время буду въ Германіи; но нѣтъ! Я допустилъ завлечь себя въ интернаціональный конгрессъ, который *не будетъ имѣть никакого успѣха и не можетъ имѣть его*; и вотъ я произношу рѣчи, и patati et patata! Другъ мой, что за комическая штука собраніе, обсуждающее вопросы! Викторъ Гюго приготовилъ вчера чудную рѣчь: рѣчь эту принимаютъ восторженно, вотируютъ ее печатаніе, какъ въ *Конституантѣ,*—и пять минутъ спустя принимаютъ рѣшеніе діаметрально противоположное его рѣчи! И Онъ Самъ вотируетъ его! У насъ коммиссія, которая засѣдаетъ каждый день (я вице-президентъ). Мы топчемся на одномъ мѣстѣ, какъ болваны, и я начинаю думать, что мы и на самомъ дѣлѣ болваны. Я сытъ по горло и въ *четвергъ* улепетываю въ Карлсбадъ, куда прошу писать мнѣ ..., Богемія, до востребованія). Вода, которую я тамъ буду пить, ...етъ быть тоже иллюзія, но не такая явная.

... какъ оно было написано позднѣе письма Тургенева къ Флоберу. Свѣренное съ ...инникомъ письмо къ Додэ оказалось въ дѣйствительности помѣченнымъ 24 де... 1877 г.

*) Извѣстный географъ, старинный другъ Тургенева, послѣдніе годы постоянно въ Парижѣ.

Что до васъ: здоровья и терпѣнія, вотъ чего я желаю вамъ отъ всего сердца.

Я видѣлъ минутку Золя; онъ купилъ домикъ въ окрестностяхъ *Maisons Laffitte* и тамъ поселится.

Г. Мартэнъ, конечно, не великій писатель, но сознайтесь, что Тэнъ въ креслѣ Тьера—это кажется чудовищнымъ! Лично я очень люблю Мартэна, и радъ его успѣху.

Обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

LIII.

Парижъ, 50, rue de Douai. Суббота, 9 ноября 1878 г.

Мой дорогой старина,

Послѣ столькихъ несчастій, Радамистъ, вы ли это? Послѣ такого долгаго молчанія, послѣ поѣздокъ въ Россію, въ Англію, къ самому чорту, да, это я; и я прихожу сказать вамъ, что я поселился въ Парижѣ только вчера, что я хочу имѣть извѣстія отъ васъ, что вы должны сказать мнѣ, сколько времени вы останетесь еще въ Круассе, такъ какъ я предполагаю, что вы тамъ, и хочу навѣстить васъ тамъ.

Мое здоровье довольно хорошо, и я хожу совсѣмъ одинъ, какъ трехлѣтній младенецъ. На сегодня я ничего больше не прибавлю, такъ какъ чувствую себя еще совсѣмъ усталымъ и жду вашего отвѣта.

Обнимаю васъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

LIV.

Парижъ, 50, rue de Douai. Среда, 27 ноября 1878 г.

Мой дорогой старина,

Въ отвѣтъ на вашу записочку, грустный тонъ которой совсѣмъ разстроилъ меня, я хотѣлъ поскакать въ Круассе, и если не сдѣлалъ этого, то въ силу высшихъ причинъ. Надо было предать землѣ стараго 40-лѣтняго друга (40 лѣтъ дружбы) Ханыкова, скончавшагося въ Рамбулье, въ самомъ непріятномъ домѣ, который я только видѣлъ. На Père Lachaise было очень скверно: грязь внизу, нѣчто вродѣ града или снѣга сверху, грязно вокругъ. Имъ стоило безконечнаго труда опустить въ зіяющую яму огромный и тяжелый гробъ.

Я произнесъ нѣсколько прощальныхъ словъ на краю этой ямы, на глыбахъ мокрой и склизкой земли. Я говорилъ съ непокрытою головой и схватилъ сильный насморкъ, который не позволяетъ мнѣ выйти изъ комнаты и поѣхать въ Круассе. Все же мнѣ лучше и, *конечно,* будущая недѣля не пройдетъ безъ того, чтобы вы не повидали меня въ вашемъ *домѣ въ Круассе.* Я отсюда вижу скептическую улыбку, блуждающую на вашихъ губахъ; и долженъ признаться, что вы имѣете право такъ улыбаться, а все же вы увидите!

Золя еще не вернулся въ Парижъ. Я не видалъ Додэ. Гонкуръ приходилъ ко мнѣ вчера, чтобы позаимствоваться у меня немного мѣстнымъ колоритомъ: южная Россія, имена цыганъ и т. д. Я нашелъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, немного худъ, и все тѣ же блестящіе и темные глаза, и совсѣмъ не добрые. Онъ съ большою симпатіей говорилъ о васъ.

Мнѣ только что исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, дорогой старина. Это начало хвоста жизни. Испанская пословица говоритъ, что труднѣе всего сдирать кожу съ хвоста. Это представляетъ въ тоже время наименѣе удовольствія и результатовъ. Жизнь становится исключительно личной и оборонительной противъ смерти; и это преувеличеніе личности приводитъ къ тому, что она теряетъ интересъ даже для ея обладателя. Но вы и такъ уже слишкомъ не веселы для того, чтобъ я могъ тянуть еще эту погребальную ноту. Считайте, что я ничего не сказалъ. Когда мы увидимся, у меня будетъ *много* чего поразсказать вамъ о моихъ двухъ путешествіяхъ въ Россію и Англію. Поэтому заставьте меня разговориться.

Всѣ мои здоровы и кланяются вамъ. А я обнимаю васъ.

До скораго свиданья. Вы будете увѣдомлены наканунѣ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

СЕРГѢЙ ШУМОВЪ *).

Повѣсть.

XI.

— Что такое?—Зачѣмъ «Локомотивъ» требуетъ?—За что распекать хочетъ?—говорили тревожно семиклассники, направляясь попарно въ актовый залъ, который въ глазахъ каждаго изъ нихъ имѣлъ характеръ «Лобнаго мѣста». Пробовали разспрашивать Маслова, но «Дрызгунъ» только кобенился для важности и загадочно мычалъ. Въ дверяхъ актоваго зала воспитанниковъ встрѣтилъ инспекторъ, «этотъ потомокъ быковъ геліосскихъ», какъ его звали, и, уставясь на нихъ мутнымъ взглядомъ, произнесъ:

— Литераторы!

Тутъ Шумовъ, Рыбинъ и другіе поняли, что имъ готовится нахлобучка за литературные вечера. «Но какъ дознался директоръ»?—Пристали съ разспросами къ Березину; тотъ только разводилъ руками и твердилъ:

— Ей-Богу, господа, ничего не знаю! Хоть убейте.

Выстроившись въ актовомъ, всѣ ждали съ замираніемъ сердца появленія директора, который нарочно медлилъ, чтобы заставить гимназистовъ содрогаться передъ неизвѣстностью. Онъ любилъ всякую торжественность, а въ особенности зловѣщую, когда у иного первоклассника сердце дрожитъ, какъ овечій хвостъ, и зубъ на зубъ не попадаетъ отъ страха.

Гимназисты робѣли. Шумовъ чувствовалъ, что у него непріятно сжимается сердце и по спинѣ пробѣгаетъ холодъ. Портреты на стѣнахъ, золотая доска, на которой значились фамиліи всѣхъ, кончившихъ курсъ съ медалью, большой зеленый столъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

заваленный бумагами и книгами, дверь, изъ которой долженъ появиться директоръ,—все имѣло теперь для Шумова зловѣщій видъ: казалось, что отсюда ему предстоитъ прямой путь—по Владиміркѣ. Онъ твердилъ себѣ, что за нимъ не числится никакого преступленія, а, все-таки, чувствовалъ себя, какъ преступникъ.

Въ залѣ стоялъ тревожный, подавленный гулъ голосовъ.

— Тише! Не шумѣть тамъ!—кричалъ инспекторъ.

Кромѣ семиклассниковъ, въ актовый привели для торжественности старшихъ воспитанниковъ другихъ классовъ. Всѣ переглядывались, перешептывались, стараясь отгадать, чтò ихъ ожидаетъ. Буркинъ, видавшій всякіе виды, передразнивалъ потихоньку инспектора и пресерьезно увѣрялъ пятиклассниковъ, что директоръ хочетъ отпраздновать юбилей Угрюмова, который учится въ гимназіи ровно 25 лѣтъ. Только очень немногіе раздѣляли веселое настроеніе Буркина: у большинства за эти минуты нервы дошли до страшнаго напряженія.

— У меня сейчасъ такое состояніе, точно я загубилъ семь душъ,—сказалъ Шумовъ Рождественскому.

— А я точно стою въ ожиданіи смертнаго приговора,—отвѣчалъ тотъ.

— Господа, смотрите, какъ «Дрызгунъ» выпячиваетъ передъ нами свой скверный животишка!— сказалъ Рыбинъ, кивая на Маслова.

— «Лягушка на лугу, увидѣвши вола»... — началъ было декламировать Сверчковъ, но въ это время дверь отворилась, и вошелъ директоръ, господинъ величественной наружности, съ небольшими глазками. Онъ вкатилъ безшумно и плавно, какъ паровикъ по рельсамъ, и направился къ зеленому столу. По лицу его казалось, что онъ затаилъ какую-то ужасную тайну.

Онъ молча присѣлъ къ столу и долго рылся въ бумагахъ. Въ залѣ была мертвая тишина. Хлюпинъ, Афросимовъ и еще кое-кто изъ самыхъ трусливыхъ поминутно отирали платками холодный потъ. Наконецъ, директоръ повернулся лицомъ къ воспитанникамъ, обвелъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ и началъ говорить тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно произносятся надгробныя рѣчи:

— Господа!... Впрочемъ, я, къ сожалѣнію, не знаю, какъ назвать васъ.

Онъ сдѣлалъ продолжительную паузу. Говоря съ такими малыми величинами, каковы передъ нимъ гимназисты, онъ всегда затруднялся въ выборѣ словъ, опасаясь уронить передъ воспитанниками свой директорскій ореолъ.

— Да, я не знаю, какъ назвать васъ, — продолжалъ онъ:— вы—не дѣти, потому что ужъ взрослые болваны; вы и не взрослые, потому что... потому что до сихъ поръ такіе болваны. Вы и не гимназисты (говорилъ онъ, постепенно повышая голосъ), потому что вы учиться не желаете, ведете себя, какъ э... э... шелопаи... и не дорожите честью гимназическаго мундира... да, да. Отъ гимназиста, который близокъ къ окончанію курса, требуется не только умственная, но и нравственная зрѣлость... да, нравственная. А вы, воспитанники седьмого класса, выказали такую нравственную незрѣлость, которая... которая... Негодяй, какъ ты стоишь?— вдругъ закричалъ онъ на Сверчкова, который заложилъ руки за спину.

Затѣмъ онъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ, въ чемъ заключается нравственная незрѣлость седьмого класса, и далъ участникамъ литературныхъ вечеровъ такую характеристику, что Шумовъ не утерпѣлъ и шепнулъ Рождественскому:

— Можно подумать, что онъ говоритъ о каторжникахъ.

Кончивъ характеристику, «Локомотивъ» вдругъ открылъ всѣ клапаны, и долго задерживаемые пары вырвались съ шумомъ наружу.

— Мальчишки!—кричалъ онъ, вскакивая съ мѣста и выпрямляясь во весь свой величественный ростъ.—Я вамъ покажу... Я васъ выучу. Я вамъ дамъ вечера!

Выпустивъ первые пары, онъ немного затихъ и перемѣнилъ тонъ громовержца на презрительный.

— И это взрослые воспитанники! Удивляюсь, какъ дошли до седьмого класса такіе недоумки! Читаютъ еврейскіе куплеты, играютъ на волынкѣ. («Значитъ, Рыбинъ не счистилъ надписи»,— шепнулъ Шумову Лобзиковъ»). («Афиша-то попала къ «Локомотиву»,—шепнулъ Вальтеръ Березину»). Актеровъ изъ себя корчатъ, въ декламаторы записались. Ты—главный зачинщикъ, ты!— накинулся онъ на Шумова.—Ну, чего юродиваго-то изъ себя изображаешь, Наполеона строишь?... Опусти руки!... Мы еще съ тобой побесѣдуемъ. А ты, братъ, литографію открылъ, а?—обратился онъ къ Лобзикову.—Поздравляю, братъ, поздравляю. Пустой человѣкъ!... Да, господа, это... э... э... очень грустно, что вы... э... э... такъ незрѣлы и... э... э... такъ пустоголовы. Я это выведу, выведу! — вдругъ крикнулъ онъ страшнымъ голосомъ.— Седьмой классъ останется до пяти часовъ... и каждый день будетъ оставаться. А всѣ актеры, чтецы, декламаторы и литераторы останутся на второй годъ... а нѣкоторые будутъ исключены изъ заве-

денія. Намъ такихъ не надо, не надо, не надо!—опять закричалъ онъ страшнымъ голосомъ.—Антонъ Ивановичъ, заприте семиклассниковъ въ классѣ.

Гимназисты молча расходились изъ зала. Инспекторъ сталъ по одну сторону дверей, а директоръ—по другую. Наиболѣе трусливые ежились въ испугѣ подъ пронизывающимъ взглядомъ директора, торопясь уйти и тѣснясь другъ къ другу, какъ овцы.

— Проходимъ между Сциллой и Харибдой,—шепнулъ Рыбинъ Шумову.

— Та фотъ арэстъ!—говорилъ семиклассникамъ Блюмъ, конвоируя ихъ къ мѣсту заключенія.

Гимназистовъ заперли. Поднялся шумъ. Всѣ доискивались, кто сказалъ директору о вечерахъ? Березинъ только пожималъ плечами. «Пошехонцы» ругали тѣхъ, кто затѣялъ эти вечера. «Получать изъ-за какихъ-нибудь дурацкихъ вечеровъ нагоняй»! Но больше всего волновались «убогіе»: такимъ прозвищемъ окрестили гимназистовъ, которые дрожатъ передъ начальствомъ, льстятъ учителямъ, трепещутъ при мысли о двойкѣ, сторонятся отъ товарищей побойчѣе и зубрятъ до седьмого пота. Напуганные съ дѣтства гимназіей, начальствомъ, трудностью ученія, пріученные родителями съ пеленокъ къ мысли: «Пропадешь ни за нюхъ табаку»!—они не сомнѣвались теперь, что ихъ ожидаетъ жестокая кара, и чуть не со слезами укоряли зачинщиковъ вечеровъ.

— Ну, чего вы расквакались, точно лягушки передъ дождемъ?—кричалъ имъ Рыбинъ.—Чего струсили? Всякій знаетъ, что «Локомотивъ» любитъ пускать ракеты и фальшфейеры. Меня онъ три раза выгонялъ изъ гимназіи... на словахъ.

— Мнѣ сулилъ арестантскія роты,—подхватилъ Лобзиковъ.

— Онъ, вѣдь, въ сущности вовсе не злой,— замѣтилъ добродушный Вальтеръ:—онъ только покуражиться любитъ.

— «Молчать!—вдругъ закричалъ Буркинъ голосомъ директора, такъ что сидѣвшіе по близости вздрогнули. — Молокосы!... Глупые мальчишки!... Съ васъ надо... э... э... строжайше взыскать... да, взыскать... потому что вы ужъ... э... э... взрослые оболтусы».

Гимназисты, хотя и были разстроены, не могли удержаться отъ смѣху.

— «Ты, Шумовъ... э... э... отпѣтый... да, отпѣтый,— продолжалъ Буркинъ:—нынче ты надѣлъ фуражку на затылокъ, а завтра ты покажешь спину директору... да спину... а послѣ завтра...»

Смѣхъ усилился. Въ классъ торопливо вошелъ Блюмъ и произнесъ свое обычное:

— А шо? Опэть беспорятокъ? Я фсе снаю!

Потомъ, увидавъ передъ собой Рахманова,—воскликнулъ:

— Та фотъ опэть волосы длинные! Надо обстригать.

— Я остригу, Антонъ Ивановичъ.

— Та шо, я вамъ шестой разъ кофорю... Надо фотъ, какъ у меня...

Блюмъ проводитъ рукой по своей плѣшивой головѣ, на которой торчатъ жидкіе пучки сѣдыхъ волосъ.

Вальтеръ громко хохочетъ.

— Шо?—напускается на него Блюмъ.—Смѣяться?... Арэстъ!

— Это меня Буркинъ смѣшитъ, Антонъ Ивановичъ.

— Та фсе снаю, фсе вижу!...

Потомъ, посмотрѣвъ на брюки Вальтера, Блюмъ радостно восклицаетъ:

— Та фотъ опэть шорные штаны!... Третій разъ кофору. Въ сретній кариторъ на фыставку!...

— Да они сѣрые, Антонъ Ивановичъ.

— Что такое?—спрашиваетъ директоръ,—внезапно появляясь въ классѣ.

— Та фотъ шорные штаны.

Директоръ презрительно прищуриваетъ глазъ и осматриваетъ Вальтера.

— Какіе же черные? Сѣрые,—говоритъ онъ.

— Та... сѣрофатые...—соглашается Блюмъ и уходитъ изъ класса.

— Вы лучше слѣдите, чтобъ они стриглись, — говоритъ ему вслѣдъ директоръ. Ступайте домой,—прибавляетъ онъ, обращаясь къ классу.—А ты, Шумовъ, останься.

Шумовъ остался вдвоемъ съ директоромъ и ждалъ новыхъ истязаній.

— Мило, очень мило!— сказалъ директоръ,— презрительно сморщившись.—Если ты желаешь не учиться, а паясничать, такъ бери свои бумаги и иди на всѣ четыре стороны: плакать не будемъ. Намъ такихъ не надо.

Шумовъ стоялъ, потупясь, и молчалъ.

— Учишься ты скверно,—продолжалъ директоръ,—да, скверно... скверно, братъ. Нѣтъ, ты не кончишь. Не кончишь, братъ. Ты предпочитаешь еврейскіе куплеты.

— Это не я.

— Молчать!... Не ты? Моя изба съ краю? Зачѣмъ понадобились тебѣ эти вечера? Къ чему эти бредни? Пустой человѣкъ... пустой... пустой!—говорилъ онъ, повышая голосъ до крика.

— Мы хотѣли познакомиться съ литературой.

— Познакомиться?—презрительно возразилъ директоръ почему-то тоненькимъ голосомъ.—Скверно, братъ!

И ушелъ, забывъ сказать, чтобы Шумова выпустили. Такъ тотъ и просидѣлъ до вечера. Рыбинъ принесъ ему отъ обѣда хлѣба и кусокъ мяса, а Лобзиковъ—два творожника. Потомъ зашелъ Чуриловъ.

— Что, Шумовъ, здорово пужалъ васъ «Локомотивъ»?—спросилъ онъ.

— Жестоко!

— Ага!... Если у васъ, семиклассниковъ, поджилки тряслись,—воображаю, каково приходится малышамъ, когда на ихъ головенки обрушиваются такіе громы и молніи. Horribile dictu!

— Вы, Чуриловъ, зачѣмъ тутъ?— спросилъ Павловичъ, неслышно появляясь въ классѣ.

— А вотъ зашелъ посмотрѣть, не повѣсился ли тутъ Шумовъ, — отвѣтилъ Чуриловъ и, уходя, хлопнулъ въ сердцахъ дверью.

— Смотрите!—крикнулъ ему вслѣдъ Павловичъ съ угрозой.

Затѣмъ онъ выпустилъ Шумова изъ заточенія, замѣтивъ съ своей обычной улыбочкой:

— Ну, теперь вы не скоро попадете домой, Шумовъ. Пишите письма къ родителямъ!

XII.

Вечеръ. Пансіонеры занимаются приготовленіемъ уроковъ. Въ двухъ большихъ репетиціонныхъ залахъ царитъ тишина; слышится только скрипъ перьевъ да шелестъ переворачиваемыхъ страницъ. Павловичъ дежуритъ въ залѣ у младшихъ, Масловъ — у старшихъ.

Передъ Шумовымъ лежитъ греческій синтаксисъ, на которомъ онъ никакъ не можетъ сосредоточиться. Мысли его вертятся около домашнихъ. Шумовъ думаетъ о томъ, что его въ субботу не пустятъ домой, и удивляется тому, что это его нисколько не огорчаетъ. Тутъ онъ вспоминаетъ, что не видалъ утромъ матери. «Она не проститъ мнѣ, что я вчера ушелъ съ отцомъ, — мелькаетъ у него въ головѣ: — вѣдь, она ничего не прощаетъ. Ну, что жъ, я

самъ по себѣ, а *они* тоже сами по себѣ». Потомъ начинаетъ думать о литературныхъ вечерахъ и опять удивляется, почему ему не жаль ихъ: «Напрасно только я написалъ о Лермонтовѣ,—пропащій трудъ. Вотъ греческій синтаксисъ надо зубрить, а то Брониславскій съѣстъ».

Подошелъ съ таинственнымъ видомъ Масловъ и, желая заискать передъ семиклассниками, открылъ имъ тайну: онъ самъ слышалъ отъ инспектора, что о вечерахъ сообщила директору мать Березина. Старушка испугалась за сына, всю ночь не спала, слыша какой-то шумъ, а утромъ пріѣхала къ директору и заклинала его запретить гимназистамъ собираться у ея сына, который и самъ этимъ тяготится, но не рѣшается отказать товарищамъ.

— Она и плогламму васу пливезла,—я самъ видѣлъ. Только вы, господа, лади Бога делзите это въ секлетѣ. Я это ласказалъ вамъ на свой стлахъ.

Шумова страшно поразило это извѣстіе: неужели эта любезная старушка могла такъ предать ихъ? «Неужели у нея хватило духу сказать, что мы насильно набиваемся къ ея сыну? Свинство, свинство!»

— Господа, руки не подавать Березину!—твердилъ Сверчковъ, пылая негодованіемъ.

— Что за чушь!—возражалъ Рыбинъ.—Чѣмъ виноватъ Березинъ? Онъ тутъ ни ухомъ, ни духомъ.

— Завтра судъ надъ Березинымъ!—неистовствовалъ Сверчковъ.

— Да что мы, присяжные, что ли?—сердился Рыбинъ.—Спросимъ его просто, что̀ онъ знаетъ объ этомъ.

— Хоть бы она «литографію» да «Волынку» счистила,—а то такъ и поперла къ директору!—ворчалъ Лобзиковъ.

— Содрать съ Березина за это двѣ бутылку хорошаго коньяку,—посовѣтовалъ Буркинъ.

— Тисе, господа, лади Бога, тисе!—упрашивалъ Масловъ, уже раскаиваясь въ томъ, что открылъ тайну.

Въ это время въ коридорѣ послышались тяжелые шаги: это директоръ совершалъ свой вечерній обходъ, или, какъ говорили гимназисты, это «Локомотивъ маневрировалъ». Масловъ, оробѣвъ, зайцемъ затрусилъ къ своему мѣсту. По заламъ, какъ тревожный порывъ вѣтра, пробѣжалъ шепотъ и шелестъ. Афросимовъ, который, заткнувши уши и раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, зубрилъ съ такимъ видомъ, точно производилъ заклинанія, почуялъ тревогу и весь замеръ,—только толстыя губы его беззвучно шептали что-то;

Лобзиковъ, который до прихода Маслова, игралъ съ Сверчковымъ въ шахматы, поспѣшно сунулъ доску подъ столъ; Рыбинъ прикрылъ рукавомъ подстрочникъ, по которому онъ переводилъ Тацита. Въ дверяхъ показалась массивная фигура директора. «Локомотивъ» плавно прослѣдовалъ по заламъ, потомъ промычалъ что-то и подошелъ къ семиклассникамъ:

— Э... э... развѣ вы не могли устроить ваши вечера здѣсь, въ гимназіи, а?—вдругъ спросилъ онъ.

Гимназисты, огорошенные, встали.

— Сдѣлайте одолженіе, читайте, декламируйте... хоть комаринскую пляшите,—продолжалъ онъ.—Я вамъ и самоваръ дамъ... да, самоваръ... А табаку и водки не дамъ,—ужъ не взыщите... А ты, Шумовъ, все-таки безъ отпуска останешься... да, останешься.

И, замычавъ что-то себѣ подъ носъ, отбылъ изъ залы. Гимназисты были изумлены и озадачены этимъ неожиданнымъ предложеніемъ. Рыбинъ первый отвергъ его:

— Устроить здѣсь вечера?—говорилъ онъ.—Да еще «Локомотивъ» припретъ къ намъ... Благодарю покорно! Ты, Шумовъ, какъ думаешь?

— Здѣсь что ни устрой, все будетъ тошно,—сказалъ Шумовъ, разстроенный послѣднею фразой директора.

— Придется изображать соловья въ когтяхъ у кошки,—замѣтилъ Сверчковъ.—Очень пріятно.

— Что такое говорилъ вамъ директоръ?—спросилъ Павловичъ, незамѣтно подкатываясь къ разговаривающимъ на своихъ пробкахъ.

Ему отвѣтили сухо и неохотно. Павловичъ, догадавшись, что директоръ смилостивился надъ «литераторами», началъ заигрывать съ ними и даже позволилъ себѣ подшутить надъ директорскими громами. Плюшкинъ подалъ Павловичу пачку писемъ и ушелъ, подмигнувъ «литераторамъ». Вручивъ старшимъ воспитанникамъ письма, адресованныя къ нимъ, Павловичъ занялся распечатываніемъ и чтеніемъ писемъ, которыя были присланы къ младшимъ.

— У насъ, господа, донъ-Жуанъ въ приготовительномъ классѣ завелся... хе, хе!—сказалъ онъ, обращаясь къ семиклассникамъ.—Для литераторовъ это не безъинтересно.

И онъ прочелъ во всеуслышаніе письмо, адресованное къ «приготовишкѣ» Бабушкину. Письмо было отъ кузины малыша, такой же приготовишки, какъ и онъ. Оно было переполнено нѣжными эпитетами: «милый», «безцѣнный», «душечка», уменьшительными и ласкательными, вродѣ: «моей Вапочки...» «моей булочки...»

«моей изюминки» и т. п. Письмо заканчивалось словами: «Цѣлую тебя», послѣ чего слѣдовала единица со множествомъ нулей. Чтеніе Павловича, слышное во всѣхъ залахъ, сопровождалось громкимъ смѣхомъ старшихъ и младшихъ; не смѣялись только Шумовъ, которому жаль было Бабушкина, горѣвшаго отъ стыда, да Чуриловъ, который презрительно смотрѣлъ на Павловича. Дочитавъ письмо, Павловичъ назвалъ Бабушкина «любовникомъ». Это слово подхватили, и со всѣхъ сторонъ послышалось: «Любовникъ, любовникъ! Вапочка! Булочка!» (лицо Бабушкина, въ самомъ дѣлѣ, походило на булку). Но этимъ бѣды Бабушкина не кончились. Въ письмѣ оказалась фраза: «твой противный инспекторъ», вызвавшая шумное одобреніе среди старшихъ, и «твой несносный Павловичъ». («Ай да кузина!»—послышалось изъ «старшаго» угла). Павловичъ прочелъ эту фразу съ притворно-добродушнымъ смѣхомъ—и съ такимъ же смѣхомъ показалъ письмо инспектору, который пришелъ въ урочный часъ выдать книги изъ мизерной пансіонской библіотеки.

— Ахъ ты, распутственный!—закричалъ инспекторъ.—Что?... Ахъ ты, безобразный! Что?... Паршивая овца! Теперь сиди безъ отпуска. Что?... Плошкинъ, подай штрафную книгу!

Бабушкинъ ревѣлъ, Павловичъ хихикалъ, а инспекторъ, записывая «Вапочку» въ штрафную книгу, говорилъ:

— Ну, вотъ теперь и кланяйся бабушкѣ,—на то ты и Бабушкинъ.

Потомъ онъ пошелъ въ библіотеку, но не могъ отпереть дверь въ нее, потому что Буркинъ набилъ въ замочную скважину жеваной бумаги. Побившись надъ замкомъ, инспекторъ плюнулъ и ушелъ домой, буркнувъ мимоходомъ по адресу «литераторовъ».

— Вы могли здѣсь устроить свои вечера... Что?...

— Дилехторъ-то не пускалъ больше картечи?—спросилъ семиклассниковъ Плошкинъ, проходя мимо нихъ съ штрафною книгой подмышкой.

— Нѣтъ, всѣ заряды вышли,—отвѣчалъ Рыбинъ.

— А давеча-то вотъ садилъ, вотъ садилъ!—сказалъ съ непонятнымъ восхищеніемъ Плошкинъ.—Ухъ, какой сурьезный!... Одначе пойду: луна взошла,—потягиваетъ.

— И меня потягиваетъ,—подхватилъ Буркинъ и, взявъ Плошкина подъ руку, вышелъ «тяпнуть», т.-е. покурить въ печурку.

А Шумовъ вынулъ свой дневникъ и потихоньку ото всѣхъ записалъ.

5 марта.

«Итакъ, я безъ отпуска! Ну, и пускай... Безъ отпуска, такъ безъ отпуска! Что въ гимназіи, что дома—все равно: что въ лобъ, что по лбу. Гимназія и домъ—это для меня два пустыхъ, холодныхъ мѣста, два полярныхъ круга: въ которомъ изъ нихъ холоднѣе, не знаю. До звонка остается 5 минутъ... Вотъ это хорошо: значитъ, чай—и спать... Ничего не видѣть, не слышать, ни о чемъ не думать—блаженство! Еслибъ можно было проспать недѣлю, мѣсяцъ, годъ... Звонокъ!... Счастливая минута!... Еще одинъ день съ костей долой... Спать, спать, спать!!»

XIII.

На другой день Шумовъ сидѣлъ послѣ классовъ въ репетиціонномъ залѣ и, заткнувъ уши, читалъ подъ аккомпаниментъ глухого шума, производимаго сотнею голосовъ и ногъ. Чтеніе было для Шумова средствомъ забыться и не замѣчать окружающаго. «Приходящіе» доставляли ему книги въ изобиліи, и онъ читалъ запоемъ до тѣхъ поръ, пока не зарябитъ въ глазахъ. Въ этотъ день онъ читалъ въ продолженіе всѣхъ уроковъ, покончилъ съ романомъ Шпильгагена *Одинъ въ полѣ не воинъ* и тотчасъ по окончаніи классовъ взялся за *Донъ-Карлоса* Шиллера. Онъ жадно глоталъ его и приходилъ въ восторгъ: ему хотѣлось совершать подвиги, хотѣлось быстро-быстро нестись куда-то, все впередъ и впередъ, одолѣвать препятствія, пожертвовать собой, побѣдить или пасть ради чего-нибудь возвышеннаго.

— Шумовъ, хотите видѣть представленіе?—спросилъ Чуриловъ, толкнувъ его въ плечо.

Шумовъ поднялъ глаза отъ книги и увидалъ передъ собой слѣдующую сцену: Фокинъ (Глиста) валялся въ ногахъ у Павловича и Христомъ Богомъ умолялъ его уничтожить единицу; Павловичъ, задравъ высоко ногу на ногу, посмѣивался въ бороду и съ видимымъ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ около его ногъ ползаетъ нѣчто жалкое. Тутъ же стояли, любуясь даровымъ спектаклемъ, нѣсколько старшихъ воспитанниковъ: Семеновъ, Лысковъ, Жмавскій,—рѣшительно не знающихъ, куда дѣвать себя отъ скуки какъ убить праздное время.

Рыбинъ и Сверчковъ втихомолку ругали Павловича «Иродомъ», избивающимъ младенцевъ, «аспидомъ и василискомъ», а Лобзиновъ гудѣлъ про себя что-то сердитое. Въ самомъ дѣлѣ, Павловичъ былъ грозой для своихъ учениковъ. Онъ училъ во 2-мъ нормаль-

номъ латыни и, по выраженію Чурилова, буквально «заколачивалъ мелюзгу колами». Онъ, вмѣстѣ съ Брониславскимъ и еще двумя-тремя учителями, принадлежалъ къ разряду «гонителей, мучителей», которые ставятъ пятерки, скрѣпя сердце, а единицы и двойки—съ радостнымъ чувствомъ удовлетворенія. Приходя изъ класса, Павловичъ показывалъ обыкновенно старшимъ свой журналъ, испещренный единицами, и хвастался передъ ними строгостью, какъ своего рода гражданскимъ подвигомъ.

— Простите ему колъ, Анатолій Станиславовичъ,—сказалъ, не вытерпѣвъ, Рыбинъ.—Посмотрите: въ немъ чуть душа держится. Его плевкомъ перешибешь.

Дѣйствительно, Фокинъ, и безъ того чахлый, исхудалъ за последнее время жестоко: глаза его украсились синевой и припухли, ротъ былъ вѣчно полуоткрытъ съ какимъ-то жалкимъ, испуганнымъ выраженіемъ, и вся его тщедушная фигурка представляла собой нѣчто очень грустное.

— Вѣдь, онъ уже второй мѣсяцъ сидитъ безъ отпуска,—вступился Шумовъ, у котораго сердце переворачивалось при видѣ Фокина.

Павловичъ хихикалъ, а Фокинъ, ловя его руки и всхлипывая, твердилъ:

— Анатолій Станиславичъ!... Миленькій!... Простите!... Я больше не буду.

— Зачеркните ему колъ,—просилъ Шумовъ:—у васъ тамъ въ журналѣ еще много останется. Есть на чемъ отвести душу.

Павловичъ злобно покосился, но промолчалъ.

— Ай, ай, турецкія звѣрства! Православныхъ на колъ сажаютъ! Караулъ!—воскликнулъ при общемъ смѣхѣ Чуриловъ.

Павловичъ тоже хихикалъ, но въ то же время смотрѣлъ звѣремъ на Чурилова.

— Хорошихъ угольковъ подсыпятъ вамъ малыши на томъ свѣтѣ!—сказалъ какъ бы въ шутку Чуриловъ.

— Я знаю, что я чума для нихъ,—замѣтилъ съ гордостью Павловичъ.

— Казнь египетская,—ввернулъ Буркинъ.

— Плачъ и рыданіе,—сказалъ Сверчковъ.

— И скрежетъ зубовный!—добавилъ Чуриловъ.

— Вы, Чуриловъ, не хорошо кончите,—прошипѣлъ Павловичъ.

— Пойдемъ, Глиста!—сказалъ Чуриловъ, оттаскивая Фокина отъ Павловича.—А вы, Анатолій Станиславовичъ, наблюдайте за мной хорошенько. Caveant consules!

Шумовъ подсѣлъ къ Фокину и спросилъ, за что ему поставилъ Павловичъ единицу. Тотъ, всхлипывая и сморкаясь, досталъ изъ стола тетрадь съ переводами и показалъ страницу, захватанную потными пальцами и закапанную слезами. Эта тетрадь, измятая, проскобленная мѣстами насквозь перочиннымъ ножомъ и усѣянная толстыми, красными единицами, вызвала въ Шумовѣ болѣзненное чувство, въ которомъ сливались и жалость, и гнѣвъ. А Чуриловъ наморщился и сказалъ:

— Эхъ, тараканъ! Все-то у тебя колы... Показывай, гдѣ послѣдній переводъ?

Фокинъ указалъ мокрымъ отъ вытиранія слезъ и синеватымъ отъ застарѣлыхъ чернилъ пальцемъ на середину страницы, которая имѣла такой видъ, будто бы и ее прошибъ потъ отъ усилій, вложенныхъ Фокинымъ въ эту премудрость.

— Ну-ка, что тутъ у тебя наворочено?—сказалъ Чуриловъ и началъ читать: Надлежитъ перевести на латинскій языкъ слѣдующія фразы:

1. Къ познанію и употребленію добродѣтели мы приводимся въ предшествіи самой природы...

Остальныя онъ прочелъ про себя.

— Роскошныя вещи!—воскликнулъ Чуриловъ.—Надо сказать Рыбину: онъ, кажется, собираетъ коллекцію. Вы, Шумовъ, поможете Глистѣ разобраться въ этой премудрости? А меня шестиклассники ждутъ: просили поправить ихъ сочиненія.

— Должно быть, опять какая-нибудь «польза?»—спросилъ Шумовъ.

— Вы не пророкъ, а угадчикъ:—«О пользѣ рѣкъ».

— А меня наши семиклассники просили поправить сочиненіе: «О пользѣ горъ». Излюбленная тема нашего словесника!

— Ужъ и сочиняютъ же! — сказалъ Чуриловъ. — То и дѣло читаешь: «Рѣки полезны»... «Еще рѣки полезны тѣмъ»... «Рѣки также приносятъ пользу»... Тошнехонько!... Стараются наскрести этой «пользы» страницы на четыре, причемъ мѣста для полей не жалѣютъ... Heu me miserum!... Такъ вы позайметесь съ «тараканомъ?»

Чуриловъ ушелъ, а Шумовъ сталъ заниматься съ Фокинымъ. После двухчасовыхъ занятій, Фокинъ пріободрился, повеселѣлъ и горячо благодарилъ Шумова, а Шумовъ чувствовалъ какую-то теплоту внутри и пріятное спокойствіе на сердцѣ.

Вечеромъ онъ писалъ въ дневникѣ:

не знаю чего: я растерялся оттого, что онъ смотрѣлъ на меня такимъ славнымъ взглядомъ, будто онъ уважаетъ меня... Что можетъ быть нелѣпѣе этого? Господи, до чего мы одичали!

«Да, я буду учителемъ—это рѣшено. А пока постараюсь сблизиться съ маленькими и всячески помогать имъ. Почему мнѣ раньше не пришло этого въ голову? Должно быть, потому, что я ужъ очень зачерствѣлъ... Съ тѣхъ поръ, какъ меня отдали въ пансіонъ, я ожесточился: мнѣ стало скверно, тоскливо, холодно, и ни до кого не было дѣла. А вотъ теперь мнѣ жалко Фокина, жалко Бабушкина и вообще всю эту мелюзгу... Я чувствую, что усталъ вѣчно тосковать, вѣчно раздражаться. Мнѣ такъ хочется хорошихъ, нѣжныхъ чувствъ, ласковыхъ словъ, дружескихъ разговоровъ! Когда нынче Фокинъ сталъ благодарить меня, мнѣ казалось, что онъ — родной мнѣ, и у меня какъ-то растопилось сердце: я, ей-Богу, чуть не прослезился... Вотъ было бы уморительно!... Я знаю теперь, что я могу быть добрымъ, и мнѣ хочется этого. Мнѣ хочется имѣть такого задушевнаго друга, которому я могъ бы говорить все, — все безъ утайки; но у меня нѣтъ такого человѣка. Я люблю Чурилова, люблю поговорить съ нимъ о разныхъ вопросахъ, но дружбы между нами нѣтъ, и подушѣ мы съ нимъ никогда не разговаривали. У него есть какая-то своя жизнь, которую онъ отъ всѣхъ скрываетъ; я знаю, что онъ пишетъ что-то серьезное, но гимназистамъ показываетъ только смѣшные куплеты. Сверчковъ хвастаетъ, что онъ друженъ съ Чуриловымъ, но я этому не вѣрю: онъ только исполняетъ разныя порученія Чурилова, носитъ ему какія-то книги, передаетъ какія-то письма — вотъ и все... Со мной онъ, все-таки, ближе, чѣмъ съ Сверчковымъ.

«Сейчасъ звонокъ—и спать... Съ нынѣшняго дня буду носить «Дневникъ» въ карманѣ: Павловичъ во время обѣда обшарилъ у насъ всѣ столы, и конфисковалъ у Сверчкова Тургеневскую *Новь*. Звонятъ... Нынче я въ первый разъ жалѣю, что такъ скору кончился день: сейчасъ мнѣ бы хотѣлось не спать, а работать и приводить свою мысль въ исполненіе. Поскорѣе бы приходило «завтра!»

8 марта.

«Вчера не успѣлъ ничего записать въ «Дневникъ»: ужъ очень алыши одолѣли! Такъ и льнутъ ко мнѣ: одному объясни задачу, ·угому поправь переводъ, за третьяго похлопочи у воспитателя. ıи какъ-то оживили меня... Сколько въ нихъ еще сохранилось рошаго дѣтскаго чувства, дѣтской довѣрчивости и привязанноı! Эти два дня я совсѣмъ не испытывалъ обычной своей гимна·ческой тоски, а домашняя отлетѣла отъ меня куда-то далеко,

далеко... Вмѣстѣ съ этимъ я получилъ способность заниматься и поналегъ на древніе языки: чехъ былъ въ восторгѣ и поставилъ мнѣ четыре съ плюсомъ,—право, онъ очень милый,—а Брониславскій—три съ возжами, хотя я отвѣчалъ ему хорошо. Ну, да это наплевать! Давно я не чувствовалъ себя такимъ спокойнымъ, добрымъ, почти счастливымъ, какъ вчера и ныньче: пріятно сознавать, что ты кому-нибудь нуженъ. Только надо взять себя въ руки и не поддаваться тоскѣ: вѣдь она подкрадывается незамѣтно, и чуть только распустишь себя, сейчасъ же заползетъ къ тебѣ въ душу. Главное — надо работать, работать, а не слоняться безъ дѣла, мечтая чортъ знаетъ о чемъ. Сегодня Прокоповъ замѣтилъ, что я «смотрю молодцомъ» и что онъ «душевно радъ за меня»... Какой онъ славный, добрый! Эхъ, еслибы побольше такихъ!

«Нынѣшній день ознаменовался прекращеніемъ нашего журнала *Юность*. Послѣ исторіи съ литературными вечерами сотрудники *Юности* струсили и заявили, что, въ виду предстоящихъ экзаменовъ, *Юность* должна прикончиться. Ну, и чортъ съ ними! Провались эта *Юность* въ тартарары! Мы было начали вести журналъ серьезно, а потомъ онъ опошлился: одинъ началъ помѣщать любовную чепуху, другой описывалъ какіе-то нелѣпые ужасы и кровавыя тайны; фразёры наши стали писать критику и разносить въ пухъ и прахъ Пушкина, Тургенева, Гончарова; появились дурацкія сатиры и дрянная мизантропія: одинъ доказывалъ, что клопъ превосходитъ человѣка «какъ по своей скромности, такъ и по возвышенному образу мыслей»; другой написалъ гекзаметромъ невѣроятную галиматью подъ заглавіемъ: *Война людей и свинушекъ*. Вѣчная память *Юности!* Покойница впала передъ смертью въ идіотизмъ и умерла отъ слабоумія... Нѣтъ, къ чорту всю эту ерунду! Займусь хорошенько нѣмецкимъ языкомъ, серьезнымъ чтеніемъ и, скрѣпя сердце, древними премудростями...

«На Чурилова напала меланхолія: ходитъ мрачный, лицо злое и ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Березинъ послѣ «литературной» исторіи не былъ въ классахъ; Вальтеръ заходилъ къ нему и узналъ, что онъ переходитъ въ другую гимназію, такъ какъ ему совѣстно передъ товарищами за мать. Мы послали Вальтера сказать, что мы его ни въ чемъ не винимъ и чтобы онъ не дѣлалъ глупостей. Но онъ уперся на своемъ... Чудакъ!

«Вижу, ползетъ Глиста съ переводомъ. «Добро пожаловать, мой сынъ!»

9 марта. Пятница.

«Отпустятъ меня завтра домой?»—этотъ вопросъ я задалъ се-

бѣ, какъ только проснулся, а потомъ онъ преслѣдовалъ меня цѣлый день. Конечно не отпустятъ—и думать нечего! Но я, все-таки, думаю и думаю объ этомъ—и разстраиваюсь. Опять лѣзутъ въ голову мысли о домашнихъ, и я никакъ не могу отвязаться отъ нихъ. Вѣдь знаю, что все это заманчиво только издали, а вблизи — одно безпокойство, одна тоска. Здѣсь, въ гимназіи, я хоть кому-нибудь полезенъ, хоть тѣмъ же маленькимъ, а дома никому не нуженъ, никто мнѣ не радъ; но меня, все-таки, тянетъ и тянетъ домой! Я живо представляю себѣ, какъ я прійду домой и не буду нигдѣ находить себѣ мѣста, буду слоняться изъ комнаты въ комнату, непріятно волноваться, испытывать холодъ и повторять на разные лады: «Зачѣмъ я рвался изъ гимназіи?» А, все-таки, меня тянетъ и тянетъ. Господи, какъ глупо устроенъ человѣкъ!

«Маленькіе то и дѣло подходили ко мнѣ съ разными просьбами, съ задачами и переводами, но я былъ такъ нетерпѣливъ и разсѣянъ, что поминутно сбивался, путался и привелъ ихъ въ совершенное недоумѣніе. Мнѣ было стыдно передъ ними, передъ самимъ собой: я старался взять себя въ руки, но ничего подѣлать не могъ. Скверно быть такимъ малодушнымъ, такимъ нервнымъ!... Хватался за греческій языкъ, затыкалъ, подобно Афросимову, уши, даже пробовалъ раскачиваться всѣмъ тѣломъ, но ничего не выходило: мысли расползались, и поминутно вмѣсто какого-нибудь греческаго союза передо мной вставали то отецъ, то мать, то Катя, то Позднякова. Самъ не замѣчая, я принимался мечтать о Поздняковой, потомъ встряхивался, твердилъ себѣ, что мое обожаніе Поздняковой— сущая ерунда: пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и то, что̀ меня теперь «волнуетъ, бѣситъ», покажется мнѣ смѣшнымъ, ребяческимъ, какими кажутся мнѣ секреты малышей, чрезвычайно важные для нихъ... Глупо, глупо, глупо! Вѣдь знаю я, что Поздняковой до меня, какъ до лѣтняго снѣга, что въ моемъ чувствѣ есть что-то нездоровое, нелѣпое, жалкое,—а, все-таки, мнѣ такъ хочется видѣть ее, слышать ея голосъ, смѣхъ! И я опять принимался мечтать до самозабвенія... Хотѣлъ описать здѣсь свои мечты, но почувствовалъ, что мнѣ стыдно не только писать о нихъ, но даже высказать ихъ вслухъ самому себѣ. Отчего, отчего? Въ нихъ вѣдь особенно гадкаго ничего нѣтъ, а, все-таки, я скорѣе умру, чѣмъ признаюсь въ нихъ... Сейчасъ сижу, точно пьяный отъ этихъ мыслей, и у меня внутри какая-то тревога, страхъ, что-то ноетъ во мнѣ... Нѣтъ, надо, надо взять себя въ руки!

«Чтобы придти въ себя, началъ выписывать латинскія слова...

. . . .

«А, можетъ быть, меня отпустятъ завтра?...

«Нѣтъ, не отпустятъ,—и къ чорту эти мысли! Зачѣмъ онѣ привязались ко мнѣ? Прочь, прочь!

«А можетъ быть?»...

XIV.

Опять суббота. Опять по коридорамъ радостно носятся гимназисты, отпускаемые домой; опять плачутъ или ругаются оставленные безъ отпуска.

Вошелъ инспекторъ, чтобъ отдѣлить овецъ отъ козлищъ. Шумовъ замеръ въ ожиданіи.

— Бабушкинъ, ты безъ отпуска!—объявилъ инспекторъ, смотря въ записную книжку.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, простите!—заревѣлъ Бабушкинъ.

— Молчи, распутственный! Впередъ не будешь получать дурацкихъ писемъ.

— Глядите, господа, какъ Вапочка реветъ!—У, плакса, дрянь!

— Рыбинъ, Сверчковъ, Лобзиковъ и Шумовъ безъ отпуска!—продолжалъ читать инспекторъ.

— А Шурагинъ?—спросилъ Шумовъ, стараясь не глядѣть на инспектора.

— Шурагинъ можетъ идти.

— Почему же онъ можетъ, а мы не можемъ?

— Не твое дѣло!... Охъ, какой ты!...

Шумовъ повернулся и пошелъ за Рыбинымъ.

— Всѣхъ оставили, а Шурагина отпустили, — сказалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.—На какомъ основаніи?

— На такомъ, что у него тетка—баронесса: пріѣхала за племянникомъ и взяла его,—отвѣтилъ Рыбинъ.

Шумовъ приложился горячимъ лбомъ къ стеклу и смотрѣлъ въ окно. На дворѣ было тепло и почти сухо; въ фортку дулъ ласковый весенній вѣтерокъ. «Экзамены кончатся въ половинѣ іюня!—думалъ съ тоской Шумовъ.—Еще три съ половиной мѣсяца маяться! Господи, какая мука, какая тоска!» Онъ отошелъ отъ окна. Рыбинъ преспокойно игралъ съ Лобзиковымъ въ шашки, а Сверчковъ читалъ *Декамерона* Боккачіо, переводя его въ полголоса хихикающимъ гимназистамъ. «Какъ они могутъ быть спокойны, когда ихъ не выпускаютъ изъ клѣтки?»—подумалъ Шумовъ, смотря съ завистливымъ недоумѣніемъ на товарищей. Какъ ужаленный ходилъ онъ изъ одной залы въ другую, кусая пальцы, томясь и раз-

дражаясь. Навстрѣчу ему попалась ватага маленькихъ разбойниковъ, которые преслѣдовали Бабушкина по пятамъ, крича на разные голоса: «Булочка, Бубочка! Изюминка!»

Бабушкинъ, который за эту недѣлю успѣлъ изъ булочки сдѣлаться сухаремъ, косился на всѣхъ, какъ затравленный звѣрокъ, и высматривалъ, куда бы ему скрыться отъ преслѣдованій.

— Булка, какъ здоровье твоей кузины? — спрашивалъ одинъ.

— Онъ хотѣлъ повидаться съ ней... у нихъ было назначено свиданіе, а его не пустили, — говорилъ другой.

— Вапочка, когда твоя свадьба? — приставалъ третій.

— Убирайтесь прочь, дрянь вы этакая! — закричалъ, взбѣсившись, Шумовъ и надавалъ малышамъ затрещинъ.

— Литераторъ, литераторъ! — дразнили его издали малыши. — Больно важничаетъ!... Самъ безъ отпуска оставленъ!... У, старый хрычъ!

— Отдую! — крикнулъ имъ съ угрозой Шумовъ.

— Чего вы такъ разсвирѣпѣли? — спросилъ Чуриловъ.

— Свиньи эти мальчишки! Уши имъ драть надо! — горячился Шумовъ, испытывая въ то же время въ глубинѣ души жгучее чувство стыда и недовольства собой.

— Васъ, должно быть, безъ отпуска оставили? «А фотъ арэстъ!» — сказалъ Чуриловъ, передразнивая Блюма, между тѣмъ какъ глаза его смотрѣли угрюмо и холодно.

— Я домой хочу, домой, а меня держатъ за этими проклятыми стѣнами! — вырвалось у Шумова.

- Къ папочкѣ, къ мамочкѣ? — насмѣшливо спросилъ Чуриловъ.

— Нѣтъ, не къ мамочкѣ... и даже не домой, а вообще на волю... Къ чорту, къ дьяволу, — только вонъ отсюда! Я понялъ теперь, Чуриловъ, что такое свобода! Я понимаю, что̀ заставляетъ звѣрей чахнуть и дохнуть въ клѣткѣ!... Я, кажется, готовъ сейчасъ вышибить раму и спрыгнуть съ третьяго этажа на мостовую... Неужели вы, Чуриловъ, не понимаете, не чувствуете этого? Неужели одинъ я — такой особенный, такой выродокъ изо всѣхъ?

Чуриловъ молчалъ и только нетерпѣливо поводилъ своими широкими плечами.

— Мнѣ хочется жить, дѣйствовать, идти впередъ, — продолжалъ Шумовъ, — а я сохну здѣсь, въ заточеніи! Я самъ чувствую, какъ я порчусь, какъ у меня улетучиваются мало-по-малу хорошія чувства, желаніе работать, совершенствоваться... Стоитъ только думать мнѣ, что до лѣта остается цѣлыхъ три мѣсяца, а тамъ

еще цѣлый годъ, и у меня, просто, опускаются руки, всякая энергія пропадаетъ!... Прескверно жить на свѣтѣ, Чуриловъ!

— Вы ужъ больно расчувствовались!—замѣтилъ Чуриловъ съ сумрачной усмѣшкой. — Набалованы, должно быть, съ дѣтства... Нервишки дрянные. Съ собой оченьноситесь... Такъ жить нельзя, батенька.

— Такъ что же мнѣ дѣлать, Чуриловъ, коли я такой безпокойный? Мнѣ все становится противно, возмутительно... Никакого терпѣнія не хватаетъ... Я сейчасъ готовъ отъ одного слова разревѣться, какъ баба, или... или прійти въ бѣшенство... Я мучусь, Чуриловъ... Я не знаю, что мнѣ съ собой дѣлать.

— Ожесточиться надо... задеревенѣть... — произнесъ Чуриловъ, останавливая на Шумовѣ мрачный взглядъ.— Заковать себя въ крѣпкую броню и ждать... Этими причитаньями вы только разслабите себя. Ужъ лучше ругаться, чѣмъ ныть. Въ окошко вы не броситесь и вообще сдѣлать ничего не можете: если что и сдѣлаете, такъ только на свою голову... Ну, стало-быть, нужно сдавить себя въ кулакѣ и ждать того времени, когда... когда можно будетъ что-нибудь сдѣлать,—а вздохи и всю эту плаксивость предоставить институткамъ. Учитесь, закаляйтесь, готовьтесь къ будущей дѣятельности, если только у васъ есть какіе-нибудь планы на будущее... Однако звонятъ. Сейчасъ поведутъ ко всенощной Eamus!

На другой день, послѣ обѣдни, Шумова вызвали въ пріемную. «Не отецъ ли опять пришелъ?» думалъ онъ, сбѣгая въ волненіи по лѣстницѣ.

— Здравствуй, Сережа! — воскликнула тетка, поднимаясь ему навстрѣчу.—Что это, какъ ты похудѣлъ?

— Я арестованъ,— сказалъ угрюмо Сергѣй.

— Знаю, знаю! Я ужъ чуть не поругалась съ инспекторомъ... Кто этотъ красивый брюнетъ? Вонъ сейчасъ идетъ по лѣстницѣ?

— Это нашъ экономъ.

— Какой видный мужчина!

Она молча провожала взглядомъ эконома; глазки ея блестѣли, и во всемъ лицѣ было необыкновенное оживленіе. Сергѣя укололо равнодушное отношеніе тетки къ его страданіямъ.

— Мошенникъ порядочный,— нарочно выдумалъ онъ про эконома, чтобъ охладить восхищеніе тетки.—А я вчера чуть съ тоски не подохъ,— прибавилъ онъ ворчливо.

Тетка спохватилась и начала выражать Сергѣю свое бурное

сочувствіе: охала, ахала, ругала директора, патетически соболѣзновала, жестикулировала, какъ трагическая актриса и, узнавъ про исторію съ литературными вечерами, излила потокъ негодованія на Березину. Покончивъ съ этимъ, она начала вздыхать надъ племянникомъ, какъ надъ приговореннымъ къ смерти; глаза ея увлажились слезами и приняли такое жалкое выраженіе, что Сергѣю сдѣлалось неловко и досадно.

— Ну, а у насъ что дѣлается... то-есть дома?—спросилъ онъ, чтобы прервать патетическое молчаніе тетки.

— У насъ? Да ничего особеннаго. У Кати флюсъ, у Елены отъ занятій синяки подъ глазами... Виржиновъ все желтѣетъ... Людмила Степановна вздыхаетъ,—все по-старому...

Она умолкла, но Сергѣй, по какому-то особенному выраженію въ лицѣ тетки, догадывался, что она приберегаетъ для него что-то новенькое и что она для этого-то главнымъ образомъ и прискакала къ нему въ пріемную.

— Познякова все хорошѣетъ,—говорила какъ бы между прочимъ Евгенія Петровна.—Теперь она неразлучна съ Алябьевымъ, точно ихъ чортъ веревочкой связалъ... Токмакова ревнуетъ и худѣетъ отъ зависти: она, вѣдь, того... страдаетъ по Алябьеву...

Сергѣй отвернулся. На лицѣ его выступили пятна. Тетка молча наслаждалась эффектомъ.

— Чертовски хороша эта Познякова! — продолжала она послѣ паузы, куря изъ рукава папироску.—На-дняхъ изъ-за нея у Людмилы Степановны съ «Желткомъ» цѣлая сцена вышла... Вотъ бы послушалъ!

Потомъ, увидя хмурое лицо Сергѣя, она прибавила:

— Впрочемъ, красота, по-моему,—плевое дѣло. Вѣдь, какъ ни поворачивай, а въ концѣ-концовъ всѣ произошли отъ обезьяны.

И она подмигнула племяннику, довольная тѣмъ, что стоитъ, какъ ей казалось, въ курсѣ дѣла. Но такъ какъ умышленное выраженіе не сходило съ ея лица, то Сергѣй былъ увѣренъ, что у нея въ запасѣ есть еще новость, эффектъ которой она заранѣе смакуетъ.

— А какъ отецъ? — спросилъ онъ.

Глаза Евгеніи Петровны забѣгали и заискрились какимъ-то ...охновеніемъ, какъ у поэта, которому не хватаетъ словъ для вы...женія нахлынувшихъ на него чувствъ и образовъ.

— Ахъ, Сережа... тутъ такія дѣла дѣлаются, такія дѣла!...— ...заговорила она, подергиваясь вся, точно у нея пляска св. Витта.— ...ложимъ, къ этому давно клонилось... А все-таки меня точно

обухомъ по головѣ. Чего другого, а этого я отъ Павла не ожидала... Правду говорятъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умрешь!»

— Да что такое?—спросилъ съ нетерпѣніемъ Сергѣй.

— А то, что Павелъ соглашается на разводъ, и теперь «Желтушка» торжествуетъ. Понимаешь?

Сергѣй не отдавалъ себѣ яснаго отчета, хорошо ли это, или дурно, но въ душѣ его шевельнулась обида за отца, ненависть къ Виржинову и глухая вражда къ матери. А изъ устъ тетки каскадомъ сыпались слова, изъ которыхъ каждое вонзалось въ сердце Сергѣя, какъ булавка.

— Главное, чего я не могу переварить, это—деньги,—говорила она.—Меня ошарашило то, что Павелъ польстился на какія-то полторы тысячи. За полторы тысячи отказаться отъ жены и отъ дѣтей! Съ чѣмъ это сообразно? Это «Желтокъ» обольстилъ его взять отступного: сунулъ ему деньги и взялъ съ него какую-то не то подписку, не то расписку, чтобы Павелъ не касался ни Людмилы Степановны, ни дѣтей... Подумай: какая дикость! Я говорю Павлу: «Ну, ужъ нечего сказать,—удружилъ! Самого себя высѣкъ!» А онъ смѣется: «Я,—говоритъ,—получше васъ знаю, какъ дѣла дѣлаются». Теперь закутилъ—не то съ радости, не то съ горя... Людмила Степановна по цѣлымъ днямъ шепчется съ «Желтушкой» и все это держитъ въ секретѣ, даже отъ меня съ Леночкой скрываетъ. А ужъ чего тутъ скрывать, когда объ этомъ говорятъ на каждомъ перекресткѣ и сплетничаютъ напропалую! Леночка дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ и знать не хочетъ: ходитъ сжавъ губки, и ни на кого глазъ не поднимаетъ... Катя видѣла отца пьянымъ на улицѣ и цѣлый день плакала... Такъ вотъ какія дѣла творятся у насъ, Сережа!—заключила Евгенія Петровна, точно хвастаясь своими новостями.—Ты представь только...

— Довольно, довольно!—вырвалось съ болью у Сергѣя.—Зачѣмъ вы размазываете передо мной все это? Вы хотите разстроить, измучить меня? Вамъ доставляетъ удовольствіе отравлять мнѣ жизнь своими розсказнями? Понимаете ли вы, что я не могу слушать этого,—не могу, не могу! Здѣсь гадости, тамъ гадости,—со всѣхъ сторонъ!... Мучители!—крикнулъ Сергѣй и выбѣжалъ изъ пріемной, оставивъ тетку совершенно опѣшенной...

Онъ чувствовалъ себя окончательно разбитымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно возбужденнымъ. Ему хотѣлось не то плакать, не то драться, не то стонать отъ острой душевной боли. «Разводъ...

деньги... отступное... отецъ продалъ насъ... Катя плачетъ, а Позднякова съ Алябьевымъ...»—всѣ эти безсвязныя мысли вихремъ проносились у него въ головѣ, тѣснили грудь и поднимали въ душѣ невыносимую тревогу. Онъ чувствовалъ что ему сейчасъ же, сію же минуту необходимо что-нибудь сдѣлать, но что именно?—онъ рѣшительно не зналъ. Онъ хватался то за одно дѣло, то за другое, но все валилось изъ рукъ и не помогало ему отвлечься отъ самого себя. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ: вскакивалъ и принимался ходить по коридорамъ, избѣгая встрѣчаться съ людьми, глядѣть на нихъ, отворачивался отъ встрѣчныхъ, боясь, что съ нимъ заговорятъ. Видъ сѣрыхъ куртокъ раздражалъ его; ему мучительно хотѣлось уединенія, а бѣжать отъ людей было некуда... Онъ схватилъ первую попавшуюся книгу, сѣлъ въ дальній уголъ, заткнулъ уши и сдѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе... Ему попались *Разбойники* Шиллера. Сначала онъ только дѣлалъ видъ, что читаетъ; но мало-по-малу лицо его приняло сосредоточенное выраженіе, глаза загорѣлись огнемъ. Онъ жадно глоталъ страницу за страницей; Карлъ Моръ захватывалъ его все больше и больше: Шиллеръ какъ будто подслушалъ то, что кипѣло въ душѣ семиклассника Шумова и рвалось наружу. Прочитавъ залпомъ трагедію, Шумовъ пришелъ въ какое-то пріятное бѣшенство. Моръ сразу сдѣлался его любимымъ героемъ. Шумову хотѣлось броситься въ свалку противъ кого-то или чего-то, проклинать, мстить, разрушать... Ему рисовались дремучіе лѣса, широкія степи, море, Волга... Онъ представлялъ себя Моромъ, Ермакомъ, даже Пугачевымъ; ему хотѣлось стряхнуть съ себя всѣ стѣсненія, бѣжать отъ родныхъ, отъ гимназистовъ, отъ Поздняковой, отъ Виржинова,—бѣжать туда, гдѣ бы ничто не напоминало ему о старой, тоскливой жизни... Это было то же самое, что̀ онъ испытывалъ въ отрочествѣ, когда, начитавшись Майнъ-Рида, собирался бѣжать къ дикарямъ и охотиться на тигровъ; только теперь ему хотѣлось бороться не съ хищными звѣрями, а съ людьми. Онъ нарочно разжигалъ въ себѣ этотъ воинственный пылъ, чтобы не прійти опять въ то болѣзненно-растерянное состояніе, которое разъѣдало, какъ ржавчина, его душу и грозило истерикой.

— Шумовъ, покажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ Длава и Молава, — прокартавила «Инфузорія», подойдя къ нему съ географической картой.

— Пошелъ прочь!—затопалъ на нее ногами Шумовъ.

— Сталый хлычъ!—выругалась обиженная «Инфузорія».

— Шумовъ, что съ вами? — спросилъ Чуриловъ. — Вы кидаетесь на всѣхъ, какъ сумасшедшій. Вы въ какомъ-то ражѣ!

— Давятъ меня эти стѣны! Я, просто, задыхаюсь въ нихъ... Я дѣлаюсь похожимъ на цѣпную собаку.

— Хотите забвенія? Помогаетъ.

— Какъ?

— Вальтеръ притащилъ Рыбину въ пріемную вина. Ночью будетъ пиршество... Умственный мужчина этотъ Вальтеръ!...

Возбужденіе шло у Шумова все crescendo и къ вечеру сдѣлалось нестерпимымъ. Когда всѣ улеглись и надзиратель вышелъ изъ дортуара, компанія старшихъ принялась за пиршество. Буркинъ ловко откупоривалъ бутылки безъ помощи штопора. Пили прямо изъ горлышка.

— Погружаюсь въ нирвану! — говорилъ Чуриловъ. — Шумовъ, хватите-ка съ горя!

Шумовъ, давясь, сдѣлалъ нѣсколько большихъ глотковъ. Скоро все завертѣлось передъ нимъ, и онъ заснулъ, какъ убитый.

XV.

Утромъ, еще до звонка, въ дортуаръ вошелъ на цыпочкахъ Плошкинъ, подъ предлогомъ посмотрѣть, у всѣхъ ли вычищены сапоги, и таинственно сообщилъ старшимъ, что бутылки, выброшенныя ими наканунѣ изъ окна въ садъ, застряли въ акаціи и, по приказанію Павловича, представлены по начальству.

— Эхъ, господа имназисты! — укоризненно прибавилъ онъ. — Рази такъ дѣла дѣлаются? Вы бы мнѣ посудину-то отдали: и вы были бы цѣлы, да и я бы по пятаку на бутылку нажилъ. А теперь бѣда: Павловичъ всю прислугу опрашивалъ, — на меня клеплетъ, а я ни ухомъ, ни духомъ. Грозится дилехтору доложить... меня, стало быть, съ мѣста навылетъ...

Всѣ заволновались. Рѣшено было заявить директору, что Плошкинъ ни въ чемъ не виноватъ, а также не выдавать Вальтера.

— А то имъ будетъ въ чужомъ пиру похмѣлье, — говорилъ Рыбинъ.

— Скажемъ, что сами раздобылись, — гудѣлъ Лобзиковъ.

— Нѣтъ, лучше отопремся отъ всего: подумаютъ, что бутылки къ намъ съ улицы подкинули, — убѣждалъ струсившій Сверчковъ.

— Такихъ ребятъ не подкидываютъ... стеклянныхъ-то, — замѣтилъ Плошкинъ съ своимъ обычнымъ комизмомъ въ голосѣ и въ лицѣ.

— Да просто скажемъ... Я скажу, что мнѣ принесъ въ пріемную троюродный дядя, встосковавшійся обо мнѣ,—предложилъ Чуриловъ.

— Всѣ знаютъ, что къ вамъ никто не ходитъ и никакого дяди у васъ нѣтъ,—возразилъ Шумовъ.—Вамъ только влетитъ отъ директора понапрасну.

— Пусть влетитъ: порокъ долженъ быть наказуемъ... А дядя можетъ пріѣхать изъ Соединенныхъ Штатовъ...

— Пустое это все, господа имназисты,—сказалъ Плошкинъ, потирая озабоченно свой красный носикъ.—Какой же вы, къ примѣру, отвѣтъ дадите? Кто-жъ вамъ принесъ винцо-то, батюшку? Не сами же вы бѣгали въ погребокъ?... Нѣтъ, ужъ они дознаются и выведутъ васъ на свѣжую воду. Господина Вальтера отставятъ въ чистую, а васъ всѣхъ—въ дисциплинарный... Ужъ коли Павловичъ возьмется за дѣло, онъ доищется, потому у него нюхъ такой... Нѣтъ, ужъ видно, надо мнѣ принять вину на себя, а васъ вызволить. Надо послужить господамъ имназистамъ: авось, и они не оставятъ заслуженнаго кавалера!

Всѣ протестовали противъ этого, но Плошкинъ стоялъ на своемъ:

— Вы здѣсь люди обязанные, а я—вольный,—твердилъ онъ.

— Да, вѣдь, тебя сгонятъ съ мѣста, чортова кукла!—горячился Рыбинъ.

А Шумовъ думалъ про себя:

«Счастливый,—онъ уйдетъ изъ гимназіи!»

— Небось, безъ мѣста не останусь,—говорилъ Плошкинъ,—да я, признаться, маленько заскучалъ тутъ.

Тогда рѣшено было собрать для него денегъ и переслать ему черезъ кого-нибудь изъ приходящихъ.

— А вы, господа, вотъ что... Нате-ка, пожуйте малость, чтобы духъ отшибить.

Онъ подалъ гимназистамъ сухой чай, завернутый въ бумажку, а они, поблагодаривъ его за предусмотрительность, принялись усердно жевать.

— Я, стало быть, такъ и скажу, что я эти бутылки выпилъ ночь и спровадилъ въ окно. Чай, повѣрятъ, потому я ужъ разъ ылъ на замѣчаніи. Да и взаправду, вчера клюкнулъ малость.

— Ты зачѣмъ здѣсь? — строго спросилъ Павловичъ, входя дортуаръ.

— Я больше насчетъ сапоговъ.

— Пошелъ вонъ, болванъ!... Давай звонокъ!

— Ужъ задамъ напослѣдокъ трезвону!

— Ты пьянъ, мерзавецъ!

— Точно такъ... Вчера ошибся. Это я съ горя...

— Пошелъ вонъ!

— Къ невѣстѣ сватался: отказала...

— Вонъ, скотина!

Плошкинъ ушелъ и началъ звонить, что есть мочи, при громкомъ хохотѣ гимназистовъ.

— Звони во всѣ колокола!—кричалъ Рыбинъ.—Бей зорю!

— Старайся: получишь на косушку!—кричалъ Буркинъ.

Плошкинъ оказался вѣренъ своему слову. Какъ ни кричалъ на него директоръ, какъ ни топалъ ногами,—онъ неподвижно стоялъ, руки по швамъ, и твердилъ:

— Виноватъ, ваше превосходительство! Выпилъ съ горя: невѣста отказала.

Тогда, убѣдившись, что человѣка, видавшаго настоящія турецкія звѣрства, не запугаешь, директоръ плюнулъ и велѣлъ Плошкину немедленно убираться вонъ изъ гимназіи. Затѣмъ старшихъ воспитанниковъ потащили въ актовый залъ, и начался допросъ. Гимназисты врали спокойно, нахально и съ наслажденіемъ; Буркинъ съ невиннѣйшимъ видомъ признался директору, что Плошкинъ, придя вечеромъ въ дортуаръ за сапогами, сильно пошатывался и бормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Инспекторъ усомнился: можетъ ли одинъ человѣкъ выпить столько вина? — но директоръ оборвалъ его, замѣтивъ, что въ этомъ ничего невозможнаго нѣтъ.

Хотя виновнымъ былъ признанъ оффиціально Плошкинъ, однако директоръ не хотѣлъ такъ скоро отказаться отъ удобнаго случая пустить въ оборотъ свои перуны. Онъ произнесъ громовую рѣчь въ счетъ будущаго,—на тотъ случай, если воспитанники будутъ замѣчены въ какихъ-нибудь «негодяйствахъ», къ которымъ они, по мнѣнію директора, болѣе чѣмъ склонны. Досталось кстати и служащимъ: Масловъ получилъ неизвѣстно за что жесточайшую головомойку; даже письмоводитель, подвернувшійся подъ горячую директорскую руку, скушалъ «барана», а красавецъ-экономъ былъ посланъ «къ чорту на рога». Но всего хуже пришлось восьмиклассникамъ: директоръ, помня, что они скоро ускользнутъ изъ-подъ его ферулы, спѣшилъ заблаговременно натѣшиться надъ ними. Онъ привелъ имъ списокъ ихъ проступковъ за всѣ восемь лѣтъ и разгромилъ ихъ въ пухъ и прахъ, суля имъ въ будущемъ всевозможныя кары и напасти. Потомъ, когда они уходили изъ актоваго, онъ сталъ въ дверяхъ и, осматривая ихъ головы отрывисто говорилъ:

— Волосы... усы... бороды... Дьячки... бородачи... гусары... негодяи... Стричь... брить... ножницами... ножницами...

Восьмиклассники были блѣдны отъ злости и, уйдя изъ актоваго, рвали и метали отъ негодованія. Чуриловъ, вдохновившись общимъ возбужденіемъ, тотчасъ же набросалъ «Оду на избавленіе отъ гимназіи», посвященную кончающимъ курсъ. Черезъ полчаса хоръ восьмиклассниковъ распѣвалъ ее.

А черезъ часъ «Ода» была въ рукахъ Павловича, который и препроводилъ ее къ директору съ надлежащими комментаріями.

XVI.

Среда, 14 марта.

«Чуриловъ исчезъ изъ гимназіи. Все это произошло такъ быстро, что мы не успѣли опомниться. Вотъ уже два дня, какъ о немъ ни слуху, ни духу. Гдѣ онъ теперь? Я боюсь за него... Говорятъ, Павловичъ наплелъ на него разныхъ ужасовъ... Свинство!... Всѣ ходятъ точно пришибленные, а внутри меня что-то мечется и рвется наружу. Хаосъ безпокойныхъ мыслей давитъ мнѣ голову, но онѣ спираются тамъ, какъ густая жидкость въ узкомъ горлышкѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось высказать ихъ кому-нибудь!... Но я не могу, не умѣю: мнѣ трудно управлять своими мыслями... Точно на меня врасплохъ налетѣла буря въ чистомъ полѣ, завертѣла, закружила...

«О, еслибы кто-нибудь любящій и сильный взялъ меня и повелъ за собой... Куда? Хоть на край свѣта!... О, еслибы зажглась для меня путеводная звѣзда!...

«Нынче ночью у меня былъ кошмаръ; я проснулся въ холодномъ поту; сердце жестоко билось... Буркинъ увѣряетъ, что я кричалъ во снѣ и что «рожа у меня прескверная».

«Всѣ эти дни встаю со свинцовою головой, ощущаю какую-то противную апатію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокойство, точно вотъ-вотъ сейчасъ случится со мной что-то страшное... И все точно чего-то ищешь или что-то вспоминаешь, — такое чувство, точно потерялъ или забылъ что-нибудь очень важное. Идешь—и вдругъ остановишься: трешь рукой лобъ, безсмысленно смотришь вокругъ себя или машинально повторяешь какое-нибудь слово. Мысль, какъ становится на чемъ-нибудь, такъ и не сдвинешь ея, точно она илипла къ мозгу. Я чувствую себя тупымъ, трусливымъ и безмощнымъ... какъ таракань, перевернутый вверхъ ногами. Все едставляется мнѣ въ какомъ-то мутномъ свѣтѣ; внутри кипитъ стоянное раздраженіе, самъ не знаю на кого. Глаза рѣжетъ, точя каждую минуту готовъ заплакать... Скверно, скверно!... Ужъ

не намѣренъ ли я свихнуться? Право, мой несчастный черепъ готовъ лопнуть...

«О, какъ бы мнѣ хотѣлось быть каменнымъ, вродѣ статуи командора, чтобы ничего не чувствовать, ничѣмъ не волноваться... чтобы ничто не задѣвало меня... не смѣло задѣвать!»

15 марта.

«Господи, за что валятся на меня всѣ гадости, всѣ униженія?! Ныньче пришелъ ко мнѣ въ пріемную отецъ, совсѣмъ пьяный, разругался съ Павловичемъ и былъ выведенъ швейцаромъ; а потомъ Павловичъ разсказывалъ объ этомъ всѣмъ и каждому, и всѣ шепчутся, глядя на меня, хихикаютъ, смотрятъ на меня нахальными глазами... Всѣ точно сговорились свести меня съ ума! Что за подлыя, низкія созданія—люди! Я готовъ убить!... Маленькіе подошли ко мнѣ и глупо вытаращили на меня глаза... Я бросился на нихъ и надавалъ имъ хорошихъ тумаковъ... Господи, давно ли я любилъ ихъ, думалъ, какъ бы имъ помочь, облегчить имъ жизнь? Давно ли казалось мнѣ, что я примирился съ пансіонскою жизнью, что я буду усердно учиться, совершенствоваться!... И вдругъ теперь, вмѣсто всего этого, мнѣ хочется изорвать книги въ клочки, изругать на чемъ свѣтъ стоитъ маленькихъ, отдуть самого себя... Откуда во мнѣ такая тоска и злость? У меня даже нѣтъ желанія быть добрымъ... Хорошо, еслибъ обвалилась крыша и придавила насъ всѣхъ! Или пожаръ, что ли...

«Боже мой, я положительно безумствую!

«Неужели я отъ природы такой злющій? Отчего я не могу задеревенѣть, какъ другіе, съ которыхъ все, какъ съ гуся вода? Лучше бы совсѣмъ никогда не ходить въ отпускъ, какъ Буркинъ, тогда скорѣе одеревенѣлъ бы. А погода стоитъ великолѣпная! Ныньче Вальтеръ съ Рахмановымъ сговаривались прокатиться за городъ. А я буду сидѣть здѣсь и ненавидѣть всѣхъ. Чу—спѣвка! Поютъ: «Нынѣ отпущаеши». А отпустятъ ли меня послѣ завтра?

«Пойду сейчасъ, напишу теткѣ, чтобъ она пришла за мной въ субботу и во что бы то ни стало выпросила меня въ отпускъ, а то я или убѣгу, или шваркнусь съ лѣстницы. Пусть скажетъ она (т.-е. не лѣстница, а тетка), что у меня умираетъ мать... или замужъ выходитъ за свою «Желтушку». Пусть выберетъ, что̀ ей больше нравится, а для меня, ей-Богу, все равно.

«Или сказать, что у отца бѣлая горячка? Это будетъ довольно правдоподобно. Впрочемъ, зачѣмъ учить тетку? Она сама умѣетъ идеально врать: вѣдь, всю жизнь только и дѣлаетъ, что лжетъ.

«Ужасно давитъ грудь... и какой я сталъ мерзкій!»

16 марта.

«Если завтра не пустятъ домой, я брошусь съ лѣстницы. Это рѣшено. Alea jacta est! Я ужъ облюбовалъ мѣстечко. Прежде это казалось мнѣ дикимъ, а на дѣлѣ это очень просто: перевѣситься черезъ перила и... Вотъ бы Чурилову такъ! Впрочемъ, нѣтъ,—ему это не къ лицу: онъ здоровый, сильный. Не знаю, гдѣ онъ теперь, но онъ не пропадетъ. А я? Зачѣмъ живутъ на свѣтѣ такіе люди? Глупо, нелогично! Я всѣмъ въ тягость, даже себѣ самому. Кому я нуженъ? Отъ меня только тоска. Даже Рыбинъ, Лобзиковъ, Рождественскій охладѣли ко мнѣ: я вижу, что они избѣгаютъ меня и не любятъ разговаривать со мной. А начальство, учителя, надзиратели прямо ненавидятъ меня. Развѣ одинъ Прокоповъ... Впрочемъ, и за него не поручусь. А домашніе? Мать терпѣть не можетъ меня за то, что я похожъ на отца и вижусь съ нимъ; о Виржиновѣ и говорить нечего: онъ бы живьемъ съѣлъ меня, если бы могъ, а пока ограничивается тѣмъ, что возстановляетъ мать противъ меня. Проклятый филинъ! А тетка? Тетенька любезная притворяется, что любитъ меня, но я знаю, что она съ наслажденіемъ хлопотала бы на моихъ похоронахъ и разсказывала бы всѣмъ со слезами на глазахъ, какіе мы были съ ней друзья. Катя... она милая, хорошая, но она всѣхъ любитъ и всѣхъ цѣлуетъ. Ну, а, напримѣръ, Познякова? Ха, ха, ха! Какъ я глупъ, какъ я безнадежно глупъ!

«Мнѣ никого и ничего не надо. Мнѣ бы только подышать свѣжимъ воздухомъ!»

XVII.

Шумовъ спалъ ночью плохо и бредилъ во снѣ; всталъ съ осунувшимся лицомъ и воспаленными глазами. Когда съ нимъ заговаривали, онъ хмурился, отворачивался и отвѣчалъ нехотя, сквозь зубы. Въ классѣ сидѣлъ неподвижно и безучастно ко всему. Спрошенный батюшкой, онъ по разсѣянности жестоко перевралъ одинъ текстъ, такъ что ученики прыснули со смѣху.

— Это ересь,—сказалъ батюшка и поставилъ три минусъ.

Криничъ вызвалъ Шумова и велѣлъ ему переводить à livre ouvert Ливія. Но Шумовъ не могъ разобрать самой простой фразы: мысли его безнадежно расползались, а голова отъ напряженія разбаливалась все больше и больше.

— О, что-жъ такое!—сказалъ Криничъ, возмущенный до глубины души.—Самаго элементарнаго не знаете... словъ не знаете. Такъ! Конструкціи не знаете. Ви можете хорошо... а ви не хорошо. Такъ!

— У меня голова болитъ,—сказалъ Шумовъ.

— Вотъ... онъ болить... всегда болить!—произнесъ Криничъ, презрительно качая головой.—Что-жъ это будетъ? У одного голова, у другого голова. Не хорошо!

Затѣмъ онъ велѣлъ Шумову проштудировать первыя главы изъ Ливія, обѣщая въ понедѣльникъ спросить.

— Это послѣдняя побляжка,—прибавилъ онъ.—Приложьте всѣ усилія: безъ того не пропущу васъ въ восьмой кляссъ... нэ. Такъ! А ви на второй годъ въ седьмомъ. Будетъ плёхо, весьма плёхо. Садитесь...

Въ большую перемѣну Шумовъ столкнулся въ коридорѣ съ Прокоповымъ.

— Здравствуйте Шумовъ,—ласково привѣтствовалъ его Прокоповъ.—Сегодня домой идете?

— Не знаю.

— Да что это вы какой блѣдный? Нездоровится, должно быть? Вы полѣчитесь.

Прокоповъ самъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго: онъ каждый годъ къ веснѣ начиналъ страдать малокровіемъ и упадкомъ силъ. Уроки страшно утомляли его.

— На душѣ гадко,—отвѣчалъ Шумовъ, мрачно смотря въ сторону.

Прокоповъ взялъ его подъ руку и отошелъ съ нимъ къ окну.

— Отчего вы такъ хандрите?—спросилъ онъ съ дружескимъ участіемъ.

— Не знаю... Должно быть, оттого, что я самъ гадокъ и все кругомъ гадко... вездѣ, вездѣ.

Прокоповъ покачалъ головой, глядя съ безпокойствомъ на Шумова, лицо котораго нервно подергивалось.

— Вамъ бы лѣтомъ куда-нибудь въ деревню. Можетъ быть, пріѣдете ко мнѣ погостить? Я еще не знаю, гдѣ я лѣтомъ буду. Я васъ тогда извѣщу. А пока ничего не подѣлаешь: приходится дотягивать лямку,—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Я тоже усталъ и изнервничался, какъ Богъ знаетъ что.

Раздался звонокъ, призывающій въ классы, и Прокоповъ, сгорбившись, затрусилъ своей неровной походкой. Послѣ разговора съ любимымъ учителемъ Шумову стало легче, точно на него, изнемогающаго отъ духоты, вдругъ откуда-то повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ. Онъ даже физически почувствовалъ себя лучше: грудь не такъ тѣснило, дышалось легче, острое нервное напряженіе смягчилось. Онъ недурно отвѣтилъ изъ греческаго синтаксиса, и [illegible] ни-

славскій, разсчитывавшій поймать его врасплохъ и влѣпить ему единицу, принужденъ былъ, скрѣпя сердце, поставить тройку.

Классы кончились, начался отпускъ пансіонеровъ. Шумовъ стоялъ передъ открытымъ окномъ, гдѣ только что выставили первую раму, и жадно дышалъ. Подъ окномъ росли тощія акаціи, кусты бузины, пробивалась чуть замѣтно травка,—и все это, только что спрыснутое крупнымъ и теплымъ весеннимъ дождемъ, глубоко волновало Шумова, напоминая ему о дѣтствѣ, о рощахъ и поляхъ, о деревенскомъ привольѣ, о какой-то восхитительной жизни, свободной, здоровой, ласковой, сладко волнующей душу неуловимою поэзіей, разлитой повсюду, и радостными ощущеніями первой молодости. Въ Шумовѣ опять вспыхнула жажда жизни, и мучительное чувство душевнаго гнета смѣнилось въ немъ судорожнымъ порывомъ, неопредѣленнымъ и страстнымъ, который побуждаетъ человѣка бѣжать, куда попало, чего-то искать, безпокойно и торопливо скитаться, стремясь все впередъ и впередъ, въ неизвѣстную, заманчивую даль.

Опять, какъ прежде, Афросимовъ уѣхалъ съ матерью въ коляскѣ; опять пансіонеры сбѣжались къ окну посмотрѣть на это зрѣлище; опять пробѣжали въ отпускъ толстякъ Жмаковскій, хорошенькій Шаховъ; ушелъ Лукинъ въ сопровожденіи отцовскаго денщика, ушелъ Угрюмовъ.

Буркинъ, обращаясь къ группѣ пансіонеровъ, сказалъ:

— Надо примѣчать, господа, кто придетъ за Шумовымъ; если pater, то будетъ славная потѣха: онъ прошлый разъ пришелъ на хорошемъ взводѣ.

Увидавъ внезапно Шумова, онъ смутился и началъ плевать въ окно, стараясь попасть на тротуаръ, а въ счастливомъ случаѣ—кому-нибудь на шляпу.

— Шумовъ! Шумовъ! Инспекторъ зоветъ! — послышались голоса.

Инспекторъ ожидалъ Шумова, растопыривъ ноги и держа руки подъ фалдами вицъ-мундира. Рядомъ съ нимъ стоялъ Павловичъ, бывшій въ этотъ день дежурнымъ.

— У тебя отецъ боленъ?—спросилъ инспекторъ.

— Да... онъ... Я не знаю...—отвѣчалъ Шумовъ, вспыхнувъ.

— Какъ же ты не знаешь! Охъ, какой ты нескладный. Чѣмъ ленъ отецъ? Что?

— Вѣроятно, запоемъ пьетъ,—сказалъ вполголоса Павловичъ.

— Нѣтъ, онъ не пьетъ,—снова вспыхнулъ Шумовъ.—У не... у него горячка.

— Бѣлая?—насмѣшливо замѣтилъ Павловичъ.

— Нѣтъ, не бѣлая.

— Коричневая, должно быть, а?—сострилъ инспекторъ.— Какъ же ты говоришь, что не знаешь? Значитъ, ты лжешь. Что? Зачѣмъ же ты лжешь? Что? Отпустите его,—прибавилъ, онъ обращаясь къ Павловичу.—Тамъ за нимъ тетка пришла: плачетъ. Ступай, Шумовъ. Кланяйся бабушкѣ!

XVIII.

— Ха, ха, ха!—залилась Евгенія Петровна, выходя съ племянникомъ изъ швейцарской.—Каково я ихъ надула-то,—прелесть! Такъ ихъ и нужно. Говорю: «отпустите,—отецъ при смерти», а у самой слезы градомъ. Откуда только онѣ у меня берутся? Ха, ха, ха!

— Вы были бы хорошей актрисой,—замѣтилъ Сергѣй, глядя на ея заплаканные, весело прыгающіе глаза.

— Вѣрно, Сережа, вѣрно! Ха, ха, ха!

— Спасибо вамъ, что вытащили меня изъ заточенія,—сказалъ Сергѣй, чувствуя въ эту минуту почти любовь къ избавительницѣ-теткѣ.

Онъ переживалъ теперь свѣтлыя минуты, освободившись отъ гимназической тоски и не успѣвъ еще поддаться домашней.

— Такъ, значитъ, отецъ здоровъ?—спросилъ онъ.

— Живёхонекъ, здоровёхонекъ, веселёхонекъ!

— Даже веселёхонекъ?

— А ты какъ думаешь? Вѣдь, онъ у меня такой: «завей горе веревочкой!» Теперь получилъ отъ жены деньги и такъ-то раскуражился. Размахайку сшилъ себѣ, на извозчикахъ катаетъ. Чудной, вѣдь, онъ. Накупитъ съѣстного цѣльную гору: икры, сардинокъ, селедокъ, бѣлорыбицы,—все ботвинью ѣстъ. Рѣдиски цѣлый ворохъ принесъ,—а ты знаешь, почемъ теперь рѣдиска-то? Бабы какія-то увиваются кругомъ него, всѣхъ онъ поитъ, всѣхъ кормитъ, пѣсни съ ними поетъ, мороженымъ угощаетъ, мороженщика спеціально подрядилъ. Кларнетъ завелъ, дудитъ безъ толку,— умора! То-есть такъ чудитъ! Деньгами бросаетъ направо и налѣво. Прошлый разъ, когда это, во вторникъ или въ среду, онъ въ гимназію-то приплелся?—швейцаръ-то его вывелъ. Ха, ха, ха! Мнѣ самъ Павелъ разсказывалъ: швейцаръ его вывелъ, а онъ ему за это цѣлковый на чай! Ха, ха, ха! «Пусть, говоритъ, чувствуетъ халуй, пусть казнится!» Ха, ха, ха. Охъ, умора! Я ему говорю:

«Отдай мнѣ деньги на сохраненіе,—цѣлѣе будутъ». А онъ: «Нѣтъ, говоритъ, не отдамъ; ты, говоритъ, хуже меня чудить начнешь, ты, говоритъ, гуттаперчевая». А, каково? Ха, ха, ха! Придумаетъ же названіе! Вчера серьги мнѣ подарилъ. Я говорю: «Ненужно,—зачѣмъ мнѣ онѣ?» Нѣтъ, уперся! Шатущій онъ. Ужъ очень на языкъ слабъ: по всему околотку, по всѣмъ трактирамъ благовѣститъ про свой разводъ. Бабищу свою разодѣлъ въ пухъ и прахъ. Понтера завелъ, на охоту собирается! Ха, ха, ха. Сроду родясь не стрѣлялъ! А то обмотаетъ голову полотенцемъ да и пойдетъ гулять по улицѣ. Срамъ! Еленочка боится выходить изъ дому, въ гимназію съ провожатымъ стала ходить. Павелъ-то на-дняхъ какую штуку удралъ: развалился съ своей бабищей въ коляскѣ и началъ мимо нашихъ оконъ ѣздить. Людмила Степановна, конечно: «Ахъ, ахъ!» — сейчасъ припадокъ, въ постель слегла. «Желтокъ» ужъ къ приставу ходилъ, жаловался,—да что они могутъ сдѣлать? Я совсѣмъ съ ногъ сбилась: то припадки эти, то за докторомъ съѣзди, то распорядись по хозяйству, купи, узнай, похлопочи. Живуща я, а то бы давно пора мнѣ исчахнуть. Меня ни крестомъ, ни пестомъ, какъ говорится. Вѣдь, я вродѣ вѣчнаго жида. Ха, ха, ха. Ну, до свиданія пока, Сережа. Ты, вѣдь, домой? У насъ теперь обѣдаютъ. А я за разными покупками: Еленѣ—корсетъ, Виржинову—табаку, да въ библіотеку зайти, да гимназистки еще разныхъ порученій надавали, благо я знаю, гдѣ что купить. Ну, до свиданія! Извозчикъ! Кстати, мать на тебя дуется за то, что ты тогда съ отцомъ ушелъ. Ну, да ты не унывай: авось, все перемелется. Теперь—му́ка, а потомъ будетъ мука̀. Ха, ха, ха! До свиданія!

Она прыгнула въ пролетку и укатила, совершенно испортивъ настроеніе племянника. «Сорока болтливая!»—выругался Сергѣй и побрелъ домой замедленнымъ шагомъ.

Онъ попалъ къ концу обѣда. За столомъ сидѣли его домашніе и Виржиновъ. Съ нимъ поздоровались такъ, какъ будто вчера только видѣли его. Мать не сказала ему ни слова и только исподлобья бросала на него не то раздраженные, не то озабоченные взгляды. Даже Катя поцѣловалась съ братомъ поспѣшно и робко: холодная атмосфера, царствующая за столомъ, сковала ея живость, и дѣвочка сидѣла, какъ мертвая. Виржиновъ ворчалъ на кухарку за [с]алатъ; Людмила Степановна, морщась и вздыхая, замѣтила, что [в]обще надо остерегаться зелени. Сергѣя сразу охватило мертвящее уныніе, и онъ сидѣлъ, почти не прикасаясь къ ѣдѣ, угнетаемый тяжелымъ молчаніемъ, въ которомъ чуялось скрытое недовольство и цѣлый рядъ невысказанныхъ непріязныхъ мыслей. Когда

всѣ ушли изъ столовой, Сергѣю стало легче. Катя, остановившись въ дверяхъ, замѣтила съ участіемъ:

— Какой ты худой, Сережа!

Видя, что онъ не отвѣчаетъ, она вздохнула и ушла къ нянѣ. Вошла Елена, налила стаканъ воды и выпила.

— У насъ обѣдъ точно поминки,—сказалъ Сергѣй, ощущая какой-то буравъ внутри.

Елена не отозвалась на это, а только взглянула себѣ на руки и пошла мыть ихъ. Сергѣй вздохнулъ, налилъ себѣ стаканъ краснаго вина и залпомъ выпилъ; потомъ началъ лѣниво жевать салатъ.

Вошелъ Виржиновъ съ сигареткой въ зубахъ и сѣлъ противъ Сергѣя. Лицо его, какъ всегда, было сухо и желчно, но въ глазахъ мелькало новое для Сергѣя выраженіе: какая-то затаенная мысль, что-то озабоченное. Обыкновенно онъ скользилъ по Сергѣю небрежнымъ и брезгливымъ взглядомъ; теперь же онъ всматривался внимательно въ его лицо, какъ бы желая прочитать что-то на немъ.

— Съ тобой желаетъ говорить мать,—сказалъ онъ,—и я попрошу тебя быть осторожнѣе въ выраженіяхъ. Ея здоровье въ послѣднее время стало очень незавиднымъ: болитъ грудь, расшатаны нервы, безсонница. Съ твоей стороны было бы безсовѣстно раздражать ее, какъ прошлый разъ, когда ты ушелъ съ папенькой. Она сейчасъ въ спальной. Поди къ ней.

Сергѣй всталъ и отправился къ матери. Извѣстіе о томъ, что ея здоровье плохо, кольнуло его и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало для него мать ближе, понятнѣе, роднѣе. Войдя въ просторную, полуосвѣщенную спальню, онъ увидалъ мать лежащую на постели.

— Вы звали, мама?

Людмила Степановна кивнула ему, чтобъ онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Отчего ты такой нехорошій? — спросила она слабымъ голосомъ.

— Какой?

— У тебя ужасный видъ!—сказала Людмила Степановна, поднимая голову съ подушки и смотря широкими глазами на сына.

Сергѣй машинально взглянулъ въ зеркало и не узналъ себя: это угрюмое, жалкое лицо, эти впалые, безпокойные глаза были не его, а чьи-то чужіе,—и ему стало жалко себя и непріятно.

— Отчего ты такой?—спросила Людмила Степановна, дотрогиваясь до его волосъ.

Сергѣй схватилъ маленькую, сухую руку матери, горячо поцѣловалъ ее и почувствовалъ, какъ эта рука скользнула по его щекѣ.

— Отчего ты такой, отчего? Ты боленъ, да? Надо пригласить доктора.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не боленъ!—заговорилъ Сергѣй съ лихорадочной торопливостью.—Но мнѣ тяжело жить, мнѣ холодно... Я знаю, что я для всѣхъ лишній и непріятный человѣкъ. Меня не любятъ за то, что я злюсь, а я злюсь за то, что меня не любятъ. Вы Елену любите, а меня нѣтъ, и я мучусь дома, мучусь въ гимназіи, и учиться не могу... Я отупѣлъ, я испортился и ничего хорошаго для себя не вижу... Изъ гимназіи меня навѣрно вытурятъ: я ни на что неспособенъ и буду дѣлаться все хуже и хуже. Мнѣ бы хотѣлось умереть или сорвать на комъ-нибудь свою злость... Вы меня не любите за то, что я похожъ на отца и буду такъ же безолаберничать, какъ и онъ. Ужъ тутъ ничего не подѣлаешь: намъ съ нимъ одна дорога!

Людмила Степановна съ испугомъ слушала безсвязную тираду сына, поминутно смачивая себѣ голову одеколономъ.

— Боже мой, что онъ говоритъ!—прошептала она.—Опомнись, Сергѣй, не говори такихъ ужасовъ! Ты какъ будто упрекаешь меня отцомъ, но, вѣдь, ты ничего, ничего не знаешь!

— Вы ненавидите его... Я знаю, знаю!

— Да, ненавижу и не хочу скрывать этого.

— За что, за что?—почти крикнулъ Сергѣй.

— Ужъ если ты самъ заговорилъ объ этомъ...

Лицо ея стало вдругъ сухимъ и старымъ; въ глазахъ засвѣтилось холодное презрѣніе.

— Этотъ человѣкъ отравилъ мнѣ жизнь, да и не мнѣ одной,—начала она тѣмъ металлическимъ тономъ, котораго Сергѣй не могъ слышать безъ раздраженія.—Ты бы долженъ былъ вѣрить мнѣ на слово... Но, видно, приходится объяснять тебѣ, чтобъ уберечь тебя отъ заразы. Онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что осмѣивалъ все, что почище, повыше, поблагороднѣе... Онъ всегда былъ циникомъ до мозга костей. Онъ старался забросать грязью все, что было для меня святого... У меня языкъ не повернется разсказывать тебѣ эти грязныя вещи. Я не хочу, чтобы ты былъ такимъ, какъ твой отецъ. Моя обязанность—уберечь тебя отъ его вліянія.

Она помолчала, нервно сжимая пальцами носовой платокъ; потомъ продолжала какимъ-то звенящимъ голосомъ:

— Всѣ лучшіе годы жизни я убила на борьбу съ этимъ человѣкомъ—и все изъ-за того только, чтобъ отстоять для себя хоть простую порядочность и привить ее дѣтямъ. Онъ, не стѣсняясь, водилъ къ себѣ пьяницъ, кутилъ, безобразниковъ... И все это

должны были видѣть дѣти!... Грязныя сцены, попойки, безпутные люди... Развѣ можно было не ожесточиться? Есть вещи, которыхъ нельзя простить; есть люди, къ которымъ можно питать только отвращеніе. Съ грязью я никогда не примирюсь и никому не прощу ея... Если я замѣчу въ тебѣ грязь, я возненавижу тебя. Слышишь, Сергѣй? Ты умрешь для меня тогда... Теперь понимаешь, почему я тебя предостерегаю противъ отца? Я не могу подумать безъ ужаса, что тебя тянетъ къ нему.

Она смотрѣла на сына въ упоръ сухими, горящими глазами. Мягкое выраженіе, проскользнувшее недавно въ ея лицѣ, исчезло, уступивъ мѣсто выраженію непримиримой вражды. Сергѣй молчалъ, чувствуя, какъ у него сжимается сердце, холодѣютъ руки и изъ глубины души встаетъ что-то упрямое, мрачное, злое. Онъ жаждалъ сочувствія, утѣшенія, нѣжныхъ словъ, онъ ждалъ этого отъ матери, а она какъ будто обманула его ожиданія и своимъ холоднымъ, металлическимъ тономъ, въ которомъ слышалась угроза, только еще больше заморозила его душу. Онъ думалъ, что мать приласкаетъ его, разспроситъ обо всемъ, что у него наболѣло внутри,— тогда онъ сядетъ къ ней на постель, прильнетъ къ ея рукѣ и выскажетъ ей все: все; какъ онъ мучился, какъ злился, какъ испортился отъ гадкихъ мыслей, какъ изнывалъ отъ одиночества, холода и неразрѣшимыхъ вопросовъ. Но вмѣсто этого въ ея голосѣ, въ ея рѣчахъ ему слышится опять та вражда, то ожесточеніе, отъ которыхъ и безъ того онъ нравственно истомился. Сергѣй хотѣлъ думать о томъ, что мать всю жизнь была мученицей, но вмѣсто этого чувствовалъ только, что она мучаетъ сейчасъ его, и безъ того измученнаго.

— Ты вѣришь больше отцу, чѣмъ мнѣ?—сказала Людмила Степановна съ гнѣвной ноткой въ голосѣ, какъ бы угадывая, что происходитъ въ душѣ сына.—Господи, неужели отецъ передалъ ему по наслѣдству свою милую натуру?

— Онъ все-таки любитъ меня,—отвѣтилъ угрюмо Сергѣй.

— Любитъ!— воскликнула Людмила Степановна съ злымъ смѣхомъ.—Знаю я его любовь! Да онъ съ радостью промѣняетъ тебя на перваго собутыльника! Дѣтей легко обмануть: надо только потворствовать ихъ прихотямъ, безобразно баловать ихъ, позволять имъ всякую распущенность. Такъ онъ и поступалъ съ вами, чтобы вамъ веселѣе было съ отцомъ, чѣмъ съ матерью, которая болѣла за васъ душой! Елена поняла это, а ты до сихъ поръ не понимаешь. Онъ неспособенъ никого любить: онъ способенъ только тѣшить самого себя. А я... я прежде хотѣла всю жизнь отдать дѣ-

тямъ! Виновата ли я, что въ борьбѣ съ этимъ человѣкомъ я устала душой, надорвалась? Въ молодости я была живой, ласковой, а теперь я стала брюзгой, негодной для жизни, и во мнѣ, кажется, нѣтъ ужъ ничего, кромѣ желанія, чтобъ меня оставили въ покоѣ, потому что есть, наконецъ, предѣлъ всякой живучести. Теперь недостаетъ того, чтобы дѣти поставили мнѣ въ укоръ мою надорванность!

Она упала въ изнеможеніи головой на подушку, терла себѣ грудь и долго не могла отдышаться. Сергѣй видѣлъ теперь въ матери больную, несчастную женщину, и сердце его заныло; онъ припалъ къ ея сухой, горячей рукѣ, цѣловалъ ее, мучился за мать и искалъ для нея словъ утѣшенія. Но рядомъ съ этимъ онъ чувствовалъ холодный ужасъ, которымъ повѣяло на него отъ признаній этой непонятной для него женщины. Впервые она открывала передъ нимъ свое опустошенное сердце, которое всегда было герметически закрыто для него. Ему сдѣлалось больно за нее, но онъ не находилъ въ себѣ живого чувства любви къ ней,—ничего такого, что сроднило бы его съ матерью, которая по-прежнему оставалась чуждой для него. Онъ сидѣлъ, не зная, что сдѣлать, что сказать, внутренно перегорая и чувствуя, что между нимъ и ею выросла какая-то стѣна, которую онъ хотѣлъ разрушить—и не могъ.

— Меня убиваетъ мысль о васъ, о дѣтяхъ,—почти простонала Людмила Степановна:—умру я, и вы попадете къ отцу, а онъ погубитъ васъ. Я за тебя боюсь, Сергѣй. Дай мнѣ слово, что ты не пойдешь къ нему—ни теперь, ни въ будущемъ... никогда!

— Какъ же я могу обѣщать это?—пробормоталъ въ испугѣ Сергѣй.—Я его, все-таки, люблю, жалѣю.

— Дай мнѣ слово, успокой меня!

— Я не могу этого. Кто же у него останется?

— Прошу тебя, Сергѣй, серьезно прошу. Ты еще молодъ, ты не знаешь... Онъ научитъ тебя пить, безобразничать, онъ развратитъ тебя. Откажись отъ него разъ навсегда, забудь о немъ. Ты будешь моимъ, а онъ пусть умретъ для тебя... Такъ нужно, говорю тебѣ! Иначе ты убьешь меня. Повѣрь мнѣ хоть разъ въ жизни на слово!

— Да не могу же я этого, не могу!—вырвалось съ болью у Сергѣя.

— Не можешь? Ну, такъ уйди отъ меня, уйди, уйди!—закричала Людмила Степановна истерично.—Мнѣ не надо такого сына!

Въ спальню поспѣшно вошелъ Виржиновъ, а за нимъ Елена. Сергѣй, зажавъ ротъ рукой, чтобы не разрыдаться, выбѣжалъ въ переднюю, накинулъ пальто и вышелъ на улицу.

XIX.

Съ помутившейся головой, съ натянутыми до послѣдней степени нервами, онъ долго бродилъ по улицамъ, сидѣлъ на бульварѣ, стоялъ па набережной, не отрывая глазъ отъ мутнаго, быстро-несущагося потока воды, по которой плыли запоздалыя льдины. Ударили ко всенощной,—сначала на одной колокольнѣ, потомъ на другой, на третьей, и скоро отовсюду понесся протяжный вечерній звонъ. Сергѣй машинально вошелъ въ ближайшую церковь и сталъ въ самомъ темномъ уголкѣ ея. И здѣсь опять, какъ въ гимназіи передъ открытымъ окномъ, черезъ которое донеслось до него первое дыханіе весны, въ Сергѣѣ проснулось воспоминаніе о чемъ-то далекомъ, что прежде было близко для него и что не имѣетъ ничего общаго съ его теперешнею жизнью, теперешнею мукой. Онъ не слушалъ и не разбиралъ того, что поютъ и читаютъ въ церкви, но знакомые съ дѣтства звуки, несущіеся съ клироса, запахъ ладона, клубы его, поднимающіеся кверху,—все это смутно, неопредѣленно, но властно шевелило въ немъ тѣ чувства, которыми онъ такъ давно не жилъ и которыя были скрыты гдѣ-то въ глубокихъ складкахъ его сердца. Онъ вышелъ изъ церкви успокоенный, смягченный и грустный.

На бульварѣ онъ встрѣтилъ Познякову подъ-руку съ Алябьевымъ, и возвышенное настроеніе его сразу разлетѣлось.

— Здравствуйте, Сенека,—привѣтствовала его Познякова.

— А вы что-то кисните,— сказалъ ему Алябьевъ, ласково поздоровавшись съ нимъ.—Примите холодный душъ: сразу все какъ рукой сниметъ.

— Бѣдный!—замѣтила шутливо Познякова.—Это оттого, что онъ черезчуръ серьезничаетъ и страдаетъ разочарованностью.

Сергѣй хотѣлъ сказать ей что-то въ отвѣтъ, но взглянувъ въ ея глаза, полные какой-то новой жизни, молча отвернулся, чтобы скрыть волненіе, и ушелъ поскорѣе съ бульвара. Алябьевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ большими, удивленными глазами.

У воротъ дома Сергѣй опять увидѣлъ знакомую компанію мастеровыхъ, швеекъ и горничныхъ, во главѣ съ Поляковымъ.

— Здравствуйте, коллега,—сфамиліарничалъ Поляковъ, беря Сергѣя подъ-руку.—Выпьемъ по маленькой! In vino veritas.

Сергѣй сурово высвободилъ свою руку и ушелъ, не удостоивъ Полякова отвѣта. Пройдя черезъ кухню въ классную, онъ заперся и легъ на диванъ; ему, какъ матери, хотѣлось одного только: чтобы его оставили въ покоѣ. Изъ залы доносились до него нѣжные звуки рояля: это Людмила Степановна играла своего любимаго

Шумана. Сергѣя вдругъ охватила глубокая и нѣжная грусть при мысли о матери, которая казалась ему въ эту минуту доброй и несчастной: онъ готовъ былъ подойти къ ней, поцѣловать ее и сказать ей, какъ онъ ее жалѣетъ и какъ хочетъ любить ее. Но звуки замолкли, крышка рояля захлопнулась, и къ Сергѣю вернулось прежнее чувство тупой тоски. Онъ слышалъ, какъ наверху болтали и смѣялись гимназистки, и его оскорбляло то, что имъ такъ весело. Звонъ чайной посуды, доносившійся изъ столовой, раздражалъ ему нервы, и онъ затыкалъ себѣ уши.

— Сережа!—послышался голосъ тетки.—Чайку принести тебѣ?

Сергѣй не откликался.

— Сережа, а Сережа!—окликнула она нѣсколько разъ и постучалась въ дверь.

— Оставьте меня въ покоѣ!—съ досадой крикнулъ онъ.

Потомъ постучалась Катя и робко позвала его. Сергѣй молчалъ: «Еще начнетъ вздыхать и охать»,—подумалъ онъ, морщась.

— Не стучи, Катенька,—послышался громкій шепотъ няни:—можетъ, они уснуть хотятъ?

Катя ушла, а Сергѣю стало грустно, что она ушла. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь былъ возлѣ него, понималъ и любилъ его, но въ то же время не касался его наболѣвшей души, не спрашивалъ его ни о чемъ, не всматривался въ него. «Лучше совсѣмъ чужой, посторонній, чѣмъ близкій,—думалъ онъ.—А еще легче—быть одному... Нѣтъ, одному тоскливо, жутко. Вотъ, еслибы Чуриловъ былъ тутъ или Прокоповъ».

Сергѣй обвелъ взглядомъ комнату. Она показалась ему противной, точно больничная палата, надоѣвшая ему за долгое время болѣзни. Онъ подошелъ къ окну, раскрылъ его, сѣлъ на подоконникъ и началъ смотрѣть въ ночное, звѣздное небо. Тамъ, въ далекомъ и необъятномъ небесномъ сводѣ, въ молчаливыхъ сверкающихъ звѣздахъ, опять чудилась ему жизнь, ни въ чемъ не похожая на его подневольную, постылую лямку. Ему грезился величавый, свѣтлый міръ, и грудь его сжималась отъ болѣзненныхъ и напрасныхъ усилій приблизиться къ этой неприступной красотѣ, вложить въ свою искалѣченную душу хоть малѣйшую частицу ея, перенести въ себя хоть одинъ лучъ изъ этого спокойно-сверкающаго неба. И онъ думалъ о томъ, что ему остается сознавать свое безсиліе, чувствовать гадость своей жизни и смотрѣть, какъ дразнятъ его издали безучастныя звѣзды.

Н. Тимковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЛЯТВА.

Романъ Ж. Г. Рони.

I.

Въ глубинѣ комнаты, на кругломъ столѣ, не ярко вырисовывался силуэтъ лампы. Ея разсѣянный свѣтъ, необыкновенно мягкій, почти не доходилъ до угловъ, нѣжно дрожалъ на бѣлизнѣ широкой кровати, на которой старикъ Лоранъ, съ закрытыми глазами и съ прерывистымъ дыханіемъ, доживалъ свой послѣдній часъ въ этомъ мірѣ. Его дочь, Марта, съ испуганными взорами, въ ужасѣ передъ наступающею смертью, сидѣла у изголовья. Артиллерійскій капитанъ, Бетюнъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, сидѣлъ немного поодоль, и на его рѣзкомъ, но красивомъ лицѣ лежало выраженіе серьезной печали. Капитанъ былъ единственнымъ родственникомъ Лорановъ, родственникомъ въ пятомъ колѣнѣ, и умирающій старикъ сошелся съ нимъ нѣсколько ближе всего два года назадъ.

Въ комнатѣ было тихо. Лоранъ открылъ глаза и осмотрѣлся кругомъ мутнымъ взоромъ. Въ его полу-угасшихъ глазахъ контуры предметовъ отражались неясно. Его нервы вздрагивали отъ ужаса. Но онъ не терялъ еще надежды и мысленно повторялъ ободряющія слова, только что сказанныя докторомъ. Умирающій пытался представить себѣ, будто онъ опять на ногахъ, въ полной силѣ, распоряжается своимъ имѣніемъ по-прежнему, отдаетъ приказанія, повѣряетъ счеты, обсуждаетъ условія сдачи земли. А! хорошо было бы отправиться въ поля, въ его маленькій зáмокъ Альбержъ... да, да, воздухъ тамъ чистый на холмахъ, тамъ дышать легко, тамъ люди доживаютъ до глубокой старости! И ему припомнилась фигура очень стараго человѣка, девяносто-лѣтняго, глухого, слѣпого, еле двигающагося дѣда Брику, нищаго. О! какой онъ счастливецъ, этотъ Брику!

Лоранъ мысленно опять къ себѣ обратился, и что-то жестоко болѣзненное схватило его за сердце. Неужели въ самомъ дѣлѣ наступила пора умирать?... Стоило ли жить ради этого? Онъ былъ надѣленъ крѣпкимъ организмомъ,—всѣ врачи говорили это... И что, если вдругъ—смерть?... Сколькихъ онъ похоронилъ, однако, отца съ матерью, жену, братьевъ, друзей!

Сердце сжалось еще больнѣе. Въ головѣ проносились образы, обычно являющіеся въ минуты подобныхъ кризисовъ. Нестройною чередой,—одни съ полною отчетливостью, другіе точно въ туманѣ,—проходили, повторялись передъ нимъ тысячи дней, прожитыхъ имъ. Они мелькали и смѣнялись съ необыкновенно точною, опредѣленною послѣдовательностью, то прерывались вдругъ какими-то странными скачками. Лорану представлялось, будто то—лѣтопись всего, когда-то былого, не только человѣчества, но и вселенной. Уходило это неимовѣрно далеко въ глубь временъ, въ необъятность пространствъ, и его собственная личность становилась причиной и цѣлью всего существующаго, всего мірового движенія. Она жила, эта личность, отъ начала вѣковъ, и жила она въ безконечномъ *вездѣ!*... О, Боже мой! могла ли она исчезнуть совсѣмъ безъ слѣда? А душа? Въ ея существованіе онъ не вѣрилъ. Тѣмъ не менѣе, катехизисъ, отрывки воспоминаній передъ нимъ промелькнули,—исповѣдальни, первое причастіе, священники, торжественность храмовъ, прозвучали святыя мелодіи органовъ и пѣснопѣній, онъ про себя прочелъ страницу Фенелона, заученную когда-то наизусть. И ужасъ снова охватилъ его, смѣшиваясь съ потрясающимъ чувствомъ удивленія. Тогда Лоранъ вскрикнулъ, протянулъ руки, какъ малое дитя:

— Марта!... Шарль!

Оба приблизились, нѣжно взяли его за руки. Ему легче стало, онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Это такъ... припадокъ,—прошепталъ онъ, пытаясь улыбнуться.

Почувствовавши теплоту ихъ рукъ, онъ опять ободрился. Марта не нашла въ себѣ силы произнести ни одного слова. За нее отвѣтилъ капитанъ:

— Не дать ли вамъ ложку вашей микстуры?

— Да,—шепнулъ больной.

Молодой человѣкъ откупорилъ пузырекъ и налилъ ложку лѣкарства. Когда больной принялъ его, капитанъ проговорилъ тихимъ, серьезнымъ голосомъ:

— Видъ у васъ хорошій. Вамъ, несомнѣнно, лучше.

— Вы находите?—чуть слышно отозвался Лоранъ съ необыкновенною живостью.

— Я вижу это!

Больной взглянулъ на дочь и на капитана. Въ умѣ старика блеснуло желаніе, возвратъ къ мечтѣ, не разъ повторявшійся въ теченіе послѣдняго года. Ему казалось, будто жизнь его зависитъ отчасти отъ исполненія его мечты, будто онъ скорѣе отъ того поправится. Къ этому примѣшивалось и еще нѣчто: романтическая манія, часто охватывающая умирающихъ, ихъ страсть проявлять, хоть разъ еще, свой авторитетъ, какъ бы ради того, чтобы въ послѣдній разъ испытать иллюзію силы.

— Шарль... Марта! — прошепталъ онъ, слегка сжимая ихъ руки.

— Отецъ!—едва выговорила дѣвушка и отвернулась, силясь подавить рыданіе.

— Дѣти мои... я умру спокойно, если...

— Не говорите такъ!—остановилъ его капитанъ, умышленно рѣзкимъ тономъ.—Не настолько вы больны!

— О, да, да...—возражалъ старикъ, оживленный, однако, надеждой передъ суровымъ увѣреніемъ офицера.

И Лоранъ продолжалъ:

— Я умру спокойно, если... буду знать, что моя Марта въ безопасности... У меня была мечта... слишкомъ прекрасная, конечно... Моя дѣвочка останется одна-одинешенька на бѣломъ свѣтѣ...

Онъ смотрѣлъ на молодыхъ людей взоромъ, полнымъ тревоги, но очень нѣжно и печально. Вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что слабѣетъ его упорство, тираннія его воли. Они, молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, поняли. Капитанъ смотрѣлъ на Марту исподлобья и находилъ ее очаровательной. Въ его сердцѣ внезапно пробудилась большая нѣжность, при видѣ контраста между ея обворожительностью, свѣжестью, полною жизни, и сценою смерти, уже витавшей въ этой комнатѣ. Марта, въ ужасѣ отъ предстоящей утраты, отъ жестокой драмы, не имѣла уже ни силы, ни собственной воли, была готова все обѣщать, всѣмъ пожертвовать. Она не удивилась даже, когда отецъ вложилъ ея руку въ руку капитана и тихо прошепталъ:

— Я желалъ бы видѣть васъ соединенными навсегда. Марта была бы счастлива, я знаю это!... Хотите обѣщать исполнить мое желаніе?

Капитанъ смутился, смотрѣлъ на дѣвушку вопрошающимъ

взглядомъ. Она ничего не говорила, не отнимала руки, оставалась недвижимою.

— Хотите?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Да,—отвѣтила она тихо.

— Благодарю,—сказалъ Лоранъ.—Вы оба добрые... Мнѣ очень тяжело было оставлять тебя одинокою и безпомощною, Марта.

Онъ смолкъ, наслаждаясь съ минуту своимъ торжествомъ. Потомъ дыханіе его сдѣлалось еще прерывистѣе. Онъ ясно сознавалъ всю неодолимость наступавшей на него разрушительной силы. Его правая рука ловила что-то въ воздухѣ, немножко пѣны показалось въ углахъ губъ. И тогда вдругъ мысли его стали поразительно ясны и страшны невообразимо. Виски покрылись холоднымъ потомъ безграничнаго испуга. Въ головѣ пронеслось сознаніе, въ силу котораго люди говорятъ, что *видятъ смерть*. Лоранъ началъ бормотать что-то безпорядочное, умолять о чемъ-то, звать на помощь Марту. Дѣвушка, настолько же блѣдная, какъ умирающій отецъ, наклонялась къ нему, обтирала ему лобъ полотенцемъ, боязливо прикасалась къ нему губами. Въ головѣ старика все спуталось, исчезла всякая послѣдовательность мысли, лишь неясно проносились отрывки самосознанія.

— Я пошлю за докторомъ,—прошепталъ капитанъ на ухо Мартѣ.

Дѣвушка сдѣлала утвердительный знакъ головой. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и стиснула ртомъ свой носовой платокъ, чтобы не слышно было, какъ стучатъ ея зубы. Широко раскрытыми глазами она слѣдила за трагическою борьбой со смертью. Лоранъ продолжалъ говорить безсвязныя слова. Онъ уже ничего не видѣлъ. Отрывки когда-то пережитаго вырывались въ безпорядочныхъ фразахъ: онъ отдавалъ приказанія, высказывалъ какіе-то афоризмы, смѣялся даже. Потомъ сдѣлался мраченъ, грудь судорожно поднималась и опускалась, дыханіе становилось до крайности тяжелымъ, изъ горла вырывался предсмертный хрипъ. Вдругъ старикъ пробормоталъ:

— Франсуа... мое имѣніе... Спасать...

Затѣмъ на мгновеніе вернулось сознаніе, онъ внятно выговорилъ:

— Я умираю!

Онъ приподнялся, опрокинулся на подушки, ноги конвульсивно отянулись, сжатымъ кулакомъ онъ ударилъ по одѣялу. Раздался ще одинъ глухой хрипъ, мелькнула попытка подняться, вскочить... конецъ, жизнь прекратилась.

II.

Бетюнъ, дальній родственникъ Лорановъ, былъ единственный членъ семьи, посѣщавшій ихъ домъ. Занятый своими служебными обязанностями, онъ бывалъ у нихъ рѣдко, но безъ перерывовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Марта выросла на его глазахъ, но мысль о женитьбѣ на ней никогда не приходила ему въ голову. Тѣмъ не менѣе, у постели умирающаго, послѣ минуты весьма понятнаго удивленія, онъ принялъ предложеніе отца съ затаенною радостью, какъ осуществленіе очень давняго желанія, скрытаго въ самой глубинѣ его души. Покончивши съ похоронами, онъ аккуратно уладилъ всѣ дѣла по наслѣдству и сдѣлался опекуномъ Марты. Рѣшено было, что молодая дѣвушка поселится въ Отейлѣ. Бетюнъ жилъ тамъ съ теткой, старой дѣвушкой, требовавшей, чтобъ ее, почета ради, титуловали, «мадамъ». Подъ покровительствомъ этой тетки Мартѣ предстояло дождаться совершеннолѣтія и осуществленія проекта замужства. Этотъ проектъ сохранялся, однако, въ тайнѣ; никому, кромѣ жениха съ невѣстой, не было извѣстно обѣщаніе, данное ими умершему. Марта переѣхала въ Отейль тотчасъ послѣ похоронъ отца. Переѣздъ и первые дни, проведенные въ новомъ мѣстѣ жительства, прошли для молодой дѣвушки точно въ туманѣ: кромѣ горя и слезъ, ничему мѣста не было.

Но мало-по-малу горе стихало, душевная рана заживала изо дня въ день, слишкомъ тяжелыя воспоминанія тускнѣли въ тихой грусти, и Марта начала всматриваться во все окружающее. Снова начали пробуждаться интересы и приносить свою долю невинныхъ наслажденій. Молодой вѣвушкѣ нравился садъ, его пока еще скудное убранство, такъ какъ весна запоздала. Мартѣ доставляло удовольствіе слѣдить за ежедневнымъ развитіемъ почекъ, листвы и первыхъ цвѣтовъ. Ее занимали всякія букашки, пестрыя насѣкомыя, внезапное ихъ появленіе въ извѣстные дни и часы. Она вставала рано, любила тотъ часъ утра, когда солнце, поднявшись довольно высоко, шлетъ на землю еще косые лучи. Въ это время сѣтки свѣта и тѣней играютъ безконечно разнообразными переливами, и Марта любовалась длинными вѣтвями, едва опушенным молодою нѣжною зеленью, засматривалась на капли росы, сверкавшей на муравѣ газоновъ. Небо еще не было чисто-голубымъ, г немъ лежали прозрачно-бѣловатые тоны. На солнце часто набѣга легкая дымка испареній. Въ иные дни на садъ ложился туман Тогда крыши домовъ вдали принимали характеръ таинствен привлекательности; вѣчно зеленые кустарники и деревья, мож

вельники, ели и сосны блѣднѣли, получали голубоватый оттѣнокъ. Платаны имѣли видъ фантастическихъ растенiй, нѣжною грустью вѣяло отъ бѣлыхъ стволовъ березъ; отсырѣвшая трава казалась болѣе яркою, а щебетанiе воробьевъ, воркованiе голубей, шумъ близкаго города доносились глуше, утрачивали свою отчетливость.

Марта бродила между всѣмъ этимъ погруженная въ задумчивость. Скоро она вернулась къ дѣйствительной жизни еще полнѣе, ее стали интересовать люди: мадамъ Шателенъ, капитанъ, его деньщикъ Барду, большеголовый и забавный, постоянно чѣмъ-то занятый. Мадамъ Шателенъ была добрая, безобидная женщина, отдававшаяся вполнѣ невиннымъ чудачествамъ. Она вела домашнее хозяйство, усердно заботилась обо всѣхъ. Отъ природы молчаливая, она всѣ вечера посвящала перечитыванiю какихъ-то старинныхъ бумагъ, несомнѣнно доказывавшихъ, по ея увѣренiю, что прямымъ ея предкомъ былъ Жанъ Бартъ, знаменитый корсаръ. Относительно этого предмета она не терпѣла никакихъ шутокъ. Длинная и сухая, съ моноклемъ въ лѣвомъ глазу, она любила разсказывать о подвигахъ славнаго героя, объ его удивительныхъ хитростяхъ, объ его смѣлости. Этою манiей обусловливались другiя чудачества. Такъ мадамъ Шателенъ серьезно интересовалась успѣхами въ военно-морскомъ дѣлѣ и считала себя знатокомъ этого предмета. Между прочимъ, она стояла за миноноски и была противницей большихъ броненосцевъ на томъ основанiи, что удальство и хитрость, необходимыя на миноноскахъ, болѣе соотвѣтствуютъ принципамъ Жана Барта, чѣмъ распоряженiе тяжеловѣсными и неповоротливыми махинами съ ихъ гигантскою артиллерiей. Но, какъ ни сильно занимало мадамъ Шателенъ морское дѣло, все же она была слабою женщиной, и женская слабость ея сказывалась въ очень розовыхъ туалетахъ, въ платьяхъ изъ кисеи, легкой, какъ взбитыя сливки, всякiй разъ, когда она отправлялась съ капитаномъ Бетюномъ на вечера къ нѣкоему полковнику Комбу. На этихъ вечерахъ неизмѣнно бывалъ молодой подпоручикъ, по фамилiи Мартель, не уступавшiй въ красотѣ никакимъ богамъ античнымъ и новѣйшимъ. Бѣдная мадамъ Шателенъ чуть не бредила подпоручикомъ Мартелемъ безъ малѣйшей, впрочемъ, надежды на взаимность. То была робкая любовь, чистоты необычайной, и мадамъ Шателенъ созналась въ ней никакъ не больше, чѣмъ двадцати знакомымъ.

Эти легонькiя манiи отнюдь не мѣшали ей быть очень милою особой, честной и прямодушной, способной на большiя самопожертвованiя. Къ Мартѣ она относилась съ самымъ нѣжнымъ вниманiемъ, стараясь предоставить ей полное спокойствiе во все время перваго

кризиса, пережитаго молодою дѣвушкой. Когда миновалъ этотъ періодъ, Мартѣ пришлось, разумѣется, претерпѣть отъ Жана Барта и отъ военнаго флота. Дѣвушка безропотно подчинилась такой необходимости и даже находила повѣствованія интересными, въ особенности когда почтенная дама разсказывала историческіе анекдоты, благоговѣйно сохраняемые въ ея памяти.

Что касается денщика Барду, то онъ не лишенъ былъ оригинальности. Это былъ кряжистый малый, съ походкой рабочаго вола. На его широкомъ лицѣ, опушенномъ волосами негра, каріе глаза сверкали очень тревожнымъ, безпокойнымъ, но кроткимъ блескомъ. Барду былъ одаренъ темпераментомъ изобрѣтателя. Не имѣя ни малѣйшаго представленія ни о математикѣ, ни о механикѣ, онъ последовательно фантазировалъ о замѣнѣ въ картечницѣ обыкновенныхъ пуль острыми иголками и булавками, о бомбардировкѣ непріятельскихъ позицій при посредствѣ большихъ стай голубей, обученныхъ отрядами въ нѣсколько сотенъ переносить и въ надлежащее время бросать съ высоты разрывные снаряды, о замѣнѣ штыковъ самодѣйствующими клещами, которые душили-бы непріятеля, и въ особенности о паровой лошади, которая скакала бы, какъ обыкновенная лошадь, при помощи механизма, секретъ котораго Барду хранилъ въ тайнѣ. На такую механическую лошадь слѣдовало посадить механическаго всадника съ длиннымъ копьемъ, движущимся взадъ и впередъ... и можно себѣ представить эффектъ атаки, произведенный кавалерійскимъ полкомъ такого рода.

— Понимаете,—объяснялъ Барду,—насколько ужасна была бы атака цѣлаго полка, съ которымъ ружейною пальбой ничего не подѣлаешь!

Закадычный другъ Барду, сущій микроцефалъ, выслушивавшій, разиня ротъ отъ удивленія, фантазіи большеголоваго изобрѣтателя, возражалъ ему, однако:

— А, ну, какъ твои лошади сами попадаютъ?

И Барду, поставленный на минуту въ тупикъ такимъ соображеніемъ, подумавши немного, заявлялъ торжествующимъ тономъ:

— Машина будетъ такъ устроена, чтобы лошади не падали!

— Ишь ты! —восклицалъ микроцефалъ.

Не довольствуясь собесѣдованіемъ съ своимъ добрымъ другомъ Барду не рѣдко пускался въ изложеніе своихъ идей передъ мадамъ Шателенъ, которая, по сродству химерическихъ мечтаній, выслушивала подобный вздоръ очень благосклонно. Нѣсколько стѣснявшійся съ Мартой, Барду, мало-по-малу, приглядѣлся къ ней. А ходившіе въ то время слухи о возможности войны сильно волновали

его большущую голову: онъ изобрѣталъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо! И въ отсутствіе капитана, подавая газеты или письма, Барду пользовался случаемъ поговорить съ обѣими дамами. Солидно и убѣжденно онъ покачивалъ головой и заявлялъ:

— Плохи дѣла!... Необходимо приняться за нихъ... Съ вашего позволенія, сударыня, моловато у насъ изобрѣтаютъ къ будущей войнѣ.

Онъ таинственно подмигивалъ и продолжалъ:

— Видите ли, нужно сдѣлать эдакъ родъ катковъ... вѣсомъ въ нѣсколько сотъ, а то и тысячъ... Двигать ихъ электричествомъ... Пустить ихъ, они и передавятъ полки нѣмцевъ, какъ мухъ.

Марта задумывалась подолгу, стараясь уяснить себѣ характеръ человѣка, который долженъ былъ стать ея мужемъ. И все болѣе и болѣе онъ ей не нравился. Физически она находила его красивымъ,—таковъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Лицо у него было очень умное, энергичное, но энергія эта не носила характера суровости или злости; выражалась она въ линіяхъ рта и глазъ, а не въ очертаніяхъ губъ и подбородка. Фигура сильная, но тяжеловѣсная, довольно статная въ какомъ бы ни было костюмѣ. Но характеръ молодого человѣка смущалъ Марту. Видя его постоянно серьезнымъ, съ пристальнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, устремленныхъ въ пространство, она робѣла. О чемъ онъ думаетъ? Конечно, у него въ головѣ не очень нѣжныя думы. О, нѣтъ, въ немъ не замѣтно ни одной черты существа, способнаго любить. Неизмѣнно угрюмый въ тѣ часы, которые онъ проводилъ съ теткой и Мартой, онъ, какъ будто, съ презрительнымъ сожалѣніемъ относился къ физической и интеллектуальной слабости, говорилъ мало, какъ разъ, лишь то, что требовалось для соблюденія вѣжливости.

Два или три раза, впрочемъ, онъ вступалъ въ бесѣду съ Мартой, чтобъ отвѣтить на вопросы, заданные молодою дѣвушкой. И при этомъ онъ выказывалъ какую-то деревянную вѣжливость,—объясненія его были понятны, точны и непріятны.

Однажды вечеромъ, Марта, съ обычною смѣлостью, свойственною ея характеру, заспорила съ нимъ по поводу статьи, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes*, трактовавшей о вымираніи племенъ краснокожихъ въ Америкѣ. Молодая дѣвушка жалѣла этихъ бѣдняковъ, находила, что они имѣютъ больше правъ на жизнь, чѣмъ ихъ утѣснители.

— Это низшая раса,—сказалъ капитанъ.

— Какъ низшая! — воскликнула Марта.— Они герои... безстрашные, доблестные, полные чести.

— Все это легенды!... Племя тупоголовыхъ и лѣнтяевъ, они не умѣли и не хотѣли понять значенія цивилизаціи. Въ теченіе тысячелѣтій они могли развиваться такъ же свободно и самостоятельно, какъ мы. Что же вышло? Они оказались неспособными выдержать борьбу за существованіе, и вполнѣ естественно, что имъ предстоитъ исчезнуть передъ вторженіемъ европейцевъ.

— Но это жестоко!—возразила дѣвушка.—Вѣдь, страна-то имъ принадлежала, не правда ли? Они жили въ ней свободными и спокойными.

— Жили въ ней и другъ друга избивали изъ-за какихъ-нибудь шкуръ бизоновъ!... У нихъ были громадныя, плодородныя равнины, великолѣпные рѣки и лѣса. Изъ всего этого они сумѣли создать только жалкія хижины, чтобъ укрыться отъ непогоды, да еще стрѣлы, луки и томогауки, чтобы драться между собой. Этого слишкомъ мало для того, чтобъ оставаться господами земли.

— Могли же имъ, по крайней мерѣ, оставить необходимую часть этой земли, которую у нихъ отняли, ограбили, а ихъ самихъ оттѣсняютъ съ каждымъ годомъ все дальше.

— И очень хорошо дѣлаютъ! Вмѣсто того, чтобы, при появленіи нашей цивилизаціи, приняться за работу, научиться отъ насъ пріемамъ земледѣлія и фабричной промышленности, они упорно оставались вѣрны своей безсмысленной системѣ охоты и праздности.

— Но, вѣдь, эти несчастные люди не поняли вашей цивилизаціи!—воскликнула Марта съ выраженіемъ глубокой жалости.

А онъ, убѣжденно и спокойно, не замѣчая ни милой пылкости дѣвушки, ни чуднаго блеска ея возбужденныхъ глазъ, возразилъ:

— Тѣмъ хуже для нихъ. Роковымъ закономъ борьбы за существованіе они приговорены за это къ гибели.

— Да это ужасно, капитанъ!... И я убѣждена, что вы и всѣ ваши ученые впадаете въ такую же огромную ошибку, какую дѣлали старинные фанатики. Никогда я не повѣрю тому, что нѣтъ болѣе мягкихъ и возвышенныхъ способовъ цивилизаціи.

— А если такъ,—усмѣхнулся капитанъ,—то зачѣмъ вы кушаете мясо? Быкъ—тоже живое существо: у него, какъ и у васъ, есть сердце, мозгъ, чувства. Онъ смиренъ, тихъ и безобиденъ. За что же его убиваютъ? За то единственно, что онъ слабѣе насъ интеллектуально, не въ силахъ защищаться.

Марта умолкла, пораженная жестокостью такой доктрины. Всю ночь потомъ ей снились страшныя побоища, колоссальное истребленіе живыхъ существъ, въ дикой ярости кидающихся другъ на друга въ чащѣ лѣсовъ, въ равнинахъ, въ глубинѣ водъ, и подъ

вліяніемъ врожденной ей впечатлительности молодая дѣвушка оставалась цѣлую недѣлю грустною и задумчивою, угнетенною внезапнымъ отвращеніемъ передъ организаціей міра, неспособнаго тихо наслаждаться красотою всего созданнаго. Капитанъ сталъ казаться ей противнымъ. При его приближеніи, она вздрагивала, какъ при видѣ хищнаго звѣря. Въ то же время вся его личность принимала въ ея представленіи до крайности преувеличенные размѣры человѣка неимовѣрной силы, одареннаго невозмутимостью всевѣдѣнія, огражденнаго отъ всякихъ случайностей, могущихъ угрожать другимъ людямъ, совершенно лишеннаго чувства жалости, способности любить, мягко относиться къ кому-либо.

Она въ ужасъ приходила при мысли очутиться во власти такого человѣка. Она возмущалась душою, безсознательно пока, не осмѣливаясь анализировать свои чувства. Въ особенности вечерами она испытывала приступы необыкновенной тревоги, сдавливавшей ей грудь. Сидя одна, Марта отдавалась мечтамъ, и ничѣмъ не стѣсняемыя разыгрывались фантазіи молодой дѣвушки. Ясное сознаніе положенія, въ которомъ она находилась, устраняло всякую мысль о воображаемомъ когда-то блестящемъ замужствѣ. Тѣмъ не менѣе она мечтала, будто опять свободна, ничѣмъ не связана, живетъ опять съ отцомъ и съ матерью и съ милою, нѣжною подругой. Въ воображеніи рисовалась жизнь, наполненная благотворительностью, тихою созерцательностью и наслажденіемъ музыкой, съ придачей, впрочемъ, надлежащаго запаса перчатокъ, нарядовъ и драгоцѣнностей, всего необходимаго, чтобы любовались ею, чтобы нравилась она, имѣла успѣхи въ обществѣ, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ. А затѣмъ идеалы ея расплывались во что-то совершенно неопредѣленное. И чѣмъ больше она пыталась уяснить ихъ себѣ, тѣмъ большія испытывала неудачи. При всякихъ дальнѣйшихъ мечтаніяхъ, неизмѣнно возникавшій образъ капитана разрушалъ всѣ ея надежды. Онъ являлся чѣмъ-то роковымъ, подавляющимъ, заставлялъ ее шептать иногда:

— Неужели я тоже одна изъ побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе и обречена жить, какъ несчастные краснокожіе индѣйцы?

И она горько улыбалась. Въ ея душѣ возникало безконечное сочувствіе всякому страданію, и молодая женщина принимала величайшія предосторожности, чтобы не раздавить ногами какое-нибудь насѣкомое на дорожкахъ сада, спасала отъ гибели мухъ, попадавшихъ въ бассейны съ водой, бросала крошки хлѣба муравьямъ.

Погода стояла до крайности перемѣнчивая. То и дѣло возвра-

щалась зима съ воемъ вѣтра, со снѣжными метелями, съ рѣзкими заморозками. Иногда на день или на два проглядывало чудное солнце, нѣжно грѣло своими лучами, весна дѣлала робкія попытки вступить въ свои права. Но подъ яснымъ ночнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, сѣверъ слалъ свое ледяное дыханіе. Затѣмъ набѣгалъ теплый дождь, любовно шелестилъ молодою листвой, игралъ въ журчащихъ ручейкахъ живымъ весеннимъ шумомъ.

Марта одарена была организмомъ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ это думаютъ,—организмомъ, чувствующимъ и подмѣчающимъ измѣненіе формъ. Она была, если можно такъ выразиться, страстною *смотрѣльщицей*. Чтобы смотрѣть, она застаивалась у окна, у скамьи въ саду, около дерева. Интересовали ее въ комнатѣ и внѣ дома исключительно только детали. Равнодушная къ пейзажу, къ общему виду, она находила тонкое наслажденіе въ томъ, чтобы вглядываться въ частности. Маленькая вѣтка, насѣкомое, облачко на небѣ, цвѣтокъ, ваза, мерцающая звѣздочка вызывали ее на мечты безъ конца, уносили все существо ея въ необъятный міръ чувствъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Бетюнъ опротивѣлъ ей, для нея прекратились этого рода наслажденія. Птичка, радостно поющая на зарѣ, звѣзда, загарающаяся на вечернемъ небѣ, пчела, забирающаяся въ цвѣтокъ собирать свои запасы,—все напоминало ей про «борьбу за существованіе», о которой говорилъ капитанъ. И тогда, удрученная, съ тоскою въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, она видѣла только одно безобразное. Даже музыка, самыя любимыя ея произведенія не избавляли Марту отъ тяжелаго настроенія. Мрачная печаль заглушала гармонію аккордовъ и звучность мелодій.

— Нѣтъ будущаго!... Нѣтъ будущаго для меня! — вздыхала молодая дѣвушка.

И она чувствовала себя точно въ могилѣ, точно заживо замурованная въ мрачномъ склепѣ. О, это роковое, связывающее ее обѣщаніе! Марта, впрочемъ, не пыталась еще оспаривать его значеніе. Она сознавала только, что обязана сдержать данное слово. Ей на умъ не приходило, что слово это можно взять назадъ. А! еслибы живъ былъ отецъ! Она стала бы бороться, убѣдила бы его. А теперь? Теперь все кончено! Тотъ, кому дана клятва, покинулъ этотъ міръ навсегда, унесъ съ собою всякую надежду на возможность разрыва.

Въ это время, послѣ нѣкотораго затишья, опять поднялись усиленные толки о близости войны между Франціей и Германіей вслѣдствіе извѣстнаго пограничнаго случая въ Паньи на Мозелѣ.

Капитанъ сдѣлался до крайности мраченъ, почти совсѣмъ уже

не говорилъ, съ озлобленною сосредоточенностью внимательно слѣдилъ за препирательствами, начавшимися между германскимъ канцлеромъ и французскимъ правительствомъ. Денщикъ Барду напряженно усердствовалъ надъ своими необычайными изобрѣтеніями. Каждое утро, проводивши капитана, онъ прибѣгалъ къ мадамъ Шателенъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и сообщалъ, сверкая глазами:

— А я знаю, какую штуку пристроить этимъ негодяямъ!

— Какую?—любопытствовала почтенная дама.

— Самодвижущуюся бомбу! Да, такую бомбу, которая сама будетъ катиться на непріятеля!

III.

Шелковый абажуръ отражалъ мягкій свѣтъ лампы. Бетюнъ допивалъ свой кофе, откинувшись къ спинкѣ кресла, и смотрѣлъ на Марту. Молодая дѣвушка, въ корсажѣ изъ тисненаго блѣдно-розоваго бархата, была очаровательна. Выраженіе нѣжности пробѣжало по лицу капитана. На вопросъ Марты о войнѣ 1870 года онъ отвѣтилъ:

— Не подлежитъ сомнѣнію, что мы заслужили кару нашею продолжительною бездѣятельностью и непредусмотрительностью.

— И если насъ побѣдятъ еще разъ,—возразила она,—то останется только сказать, какъ про индѣйцевъ: и хорошо сдѣлаютъ... Не такъ ли?

Молодой человѣкъ слегка поблѣднѣлъ. Изъ полуоткрытаго окна въ комнату врывалось дыханіе весны, дыханіе теплое и влажное. Не ясно видны были въ саду силуэты деревьевъ и трепещущія верхушки кустарниковъ. Тихій вѣтерокъ пробѣгалъ подъ сумрачнымъ небомъ, издали доносился шумъ экипажей, изъ сосѣдняго дома слышался дуэтъ на флейтѣ и віолончели. Тогда Бетюнъ почувствовалъ, какъ сладко у него на сердцѣ, и проговорилъ съ необычною лаской:

— Да, если насъ побѣдятъ, то скажутъ, что такъ и слѣдовало! И вотъ почему, милое дитя, мы должны напрягать всѣ силы свои для побѣды, каждый изъ насъ долженъ изучать свое дѣло, изучать его основательно и добросовѣстно... Если же мы будемъ ждать побѣды, надѣясь на счастье, то окажемся недостойными побѣды.

И онъ добавилъ мрачнымъ тономъ:

— Борьба вездѣ и всегда борьба! Необходимо постоянно быть бодрымъ и хотѣть... и горе тѣмъ, кто не умѣетъ ни быть бодрымъ, ни хотѣть!

Мартѣ показалось, будто въ голосѣ капитана,—гдѣ-то въ самой глубинѣ его,—звучитъ что-то хорошее, что-то доброе, сближающее его съ нею. А онъ опустилъ голову и говорилъ тихо:

— И въ сущности, что значитъ упорно хотѣть? Это значитъ — быть оптимистомъ, одобрять законы, на которыхъ міръ зиждется, и не терять бодрости передъ ними. Съ того дня, когда народъ становится равнодушнымъ къ цѣли, которой нужно достигнуть, и принимается болтать о безполезности какихъ бы ни было усилій, оружіе выпадаетъ изъ его рукъ...

Марта сидѣла, задумавшись, въ небрежной позѣ и представлялась олицетвореніемъ современнаго понятія о красотѣ. Капитанъ сознавалъ это и, забывшись, любовался нѣжнымъ цвѣтомъ лица, нѣжностью губъ, изящнымъ очертаніемъ шеи молодой дѣвушки. Марта выпрямилась и сказала:

— Борьбу я понимаю, но понять не могу того, что надо вѣчно быть жестокимъ и презирать слабыхъ!

Онъ наклонился къ дѣвушкѣ и, не отвѣчая на ея слова, прошепталъ:

— Марта, я хотѣлъ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— О чемъ?—удивилась она.

— Мы дали обѣщаніе вашему отцу... Когда вы располагаете исполнить его?

Внезапность вопроса ошеломила молодую дѣвушку, повергла ее въ какое-то оцѣпенѣніе. Марта смотрѣла, ничего не видя, на уголъ камина. Въ ея головѣ проносились сцены давно прошедшаго: классная дама, милая и сантиментальная, читала ей по вечерамъ нѣжныя стихотворенія; яснымъ лѣтнимъ днемъ онѣ гуляли въ паркѣ; у нея былъ кроликъ, котораго она выкормила; потихоньку отъ старшихъ она читала книги, раскрывавшія передъ нею много таинственнаго въ жизни... Вдругъ она опомнилась, вернулась къ дѣйствительности, оробѣла и не знала, что сказать, какъ уклониться отъ прямого отвѣта на вопросъ капитана. А онъ, помолчавши немного, продолжалъ:

— Хотите, въ будущемъ сентябрѣ?

Тогда, сама не зная, какъ,—утративши всякую способность къ сопротивленію, она отвѣтила:

— Да.

— Хорошо,—сказалъ онъ.

Оба смолкли. Свѣтъ лампы колебался немного отъ легкаго вѣтерка, заносившаго въ комнату ароматы цвѣтущаго сада. Вѣяло чѣмъ-то юнымъ и прекраснымъ. Марта обернулась къ окну и смо

трѣла на тихо качающіяся вѣтви. Въ ея душѣ поднималась глубокая тревога; всѣ нервы болѣзненно волновались. Дѣвушка сознавала, что произошло нѣчто непоправимое. Двѣ слезинки повисли на ея рѣсницахъ, грудь сжималась подъ непонятною тяжестью. Марта встала и, ссылаясь на усталось, ушла въ свою комнату.

IV.

Марта пережила тяжелый кризисъ и покорилась своей судьбѣ спокойнѣе, чѣмъ сама ожидала. Она почувствовала даже душевный миръ отъ сознанія, что борьба безцѣльна, что замужство ея есть дѣло рѣшенное безповоротно. Тогда она захотѣла попытаться полюбить Бетюна. Обстоятельства складывались для того благопріятно. Недоразумѣнія съ Германіей были устранены, и капитанъ замѣтно повеселѣлъ. Онъ былъ даже почти совсѣмъ веселъ, разговаривалъ болѣе оживленно. Но сквозь его любезность Марта не переставала чувствовать что-то рѣзко авторитетное, какъ бы презрительное къ способностямъ женщинъ. Казалось, будто онъ признаетъ за молодою дѣвушкой только роль ребенка, не стѣсняется возражать ей, подавлять ее безпощадною логикой, когда она вздумаетъ пуститься въ сколько-нибудь серьезныя разсужденія. И его вѣжливость и даже любезность неизмѣнно отзывались тираннiей, милостивой снисходительностью благодушно настроеннаго деспота.

Марта еще болѣе пріуныла, замкнулась въ себя, вся отдалась неяснымъ думамъ. Прошло двѣ недѣли, глухое раздраженіе дѣвушки возрастало постоянно. Она дулась не только на капитана, но и на мадамъ Шателенъ за ея расположеніе къ Бетюну. Оставаясь одна, Марта доходила до припадковъ настоящаго отчаянія. Наконецъ, она осмѣлилась серьезно обсудить свое положеніе, прійти къ какимъ-нибудъ опредѣленнымъ заключеніямъ.

Она раздумывала, что нельзя же такъ всецѣло и безповоротно жертвовать собой изъ-за даннаго обѣщанія. Конечно, слово, данное умирающему отцу, представлялось ей равносильнымъ клятвѣ. Но, при болѣе основательномъ обсужденіи, она открывала извѣстные оттѣнки, съ которыми нельзя не считаться. Такого рода обѣщанія священны и обязательны до тѣхъ поръ, пока ихъ исполненіе не противно чести и нравственности. Было бы великимъ грѣхомъ не сдѣлать всего на свѣтѣ для исполненія послѣдней воли отца, матери или иного родственника, или друга, если для этого не требуется совершить дурное дѣяніе. Неужели въ подобныхъ обстоятельствахъ необходимо точно держаться *буквы?* Не должно ли по-

стараться уразумѣть *смыслъ?* Отецъ, требовавшій на смертномъ одрѣ клятвы, данной Мартой, имѣлъ въ виду обезпечить этимъ счастье дочери. А если она, дѣвушка, ничего, кромѣ несчастья, не ждетъ отъ обѣщаннаго брака?... И, наконецъ, вполнѣ ли сознательно дано ею такое обѣщаніе? Разумѣется, нѣтъ,— она сказала «да» совершенно необдуманно, единственно изъ-за того, чтобы не волновать, не раздражать больного.

Капитанъ представлялся ей во всемъ непростительно виноватымъ. Какъ бы благоговѣйно ни относился онъ къ данному слову, долженъ же онъ понимать, что живымъ существомъ нельзя распоряжаться, какъ вещью. Онъ не имѣлъ права своимъ рѣзкимъ согласіемъ придавать роковое значеніе безсознательно сказанному слову. Совсѣмъ это не по-рыцарски!

Онъ не попытался даже заслужить любовь той, кого это слово отдавало ему. Нѣтъ въ немъ ни искры деликатности влюбленнаго, ни признака желанія понравиться. Насколько было бы благороднѣе не напоминать о данномъ словѣ и постараться получить, по любви, добровольное согласіе! Очевидно, онъ считаетъ, что изъ-за такой добычи хлопотать не стóитъ! Сама попадется ему въ руки, такъ зачѣмъ же себя утруждать? Какая же можетъ быть надежда на счастье съ такимъ человѣкомъ? Правда, онъ благороденъ, безукоризненъ, справедливъ даже, но нѣтъ въ немъ ни великодушія, ни любви, ничего такого, что можетъ дать счастье женщинѣ. И что такое для него женщина? Слабое созданіе, обреченное участи побѣжденныхъ! Никогда, никогда она не полюбитъ его и, быть-можетъ, кончитъ тѣмъ, что возненавидитъ!

Всѣ эти доводы и разсужденія она много разъ перебирала въ своей головѣ, не находила въ нихъ ничего невѣрнаго, считала вполнѣ логичными и, тѣмъ не менѣе, они не удовлетворяли ее. Между дѣйствительностью и такими теоріями она видѣла настоящую пропасть. Марта не могла избавиться отъ ощущенія, какъ бы физическаго, всей тяжести нарушенія клятвы. Она, совсѣмъ по-дѣтски, обращалась съ мольбами къ отцу, призывала его въ судьи. Иногда она укоряла себя въ томъ, что осмѣливается разсуждать: на самомъ дѣлѣ, не тотъ ли основной ея грѣхъ, что она хочетъ все рѣшить на основаніи разума? Нѣкоторые подвиги героизма никогда не были бы совершены, еслибъ герои пустились въ предварительное обсужденіе взятыхъ на себя обязательствъ.

А! какъ признательна была бы она тому, кто освободилъ бы ее отъ этихъ тяжелыхъ заботъ! Нѣтъ, конечно, не ей, молоденькой дѣвушкѣ, выискивать поводъ къ разрыву, тогда какъ Бетюнъ могъ

очень легко вернуть имъ обоимъ полную свободу дѣйствія. Его равнодушіе ничѣмъ нельзя оправдать, ни разсѣянностью человѣка, слишкомъ усердно отдающагося умственному труду, ни его вѣрностью данному слову. Развѣ можно оставаться настолько безучастнымъ къ счастью или несчастью безпомощнаго существа? Развѣ дозволительно завладѣть такъ душою и тѣломъ дѣвушки, не спрашивая на то ея добровольнаго согласія? Неужели это не есть дѣло несправедливое, недостойное, низкое? И настолько сильно было раздраженіе, терзавшее душу Марты, что въ головѣ дѣвушки начинали вдругъ складываться мысли о мести: подчиниться необходимости брака, а потомъ заставить этого человѣка всю жизнь раскаиваться въ его оскорбительномъ презрѣніи къ ней. Но ея врожденное благородство одерживало верхъ очень скоро, и Марта изнывала въ безысходной тоскѣ по своей загубленной жизни, по сердцу, извращенному ненавистью!

Порою она готова была на все рѣшиться, откинуть прочь всѣ колебанія. Но тогда ее сдерживали мотивы иного рода: стыдъ и страхъ. Она сознавала свою слабость. Долгая привычка относиться съ уваженіемъ къ родственнику отнимала у нея смѣлость пуститься въ объясненіе съ капитаномъ. Марта боялась, что онъ станетъ насмѣхаться надъ ней и, въ концѣ-концовъ, все-таки заставитъ ее подчиниться его волѣ. А затѣмъ ей, только-что выпущенной пансіонеркѣ, было стыдно поднимать подобные вопросы. Она, просто, словъ для того не найдетъ передъ мужчиной, и,— если онъ, хотя чуть-чуть, захочетъ настаивать на своемъ,— у нея не хватитъ духа сказать, когда это необходимо будетъ, что бракъ этотъ гадокъ, отвратителенъ: она сгоритъ отъ стыда прежде, чѣмъ рѣшится заговорить о любви съ тридцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ!

Марта страдала, серьезно и сильно страдала. Лицо ея замѣтно и сильно поблѣднѣло, глаза ввалились, и ея похудѣвшія щеки, чуть-чуть заострившійся носъ, взглядъ потемнѣвшихъ глазъ, глубокихъ, какъ пропасть, придавали ея красотѣ роковой и драматическій характеръ. Кромѣ обычныхъ фразъ вѣжливости, она ни съ кѣмъ не обмѣнивалась ни словомъ, ни даже съ госпожею Іателенъ, отъ всѣхъ удалялась, запиралась въ своей комнатѣ ли бродила по пустынному саду. И въ особенности горькимъ редставлялось ей то, что нѣтъ у нея никого, кому она могла ы довѣриться, нѣтъ подруги, которая ободрила бы ее, поддерiала бы въ минуты борьбы. Все утро она проводила на самыхъ ілекихъ, глухихъ дорожкахъ сада, разсуждая сама съ собой все ъ одномъ и томъ же. Но всѣ эти разсужденія какъ-то расплыва-

лись врозь и ничѣмъ не кончались. Напрасно давала она себѣ слово прійти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію, черезъ два-три часа, въ минуту завтрака, ничего опредѣленнаго въ ея головѣ не оказывалось. Марта часто встрѣчала Барду, чистившаго дорожки, сметавшаго листъ, обиравшаго червей съ кустовъ. Денщикъ серьезно кланялся ей и провожалъ взглядомъ съ видимымъ желаніемъ поболтать.

Вначалѣ Марта проходила мимо, не обращая особеннаго вниманія на денщика. Но вскорѣ ее охватило любопытство узнать мнѣніе бѣдняги солдата о капитанѣ. Ей доставило бы удовольствіе убѣдиться въ томъ, что не одна она боится Бетюна, что не одну ее пугаетъ его холодность и жесткость.

Итакъ, разъ утромъ она заговорила съ денщикомъ. Онъ тотчасъ же повелъ рѣчь о томъ, что для успѣховъ земледѣлія необходимы какія-то диковинныя машины. Очевидно, что до сихъ поръ изобрѣтено по этой части слишкомъ мало. Къ сожалѣнію, онъ не въ состояніи помочь горю. Надо держаться чего нибудь одного, и всѣ свои способности онъ отдаетъ военному дѣлу.

— Такъ вотъ на этихъ дняхъ я думалъ о стѣнахъ, о стальныхъ стѣнахъ, поставленныхъ на колеса. Взять да и двинуть ихъ на пруссаковъ,—понимаете,—а подобравшись совсѣмъ близко, начать въ нихъ стрѣлять... Уложили бы мы ихъ видимо-невидимо и безъ всякихъ потерь съ нашей стороны.

Марта терпѣливо выслушала, дала схлынуть первому потоку словъ, посвященному убійственнымъ снарядамъ всякаго сорта. Потомъ, мало-по-малу, дѣвушка навела его на разговоръ о капитанѣ. Тутъ Барду оказался крайне осмотрительнымъ, напускалъ на себя видъ дипломата изъ-за каждаго слова и до того неопредѣленно говорилъ о жизни военныхъ, что совсѣмъ сбилъ съ толку молодую дѣвушку. Послѣ множества увертокъ, ей удалось добиться нѣсколько опредѣленнаго отвѣта, даннаго тихимъ голосомъ и очень таинственно:

— Человѣкъ онъ необыкновенный!

— Вы хотите сказать, что онъ хорошій офицеръ, но...

— Хорошій офицеръ! А, еще бы! Надежный, молодчина!... Видите, еслибъ онъ былъ генераломъ, я ничего не опасался бы... пусть бы попробовали пожаловать пруссаки!

— А, да,—согласилась молодая дѣвушка.—Но скажите, вы очень его любите?

Онъ взглянулъ на нее съ такимъ удивленіемъ и сожалѣніемъ, которыя обманули Марту.

Она подумала, что ей удалось затронуть слабую струну солдата. Барду продолжалъ:

— Это запрещено!

— Какъ запрещено? — воскликнула она, въ полномъ недоумѣніи.

— Да, этого не полагается.

— О!

Она подумала, что бѣдняга не смѣетъ иначе выразить ужаса, который внушаетъ ему капитанъ. Не ясно ли было, что нельзя любить деспота? Его боятся и только. И вотъ денщикъ нашелъ подходящее выраженіе для уясненія своего чувства:—«Это запрещено!»—Между тѣмъ Барду смущенно поводилъ глазами и закончилъ такими словами:

— Знаете, я его, такъ сказать, люблю, даже очень люблю... только ему объ этомъ нельзя говорить, потому—это противно дисциплинѣ. Наше дѣло солдатское, обязанность наша любить славу. Такъ вы и подумайте, еслибы капитанъ мнѣ сказалъ, къ примѣру:—«Барду, готовъ ты вотъ сейчасъ умереть на этомъ самомъ мѣстѣ?»—Не скажу я ему:—«Такъ точно, господинъ капитанъ, изъ любви къ вамъ».—Съ начальствомъ такъ не полагается. Мы свое дѣло твердо знаемъ, становлюсь во фрунтъ, руку подъ козырекъ и говорю:—«Ради чести полка, господинъ капитанъ!»—Почитайте-ка военныя исторіи, всегда такъ дѣлалось. Надо тоже имѣть смекалку, соображеніе...

И Барду корчилъ хитрую рожу, поднося руку къ своей большой головѣ.

— Стало быть, вы любите его... А какъ вы думаете, онъ то любитъ васъ?

Барду опять удивился.

— Ахъ, мадемуазель, да что же это была бы за армія въ такомъ разѣ? Господинъ капитанъ... Нѣтъ, вы извольте разобрать хорошенько. Вотъ, къ примѣру, рота, идетъ капитанъ...

Барду принялъ воинственный видъ, нахмурилъ брови.

— Идетъ и вотъ такъ смотритъ на насъ. Дѣлаемъ «на краулъ»... Когда у офицера есть глазъ, онъ такъ васъ и забираетъ до самаго нутра. Стоишь, а про себя думаешь:—«Вотъ это молодчина!»—И знаете, есть такіе, что говорятъ, будто ни на что это не нужно. Нѣтъ, у кого ужъ нѣтъ глаза, такъ и взять его негдѣ. Вотъ что!

— Я понимаю, Барду, это передъ ротой. Но, вѣдь, вы-то одни бываете съ нимъ, всегда ли онъ относится къ вамъ такъ же строго?

— Этого нѣтъ, мадемуазель. Онъ хорошо знаетъ своего Барду. Ину-пору случается даже распрашиваетъ меня, позволяетъ разговаривать съ собой, на манеръ, какъ бы даетъ отпускъ. Ну, голова на плечахъ есть и поговорить умѣемъ. Дисциплина дисциплиной, а человѣкъ человѣкомъ.

— Интересуется онъ вашими дѣлами, оказалъ вамъ какую-нибудь услугу?

Барду принялъ печальный видъ.

— Какія же услуги, въ чемъ? Не могу я этого знать... Все, что онъ когда-нибудь дѣлалъ, я не смѣю почитать за услуги. Онъ всегда такъ серьезенъ, что если что и сдѣлаетъ, такъ нельзя позволить себѣ поблагодарить его... А по душѣ-то, мадемуазель, можно дать себя изрубить... я бы въ куски далъ себя изрубить за него! Только хитрая эта штука, очень сложное дѣло военная служба. Мой другъ,—знаете, что̀ приходитъ ко мнѣ иногда,—часто говоритъ мнѣ: «У тебя, Барду, хорошая голова, ты все можешь понимать»...

Солдатикъ почесалъ себѣ затылокъ и улыбнулся. Потомъ его подвижные глаза блеснули, щеки вспыхнули румянцемъ, и Барду, уже не сдерживая своихъ чувствъ, проговорилъ:

— Ну, вы никому не скажете, на васъ я могу положиться... Такъ вотъ, онъ разъ сталъ спрашивать про моихъ стариковъ тамъ на родинѣ, не нуждаются ли они въ чемъ, онъ, вишь, радъ былъ бы помочь имъ. А я отвѣтилъ: «Нѣтъ, господинъ капитанъ, достатокъ у нихъ есть, имъ ничего не нужно»... Только...

Глаза Барду слегка затуманились.

— Что толковать, вы меня понимаете.

И, совсѣмъ отдаваясь своему увлеченію, онъ добавилъ:

— Да, вѣрно, далъ бы себя изрубить на девяносто тысячъ кусковъ!

Марта была поражена, испытывала такое чувство, будто ее чѣмъ-то обманули, и не могла сразу собраться съ мыслями. Барду воспользовался молчаніемъ и сказалъ.

— Только одно въ немъ очень нехорошо.

— Что такое?—живо спросила дѣвушка.

— Слишкомъ онъ мало интересуется изобрѣтеніями, новыми снарядами.

Уходя, Марта не осилила невольной улыбки. Этотъ разговоръ сдержалъ молодую дѣвушку еще на нѣсколько дней. Но, наконецъ, рѣшеніе ея созрѣло, окрѣпло. Она почувствовала себя болѣе смѣлою. Имѣть въ виду только добиться цѣли было бы безчестно! Надо

бороться за свое нравственное право. Во время боя она лучше оцѣнитъ доводы «за» и «противъ». То, какъ станетъ держать себя капитанъ, будетъ драгоцѣннымъ указаніемъ для ея окончательнаго рѣшенія. Начнетъ она не съ отказа, а съ объясненія, съ просьбы вернуть ей данное слово. Все дѣло въ томъ, чтобы не струсить, не разыграть роль жертвы. Правда на ея сторонѣ: нельзя отдаваться человѣку, котораго не любишь!

Марта сдѣлалась любезнѣе съ госпожей Шателенъ. Бетюнъ, не особенно впечатлительный, не почувствовалъ періода отчужденія молодой дѣвушки. Не то было съ наслѣдницей Жана Барта, она терпѣливо сносила враждебность Марты, приписывая ее какому-нибудь тайному огорченію, которое почтенная дама старалась разгадать, чтобы по возможности помочь дѣвушкѣ. Такая неизмѣнная кротость и материнская заботливость растрогали Марту, довели до раскаянія. Одинъ случай сблизилъ ихъ совсѣмъ. Какъ-то вечеромъ, воспользовавшись подходящимъ разговоромъ, Марта спросила у мадамъ Шатененъ, думаетъ ли она, что могутъ быть такія обстоятельства, при которыхъ женщина обязана выдти замужъ за нелюбимаго человѣка. Мадамъ Шателенъ отвѣтила категорически:

— Никогда!

— Однако,— сказала Марта, удивленно,— бываютъ такія осложненія, разныя условности...

— Милая моя,—горячо прервала ее старая дама,—ничего подобнаго я не могу допустить. Я оказалась бы недостойной моего славнаго и благороднаго предка. Это рѣшительно невозможно, моя милая!

— О, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, — возразила Марта, стыдясь своихъ прежнихъ подозрѣній, — держусь безусловно того же взгляда.

V.

На слѣдующій день, послѣ полудня, Марта подошла къ комнатѣ Бетюна и постучала въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ капитанъ.

Дѣвушка отворила дверь нетвердою рукой, почувствовавши новый приступъ робости, сообразивши вдругъ все неприличіе своей затѣи.

— Вы, Марта!—удивился молодой человѣкъ.

Онъ сидѣлъ за огромнымъ рабочимъ столомъ, обтянутымъ потертою кожей, и занимался составленіемъ какого-то плана. По обѣ

стороны было разбросано нѣсколько книгъ. Марта остановилась въ волненіи, закусивши нижнюю губу. Капитанъ смотрѣлъ на дѣвушку, предчувствуя уже нѣчто.

— Да, я,—отвѣтила она, не имѣя силы проговорить что-либо другое.

Вся комната, едва меблированная, съ простыми деревянными стульями, съ поломъ безъ ковра, приводила ее въ крайнее смущеніе. Въ этой обстановкѣ молодая дѣвушка находила очень опредѣленное выраженіе начальнической строгости и чисто-спартанской суровости ея хозяина.

— Что угодно?—спросилъ онъ.

Капитанъ всталъ и предложилъ посѣтительницѣ стулъ, неловко и рѣзко. Сѣсть она отказалась и продолжала стоять передъ Бетюномъ. Мало-по-малу къ ней возвращалась смѣлость, поднимался духъ гордости и возмущенія.

— Мнѣ угодно... — сказала она, поднимая голову и кротко улыбаясь. — Мнѣ нужно поговорить съ вами о серьезномъ дѣлѣ.

— А-а!—произнесъ онъ.

Тонъ этого возгласа показался дѣвушкѣ обиднымъ, она совсѣмъ оживилась.

— Да, объ очень серьезномъ! Я хочу сказать вамъ, что между нами есть большое недоразумѣніе... и что его надо выяснить.

Неподвижный, онъ какъ бы подавлялъ Марту всею силой своей мощной фигуры, а въ глубинѣ его души,—хотя онъ не понималъ еще, въ чемъ дѣло,—возникала и росла тревога.

— Какое недоразумѣніе?—тихо проговорилъ онъ.

Его голосъ прозвучалъ хрипло. Въ рѣшительный моментъ дѣвушка поддалась опять колебаніямъ. Мысли опять нахлынули на нее, нестройныя, безпорядочныя, и заставили ее опустить глаза. Снова подступалъ безотчетный страхъ, явилось тоскливое отвращеніе отъ своей воли, отъ своихъ разсужденій, охватило желаніе стать маленькою дѣвочкой, отдать свою судьбу на произволъ случая, хитростью подкопаться подъ угнетающій авторитетъ, устранить который она предполагала однимъ смѣлымъ усиліемъ. Въ ея воображеніи проносилась возможность страшнаго взрыва, гнѣвнаго взгляда солдата, грубыхъ словъ, отрывистыхъ и презрительныхъ. И съ тѣмъ вмѣстѣ подступало нѣжащее и разслабляющее чувство, — такое же странное, какое испытывалъ каждый человѣкъ передъ учителемъ, передъ духовникомъ, передъ деспотическими родителями, — опасное чувство умиленной покорности, которая утишаетъ всякое раздраженіе, сразу уничтожаетъ сознаніе право-

ты и несправедливости въ безсильномъ подчиненіи тиранніи. Чтобы преодолѣть это, Марта вынуждена была прибѣгнуть къ притворству, разыграть роль оскорбленной женщины.

— И вы спрашиваете у меня, какое недоразумѣніе? Да какое же между нами можетъ быть, кромѣ связывающаго насъ обѣщанія вступить въ бракъ? Неужели вы не понимаете, что обѣщаніе, которое меня принудили дать, не имѣетъ значенія?

— Что такое?—воскликнулъ Бетюнъ.

Онъ былъ блѣденъ, онъ дрожалъ, устремивши тревожный взглядъ на дѣвушку, осмѣлившуюся сказать ему подобную вещь. Слабое существо, стоявшее передъ нимъ въ прелестномъ блѣдно-лиловомъ платьѣ, съ небольшимъ вырѣзомъ у молочно-бѣлой шейки, сразу выросло въ его мнѣніи. Молодая дѣвушка показалась ему опасной, онъ терялся передъ гордымъ взглядомъ ея темныхъ глазъ, передъ маленькою ножкой, смѣло выставленной впередъ, передъ граціозностью всей ея стройной фигуры. Капитанъ отвернулся и принялся ходить по комнатѣ, громко отбивая ногами шагъ, по-военному. Марта ждала нападенія, лихорадочно и смѣло, ея страхи разсѣялись подъ боевымъ настроеніемъ.

Онъ тѣмъ временемъ подыскивалъ надлежащія слова и не находилъ ихъ, испытывалъ впечатлѣніе схватки съ непріятелемъ въ заросляхъ, боя въ кустахъ, который приходится вести на-удачу, безъ опредѣленной тактики. Непріятель открылъ огонь невѣдомо откуда; капитанъ застигнутъ въ расплохъ, сбитъ съ толку и, къ тому же, раненъ. Потомъ все это начинало ему казаться чѣмъ-то ребяческимъ. Ему стыдно стало своего волненія, страдало его достоинство солиднаго человѣка, и онъ пытался увѣрить себя въ томъ, что на такое нападеніе не стоитъ отвѣчать серьезно,—болѣе чѣмъ достаточно будетъ одного внушительнаго слова! А за тѣмъ снова возвращалась тревога, онъ чувствовалъ себя до крайности озадаченнымъ, взволнованнымъ сердечно и растеряннымъ умственно. «Какъ она смѣетъ?» — спрашивалъ онъ себя, взглядывалъ на дѣвушку искоса, вымѣривалъ ее глазами, хотѣлъ разсмѣяться надъ женскою слабостью и, въ концѣ-концовъ, видѣлъ Марту еще болѣе высокомѣрно непреклонной и угрожающей. Онъ перестиалъ ходить, приблизился къ ней съ неподвижнымъ лицомъ и тихо проговорилъ:

— Кто же, Марта, принудилъ васъ дать обѣщаніе, не имѣющее значенія?

— Вы!

— Я?

И онъ сразу сдѣлался спокойнѣе въ виду полной неосновательности обвиненія.

— Совсѣмъ не я,—возразилъ онъ.—Трудно даже понять, какъ вы можете говорить это. Вы очень хорошо знаете, что этого желалъ вашъ отецъ.

— Вы назначили срокъ! — сказала она съ рѣшительнымъ видомъ.

— Да нѣтъ же... Я предложилъ вамъ извѣстное число, вы согласились. Вотъ и все. Къ чему эти вымышленные предлоги? Честнѣе было бы держаться фактовъ, ни въ чемъ не отступая отъ правды.

Марта покраснѣла, сознавая всю справедливость возраженія молодого человѣка. И вдругъ, рѣшившись идти на все, она проговорила:

— Все равно... Допустимъ, что это такъ! Отецъ заставилъ меня дать обѣщаніе, сдержать которое я не могу.

— Вы хотите сказать, что берете назадъ слово, данное у постели вашего умирающаго отца?

— Да,—сказала она.

Наступило молчаніе, страшно тяжелое для обоихъ. Проговоривши «да», Марта дрогнула передъ клятвопреступленіемъ. Ея сердце сжималось, переставало биться, передъ ней проносился образъ умирающаго отца съ широко раскрытыми, страшными глазами, ей слышался его угасающій голосъ, обрывающееся дыханіе. И вотъ она отрекается отъ культа, совершаетъ вѣроломство, разбиваетъ все милое сердцу и безконечно важное, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ мольбой, съ смертельною тоской. Бетюнъ растерянно опустилъ голову. Онъ уже не пытался улыбнуться, почувствовалъ силу женщины,—неуловимую, неосязаемую, но громадную силу. Борьба за существованіе, которую онъ считалъ свирѣпой лишь между мужчинами, являлась передъ нимъ въ видѣ ожесточенной борьбы двухъ половъ. Какое значеніе могла имѣть для него въ эту минуту вся сила гордой логики, знанія, превосходства мужского ума? Слабое существо, стоявшее передъ нимъ въ прелестной выжидательной позѣ, заграждало для него весь міръ, въ себѣ одномъ сосредоточивало весь смыслъ духовнаго существованія богатыря-солдата. Онъ полузакрывалъ глаза въ гнетущей сердце тоскѣ и не могъ взгляда оторвать отъ очаровательнаго образа молодой дѣвушки.

Однако, устыдившись своей слабости, онъ выпрямился, расправилъ плечи и проговорилъ рѣзкимъ, привыкшимъ къ командованію, голосомъ:

— Стало быть, данное вами слово, ваша клятва... желаніе умирающаго отца, все, наиболѣе священное въ жизни, для васъ значенія не имѣетъ!... Все это вы стираете съ легкомысліемъ ребенка... и надо всѣмъ смѣетесь, быть можетъ?

— Я ни надъ чѣмъ не смѣюсь!—отвѣтила она серьезно.

И неторопливо, не опуская глазъ подъ тяжелымъ взглядомъ капитана, она продолжала:

— Нѣтъ, ни надъ чѣмъ я не смѣюсь... И обращаюсь я, капитанъ, къ вашему уму и къ вашей искренности... Я спрашиваю васъ, въ состояніи ли я была свободно и сознательно рѣшать что-либо въ ту минуту, когда отецъ высказывалъ свое желаніе? Могла ли я имѣть свою волю и разсуждать, когда передъ моими глазами смерть отнимала самое дорогое мнѣ существо въ мірѣ? Не была ли я полу-безумною отъ горя? Нашла ли бы я въ себѣ силы отвѣтить отказомъ на какое бы ни было требованіе моего бѣднаго отца?

Она смолкла, выжидая отвѣта молодого человѣка. Онъ снова опустилъ голову и не сказалъ ни слова.

— Вы не отвѣчаете,—продолжала она.—Хорошо. Я иду дальше. Если я была, какъ говорю вамъ, существомъ неотвѣтственнымъ за свои слова, обязана ли я исполнить обѣщаніе, данное отцу? Вы упомянули о томъ, чтò для насъ священно... Такъ неужели для васъ, говорившаго такъ часто о борьбѣ за существованіе, обязательство передъ умершимъ болѣе священно, чѣмъ слово, данное живому?... Да, несомнѣнно, я боготворила моего отца, и вы знаете это, капитанъ. Но я глубоко убѣждена въ томъ, что требованіе умирающаго, выраженное въ то время, когда уже утрачивается ясное пониманіе вещей, всего скорѣе можетъ оказаться ошибочнымъ, несправедливымъ!

— Вы обвиняете вашего отца въ несправедливости?—рѣзко спросилъ онъ.

Марта раздраженно закусила губу.

— Въ несправедливости я обвиняю васъ!—возвысила она голосъ.—Вы не думаете, что я обвиняю моего отца, въ этомъ я увѣрена. Всему виной его тяжелая агонія, а никакъ не его намѣренія, внушенныя нѣжною любовью ко мнѣ!...

Она опять замолкла и выжидала. Тогда онъ вздрагивающимъ голосомъ спросилъ:

— Теперь все?

— Все!—сказала она.—Вамъ остается отвѣтить мнѣ и доказать, что я не права... если только вы не предпочтете поступить,

какъ мои пансіонскія учительницы, ограничивавшіяся тѣмъ, что называли меня маленькою резонеркой.

Бетюнъ молчалъ, глубоко пораженный. Даже гнѣвъ его стихъ. Онъ не могъ припомнить ничего подобнаго въ своей жизни. Въ немъ умалилась даже увѣренность въ своей силѣ. Какъ, эта дѣвочка, любимая, какъ существо, нуждающееся въ защитѣ и покровительствѣ, хорошенькая и ничтожная, осмѣлилась напасть на него,—болѣе того, она высказала свои мысли съ очень ясною логичностью, сказала какъ разъ то, что нужно было сказать, и сдѣлала это смѣло и самоувѣренно. Надо отдать ей справедливость: сильна она необыкновенно!

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Если такъ справедливо все, сказанное вами, почему же вы не взяли вашего слова назадъ на другой же день... или, по меньшей мѣрѣ, когда мы условливались относительно срока?

— Въ этомъ я виновата!—сказала она.—Я струсила, побоялась... и въ этомъ я должна просить у васъ прощенія.

— Пусть такъ... Но, Марта...

И грустная нѣжность, нѣсколько нерѣшительная, звучала въ его словахъ:

— Послушайте, Марта... почему вы не хотите исполнить обѣщанное вами?

— Боже мой,—возразила она,—вы сами знаете почему.

Но онъ хотѣлъ, чтобъ она отвѣтила непремѣнно, съ непреклонностью своей натуры хотѣлъ, чтобы рана была нанесена сполна.

— Я этого не знаю,—сказалъ капитанъ.

— Потому, что мы не любимъ другъ друга,—отвѣтила Марта.

— А!—воскликнулъ онъ, пораженный въ сердце, и съ тѣмъ вмѣстѣ нашелъ очень деликатнымъ, что она сказала: «мы не любимъ», а не «я не люблю»...

Потомъ тише и не безъ видимаго смущенія, онъ добавилъ:

— Вы никого не любите?

— Нѣтъ.

— Сообщите вы мнѣ, если на кого-нибудь падетъ вашъ выборъ?

— Да.

— Благодарю!

Она поклонилась и тихо вышла, гордая одержанною побѣдой. Онъ проводилъ ее глазами, скрестивши руки на груди, мрачно сдвинувши брови.

VI.

Оставшись одинъ, капитанъ въ теченіе пяти минутъ не могъ придти въ себя. Онъ тяжело опустился на стулъ. Въ глубинѣ души молодой человѣкъ испытывалъ неясное сознаніе проиграннаго большого сраженія, горькаго сожалѣнія о легкомысліи, съ которымъ онъ умалялъ силы противника. Къ этому примѣшивалось соображеніе, что все случилось по его винѣ, что нѣсколько большее вниманіе къ житейскимъ мелочамъ, немного большая склонность къ мягкости и нѣжности избавили бы его отъ такого униженія и тяжелаго огорченія. Была минута, когда онъ закрылъ лицо руками и почувствовалъ, что къ горлу подступаютъ рыданія. Въ силу инстинктивной реакціи, онъ откинулся назадъ и, съ мрачнымъ взглядомъ, принялся думать.

Кровь прилила опять къ головѣ, виски покраснѣли, боевыя наклонности снова овладѣли имъ всецѣло. Онъ анализировалъ положеніе, примирился съ нимъ и презрительно пожалъ плечами. Что за пустяки! Какая-то дѣвчонка! Не измѣнится же міръ по ея капризу! Жилъ онъ безъ нея до сихъ поръ, проживетъ и впредь. Никогда онъ не станетъ нищенски вымаливать любовь. Да и онъ-то самъ развѣ любитъ ее? Не далѣе, какъ вчера, онъ былъ при ней совершенно спокоенъ. Что же случилось?... Отказала она ему, и тѣмъ лучше: ничего не могло быть хуже, какъ жениться на дѣвушкѣ вопреки ея желанію.

Онъ всталъ и открылъ окно, комната казалась ему невыносимо душною. За гнѣвными мыслями, которыя мозгъ его, такъ сказать, *выкрикивалъ,* толпились иныя мысли, которыя Бетюнъ гналъ прочь отъ себя. А онѣ набѣгали ему наперекоръ, скользили между другими его думами. Передъ нимъ проходили послѣдніе два мѣсяца. Онъ снова видѣлъ смерть старика Лорана, видѣлъ, какъ блѣдна и испуганна была Марта, и какъ она была хороша въ ту минуту, когда отецъ потребовалъ у нея согласія. Потомъ дѣвушка поселилась въ этомъ домѣ, и сколько дивной прелести внесла она съ собою въ ихъ жилище! Не любилъ ли онъ ее уже тогда? Не любилъ ли въ то время, какъ она предлагала ему робкіе вопросы? Весьма возможно, что любилъ высокомѣрною любовью, любовью сильнаго, спокойною и гордою, но, тѣмъ не менѣе, пылкою, лишавшею его сна по ночамъ. Не слѣдовало ли ему выказывать ей болѣе нѣжную предупредительность, не долженъ ли онъ былъ отвѣчать ей менѣе догматично, когда ее возмущали суровые законы борьбы за существованіе? Это такъ легко было, нисколько бы его это не унизило!

И удрученный, не имѣя возможности опровергать это, онъ тихо шепталъ:

— Можетъ быть, можетъ быть!

Но тутъ сразу подступали къ нему всѣ его теоріи о порабощеніи мужчины женщиной. Онъ вѣрилъ въ неминуемость ослабленія страны излишнимъ развитіемъ любви. Съ очень ранней поры онъ крѣпко взялъ себя въ руки, отказался отъ легкихъ амурныхъ успѣховъ, отъ мимолетныхъ увлеченій. Упорно занятый умственнымъ трудомъ, онъ силою воли умѣлъ всегда стоять выше всякихъ соблазновъ. И вдругъ, послѣ столькихъ побѣдъ надъ собой, ему унизиться передъ ребяческими требованіями восемнадцатилѣтней дѣвчонки? О, нѣтъ... нѣтъ!

Широкимъ, энергическимъ движеніемъ руки онъ смахивалъ прочь всѣ колебанія. А они упорно не покидали его, набѣгали съ еще большею силой, какъ волны, встрѣчающія преграду. Въ самой глубинѣ его сознанія логика требовала, чтобы капитанъ установилъ точное различіе между унизительностью разврата и смиренною покорностью истинной любви. По существу своему, любовь, въ хорошей и чистой реальности, не есть ли могущественнѣйшій факторъ въ дѣлѣ естественнаго подбора? И слѣдовательно тотъ, кто противится отдаться ей всею душей, кто отказывается принести жертвы, требуемыя для того, чтобы заслужить ее, не нарушаетъ ли самыхъ основныхъ законовъ существованія?

— За работу! За работу!—крикнулъ капитанъ.

Онъ придвинулся къ столу, склонился надъ планомъ и принялся чертить. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ему казалось, что онъ осилилъ себя, вернулъ равновѣсіе, необходимое для дѣла. Затѣмъ туманные образы начали проноситься передъ нимъ, неясныя мечты, воспоминанія, отрывки фразъ. Все это постепенно становилось опредѣленнѣе, складывалось въ одинъ мотивъ, въ своего рода повторяющуюся мелодію. Перо выпало изъ его руки, онъ глубоко вздохнулъ: передъ нимъ былъ, неотступно преслѣдовалъ его нѣжный, милый женскій профиль.

— Мученье!—воскликнулъ Бетюнъ.

Онъ чувствовалъ необходимость подышать чистымъ воздухомъ, пройтись, надѣлъ мундиръ и вышелъ. Погода была чудная. По небу едва двигались два-три небольшихъ облачка, точно перламутровыя. Отъ времени до времени легкая дымка набѣгала на солнце, застилала его лучи. Въ саду молодая листва вздрагивала и искрилась изумруднымъ блескомъ. Ото всего вѣяло любовью и нѣгой. Бетюнъ, опьяненный, дошелъ до берега Сены. Рѣка разстилалась

широкою полосой голубой и зеленоватой ряби, испещренной тамъ и сямъ клочками бѣлой пѣны; мимо бѣжалъ маленькій пароходикъ, бороздилъ воду расходящеюся волной, на которой подпрыгивалъ яликъ. Другіе пароходы стояли у пристаней, ждали своей очереди, точно дремлющія чудовища. По мосту несся желѣзно-дорожный поѣздъ, весело выкидывая темные клубы дыма.

Вся эта весенняя красота разгоняла недовольство Бетюна. На смѣну явилась беззаботность, какъ бы перевывъ мысли, радостное ощущеніе здоровья и бодрости. Онъ пріостановился на минуту и вздохнулъ полною грудью. Ничто не мѣшало ему быть счастливымъ! Передъ нимъ открывались перспективы будущаго, очень широкія и очень простыя. Жизнь потечетъ совершенно мирно, занятая стройною работой, основательнымъ и упорнымъ трудомъ, который дастъ къ пятидесяти годамъ чинъ генерала. Ни для какихъ страстей нѣтъ тутъ мѣста! Положительная наука и служба занимаютъ все время. Отъ семьи онъ не отказывается. Онъ, непремѣнно, женится, хочетъ дать Франціи дѣтей, какъ отдаетъ ей всѣ свои способности. Но женитьба отнюдь не должна вызывать сильныя волненія. Должно это сдѣлаться основательно, спокойно, послѣ разумнаго изученія женщины, которую онъ выберетъ. Порывы страсти ведутъ только къ несчастнымъ бракамъ. Тихая привязанность, безъ тревогъ, покорная жена, усердно исполняющая обязанности матери—вотъ все, что нужно... И въ то время, какъ онъ пытался представить себѣ такую идеальную жену, въ его воображеніи, помимо воли, возникалъ образъ совершенно нелѣпаго существа, смахивающаго на корову, тяжеловѣснаго, неповоротливаго, лѣниво пережевывающаго жвачку, выпятивши безсмысленные глаза.

— А почему бы не такъ?—говорилъ онъ себѣ.

Онъ пожалъ плечами, желая отогнать противное видѣніе. Но тогда въ дивномъ апоѳеозѣ появился полный граціи, торжествующій образъ Марты. Бетюнъ оробѣлъ, снова почувствовалъ, что сопротивленіе становится непосильнымъ, и быстро пошелъ по направленію къ Билланкуру. Притономъ нищеты оказался весь берегъ, застроенный кабаками и харчевнями. Непріятный путь, заваленный всякими отбросами, имѣлъ грязный видъ окрестностей Парижа. Но это ничего не значило: молодая зелень дышала неодолимою прелестью, чистою радостью журчала вода, вдали островокъ, точно паутиной, подернутъ былъ едва распустившеюся листвой, въ которой насѣкомыя сладострастно носились другъ за другомъ. Въ садикѣ ресторана, подъ трельяжемъ, опушеннымъ лишь нѣсколькими листьями, сидѣла юная парочка, очевидно, еще мало знако-

мая,—онъ и она съ робкою нѣжностью смотрѣли другъ на друга. Капитанъ нашелъ обоихъ крайне глупыми и позавидовалъ имъ. По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ дальше, все болѣе сильная истома овладѣвала всѣмъ существомъ его. Кровь шумнѣе билась въ жилахъ; ему чудилось, будто онъ слышитъ далекіе и невнятные голоса, какіе-то томные вздохи, напоминавшіе ему давно испытанныя ощущенія. И они, эти ощущенія, удивляли его своимъ ребяческимъ характеромъ. Онъ какъ бы переживалъ время, предшествовавшее возмужалости, тотъ избытокъ чувствъ, въ которомъ юноша видитъ весь смыслъ жизни. И у него была такая полоса въ молодости. Потомъ захватила его военная служба, житейская борьба и тотъ ужасный періодъ, когда онъ понялъ истинный смыслъ войны 1870 года. Около этого времени, трансформизмъ, къ которому онъ относился вначалѣ довольно небрежно, началъ сильно занимать его. Бетюнъ увлекся имъ, въ немъ почерпалъ стойкость убѣжденій, инстинкты упорной борьбы. Нѣсколько фанатичный отъ природы, онъ, самъ того не сознавая, слишкомъ легко принялъ за положительные законы не мало положеній, не провѣренныхъ опытомъ. Нѣчто, сходное съ религіозными убѣжденіями, примѣшивалось къ взглядамъ на доктрину *struggle for life*. Въ этомъ и была основа тѣхъ крайностей, въ которыя онъ впадалъ въ вопросахъ о борьбѣ, понимаемой скорѣе въ прямомъ смыслѣ, чѣмъ въ томъ условномъ значеніи, въ какомъ это слово нерѣдко должно быть принимаемо.

По милости такой вѣры въ борьбу за существованіе въ немъ выработался поразительный инстинктъ упорнаго работника. Съ довольно ранней поры, всѣ на него стали смотрѣть, какъ на человѣка, могущаго современемъ прославить армію. Превосходно одаренный, онъ весь отдавался своей карьерѣ и теперь, про себя, перебиралъ всѣ фазы своего существованія. Во всемъ была ему удача, онъ счастливъ былъ, встрѣчая затрудненія лишь въ изучаемомъ имъ дѣлѣ. И вдругъ!...

— Чортъ знаетъ что!—проворчалъ онъ.

Занятый своими думами, онъ перешелъ черезъ мостъ и поднялся къ Мёдону. Капитанъ былъ уже около лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заставы Бель-Эръ. Парижъ лежалъ весь на виду, освѣщенный солнцемъ. Высоко поднимались башни Трокадеро, въ туманной дали темною массой выдѣлялся Пантеонъ. Откуда-то доносился звонъ небольшого колокола. Медленно двигающіяся облака напоминали далекія очертанія горной цѣпи съ ея сумрачными западинами и сверкающими вершинами. И Парижъ въ сѣрой мглѣ,

въ блѣдныхъ тонахъ, съ безчисленными изломами линій, съ перепутанною сѣтью улицъ, неподвижный, молчаливый, захватывалъ душу капитана неопредѣленными, но глубокими впечатлѣніями.

Бетюнъ вошелъ въ лѣсъ. Въ зеленой травѣ вились тропинки и таинственно разбѣгались въ разныя стороны. Разнообразная листва въ сумракѣ зарослей и въ просвѣтахъ переливалась восхитительными тонами изящной ювелирной работы. Со всѣхъ сторонъ сквозь нее бѣлѣли стволы березъ, на склонахъ красовались пышные дубы, цвѣты пестрѣли въ перемежку съ филигранными полосами вереска. Въ прозрачной полутѣни все дышало любовью.

Капитанъ бодро, какъ юноша, проходилъ по самымъ глухимъ тропинкамъ, взбѣгалъ на возвышенности. Нѣга, все болѣе захватывающая и чарующая, вливалась въ его сердцѣ, разслабляла его волю. Величіе природы, шепотъ листьевъ, свѣжіе ароматы лѣса, всеоживляющая сила электричества, выдѣляемая медленнымъ процессомъ растительности,—все это приводило молодого человѣка къ ряду нравственныхъ уступокъ, къ болѣе мягкому взгляду на обязанности. Мало-по-малу сдались его послѣднія сопротивленія. И тогда, на просторѣ, развернулась *Идиллія*. Въ его освѣженной головѣ она складывалась съ увлеченіемъ ранней молодости. Онъ ее видѣлъ широкою, возвышенною, вѣчною, и она не убивала его работу,—наоборотъ, дѣлала ее болѣе плодотворною, болѣе интенсивною и логичною. То была жизнь, настоящая жизнь, въ ея безконечной полнотѣ, со всѣми ея радостями.

Потомъ стали возникать болѣе опредѣленныя сцены. Нестройною вереницей смѣняли другъ друга горы, лѣсъ, тихій пріютъ дома,—всѣ представленія, вызываемыя любовью,—и, какъ бы для контраста съ настоящимъ, капитанъ въ мечтахъ видѣлъ море, теплый вечеръ на берегу: океанъ вздыхаетъ и рокочетъ, темнѣетъ затуманившійся горизонтъ, дрожитъ и скользитъ блескъ луны, живительно вѣетъ морской вѣтерокъ, искрятся мѣрныя волны прибоя...

— А, вотъ эта дѣвушка умѣетъ вести борьбу за существованіе!

VII.

Около девяти часовъ вечера капитанъ, спокойно сидя въ вольтеровскомъ креслѣ гостиной, мирно просматривалъ брошюру по балистикѣ. Наружи бушевалъ сильный вѣтеръ, лились потоки дождя, въ воздухѣ было холодно. Затопили каминъ. Мадамъ Шателенъ, въ большихъ очкахъ на носу, раздумывала о своей генеалогіи, подби-

рая нѣкоторые документы, только что полученные изъ Дюнкирхена. Вдругъ она обратилась къ Мартѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею:

— Вы ничего намъ не сыграете сегодня?

— Если вы желаете,—отвѣтила дѣвушка.

Капитанъ одобрительно кивнулъ головой, откладывая въ сторону брошюру, и Марта подошла къ роялю. Она выбрала новую вещь, неизвѣстнаго композитора, очень нравившуюся ей,—*Элладу*. Написано это было въ медленномъ темпѣ, на довольно неопредѣленную тему, но красиво и изящно, съ нѣжными и гармоническими переходами, нелишенными оригинальности, безъ всякихъ вычуръ.

Съ первыхъ же нотъ Бетюнъ поднялъ голову, сталъ внимательно вслушиваться. Не играя самъ ни на какомъ инструментѣ, онъ былъ знатокомъ и хорошимъ цѣнителемъ музыки. *Эллада* сразу захватила его. Слегка поблѣднѣвши, онъ слушалъ и волновался. Въ то же время онъ не спускалъ глазъ съ музыкантши, съ ея профиля, съ темныхъ волнъ ея волосъ. Наслажденіе музыкой соединялось съ восхищеніемъ прелестью дѣвушки. Мадамъ Шателенъ, совершенно лишенная музыкальнаго вкуса, любила, однако, игру на фортепіано и слушала съ равнодушнымъ видомъ, подчеркивая своимъ одобреніемъ тѣ пассажи, исполненіе которыхъ казалось ей особенно труднымъ.

Эллада кончилась, послѣдніе звуки медленно замерли. Мадамъ Шателенъ воскликнула:

— Это очаровательно!... Ваши пальчики бѣгаютъ по клавишамъ, какъ милыя бѣлыя птички!

Сравненіе вызвало улыбку Марты. Почтенная дама продолжала:

— Вы знаете, навѣрное, *Les cloches du monastère*. О, какая это прелесть! Мой зять игралъ намъ это всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ намъ. Необыкновенно милъ этотъ перезвонъ колоколовъ!... У меня до сихъ поръ цѣлы ноты, вонъ тамъ...

— Да,—сказала Марта, раскрывая тетрадь.

И она любезно прозвонила *Колокола*. Мадамъ Шателенъ была въ восторгѣ, подносила палецъ къ губамъ, тихо посмѣивалась и, наконецъ, воскликнула:

— Вы играете такъ же хорошо, какъ Адольфъ!

Затѣмъ она встала и проговорила:

— Мнѣ надо распорядиться... Вѣдь, вы еще не уходите спать, моя милая?

— Нѣтъ.

Капитанъ и Марта остались одни. Она, подъ сурдинку, повто-

рила одинъ отрывокъ изъ *Эллады*, Бетюнъ смотрѣлъ на каминъ. Огонь еще временами ярко вспыхивалъ, бросая вверхъ снопы алмазныхъ искръ. Перебѣгающее пламя строило изъ обгорѣвшихъ дровъ причудливые сталактиты, лилось пурпуровыми и желтыми потоками, сверкало отблесками граната, жило и трепетало волшебными сочетаніями тоновъ. Красноватый свѣтъ блуждалъ по мрамору камина и затѣмъ исчезалъ подъ свѣтомъ лампы. Тонкія хрустальныя призмы, подвѣшенныя къ вазамъ, кидали на стѣны сверкающія пятна, игравшія всѣми цвѣтами радуги. Тепло и хорошо было въ этой мирной обстановкѣ, гдѣ свѣтъ и тѣни создавали дивныя антитезы.

Марта перестала играть, сѣла опять къ столу, взялась за начатый романъ.

— Марта!—обратился къ ней Бетюнъ.

Она подняла голову. Со времени сцены разрыва она чувствовала себя нѣсколько виноватой, за то исчезъ страхъ, который она испытывала въ присутствіи капитана. У нея осталось сознаніе огромной побѣды, одержанной надъ нимъ.

— Марта,—говорилъ капитанъ,—послѣ нашего объясненія я считаю необходимымъ напомнить вамъ, что относительно васъ на мнѣ лежатъ извѣстныя обязанности, исполнить которыя во всей точности я считаю своимъ долгомъ. И прежде всего я бы желалъ, чтобы вы не считали меня своимъ врагомъ...

Она перевертывала страницы своей книги съ гордою и милою небрежностью и удивленно смотрѣла на Бетюна.

— Не только я не врагъ вамъ, но во всемъ я буду поступать такъ, какъ мы поступаемъ съ тѣми, кого мы любимъ... Относительно дальнѣйшаго устройства вашего положенія въ обществѣ... вашего замужства...

Его голосъ оборвался, сердце болѣзненно сжалось. Молодая дѣвушка опустила свое хорошенькое личико, по которому скользила полуулыбка, выраженіе легкой женской насмѣшливости. Бетюнъ любовался прелестью собесѣдницы. Вдругъ онъ представилъ ее себѣ принадлежащею другому, идущею съ тѣмъ подъ руку или прижимающеюся къ его груди, подчиненною всемогуществу любви. А! какъ счастливъ будетъ тотъ, другой!

Нервная рука капитана судорожно сжала локотникъ кресла, сердце его замерло отъ гнѣва и горя. Но онъ овладѣлъ собой и продолжалъ:

— Да, о вашемъ замужствѣ я обязанъ подумать. Вашъ отецъ поручилъ васъ мнѣ, не правда ли? Я принялъ на себя тяжелую от-

вѣтственность. Я обязанъ создать вамъ такое положеніе, чтобы вы могли сдѣлать выборъ, чтобы вы могли бывать въ обществѣ... Я не сомнѣваюсь въ томъ, что мадамъ Шателенъ сочтетъ за удовольствіе вывозить васъ... Находите ли вы это удобнымъ, Марта?

Дѣвушка взяла костяной ножъ и машинально разрѣзывала имъ листы романа. Въ глубинѣ души она чувствовала себя оскорбленною. Ей казалось, будто капитанъ забираетъ опять власть надъ нею. Во что онъ вмѣшивается? Ужъ не думаетъ ли онъ, чего добраго, повліять на ея выборъ? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей приходила въ голову другая мысль, болѣе сложная и не менѣе обидная, въ которой она ни за что не созналась бы, — мысль о томъ, что Бетюнъ примирился съ необходимостью отказаться отъ нея и отдать ее другому. Марта чувствовала себя униженною, вздрагивала отъ негодованія. Она готова была просить капитана избавить ее отъ такой заботливости. Но въ силу реакціи, охваченная инстинктомъ борьбы,—инстинктомъ, выработавшимъ въ теченіе многовѣковаго рабства женщины умѣнье хитрить, она отвѣтила:

— Я нахожу это вполнѣ удобнымъ, капитанъ, и... благодарю васъ!

Для нея это вполнѣ удобно! Мрачно нахмурившись, онъ подумалъ минуты двѣ, обратившись опять къ камину. Тамъ изъ прогорѣвшихъ дровъ образовался легкій сводъ, рдѣющій золотистымъ блескомъ, кое-гдѣ подернутымъ пепломъ. Вдругъ онъ обрушился, разсыпался. Бетюнъ подумалъ, что такъ же разрушатся,—вся разница во времени,—громадныя солнца, разбросанныя въ безконечности міровъ. Да, возможна лишь одна философія: работай, оставь послѣ себя что-нибудь, ничтожный пустякъ, создать который въ состояніи такой микроорганизмъ, какъ человѣкъ... а остальное—все химера! И, подкрѣпленный, онъ опять взялъ брошюру, принялся читать въ то время, какъ дождь продолжалъ стучать по окнамъ.

Марта, немного взволнованная, тоже читала. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышны были только легкій шелестъ перевертываемыхъ страницъ и замирающій трескъ камина. Молодая дѣвушка оттолкнула прочь книгу и откинулась къ спинкѣ кресла. Мало-по-малу въ головѣ Марты зароились увлекательныя предположенія. Передъ нею открывался новый міръ, съ его безконечными удовольствіями, съ его блестящимъ весельемъ! Она знала, что хороша собой, и предвкушала дивныя наслажденія тріумфовъ женщины. Жизнь катилась безъ заботъ и тревогъ, полная радостей Эдема. А она-то уже думала, что на вѣкъ обречена быть невольницей, рабой суроваго господина, холоднаго, какъ ледъ. Свободна! свободна!

Не такъ, стало быть, страшенъ этотъ Бетюнъ. Съ нимъ можно справиться!... Да и смиряется онъ довольно легко. Любилъ ли онъ когда-нибудь? А хорошій онъ человѣкъ, честный... очень странный человѣкъ!

Марта исподтишка наблюдала за нимъ, вглядывалась въ него. Наклонившись надъ книгой, онъ имѣлъ величественный видъ человѣка, спокойно сознающаго свою силу. Красивъ онъ былъ, несомнѣнно, напоминалъ собою могучаго кельтскаго, героическихъ временъ, грознаго вождя, который, подобно Бренну, могъ заставить трепетать великій латинскій городъ. Вдругъ капитанъ поднялъ голову и увидалъ устремленный на него взглядъ Марты. Она не отклонила взора передъ вопросительнымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ молодого человѣка.

— Какъ же буду я выѣзжать въ свѣтъ, когда сезонъ уже кончается?

— Мы выберемъ какой-нибудь приморскій городъ,—отвѣтилъ капитанъ.—Мадамъ Шателенъ отправляется каждый годъ на море. Иногда я буду пріѣзжать.

Онъ-то зачѣмъ же? И вопросъ этотъ отразился въ ея глазахъ. На него Бетюнъ отвѣтилъ съ полуулыбкой:

— Да развѣ вы забыли, что я вашъ опекунъ?

— Вы правы!—сказала она холодно.

VIII.

Заря тихо угасала надъ моремъ. Солнце спряталось. Вѣтеръ сильнѣе потянулъ надъ водою, освѣживъ берегъ. Отливъ кончался, оставляя тамъ и сямъ небольшія лужи, въ которыхъ отражалось темнѣющее небо. Въ глубинахъ его облака громоздились другъ надъ другомъ въ чудномъ разнообразіи тоновъ. Между ними, точно въ голубомъ гротѣ, сіяла вечерняя звѣзда. Почти въ зенитѣ луна въ первой четверти разгаралась съ каждою минутой все ярче. Тяжелые вздохи моря, поднимавшіеся изъ необъятнаго простора, волновали сердца немногихъ людей, бывшихъ на берегу.

Марта стояла почти у той грани, до которой добѣгали волны. Молодая дѣвушка чувствовала себя вполнѣ довольною, счастливою. Шагахъ въ пятидесяти позади ея мадамъ Шателенъ сидѣла на складномъ стулѣ и вспоминала своего предка, властителя океана, славнаго Жана Барта. Невдалекѣ отъ нея неподвижно стоявшій лакей держалъ на рукѣ шерстяные бурнусы.

Марта думала о пятнадцати дняхъ, проведенныхъ здѣсь. Съ

самаго начала просторъ и упоительный морской воздухъ оказали превосходное вліяніе на молодой и сильный организмъ. Она наслаждалась, охваченная поэтическимъ чувствомъ, оживленная широкими надеждами. Дѣвушка стала всматриваться во все окружающее. Мѣсто было очень бойкое, общество богатое и избранное, приносило съ собою всю тщеславную суетность Парижа и все его изящество.

Марта побывала въ концертахъ и на вечерахъ. Тамъ начались ея женскіе тріумфы. Она оказалась въ числѣ наиболѣе красивыхъ, наиболѣе привлекающихъ вниманіе молодыхъ людей. Неизбалованная привычкой, она въ восторгѣ была отъ всего, что льстило ея самолюбію. Правда, многіе изъ ухаживателей были довольно плохи, некрасивы и глупы, смѣшны своимъ нелѣпымъ нахальствомъ и дурацкимъ самомнѣніемъ. Но были, все-таки, и красивые, и умные, и по-настоящему безукоризненно изящные. И Марта пыталась представить себѣ, который изъ нихъ могъ бы оказаться способнымъ дать ей наибольшую сумму счастья.

Сумерки сгущались сильнѣе, свѣтлая полоса на западѣ блѣднѣла, лунный свѣтъ становился прозрачнѣе. Марта засмотрѣлась на пароходъ, чернѣвшій вдали съ трубою и мачтами, точно вырѣзанными изъ угля. Вдругъ молодая дѣвушка вздрогнула. Въ двадцати шагахъ отъ нея, не спѣша, проходилъ мужчина. Она узнала господина де-ла-Жоншера, героя сезона. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, большой ловецъ женскихъ сердецъ, въ двадцать пять лѣтъ потерявшій счетъ своимъ побѣдамъ надъ самыми неприступными.

Увидавши дѣвушку, онъ пріостановился. Въ вечернемъ освѣщеніи, съ волосами немного растрепанными вѣтромъ, съ задумчивымъ взглядомъ, Марта казалась очаровательнымъ видѣніемъ. Профиль молодого человѣка былъ тонокъ, черные глаза—блестящи и очень нѣжны, губы—очерчены изящно. Де-ла-Жоншеръ и Марта секунды двѣ смотрѣли другъ на друга, потомъ онъ почтительно поклонился и пошелъ дальше, скоро исчезъ въ сумракѣ. Марта думала о немъ.

Болѣе всѣхъ другихъ онъ привлекалъ къ себѣ ея вниманіе. Презирая британскую угрюмость, онъ представлялъ собою истинный типъ свѣтскаго француза, ловкаго, проворнаго, веселаго, отнюдь не считающаго нужнымъ, во избѣжаніе непріятной фамильярности, ограждать себя уродливою надутостью, изобрѣтенною высшимъ англо-саксонскимъ обществомъ. Одаренный умомъ очень посредственнымъ, онъ умѣлъ держать себя съ большимъ тактомъ,

съ надлежащею скромностью,—уменъ былъ какъ разъ настолько, чтобы нравиться женщинамъ. Къ тому же изъ любви онъ сдѣлалъ себѣ спеціальность и, какъ ни были многочисленны его побѣды, онъ оставался неизмѣнно деликатно вкрадчивымъ и нѣжнымъ. И это, въ соединеніи съ физическою красотой, дѣлало его особенно очаровательнымъ, способнымъ легко увлекать женщинъ.

Ночь уже совсѣмъ наступила. Море было залито голубоватымъ трепетнымъ свѣтомъ луны. Марта продолжала думать о Жоншерѣ. Волшебная прелесть вечера придавала поэтическій характеръ только-что произошедшей сценѣ, мягкому взгляду черныхъ глазъ, неторопливому поклону.

— Скажите, моя милая, вы не находите, что вѣтеръ становится свѣжимъ? — крикнула мадамъ Шателенъ. — Не пора ли уходить?

Онѣ накинули на себя бурнусы и тихо направились мимо береговыхъ отелей къ своему маленькому домику. Передъ нимъ росло нѣсколько сосенъ, слегка затѣнявшихъ свѣтъ луны. Въ то время, когда обѣ женщины входили на крылечко, Мартѣ показалось, будто слышны чьи-то шаги за ихъ садикомъ. Она обернулась, стала всматриватеся. На самомъ дѣлѣ, кто-то проходилъ подъ соснами. При свѣтѣ луннаго луча, проскользнувшаго сквозь вѣтви, молодая дѣвушка узнала де-ла-Жоншера. Она чуть замѣтно улыбнулась, почувствовавши приливъ тщеславной гордости, и весь обѣдъ продумала объ этомъ случаѣ.

Вечеромъ, разсѣянно слушая разсказы мадамъ Шателенъ, она дала полную волю своей фантазіи, безъ конца мечтала о разныхъ приключеніяхъ, совершенно невинныхъ, но очень милыхъ. Иногда она вспоминала о капитанѣ, и у нея являлось желаніе сдѣлать что-нибудь ему напротивъ, посердить его, неизвѣстно зачѣмъ, если только не ради тайнаго удовольствія заявить опредѣленно о своей завоеванной независимости.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Марта не сразу уснула, томимая какою-то тревогой. Дѣвушка открыла окно и стала смотрѣть на мерцающія въ вышинѣ звѣзды. Единственное облачко, бѣлое, какъ алебастровый островокъ, тихо плыло по ясной лазури неба. Марта слѣдила за нимъ взоромъ. Мало-по-малу, уносимое легкимъ вѣтеркомъ, оно начало таять, и скоро отъ него ничего не осталось, кромѣ едва замѣтнаго и въ свою очередь исчезнувшаго тумана. Съ взволнованнымъ сердцемъ Марта грустно проговорила:

— Прощай!

И на душѣ у нея было такое ощущеніе, будто кто то не испол-

нилъ невысказаннаго обѣщанія,—кто-то, кого она искала взглядомъ вокругъ домика и кто не пришелъ. Наконецъ, она закрыла окно и уснула неровнымъ сномъ, въ которомъ кошмары чередовались съ очаровательными сновидѣніями.

IX.

Вскорѣ послѣ завтрака, въ ранній еще часъ, мадамъ Шателенъ располагалась на своемъ обычномъ мѣстѣ берега. Слуга приносилъ два большихъ ивовыхъ кресла, и Марта усаживалась рядомъ съ почтенною дамой. Онѣ обмѣнивались незначительными фразами, текущими новостями, легкими пересудами болѣе извѣстныхъ лицъ. Мадамъ Шателенъ не могла похвастаться опытностью, она сохранила вкусы и взгляды молоденькой дѣвушки, терпѣть не могла давать совѣты, находя, что это ее старитъ. Въ наивности своей, она не глубоко всматривалась въ дурныя стороны человѣческой натуры и очень охотно увлекалась красивою внѣшностью. Надо было прожить съ нею нѣкоторое время въ извѣстной близости, чтобъ она по достоинству оцѣнила нравственныя качества человѣка.

Ла-Жоншеръ заручился ея расположеніемъ, обезпечивая себѣ тѣмъ удобный доступъ къ Мартѣ. Онъ не пропускалъ случая прійти поговорить съ добрѣйшею мадамъ Шателенъ, выбирая преимущественно такіе моменты, когда Марта уходила играть съ дѣтьми. Такимъ образомъ онъ создавалъ для себя возможность, не возбуждая ничьего вниманія, постоянно ухаживать за молодою дѣвушкой. Подкатывался мячъ къ его ногамъ, онъ мило поднималъ его, возвращалъ собственнику, мальчику или дѣвочкѣ, причемъ обращался къ Мартѣ то съ шуткой, то съ любезностью. Онъ пользовался дѣтками, старался пріобрѣсти ихъ любовь, привлечь ихъ къ себѣ.

Марта обожала дѣтей. Съ самаго пріѣзда на море, она принялась набирать себѣ маленькихъ пріятелей и пріятельницъ, и не много времени потребовалось на то, чтобъ около нея собралась довольно большая компанія. Восхищенныя ея красотой, изяществомъ и добротой и, въ особенности, поддаваясь вліянію инстинктивной симпатіи, дѣти боготворили ее, сбѣгались къ ней шумною толпой, хватали ее за платье, заставляли принимать участіе въ ихъ играхъ. Она быстро оживлялась, искренно входила въ свою роль и, подъ широкою соломенной шляпой, ея лицо принимало необыкновенно милое и невинное выраженіе, нѣсколько смущавшее безнравственность ла-Жоншера.

Вскорѣ явился капитанъ. Въ присутствіи ла-Жоншера онъ оставался не долго. Его терзало глухое соперничество, но видимая

холодность Бетюна обманывала Марту. Молодая дѣвушка замѣчала только гордое презрѣніе къ щеголеватому парижанину и тѣмъ болѣе выказывала ему любезности. Слишкомъ очевидная симпатія дѣвушки поражала капитана. Онъ становился печальнымъ, нѣсколько минутъ топтался на мѣстѣ, потомъ уходилъ. Нѣкоторое время его статная фигура виднѣлась на берегу и скоро исчезала за буграми. Какъ бы то ни было, а Марта чувствовала смутное уваженіе къ такому человѣку мысли, какимъ былъ Бетюнъ, къ его уму, постоянно занятому высшими проблемами. Если въ это время ла-Жоншеръ подходилъ къ ней съ очень складными, но банальными фразами, обычными въ его обществѣ, то молодая дѣвушка слушала его разсѣянно, и только, выказавши свое остроуміе въ болѣе свободномъ разговорѣ, ея кавалеръ могъ разсчитывать на вниманіе хорошенькой собесѣдницы, на ея взгляды и улыбки, что-то обѣщающіе въ будущемъ.

Бетюнъ, одинокій, отдавался своимъ думамъ. Онъ самъ не зналъ, въ сущности, чего хотѣлъ. Въ началѣ онъ рѣшилъ остаться въ оборонительномъ положеніи, примирившись съ невзгодой. Онъ отказался отъ мысли завоевать любовь Марты, соглашаясь предоставить ей полную свободу. Но про себя, въ глубинѣ души, онъ измѣнилъ этому обѣщанію съ минуты появленія ла-Жоншера и не могъ скрыть своего нерасположенія къ нему, своей ревности. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ бороться, то одерживая побѣды надъ собой, то сознавая себя побѣжденнымъ. Вся душа его трепетала отъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій, и имъ начинала овладѣвать физическая тревога, вызывавшая неодолимые вздохи изъ его сильной груди, заставлявшая конвульсивно содрогаться его атлетическія плечи. Въ своей гордости онъ отъ себя самого скрывалъ понесенное пораженіе. Но, при посторонних, необходимость притворяться превращалась въ настоящую пытку, усложнялась безчисленными уколами, множествомъ горькихъ непріятностей, постигавшихъ его въ обществѣ молодой дѣвушки. Въ одиночествѣ онъ могъ, по крайней мѣрѣ, заглушить свою нервность усиленнымъ движеніемъ и въ вѣчныхъ стонахъ моря найти какъ бы откликъ а свои страданія.

Безсознательно иногда онъ старался поймать взглядъ Марты, и всякій разъ видѣлъ въ немъ выраженіе отвращенія или раздраженія. Могла ли послѣ этого оставаться какая-нибудь надежда? Разумѣется, никакой. И всего лучше было бы покончить все это сразу, уѣхать надолго, не видать Марту. Но противъ возможности гакого исхода возставало все существо его, и имъ овладѣвало же-

ланіе сдѣлать еще одну попытку, отступить лишь послѣ новой неудачи. И тутъ-то вступалась въ дѣло его гордость, пугало его униженіе получить вторичный отказъ. Бывали и такія минуты, когда онъ готовъ былъ повести осаду по всѣмъ правиламъ и на это рѣшительно посвятить достаточно долгое время.

Все это, до крайности неясное въ его сознаніи, проносилось какими-то полосами, казалось не болѣе какъ пустыми мечтаніями. Онъ пожималъ плечами и, сквозь рои софизмовъ и парадоксовъ, понималъ настоящую сущность положенія, и тогда онъ чувствовалъ, что внутри его происходитъ роковая работа, медленное приготовленіе къ окончательному бою, уже рѣшенному въ принципѣ. И этотъ бой, объектомъ котораго была Марта, представлялся развязкой скрытой кампаніи противъ поколебленныхъ убѣжденій.

Какъ у всѣхъ людей стойкихъ и искреннихъ, перемѣна убѣжденій у Бетюна требовала долгой и очень тяжелой внутренней работы, и чѣмъ онъ ближе подходилъ къ новой формулѣ, тѣмъ болѣе онъ силился сохранить благорасположенное безпристрастіе къ прежнимъ убѣжденіямъ. Онъ не могъ всецѣло отбросить свою интерпретацію трансформизма, а находилъ въ ней только серьезную погрѣшность, недостатокъ широты, слишкомъ узкое пониманіе силы. Когда онъ очень громко заявлялъ о спасительности оптимизма, было логично съ его стороны рѣзкое примѣненіе теоріи, вѣрной, быть можетъ, но, несомнѣнно, слишкомъ элементарной и предвзятой,— теоріи, которая отводитъ мѣсто человѣку не сообразно съ законами, имѣющими въ виду его нравственную высоту, а на основаніи матеріальной динамики. Какой же оптимизмъ можетъ выйти изъ подобной системы? Какой энтузіазмъ могъ бы поднять духъ въ пользу низшихъ побужденій? Достоинство человѣка не обязываетъ ли его служить только высшимъ интеллектуальнымъ функціямъ?

Въ сущности, горечь пораженія,— несчастная война противъ народовъ, болѣе варварскихъ,—легла въ основу его апологіи силы. Но цивилизаціи, какъ и люди, не переживаютъ развѣ жизненныхъ кризисовъ, ослабляющихъ ихъ временно? Въ таинственномъ развитіи человѣческихъ способностей кто можетъ рѣшить, что та или иная изъ нихъ окажется вредною, а такая-то полезною? Кто опредѣлитъ мѣру взаимодѣйствія этихъ способностей другъ на друга? До какой степени можетъ любовь подкрѣплять мужество, и должно ли отказываться отъ всего утонченнаго, отъ всего нѣжнаго, отъ всего, что ему, Бетюну, угодно было называть унижающимъ въ любви?

А затѣмъ, передъ громадностью того, что не поддается созна

тельному анализу, не лучше ли положиться на природу, на разумность установленнаго вѣками опыта и исканій? Если въ большинствѣ болѣзней медицина оказывается немощною и предоставляетъ ихъ воздѣйствію жизненной реакціи, то не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что организмъ, подготовленный къ борьбѣ, обладаетъ большею силой противодѣйствія, чѣмъ абсолютная логика человѣка? Кто хочетъ слишкомъ многаго въ одномъ извѣстномъ направленіи, тотъ весьма рискуетъ наскочить на подводныя скалы: добрый кормчій не станетъ упорно держаться прямой линіи, онъ справляется съ картой, сворачиваетъ въ сторону, чтобы найти нужное ему теченіе, попутный вѣтеръ, смотритъ на небо, чтобъ избѣжать бурь!

Увлекшись на минуту созерцаніемъ величественной красоты моря, онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ растетъ сознаніе рабства и какъ бы возмездія природы за его теоріи. Марта представлялась ему облеченною всемогущею красотой оскорбленной богини. Онъ готовъ былъ унижаться, падать ницъ, умолять. Но, возвращаясь обратно и разыскивая молодую дѣвушку, продолжая безумствовать отъ любви, онъ все же имѣлъ достаточно гордой силы, чтобы холодности Марты противопоставить невозмутимо-серьезное лицо, непреклонный взглядъ.

Этотъ взглядъ, это спокойствіе лица продолжали неотразимо наводить ужасъ на молодую дѣвушку. А тѣмъ временемъ, подъ вліяніемъ животворнаго воздуха морского берега, силы молодости брали свое, нервность Марты уменьшилась, поддаваясь спокойствію природы, умиротворяющей тишинѣ, разлитой повсюду кругомъ. Марта чувствовала свое превосходство передъ опущенными головами своихъ поклонниковъ. Но она переживала кризисы, свойственные очень здоровымъ организмамъ: огромную жажду любви, стремленіе къ поэзіи, вызывавшія, въ видѣ реакціи, тяжелые припадки тоски, слезъ безъ причины.

Иногда она мысленно возвращалась къ тѣмъ рѣшающимъ участь часамъ своей жизни, которые слѣдовали за смертью ея отца. Ей казалось, будто она попала на дурной путь, будто она удаляется отъ идеала, мелькавшаго передъ ней въ дни сильныхъ волненій, будто она стремится къ чему-то блестящему и суетному. Откуда взялась эта суетность? Зарожденіе ея Марта приписывала своей борьбѣ съ Бетюномъ. Съ той поры началась неуравновѣшенность ея мысли, состояніе нервности, отнимавшее у нея покой, побуждавшее ее искать удовлетворенія своему пустому тщеславію.

Въ такія минуты ла-Жоншеръ нравился ей менѣе. Онъ пред-

ставлялъ собою то именно, чего она не любила въ себѣ: много блеска безъ внутренней солидности. Но сколько увлекательнаго внесло въ жизнь молодой дѣвушки ухаживаніе человѣка, котораго всѣ оспариваютъ другъ у друга! Вѣдь, это первая побѣда ея красоты! Но если въ обществѣ Марта наслаждалась своею побѣдой и позволяла себѣ увлекаться салоннымъ героемъ, то одиночество сразу все измѣняло, раскрывало внутреннія и затаенныя отвращенія.

Марта пламенно желала пріобрѣсти добрую подругу и такой не находила. Молодыя дѣвушки, съ которыми она встрѣчалась, отличались особенно противнымъ тщеславіемъ, безумною погоней за блестящими партіями, что дѣлало ихъ крайне ограниченными и эгоистичными. А впрочемъ, за весьма немногими исключеніями, все это береговое общество было поразительно однотоннымъ. Господа всѣхъ возрастовъ изнываютъ со дня пріѣзда отъ ностальгіи по столицѣ, любятъ море только изъ-за моды, скрываютъ одолѣвающую ихъ зѣвоту и говорятъ лишь о картахъ и лошадяхъ, когда въ своей компаніи не говорятъ о предметахъ менѣе важныхъ, вызывающихъ ихъ смѣхъ, очень гадкій и раздражающій своею таинственностью. Здѣшнихъ дамъ страсть къ морю охватила лишь въ тотъ день, когда ихъ портнихи доставили имъ восхитительные костюмы для купанья, шляпы, долженствующія произвести фуроръ, и всѣ эти дамы впадаютъ въ горькое разочарованіе отъ того, что встрѣчаютъ другіе костюмы, не менѣе восхитительные, другія шляпки, не менѣе эффектныя, и другихъ дамъ, привлекающихъ вниманіе и отбивающихъ ухаживателей... Всѣхъ этихъ дамъ принесъ сюда приливъ тщеславія, и отливъ тщеславія унесетъ ихъ обратно. А затѣмъ идетъ рядъ настоящихъ или мнимыхъ больныхъ, чахлыхъ и дряхлыхъ, жалующихся на ревматизмы, говорящихъ на аптечномъ языкѣ, произносящихъ только слова страданія и обвиняющихъ весь міръ въ эгоизмѣ за то, что люди позволяютъ себѣ веселиться въ ихъ отсутствіе и осмѣливаются интересоваться чѣмъ-либо, кромѣ недуговъ.

Въ этой толпѣ была, впрочемъ, одна личность, нежданно оригинальная, нѣкто господинъ Делонэ, сорокалѣтній здоровякъ, съ энергическимъ и нѣсколько полоумнымъ лицомъ, говорившій громко съ тенденціей произносить *р* какъ *в*, что̀ дѣлало его похожимъ на англичанина. И на самомъ дѣлѣ, г. Делонэ, нормандецъ родомъ, за время своего двадцатилѣтняго пребыванія въ Сѣверной Америкѣ превратился чуть не въ настоящаго янки. Недавно вернувшись во Францію съ состояніемъ въ пятнадцать милліоновъ, по меньшей

мѣрѣ, Делонэ мечталъ лишь о томъ, чтобы вновь усвоить себѣ тонъ и изящество своей родины. Объ этомъ онъ хлопоталъ съ отчаянною энергіей, былъ всегда одѣтъ по послѣдней модѣ, такъ и сыпалъ новыми словечками бульварнаго говора и всѣми силами стремился завязать или, вѣрнѣе, возобновить связи со «всѣмъ Парижемъ» большого свѣта, къ которому онъ самъ принадлежалъ когда-то, до разгрома его состоянія. Онъ продѣлывалъ это очень неловко, съ грубою хитростью янки, всегда пускающаго въ ходъ, прежде всего, свои доллары, но и тутъ Делонэ выказывалъ столько добродушія, невинности сердечной и истинной щедрости, что ему прощалось многое. На него привыкали смотрѣть какъ на забавную личность, вызывающую довольно пріятный смѣхъ и вносящую въ свои диковинные банкеты разныя неожиданности, часто эксцентричныя, разнообразящія монотонность зимняго и весенняго сезоновъ.

Онъ купилъ въ двухъ льё отъ берега великолѣпный зàмокъ, отдѣлка котораго подходила къ концу. Делонэ предполагалъ устроить на новоселье большой праздникъ и старался напригдашать какъ можно больше гостей. Мадамъ Шателенъ, Марта и Бетюнъ были въ числѣ завербованныхъ почти насильно.

X.

Гости разсѣялись по обширному парку.

Небо было облачно, подернуто дивными жемчужными тонами, окаймленными широкою серебристою полосой, а захваченная осенью растительность, испещренная красными и золотистыми пятнами, издавала влажные ароматы отживающей листвы и запоздавшихъ цвѣтовъ, прячущихся въ тѣни.

Лужайки чередовались съ группами кустарниковъ и деревьевъ, нескошенная трава между прямыми дорожками имѣла видъ унылый, кое-гдѣ расцвѣченная желтѣющими головками одуванчика. Изрѣдка пролетали птицы съ негромкимъ крикомъ, отряхивая съ крыльевъ капли воды. Маленькіе сѣровато-зеленые прудки, чисто-голландской прелести, были полны водяною птицей, ютившеюся въ камышахъ.

Весь пейзажъ конца сентября съ поблекшими тонами имѣлъ какой-то особенно мягкій характеръ, дышалъ тихою красотой, уносившею мысли къ прошлымъ днямъ, къ сладкимъ воспоминаніямъ о быломъ, молодомъ, и въ то же время наводилъ на думы о томъ неизбѣжномъ часѣ, когда уже нельзя будетъ вернуться къ минувшимъ радостямъ.

Вначалѣ приглашенные ходили большими группами, потомъ мало-по-малу раздѣлились по четверо, по трое и по двое, теряясь въ безчисленныхъ дорожкахъ огромнаго помѣстья. Особенно склонные къ мечтательности остались совсѣмъ одни, бродили по берегамъ ручьевъ между филигранною зеленью кустарниковъ.

Такъ ла-Жоншеръ воспользовался удобною минутой, покинулъ товарищей, занятыхъ охотничьимъ споромъ, и скрылся подъ сводомъ высокихъ буковъ.

Онъ тихо шелъ по землѣ, богато убранной ковромъ мховъ. Невидимый ручей таинственно журчалъ, какъ бы шепча невнятныя жалобы. Молодой человѣкъ наслаждался спокойною прелестью лѣсной заросли, и прелесть эта влекла его къ Мартѣ. Давно уже онъ не испытывалъ настолько захватывающей любви. Его мысли путались въ какомъ-то опьяненіи, голова тяжелѣла, и онъ склонялъ ее немного точно отъ усталости, изрѣдка сильно вдыхая влажный воздухъ.

— Это невыносимо!—прошепталъ онъ, грызя сорванную вѣтку бука.

Передъ молодымъ человѣкомъ проносились образы прежнихъ любовницъ. Влекла ли его къ себѣ какая - либо другая женщина такъ, какъ Марта? Правда, сначала онъ всегда воспламенялся, его увлеченія были пылки и коротки. Если на этотъ разъ любовь слишкомъ сильна, онъ рѣшится, пожалуй, жениться. Дѣвушка была все-таки достаточно богата, а предразсудокъ противъ неравныхъ браковъ съ каждымъ днемъ слабѣлъ во Франціи...

Марта, подобно ла-Жоншеру, бродила безъ спутника. На душѣ у нея стало тоскливо, и вѣрная своимъ привычкамъ независимости, она удалилась отъ общества. Когда она осталась одна подъ зелеными навѣсами, между колоннадами деревьевъ, въ великомъ храмѣ природы, куда почти не доходилъ шумъ праздника, лицо дѣвушки быстро измѣнилось, какая-то дума сблизила ея тонкія брови. Она чувствовала сладкое утомленіе и шла такъ медленно, едва ступая, точно передъ этимъ цѣлый день была на ногахъ.

Деревья порѣдѣли, впереди разстилалась лужайка. Марта перешла ее еще тише, еще болѣе усталымъ шагомъ. Вдругъ молодая дѣвушка остановилась, пораженная красотой внезапно открывшагося пейзажа. Узкій овражекъ таинственно уходилъ въ глубь, затѣненный ясенями, замшившимися отъ старости, запушенный густыми кустарниками, громадными вересками, перегражденный свалившимися стволами деревьевъ, образовавшими фантастическі мосты надъ ручьемъ, прозрачныя воды котораго разбивались

большіе камни, подернутые темною плѣсенью. Ровный свѣтъ падалъ сверху, сквозь легкій куполъ зелени, и всему придавалъ меланхолическій колоритъ. Маленькій фонтанъ выкидывалъ тонкую струю воды изо рта дельфина, покрытаго налетомъ ржавчины.

Марта сѣла на камень, на которомъ мохъ лежалъ золотистыми и серебристыми пятнами, и задумалась. Она сама не сознавала, сколько времени просидѣла такъ! Постоянно рядомъ съ красивою фигурой ла-Жоншера возникалъ другой образъ, тираннической. Начиналась борьба съ различными перипетіями. Марта раздражалась этимъ и противъ обоихъ. Затѣмъ къ ней вернулось спокойствіе, и дѣвушка задавала себѣ вопросъ, на самомъ ли дѣлѣ, по настоящему ли любитъ ее графъ. Ей казалось, что съ нимъ она могла бы быть счастлива. Но сама-то она любитъ ли его? Нѣтъ, пока не любитъ. Ей пріятно, однако, бывать съ нимъ, и даже ея сердце бьется въ его присутствіи. Но оно бьется также и въ присутствіи Бетюна! Да, только совсѣмъ иначе,—въ немъ сказывается гнѣвъ и остатокъ страха.

Мартѣ пить хотѣлось. Она нагнулась и, снявши перчатку, хорошенькою ручкой зачерпнула въ ручьѣ нѣсколько капель холодной воды. Потомъ дѣвушка попыталась опредѣлить, который могъ быть часъ. Солнце стояло еще высоко, проглянуло изъ-за разошедшихся облаковъ и бросало снопы золотистыхъ лучей, покрывая всѣ просвѣты пятнами блестящей эмали.

Вблизи послышались шаги. Марта быстро обернулась, и ея щеки слегка вспыхнули румянцемъ. Она узнала ла-Жоншера. Онъ подходилъ немного блѣдный, съ вздрагивающими губами, и остановился, въ свою очередь узнавши Марту.

Въ первую минуту они не проговорили ни слова. И въ этой тишинѣ журчаніе ручья, казалось, росло, превращалось для ихъ слишкомъ напряженнаго слуха въ сердитый шумъ водопада.

Молодой человѣкъ, удивленный собственною робостью, проговорилъ, чтобы сказать что-нибудь:

— Уголокъ этотъ восхитителенъ!

— Да,—отвѣтила Марта просто.

Она подняла голову, совершенно успокоенная. Они мелькомъ взглянули другъ на друга, и онъ въ восторгъ пришелъ отъ прелестнаго профиля Марты, освѣщеннаго косыми лучами солнца, отъ ея глазъ съ длинными изогнутыми рѣсницами, отъ пунцовыхъ губъ, чуть-чуть открывавшихъ ослѣпительные, маленькіе зубки.

Ла-Жоншеръ наклонился, сорвалъ одиноко расцвѣтшую маргаритку.

— Не правда ли,—сказалъ онъ,—что цвѣтокъ кажется намъ болѣе красивымъ, когда онъ одинъ, какъ этотъ, чѣмъ когда на лугу онъ окруженъ тысячью другихъ цвѣтовъ.

— Это правда,—согласилась молодая дѣвушка, улыбаясь.

— Угодно вамъ принять его отъ меня?—спросилъ ла-Жоншеръ.

— Разумѣется.

Она приколола крошечный цвѣтокъ къ своему корсажу. Ла-Жоншеръ вздрогнулъ. Въ эту минуту раздался звонъ колокола, затѣмъ послышались звуки оркестра, нѣсколько заглушаемые чащею парка.

— Призывъ къ состязанію въ фехтованіи,—сказалъ ла-Жоншеръ.

— Надо идти,—отвѣтила Марта.

Онъ предложилъ ей руку, и они, неторопливо, пошли къ дому, обмѣниваясь рѣдкими фразами. Оба прислушивались къ далекимъ звукамъ музыки. Прикосновеніе руки Марты, шелестъ ея платья волновали молодого человѣка.

Вначалѣ заурядный, ничего не значущій разговоръ сталъ понемногу оживляться. Ла-Жоншеръ скоро нашелъ свой обычный деликатный тонъ ловкаго ухаживателя, кружилъ голову Марты довольно банальными фразами, пустота которыхъ выкупалась прелестью дикціи. Непривычная, она слушала, пьянѣла, готова была дойти почти до интимности въ отвѣтахъ на нѣкоторые искусно предлагаемые вопросы. Ла-Жоншеръ замедлялъ шагъ, иногда пріостанавливался, и между ними начиналось уже нѣчто вродѣ задушевной откровенности. Онъ разсчитанными оттѣнками подводилъ дѣло къ словамъ любви, когда въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди молодыхъ людей послышались голоса.

На поворотѣ дорожки стояла группа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и разговоръ ихъ не могъ не вызвать улыбки Марты.

— Въ прошедшемъ году я получилъ на кругъ 80,000 кило съ гектара. Правда, посадка дѣлалась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, и жидкое удобреніе для поливки было отличнаго качества... Но, замѣтьте, культура была самая обыкновенная... Выхода сахара оказались превосходными. Болѣзнь не причинила никакого вреда...

— А съ хлѣбами какъ?

— Великолѣпно! У меня плодосмѣнное хозяйство, наиболѣе подходящее къ нашей почвѣ. Чистый паръ приноситъ только убытки.

— Скотъ разводите сами?

— Еще бы!... Надо быть безумнымъ, чтобы не выкармливать скотъ, имѣя отбросы отъ сахароваренія... Я завелъ даже особую мѣшанную породу, которая можетъ соперничать съ дургамскою и замѣнить ее съ большою выгодой, при извѣстныхъ условіяхъ... Мое хозяйство стóитъ посмотрѣть.

Замѣтивши смѣхъ Марты, ла-Жоншеръ понялъ, что на этотъ разъ очарованіе исчезло, и покорился необходимости провести молодую дѣвушку на конкурсъ фехтованія. Мѣсто для него было отведено на овальной лужайкѣ съ площадкой по серединѣ. Справа на эстрадѣ игралъ оркестръ. Состязаніе только что началось. На площадкѣ шесть паръ бились на палкахъ и на рапирахъ. То были мелкіе бойцы, искусившіеся въ дѣлѣ какъ разъ настолько, чтобы не смѣшить зрителей. Но вдругъ хозяинъ дома, сильно возбужденный, снялъ со стѣны большую палку и сдѣлалъ ею въ воздухѣ два или три круга.

— Hallo!—крикнулъ онъ, надѣвая шлемъ и куртку.—Кто хочетъ помѣряться съ братцемъ Іонафаномъ?

Вышелъ впередъ господинъ, небольшого роста, тяжелаго сложенія.

— Я!—проговорилъ онъ.

Онъ не спѣша снарядился для боя и корректно сталъ въ боевую позу. Делонэ началъ нападать. Тотъ спокойно отражалъ удары, но съ отвѣтными ударами постоянно запаздывалъ. Янки воодушевлялся, придавалъ своему оружію все болѣе быстроты. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что его противникъ недостаточно силенъ.

Пѣхотный поручикъ, присвоивая себѣ роль судьи турнира, объявилъ хозяина побѣдителемъ.

— Угодно еще кому?—крикнулъ онъ.—Если только нашъ хозяинъ не усталъ.

— Я-то усталъ!—презрительно возразилъ Делонэ.

И онъ описалъ палкой пять или шесть страшныхъ мулине. Никто не отзывался,—всѣ колебались.

— Никто не желаетъ?... Никто?—выкрикивалъ поручикъ.—[Р]азъ... никто не хочетъ поддержать честь департамента?... Два... [Н]ѣтъ отвѣта? Три... конч...

— Я!—послышался густой басъ.

И огромный молодчина, первый сельскій хозяинъ департамен[т]а, надѣлъ самую большую куртку и самый объемистый шлемъ.

— Пюи!—воскликнула тономъ упрека жена агронома.

Онъ не слыхалъ этого, нападалъ на американца. Палка свистѣла въ его мускулистыхъ рукахъ.

— Хорошо! хорошо!—одобрялъ поручикъ.

На этотъ разъ состязаніе приняло серьезный характеръ. Боевой инстинктъ, подавить который не могла цивилизація въ самыхъ изнѣженныхъ сердцахъ, сдерживалъ улыбки. Всѣхъ интересовала сила Пюи. Хозяинъ противупоставлялъ ей большую ловкость, отвѣчалъ быстрыми и короткими ударами. Въ теченіе двухъ минутъ борьба оставалась нерѣшительною, потомъ Делонэ перешелъ въ нападеніе и видимо бралъ верхъ.

— Стопъ!—скомандовалъ поручикъ.

Пюи добродушнѣйшимъ тономъ призналъ себя побѣжденнымъ... но замѣтилъ, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ не бралъ палки въ руки.

Тѣмъ временемъ Марта подошла къ мадамъ Шателенъ. Немного возбужденная, она искала глазами капитана. Онъ оказался шагахъ въ десяти и смотрѣлъ на нее необыкновенно грустнымъ взглядомъ. Дѣвушка невольно вздрогнула, потомъ гордо отвернулась и принялась слѣдить за состязаніемъ.

Жестокая ревность сжимала сердце Бетюна, и онъ не скрывалъ этого. Онъ видѣлъ, какъ Марта вернулась съ ла-Жоншеромъ. Бушевавшая въ душѣ злоба оглушала капитана, раздражала его голову дикою ненавистью, сверкала въ его глазахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно сладкое чувство нѣжности разливалось по всѣмъ его нервамъ. Выраженіе безграничной покорности появлялось на его лицѣ, когда онъ смотрѣлъ на Марту. Онъ вздыхалъ, пытался отвернуться, но глаза невольно обращались въ сторону молодой дѣвушки. Въ то же время онъ испытывалъ крайнюю неловкость. Ему казалось, будто вся окружавшая ихъ толпа угадываетъ его чувства, слышитъ усиленное біеніе его артерій.

Выбрали жюри для состязанія на рапирахъ. Шпага, въ качествѣ традиціоннаго рыцарскаго оружія, представляла для всѣхъ огромный интересъ. Уже по прежнимъ праздникамъ, искусство нѣкоторыхъ любителей было достаточно извѣстно, о нихъ успѣло сложиться опредѣленное мнѣніе, за наиболѣе любимыхъ предлагались пари. Между этими послѣдними ла-Жоншеръ занималъ блестящее мѣсто. Предполагалось даже, что «гвоздемъ» праздника будетъ борьба ла-Жоншера съ однимъ мѣстнымъ офицеромъ. Однако пріѣздъ многихъ новыхъ гостей нѣсколько измѣнилъ дѣло: заговорили объ одномъ извѣстномъ парижскомъ фехтовальщикѣ.

Послѣ ряда мелкихъ ассо, отъ побѣдителя къ побѣдителю

очередь дошла до офицера. Онъ покончилъ быстро нѣсколькими ловкими ударами, какъ разъ настолько скоро, чтобы размять себѣ руку. Тогда на арену вышелъ ла-Жоншеръ, и Марта вздрогнула, видимо особенно заинтересованная. Возбужденный присутствіемъ молодой дѣвушки, ла-Жоншеръ почувствовалъ, какъ возросла еще нервная сила, дѣлавшая его удары опасными. Онъ одолѣлъ противника такъ удачно, съ такою тонкостью игры, что вызвалъ энтузіазмъ зрителей, послышались возгласы одобренія.

Марта теряла самообладаніе отъ восторга, который во всякую другую минуту показался бы забавнымъ ей самой. Она уносилась мысленно къ временамъ героическимъ, испытывала ребяческое удовольствіе, мечтая о блестящемъ турнирѣ, о побѣждающемъ на немъ рыцарѣ, о героѣ съ душою благородною и возвышенною, съ неодолимою рукою! Яркій румянецъ заливалъ ея щеки. А рядомъ съ нею громко заявлялъ о себѣ энтузіазмъ менѣе пристрастный: достойная мадамъ Шателенъ приходила въ настоящее восхищеніе, усердно апплодировала.

— Чудесно, дивно, мосьё ла-Жоншеръ!—восклицала она.

Марта въ душѣ благодарила за эти крики, пріятно щекотавшіе ея самолюбіе, и въ толпѣ искала глазами капитана, имѣя въ головѣ нехорошія, вызывающія мысли. Бетюнъ замѣтилъ ея взглядъ и понялъ его значеніе. Вся кровь закипѣла въ немъ отъ возмущенной гордости. Спокойный, съ ироническою улыбкой на губахъ, онъ устремилъ на дѣвушку блестящій, яркій взоръ. Это раздражило ее, потомъ ей стало стыдно, точно она сдѣлала какую-то низость, и Марта опустила глаза.

Невыносимо горько стало на душѣ капитана. Какъ жестока эта дѣвушка! Ни отъ какого страданія она не хочетъ избавить его. И, въ виду интереса, съ которымъ она относится къ этимъ поединкамъ, его охватило желаніе выступить самому, негодованіе вынуждало его дѣйствовать, гнѣвъ требовалъ, чтобы на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, онъ отплатилъ пораженіемъ и униженіемъ Мартѣ и тому, кого она отличаетъ своимъ предпочтеніемъ.

Тогда, замѣтивши продолжительность перерыва и видя, что не выступаетъ никто на состязаніе, капитанъ подошелъ къ жюри.

— Если позволите,—сказалъ онъ,—я стану биться съ побѣдителемъ.

— Превосходно, капитанъ,—отвѣтили ему.

— Подождите здѣсь, капитанъ,—сказалъ побѣжденный офицеръ, изумленный заявленіемъ Бетюна. — Ассо начнется сейчасъ.

— Я думалъ, что дѣло кончено,—проговорилъ Бетюнъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ офицеръ. — Только господинъ Фурмо, превосходный парижскій боецъ, потребовалъ, чтобы господинъ де-ла-Жоншеръ отдохнулъ.

— А! Такъ мосьё Фурмо выступаетъ?

Въ этихъ словахъ прозвучало затаенное недовольство. Капитану казалось крайне неудобнымъ стоять тутъ и ждать. Что можетъ подумать Марта? А затѣмъ онъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ ла-Жоншеромъ, но не имѣлъ никакого основанія ручаться за побѣду надъ Фурмо. И тогда его выходка не только не принесетъ ему пользы, а приведетъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ: Марта останется очень довольна, отнесется къ нему съ еще большимъ пренебреженіемъ. Была минута, когда онъ готовъ былъ отказаться, но стыдъ удержалъ его. И пришлось ему стоять и ждать, какъ мальчику, взвѣшивать свои шансы и припоминать свои успѣхи въ фехтовальныхъ залахъ.

Марта поняла намѣреніе капитана. Не зная въ точности порядка состязаній, она думала, подобно многимъ другимъ, что Бетюнъ будетъ биться съ ла-Жоншеромъ. Молодая дѣвушка слегка дрожала. Со стороны капитана то былъ, несомнѣнно, вызовъ, и ей казалось, что побѣда еще болѣе усилитъ его гордость, его упорство, и эта мысль ужасала ее. До сихъ поръ онъ не хотѣлъ выказывать своего превосходства. Не задумалъ ли онъ теперь примѣнить практически къ дѣлу свою теорію борьбы за существованіе? Не разсчитываетъ ли доказать свою силу надъ ла-Жоншеромъ, чтобъ имѣть право презирать? Остановится ли онъ на физической борьбѣ, не унизитъ ли графа, при иныхъ обстоятельствахъ, въ интеллектуальномъ смыслѣ? Дѣвушка сдѣлала слабую попытку разсмѣяться, какъ надъ забавною комедіей, надъ этою борьбой на тупыхъ стальныхъ шпилькахъ. Но смѣхъ не удался и замеръ передъ неодолимымъ волненіемъ. Марта чувствовала, сквозь вихрь мыслей, что всякое активное вмѣшательство капитана въ ея романъ съ ла-Жоншеромъ можетъ повести къ драмѣ. Она ясно сознавала, что никогда не дозволитъ Бетюну смотрѣть на нее какъ на побѣжденную, и что слишкомъ очевидное превосходство капитана надъ человѣкомъ, котораго она выбрала, заставитъ ее, быть можетъ, отступить отъ такого выбора.

Когда мадамъ Шателенъ узнала, что капитанъ хочетъ участвовать въ состязаніи, она тоже взволновалась, также начала дрожать, и появленіе самаго знаменитаго адмирала Людовика XIV не причинило бы ей большей тревоги. Она утратила всякое самообладаніе, ея глаза перебѣгали съ толпы на капитана, точно разыски-

вали во всѣхъ взорахъ вниманіе и насильно хотѣли сосредоточить его на Бетюнѣ.

Парижскій фехтовальщикъ былъ уже на площадкѣ и испытывалъ упругость рапиры. Послышался шепотъ недоумѣнія, и Марта облегченно вздохнула въ то время, когда мадамъ Шателенъ подозвала проходившаго мимо хозяина.

— Будьте добры, скажите,—обратилась она къ нему,—это послѣднее состязаніе?

— Нѣтъ, сударыня, капитанъ Бетюнъ желаетъ помѣряться съ побѣдителемъ. Хорошій боецъ, не правда ли?

Мадамъ Шателенъ отвѣтила жестомъ горделивой скромности, и Делонэ прошелъ къ мѣсту, отведенному для судей. Опасенія Марты возродились съ новою силой. Она постаралась отогнать ихъ, чтобы слѣдить за ходомъ поединка.

Сразу было видно, что Фурмо сильнѣе ла-Жоншера и что онъ умышленно затягиваетъ бой для того ли, чтобы не очень посрамить графа, или для того, чтобы продолжительностью боя придать большее значеніе своей побѣдѣ. Два раза рѣзкимъ, отрывистымъ ударомъ онъ выбивалъ шпагу изъ рукъ противника и, не желая пользоваться выгодою своего положенія, возобновлялъ поединокъ.

Ла-Жоншеръ доходилъ до бѣшенства и кидался такъ, что становился опаснымъ. Его ожесточенное нападеніе вынудило Фурмо къ отступленію, и гибкимъ поворотомъ графъ, въ свою очередь, выбилъ рапиру изъ руки знаменитаго фехтовальщика. Въ толпѣ послышался ропотъ одобренія. Противники поквитались! Сочувствіе большинства было на сторонѣ графа.

Складка неудовольствія пробѣжала по лбу Фурмо. Его возмутило пристрастіе зрителей. Онъ перестал щадить противника и, въ свою очередь, сильно налегая на него, заставилъ ла-Жоншера отступить на десять метровъ. Жюри, знатоки дѣла, негромкими одобреніями привѣтствовали блестящіе пассы парижанина. Толпа молчала, подавленная униженіемъ своего любимца.

Бой продолжался, однако. Напрасно ла-Жоншеръ пытался перейти въ нападеніе. Онъ встрѣчалъ передъ собой настоящую стальную стѣну. Тѣмъ не менѣе онъ не терялъ бодрости, вдругъ сталъ спокойнымъ, ограничился отраженіемъ ударовъ и выказалъ столько ловкости, что ни разу не далъ себя тронуть. Съ общаго согласія рѣшено было сдѣлать перерывъ для отдыха.

Ла-Жонжеръ чувствовалъ себя отвратительно, онъ разсчитывалъ на полный успѣхъ, а пораженіе его представлялось неизбѣжнымъ. Онъ снялъ маску и взглянулъ на Марту. Она одобрительно

улыбалась, и эта улыбка одурманила его. Онъ рѣшилъ сдѣлать крайнія усилія. Фурмо подошелъ къ жюри и былъ встрѣченъ восторженными похвалами. Ему представили Бетюна, какъ его вѣроятнаго соперника, но онъ возражалъ, что ничто еще не рѣшено, и, обращаясь къ капитану, сказалъ:

— Не такъ ли? Вы какого мнѣнія?

— Вы сильнѣе его,—отвѣтилъ Бетюнъ.—Но у ла-Жоншера бываютъ такіе внезапные порывы, съ которыми приходится считаться.

— А вотъ посмотримъ. Отдыхъ былъ довольно продолжителенъ, можемъ начать снова.

Противники стали на мѣста и обмѣнялись первыми ударами. Вначалѣ ла-Жоншеръ выказывалъ притворное спокойствіе, осторожно защищался. Фурмо нанесъ ему, однако, третій ударъ изъ пяти, опредѣленныхъ условіями. Тогда ла-Жоншеръ азартно кинулся на противника и нанесъ ему второй ударъ прямо въ грудь. Исходъ боя становился сомнительнымъ. Фурмо повелъ игру круто, очень просто, но съ поразительною быстротой. Его противникъ вынужденъ былъ опять отступать. Со стороны знатоковъ послышались возгласы удивленія: Фурмо умѣлъ поразительно приберегать эффекты къ концу! Ла-Жоншеръ получилъ четвертый ударъ.

Тогда знаменитый фехтовальщикъ повелъ бой нѣсколько тише, ровнѣе, и его противникъ получилъ возможность еще разъ пустить въ ходъ свою пылкость. Но, при одномъ движеніи, которое онъ сдѣлалъ, чтобы броситься впередъ, его нога скользнула и подвернулась. Графъ вскрикнулъ и упалъ на одно колѣно. Всѣ двинулись къ нему, выражая участіе.

— Это ничего,—говорилъ онъ.—Я оступился. Мы можемъ продолжать.

Онъ поднялся безъ труда, но прихрамывалъ. Фурмо нашелъ невозможнымъ продолжать состязаніе. Спрошенные судьи согласились съ нимъ, и ла-Жоншеръ принужденъ былъ подчиниться мнѣнію большинства.

Марта осталась очень довольна такимъ случаемъ. По крайней мѣрѣ, отъ Бетюна ускользнетъ блистательное доказательство превосходства, о которомъ онъ мечталъ. Все-таки, останется доля вѣроятности въ пользу ла-Жоншера. Съ своей женской точки зрѣнія молодая дѣвушка не придавала значенія борьбѣ, происходящей не непосредственно. Послѣ долгаго перерыва отъ центральной группы отдѣлились два бойца,—Бетюнъ, широкій, плечистый, съ крѣпкою грудью, былъ выше ростомъ, чѣмъ Фурмо, казавшійся за то болѣе гибкимъ, болѣе проворнымъ и не менѣе сильнымъ.

Съ перваго же удара они оцѣнили другъ друга и пустили въ ходъ все свое искусство. Роли измѣнились: Фурмо, рѣзко отличавшійся хладнокровіемъ отъ пылкаго ла-Жоншера, казался нервнымъ, по сравненію съ капитаномъ. Ни съ той, ни съ другой стороны уже не было значительныхъ отступленій назадъ и движеній впередъ. Бетюнъ стоялъ прямо, съ полусогнутою рукой и парировалъ всѣ удары безъ видимаго усилія. Когда онъ нападалъ, то сперва вытягивалась его рука, затѣмъ быстро слѣдовало движеніе корпуса впередъ. Онъ бился классически, и Фурмо, невозмутимый и корректный нѣсколько минутъ назадъ, принималъ довольно странныя позы, несомнѣнно грозныя, но менѣе эстетичныя.

Толпа, въ высшей степени заинтересованная, внимательно слѣдила за ними, затаивши дыханіе. Періодъ вызнаванія кончился, начался серьезный бой. Разъ за разомъ Фурмо получилъ два удара въ грудь, капитанъ остался не тронутымъ. Онъ не измѣнялъ положенія, но проявлялъ ловкость неподражаемую, и поразительная быстрота его нападеній равнялась хладнокровію и разсчетливости защиты, вѣрности рипоста.

Бетюнъ нанесъ третій ударъ противнику, и Фурмо потребовалъ отдыха. Раздались апплодисменты обоимъ, обоихъ привѣтствовали судьи. Марта взглянула на ла-Жоншера. Выраженіе досады проступало на лицѣ свѣтскаго человѣка. И было, впрочемъ, съ чего,— превосходство Бетюна представлялось для него двойнымъ униженіемъ. И его охватывала жажда отплаты, жажда нехорошихъ репрессалій побѣдою, которую во что бы ни стало надо одержать надъ Мартой.

Рапиры вновь скрестились, и Фурмо на этотъ разъ, воспользовавшись слишкомъ короткой парадой противника, тронулъ капитана въ плечо. Царило глубокое молчаніе. Всѣ опять поддались колебаніямъ въ ту минуту, когда побѣда казалась уже несомнѣнною. Тайныя, очень горячія желанія успѣха были на сторонѣ Бетюна,— непріятно было думать, что ничтожная случайность можетъ лишить его вполнѣ заслуженной награды. У мадамъ Шателенъ проступали отъ того капли пота на вискахъ, и Марта, наэлектризованная толпой, чувствовала, какъ слабѣютъ ея сопротивленія симпатіи, захватывавшей ее.

Но Бетюнъ уже перешелъ въ нападеніе и двумя пассами заканчивалъ поединокъ, двумя блестящими ударами, однимъ прямымъ и однимъ рипостомъ. Со всѣхъ сторонъ раздались апплодисменты. Марта почувствовала приливъ гордости и подумала, что испытала бы то же самое при торжествѣ брата. Мадамъ Шателенъ сдерживала

свои восторги. А онъ съ спокойно серьезнымъ лицомъ снялъ маску и ловилъ глазами взглядъ Марты. Она притворилась, будто не замѣчаетъ этого, и, чтобы скрыть странное волненіе, овладѣвшее ею, принялась говорить съ молодою дѣвушкой, стоявшею рядомъ съ нею. Мадамъ Шателенъ съ гордою, материнскою улыбкой смотрѣла на красавца племянника.

XI.

Передъ вечеромъ Марта вышла изъ маленькаго домика почти украдкой. Вначалѣ она шла скоро, какъ бы стараясь избѣжать наблюденія. Потомъ, когда ее видѣть уже не могли за группами деревьевъ, она пошла тише, на ея лбу легла складка нерѣшительности.

Молодая дѣвушка сознавала, что поступила легкомысленно, согласившись на свиданіе, предложенное ла-Жоншеромъ. Въ сотый разъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе дня она принималась обсуждать свое положеніе, разбирать все происшедшее, и множество разнородныхъ чувствъ вызывало ея нерѣшительность и тревогу.

Со времени праздника у Делонэ событія шли быстро, какъ въ драмѣ, клонящейся къ развязкѣ. Марта жила въ лихорадочномъ напряженіи между все болѣе и болѣе настойчивымъ ухаживаніемъ ла-Жоншера и новымъ образомъ дѣйствій Бетюна. Капитанъ не только выказывалъ возрастающую холодность по отношенію къ свѣтскому молодому человѣку, но отказался отъ своей пассивной роли, не удалялся, когда ла-Жоншеръ приходилъ, по обыкновенію, побесѣдовать съ мадамъ Шателенъ. Бетюнъ оставался тутъ же, неизмѣнно серьезный, принималъ участіе въ разговорѣ, и взглядъ его казался зоркимъ и проницательнымъ, когда устремлялся на Марту. Было ли это осуществленіемъ того, что она предвидѣла на состязаніи въ фехтованіи,—новымъ покушеніемъ на ея независимость? Дѣвушка трепетала внутренно, возмущалась, искала случая нанести рѣшительный ударъ. Да, необходимо было разъ навсегда убѣдить его въ томъ, что она не намѣрена подчиняться его вліянію. Онъ возводитъ борьбу въ основной принципъ,—такъ хорошо же, она будетъ бороться, никогда не признаетъ себя побѣжденною. Правда на ея сторонѣ, такъ какъ она отстаиваетъ человѣческое достоинство, выступаетъ защитницей своего пола, который онъ стремится унизить возмутительнымъ неравенствомъ!

Хотя все это оказывалось недостаточнымъ для объясненія ожесточенности войны, ея чисто личнаго характера, тѣмъ не менѣе Марта довольствовалась объясненіемъ. Она даже упрекала себя въ

томъ, что боится Бетюна, допускаетъ себя терроризовать, точно онъ какой-нибудь могучій магнетизеръ. Она хотѣла, во что бы ни стало, разорвать эту цѣпь рабства и выжидала только подходящаго случая. Удобный случай она нашла въ свиданіи, на которое шла въ этотъ вечеръ. Какое же возможно болѣе убѣдительное доказательство независимости, чѣмъ подобный поступокъ, почти компрометирующій ее?

Несмотря на весь рядъ софизмовъ, Марта чувствовала себя совсѣмъ нехорошо. Внутренній голосъ кричалъ ей, что она поступаетъ дурно, что уже не принципъ руководитъ ею, а ея вражда къ Бетюну. Молодая дѣвушка останавливалась, вглядывалась въ окружавшій ее пейзажъ, пыталась найти хоть немного спокойствія въ мирной тишинѣ приближающагося вечера.

— Идти ли?—прошептала Марта.

Она уже готова была повернуть назадъ, но тотчасъ же рѣшила иначе:

— Я обѣщала и сдержу слово.

И вдругъ она удивилась тому, что совсѣмъ не думала о ла-Жоншерѣ. Она постаралась представить его себѣ, нашла его очаровательнымъ. Онъ долженъ быть очень нѣженъ и очень добръ,—подумала она. И, опять возвращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, она слегка вздрагивала, чувствовала какое-то разслабленіе, неодолимое желаніе найти маленькій оазисъ счастья послѣ стольких тяжелыхъ испытаній, найти душу, родственную ея душѣ. И, все-таки, подходя къ условленному мѣсту, она остановилась еще разъ. Обширная равнина тянулась до горизонта, испещренная группами деревьевъ, маленькими поселками, полосами пашни, чередующимися съ пастбищами. Бѣловатые тоны кое-гдѣ заволакивали мягкую лазурь неба, свѣтъ нѣжными переливами ложился на зеленые луга и на сѣрыя дороги. Все точно залито было глубокою грустью. Послѣднія колебанія Марты исчезли передъ ласкающею природой. Молодая дѣвушка шла, сладко трепеща отъ романической стороны дѣла, и вскорѣ очутилась у крошечнаго ручья, затѣненнаго четырьмя высокими тополями. Марта увидала мужчину, сидящаго подъ однимъ изъ деревьевъ, обернувшись спиною къ дорогѣ. Онъ, повидимому, услыхалъ шаги дѣвушки, всталъ и повернулся къ ней.

Она чуть не вскрикнула отъ ужаса, узнавши Бетюна. Но овладѣла собой и нервно проговорила:

— Вы здѣсь!

— Да,—отвѣтилъ онъ.

По тону голоса, Марта поняла ясно, что онъ очутился тутъ не случайно. Тогда инстинктъ бравады взялъ верхъ, и молодая дѣвушка, пренебрегая притворствомъ, предпочитая все выяснять, воскликнула злымъ голосомъ:

— Стало-быть, вы слѣдите за мной?

— Да,—сказалъ еще разъ капитанъ.

— А!—и, окидывая его гнѣвнымъ взглядомъ, она продолжала:—Красиво это!... Свидѣтельствуетъ о возвышенности характера!

— Я исполняю свою обязанность.

— Полно вамъ!—крикнула дѣвушка, пожимая плечами.

Она сдвинула брови, подыскивала наиболѣе рѣзкія слова, чтобы ими сильнѣе уязвить Бетюна. Онъ, очень блѣдный, выжидалъ молча.

— Исполняете обязанность!—говорила Марта.—Такъ я же вамъ скажу, какую вы исполняете обязанность: вы тѣшите свою тираннію! Вы деспотъ... А я хочу быть свободной, намѣрена поступать по своему разумѣнію, а не такъ, какъ угодно вамъ!

— Вы забываете, — возразилъ онъ,— что во Франціи молодымъ дѣвушкамъ не предоставлено свободы бѣгать однимъ по большимъ дорогамъ.

Марта понимала, что на этотъ разъ онъ совершенно правъ, и тѣмъ болѣе злилась, хотѣла довести дѣло до настоящей ссоры.

— Я не желаю выслушивать отъ васъ наставленій,—сказала она.

— Я вашъ опекунъ!

— Это ничего не значитъ!... Я ненавижу ваше тираннство, никогда не стану слушать вашихъ нравоученій... Если вы считаете нужнымъ въ чемъ нибудь упрекнуть меня, то дѣлайте это черезъ посредство мадамъ Шатэленъ.

И она смолкла передъ тѣмъ эффектомъ, который произвела ея фраза. Капитанъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, его губы дрожали, а въ большихъ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на дѣвушку, было выраженіе страшной тоски. Машинально онъ ломалъ сучекъ кустарника, попавшій ему подъ руку, и быстро, тяжело дышалъ. Наконецъ, Бетюнъ прервалъ молчаніе и тихо проговорилъ:

— Вы правы.

Она подняла голову, удивленная, не вѣря своимъ ушамъ.

— Да,—продолжалъ онъ поразительно грустнымъ тономъ,—да, можетъ быть, я передъ вами виноватъ настолько, что заслужилъ такія слова. Можетъ быть, по отношенію къ вамъ, я не правильно примѣнялъ мои убѣжденія о необходимости борьбы. И те-

перь, если вы этого требуете, я черезъ мадамъ Шателенъ буду передавать вамъ указанія, которыя предполагалъ дѣлать вамъ лично... Но не требуйте, однако, чтобъ я совсѣмъ не слѣдилъ за вами... такого желанія я не исполню, не могу исполнить... Ваши года,—вамъ нѣтъ и двадцати лѣтъ,—не дозволяютъ мнѣ предоставить васъ всецѣло самой себѣ. Это значило бы пренебречь обязанностями, которыя налагаетъ на меня очень серьезная отвѣтственность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и моя искренняя преданность вамъ, милое дитя.

Марта все болѣе и болѣе дивилась кротости человѣка, казавшагося ей такимъ страшнымъ. Неопредѣленное чувство закрадывалось въ душу молодой дѣвушки, и капитанъ представлялся ей какъ бы преобразившимся, человѣкомъ красоты, почти нѣжной, съ тихими и грустными глазами. И, восхитительная, необыкновенно милая, смущенная, какъ бы окруженная ореоломъ заката, она стала передъ Бѐтюномъ, точно обезоруженная.

— Въ заключеніе,—продолжалъ онъ,—я желалъ бы убѣдить васъ въ томъ, что хочу ограничить вашу свободу лишь въ той мѣрѣ, въ какой это безусловно требуется обычаями нашего общества... Вы потомъ возненавидѣли бы меня и имѣли бы на то право, если бы я допустилъ до возможности какихъ-либо нареканій на васъ со стороны общества... О, противъ этого не спорьте... Вѣрьте, что нѣтъ такого сильнаго существа, которое въ состояніи было бы побѣдить общественное мнѣніе. Свѣтъ неизмѣримо болѣе страшный деспотъ, чѣмъ я!

Марта въ недоумѣніи спрашивала себя, почему Бетюнъ говоритъ такъ, какое чудо смягчило рѣзкость его характера. Она терялась въ сложности собственныхъ чувствъ, сознавая только, что слабѣетъ ея воля подъ вліяніемъ какого-то смутнаго счастья. Но съ инстинктивнымъ любопытствомъ женщины, желая посмотрѣть, до чего дойдетъ снисходительность капитана, молодая дѣвушка проговорила:

— Я охотно уступлю требованіямъ общества, но при томъ условіи, если вы предоставите мнѣ возможность сдѣлать... сдѣлать мой выборъ... и если разъ будетъ сдѣланъ мною выборъ, вы дадите ваше согласіе тому, кого я выберу.

Она видѣла, что онъ страдаетъ еще сильнѣе, она ясно сознавала, что нанесла ударъ ему прямо въ сердце, что онъ любитъ ее, и уже начинала жалѣть его, раскаиваться въ своихъ словахъ.

— На томъ и рѣшимъ,—сказалъ Бетюнъ,—я не сдѣлаю ничего, могущаго помѣшать вашему выбору.

Тогда, совершенно невольно, чисто инстинктивно, она прошептала:

— Ничего не будете имѣть противъ мосьё де-ла-Жоншера?

Бетюнъ пошатнулся, сдѣлалъ шагъ назадъ. А! какъ жестока она, какъ спокойно и безпощадно добиваетъ его! И, опустивши руки, едва держась на ногахъ, онъ отвѣтилъ:

— Вамъ стоитъ только потребовать моего согласія.

Марта колебалась, она и вопросъ задала лишь для того, *чтобы посмотрѣть*. Но жалость взяла верхъ, дѣвушка сама пришла въ ужасъ отъ своей жестокости и сказала:

— Нѣтъ еще... не теперь.

Онъ вздохнулъ свободнѣе, передъ нимъ блеснула надежда. Оба молчали. Въ воздухѣ повѣяло вечернею свѣжестью. Тишина была невозмутимая, лишь изрѣдка слышался легкій шелестъ опадающихъ листьевъ. Мечты Марты путались, будущее представлялось опять смутнымъ, туманнымъ, но въ этомъ туманѣ было что-то влекущее къ себѣ и возбуждающее.

— Вернемтесь,—сказала она.

Они пошли вмѣстѣ къ маленькому домику. Въ воображеніи Марты образъ ла-Жоншера какъ будто потускнѣлъ. Въ ея жизни появлялось что-то нѣжное, милое, возможность серьезной привязанности,—братской, какъ казалось молодой дѣвушки. Сильнѣе билась кровь въ ея жилахъ, легче становилось на сердцѣ. Наступившая ночь, игра луннаго свѣта сквозь сѣтку листвы, тишь полей, вздохи моря, доносящіеся издали, вливали въ душу сладостную и чарующую ясность.

Бетюнъ проводилъ Марту почти до самого дома и быстро вернулся къ тополямъ, гдѣ увидалъ ла-Жоншера, прохаживающагося взадъ и впередъ, какъ часовой. Они посмотрѣли другъ на друга, раскланялись. Потомъ ла-Жоншеръ ушелъ въ смущеніи, надѣясь встрѣтить Марту. Но онъ не только не могъ нигдѣ найти молодую дѣвушку, но и на слѣдующій день, и на третій видалъ ее только въ обществѣ, причемъ она, казалось, желаетъ уклониться отъ объясненія. Наконецъ, ясно было, что произошло сближеніе Марты съ капитаномъ.

Наступилъ періодъ восхитительнаго мира между этими необыкновенными борцами. Короткость не могла установиться сразу, вслѣдствіе прежняго обоюднаго недовѣрія, сглаживавшагося усиліями взаимной симпатіи. Для Марты это было вступленіемъ въ новую жизнь, болѣе возвышенную, болѣе сообразную съ ея запросами, согрѣтую благотворнымъ вліяніемъ нѣжности, возрожденіемъ

надежды. Имѣть такого *брата*, какъ Бетюнъ, старшаго брата, умнаго необыкновенно, серьезнаго совѣтника, не суроваго, однако,— то была прелестная мечта, и дѣвушка-сирота пламенно желала ея осуществленія. Мартѣ нравились продолжительныя бесѣды съ капитаномъ, она отправлялась съ нимъ на прогулки, которыя онъ дѣлалъ прежде одинъ по берегу моря. Съ широко-раскрывшеюся душой, Бетюнъ высказывался свободнѣе, вводилъ молодую дѣвушку въ безконечныя перспективы очень сложныхъ мыслей, и Марта не умѣла сравнить ни съ чѣмъ, извѣстнымъ ей, тѣ впечатлѣнія, которыя она испытывала, слушая такого собесѣдника.

За всѣмъ этимъ укрывалась дразнящая загадка, разрѣшить которую молодая дѣвушка еще не пыталась: какія чувства имѣлъ къ ней Бетюнъ? До чего доходитъ его искреннее расположеніе къ ней? Вспоминая о вечерѣ свиданія, Марта сомнѣвалась въ томъ, чтобъ это была чистая дружба. А, впрочемъ, что же въ этомъ невозможнаго? Сознавшись въ своихъ ошибкахъ, онъ, конечно, сожалѣлъ о томъ, что дѣлалъ ихъ, желалъ исправить, ему непріятно было чувствовать себя униженнымъ. Но ла-Жоншеръ? Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не любитъ ла-Жоншера...Тому могли быть многія другія причины, помимо всякаго соперничества. Совсѣмъ они разные люди, и даже, при самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, они должны были казаться антипатичными другъ другу. Эти соображенія, сами по себѣ довольно вѣрныя, не въ состояніи были разсѣять сомнѣній Марты. Она чувствовала, что Бетюнъ болѣе, чѣмъ не любитъ ла-Жоншера, что ихъ обоюдное отвращеніе имѣетъ характеръ активный, а не пассивный. Еслибъ капитанъ могъ пробыть дольше съ молодою дѣвушкой, она, вѣроятно, нашла бы объясненія всему этому. Но Бетюна вызвали въ Парижъ, и онъ принужденъ былъ уѣхать черезъ нѣсколько дней послѣ примиренія съ Мартой.

Ла-Жоншеръ выигралъ отъ этого, но очень мало. Избалованному быстрыми успѣхами, ему начинала наскучать вся эта исторія. Такія слишкомъ долгія ухаживанія кончаются обыкновенно женитьбой, а онъ былъ изъ тѣхъ, кого подобныя перспективы приводятъ въ содроганіе. Къ довершенію бѣдъ, пошли дожди. Мадамъ Шателенъ поторопилась отъѣздомъ, оставивши ла-Жоншера очень опечаленнымъ и крайне недовольнымъ неудачей.

XII.

Прошли двѣ дождливыхъ недѣли конца сентября, въ теченіе которыхъ Марта и капитанъ жили, повидимому, очень спокойно. Мо-

лодая дѣвушка выказывала большую склонность къ мечтательности, искала уединенія, очень любила читать стихи, надъ которыми проливала слезы усерднѣе, чѣмъ слѣдовало. Она испытывала непонятный страхъ при всякой встрѣчѣ съ своимъ опекуномъ, и въ улыбкѣ, которою они обмѣнивались, не было ничего экспансивнаго, проскальзывало скорѣе что-то болѣзненное, точно улыбкой прикрыто страданіе. Но бывали такіе хорошіе часы, когда у обоихъ легко становилось на сердцѣ, въ особенности бывало это въ сумерки, при тихой бесѣдѣ, настраивавшей ихъ умы въ унисонъ.

Марта не только не видалась съ ла-Жоншеромъ, но и вспоминала о немъ рѣдко, не искала случая встрѣтиться съ нимъ, даже не сказала ни слова о немъ передъ наступленіемъ времени пріемовъ. Бетюнъ, дрожавшій при мысли о возможности появленія вновь соперника, чувствовалъ все возрастающую радость по мѣрѣ того, какъ подвигалась осень. Освободившись отъ удручавшей его тревоги, онъ сдѣлался болѣе любезнымъ, болѣе оживленнымъ въ обществѣ, и это новое его настроеніе послужило поводомъ къ одному приключенію. Мадамъ де-Лорнель, двадцати пяти-лѣтняя вдова виконта де-Лорнель, хорошенькая и милая, совершенно безукоризненная при этомъ, по настоящему влюбилась въ капитана и не сумѣла или не сочла нужнымъ скрывать это. Бетюнъ, очень скромный, симпатически отвѣчалъ на авансы хорошенькой вдовушки, допускалъ ее увлекать себя па разговоры особнякомъ, что открывало путь всякимъ предположеніямъ. Скоро всѣ порѣшили, что ихъ вполнѣ приличный флиртъ завершится бракомъ, заслуживавшимъ общее одобреніе и даже одобреніе мадамъ Шателенъ.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялось это мнѣніе, Марта испытывала все возрастающее недовольство, причину котораго сама не умѣла опредѣлить. Ей казалось, будто капитанъ не исполняетъ какого-то невысказаннаго обязательства. Ихъ отношенія утратили свою установившуюся было мягкость. Молодая дѣвушка чувствовала приливы какого-то необъяснимаго раздраженія, дурнаго расположенія духа, наиболѣе замѣтнаго въ тѣ дни, когда виконтесса казалась особенно любезною съ капитаномъ. Марта въ одиночествѣ упрекала себя за это, какъ за серьезные проступки. Пусть себѣ женится капитанъ, это очень хорошо, вполнѣ естественно. Съ чего же она-то злится? Закончила она, все-таки, тѣмъ, что нашла поводъ къ злости, признала его тотчасъ же основательнымъ, настолько сильно было ея желаніе свалить вину на Бетюна. Чего онъ не дѣлалъ, чтобъ испортить ея отношенія къ ла-Жоншеру? Не по его ли милости произошелъ разрывъ между ними? Не сдѣлала ли она, съ сво

ей стороны, многихъ уступокъ ради его удовольствія? И ей казалось, будто за такія уступки она вправѣ отъ него требовать того же.

Въ одинъ изъ пріемныхъ дней мадамъ Шателенъ, гостья, старая, до крайности любопытная дѣвица, усадила Марту съ собою рядомъ и завела разговоръ о предстоящей женитьбѣ капитана на виконтессѣ.

— Я ничего не знаю...—проговорила Марта.

— Ахъ, перестаньте!... Не станете же вы увѣрять меня...

— Да клянусь же вамъ!...

— Напрасно секретничаете, моя милая,—возразила гостья недовольнымъ тономъ,—на бѣду-то факты говорятъ очень ясно.

И она кивкомъ головы указала на сидящихъ рядомъ Бетюна и мадамъ де-Лорнель. Фигура капитана не давала ни малѣйшаго повода къ какимъ бы ни было заключеніямъ. За то счастливый видъ молодой вдовушки, ея сіяющая улыбка обличали полное блаженство. Марта поблѣднѣла, точно тисками, схваченная за сердце, потомъ, немного спустя, воинственный румянецъ залилъ ея щеки...

На слѣдующій день Бетюнъ прогуливался по саду. Марта побѣжала туда. Въ первую минуту, сильно смущенная, она не находила словъ, потомъ сразу проговорила:

— Я буду вамъ благодарна, если теперь вы дадите ваше согласіе относительно господина де-ла-Жоншера.

Капитанъ вздрогнулъ, поднялъ руку, какъ бы для того, чтобы поднести къ груди, но тотчасъ же опустилъ ее стоически. Но у него, все-таки, не хватило силъ отвѣтить немедленно. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль съ тѣмъ упорствомъ, съ какимъ это дѣлается въ минуты катастрофъ. Потомъ онъ устремилъ на Марту растерянный, вопрошающій взглядъ, точно надѣясь еще, что безповоротныя слова, сказанныя дѣвушкой, могутъ утратить свое значеніе, исчезнуть куда-то. Она не хотѣла выдерживать этотъ взглядъ, показавшійся ей предательскимъ, обозлилась и проговорила:

— Ну, что же?

Онъ промолчалъ еще немного съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ...

— Такъ вдругъ?—сказалъ онъ.

Увлеченная нетерпѣніемъ, она возразила:

— Я не разсужденій у васъ прошу...

Она замолкла, испугалась. Выраженіе гнѣва пробѣжало по лицу капитана, и въ тишинѣ прозвучалъ его повелительный голосъ:

— Ступайте... отвѣтъ я дамъ потомъ.

Она не двигалась съ мѣста, дѣлая усилія еще похрабриться.

Капитанъ грубо взялъ ее за плечо. Тогда страхъ превозмогъ, она замерла въ ужасѣ передъ его могучимъ гнѣвомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ испытывала какую-то неанализируемую радость.

Бетюнъ опомнился, уже раскаивался, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и удалялся быстрыми шагами, высоко поднявши голову, подобный грозному льву пустыни, сдерживающему свою силу передъ львицей, которую онъ любитъ.

Марта смотрѣла ему въ слѣдъ, удивленная тѣмъ, что она не возмущена, а, наоборотъ, чувствуетъ даже нѣкоторое облегченіе.

Послѣ этой сцены Бетюнъ жилъ въ постоянной тревогѣ; въ первый разъ онъ почувствовалъ всю тяжесть принятыхъ на себя обязательствъ. Онъ пытался физическимъ утомленіемъ заглушить нравственныя страданія, доводилъ до изнеможенія своихъ верховыхъ лошадей, очень счастливый, если, вернувшись вечеромъ домой, могъ уснуть хоть сколько-нибудь спокойно. Онъ старался какъ можно меньше бывать дома, въ особенности въ тѣ дни, когда тамъ ждали ла-Жоншера, и съ Мартою видался только за столомъ. Немногія слова, которыми они обмѣнивались тогда, еще болѣе усиливали, по мнѣнію Бетюна, ихъ отчужденіе другъ отъ друга. Молодая дѣвушка не выказывала, впрочемъ, никакого нерасположенія къ нему, ни признака того, что она продолжаетъ сердиться. Но какое же это жалкое утѣшеніе для влюбленнаго, знающаго, что ему предпочтенъ соперникъ!

Ла-Жоншеръ неизмѣнно являлся на всѣ пріемы мадамъ Шателенъ, а поведеніе Марты въ его присутствіи продолжало быть загадочнымъ. Она относилась къ нему съ видимою симпатіей, съ удовольствіемъ говорила съ нимъ, иногда у нея вырывалось почти нѣжное слово, но не было и намека на что-нибудь положительное. Онъ, ла-Жоншеръ, терялся въ такой игрѣ, его страсть разгоралась до безумія и отнимала у него обычную его ловкость. Онъ становился робкимъ, почти наивнымъ, пропускалъ одинъ удобный случай за другимъ, обзывая себя потомъ каждый разъ дуракомъ. Такъ длиться не могло, Марта сознавала это и, въ нерѣшительности, избѣгала оставаться наединѣ съ молодымъ человѣкомъ.

Однажды, теплымъ октябрьскимъ днемъ, послѣ полудня, капитанъ заперся подъ предлогомъ работы въ своей комнатѣ, слишкомъ утомленный для того, чтобы выходить. Онъ оставилъ открытымъ окно, выходящее въ садъ, и въ изнеможеніи, съ раскрытою книгой на колѣнахъ, смотрѣлъ блуждающимъ взглядомъ на умирающую листву деревьевъ.

Онъ вздрогнулъ, снизу до него донесся говоръ двухъ голосовъ.

Онъ наклонился и увидалъ Марту съ молодымъ графомъ на порогѣ сада. Сначала это удивило Бетюна, день былъ не пріемный. Потомъ нежданное посѣщеніе встревожило капитана, какъ недобрый признакъ того, что ихъ любовь вступаетъ въ новую фазу. Они тихо удалялись отъ дома, свернули на боковую дорожку и скрылись за клумбой кустовъ. Бетюнъ всталъ съ замирающимъ сердцемъ, охваченный физическимъ волненіемъ, заставившимъ его страшно поблѣднѣть, поднявшимъ въ немъ всѣ инстинкты дикаря, неодолимую потребность кинуться слѣдомъ за противникомъ, раздавить, уничтожить его. Капитанъ очутился въ саду прежде, чѣмъ успѣлъ одуматься. Тутъ онъ остановился, немного опомнившись.

Говоръ слышался изъ-за маленькаго японскаго кіоска. Бетюнъ колебался, въ его сердцѣ происходила страшная борьба. Онъ испытывалъ неодолимое желаніе узнать, что тамъ говорится, а честь солдата возставала противъ шпіонства. Измученный противорѣчіями, прикованный къ одному мѣсту въ мрачной позѣ, онъ мало-помалу дошелъ до сдѣлокъ съ собственною совѣстью, до софистическихъ изворотовъ, и началъ напряженно прислушиваться. Разговоръ становился громче. Словъ нельзя было разобрать, но Бетюнъ явственно различалъ голоса, въ особенности голосъ Марты. Рѣзкое и жесткое выраженіе сверкнуло въ глазахъ капитана. Онъ прислонился къ дереву, и болѣзненный вздохъ вырвался изъ его груди.

Потомъ наступила реакція, энергичная и безпощадная, рѣшеніе было принято.

— Я знать хочу!

Гордость протестовала еще нѣсколько секундъ. Потомъ ему припомнилась сцена тамъ, на берегу моря. Тогда онъ тоже слѣдилъ за Мартой. Да, но съ ясно опредѣленнымъ намѣреніемъ вмѣшаться въ дѣло, поступая, притомъ, сообразно съ точно указанными обязанностями. Тогда какъ теперь!... Что же въ этомъ дурного, однако? Не нужно развѣ ему знать доподлинно, чтобъ оградить себя, по крайней мѣрѣ, отъ смѣшного положенія надѣющагося человѣка и отъ всего, что изъ этого можетъ послѣдовать? Если онъ будетъ знать, если убѣдится въ томъ, что Марта любитъ ла-Жонпера,—ну, что-жъ?—тогда у него достанетъ силы справиться съ своею любовью. А такъ какъ все, что онъ услышитъ, будетъ навсегда погребено въ его душѣ, то кому же какое дѣло до этого?

Онъ зорко осмотрѣлся кругомъ. Никого. Въ маленькомъ кіоскѣ была только одна дверь, отворенная съ его стороны, противуположной тому мѣсту, гдѣ были Марта и Ла-Жонпсръ. Крадучись, едва ступая, капитанъ добрался до кіоска и вошелъ въ него. У двери

была задвижка. Очень медленно, очень осторожно, онъ задвинулъ ее. Запершись, онъ вздохнулъ свободнѣе, но его сердце, все-таки, продолжало мучительно биться, и это сердцебіеніе душило его, оглушало.

Узкая полоска свѣта передъ нимъ обличала щель въ стѣнѣ. Бетюнъ припалъ къ ней глазомъ: они были тутъ! Ла-Жоншеръ, стоя, прислонившись къ дереву, говорилъ очень серьезнымъ тономъ съ Мартой, сидѣвшей на маленькой каменной скамейкѣ, подернутой сѣрымъ мохомъ. Молодая дѣвушка была совершенно спокойна; ея собесѣдникъ, казавшійся немного нервнымъ, говорилъ о предметахъ вполнѣ безразличныхъ. Она отвѣчала разсѣянно. Ничто въ ихъ положеніи не давало повода къ предположенію о томъ, что они любятъ другъ друга, что со стороны Марты было дано какое-нибудь обѣщаніе или сдѣлано серьезное признаніе. По всей вѣроятности, ла-Жоншеръ за нѣсколько мѣсяцевъ ихъ знакомства не рѣдко говорилъ о любви, но сомнѣнія не могло быть въ томъ, что Марта ничего еще не отвѣтила на его признанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ капитанъ и, приготовившись къ величайшему горю, опьянѣлъ отъ такой увѣренности, ликовалъ всѣмъ существомъ своимъ.

Онъ продолжалъ слушать. Разговоръ тянулся на нейтральной почвѣ, прерываемый короткими молчаніями, и начиналъ даже интересовать Бетюна, на прояснившемся лицѣ котораго блуждала довольная улыбка. А! какъ легко ему было, какъ счастливо онъ ошибся! Нѣтъ, нисколько не раскаивался онъ въ томъ, что пришелъ сюда!...

Вдругъ онъ затрепеталъ весь, его руки задрожали. Онъ увидалъ, что ла-Жоншеръ приближается къ Мартѣ, разслышалъ взволнованный голосъ графа. Онъ говорилъ:

— Вы удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ вниманія?

Марта утвердительно кивнула головой.

— И не погнѣваетесь на меня, не будете прерывать, если мои слова не понравятся вамъ?

— Да.

Онъ пристально смотрѣлъ на нее. Ея лицо оставалось неподвижнымъ, точно мраморное.

Капитанъ, затаивши дыханіе, судорожно схватившись руками за деревянную спинку стула, напрягалъ слухъ и, все-таки, слышалъ неясно,—такой шумъ стоялъ въ его ушахъ.

— Выслушайте меня,—продолжалъ графъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ,—и простите, если, подъ вліяніемъ волненія, я не

сумѣю хорошо выразить того, что я чувствую... Съ перваго раза, когда я увидалъ васъ... Это было раннимъ утромъ на берегу моря... Съ этого раза вашъ образъ не покидалъ меня ни на минуту... ни днемъ, ни ночью... Я пытался избѣгать васъ послѣ первыхъ встрѣчъ. Твердо рѣшилъ поступить такъ... Рѣшилъ потому, что, признаюсь, не въ моихъ привычкахъ были продолжительныя увлеченія, соединенныя съ тяжелыми страданіями.

Онъ волновался и путался; понявши вдругъ, до чего глупо распространяться передъ молодою дѣвушкой о любовныхъ подвигахъ, онъ сразу оборвалъ разъясненія и вернулся къ признанію:

— Борьба была долгая и мучительная. Я оказался побѣжденнымъ... а вы побѣдительницей вошли въ мое сердце. Мои попытки сопротивленія дѣлали васъ только еще привлекательнѣе. Вашъ дивный образъ неотступно преслѣдовалъ меня. Въ особенности же я былъ окончательно очарованъ, когда встрѣтилъ васъ въ паркѣ Делонэ. Въ живописномъ овражкѣ вы пили изъ ручья, подобная богинѣ той мѣстности... сіяющая красотой, способной плѣнить ангела...

Несмотря на неподдѣльное волненіе, графъ тщательно слѣдилъ за своею дикціей, говорилъ гармоническимъ голосомъ, и близкій къ отчаянію капитанъ завидывалъ такому мастерству ловителя женскихъ сердецъ. Марта оставалась, однако, неподвижною и невозмутимою. Ея глаза были устремлены вдаль, на сосѣдніе сады, на высокіе платаны, позолоченные солнцемъ.

— Мы возвращались подъ зелеными буками, — говорилъ ла-Жоншеръ,—и мало-по-малу въ вашихъ словахъ стала проскальзывать нѣкоторая задушевность. Вы говорили мнѣ о вашей прошлой жизни... о томъ, что вамъ не достаетъ симпатій... О, вы никогда не узнаете, съ какою жадностью я слушалъ вашъ голосъ, съ какою страстью я упивался вашими словами, въ которыхъ вы до нѣкоторой степени раскрывали передо мною ваше сердце!... Но съ той поры,—увы!—мы уже никогда не оставались наединѣ болѣе, чѣмъ на нѣсколько короткихъ минутъ... и вы смѣялись надъ моими признаніями...

Марта, наконецъ, взглянула на молодого человѣка, и тѣнь нѣжности мелькнула въ ея бархатныхъ глазахъ. Изощренный опытомъ, онъ уловилъ моментъ, взялъ руку молодой дѣвушки и, склонившись на одно колѣно, припалъ къ ней горячимъ лбомъ. Марта не отняла руки. Тишина была невозмутимая, ни одна вѣтка не шевелилась, казалось вся жизнь замерла вокругъ нихъ.

— Марта,—заговорилъ опять ла-Жоншеръ, болѣе тихимъ го-

лосомъ,—вы не хотите полюбить меня... скажите хоть слово... Если бы вы знали, какъ я обожаю васъ... Этого я никогда не въ состояніи буду выразить. Все, что я любилъ, чѣмъ восхищался, за чѣмъ стремился въ моей жизни, ничто для меня теперь. Все на васъ одной сосредоточилось! Никакая сила не можетъ вырвать васъ изъ моего сердца... Скажите одно слово... ободрите меня!

Марта не отвѣчала, задумчивая, колеблющаяся. Ла-Жоншеръ ждалъ въ униженной и молящей позѣ, въ то время, какъ капитанъ, схватившись обѣими руками за виски, едва сдерживалъ вопль гнѣва и страха.

— Вы молчите!—еще тише говорилъ графъ.—Вы не хотите полюбить меня, Марта... О! прошу васъ, одно слово... только одно... Сжальтесь надо мной!

Молодая дѣвушка положила руку на плечо ла-Жоншера и боязливо сказала:

— Что же вы хотите, чтобы я вамъ отвѣтила?

Графъ видѣлъ, что она взволнована, что наступаетъ минута слабости, когда женская натура готова утратить способность къ сопротивленію, и сталъ покрывать поцѣлуями ея руку, мало-помалу доходя выше кисти. Капитанъ закрывалъ глаза въ ужасѣ отъ ожиданія поцѣлуя, которымъ они обмѣняются. Но Марта преодолѣла волненіе, слегка отстранила графа и сказала съ полу-улыбкой:

— Видите ли, и я, въ свою очередь, хотѣла бы предложить вамъ одинъ вопросъ. Вы говорите, что любите меня... значитъ ли это, что вы просите меня сдѣлаться вашею подругой?

Онъ колебался нѣсколько секундъ, —все его прошлое, побѣдителя сердецъ, загораживало путь его отвѣту,—потомъ, увлеченный прелестью молодой дѣвушки, готовой отдаться ему, онъ воскликнулъ:

— Неужели вы сомнѣвались въ этомъ?

Она встала, къ ней вернулось все ея спокойствіе, и отвѣтила:

— Да, я сомнѣвалась... И сами вы не колебались развѣ?

Онъ сдѣлалъ знакъ отрицанія, заговорилъ что-то безсвязное. Она улыбнулась и сказала:

— Я не знаю... по правдѣ говорю, не знаю. Дайте мнѣ нѣсколько дней подумать.

— Стало быть, я не нравлюсь вамъ?

— Нѣтъ, нравитесь. Только я сама не знаю навѣрное, какъ вы мнѣ нравитесь!

Ла-Жоншеръ смотрѣлъ на нее, удивленный такимъ, ничего нерѣшающимъ, эпилогомъ. Молодая дѣвушка стояла у каменной

скамьи и показалась графу выше ростомъ, чѣмъ прежде, какою-то особенно значительною, волшебно соблазнительною въ темномъ бархатномъ платьѣ, изъ котораго рѣзко выдѣлялась ея бѣлая шея. Низко склонившаяся вѣтка дерева почти касалась темныхъ волосъ Марты, точно составляла дополненіе къ ея туалету, полу-тѣнь сада придавала особенный блескъ ея глазамъ. Приниженный молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее взоромъ, полнымъ желаній, а также затаенной жажды отплаты.

— Пойдемте,—сказала Марта,—всѣхъ должно удивлять наше отсутствіе.

Они удалились. Капитанъ вышелъ тогда изъ японской бесѣдки. Его голова пылала, опьяненіе заволакивало его глаза. То было уже не отчаяніе, не упадокъ духа, а полный возвратъ къ надеждѣ и къ борьбѣ. Онъ принялся ходить бодрымъ шагомъ, мысли такъ и кипѣли въ мозгу. Марта, представлявшаяся столь далекою въ послѣднее время, оказывалась ближе, чѣмъ онъ думалъ. Къ его любви къ ней присоединилось особенное уваженіе, внушенное ея послѣдними фразами, сказанными ловцу женщинъ. Бетюнъ находилъ, что дѣвушка одарена удивительнымъ здравымъ смысломъ.

Спустя неизвѣстно сколько времени, капитанъ вернулся въ свою комнату и, подъ предлогомъ нездоровья, не пошелъ къ общему обѣду, охваченный внезапною жаждой уединенія и тишины. Усѣвшись въ темный уголъ, онъ принялся строить планы. Теперь онъ станетъ бороться рѣшительно, уже не скрывая своей любви. Быть можетъ, его ждетъ неудача, но пока возможна побѣда, онъ не поддастся отчаянью. Марта любитъ тѣхъ, кто всецѣло ей отдается,—и прекрасно, онъ отдается ей весь, ногами растопчетъ мелкое самолюбіе! И онъ признаетъ отнынѣ равноправность женщины: она иначе вооружена для жизненной битвы, но оружіе женщины равносильно оружію мужчины.

Проходили часы. Пылъ оптимизма началъ охладѣвать. Мрачное безпокойство стѣснило грудь капитана, онъ уже находилъ смѣшною свою претензію на любовь молодой дѣвушки, а любовь Марты ставилъ выше всего на свѣтѣ. Никогда не овладѣть ему ея сердцемъ. И ему припомнился образъ графа, казавшагося ничтожнымъ такъ недавно. На самомъ дѣлѣ, отказала ли ему Марта? Самое большое, что она отсрочила свой отвѣтъ на нѣкоторое время! Кто же поручится за то, что она поступила такъ не изъ простого женскаго кокетства? При этой мысли холодъ охватилъ душу Бетюна.

Капитанъ всталъ, посмотрѣлъ на часы, при блѣдномъ свѣтѣ, проникавшемъ въ окно комнаты. Было два часа ночи. Молодому че-

ловѣку спать не хотѣлось. Онъ открылъ окно и высунулся въ него.

Луна плыла высоко надъ деревьями. Вдали виднѣлась башня, точно голубоватый обелискъ, и повсюду на необъятномъ пространствѣ царилъ глубокій, счастливый сонъ, разлита была дивная красота. Временами легкій вѣтерокъ порывами пробѣгалъ по листьямъ слабымъ трепетомъ, напоминавшимъ шелестъ шелковой ткани.

Огромное желаніе воспламенило кровь молодого человѣка. Идти такою ночью съ нею по дремлющему парку, по бѣлымъ дорожкамъ, залитымъ луннымъ свѣтомъ. Можетъ ли въ мірѣ что сравниться съ этимъ! И Марта проносилась въ его воображеніи въ нѣжныхъ позахъ, то вечеромъ, то утромъ, среди восхитительныхъ пейзажей. Казалось, весь міръ полонъ ею. А какъ хороша была бы жизнь вмѣстѣ съ нею, подъ очарованіемъ ея красоты... И вдругъ оглушаемый шумомъ бьющихся артерій, онъ увидалъ ее матерью, окруженною бѣлокурыми головками, серебристымъ смѣхомъ дѣтей, бѣгущихъ навстрѣчу отцу... Отецъ—онъ, Бетюнъ!

— О, блаженство!—крикнулъ онъ.

По низамъ расползался туманъ, заволакивалъ блѣдную лазурь неба, поднимался все выше и гасилъ звѣзды, мерцающія въ безконечности.

Дается же другимъ такое счастье,—думалъ капитанъ.—Почему же не ему? Но, съ неизмѣннымъ отрицаніемъ слишкомъ возбужденныхъ чувствъ, онъ рѣзко пожалъ плечами. Онъ уже не допускалъ, чтобы другія женщины могли обладать прелестью Марты. Всѣ его попытки представить себѣ равную ей не приводили ни къ чему.

— Есть же, однако, другія!—прошепталъ онъ, дѣтски наивно.

Издали смутно доносился шумъ просыпающагося Парижа. Телѣги, сначала рѣдкія, потомъ болѣе многочисленныя, застучали по мостовой улицъ. Постепенно сильное утомленіе овладѣло капитаномъ, его мысли утрачивали ясность. Но и въ этой усталости милый образъ оставался центромъ его впечатлѣній, и Бетюнъ, лежа, полусонный, опять отдавался неопредѣленному оптимизму, улыбался мечтѣ о счастьи.

XIII.

Былъ конецъ октября. Въ теченіе нѣсколькихъ дней дулъ холодный вѣтеръ, нагонявшій непрерывный дождь. Сквозь его туманную сѣтку нельзя было замѣтить, какъ опадали листья. Теперь, когда небо прояснилось, при желтоватомъ свѣтѣ солнца, глазамъ

представлялся совсѣмъ унылый видъ. Наружи были оголенные сучья и вѣтви деревьевъ, пестрившіе небо причудливыми темными узорами. Тѣни не было на землѣ, покрытой толстымъ ковромъ листьевъ, шелестившихъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, и садъ, недавно казавшійся большимъ въ своей таинственной густотѣ, былъ теперь виденъ до мельчайшихъ подробностей, красивый, но печальный. Листья катились испуганными стадами, прибивались къ краямъ дорожекъ, лежали валами на ихъ подвѣтренной сторонѣ.

Глубокою, долгою грустью вѣяло отъ этого пейзажа, въ которомъ преобладали темные, хотя и нѣжные, поблеклые тоны. Мечты Марты становились съ каждымъ днемъ все болѣе меланхолическими, къ большому огорченію мадамъ Шателенъ. Бетюнъ, попрежнему, мало бывалъ дома. Что-то тоскливое и томительное, точно кошмаръ, захватило этотъ домъ, гдѣ бывало такъ весело.

Это отразилось даже на Барду, какъ ни былъ онъ занятъ сооруженіемъ новаго боевого аппарата. Изобрѣтатель порѣшилъ перейти отъ теоріи къ практическому дѣлу, при содѣйствіи пріятеля, микроцефала, приходившаго аккуратно помогать ему. Оба охвачены были энтузіазмомъ, горѣли нетерпѣніемъ. Предстояло сооруженіе змѣя такихъ колоссальныхъ размѣровъ, чтобы можно было къ его хвосту привязать корзину и въ нее посадить развѣдчика или стрѣлка, смотря по обстоятельствамъ. Когда былъ изготовленъ деревянный остовъ змѣя, оба инженера храбро оклеили его бумагой и безлунною ночью, въ большой тайнѣ,—изъ опасенія прусскихъ шпіоновъ,—приступили къ опытамъ. Барду держалъ въ рукахъ мотокъ толстой бичевы, микроцефалъ неустрашимо усѣлся въ корзину. Барду пустился бѣжать въ надеждѣ поднять на воздухъ аппаратъ и человѣка, но его усилія привели лишь къ тому, что бумага разорвалась и переломилась одна изъ перекладинъ остова. Неудача не обезкуражила ихъ, однако, и добрые товарищи порѣшили бумагу замѣнить полотномъ, увеличить размѣры и прочность остова. Только на это требовался маленькій капиталъ. Мадамъ Шателенъ охотно дала его, и Барду опять принялся за работу.

Вскорѣ здоровье Марты, повидимому, разстроилось, въ нѣсколько дней она замѣтно измѣнилась, поблѣднѣла, въ глазахъ появился лихорадочный блескъ. Капитанъ изнывалъ отъ страха, при мысли, что она можетъ умереть. Къ этому присоединились другія тревоги: ему казалось, будто дѣлается что-то въ тайнѣ отъ него,— обѣ женщины о чемъ-то по долгу говорятъ, мадамъ Шателенъ держитъ себя какъ-то странно. Разъ Марта встала изъ-за стола до окончанія обѣда и ушла въ свою комнату, точно желая оста-

вить капитана вдвоемъ съ теткой, чтобъ имъ удобнѣе было объясниться.

— Марта уѣзжаетъ завтра,—сообщила мадамъ Шателенъ.

— Уѣзжаетъ?... Куда?—проговорилъ ошеломленный Бетюнъ.

Мадамъ Шателенъ подала ему письмо, которое онъ развернулъ съ замирающимъ отъ ужаса сердцемъ. Написано оно было не твердымъ, но четкимъ почеркомъ, почеркомъ лица духовнаго, на старинной сѣроватой бумагѣ.

«Дорогое мое дитя!

«Я всегда очень радъ буду повидать васъ опять и смиренно преподать вамъ религіозныя утѣшенія стараго священника, имѣющаго, вмѣсто краснорѣчія, только вѣру въ Господа Бога и любовь къ ближнему. Но самымъ лучшимъ врачеваніемъ горестей вашихъ будутъ добрыя дѣла, которыя вы дѣлали черезъ мое посредство, и благословенія бѣдняковъ, молитвы которыхъ всесильны передъ Отцомъ нашимъ небеснымъ.

Франсуа Клодъ,
священникъ въ Сенъ-Серве».

Сквозь волненіе, вызванное этимъ письмомъ, Бетюнъ чувствовалъ приливъ возрождающейся жизни. Въ свою очередь капитанъ вышелъ изъ комнаты и за столомъ осталась одна мадамъ Шателенъ, улыбающаяся, немного растерянная и восхищенная тайной, которую ей удалось открыть!

XIV.

Ноябрьскимъ утромъ Марта сидѣла въ своемъ маленькомъ салонѣ въ Ольнахъ. Вдали все, насколько глазъ хваталъ, было покрыто сверкающимъ снѣгомъ. Ювелиръ сезона изукрасилъ чеканкой изъ чистаго серебра деревья, крыши хижинъ, холмы, тянущіеся на горизонтѣ. Марта прислушивалась къ шуму вѣтра, гудѣвшаго въ саду и въ трубахъ. Ея грусть была настолько глубока и такъ мало было надежды на развлеченіе, что молодая дѣвушка не думала выходить, чтобы сдѣлать свои обычные, ежедневные визиты священнику и своимъ бѣднымъ. Въ ея душѣ какъ бы слышался тихій шепотъ драмы,—драмы ея жизни, сложившейся изъ рѣзкихъ антитезъ, припоминалась вся исторія ея сердца. Марта переживала свой страхъ передъ Бетюномъ, свой отказъ отъ исполненія даннаго слова, сезонъ на морѣ, знакомство съ ла-Жоншеромъ, парижскіе флирты. Гдѣ же конецъ всему? День за день и неуклонно не шла ли она къ тому, отъ чего отказалась когда-то? Ея мечущійся изъ

стороны въ сторону капризъ, ненавидящій всякія узы, не подводилъ ли ее добровольно къ первой цѣпи? Или, вѣрнѣе, ея женская душа не хотѣла ли борьбы только для того, чтобъ окончательно закрѣпить желаніе?

Марта встала, тихо прошлась по старому ковру изъ медвѣжьихъ шкуръ. Ея логика очень тонко опредѣляла смыслъ ея судьбы и доказывала, что, быть-можетъ, счастье утрачено потому, что она не хотѣла взять его, когда оно само давалось въ руки. Такъ ли это, однако? Развѣ все непоправимо? И она вспомнила свою послѣднюю сцену съ Бетюномъ, его блѣдное лицо и его рѣзкое движеніе, когда онъ приказалъ ей удалиться. Но потомъ онъ позволилъ принимать ла-Жоншера, самъ отстранился, и, конечно, его гордость оскорблена настолько, что онъ уже никогда не вернется. И въ быстрой смѣнѣ картинъ Марта увидала всѣ удары, которые были ею нанесены Бетюну: отказъ ему, сцену предупрежденнаго имъ свиданія, ея требованіе принять ненавистнаго ему соперника. И она созналась, что поступала жестоко, непростительно. О! никогда уже онъ не рискнетъ сдѣлать хотя одинъ шагъ для сближенія съ нею. Еслибъ онъ даже обожалъ ее, и тогда она должна представляться ему похожею на то дерево, тѣнь котораго отравляетъ человѣка. Она оттолкнула его навсегда.

— Навсегда! — вслухъ повторила Марта.

Она подошла къ камину и опустилась въ кресло. Дрова догорали и разсыпались въ мелкіе угли. Блѣдные тоны пепла, красныя и оранжевыя вспышки огня, чернѣющія головни — все это представляло яркую и знакомую картину, въ которой Марта видѣла, по произволу фантазіи, то кузнечный горнъ, то пожаръ, то дворцы арабской сказки, построенные изъ рубиновъ и карбункуловъ, то Везувій, уставшій выкидывать лаву. Въ особенности же молодая дѣвушка видѣла вѣчную исторію жизни, которая сверкаетъ и блещетъ, потомъ тускнѣетъ, видѣла пламенныя надежды, которыя въ концѣ-концовъ превращаются въ сѣрый пепелъ, еще теплый, но уже угасшій. Пристальное смотрѣніе на огонь утомило ее. Она полузакрыла глаза и долго сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, представляющемъ собою нѣчто среднее между сномъ и бодрствованіемъ, когда внѣшній міръ какъ бы исчезаетъ и, все-таки, остается смутное сознаніе дѣйствительности, перемѣшивающееся съ безсвязными мыслями.

Раздавшійся внизу звонокъ заставилъ Марту сразу очнуться.

— Кто бы это могъ быть? — спрашивала она себя. — Священникъ?... Разносчикъ писемъ?...

Быть-можетъ, письмо. Марта не дошла до той степени безучастія къ жизни, когда уже не вздрагиваютъ при полученіи писемъ, хорошенькихъ листковъ бумаги, вносящихъ оживленіе, непредвидѣнные, маленькіе романы въ самыя монотонныя существованія. Между тѣмъ, слуга отперъ дверь, послышался разговоръ, невнятный. Минуту спустя, тотъ же слуга вошелъ и подалъ хозяйкѣ визитную карточку. Марта взглянула на нее и начала дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Просите,— проговорила молодая дѣвушка.

На порогѣ комнаты появился капитанъ Бетюнъ въ дорожной шубѣ. Марта и онъ съ минуту, молча, смотрѣли другъ на друга, дѣлая совершенно ошибочныя предположенія одинъ о другомъ.

— Добро пожаловать,— сказала, наконецъ, дѣвушка.

Взглядъ, который она подняла на Бетюна, показался ему вопросительнымъ, и капитанъ заговорилъ:

— Я пріѣхалъ повидать васъ... чтобы выяснить нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся вашихъ имущественныхъ интересовъ. Сдѣлать это письменно было бы довольно затруднительно... хотя все устроилось къ вашей выгодѣ.

Марта сдѣлала равнодушный жестъ и сказала:

— Вы озябли, вѣроятно. Садитесь къ камину...

Когда Бетюнъ снялъ шубу и сѣлъ, наступило опять молчаніе, то тяжелое молчаніе, которое иногда удручаетъ людей, чьи общественныя или личныя отношенія настолько же важны, насколько слаба ихъ задушевная короткость.

— Вы завтракали?— спросила, наконецъ, Марта.

— Да, въ Лошѣ.

Она осталась этимъ недовольна, такъ какъ маленькія хлопоты, сопряженныя съ угощеніемъ, были бы, все-таки, нѣкоторымъ препровожденіемъ времени. Марта освѣдомилась о мадамъ Шателенъ.

— Вашъ отъѣздъ очень опечалилъ ее,—отвѣтилъ капитанъ.— Она васъ искренно любитъ... и безъ васъ вечера кажутся ей необыкновенно долгими и убійственно скучными. Я боюсь, что скоро они сдѣлаются для нее еще болѣе долгими и болѣе печальными!

— Почему?— спросила Марта.

— Я покидаю Парижъ,— отвѣталъ капитанъ,— уѣзжаю въ Бельфоръ... Я произведенъ въ слѣдующій чинъ... и это одна изъ причинъ, побудившихъ меня сюда пріѣхать.

Онъ грустно смотрѣлъ на каминъ и продолжалъ:

— Быть-можетъ, теперь, когда меня тамъ не будетъ, вамъ доставитъ удовольствіе проводить отъ времени до времени нѣсколько недѣль въ Парижѣ... Печально это одиночество, дитя мое, въ об-

ществѣ стараго священника въ качествѣ единственнаго собесѣдника и совѣтника...

— Но, капитанъ...—начала было она, чувствуя, какъ сжимается ея сердце.

Слова, которыми она хотѣла бы выразить свое сожалѣніе о происходившихъ между ними сценахъ, не приходили на языкъ, и говорить продолжалъ Бетюнъ:

— Милое дитя мое, еще разъ прошу васъ простить меня за тѣ недоразумѣнія, которыя были между нами и которыя я могъ бы предупредить, еслибы былъ немного болѣе проницательнымъ... если только во мнѣ самомъ нѣтъ ничего вамъ антипатичнаго...

Марта сдѣлала энергическій жестъ отрицанія, хотѣла возражать.

— О, я знаю...—воскликнулъ капитанъ:—вы не хотите обидѣть меня... Но самъ-то себя я умѣю цѣнить по достоинству, дитя мое...

Онъ опустилъ голову, удрученный. Кровь прилила къ щекамъ Марты, и у молодой дѣвушки достало смѣлости сказать:

— О, еслибы вы знали, какъ вы ошибаетесь! Еслибы вы знали, какъ я сожалѣю о моихъ поступкахъ съ вами!...

Бетюнъ поднялъ голову, удивленный, и взглянулъ ей прямо въ глаза. Никогда не казалась она ему такою очаровательной, какъ въ эту минуту, въ полусумракѣ зимняго утра. Но онъ не имѣлъ самонадѣянности видѣть въ ея словахъ что-либо большее, чѣмъ простое выраженіе дружбы.

— Слышать это доставляетъ мнѣ огромную радость, — отвѣтилъ онъ,—и даетъ смѣлость настаивать на томъ, чтобы вы уѣхали изъ Ольнъ и вернулись бы въ Парижъ.

Съ тоскою въ сердцѣ она увидала отдѣляющее ихъ другъ отъ друга разстояніе. Ей страшно стало того, что, послѣ отъѣзда Бетюна, при его рѣдкихъ появленіяхъ въ Парижѣ, разлука ихъ сдѣлается уже непоправимой. Тонкій инстинктъ женщины давалъ понять Мартѣ всю важность настоящаго дня и то, что любовь не угасла въ сердцѣ капитана. Но что же сказать ему, однако, что же дѣлать? Какимъ окольнымъ путемъ и съ соблюденіемъ приличной скромности навести разговоръ на то, что было ей желательно? А Бетюнъ съ наслажденіемъ, оттѣненнымъ грустью, хватался опять за свою надежду, разбитую внезапнымъ отъѣздомъ Марты, сожалѣя о необходимости своего скораго удаленія въ Бельфоръ.

— Капитанъ,—сказала, наконецъ, молодая дѣвушка,—я исполню ваше желаніе, вернусь въ Парижъ и буду даже благодарна вамъ, если вы меня отвезете туда...

Тонъ просьбы и ласки, прозвучавшій въ этой фразѣ, заставилъ вздрогнуть молодого человѣка. Тѣмъ не менѣе, онъ не осмѣливался высказать свои мысли, сдерживалъ себя, строго слѣдилъ за собой и отвѣтилъ просто:

— Я сдѣлаю такъ, какъ вамъ угодно.

— О, благодарю!—воскликнула Марта.

Ея глаза были устремлены на капитана съ выраженіемъ нѣжности, почти покорности. Робко, точно заря на темномъ небѣ, надежда загаралась въ сердцѣ молодого человѣка, въ немъ опять проснулся инстинктъ борьбы, и, насторожившись всѣмъ существомъ своимъ, трепеща всѣми нервами, онъ готовился къ невѣдомому счастью или къ новому разочарованію.

— Какъ тяжело мнѣ, милая Марта, — заговорилъ Бетюнъ, — что я не могу заслужить вашу благодарность какимъ-нибудь истиннымъ доказательствомъ моей преданности... и увѣрить васъ разъ навсегда, что вы имѣете лучшаго друга во мнѣ, давшемъ клятву оберегать васъ тому, кого уже нѣтъ въ живыхъ!... И это не пустыя слова!

— Я знаю это!—отвѣтила она.

Слегка откинувшись къ спинкѣ кресла, она продолжала отъ времени до времени взглядывать на Бетюна, и ея скромный взоръ, и ея серьезная улыбка дополняли то, что не было высказано словами. Помолчавши немного, молодая дѣвушка спросила:

— Вы счастливы тѣмъ, что уѣзжаете въ Бельфоръ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Бетюнъ.

И, сильно поблѣднѣвши, чувствуя наступленіе рѣшительной минуты, онъ прошепталъ:

— Никогда я не буду счастливъ... никогда!

Она поколебалась немного, потомъ смѣло спросила:

— Почему же?

— А!—тихо заговорилъ Бетюнъ.—Вы сами знаете, почему... лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстна вамъ моя чудная мечта, отлетѣвшая... увы! по моей большой винѣ, быть можетъ.

— Нѣтъ, — возразила Марта въ полголоса, — по *моей* очень большой винѣ.

Обоимъ ясно было, что такая минута никогда не повторится. Но прежде, чѣмъ сказано было послѣднее слово, ужасъ охватилъ Бетюна, подступило жестокое сомнѣніе, оправдываемое столькими ошибками въ разсчетахъ. Молча, съ тревожно бьющимся сердцемъ, онъ отвернулся, собираясь съ духомъ, сознавая, что ставитъ, такъ

сказать, на карту свою судьбу. Рѣшившись, наконецъ, блѣдный, какъ полотно, онъ заговорилъ:

— Виноватъ одинъ я, Марта... виноватъ тѣмъ, что въ область нравственную вносилъ принципы, приложимые только къ соціальнымъ массамъ и къ роковымъ столкновеніямъ... Я печалилъ васъ и пугалъ суровостью философской мысли, несовмѣстимой съ нѣжностью семейной жизни... И вполнѣ справедливо, что я несу за то кару. Но если можетъ оставаться для меня хотя малѣйшая надежда, если сердце ваше свободно... я жизнь свою отдамъ... я подчинюсь годамъ испытанія, чтобъ имѣть возможность назвать васъ моею... Но зачѣмъ говорить о невозможномъ?

Марта наклонилась къ нему и едва слышно прошептала:

— Это не невозможно!

— Умоляю васъ,—воскликнулъ Бетюнъ въ страшномъ волненіи,— не подавайте мнѣ обманчивыхъ надеждъ... не заставляйте страдать больше, чѣмъ я уже страдалъ... Марта, возможно это?

— Да!—сказала она тихо.

Бетюнъ дрожалъ, вся кровь прилила къ его сердцу, онъ шепталъ безсвязныя слова:

— О, какое счастье!... Какъ счастливъ!... Такъ вы любите меня немного?

— Я люблю васъ,—отвѣтила Марта серьезно,—я давно васъ люблю!

А наружи мелкія и безчисленныя снѣжинки кружились, носимыя сѣвернымъ вѣтромъ, и блестящимъ уборомъ несравнимой чистоты украшали печальную землю.

М. Р.

---

* * *

Въ березовой рощѣ, душистой весной
Фіалка и ландышъ росли;
Они появились съ одною зарей,
Съ одною зарей расцвѣли;
Они умывались одною росой,
Ласкали ихъ вѣтры одни,
И въ холодъ, и въ бурю, и въ солнечный зной
Другъ друга любили они...
Въ березовой рощѣ ихъ больше ужъ нѣтъ,—
Ихъ злая рука сорвала.
Фіалка и ландышъ попали въ букетъ,
Который мнѣ Нелли дала.
Букетъ былъ оставленъ въ саду на скамьѣ,
Мы сѣли на ней отдохнуть...
Фіалка попала въ петличку ко мнѣ,
А ландышъ на Неллину грудь...
Мы нѣжно любили, мы были одни...
И вновь повстрѣчались цвѣты,
У нашихъ сердецъ повстрѣчались они,
Когда потемнѣли кусты.
Какимъ ароматомъ дышали они!
Въ какомъ забытьи, наконецъ,
Съ послѣднею лаской завяли они,
Завяли у нашихъ сердецъ!

В. Голиковъ.

Крестьяне въ Венгріи до реформы Іосифа II *).

III.

Итакъ, лишенное всѣхъ гражданскихъ правъ крестьянство, прежніе свободные и полусвободные члены котораго были теперь уравнены общимъ рабствомъ, перестало даже считаться частью народа **). Права были отняты всѣ; что же касается до обязанностей, то въ эту пору на крестьянство была возложена новая тяжелая повинность, стоявшая въ тѣсной связи съ измѣнившейся системой ополченія. До того времени (т.-е. до 1526 года) крестьяне, если поступали въ ряды войска, то только какъ принадлежность помѣщика (Zugehör), обязаннаго пожертвовать для отечества въ минуту необходимости частью своего имущества,—значитъ, *въ томъ числѣ,* и частью крестьянъ; но послѣднимъ не вмѣнялось въ личную обязанность являться къ набору въ опредѣленный срокъ и записываться въ ряды защитниковъ государства и самобытнаго существованія націи, членами которой законъ ихъ не признавалъ. Теперь же, черезъ 12 лѣтъ послѣ того, какъ крестьяне и ихъ потомки торжественно были осуждены на вѣчное рабство, ракочскій рейхстагъ призвалъ крестьянъ, *какъ сословіе,* къ непремѣнному отбыванію военной службы ***). Конечно, люди эти не могли чувствовать любви къ родинѣ, бывшей для нихъ, по выраженію Горвата, мачихой, и страшное могачское пораженіе, между многимъ прочимъ, объясняется и апатіей, проявленной большинствомъ венгерской арміи въ трудную минуту для безжалостнаго къ этому большинству государства. Крестьяне, подавленные не-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

**) Tripartitum. II Pars, Tit. 4. Nomine et appellatione populi hoc loco intellige *solummodo:* Praelatos, Barones et alios Magnates atque quoslibet Nobiles, *sed non ignobiles.*

***) Ludovici II Regis Decret VII, Campi Rácos A. 1526, Artic. 10: Rustici universi per singula capita parati esse debeant et si extrema necessitas postulaverit ac Majestas regia mandaverit per singula capita. Vel si Majestas sua voluerit quinta eorum pars bene armata insurgere et ad loca per Majestatem suam deputanda convenire debeant et teneantur. Per singula tamen capita rustici non leventur, nisi in extrema necessitate.

посильными тяготами, которыя возлагали на нихъ Grundherr'ы и правительство, не увидѣли перемѣны въ своемъ положенiи до самаго царствованiя Марiи-Терезiи. Я попытаюсь въ этой главѣ сначала указать на тѣ незначительныя по своимъ слѣдствiямъ событiя, которыя имѣли мѣсто въ этотъ перiодъ въ исторiи венгерскаго крестьянства, а затѣмъ—на нѣкоторыя проявленiя протеста короны противъ помѣщичьихъ насилiй,—протеста, отличавшаго Габсбурговъ начиная съ перваго же представителя ихъ на престолѣ св. Стефана.

Изъ частичныхъ вспышекъ, происходившихъ въ указанную эпоху, заслуживаетъ упоминовенiя одна, случившаяся въ 1572 году. Въ самомъ концѣ этого года къ императору Максимилiану явились ходоки отъ крестьянъ помѣстiй Самчедвары и Стубицы *), принадлежавшихъ одному изъ знатнѣйшихъ магнатовъ Славонiи, Францу Таги (Franz Tahy). Они принесли императору самыя горькiя жалобы на насилiя, которыя терпятъ отъ своего господина. Максимилiанъ послалъ для болѣе близкаго разслѣдованiя дѣла и удовлетворенiя обиженныхъ крестьянъ Веспримскаго епископа Стефана Фейеркови и еще нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ. Уполномоченные прибыли какъ разъ къ тому времени, когда Landstände собрались въ Аграмѣ и, вмѣсто того, чтобы самимъ отправиться въ имѣнiя Таги и на мѣстѣ собрать требуемыя свѣдѣнiя, императорскiе посланные велѣли вызвать въ Аграмъ крестьянъ, приносившихъ жалобу императору. Когда тѣ явились, имъ было прочитано наставленiе объ обязанностяхъ по отношенiю къ помѣщику и, въ заключенiе, приказано было, отъ имени императора, подчиняться и повиноваться помѣщику (Unterwerfung ung gehorsam). Крестьяне послѣ этого подали письменное заявленiе, въ которомъ объясняли, что ихъ жалобы уже давно разсмотрѣны императоромъ, найдены основательными, и что уполномоченнымъ нужно только привести въ исполненiе приговоръ, а не разсматривать дѣла вновь по существу; что поэтому они, крестьяне, Франца Таги своимъ господиномъ не признаютъ и ни ему, ни его потомкамъ повиноваться не намѣрены, но охотно подчинятся во всемъ волѣ монарха или того, кто будетъ имъ назначенъ. Но тутъ все дѣло перешло почему-то въ число очередныхъ вопросовъ, которые должны были разсматриваться собравшимся Landstände. Ясно, что ничего хорошаго не могли ожидать крестьяне отъ собранiя, находившагося подъ влiянiемъ могущественнаго Таги: жалобщики были объявлены государственными измѣнниками и поставлены внѣ покровительства законовъ. Такое рѣшенiе довело крестьянъ до совершеннаго отчаянiя и толкнуло ихъ на рядъ поступковъ, отъ которыхъ они до того были очень далеки. Самчедварцы принялись возбуждать окрестныя деревни къ возмущенiю противъ дворянъ, и черезъ нѣсколько недѣль все крестьянское населенiе между рѣками Кульпой и Са-

---

*) *Antonii Verant*: „Ep. ad Maximil. Reg., Posonii 23 Februar. 1573"; *Johan Lisst*: „Epistol. ad Anton. Verant". Katona. T. XXV, p. 423. Isthuanffy Libr. XXIV, p. 323 etc. См. *Fessler*, op. cit. VII, p. 151.

вой присоединилось къ возстанію; сосѣднія деревни въ Крайнѣ также приняли въ немъ участіе. Предводителемъ былъ избранъ Матвѣй Губекъ, извѣстный всѣмъ за яраго ненавистника знати. Цѣлый мѣсяцъ этотъ «крестьянскій король» (Bauern König) опустошалъ страну съ обычною въ такихъ случаяхъ жестокостью, но отсутствіе выдержки и дисциплины погубило и на этотъ разъ крестьянское дѣло: въ рѣшительный моментъ во время кровопролитнаго сраженія возставшіе дрогнули и побѣжали. Побѣдители преслѣдовали ихъ и взяли въ плѣнъ и замучили Губека не менѣе варварски, чѣмъ Георга Доцу за 58 лѣтъ предъ тѣмъ. Во всемъ этомъ происшествіи характерно, какъ знаменіе времени, поведеніе Landstände. Эти провинціальныя земскія собранія чувствовали себя въ тѣ времена достаточно сильными, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ противодѣйствовать коронѣ въ ея стремленіяхъ хотя сколько-нибудь, хоть палліативно, облегчить участь крестьянъ. Въ данныхъ обстоятельствахъ Landstände произвольно подвели подъ свою компетенцію дѣло предпринятой лично императоромъ правительственной ревизіи, постановили по этому дѣлу рѣшеніе, очевидно, прямо противорѣчившее вѣроятнымъ поступкамъ императора въ будущемъ, и этимъ вызвали сильное народное волненіе. Чтобы понять все значеніе провинціальныхъ собраній, нужно припомнить, что въ то время и позже «государственная власть вынуждена была либо ограничивать дѣйствіе изданныхъ ею же указовъ въ пользу крестьянъ, либо совершенно отмѣнять ихъ благодаря протестамъ и энергическому сопротивленію однихъ только провинціальныхъ земскихъ собраній (Landstände), на которыхъ землевладѣльцы играли видную роль» *).

Если принять это въ соображеніе, то ясно станетъ, что въ данномъ случаѣ поведеніе Landstände было вполнѣ обыденнымъ и ничего особенно неожиданнаго для современниковъ представлять не могло. Дѣло крестьянъ Франца Таги—только одно изъ частыхъ и яркихъ проявленій тогдашней силы мѣстныхъ собраній. Что же касается до самаго бунта 1573 года, то онъ подобно всѣмъ современнымъ и аналогичнымъ возстаніямъ не былъ всенародной войной, а лишь борьбою части низшаго сословія, а потому и онъ, этотъ бунтъ, и всѣ такія возстанія были, по выраженію Лоренца Штейна **), такъ же осуждены на безсиліе, какъ возмущенія рабовъ въ древнемъ Римѣ.

Кромѣ домашнихъ угнетателей и разорителей, крестьяне въ это время сильно страдали и отъ хищническихъ набѣговъ турокъ; съ цѣлью хотя какъ нибудь защитить себя отъ страшныхъ враговъ, крестьяне образовывали даже цѣлые союзы, называвшіеся «paraszt varmegye» ***); но, конечно,

*) *И. В. Лучицкій*: „Исторія крестьянской реформы въ З. Европѣ съ 1789 г.“. (*Унив. Изв.* Кіевъ, 1880 г., т. XI, стр. 319).

**) Объ этой чертѣ крестьянскихъ бунтовъ см. *Lorenz Stein*: „Innere Verwaltungslehre“, VII Theil, 153 (изд. 1868 г.).

***) *Stephan Gyarfas*: „A paraszt varmegye, Iahresberichte der Geschichtwissenschaft“, 1882, III, 139.

позволительно усомниться въ дѣйствительной силѣ этихъ союзовъ тамъ, гдѣ нерѣдко оказывались безсильными правильно организованные гарнизоны, обладавшіе всѣмъ тогдашнимъ вооруженіемъ. Итакъ, положеніе венгерскихъ крестьянъ въ концѣ XVI вѣка, когда разразилась пятнадцатилѣтняя война съ турками, можно назвать по-истинѣ отчаяннымъ. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ не измѣнилась и въ XVII вѣкѣ; чрезъ это столѣтіе такъ же, какъ чрезъ предыдущее, красною нитью проходитъ безконечная борьба Венгріи съ Портой,—борьба, въ теченіе которой крестьяне не могли себя чувствовать безопасными даже во время короткихъ перемирій: то, что вырабатывалось за два дня въ недѣлю, предоставленные земледѣльцу для работы на себя, нерѣдко уничтожалось вмѣстѣ съ его жилищемъ при какомъ-нибудь нечаянномъ набѣгѣ, всегда сопровождавшемся грабежомъ и поджогами.

Но, какъ сказано, такое бѣдственное состояніе земледѣльческаго класса не разъ вызывало протестъ со стороны монархической власти; протесты эти оставались, въ общемъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ вслѣдствіе положенія самихъ государей, сильно ограниченныхъ во власти вольностями и привилегіями дворянства и обязанныхъ даже въ XVIII вѣкѣ давать клятвенное обѣщаніе ни въ чемъ не нарушать исконныхъ венгерскихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, протестъ время отъ времени раздавался и, такъ какъ это было единственною въ то время оппозиціей противъ насилій, чинимыхъ помѣстнымъ сословіемъ,—то мы остановимся на ея проявленіяхъ.

Въ началѣ своего царствованія императоръ Фердинандъ I выразилъ робкое и скромное желаніе улучшить обращеніе землевладѣльцевъ съ крестьянами. Дворяне, конечно, не хотѣли о томъ и слышать,—и въ 1542 году Фердинандъ въ посланіи къ Саросскому дворянскому собранію долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній *) и ограничиться лишь приказаніемъ, чтобы чиновники-управители лучше обходились съ крестьянами на тѣхъ венгерскихъ земляхъ, которыя принадлежали ему лично, какъ Grundherr'у. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1547 году императоръ предложилъ **) рейхстагу возвратить право свободнаго перехода крестьянамъ, ссылаясь на то, что всѣ бѣдствія и пораженія, которыя понесла въ послѣднее время страна, посланы, по его мнѣнію, самимъ Богомъ въ наказаніе за угнетеніе земледѣльческаго сословія. Рейхстагъ принялъ предложеніе импера-

---

*) *Biedermann*, op. cit., 100, прим. 4.

**) Decret. X Ferdinandi I Imper. et Reg. an. 1547. Artic. 26: *Colonis vetus migrandi libertas restituitur*. Cum autem variis exemplis vetustis et recentioribus saepenumero palam innotuerit Dei optimi vindex ira ob peccatum aliquod populi gravius: neque ulla res magis ab aliquot omnis florenti quondam Ungariae nocuisse videatu oppressione colonorum, quorum clamor ascendit jugiter ante conspectum Dei; ad avertendam indignationem summi rerum omnium opificis, ejusdem benignitatem... Statuerunt unanimiter: ut libertas subditorum miserorum colonorum superioribus annis quacunque ratione illis adempta restituatur. Liceatque imposterum, nolentibus sub imperio, potestatevi alicujus Domini vel nobilis durioris fortasse et severioris vivere, alio commigrare.

тора, но исполнено оно не было, хотя Фердинандъ, внося его на обсужденіе, былъ, очевидно, увѣренъ въ томъ, что законъ войдетъ въ силу тотчасъ по своемъ утвержденіи; такое впечатлѣніе производитъ тщательная разработанность этого декрета. Къ приведенной 26 статьѣ его прибавлены были еще три; одна изъ нихъ *) установляла порядокъ, котораго долженъ былъ держаться крестьянинъ, желающій перейти изъ одного помѣстья въ другое; онъ былъ обязанъ извѣстить сначала своего будущаго хозяина, а затѣмъ комитатскаго судью; дворъ и домъ выселяющагося долженъ остаться собственностью господина. Слѣдующіе два параграфа назначали штрафъ въ 200 флориновъ въ случаѣ, если кто-либо силою станетъ задерживать желающаго выселиться, и приравнивали даже угрозы къ насильственному задержанію, полагая для провинившагося въ томъ землевладѣльца то же наказаніе, какъ и для нарушившаго предыдущую статью, т.-е. штрафъ въ 200 флориновъ. Но, какъ я уже замѣтилъ, эти постановленія не получили никогда дѣйствительной силы и остались такимъ же пустымъ звукомъ, какъ и выраженное императоромъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ желаніе прійти на помощь своимъ несчастнымъ поданнымъ. Вообще Габсбурги всегда желали облегчить участь венгерскаго крестьянства, но, по мнѣнію Бидермана, не рѣшались произвести насильственнаго освобожденія крестьянъ, потому что полагали, что дворянство въ благодарность за то будетъ уступчивѣе по отношенію къ разнымъ мѣропріятіямъ верховной власти, касающимся такъ или иначе конституціи страны. Конечно, никакой благодарности дворяне никогда за это не выказали, а крестьянами завладѣли понемногу такъ, что императоры позже, въ XVII вѣкѣ, уже не могли имѣть къ нимъ прямого касательства и, по словамъ историка, «солнце королевской милости никогда уже не освѣщало крестьянина прямо, но только черезъ призму дворянской скорлупы» **). Во второй половинѣ XVII столѣтія хотѣлъ также помочь крестьянству и Леопольдъ, но къ концу правленія отступилъ отъ своего намѣренія, не желая вооружать противъ себя помѣстное сословіе. Для того, чтобы получить правильное представленіе объ истинномъ положеніи венгерскаго крестьянства, Леопольдъ пользовался военными коммиссарами (Kriegskommissäre); но даже онъ, императоръ Леопольдъ, человѣкъ, проведшій всю свою жизнь въ борьбѣ съ венгерскою знатью, не рѣшился на болѣе дѣйственное участіе въ судьбахъ сельскаго населенія, чѣмъ только разсылка по Венгріи коммиссаровъ и собираніе свѣдѣній о положеніи крестьянъ. Вообще, всѣ безконечныя перипетіи борьбы императорской власти съ венгерскими магнатами вплоть до самаго сатмарскаго мира въ 1711 году не имѣли ровно никакого благотворнаго вліянія на судьбу крестьянина ***). Впрочемъ, у Габсбурговъ чувство жалости къ не-

*) Decret. Ferdin. Imp. et R. an. 1547. Art. 27; см. также статьи 28 и 29 того же декрета 1547 г.

**) Слова Бидермана.

***) *Sugenheim*: „Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit" (Leipzig, 1861), S. 392.

счастному венгерскому крестьянству нерѣдко встрѣчалось съ непріязнью къ его религіи: крестьянинъ былъ угнетенъ, забитъ, жилъ впроголодь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ протестантъ, котораго надлежало всяческими мѣрами возвратить на путь истины; нужно замѣтить, что второе чувство (непріязнь къ религіи) обыкновенно оказывалось сильнѣе перваго (жалости). Этимъ объясняется та непонятная безъ того вѣрность, съ которою крестьяне во время распрей императоровъ съ магнатами всегда становились на сторону послѣднихъ *): религіозныя притѣсненія и преслѣдованія заставляли венгерскаго крестьянина защищать своего жестокаго, но единственнаго господина. Въ законодательствѣ Леопольда мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы заключить о твердомъ желаніи настоять на своемъ; относительно мадьярскаго крестьянства имъ не было сдѣлано даже того, что онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать для собственнаго австрійскаго, т.-е. не было вмѣнено въ обязанность помѣщику «не обременять барщиной крестьянина и не препятствовать ему заботиться о собственномъ пропитаніи» **). Итакъ, между весьма многими другими причинами, нерѣшительность верховной власти по отношенію къ венгерскому крестьянскому вопросу нужно приписать и тому, что Sugenheim называетъ близорукимъ фанатизмомъ Габсбурговъ (Kurzichtiger Fanatismus Habsburgs).

Карлъ VI можетъ быть названъ провозвѣстникомъ наступленія лучшихъ временъ для венгерскихъ крестьянъ. Онъ установилъ фактическій контроль надъ взиманіемъ податей съ крестьянъ; для опредѣленія истинной платежной способности населенія, по деревнямъ были разсылаемы и тѣ Kriegskommissäre, которыми пользовался еще Леопольдъ, и новыя должностныя лица, 10 провинціальныхъ коммиссаровъ, которые обязаны были слѣдить за правильною и равномѣрною раскладкой податей и въ особенности за тѣмъ, чтобы повинности по отношенію къ помѣщикамъ не смѣшивались съ общегосударственными ***). Хотя институтъ этотъ былъ введенъ съ согласія венгерскихъ Landstände, однако, назначеніе коммиссаровъ было предоставлено вѣнскому Hofkriegsrath'у; вообще же ихъ можно причислить ко второй группѣ органовъ королевской власти (по дѣленію, предложенному историкомъ венгерскаго государственнаго права—Вирошелемъ) и къ тому именно подраздѣленію этой второй группы, подъ которое подходитъ обязанность защищать подданныхъ именемъ монарха отъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны землевладѣльцевъ королевства ****). Замѣчательно также желаніе Карла, чтобы въ вице-графы (vice-gespan) выбирались люди «не-

*) *Sugenheim*, op. cit., 393.

**) См. *A. Wolf*: „Oesterreich u. Maria-Theresia“. Berlin, 1882, S. 15... die Obrigkeit soll ihm nicht beschweren und nicht an eigenen Unterhalt und an der Nahrung verhindern.

***) Caroli VI Imper. et R. Decret II, 1723. Art. 63—§ 3: stricteque observandur pariter et id statuunt: ut census dominales cum publicis oneribus non confundantur.

****) *Virozsil*: „das Staatsrecht der Königreichs Ungarn“ (Pest., 1865). B. III, S. 72—73... Zu der zweiten Klasse oder Abtheilung können füglich alle jene Abgelege

корыстолюбивые и не бѣдные», а потому и независимые *). Но, конечно, на практикѣ это желаніе осталось неисполненнымъ: vice-gespan'ы по-прежнему во всемъ оставались ставленниками своихъ избирателей—помѣщиковъ; что же касается до ихъ нравственныхъ качествъ, то позволительно, разумѣется, думать, что и послѣ декрета 1723 года личная этика vice-gespan'овъ была такъ же далека отъ идеала, какъ и до изданія этого закона. Нужно вполнѣ согласиться съ тѣми, кто держится убѣжденія, что эта статья осталась лишь pium desiderium (см. *Biedermann*, op. cit., 101. «Das blieb freilich ein frommer Wunsch»). Дѣлалъ императоръ Карлъ и попытки урегулировать отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, но ввести въ Венгріи Urbarium, какъ это онъ сдѣлалъ относительно Славоніи, не рѣшился **). Попытки эти относятся: къ 1715 году, когда была предпринята перепись податного населенія, причемъ обращалось вниманіе и на экономическое положеніе массы; къ 1720 году, когда былъ изданъ Patent, регулировавшій взиманіе съ крестьянъ податей; къ 1728 году, когда Карлъ, наконецъ, предложилъ вопросъ объ Urbarium'ѣ на обсужденіе венгерскому ландтагу; проектъ былъ принятъ очень неблагосклонно, и къ императору посылали даже депутатовъ съ просьбою, чтобъ онъ взялъ назадъ свое предложеніе.

Итакъ, когда умеръ императоръ Карлъ VI, венгерское крестьянство находилось въ такомъ же страшно-тяжеломъ и подавленномъ положеніи, какъ и до его царствованія. Ничего не было сдѣлано, попытки пока оставались только попытками, не оказывавшими никакого вліянія на жизнь, да и предъявлявшими свои права на такое вліяніе очень робко и неувѣренно.

IV.

Восемнадцатый вѣкъ былъ для Венгріи вѣкомъ борьбы центральной власти съ дворянствомъ и его сепаративными стремленіями, и опыты крестьянской реформы, произведенные Маріей - Терезіей и въ особенности Іосифомъ II, опредѣляются въ значительной степени желаніемъ вѣнскаго правительства возвысить престижъ и увеличить политическое могущество государства въ ущербъ значенію магнатовъ и дворянъ. Это направленіе

heiten gezählt werden, bei denen König seine Suverenitätsrechte der obersten Aufsicht ausüben kann; dergleichen sind... *die Beschützung der Unterthanen gegen Bedrückung und Missbrauch der grundherrlichen Gewalt* etc.

*) Decretum 1723, Art. 56. De residentia supremorum comitum etc. § 3. Vice comites aliique comitatuum officiales sint de numero Nobilium, possessionati et desinteressati ac Dominos... nullatenus obligati.

**) Biedermann сдѣлалъ любопытную историческую справку относительно Urbarial Patent'a для Славоніи: этотъ документъ помѣченъ въ Вѣнѣ 22 мая 1737 года и подписанъ графами Дитрихштейномъ и Кенигсеггомъ, которые стояли тогда во главѣ Hofkriegsrath'a и императорской канцеляріи; въ связи съ Patent'омъ находятся одновременно послѣдовавшія облегченія барщины въ Каринтіи, Моравіи и Силезіи. Очевидно, руководящее направленіе всему этому движенію давала въ тѣ времена австрійская императорская канцелярія.

правительственной мысли было обще въ большей или меньшей степени всей тогдашней Европѣ, — по крайней мѣрѣ, тѣмъ странамъ, гдѣ борьба государства съ дворянствомъ не была еще такъ безповоротно и положительно закончена, какъ то имѣло мѣсто, наприм., во Франціи. Въ Венгріи борьба эта, особенно обострившаяся въ царствованіе Іосифа II, должна была выйти очень напряженной и трудной для центральной власти: рѣдко гдѣ дворяне были такъ сильны и по закону, и по обычаю, рѣдко гдѣ они были такъ рѣзко и рѣшительно отдѣлены всякими правами и привилегіями отъ остальныхъ категорій населенія.

Уже это одно сдѣлало бы борьбу тяжелою для носителя монархической власти, даже еслибъ онъ былъ кровнымъ венгерцемъ, управлявшимъ страною изъ коренного венгерскаго города; но вѣдь дѣло обстояло совсѣмъ не такъ: Венгрія управлялась чужеземными государями, проживавшими, не смотря на многочисленныя приглашенія, адресы и обѣщанія, въ Вѣнѣ и оттуда присылавшими свои распоряженія; за каждымъ ихъ шагомъ Landstände слѣдили ревниво и подозрительно, въ каждомъ мѣропріятіи стараясь видѣть стремленіе къ нарушенію исконныхъ вольностей націи (а мы уже видѣли, что̀ понималось подъ словомъ «нація» со временъ Стефана Вербецци). Автономія Венгріи была далеко не призрачна; клятва, которую еще и въ XVIII вѣкѣ приносили императоры, вступая на венгерскій престолъ, исполнялась неукоснительно. Въ своихъ стремленіяхъ сломать силу помѣстнаго сословія и амальгамировать Венгрію съ Австріей вѣнское правительство 80-хъ годовъ прошлаго вѣка натолкнулось на препятствія, оказавшіяся, по времени, неодолимыми. Но это произошло уже тогда, когда борьба обострилась; въ теченіе же царствованія Маріи-Терезіи она шла скрыто и не прорывалась такъ сильно и шумно, какъ впослѣдствіи при сынѣ императрицы.

Реформы въ Австріи не принадлежатъ ни къ одному изъ двухъ чистыхъ типовъ реформаторскаго движенія XVIII вѣка, которые теперь различаются въ этомъ движеніи *): ни къ тому, который характеризуется главнымъ образомъ желаніемъ расширить и усилить центральную власть, ни къ тому, который отмѣченъ стремленіемъ примѣнить на практикѣ новыя экономическія теоріи. Реформа въ Австріи совершалась при взаимодѣйствіи этихъ двухъ теченій. Видѣть прочную, единую центральную власть утвердившеюся на обломкахъ всякаго рода областныхъ автономій было, дѣйствительно, мечтою, цѣлью и смысломъ жизни такого человѣка, какъ Іосифъ II; но тутъ съ личными влеченіями императора совпадали нѣкоторыя черты ученія физіократовъ,—и тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ ухватился императоръ за новую доктрину, въ которой находилъ теоретическое обоснованіе и оправданіе своихъ завѣтныхъ думъ. Восемнадцатый вѣкъ вообще былъ вѣкомъ быстраго и непосредственнаго приложенія къ дѣлу выраба-

---

*) См. объ этихъ типахъ *И. В. Лучицкій*: „Исторія крестьянской реформы съ 1789 г.“ (*Универс. Изв.* 1880 г., т. XI, стр. 323.

тывавшихся человѣческою мыслью идей и идеаловъ. Насколько прочно прививались эти идеи, много ли изъ нихъ и что именно дѣйствительно сейчасъ же вошло въ жизнь и не было взято назадъ, сколько вынужденныхъ и добровольныхъ, вѣнценосныхъ и простыхъ ренегатствъ видѣлъ этотъ вѣкъ,—другой вопросъ. Но никогда, кажется, такъ лихорадочно быстро не переходили иныя идеи въ дѣйствительность, какъ тогда; никогда «идеологія», столь гонимая и презираемая впослѣдствіи большими и маленькими Наполеонами разныхъ странъ и народовъ, не имѣла такого рѣшительнаго и зачастую непосредственнаго вліянія на направленія правительственной мысли въ Европѣ, какъ въ это время.

Что касается интересующаго насъ вопроса, то нужно замѣтить, что хотя реформаторскія попытки какъ Маріи-Терезіи, такъ и ея сына имѣли мѣсто уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, но для императрицы новыя экономическія теоріи еще не были однимъ изъ стимуловъ къ дѣятельности на поприщѣ крестьянской реформы, въ то время, какъ Іосифъ уже находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ ученія школы Кэнэ. Иначе говоря, по характеристическимъ своимъ признакамъ, реформа Маріи-Терезіи принадлежитъ еще къ первой половинѣ XVIII вѣка, когда государство, почуявшее свою силу, пожелало измѣнить отношенія между крестьянами и помѣстными владѣльцами, причемъ эти благія желанія постоянно перепутывались со стремленіями обезпечить интересы фиска и уменьшить затрудненія государственной казны; реформа Маріи-Терезіи имѣла также однимъ изъ источниковъ гуманное сердце императрицы, но о вліяніи новаго движенія экономической науки тутъ, кажется, говорить еще нельзя; реформа же Іосифа II принадлежитъ уже ко второй половинѣ XVIII вѣка не только хронологически, но и по самымъ существеннымъ признакамъ. Дѣятельность Іосифа затрогиваетъ такую массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, что изслѣдованіе ея результатовъ выходитъ далеко за предѣлы настоящей работы.

Царствованіе Маріи-Терезіи могло бы быть раздѣлено въ венгерской исторіи на два періода: въ теченіе перваго императрица три раза созываетъ Landstände, совѣщается съ ними по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ управленія, и конституціонная жизнь страны продолжается совершенно нормально. Кончается этотъ періодъ 1764 годомъ, послѣ котораго положеніе дѣлъ измѣняется: Марія-Терезія вступаетъ на путь административныхъ реформъ, Landstände, несмотря на настойчиво и часто выражаемое дворянствомъ желаніе, не собираются, и вѣнское правительство правитъ Венгріей какъ австрійскою провинціей, ничѣмъ отъ другихъ не отличающеюся; автономія страны не играетъ никакой роли, и коренныя начала государственнаго права не осуществляются. Этотъ второй періодъ длится до самой смерти императрицы. Въ эпоху 1764—1780 гг. вся конституціонная машина Венгріи оставалась въ бездѣйствіи, хотя правительство и не посягало на ея цѣлость и неприкосновенность; это время можно было бы, кажется, сравнить,— разумѣется, mutatis mutandis,— съ эпохою Тюдоровъ

въ Англіи, когда государственныя начала оставались такъ же неприкосновенны и такъ же безчисленны. Впрочемъ, недовольныхъ въ описываемое время въ Венгріи было гораздо больше, нежели въ Англіи XVI столѣтія. Реформы Маріи-Терезіи отличались соціально-экономическимъ характеромъ и затрогивали имущественные интересы многочисленнаго и вліятельнаго сословія, такъ что безъ сильныхъ, хотя бы и скрытыхъ протестовъ обойтись не могли; къ несчастью для крестьянъ, сила этихъ протестовъ оказалась впослѣдствіи на дѣлѣ далеко не призрачной. Однако, дальше извѣстной границы смѣлость дѣйствій Маріи-Терезіи не простиралась и, какъ уже сказано, de jure конституція страны осталась безъ всякихъ перемѣнъ; когда же позднѣе Іосифъ II попытался приступить къ ломкѣ частей стараго автономнаго устройства страны, онъ на горькомъ опытѣ убѣдился, что правящій классъ тамъ еще слишкомъ силенъ и что его политика по отношенію къ Венгріи есть колоссальное недоразумѣніе. Но этому разочарованію предшествовали и первые годы царствованія императора — и еще раньше — правленіе его матери, когда была приведена въ исполненіе крестьянская реформа въ Венгріи.

Первые двадцать четыре года царствованія Маріи-Терезіи прошли въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Венгріи безслѣдно. Императрица не рѣшалась на внесеніе проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ потому, что считала себя слишкомъ обязанною дворянству за услуги, оказанныя имъ въ первое критическое время ея правленія *). На засѣданіяхъ первыхъ двухъ рейхстаговъ, созванныхъ ею, о крестьянахъ рѣчи еще не было. Только на рейхстагѣ 1764 года правительство предложило нѣсколько мѣръ для улучшенія быта крестьянъ и для огражденія ихъ отъ помѣщичьяго произвола. Императрица, внося эти предложенія, выразилась, что домогается принятія ихъ для успокоенія своей совѣсти (*damit sie ihr Gewissen beruhigen könne*). Выслушавъ проектъ, Stände разошлись, сохраняя гробовое молчаніе, а отвѣтъ ихъ, переданный императрицѣ 14 сентября того же года, такъ на нее подѣйствовалъ, что она хотѣла распустить рейхстагъ и уѣхать немедленно въ Вѣну; только совѣты приближенныхъ отклонили ее отъ этого намѣренія.

Такая серьезная политическая неудача обидѣла Марію-Терезію очень чувствительно. «Этотъ рейхстагъ,—писала она одному знакомому,—научилъ меня узнавать людей». То было послѣднее законодательное собраніе, созванное Маріей-Терезіей: съ 1764 года начинается, какъ сказано,—періодъ реформъ, совершаемымъ безъ участія конституціонныхъ властей. Императрица, не спрашивая согласія Stände, проводитъ мѣры огромной важности для Венгріи, въ томъ числѣ и знаменитый урбарій, т.-е. кодексъ постановленій, долженствовавшихъ облегчить участь крестьянина и опредѣлить ясно и точно границы власти помѣщика и обязанностей сельскаго населенія **).

*) Мнѣніе Sugenheim'a.

**) Ближайшее участіе въ редактированіи Урбарія принялъ на себя по порученію императрицы Hofrath Раабъ (см. *Mailath* „Geschichte d. Magyaren". B. IV, S. 34)

Урбарій вводился постепенно, начиная съ 1756 года. Вотъ его главнѣйшіе пункты *).

Крестьянину возвращается право покидать землю помѣщика и переходить на другую; передъ уходомъ онъ долженъ однако предупредить помѣщика о своемъ намѣреніи покинуть его землю и выполнить всѣ свои повинности какъ по отношенію къ помѣщику, такъ и общегосударственныя; счеты между господиномъ и уходящимъ крестьяниномъ производятся въ присутствіи особаго чиновника; послѣ того крестьянину выдается свидѣтельство, безъ котораго онъ не можетъ быть принятъ новымъ землевладѣльцемъ. Дѣти крестьянина вовсе не обязаны становиться также земледѣльцами, но вольны выбирать себѣ занятіе по душѣ, сообразно со своими способностями и наклонностями; крестьянинъ имѣетъ право вступать въ бракъ безъ позволенія господина. За свои заслуги крестьянинъ можетъ даже достигнуть высшихъ ступеней свѣтской и духовной іерархіи, такъ какъ не существуетъ болѣе неодолимыхъ препятствій для пріобрѣтенія имъ дворянскаго достоинства.

Первостепенной важности въ дѣлѣ измѣненія отношеній между владѣльческимъ и сельскимъ сословіями была также реформа низшей судебной инстанціи **). Правда, патримоніальная юстиція уничтожена еще не была, но сфера ея компетенціи значительно сузилась. Помѣщикъ остался судьею крестьянъ въ гражданскихъ дѣлахъ; но если только возникалъ имущественный споръ между крестьяниномъ и помѣщикомъ, послѣдній судилъ уже не единолично (это удобство оставалось за нимъ вѣками), а совмѣстно съ особымъ комитатскимъ чиновникомъ. Въ случаѣ неудовольствія крестьянинъ получалъ право апеллировать къ комитатскому суду (sedes judiciaria seu sedria). Что касается до уголовныхъ дѣлъ, то Марія-Терезія ограничила судебно-карательную власть помѣщика лишь правомъ постановлять приговоры по дѣламъ о проступкахъ чисто-полицейскаго характера и о нарушеніи крестьянами правилъ вводимаго урбарія. Вообще же въ тѣхъ дѣлахъ, которыя могли для подсудимаго окончиться наказаніемъ, не превышающимъ 3 дня ареста или 24 удара розгами,—помѣщикъ обязанъ приглашать для совмѣстнаго сужденія комитатскаго судью и присяжнаго ***). Этимъ закономъ измѣнялся характеръ патримоніальнаго судопроизводства, какъ оно было признано венгерскимъ законодательствомъ со временъ Людовика Великаго ****). Послѣ комитатскаго суда недовольный можетъ апеллировать къ королевскому совѣту (Statthalterey Rath) и затѣмъ къ самому государю; для доклада по такимъ *«урбаріальнымъ процессамъ»* при королевскомъ совѣтѣ съ тѣхъ поръ состояло особое должностное лицо—рефе-

---

*) Все дальнѣйшее изложеніе построено на текстѣ „Institutio rei urbarialis“ (ed Pauli, 1826).

**) См. относящіяся ко всѣмъ перечисленнымъ реформамъ узаконенія: Institutio rei urbarialis, T. I, pars II, de colonis Art. 1, sectio 2; pars II, c. 1, sectio 1, art. 2.

***) См. *Fessler*: „Geschichte d. Ung. X, 237; *Biederman*, 109.

****) Decretum unicum Ludovici Regis an. 1351, Art. 18, 1.

рентъ. Недвижимое имущество крестьянина состоитъ изъ одного югера земли для дома, овина и сада и кромѣ того дается отъ 16 до 28 и даже до 36 югеровъ пахатной земли, смотря по качеству почвы [1]). (Югеръ могъ равняться въ разныхъ мѣстностяхъ 1,100—1,300 кв. саженей [2]). Для крестьянской усадьбы земля дается въ количествѣ, зависящемъ отъ того, къ какому классу изъ пяти, установленныхъ урбаріемъ, относится данное мѣсто; критеріемъ для классификаціи служило относительное плодородіе почвы. Вся усадьба можетъ быть раздѣлена на 2, 4, 8 отдѣльныхъ дворовъ [3]); дальнѣйшихъ дѣленій законъ не признаетъ. Согнать крестьянина съ земли помѣщикъ имѣетъ право только въ томъ случаѣ, если онъ можетъ положительно доказать, что крестьянинъ не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ нему и къ государству; но и тогда освободившійся кусокъ земли землевладѣлецъ обязанъ отдать другому крестьянину, но никакъ не присвоивать. Какъ воспользовались этимъ закономъ на практикѣ венгерскіе помѣщики—дѣло другое. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть виноградники (а такихъ въ Венгріи очень много), крестьянамъ предоставлено право свободнаго добыванія и продажи вина отъ праздника св. Михаила до дня св. Георгія [4]). Топливо и строевой лѣсъ помѣщикъ долженъ давать крестьянамъ даромъ, при условіи, конечно, что самъ владѣетъ лѣсными порослями; плодовыхъ деревьевъ крестьянинъ рубить не имѣетъ права [5]). Для количества дровъ, отпускаемыхъ крестьянину, опредѣленной нормы не установлено; это признается [6]) и самими позднѣйшими дополненіями къ Urbarium'у, гдѣ мы находимъ также любопытныя данныя о количествѣ лѣса, получаемаго кое-гдѣ крестьянами. Такъ, въ комитатѣ Sopron, въ помѣстьяхъ князя Эстергази, каждый крестьянинъ получалъ въ годъ шесть саженей дровъ, причемъ онъ обязанъ былъ самъ срубить ихъ и отвезти въ деревню. Для этого назначался опредѣленный срокъ и лѣсной участокъ; рубка могла происходить лишь въ зимнее время. Послѣ рубки крестьянинъ не имѣлъ права [7]) уже войти въ господскій лѣсъ безъ разрѣшенія.

Въ имѣніи Чактонія въ Саладскомъ комитатѣ каждому крестьянину (въ 1769 году) выдавалось по 4 саж. дровъ (на каждую полную усадьбу; $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$ усадьбы, sessionis, получали 2, 1 и $^1/_2$ саж. дровъ). На пастбище крестьянинъ могъ выгонять свой скотъ вмѣстѣ съ помѣщичьимъ; если раньше между деревенскимъ обществомъ и помѣщикомъ раздѣла выгонной земли не было, то они пользовались ею сообща [8]). Весьма точно и подробно

---

[1]) Institutio rei urb., P. I, § 1.
[2]) Institutio rei urb. T. II, p. 383, § 3.
[3]) Institutio rei urb. T. I, p. 10, art. 2.
[4]) Institutio rei urbarialis. T. II, p. 353, § 2.
[5]) Institutio rei urb. T. II, p. 354, § 4.
[6]) Institutio rei urbarialis. T. I, p. 301.
[7]) Ibid., стр. 301.
[8]) Institutio rei urbarialis. T. I, p. 302; ibidem, c. II, s. 1—de pascuo.

урбарій опредѣлялъ также размѣры барщины (robottae). Крестьянинъ обязанъ былъ выходить на барщину 52 раза въ годъ, по одному разу въ недѣлю, съ одною (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ двумя) упряжкою воловъ, и работать отъ восхода до заката солнца [1]. Но такъ какъ зимою требовать исполненія этого правила нелѣпо, такъ какъ полевыхъ работъ нѣтъ, то законъ предоставляетъ помѣщику право настаивать на удвоеніи барщинныхъ дней (т.-е. не одного, а двухъ дней въ недѣлю) лѣтомъ, въ случаѣ особенно спѣшныхъ работъ по уборкѣ хлѣба и пр. Но общее число барщинныхъ дней никоимъ образомъ не должно превышать 52-хъ въ годъ. За небрежное отношеніе къ исполненію барщины помѣщикъ имѣлъ право подвергнуть виновнаго тѣлесному наказанію [2]. Заставить крестьянина внести вмѣсто отбыванія барщины извѣстную сумму денегъ—помѣщикъ не могъ, но по личному соглашенію крестьянинъ имѣлъ право уплатить землевладѣльцу вмѣсто каждаго дня барщины 20 крейцеровъ (эта сумма была установлена какъ maximum) [3]. Три дня въ году крестьянинъ долженъ по приказу помѣщика охотиться, причемъ добыча принадлежитъ помѣщику; въ другихъ случаяхъ охота въ господскихъ лѣсахъ воспрещена крестьянамъ такъ же, какъ и рыбная ловля [4].

Въ вознагражденіе за пользованіе хозяйскимъ лѣсомъ крестьянинъ долженъ вырубить и доставить на господскій дворъ 1 сажень дровъ. Онъ обязанъ также доставить туда по разу въ годъ 2 куръ, 2 каплуновъ, 20 яицъ и девятую часть всего количества принадлежащихъ ему овецъ, козъ и пчелиныхъ ульевъ. Если же у него менѣе 9 козъ, овецъ и ульевъ, то онъ возмѣщаетъ эту подать денежно: за козу платитъ въ такомъ случаѣ 3 крейцера, за овцу—4 и за улей—6 [5]; вообще же со всѣхъ продуктовъ сада и огорода помѣщикъ получаетъ 9-ю часть. Изъ пеньки и льна крестьянинъ долженъ отдать 1/9 часть землевладѣльцу, либо приготовить (изъ господскаго матеріала) 6 ф. пряжи [6]. За право гнать спиртъ крестьянинъ уплачиваетъ помѣщику 2 гульдена въ годъ.

Кромѣ перечисленныхъ обязательствъ, составляющихъ, по мысли урбарія, *арендную плату* за пользованіе господскою землею, крестьянинъ ничѣмъ съ помѣщичьимъ дворомъ не связанъ и имѣетъ право распоряжаться собою и своимъ достояніемъ по усмотрѣнію. Онъ можетъ покупать, продавать и обмѣнивать все, что угодно, и никакихъ преимуществъ въ этомъ отношеніи никто (въ томъ числѣ и дворянинъ) передъ нимъ не имѣетъ. Таковы главнѣйшіе пункты урбарія; масса другихъ постановленій его касается порою самыхъ мелкихъ подробностей сельскаго быта, и когда читаешь Urbarium, то чувствуешь, что законодатель боялся пропустить хотя

---

[1] Institutio rei urbarialis. T. II, punctum 3, § 1.
[2] Institutio rei urbarialis. T. II, punctum VIII, § 14
[3] Institutio rei urbarialis. T. I, p. 252, Art. 2.
[4] Ibidem, p. VI, § 3.
[5] Institutio rei urbarialis. P. V, § 1.
[6] Institutio rei urbarialis. P. V, § 4.

бы самую незначительную черту въ повседневныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, если только она поддавалась хоть какому-нибудь урегулированію. Урбарій составленъ такъ, какъ составляются контракты съ людьми, завѣдомо способными на всяческое ложное истолкованіе и обходъ договорныхъ пунктовъ. Но при подобныхъ обстоятельствахъ, помимо точной редакціи закона, для успѣха дѣла необходимы честные исполнители, проникнутые духомъ того законодательнаго акта, осуществить который они призваны. А въ этомъ отношеніи начинанія Маріи Терезіи были обставлены очень дурно. Коммиссары вѣнскаго правительства, которымъ было поручено вводить урбаріальныя постановленія, оказались въ большинствѣ случаевъ людьми продажными и при введеніи урбарія руководились той, совершенно вѣрною, мыслью, что получить денежную прибыль возможно лишь съ помѣщиковъ, но никакъ не съ крестьянъ, и что сообразно съ этимъ надлежитъ и дѣйствовать. На порученное имъ дѣло они смотрѣли не какъ на колебаніе устоевъ царившаго вѣками безобразнаго порядка вещей, а какъ на обыкновенное административное мѣропріятіе, ничѣмъ отъ другихъ не разнящееся; поэтому даже тѣ изъ нихъ, кто не запятналъ себя продажностью, не могли отдаться выполненію своей миссіи съ тѣмъ беззавѣтнымъ убѣжденіемъ въ благости ея, которое отличало въ аналогичныхъ случаяхъ ихъ товарищей по дѣлу въ другихъ странахъ. Они были въ Венгріи людьми большею частью чужими, во многомъ напоминали Kriegskommissäre предыдущихъ царствованій, и ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что многіе изъ нихъ сочли удобнымъ средствомъ для наживы свои обширныя полномочія въ странѣ, гдѣ имъ нужно было лишь отслужить извѣстное время, чтобы затѣмъ вернуться къ себѣ, въ Вѣну. Венгерское дворянство нашло въ нихъ самыхъ предупредительныхъ исполнителей своихъ желаній и послѣ нѣкоторыхъ попытокъ помѣшать введенію реформы—повело совсѣмъ другую ligne de conduite, стало обнаруживать необыкновенную уступчивость и кротость, такъ какъ ясно увидѣло, что реформа на дѣлѣ, при выполненіи ея коммиссарами, вовсе не такъ страшна и разорительна, какъ это могло на первый взглядъ показаться. При распредѣленіи земли между крестьянами коммиссары поступали нерѣдко самымъ вопіющимъ образомъ, благо имъ дана была возможность à discretion классифицировать землю по плодородію почвы. Вотъ образчикъ дѣятельности коммиссаровъ на этомъ прибыльномъ для нихъ поприщѣ. Въ Теисскомъ округѣ, въ Чанградскомъ, Бекешскомъ и Чанадскомъ комитатахъ, крестьянинъ получилъ 34—36 югеровъ земли, да еще 22 югера луга, итого 56—58 югеровъ, считая югеръ=1,200 кв. саж. *). Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ почва была гораздо менѣе плодотворна, и условія земледѣльческаго труда гораздо хуже, въ гористыхъ округахъ, коммиссары награждали крестьянъ 25—38 югерами, и это тамъ, гдѣ нерѣдко ливень уничтожалъ въ одночасье труды цѣлаго года (какъ это бываетъ на склонахъ горъ); повинно-

*) Приведено у Sugenheim'a (Geschichte d. Aufheb. und Leibeigen.)

сти же по отношенію къ землевладѣльцу были одинаковы для крестьянъ какъ богатаго Теисскаго округа, такъ и горныхъ комитатовъ. Вообще, на мѣстныя условія вниманіе обращалось лишь тогда, когда того требовали интересы помѣщика. Конечно, несмотря ни на что, венгерскій крестьянинъ сталъ съ тѣхъ поръ наслѣдственнымъ арендаторомъ земли, однако, съ прошлымъ не все еще было порвано. Тѣлесныя наказанія, обязанность крестьянина доставлять на барскій дворъ всякой живности въ случаѣ бракосочетанія хозяина и нѣкоторыя другія характерныя черты урбарія препятствуютъ цѣльности впечатлѣнія, которое выносишь изъ его изученія, и противорѣчатъ мысли, что урбарій явился вслѣдствіе сознанія *полной* несостоятельности прежняго положенія вещей и желанія реформировать отношенія сельскаго и владѣльческаго сословій на *совершенно* новыхъ основаніяхъ. Далѣе, урбарій произвелъ нежелательное измѣненіе въ судьбѣ руссинъ, поселившихся на земляхъ, принадлежавшихъ королю: богатые магнаты, въ наслѣдственное владѣніе которыхъ перешли по большей части такія земли, позволяли, мѣстами, своимъ крѣпостнымъ пользоваться лѣсомъ и пастбищами *). Такъ, напримѣръ, дѣло обстояло на земляхъ магнатовъ Ракочи, Бетлена, Другета, Телеки и др. Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ крестьяне платили только подати за пастбище (наприм., около 1,200 крестьянскихъ руссинскихъ семействъ въ м. Мункачъ и ст. Миклосъ); со времени же введенія урбарія всѣ руссины, въ томъ числѣ и тѣ, которые почти никакихъ повинностей не несли, были обязаны теперь обще-урбаріальными податями и барщиною. Для венгерскаго крестьянства вообще урбарій являлся благодѣтельнѣйшимъ актомъ, невзирая ни на что,—въ значительной степени облегчившимъ имъ жизнь,—но для нѣсколькихъ тысячъ руссинскихъ крестьянъ онъ былъ указомъ, возложившимъ на нихъ много такихъ обязанностей, которыхъ они раньше не знали. Оставались также кое-какіе слѣды и скультеціальныхъ общинъ, но съ введеніемъ урбарія они окончательно исчезли.

Помимо нравственной несостоятельности коммиссаровъ и враждебнаго, неискренняго отношенія къ реформѣ помѣщиковъ, была еще одна причина, препятствовавшая полному осуществленію началъ, изложенныхъ въ урбаріи. Бѣдные, забитые крестьяне, привыкшіе съ тупымъ равнодушіемъ относиться къ своей судьбѣ, въ теченіе долгаго ряда поколѣній не видѣвшіе ничего, кромѣ всякихъ притѣсненій и обидъ, никакъ не хотѣли понять истинной цѣли и смысла вводимыхъ положеній и съ характернымъ въ такихъ случаяхъ упорствомъ старались видѣть тутъ желаніе какъ-нибудь еще ухудшить ихъ и безъ того невозможное положеніе. Чтобы помочь этой бѣдѣ, Марія-Терезія въ 1770 г. издала повелѣніе о томъ, чтобы во всѣхъ деревняхъ были учреждены начальныя училища. Эти школы рѣшено было содержать на обязательные взносы *помѣщиковъ* и *духовныхъ лицъ*, владѣвшихъ зем-

---

*) *Biederman*: „Die ungar.“ Ruth. 103.

лями, такъ какъ тѣ и другіе прежде всего воспользуются выгодами, проистекающими отъ просвѣщенія народа.

Итакъ, реформа была введена далеко не такъ, какъ желалъ бы законодатель, но все же она осуществилась. Крѣпостное право уничтожено еще не было, но формы его значительно смягчились. Улучшилось и упрочилось имущественное положеніе крестьянина; право покидать одно помѣстье и переходить въ другое давало ему возможность перемѣнять слишкомъ тяжелыя условія жизни на болѣе легкія. Помѣщикъ съ своей стороны почувствовалъ тѣсную связь собственнаго благосостоянія съ благосостояніемъ и количествомъ своихъ крестьянъ; понялъ онъ также, что законъ теперь не представляетъ уже такой надежной почвы для всевозможныхъ правонарушеній. Словомъ, въ концѣ-концовъ, урбарій имѣлъ благодѣтельное значеніе для венгерскаго крестьянства. Если, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ, все-таки, долженъ разсматриваться, какъ мѣра палліативная, то нужно согласиться, что такіе палліативы всегда могутъ считаться прямыми, непосредственными предшественницами радикальныхъ преобразованій. Марія-Терезія по своей природѣ не была сторонницей рѣшительныхъ дѣйствій тамъ, гдѣ можно было, на ея взглядъ, обойтись безъ нихъ. Что она разъ признала полезнымъ и важнымъ, она приводила въ исполненіе тотчасъ же, какъ только представлялась къ тому возможность,—но въ области мысли ей недоставало той смѣлости, которая отличала ея сына. Такъ было и въ вопросѣ о вѣротерпимости, когда она высказала мысль, что не можетъ потерпѣть, чтобы каждый ея подданный выбиралъ себѣ религію «по своей фантазіи» (nach seiner Fantasie); такъ было въ крестьянскомъ вопросѣ. Императрица въ принципѣ признавала фактъ существованія крѣпостного права законнымъ и нормальнымъ. Она полагала, что нельзя уничтожить крѣпостной зависимости, «такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ государства, гдѣ бы не было различій между господиномъ и подданнымъ крестьяниномъ; освободивъ крестьянъ, можно только лишить ихъ узды, а помѣщиковъ сдѣлать недовольными» *). Она не въ силахъ была отрицательно отнестись къ факту, общему всей современной Европѣ,—ради идеала, выработаннаго философами просвѣтительной эпохи и передовою фалангой дѣятелей науки—физіократами. Она обладала умомъ практичнымъ, легко схватывающимъ конкретныя явленія и уловляющимъ ихъ причины, но въ ней не было способности, которою одаренъ былъ Іосифъ II, способности воспринимать чужія мысли, перерабатывать ихъ, выбирать изъ нихъ то, что покажется хорошимъ, доходить до послѣднихъ логическихъ выводовъ извѣстной мысли и уже съ силой и твердостью убѣжденнаго человѣка идти на проломъ къ осуществленію своей цѣли.

Есть честные, гуманные люди, которые побуждаются запросами совѣсти

---

*) См. письмо Маріи-Терезіи у Wolf'a, 98 (Geschichte Oestrerr. unter M. Theresia).

и стремятся воздѣйствовать извѣстнымъ образомъ на среду, въ которой имъ привелось жить; но при всѣхъ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ они все время вращаются въ циклѣ идей, которыя не имѣютъ ровно ничего опаснаго для существующаго строя или несовмѣстимаго съ его главными основами. Эти идеи уже широко распространены и только какъ бы ждали хорошо настроеннаго, благороднаго и, къ тому же, конечно, власть имѣющаго человѣка, чтобъ облечься въ плоть и кровь. Къ такимъ идеямъ принадлежала въ половинѣ прошлаго вѣка мысль о необходимости облегчить участь земледѣльческаго класса; къ такимъ людямъ относится Марія-Терезія.

Евг. Тарле.

Сумасшествіе, по понятіямъ публики и по даннымъ науки.

(Публичная лекція, читанная въ Историческомъ музеѣ 1 марта 1896 г.).

Отдѣлы науки, посвященные клинической медицинѣ, до самаго послѣдняго времени занимали среди другихъ наукъ своеобразное привилегированное положеніе: въ ихъ святыню почти не проникалъ взоръ непосвященной толпы, которая скромно довольствовалась таинственными легендами или неосновательными сказками, трактующими о непонятныхъ священнодѣйствіяхъ недоступнаго храма. Тогда какъ математика всегда была общественнымъ достояніемъ, тогда какъ соціологія, біологія и философія всегда стремились радостно подѣлиться со всѣмъ міромъ своими открытіями, пріобрѣтеніями и выводами,—клиническая медицина не умѣла привлечь къ себѣ адептовъ, помимо лицъ, обрекшихъ себя на служеніе ея задачамъ. Она не входитъ въ циклъ свѣдѣній, обязательныхъ для образованнаго человѣка; ея жрецы рѣдко появляются въ роли общественныхъ учителей. Не быть знакомымъ съ законами физики и химіи, политической экономіи и логики, съ исторіей развитія природы, человѣчества и мысли—интеллигентный человѣкъ считаетъ позорнымъ; быть мало свѣдущимъ въ области медицины—признается почти общимъ правиломъ: это никого не унижаетъ и никого не смущаетъ. Пытливо заглядывая въ лабораторіи другихъ наукъ, интеллигенція отворачивалась отъ клинической медицины и вспоминала о ней лишь тогда, когда являлась грустная необходимость обратиться за помощью къ врачу.

Правда, по своему характеру, медицинскія знанія существенно разнятся отъ прочихъ научныхъ дисциплинъ: медицина преимущественно изучаетъ аномальныя явленія, неправильности, уродства; ея вниманіе направлено на оборотную сторону жизни, на тѣ эпизоды борьбы человѣка съ природой где онъ является не гордымъ побѣдителемъ, а безсильною жертвой, погру женной въ страданія и погибель. На такихъ картинахъ не охотно останав ливается глазъ: мимо, мимо!...

Въ послѣднее время дѣло нѣсколько измѣнилось. Уже нѣсколько дес тилѣтій вниманіе публики то и дѣло привлекается блестящими пріобрѣт

ніями медицины, быстро слѣдующими другъ за другомъ. Послѣднее пятилѣтіе ознаменовалось особенно эффектными открытіями, живо заинтересовавшими интеллигентную публику: предохранительныя прививки бѣшенства Пастёра, туберкулинъ Коха, антидифтерійная сыворотка Беринга и Ру, наконецъ, надежды на примѣненіе къ медицинскимъ цѣлямъ недавно открытыхъ рёнтгеновскихъ лучей—всѣ эти шумныя пріобрѣтенія науки привлекали къ себѣ вниманіе цивилизованнаго міра и, слѣдуя очень быстро одно за другимъ, не давали остыть интересу, овладѣвшему публикой. Имъ посвящались публичныя лекціи, статьи въ общихъ газетахъ и журналахъ; они служили предметомъ обсужденія въ засѣданіяхъ городскихъ и земскихъ учрежденій, благотворительныхъ обществъ: медицина заставляла о себѣ говорить. Не заглядывая въ частности, публика ознакомилась съ постановкой медицинскихъ вопросовъ, съ общими положеніями медицины, то-есть съ тою ея стороной, которая ставитъ ее въ рядъ біологическихъ наукъ и можетъ быть названа ея философіей. И значеніе наслѣдственности, о которой столько говорилось по поводу поднятыхъ Кохомъ надеждъ на излѣчимость чахотки, и вліяніе дурныхъ гигіеническихъ условій, которыя послѣ грознаго голоднаго года разразились широкими эпидеміями, и роль бактерій при холерѣ, тифѣ, дифтеріи вошли въ значительной степени въ циклъ обиходныхъ представленій.

Такая популяризація медицинскихъ свѣдѣній не замедлила принести свою пользу. Съ одной стороны, она увеличила довѣріе къ медицинѣ, которая въ значительной степени утратила въ глазахъ публики характеръ волшебства и оказалась построенною на доступныхъ раціональныхъ основаніяхъ; она заставила придавать бо́льшую цѣну профилактическимъ предупредительнымъ мѣрамъ, относиться съ большею симпатіей къ санитарнымъ требованіямъ и указаніямъ гигіены. Съ другой стороны, популяризація породила потребность болѣе близкаго знакомства съ медициной, стремленіе глубже заглянуть въ ея владѣнія; она создала интересъ къ такимъ начинаніямъ, какъ систематическіе курсы по важнѣйшимъ вопросамъ врачебной науки.

Дѣло популяризаціи медицинскихъ знаній стоитъ теперь на твердой почвѣ: у одной стороны существуетъ опредѣленная жажда знанія и вѣра въ пользу поученій; у другой—имѣется увѣренность въ воспріимчивости неспеціальной аудиторіи.

Но существуетъ одна область медицины, которой еще не коснулось это благодѣтельное теченіе. Казалось бы, на лицо есть всѣ данныя для ея популяризаціи: и интересъ въ публикѣ, и готовность у врачей, и необходимость для пользы больныхъ, ея объектовъ; а между тѣмъ ея время еще не пришло.

Психіатрія, въ глазахъ публики, стоитъ совершенно обособленно въ ряду медицинскихъ наукъ: медицина изучаетъ и лѣчитъ больныхъ, психіатрія «возится съ сумасшедшими»; медицина отыскиваетъ болѣзни въ организмѣ и врачуетъ ихъ, психіатрія усматриваетъ «больную душу», не зная даже, гдѣ у человѣка помѣщается здоровая душа; медицина высту-

киваетъ, выслушиваетъ, измѣряетъ,—психіатрія—смотритъ, слушаетъ и говоритъ. При употребленіи слова «больной», необходимо опредѣлить, чѣмъ онъ страдаетъ и гдѣ сидитъ его болѣзнь; словомъ «сумасшедшій» для публики все сказано. Внутренніе больные подраздѣляются на легочныхъ, сердечныхъ и т. д.,—«сумасшедшіе» не дѣлимы; хирургическіе больные жалуются на переломъ плеча, на опухоль въ животѣ, на язву голени, — «сумасшедшіе» пляшутъ, поютъ и кричатъ, дерутся, пучатъ глаза, рвутъ платье и говорятъ вздоръ. Больнымъ даютъ лѣкарства по роду ихъ болѣзни, производятъ операціи, лѣчатъ водой, массажемъ и электричествомъ,—умалишенныхъ запираютъ въ «сумасшедшіе дома», чтобъ обезпечить общественное спокойствіе, и предоставляютъ имъ тамъ свободу бѣшенства, либо надѣваютъ горячечныя рубашки, надѣляютъ колотушками, какъ героевъ «Краснаго цвѣтка» и «Палаты № 6», а иногда льютъ на голову по каплямъ холодную воду, какъ въ «Запискахъ сумасшедшаго».

Такое представленіе о психіатріи настолько глубоко вкоренено въ публикѣ, что оно уже не вызываетъ ни изумленія, ни протеста, ни тѣмъ болѣе сомнѣнія. Мало того, что ни откуда не раздается голосъ истины: очень вѣроятно, что опроверженіе общепринятыхъ взглядовъ будетъ встрѣчено въ публикѣ съ бо̀льшимъ недовѣріемъ, нежели ложное извѣстіе о томъ, что въ той или другой психіатрической больницѣ паціентовъ пріучаютъ къ голоданію, наказываютъ карцеромъ и истязаютъ.

Психіатрическія ложныя воззрѣнія публики носятъ всѣ внѣшніе аттрибуты вполнѣ округленнаго цикла и касаются всѣхъ тѣхъ же сторонъ вопроса, какія обыкновенно изучаются и въ медицинѣ. Каждая клиническая отрасль стремится выяснить причины заболѣванія, этіологію, его сущность, особенности его проявленія и теченія, а затѣмъ старается установить правильное предсказаніе и необходимыя лѣчебныя мѣропріятія. И все это имѣется въ психіатрическихъ понятіяхъ публики, не исключая спеціальной терминологіи; но, къ сожалѣнію, все это очень далеко отъ истины.

Психіатрія публики пользуется для обозначенія душевно-больного терминами «умалишенный», «помѣшанный», «сумасшедшій», какъ общими наименованіями; слову «маньякъ» приписывается болѣе спеціальное значеніе. Три общіе термина употребляются почти равноправно: слово «умалишенный» принадлежитъ высокому слогу (оно встрѣчается и въ законодательствѣ) и часто замѣняется словомъ «душевно-больной»; слово «сумасшедшій» считается болѣе вульгарнымъ и нерѣдко употребляется въ неспеціальномъ смыслѣ, въ видѣ порицанія, указанія на непонятный и неожиданный способъ дѣйствій; слово «помѣшанный» замѣняетъ часто оба первые термина, но, кромѣ того, оно служитъ болѣе точнымъ опредѣленіемъ человѣка умственно разстроеннаго и какъ бы требуетъ болѣе точнаго указанія на вопросы «отъ чего» и «на чемъ». Названіемъ «маньяка» указывается существованіе у помѣшаннаго какой-нибудь выдающейся преимущественной черты, — того, что въ публикѣ называется «пунктомъ» и считается центромъ, основой и сущностью разстройства.

Въ послѣднее время особенно стойко привилось въ публикѣ названіе «психопатъ», самое общее и примѣняемое большею частью не въ психіатрическомъ смыслѣ, а какъ указаніе на эксцентричность, оригинальность субъекта, у котораго «чего-то въ головѣ не хватаетъ». Этотъ терминъ является какъ бы связующимъ звеномъ между психіатрическими понятіями публики и научною психіатріей, обнимая ту группу больныхъ, которая представляетъ какъ бы переходъ отъ больной души къ здоровой. «Психопаты» или, употребляя научный терминъ, *дегенеранты* послужили въ послѣднее время предметомъ описанія для многихъ популярныхъ монографій, и съ ними публика имѣла полную возможность познакомиться довольно близко.

Приведенные обычные термины показываютъ, что въ публикѣ словно не существуетъ сознанія о необходимости разграничить формы душевныхъ разстройствъ; но это не совсѣмъ такъ: въ публикѣ говорится о «тихомъ» и «буйномъ помѣшательствѣ», о безконечномъ рядѣ такъ называемыхъ «маній», которыя разнятся своими «пунктами» и указываются опредѣлительными словами: «религіозная», «величественная» и т. д. Такимъ образомъ, публикой устанавливается два принципа классификаціи сумасшествія: первый основанъ на поведеніи субъекта, второй заключается въ идейномъ содержаніи его разстройства. Дальше этого разграниченіе не идетъ и, по существу, «манія преслѣдованія» не отличается въ публикѣ отъ «маніи стихотворства».

Установленіемъ одной основной общей формы помѣшательства въ значительной степени объясняется представленіе о единой общей этіологіи, симптоматикѣ и другихъ данныхъ, опредѣляющихъ въ медицинѣ клиническіе типы болѣзней.

Лишь въ послѣднее время проникло въ публику ученіе о наслѣдственности, какъ одномъ изъ главныхъ факторовъ возникновенія душевныхъ разстройствъ; но оно не успѣло еще органически слиться съ представленіемъ о причинахъ психическихъ болѣзней. Тѣ душевные недуги, которые вызываются наслѣдственнымъ расположеніемъ, остаются для публики какъ бы внѣ сферы наблюденія; то же, что называется сумасшествіемъ, продолжаетъ связываться съ самостоятельными причинами. Для публики вопросъ заключается не въ томъ, какія причины развили и вызвали психическое заболѣваніе въ данномъ случаѣ, а въ томъ, «отчего этотъ человѣкъ помѣшался». Отвѣтомъ на такой вопросъ является обыкновенно сопоставленіе съ неудачною любовью, семейными неурядицами, денежною потерей, внезапною радостью, а если подобныхъ указаній нельзя найти, то дѣло объясняется односторонними занятіями или умствованіями, отъ которыхъ «умъ за разумъ зашелъ». Словомъ, появленіе умственнаго разстройства сводится публикой исключительно къ психическимъ же причинамъ, въ видѣ ли сильныхъ внезапныхъ потрясеній, или продолжительныхъ однообразныхъ толчковъ. Офелія «сошла съ ума» оттого, что ея возлюбленный убилъ ея отца; Лиръ «помѣшался» вслѣдствіе тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго

неблагодарными дочерьми; Маргарита «лишилась разсудка», благодаря цѣлому ряду трагическихъ обстоятельствъ; Донъ-Кихота «свело съ ума» увлеченіе рыцарскими романами. Но отчего «помѣшался» король Людовикъ Баварскій?... Отчего неоднократно «сходилъ съ ума» покойный Гаршинъ?...

Нераздѣльно съ вопросомъ «отчего» стоитъ вопросъ «на чемъ» помѣшался человѣкъ и въ чемъ его «манія». Этимъ вопросомъ исчерпывается въ публикѣ симптоматика сумасшествія. Одинъ помѣшанный считаетъ себя великимъ изобрѣтателемъ, поэтомъ, королемъ, богомъ: у него «манія величія»; другой полагаетъ, что ему измѣняетъ любимая женщина, и терзаетъ ее своими укорами: онъ страдаетъ «маніей ревности»; третій думаетъ, что онъ окруженъ врагами, ему грозитъ погибель: онъ подверженъ «маніи преслѣдованія»; герой Гаршина помѣшанъ на искорененіи міроваго зла, олицетвореннаго въ красномъ цвѣткѣ. У одного это сопровождается криками, воплями, яростью, нападеніемъ и разрушеніемъ: онъ «буйный помѣшанный»; другой тихо плачетъ въ углу, бормоча что-то подъ носъ: у него «тихое помѣшательство». Однако публика не рѣшается категорически остановиться даже на такомъ несложномъ разграниченіи, и полагаетъ, что одно не исключаетъ другого; «тихое помѣшательство» можетъ нежданно разразиться буйствомъ, одна «манія» перейти въ другую; «сумасшедшій» не владѣетъ собою, и ему въ голову внезапно могутъ прійти самыя неожиданныя дикія фантазіи: съ виду погруженный въ свое безумное горе, залитый слезами, тревожно, со страхомъ внимающій вашимъ словамъ,— онъ, пожалуй, можетъ схватить васъ за носъ или сбить съ ногъ. Какъ бы ни былъ онъ тихъ,—въ понятіи публики это дикій звѣрь, въ глазахъ котораго свѣтится только его безуміе; онъ непонятенъ, страшенъ, его нужно опасаться и бѣжать.

Проявленіе сумасшествія полагается публикой тѣсно связаннымъ съ причиной его. Офелію «свело съ ума» горе: она тиха, убита, бредитъ своимъ возлюбленнымъ; и Маргарита тихо мечтаетъ о погибшемъ ребенкѣ и счастливой порѣ любви; Донъ-Кихотъ, начитавшись рыцарскихъ романовъ, считаетъ себя однимъ изъ ихъ героевъ. Но «на чемъ помѣшался» Поприщинъ? На томъ ли, что онъ испанскій король, или на томъ, что у алжирскаго дея подъ самымъ носомъ шишка?

Еще однообразнѣе рѣшается въ публикѣ вопросъ объ исходахъ сумасшествія. По мнѣнію публики, человѣкъ «сходитъ съ ума» на всю жизнь: лишь изрѣдка являются минуты просвѣтленія, еще рѣзче оттѣняющія окружающій туманъ; лишь передъ смертью на мгновеніе спадаетъ съ глазъ безумная повязка, чтобы дозволить умирающему послѣднимъ свѣтлымъ взглядомъ озарить пройденный безразсудный путь. «Сошедши съ ума», нельзя вернуться къ разсудку, говорятъ въ публикѣ; человѣкъ, выпущенный изъ «сумасшедшаго дома», еще страшнѣе явно помѣшаннаго: его «манія» сидитъ въ немъ, и, пожалуй, внезапно проявится за обѣдомъ, во время разговора; за карточнымъ столомъ онъ, пожалуй, швырнетъ вамъ въ голову подсвѣчникъ; съ нимъ слѣдуетъ быть осторожнымъ, не противорѣчить ему;

его, пожалуй, нужно избѣгать. Онъ навсегда заклейменъ своимъ минувшимъ безразсудствомъ; хоть онъ и «не помѣшанный», но онъ остается «сумасшедшимъ»; публика не только не забываетъ этого, но и не можетъ простить.

Отъ такого предразсудка лишь одинъ шагъ къ самому печальному заблужденію. Сумасшедшій неизлѣчимъ, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о лѣченіи сумасшествія; лѣченіе безполезно, а стало быть нѣтъ и надобности въ немъ. Если онъ опасенъ, пусть его заключатъ въ «сумасшедшій домъ», запрутъ на крѣпкій замокъ, окружатъ крѣпостными стѣнами и въ окна вставятъ желѣзныя рѣшетки; если этого мало, пусть надѣнутъ на него горячечную рубашку, перевяжутъ веревками, даже закуютъ въ кандалы! Для него это безразлично, ибо у него нѣтъ разсудка, чтобы понять позоръ своего заточенія!

Къ счастію, такой крайній взглядъ лишился теперь почти всѣхъ своихъ представителей; но и наиболѣе мягкая часть публики имѣетъ крайне смутное и ошибочное представленіе о «сумасшедшемъ домѣ», его устройствѣ и назначеніи. О лѣченіи же и врачебныхъ методахъ, которые съ успѣхомъ примѣняются при помѣшательствѣ, публика почти ничего не знаетъ. Въ глазахъ публики «сумасшедшій домъ» представляется мѣстомъ заточенія; его лѣчебное значеніе полагается лишь въ томъ, что онъ оберегаетъ общество отъ опасныхъ элементовъ, способныхъ на сумасбродныя дѣла. Тогда какъ больной помѣщается въ лѣчебницу для его собственной пользы, «сумасшедшаго» сажаютъ въ «желтый домъ», чтобъ освободить себя отъ предполагаемаго вреда: ему нельзя помочь, такъ пусть онъ будетъ обезврежен̆ъ.

Тѣ предполагаемыя звѣрства, которыя будто бы творятся за стѣнами дома умалишенныхъ, считаются въ публикѣ неизбѣжнымъ зломъ: къ помѣшаннымъ могутъ примѣняться только насильственныя мѣры; пусть это зло, но оно такъ же необходимо, какъ травля бродячихъ собакъ. Сумасшедшій буйствуетъ,—его необходимо связать; онъ рветъ платье,—пусть ходитъ нагой; онъ не повинуется,—его слѣдуетъ избить до полусмерти; онъ кричитъ,—нужно зажать ему ротъ; онъ кусается,—требуется удалить зубы. «Сумасшедшій домъ», какъ на страшной гравюрѣ Гогарта, представляется публикѣ отвратительнымъ человѣческимъ звѣринцемъ, гдѣ не всегда мужчины отдѣлены отъ женщинъ, гдѣ обритые, избитые содержимые неистовствуютъ, дерутся, ходятъ въ отрепьяхъ и въ колпакахъ, растерзанные, облеченные дѣтскими аттрибутами своего бреда, гдѣ дни и ночи въ воздухѣ виситъ брань и дикіе вопли, смрадъ и духота; помѣшанные спятъ, гдѣ случится и когда придется, ѣдятъ изъ общей лохани, вырывая кусокъ изо рта болѣе слабаго сосѣда, дрожа подъ взглядомъ надсмотрщика, всегда готоваго къ кулачной расправѣ.

Побои, холодные души, смирительная рубашка, лишеніе одежды и пищи—вотъ лѣчебныя мѣры, воображаемыя публикою, да и тѣ признаются не лѣчебными, а дисциплинарными, карательными. Къ счастью, при

этомъ публикою оставляется въ тѣни вопросъ о роли врача въ этомъ надземномъ адѣ. Впрочемъ, и въ той части публики, которая освѣдомлена о томъ, что всѣ эти ужасы давно отошли въ область преданія, многіе склонны видѣть въ психіатрическомъ учрежденіи мѣсто заключенія и называть врачей-психіатровъ «гуманными тюремщиками». Остается благодарить и за прибавку смягчающаго эпитета.

Стойкая опредѣленная картина, начерченная сейчасъ, очевидно, зиждется на прочныхъ основаніяхъ, если она почти въ неизмѣнномъ видѣ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, если «сумасшедшій домъ» Гогарта немногимъ отличается отъ изображенія Каульбаха, отъ описаній Гоголя и Гаршина и отъ «Палаты № 6». Знакомство современной публики съ психіатріей и ея паціентами коренится не въ спеціальныхъ трактатахъ, идетъ не изъ личнаго наблюденія; оно основывается на образцахъ искусства, на картинахъ, статуяхъ, произведеніяхъ изящной литературы, очень далекихъ отъ истины, такъ какъ создатели ихъ обладаютъ столь же неясными и ложными представленіями о своихъ прототипахъ, какъ и публика, которая принимаетъ на вѣру ихъ творенія; театральная сцена является единственною каѳедрой, которая воочію знакомитъ съ душевными разстройствами.

Другимъ источникомъ, быть можетъ, первоначальнымъ и главнымъ, служатъ устныя преданія далекой старины.

Было время, тяжелое время глубокаго мрака среднихъ вѣковъ, когда сумасшествіе считалось навожденіемъ дьявола, а помѣшанные—его рабами, которыхъ пытали, судили и жгли на кострахъ. Разсѣялся мистическій туманъ, затихли казни, продѣлки нечистаго духа мало-по-малу облеклись представленіемъ о душевныхъ недугахъ, и невинныя жертвы прежняго дикаго истребленія получили помилованіе и право на существованіе; но дабы ихъ безумная жизнь не грозила спокойствію и безопасности ихъ ближнихъ, они были собраны и брошены въ тяжелыхъ оковахъ за высокія стѣны: тамъ они скрылись отъ міра и оставили по себѣ лишь воспоминаніе о тѣхъ ужасахъ, которыми выражали свое сопротивленіе жестокому насилію. Звѣрскія сцены передавались изъ рода въ родъ, расцвѣтая и украшаясь; и чѣмъ крѣпче были стѣны «сумасшедшаго дома», тѣмъ страшнѣе рисовались воображенію ужасныя невидимыя сцены, происходившія за ихъ броней; никто не выходилъ изъ воротъ убѣжища, никто не выносилъ оттуда новыхъ свѣтлыхъ повѣствованій, которыя могли бы разсѣять мракъ предразсудковъ и повѣдать истину: преданія росли, а стѣны безмолвствовали. Да, долгое время имъ нечего было и говорить.

Время великой французской революціи ознаменовалось переворотомъ и въ дѣлѣ призрѣнія умалишенныхъ. Смѣлый французскій психіатръ Пинель первый рѣшился провести до конца идею о томъ, что сумасшествіе—болѣзнь, а помѣшанные—больные, которые нуждаются въ больницѣ, а не въ тюрьмѣ; онъ первый ясно понялъ, что дикія проявленія буйства часто вызываются не сумасшествіемъ, а желѣзными цѣпями. Въ 1792 году Пинель снялъ оковы съ душевно-больныхъ парижскаго убѣжища Бисетръ.

Съ этого дня для психіатріи началась новая эра. Съ этого дня все чаще и чаще заслышались гуманные возгласы въ защиту человѣческаго права умалишенныхъ, полились проповѣди о великой евангельской истинѣ въ приложеніи къ душевно-больнымъ. Убѣжища, пріюты мало-по-малу превращались въ больницы, тюремщики замѣнялись прислужниками, администраторы-врачи становились врачами наблюдателями и цѣлителями. Спадали желѣзныя оковы, осѣдали крѣпостныя стѣны; тѣсныя, темныя камеры росли навстрѣчу воздуху и свѣту, окружались парками и садами. Явилась потребность и возможность слѣдить за больными, присматриваться къ нимъ, изучать; изъ сплошного уравненнаго стада стали выдѣляться отдѣльные типы, отъ неизлѣчимыхъ больныхъ отошли излѣчимые; пріобрѣлись и знаніе, и умѣніе, и средства способствовать скорѣйшему и надежнѣйшему возстановленію душевнаго здоровья.

Но этого было далеко не достаточно. Мало было больницъ, мало въ нихъ было врачей, мало было знаній. Обширныя помѣщенія быстро наполнялись, безпокойные больные усмирялись горячечными рубашками, низшій больничный персоналъ злоупотреблялъ своею властью; дни проводились больными въ безцѣльномъ хожденіи, лежаніи и праздности; врачи полагали себя удовлетворенными, если въ больницѣ не было шума и драки и не звенѣли выбитыя стекла.

Тогда, въ дополненіе къ принципу о человѣческихъ правахъ, явился новый принципъ: въ душевно-больномъ признали право больного и право личности.

Первый принципъ сводился на практикѣ къ уничтоженію тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя не являлись необходимыми для пользы самого больного. Во имя *нестѣсненія* (non restreint) прежде всего была изгнана изъ обихода горячечная рубашка, этотъ смягченный замѣститель оковъ и цѣпей; и ближайшимъ слѣдствіемъ этой мѣры явилось быстрое паденіе процента буйныхъ больныхъ. Этихъ немногихъ стали отдѣлять отъ остальныхъ, запирая ихъ въ одиночныя комнаты, гдѣ они отдавались на произволъ приступамъ болѣзненнаго неистовства. Тогда былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ впередъ: новые больные, поступая въ заведеніе, укладывались въ постель, какъ это дѣлается обыкновенно съ больными другихъ категорій, и, лежа, выжидали окончанія бурнаго періода болѣзни. Результатъ этой мѣры не замедлилъ сказаться: приступы буйства стали еще рѣже, прежнія помѣщенія безпокойныхъ и буйныхъ больныхъ не только пріобрѣли внѣшній видъ обычныхъ больничныхъ палатъ, но и по существу сравнялись съ ними. Явилась возможность проститься съ прежнимъ типомъ оконъ, затянутыхъ сѣтками, заколоченныхъ рѣшетками, и замѣнить толстыя корабельныя стекла другими, какія употребляются въ жилыхъ домахъ. Какъ во всѣхъ больницахъ, у больныхъ стала измѣряться температура, въ опредѣленное время имъ разносились лѣкарства, подавался обѣдъ и ужинъ; самая обстановка убѣждала ихъ въ томъ, что они больны, нуждаются въ лѣченіи и покоѣ. Наконецъ, была примѣнена и послѣдняя

мѣра: уничтожены замки во внутреннихъ переходахъ, а затѣмъ они сняты и съ наружныхъ дверей.

Но перемѣна не ограничилась внѣшнимъ бытомъ; параллельно съ этимъ шла и внутренняя переработка, направленная къ сохраненію личности больныхъ; и ей-то, главнымъ образомъ, система нестѣсненія обязана своимъ успѣхомъ и достиженіемъ цѣли. Снявъ съ больного горячечную рубашку, нельзя было ограничиться этою отрицательною мѣрой: больной оставался тотъ же, въ немъ оставалась та же болѣзнь, тѣ же припадки, къ призрачной борьбѣ съ которыми и были призваны во мракѣ временъ насильственныя мѣропріятія. Теорія предложила положительную мѣру, и жизнь утвердила ее. Эта мѣра заключалась въ изученіи индивидуальности каждаго больного, въ улавливаніи проявленія больныхъ и здоровыхъ элементовъ его личности, въ предупрежденіи тѣхъ случайностей, которыя могли бы вызвать его справедливый гнѣвъ, въ ласковомъ обращеніи, искреннемъ участіи, въ стремленіи заслужить довѣріе больного, создать вокругъ него атмосферу больницы, поднять въ немъ уваженіе къ себѣ, къ учрежденію и персоналу. Оказалось, что даже тѣ больные, которые, казалось бы, ничего не сознаютъ и не понимаютъ окружающаго,—и они поддались этому режиму, единственному гуманному, участливому и правильному, единственному достойному названія лѣчебнаго режима.

Для той категоріи душевно-больныхъ, которые, по роду своего страданія, обречены на продолжительное пребываніе въ заведеніи, которые неспособны къ самостоятельной отвѣтственной жизни здоровыхъ людей, требовалось создать въ больничныхъ условіяхъ возможность разумнаго посильнаго примѣненія ихъ способностей, превратить больницу въ арену дѣятельности, привязать къ ней больныхъ общимъ полезнымъ дѣломъ, образовать для нихъ прочные и стойкіе интересы. Такъ стали вырастать при больницахъ отдѣльныя мастерскія, которыя современемъ оказались слишкомъ обширными для удовлетворенія собственныхъ нуждъ больницы и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разрослись въ ремесленныя предпріятія; такъ раскинулись земледѣльческія больницы-колоніи, со сложнымъ разностороннимъ хозяйствомъ, гдѣ каждый больной, по силамъ, способностямъ и склонности, съ интересомъ и любовью дѣлаетъ свое маленькое дѣло. А рядомъ съ этимъ шла забота о душевной и умственной пищѣ и развлеченіяхъ: устраивались церкви при больницахъ, созидались библіотеки, выписывались газеты и журналы, устраивались чтенія съ туманными картинами, танцовальные и музыкальные вечера, и спектакли, въ которыхъ больные являлись не только зрителями, но и участниками.

Сейчасъ набросанная идиллія является идеаломъ, къ которому стремится современная практическая психіатрія. Во многихъ мѣстахъ этотъ идеалъ уже осуществленъ, и русская психіатрія справедливо гордится нѣсколькими земскими колоніями такого типа; но еще больше такихъ угловъ, которымъ покуда очень далеко до современной постановки дѣла.

Въ одной изъ своихъ астрономическихъ фантазій Фламаріонъ описыва-

етъ передвиженіе идеально-зоркаго существа съ земли на очень далекую звѣзду; отдаляясь отъ нашей планеты, это существо, движущееся быстрѣе скорости свѣта, мало-по-малу отстаетъ отъ текущихъ событій и взглядомъ идетъ навстрѣчу минувшимъ дѣламъ, которыя кажутся ему чередующимися въ обратномъ порядкѣ: человѣкъ нарождается изъ гроба, молодѣетъ, женится, становится ребенкомъ... Можно испытать нѣчто подобное, странствуя въ опредѣленномъ порядкѣ по психіатрическимъ больницамъ: можно, словно погружаясь постепенно въ область исторіи, пережить и время замковъ, и эпоху горячечныхъ рубашекъ, и привязываніе, и колотушки; и не далеко то время, когда можно было видѣть больныхъ на цѣпи. Внѣ больницъ, въ деревняхъ это и теперь не рѣдкость.

Съ отдаленіемъ отъ современнаго идеала больницы измѣняется и внѣшній типъ больныхъ, и нарастаютъ тѣ аттрибуты, которые преимущественно царятъ въ представленіяхъ публики. Въ образцовыхъ больницахъ внѣшній видъ ихъ обитателей мало говоритъ о сумасшествіи: ни по костюму, ни по проявленію ихъ не отличить отъ здоровыхъ людей. Въ мастерскихъ, на пашнѣ, на скотномъ дворѣ—передъ вами рабочіе, погруженные въ свое дѣло; на отдыхѣ, за развлеченіемъ, въ концертѣ—это люди, которые разнятся лишь по степени своего развитія и состоянія, которыхъ соединило только то, что у нихъ развилось страданіе—не почекъ и не сердца, а органа душевной жизни. Въ больничныхъ палатахъ вы увидите лежащихъ больныхъ и сидящую поодаль прислугу; развѣ только отсутствіе надъ кроватями обычныхъ ярлыковъ съ наименованіемъ больного и его болѣзни напомнитъ вамъ объ особенностяхъ психіатрической больницы; да если прислушаетесь къ безсвязному бормотанію кого-либо изъ паціентовъ, вамъ вспомнится, что онъ въ бреду; но такъ же бредитъ тяжелый тифозный больной, и вы не назовете его сумасшедшимъ, со страхомъ не уйдете отъ него.

Нѣсколько иную картину представляютъ больницы, гдѣ практикуется запираніе безпокойныхъ больныхъ въ отдѣльныя комнаты (изоляторы), съ голыми стѣнами, съ полумягкой клеенчатою койкой, привинченной къ полу, со стеклянным оконцемъ въ массивной двери. Не сдерживаемый здоровыми остатками своей личности, не побуждаемый ничьими человѣческими увѣщаніями, больной даетъ волю своимъ порывамъ и движеніямъ: его галлюцинаціямъ и бреду не представляется разумнаго противовѣса, какой можетъ создать своимъ психіатрическимъ воздѣйствіемъ здоровый, опытный человѣкъ; и больной рветъ на себѣ платье, надрываетъ грудь мощными воплями, мечется изъ угла въ уголъ, колотитъ стѣны и себя. Надѣньте на него горячечную рубашку,— и къ его галлюцинаторной борьбѣ присоединится реальная борьба съ механическимъ насиліемъ; связанный, какъ звѣрь, онъ съ звѣрской яростью будетъ стремиться сорвать свои путы; отъ безуспѣшнаго напряженія, отъ безнадежнаго крика побагровѣетъ его лицо, нальются вены, глаза выступятъ изъ орбитъ; онъ зубами будетъ впиваться и въ плотную рубашку, и въ свое наболѣвшее тѣло.

Еще шагъ, и мы подошли бы къ ужасамъ дореформенныхъ временъ... Трудно рѣшить, что въ нихъ было ужаснѣе: тѣ ли мѣры, которыя примѣнялись къ душевно-больнымъ, или тѣ безумства, которыми несчастные отвѣчали на возмутительное обхожденіе...

Ясенъ до очевидности результатъ такого сопоставленія; просто, какъ всѣ истины, практическое указаніе, вытекающее изъ него. Не въ отдѣленіи больныхъ отъ общества цѣль психіатрической больницы, а въ предоставленіи имъ гуманной, разумной и цѣлесообразной обстановки, отдыха, покоя и ухода, въ связи съ соотвѣтствующимъ лѣкарственнымъ режимомъ. При такихъ условіяхъ, пожалуй, утратится яркость внѣшнихъ проявленій возбужденія и бреда, болѣзнь будетъ протекать такъ, какъ это свойственно ей самой, не разжигаемой неблагопріятными, раздражающими, прямо вредными внѣшними условіями. Никому не вздумается подвергать простудѣ больного съ воспаленіемъ легкаго; зачѣмъ же связывать душевно-больного?

Когда душевныя болѣзни перестанутъ проявляться въ томъ видѣ, съ какимъ связана печальная кличка «сумасшедшій», быть-можетъ, самый этотъ терминъ лишится права на существованіе. Въ глазахъ врачей-психіатровъ внѣшнія проявленія помѣшательства уже давно утратили первенствующее значеніе, и тѣ пестрые узоры бреда, на которые обыкновенно устремляется прежде всего вниманіе публики, являются далеко не главными въ картинѣ болѣзни: ими не опредѣляется ни сущность, ни характеръ ея, ни ея положеніе въ ряду другихъ душевныхъ болѣзней. Только совокупность внѣшнихъ признаковъ, ихъ внутренняя связь, послѣдовательное развитіе и теченіе служатъ для распознаванія болѣзни; только ими опредѣляются необходимыя врачебныя мѣропріятія и вѣроятное предсказаніе исхода. Только психологическій и философскій анализъ совокупныхъ проявленій, въ связи съ подробнымъ объективнымъ врачебнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ органовъ больного, имѣетъ значеніе для теоретической научной психіатріи, съ ея широкими и глубокими задачами біологическими, антропологическими и соціальными.

Въ практическомъ разборѣ картины умственнаго разстройства господствуетъ принципъ психологическаго анализа явленій, согласно которому всѣ проявленія душевной жизни распредѣляются по тремъ областямъ: ихъ относятъ либо къ *интеллектуальной сферѣ,* либо къ *эмоціональной,* либо къ *волевой*. Первая характеризуется содержаніемъ нашего сознанія; въ нее входитъ весь идейный запасъ нашего опыта, начиная отъ воспріятій и впечатлѣній и кончая представленіями и понятіями. Вторая обнимаетъ все, что касается нашего самочувствія и настроенія; третья охватываетъ всѣ наши воздѣйствія на внѣшній міръ, въ смыслѣ влеченій, стремленій и поступковъ.

Элементы, изъ которыхъ слагаются разстройства душевной жизни, не представляются чѣмъ-либо чуждымъ нормальной психикѣ и зачатки ихъ можно найти и у здоровыхъ людей. Всѣмъ случалось замѣчать, что мысли текутъ то быстрѣе, то медленнѣе, въ зависимости отъ настроенія, уста-

лости, охоты; сопоставленія и комбинаціи идей удаются то легче, то труднѣе, благодаря самымъ разнообразнымъ причинамъ; одни люди быстрѣе схватываютъ и усвоиваютъ новое построеніе, чѣмъ другіе; у однихъ умственный кругозоръ шире, память острѣе, чѣмъ у другихъ. И качественныя разстройства интеллекта всѣмъ знакомы—если не въ состояніи бодрствованія, то во время сна или просонокъ, когда мы утрачиваемъ власть надъ своими мыслями, и онѣ произвольно ведутъ насъ по самымъ запутаннымъ дорогамъ, черезъ самыя нелѣпыя сочетанія: мы теряемъ тогда сознаніе мѣста и времени, въ нѣсколько минутъ переживаемъ цѣлую жизнь, въ одно мгновеніе переносимся изъ Лондона на Сахалинъ, изъ Гренландіи въ Австралію; мы представляемъ себя старыми и молодыми, богачами и нищими, царями и рабами, кумирами и преступниками, повергаемся изъ блаженства въ отчаяніе, изъ слезъ въ безумную радость; нѣтъ такой нелѣпости, которой бы мы не повѣрили, не связали бы съ собою, не преобразили бы въ бредъ. А наши сонныя видѣнія, разговоры, ощущенія вкусовыя, обонятельныя и общія—развѣ это не тѣ же галлюцинаціи, не тѣ же ложныя воспріятія, зарожденныя самостоятельно въ мозгу и относимыя къ внѣшнему міру?

Всѣ эти интеллектуальныя разстройства могутъ существовать у душевнобольныхъ на яву. Подобно тому, какъ характеръ сновидѣній индивидуально различенъ, въ зависимости отъ пола, возраста, міровоззрѣнія и развитія субъекта, точно такъ же и въ связи съ тѣми же условіями различна и окраска галлюцинацій и бреда. У однихъ больныхъ преобладаютъ религіозныя и мистическія идеи, у другихъ біологическія; одни грезятъ святостью, божествомъ, одержимостью, переселеніемъ душъ, другіе—гипнотизмомъ, магнетизмомъ, электричествомъ; одни воображаютъ себя рабами и паріями, министрами и царями, другіе—реформаторами, философами, мучениками, жертвами идеи. Въ зависимости отъ рода болѣзни, у однихъ существуетъ бредъ преслѣдованія, бредъ самоуниженія, бредъ грѣховности; у другихъ—бредъ величія, бредъ самодовольства, бредъ ревности и любви. Тотъ или другой характеръ бреда не опредѣляетъ самъ по себѣ душевнаго разстройства: самыя разнообразныя болѣзни могутъ производить аналогичный бредъ; какъ мы уже сказали и какъ будетъ видно дальше, только развитіе и сочетаніе различныхъ проявленій характеризуетъ типъ болѣзни.

Эмоціональныя разстройства еще ближе знакомы здоровымъ людямъ. Когда мы чувствуемъ себя счастливыми, намъ легко, радостно, мы склонны только къ пріятнымъ сопоставленіямъ, къ подвижности, смѣху и дурачеству; когда мы потрясены горемъ, голова отказывается работать, сердце сжимается, слезы сами текутъ изъ глазъ, чужая радость кажется намъ ничтожной и пошлой. Знакомо всѣмъ и апатичное состояніе, когда ничто не веселитъ и не печалитъ, когда угасли интересы и все представляется окрашеннымъ въ однообразный сѣрый цвѣтъ. То, что происходитъ въ насъ подъ вліяніемъ реальныхъ причинъ и въ видѣ временнаго настроенія,

является у душевно-больныхъ подъ вліяніемъ самостоятельныхъ измѣненій дѣятельности мозга и можетъ оставаться долго и прочно.

Разстройства воли, помимо тѣхъ, которыя являются вторично, какъ слѣдствіе того или другого настроенія, какъ результатъ разстроеннаго интеллекта, могутъ проявляться въ видѣ одностороннихъ непреодолимыхъ влеченій; о нихъ рѣчь впереди.

Въ настоящее время ни для кого не представляется сомнѣнія въ томъ, что душевныя болѣзни являются показателями страданія головного мозга. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это страданіе можетъ быть доказано наглядно, микроскопическимъ изслѣдованіемъ мозга умершихъ больныхъ; въ другихъ случаяхъ оно усматривается косвеннымъ образомъ.

Нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ, что головной мозгъ, какъ и всѣ органы человѣческаго тѣла, можетъ подвергаться заболѣваніямъ. Поврежденія его подлежатъ тѣмъ же естественнымъ законамъ, какимъ слѣдуютъ болѣзненные процессы въ другихъ органахъ, и если внѣшнее проявленіе этихъ процессовъ совершенно своеобразно, то это находится въ зависимости лишь отъ особенностей самого органа, его устройства и назначенія.

Подобно другимъ органамъ, головной мозгъ представляется скопленіемъ клѣтокъ, расположенныхъ въ мельчайшихъ гнѣздахъ нѣжной основной соединительной ткани; по этому тонкому сѣтчатому скелету пробѣгаютъ неисчислимые мельчайшіе кровеносные сосуды, питающіе мозговыя клѣточки; но особенность мозговыхъ клѣточекъ, отличающая ихъ отъ клѣтокъ другихъ органовъ, заключается въ томъ, что онѣ обладаютъ многочисленными тончайшими отростками самой разнообразной длины. Длиннѣйшіе изъ нихъ служатъ для сообщенія мозговыхъ клѣтокъ съ органами чувствъ и движенія либо непосредственно, либо при помощи промежуточныхъ клѣточекъ, отростки которыхъ представляютъ собственно нервныя волокна; другіе отростки мозговыхъ клѣтокъ служатъ для сообщенія между клѣтками, лежащими въ различныхъ отдѣлахъ мозга: они идутъ изъ одного полушарія въ другое, изъ передняго отдѣла въ задній и въ боковые, и наоборотъ; наконецъ, кратчайшіе отростки сообщаютъ клѣтки съ тѣми изъ длинныхъ отростковъ, которые проходятъ въ ихъ сосѣдствѣ. Совокупность этихъ отростковъ выполняетъ почти всю массу головного мозга, оттѣсняя клѣточныя скопленія къ самой поверхности, которую принято называть мозговою корой, и еще только въ глубинѣ мозга помѣщено нѣсколько небольшихъ узловъ, состоящихъ изъ клѣтокъ.

Такое преимущественно волокнистое строеніе головного мозга составляетъ его анатомическую особенность. Физіологическая особенность его состоитъ въ томъ, что различные отдѣлы коры и связанныя съ ними волокна несутъ различное назначеніе: одни завѣдываютъ зрительными, слуховыми и иными впечатлѣніями, другіе служатъ производителями произвольныхъ движеній въ членахъ тѣла, третьи спеціально управляютъ способностью рѣчи; переднія доли коры мозга являются преимущественно носителями психической жизни.

Особенностями анатомическаго и физіологическаго устройства головного мозга въ значительной степени опредѣляются и особенности внѣшнихъ проявленій его страданій. Если грубый болѣзненный процессъ поразитъ какую-нибудь часть мозговой коры или соотвѣтствующую ей кисть волоконъ, то это скажется выпаденіемъ ихъ функціи и, смотря по захваченному мѣсту, выразится въ потерѣ слуха, зрѣнія или въ параличѣ соотвѣтствующаго члена. Но такое поврежденіе головного мозга обыкновенно не вызываетъ рѣзкаго душевнаго разстройства; для послѣдняго необходимо болѣе широкое распространеніе болѣзненнаго процесса въ корѣ, но за то достаточно разлитого процесса очень незначительной силы, чтобы создать душевное разстройство.

Какъ видно изъ устройства мозговой коры, болѣзненный процессъ можетъ поразить различные ея элементы: онъ можетъ пасть непосредственно на клѣтки и ихъ волокна, можетъ обезобразить и уничтожить кровеносные сосуды и измѣнить несомую ими кровь, можетъ коснуться соединительно-тканной основы; конечно, и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ душевное разстройство проявится лишь тогда, когда отъ болѣзней сосудовъ, крови и соединительной ткани пострадаютъ мозговыя волокна и клѣтки.

Разсмотрѣвши въ отдѣльности всѣ эти случаи, мы въ то же время обойдемъ въ общихъ чертахъ и весь рядъ типичныхъ душевныхъ разстройствъ, которыя являются не чѣмъ инымъ, какъ психическимъ проявленіемъ указанныхъ болѣзненныхъ разстройствъ.

Начнемъ съ первичныхъ страданій мозговыхъ клѣтокъ и волоконъ.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ нервныхъ и душевныхъ недуговъ родителей и предковъ, а также при неблагопріятныхъ условіяхъ утробной жизни, ребенокъ можетъ явиться на свѣтъ съ готовыми неправильностями тонкой архитектуры мозга: его мозгъ оказывается снабженнымъ недостаточнымъ количествомъ клѣтокъ, со скудными малоразвѣтвленными отростками; это недоразвитіе иногда выражается даже въ явственно замѣтномъ малоголовіи; такой ребенокъ съ рожденія обреченъ на существованіе *идіота.* Онъ плохо запоминаетъ окружающіе предметы, поздно начинаетъ распознавать ближайшихъ къ нему лицъ; способность рѣчи появляется у него поздно и часто оказывается очень несовершенной; онъ не поддается дисциплинѣ, подверженъ бурнымъ аффектамъ и подчиненъ дурнымъ инстинктамъ; его отношеніе къ жизни мало осмысленно, представленіе о нравственности ему недоступно; многія животныя стоятъ въ интеллектуальномъ отношеніи не ниже его.

Бываетъ и такъ, что ребенокъ, рожденный въ нормальныхъ анатомическихъ условіяхъ и до поры до времени ничѣмъ не отличающійся отъ здоровыхъ дѣтей, начинаетъ, въ томъ или другомъ возрастѣ, отставать отъ своихъ сверстниковъ: онъ не способенъ къ дальнѣйшему развитію, а въ иныхъ случаяхъ неспособенъ даже устоять на той ступени, до которой добрался, и неудержимо стремится назадъ. При его появленіи на свѣтъ, мозгъ его былъ надѣленъ элементами недостаточно жизнеспособными, энергіи

которыхъ хватило лишь не надолго; истощивъ свою жизненность, они стали гибнуть одинъ за другимъ, обнаруживая свою гибель *раннимъ слабоуміемъ.*

У здороваго нормальнаго человѣка жизненность всѣхъ тканей приблизительно одинакова; и живетъ человѣкъ до той поры, покуда его ткани способны работать, то-есть до старости, которая наступаетъ въ индивидуально различное время. Но что произойдетъ, если жизнеспособность мозга окажется ниже энергіи другихъ тканей, если до семидесяти лѣтъ доживетъ такой человѣкъ, у котораго клѣтки головного мозга разсчитаны лишь на шестьдесятъ? Очевидно, у него въ 60 лѣтъ произойдетъ то же, что мы сейчасъ видѣли у ребенка: его умственное развитіе станетъ регрессировать, кругозоръ его сузится, память ослабѣетъ, онъ сдѣлается безпомощнымъ, капризнымъ, боязливымъ; животная жизнь выступитъ у него на первый планъ; разовьется состояніе такъ называемаго *старческаго слабоумія.*

На всемъ широкомъ протяженіи жизненнаго пути, отъ колыбели до могилы, можетъ развиться это состояніе, раньше или позднѣе, въ зависимости отъ меньшей или большей устойчивости мозговыхъ элементовъ и отъ серьезности предъявляемыхъ къ нимъ требованій. И въ 20, и въ 30, и въ 40 лѣтъ можетъ наступить это раннее слабоуміе, эта преждевременная умственная дряхлость.

Однако, не въ этомъ одномъ заключается прирожденная неустойчивость головного мозга: въ эту же категорію явленій должна быть отнесена вся та громадная группа душевныхъ разстройствъ, которая общеизвѣстна какъ *психопатическія проявленія наслѣдственнаго вырожденія.* Къ ней принадлежатъ тѣ психопатическія состоянія, которыя стоятъ близко къ нормальной психической жизни и которыя французскій психіатръ Кюллеръ такъ мѣтко назвалъ границею сумасшествія (les frontières de la folie). Мы не будемъ останавливаться на этихъ болѣзняхъ воли и нравственности, навязчивыхъ мысляхъ, влеченіяхъ и поступкахъ, сомнѣніяхъ и страхахъ: они больше всего извѣстны читающей публикѣ. Имъ посвящено не мало популярныхъ монографій; такіе термины, какъ *матоидъ* и *дегенерантъ* употребляются въ жизни въ достаточно опредѣленномъ и общепонятномъ значеніи; такія названія, какъ клептоманія, агорафобія, коллекціонизмъ, всѣмъ знакомы и понятны. Эти разстройства, быть можетъ, болѣе всего способствовали распространенію въ публикѣ ненаучнаго, неправильнаго термина «маніи» искаженной *мономаніи* прежнихъ французскихъ авторовъ, которому соотвѣтствуетъ научный терминъ *бредъ* (délire): бредъ сомнѣнія, бредъ поджиганія, бредовые страхи и влеченія не являются отдѣльными формами болѣзни, а лишь симптомами, свидѣтельствующими о дегенеративности субъекта; опредѣляющими моментами этихъ бредовыхъ проявленій служитъ не то, что одинъ больной боится открытыхъ площадей, а другой наклоненъ къ воровству, а то, что и стремленіе, и страхъ, и сомнѣніе навязываются словно чѣмъ-то постороннимъ, возникаютъ безъ участія сознанія, которое понимаетъ безсмысленность или безнравственность неудержимыхъ поступковъ, и помимо воли, которая безсильна въ борьбѣ съ ними.

Іонкія разстройства прижизненнаго питанія головного мозга слагаются изъ заболѣваній двухъ родовъ; къ первому должны быть отнесены тѣ страданія, при которыхъ не измѣняется составъ крови, ко второму—тѣ, которыя порождаются ея ненормальнымъ качествомъ.

Если почему-либо кровь будетъ доставляться мозговымъ элементамъ въ недостаточномъ количествѣ, или сами клѣтки утратятъ способность питаться досыта, то это отразится на ихъ функціи, проявляясь вялостью и замедленіемъ мыслительныхъ процессовъ и вызывая подавленное самочувствіе. Настроеніе сдѣлается печальнымъ, угнетеннымъ, тоскливымъ, явится отчаяніе и жажда смерти. Благодаря перемѣнѣ настроенія, замедленная мысль особенно настойчиво будетъ останавливаться на грустныхъ представленіяхъ, на тяжелыхъ воспоминаніяхъ, связанныхъ съ укорами совѣсти и самообвиненіемъ. Затягиваясь на продолжительное время, ослабленное питаніе клѣтокъ измѣняетъ и по существу обычные клѣточные процессы: съ одной стороны это сказывается въ томъ, что въ мышленіи обнаруживаются бредовыя представленія, съ другой—въ появленіи галлюцинацій. И галлюцинаціи, и бредъ подчиняются общему тону болѣзни: безнадежныя мысли создаютъ и печальныя галлюцинаціи, которыя, являясь для больного чѣмъ-то внѣшнимъ, усугубляютъ его горькія думы и подтверждаютъ его бредъ. Ему представляются мертвецы, и онъ себя винитъ въ ихъ смерти; ему представляются орудія пытки, и онъ ждетъ справедливаго наказанія. Въ ушахъ раздаются отголоски его мрачныхъ мыслей, его порицаютъ, бранятъ, грозятъ. Онъ убѣжденъ въ своей виновности и вредоносности, его грызетъ тоска и совѣсть; если онъ не находитъ въ своемъ прошломъ упущеній, которыя можно бы расширить до объема преступленія и грѣха, если бредъ не подсказываетъ ему фиктивной вины, то онъ винитъ самое свое существованіе, надъ которымъ виситъ неумолимый рокъ: онъ вреденъ ужъ и тѣмъ, что живетъ, его благоденствіе искупалось гибелью другихъ, онъ распространяетъ вокругъ себя нравственную заразу, его появленіе порождаетъ справедливыя проклятія, онъ мерзокъ, гадокъ, подобенъ дьяволу. Такіе больные жадно стремятся къ смерти, въ которой видятъ спасеніе себѣ и другимъ; они не ждутъ ея, а идутъ ей на встрѣчу, и страстно налагаютъ на себя руки.

Описанная картина свойственна той болѣзни, которая называется *меланхоліей*. Яркую противоположность ей по существу и по картинѣ представляетъ *манія*. Сущность ея заключается въ усиленномъ питаніи мозговыхъ элементовъ, вслѣдствіе увеличеннаго притока крови или повышенія потребительной способности самихъ клѣтокъ. Процессъ мышленія облегчается и ускоряется, настроеніе дѣлается веселымъ, поведеніе экспансивнымъ. Больной радостенъ, счастливъ, беззаботенъ, шутитъ, смѣется, импровизируетъ стихи; онъ—счастливѣйшій изъ смертныхъ, онъ—великій поэтъ, мыслитель, богачъ. Онъ все знаетъ, все умѣетъ; онъ красивѣе, здоровѣе, сильнѣе всѣхъ. Онъ разсыпаетъ подарки, разъѣзжаетъ на рысакахъ, устраиваетъ пиры: ему не жаль средствъ для удовлетворенія своихъ фантазій.

Процессъ можетъ пойти и дальше: мысль можетъ потечь такъ быстро, что самъ больной не въ силахъ уловить ее цѣликомъ и производитъ безсвязные обрывки; онъ безъ критики считаетъ себя царемъ и Богомъ. Потребность движенія увеличивается, возбужденіе растетъ, рѣчь становится неумолкаемой. Въ галлюцинаціяхъ больной видитъ престолъ и корону, сонмъ ангеловъ, колѣнопреклоненную толпу, слышитъ привѣтственные клики, хвалебные гимны: бредовая власть его безпредѣльна.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обѣ описанныя болѣзни періодически смѣняютъ другъ друга у одного и того же больного: ослабленное питаніе мозга смѣняется повышеннымъ, меланхолическій періодъ — маніакальнымъ, либо непосредственно, либо послѣ болѣе или менѣе значительнаго здороваго промежутка. Такіе случаи носятъ названіе *циркулярнаго помѣшательства*.

Помимо этого, манія и меланхолія текутъ довольно благопріятно и въ большинствѣ случаевъ, при надлежащемъ уходѣ и лѣченіи, оканчиваются выздоровленіемъ, продержавшись нѣсколько мѣсяцевъ. Чтобы добиться благопріятнаго исхода, чрезвычайно важно начать лѣченіе своевременно; а въ этомъ-то чаще всего и грѣшитъ публика. Внѣшнія проявленія тоски меланхоликовъ часто оказываются далеко не параллельными ихъ тягостнымъ ощущеніямъ и недостаточно оцѣниваются окружающими: отсутствіе безсвязности въ рѣчи и безумія въ поступкахъ, отсутствіе мнимыхъ физіономическихъ аттрибутовъ заставляютъ родныхъ относиться къ меланхолику, какъ къ душевно-здоровому; для борьбы съ его дурнымъ настроеніемъ, его отправляютъ путешествовать, возятъ по театрамъ и баламъ, развлекаютъ всѣми доступными способами—и тѣмъ самымъ предлагаютъ его ослабленному мозгу чрезмѣрную, непосильную работу. Нерѣдко бываетъ, что только первая попытка самоубійства служитъ сигналомъ для обращенія къ врачу.

То же бываетъ и съ маніаками въ начальномъ стадіи ихъ болѣзни. Розовое настроеніе, подвижность, предпріимчивость, остроуміе такъ далеки отъ всякихъ болѣзненныхъ проявленій, субъективно ощущаемый больнымъ приливъ здоровья и силъ такъ обманчивъ, что и окружающіе легко поддаются опасной иллюзіи. Больному предоставляютъ усиленно работать, разъѣзжать по гостямъ, участвовать въ собраніяхъ и пирушкахъ до тѣхъ поръ, пока больной мозгъ, переутомленный двойными требованіями—болѣзни и общества, не утратитъ послѣдняго равновѣсія, и разстройство быстрыми шагами не пойдетъ впередъ по пути буйства.

И меланхолія, и манія чаще всего являются какъ результатъ длительнаго переутомленія или истощенія организма—большими потерями крови, тяжелыми родами, кормленіемъ; но нерѣдко онѣ являются слѣдствіемъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, причемъ эмоціональная окраска потрясенія не отражается на характерѣ психоза: и удручающее потрясеніе можетъ вызвать манію, и наоборотъ. Чѣмъ раньше больному мозгу данъ будетъ покой, чѣмъ раньше начнется врачебное воздѣйствіе, тѣмъ меньше успѣетъ развиться болѣзнь, тѣмъ меньше разожгутъ ее вредныя условія. Подходящую обстановку можетъ дать только больница, съ ея спеціальными при-

способленіями и уходомъ: только больница можетъ уберечь маніака отъ опрометчивыхъ легкомысленныхъ поступковъ и обязательствъ, а меланхолика—отъ насильственной смерти. Около 70% изъ числа этихъ больныхъ выздоравливаютъ въ больницахъ безслѣдно.

Иной родъ душевныхъ страданій вызывается тѣмъ разстройствомъ питанія мозга, которое связано съ измѣненіемъ состава крови. При всякомъ отравленіи ядовитое вещество циркулируетъ въ крови, поражая тѣ или другіе органы. По отношенію къ нѣкоторымъ ядамъ особенною неустойчивостью отличается мозгъ. Къ этой категоріи, прежде всего, относится алкоголь, который даже въ незначительной дозѣ вызываетъ у нѣкоторыхъ людей душевное разстройство, называемое опьяненіемъ; сюда же относятся морфій, кокаинъ, эѳиръ, сюда же должны быть отнесены и нѣкоторые мало изслѣдованные яды, которые развиваются въ самомъ организмѣ при различныхъ бактерійныхъ и иныхъ процессахъ и производятъ такъ называемое самоотравленіе.

Ядовитая примѣсь кореннымъ образомъ измѣняетъ жизнь и дѣятельность мозговыхъ клѣтокъ; отрава является ненормальнымъ внутреннимъ факторомъ, возбуждающимъ одни элементы, подавляющимъ другіе; въ мозгу загарается самостоятельная жизнь, не основанная на обычныхъ возбудителяхъ, независимая отъ воспріятій окружающаго и отъ прежняго опыта. Въ клѣткахъ возникаютъ впечатлѣнія, не соотвѣтствующія реальной дѣйствительности, представленія сочетаются не въ порядкѣ своихъ нормальныхъ связей, а по случайнымъ вспышкамъ возбужденія въ той или другой клѣткѣ. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ изобиліи разнообразныхъ галлюцинацій, затмевающихъ окружающую дѣйствительность, въ пестрой игрѣ случайныхъ безсвязныхъ сопоставленій, неправильныхъ толкованій и бредовыхъ идей. Больной, какъ во снѣ, живетъ въ сказочномъ мірѣ своего бреда, отрѣшенный отъ текущей дѣйствительности; если она и доходитъ до его сознанія, то воспринимается, какъ одно изъ звеньевъ волшебнаго существованія, которое переживаетъ больной. Онъ витаетъ въ облакахъ, опускается въ адъ, присутствуетъ на страшномъ судѣ, борется съ чудовищами, ведетъ кровопролитныя войны, умираетъ и воскресаетъ; онъ бесѣдуетъ съ умершими, съ ангелами, святыми, Богомъ; его умоляютъ о спасеніи грѣшники, дьяволы грозятъ ему огнемъ. Подъ вліяніемъ своихъ галлюцинацій и бреда, больной то молится и плачетъ, то поетъ, хохочетъ и грозитъ, то дерется, борется и рвется, то съ ужасомъ жмется къ стѣнѣ. Иногда въ немъ продолжительно преобладаетъ одно настроеніе, иногда они быстро чередуются, смѣняя другъ друга, какъ смѣняются безпрестанно и галлюцинаціи и нестойкій бредъ.

Этотъ видъ душевнаго разстройства носитъ названіе *острой спутанности* или *безсмыслія*. Психозы, развивающіеся вслѣдствіе истиннаго отравленія (какъ *бѣлая горячка*), выдѣляются изъ этой общей группы, какъ вызываемые спеціальнымъ внѣшнимъ агентомъ, ибо они оканчиваются очень быстро вслѣдъ за прекращеніемъ введенія ядовитаго вещества; безсмысліе

же, вызванное внутреннимъ очагомъ отравы, протекаетъ болѣе длительно, часто съ повышенною вначалѣ температурой.

Острое безсмысліе развивается большею частью на почвѣ истощенія организма, либо острыми физическими болѣзнями (какъ тифъ, ревматизмъ, послѣродовая горячка) либо хроническими (какъ чахотка), либо быстрымъ ростомъ тѣла въ періодъ юношескаго развитія. Иногда къ этимъ условіямъ присоединяется, въ качествѣ ближайшаго толчка, моральное потрясеніе, а очень сильные трагическіе удары судьбы могутъ вызвать его и самостоятельно. При благопріятныхъ условіяхъ больничнаго режима и эта болѣзнь въ 70 случаяхъ изъ 100 оканчивается полнымъ выздоровленіемъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и тѣмъ больше шансовъ на благополучный исходъ, чѣмъ раньше больной бываетъ подвергнутъ разумному лѣченію.

Что дѣлается, однако, съ остальными 30 процентами? Что означаетъ эта неизлѣчимость острыхъ психозовъ и въ чемъ она проявляется? Истощенныя разстроеннымъ питаніемъ, клѣтки гибнутъ раньше времени; происходитъ то, съ чѣмъ мы уже знакомы. Клѣтки, одаренныя опредѣленной жизнеспособностью для нормальныхъ условій, подъ вліяніемъ болѣзни быстрѣе растрачиваютъ свою энергію и оказываются неспособными къ дальнѣйшей дѣятельности: онѣ постепенно уничтожаются, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ интенсивнѣе кипѣлъ болѣзненный процессъ. Наступаетъ *слабоуміе*, которое въ отличіе отъ самостоятельнаго, первичнаго, разсмотрѣннаго нами выше, называется *вторичнымъ и послѣдовательнымъ:* какъ и тамъ, суживается умственный кругозоръ, слабѣютъ логика и память, блѣднѣютъ аффекты, и животная жизнь беретъ верхъ.

На рубежѣ между группой излѣчимыхъ душевныхъ разстройствъ и тѣми неизлѣчимыми болѣзнями, которыя вызваны страданіемъ соединительно-тканной основы мозга, стоитъ особое душевное разстройство, называемое *первичнымъ помѣшательствомъ* или *систематизированнымъ бредомъ преслѣдованія и величія.*

Намъ совершенно неизвѣстна сущность и причины этой грандіозной трагедіи; но проявленія ея изучены очень подробно. Подкрадывается она исподволь, незамѣтно. Человѣкъ, слывшій за вполнѣ здороваго, дѣлается подозрительнымъ, недовѣрчивымъ: онъ чувствуетъ, что вокругъ него что-то неладно. Окружающіе таинственно переглядываются, словно что-то скрывая, о чемъ-то шепчутся, на что-то намекаютъ. Больной присматривается, вслушивается, и приходитъ къ ложному убѣжденію, что въ центрѣ этой таинственности находится онъ самъ: его въ чемъ-то подозрѣваютъ, за нимъ слѣдятъ, противъ него возбуждаютъ обвиненія, воздвигаютъ гоненія. Онъ слышитъ непонятные стуки, испытываетъ особыя ощущенія въ головѣ и тѣлѣ; до него, наконецъ, доносится явственный шепотъ и громкіе голоса, по которымъ онъ утверждается въ своемъ предположеніи. Ему все становится яснымъ, таинственность освѣщается: его невинно преслѣдуетъ группа людей, цѣлое сословіе, нація, государство, весь міръ, весь адъ. Соотвѣтственно эпохѣ, индивидуальному развитію и господствующимъ идеямъ, бредъ

преслѣдованія принимаетъ ту или другую частную окраску: больнымъ завладѣлъ дьяволъ, его магнетизируютъ, гипнотизируютъ, дѣйствуютъ на него міровымъ ѳеиромъ; за нимъ слѣдитъ полиція, жандармы, соціалисты, разбойники. Невѣдомыми путями они узнаютъ его затаенныя мысли, раскрываютъ его прошлое, клевещутъ и чернятъ: нигдѣ и никогда онъ не скрытъ отъ ихъ вліянія; ежеминутно ему грозитъ опасность и смерть. У первично-помѣшанныхъ создается новое всеобъемлющее міровоззрѣніе, вполнѣ логично построенное на первоначальныхъ бредовыхъ основаніяхъ, и главную особенность его составляетъ то, что все оно группируется вокругъ самого больного и имѣетъ въ виду лишь его интересы; больной, какъ паукъ, сидитъ въ центрѣ сотканной имъ паутины.

Многіе изъ больныхъ этой категоріи, несмотря на обиліе галлюцинацій и бреда, не теряютъ разсудка; ихъ логическія способности долго сохраняются въ полной силѣ, ихъ сужденія ясны и правильны во всемъ, что не касается спеціальной области ихъ бреда. Въ ихъ словахъ, поведеніи, поступкахъ нѣтъ ничего такого, что отличало бы ихъ отъ здоровыхъ людей; даже о своемъ бредѣ они говорятъ такъ логично, связно и убѣдительно, что, не зная сути дѣла, легко можно вовлечься въ обманъ. Что̀ невѣроятнаго въ томъ, что у человѣка есть злые враги, распространяющіе про него ложные слухи, вредящіе ему на каждомъ шагу? И не рѣдко бываетъ, что легковѣрныя лица, живущія въ тѣсной близости съ первично-помѣшаннымъ, поддаются убѣжденіямъ его бреда, воспринимаютъ его, такъ сказать, заражаются его болѣзнью. А если бредъ носитъ характеръ религіознаго мученичества, то онъ можетъ быть переданъ и окружающей массѣ; такъ оно бываетъ нерѣдко при психическихъ эпидеміяхъ, порождающихъ сектантство, гдѣ первично-помѣшанные увлекаютъ за собой вѣрующую толпу, переливая въ нее свой бредъ и являясь для нея учителями и пророками *).

Однако драма первичнаго помѣшательства не останавливается на первой ступени бреда преслѣдованія. Постепенно или сразу больного осѣняетъ мысль, что козни направленныя противъ него вызваны не столько людскою злобой, сколько его высокими достоинствами, его знатнымъ происхожденіемъ, его геніальнымъ умомъ. Фантазія его работаетъ въ этомъ направленіи,—и въ окружающихъ намекахъ, воспоминаніяхъ, часто ложныхъ, въ галлюцинаціяхъ и символахъ видитъ онъ указаніе на свое неожиданное величіе. Онъ начинаетъ догадываться, что онъ происходитъ изъ царскаго рода, что враги престола въ дѣтствѣ похитили его, воспитали какъ сына; что, обвиняя его въ грязныхъ дѣлахъ и помыслахъ, преслѣдователи имѣли въ виду убить и въ немъ, и въ вѣрноподданныхъ всякія подозрѣнія о его истинномъ достоинствѣ; и вотъ онъ принимается возстановлять свои поруганныя права. Въ другихъ случаяхъ бредъ мученичества перерождается въ бредъ святости, иногда идеи преслѣдованія и величія носятъ демономаническій, любовный или иной характеръ.

*) Какъ на примѣръ, можно указать на прошумѣвшую недавно „Малеванщину“.

Первично-помѣшанные не рѣдко бываютъ очень опасны для окружающихъ: выведенные изъ терпѣнія систематическимъ неусыпнымъ преслѣдованіемъ, они принимаются мстить своимъ мнимымъ врагамъ и сами превращаются въ ярыхъ преслѣдователей; они пишутъ жалобы и доносы, взываютъ къ суду, къ полиціи, къ высшей администраціи и, не достигнувъ цѣли, сами расправляются со своими губителями *).

Первичное помѣшательство развивается иногда очень быстро и, протянувшись около года, оканчивается выздоровленіемъ. Въ другихъ случаяхъ оно нарастаетъ медленно и постепенно, растягиваясь па многіе годы, на десятки лѣтъ; эта хроническая форма никогда не излѣчивается и, послѣ періода бреда величія, переходитъ въ конечное слабоуміе.

Послѣднюю группу душевныхъ разстройствъ представляютъ тѣ, которыя являются слѣдствіемъ заболѣванія мозговой соединительной ткани, въ видѣ хроническаго воспаленія послѣдней. Воспаленіе соединительной ткани ведетъ къ разрастанію ея и рубцеванію: и тотъ, и другой процессъ, протекая въ промежуткахъ между клѣтками и волокнами, постепенно сдавливаетъ ихъ и ведетъ къ уничтоженію. Окончательнымъ результатомъ этого страданія будетъ не только слабоуміе, но и параличи, и потеря чувствительности общей и спеціальной и, въ концѣ-концовъ, неизбѣжная смерть. Страшная болѣзнь, характеризующаяся этими явленіями, носитъ названіе *общаго прогрессивнаго паралича*, а въ публикѣ именуется «параличомъ мозга». Причинами ея служитъ алкоголизмъ, ушибы головы, переутомленіе однообразною умственною работой; главною же причиной является сифилисъ.

Картина прогрессивнаго паралича очень пестра и складывается изъ ряда физическихъ и психическихъ симптомовъ. У больныхъ разстраивается зрѣніе, обоняніе, рѣчь, почеркъ, походка, падаютъ силы, развивается яркій бредъ маніакальнаго, меланхолическаго или спутаннаго характера, носящій съ самаго начала рѣзкій обликъ недомыслія, очевидной нелѣпости и противорѣчія. Характеръ больного круто измѣняется, привязанности его рушатся, нравственные принципы вянутъ, интересы суживаются, память слабѣетъ. Явленія общей слабости выступаютъ на первый планъ, развиваются параличи движенія, ударъ слѣдуетъ за ударомъ, и черезъ три-четыре года послѣ начала болѣзни больной умираетъ.

Что можетъ дать больница неизлѣчимымъ больнымъ послѣднихъ двухъ категорій? Отвѣтъ на это ясенъ. Она дастъ имъ пріютъ и уходъ, дастъ такія условія существованія, которыя требуютъ наименьшей затраты силъ и могутъ способствовать продленію жизни. Для больныхъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличомъ, эти условія могутъ быть часто созданы и въ домашней обстановкѣ; для первично-помѣшанныхъ же необходимо пребываніе въ больницѣ, если не для нихъ, то для общественной безопасности. Такое обоснованіе помѣщенія въ лѣчебницу никоимъ образомъ не должно

*) Послѣднею разновидностью первичнаго помѣшательства страдалъ, между прочимъ, убійца покойнаго Московскаго городского головы Н. А. Алексѣева.

разсматриваться какъ покушеніе на свободу и право личности; аналогично изоляціи дифтерійныхъ и холерныхъ больныхъ, его нужно считать санитарною врачебною мѣрой.

Для того, чтобы послѣднія слова не звучали лицемѣріемъ и ироніей, необходимо, конечно, чтобы психіатрическія учрежденія, и по устройству, и по режиму, являлись не тюрьмами, а больницами. Къ этому и стремится практическая психіатрія. Многое уже сдѣлано въ этомъ направленіи, многое можетъ сдѣлать публика. Въ ея власти поднять престижъ психіатрической больницы, взглянуть на нее не какъ на притонъ сумасшедшихъ, а какъ на клинику болѣзней головного мозга; въ ея власти признать за каждымъ человѣкомъ незавидное право болѣть тою болѣзнью, которой надѣлила его природа, и не клеймить его за то, что у него страдаетъ мозгъ, а не печень; въ ея власти ближе присмотрѣться къ больнымъ, къ врачамъ и больницамъ, чтобы, отрѣшившись отъ предразсудковъ, на взаимномъ довѣріи основать дальнѣйшее процвѣтаніе тяжелаго и гуманнаго дѣла психіатріи.

Начальные періоды душевныхъ болѣзней протекаютъ обыкновенно при домашней обстановкѣ, и первое воздѣйствіе оказывается на душевно-больныхъ ихъ родными и друзьями, не посвященными въ спеціальныя знанія. Ихъ первою задачей должно быть констатированіе болѣзни и стараніе убѣдить больного въ томъ, что онъ нездоровъ и нуждается въ совѣтѣ врача-спеціалиста. Столь распространенное въ публикѣ мнѣніе, что отъ больного нужно всячески скрывать его болѣзнь, потакать его безумію, маскировать посѣщеніе врача, выдавая его за случайнаго посѣтителя и утаивая цѣль его появленія, — на практикѣ приноситъ много вреда; обманъ большею частью очень скоро обнаруживается, вызывая въ больномъ справедливый гнѣвъ и подрывая съ самаго начала его довѣріе къ врачу, который ознаменовалъ свое первое знакомство обманомъ. Еще въ большей степени это относится къ обманному и насильственному помѣщенію въ больницу, куда нерѣдко больные доставляются родными подъ вымышленнымъ предлогомъ и гдѣ ихъ ждетъ западня; само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ у больныхъ съ первой минуты устанавливается враждебное отношеніе къ учрежденію и недовѣріе къ персоналу его, а это можетъ очень вредно отразиться на лѣченіи, не говоря уже о томъ, что подобный образъ дѣйствій способствуетъ закрѣпленію и въ здоровыхъ, и въ больныхъ представленія о тюремной организаціи лѣчебницы.

Отъ искорененія такого взгляда, отъ пріобрѣтенія правильныхъ воззрѣній на средства и задачи психіатріи прежде всего выиграютъ неповинные больные, которые будутъ утверждены въ своемъ неотъемлемомъ правѣ на своевременную правильную помощь: по статистикамъ различныхъ авторовъ, время помѣщенія душевно-больныхъ въ лѣчебницу ярко отражается на исходѣ болѣзни. Изъ больныхъ, помѣщенныхъ въ первый мѣсяцъ заболѣванія, выздоравливаетъ около 60%, изъ помѣщенныхъ въ первое полугодіе болѣзни—40%, во второе полугодіе не болѣе 20%; больные, помѣщенные послѣ года болѣзни, имѣютъ только 2 изъ 100 шансовъ на выздоровленіе.

Такъ говорятъ цифры, такъ говоритъ и разумъ.

Много прошло вѣковъ, пока врачи сознали необходимость современнаго отношенія къ душевно-больнымъ. Создавъ имъ прочное и достойное положеніе, врачи-психіатры сдѣлали, однако, лишь половину дѣла: имъ остается еще провести и въ публику свои взгляды, разсѣявъ тѣ предразсудки, отъ которыхъ страдаютъ больные, заклейменные кличкой «сумасшедшихъ». Ни публичнымъ лекціямъ, ни воззваніямъ не достигнуть этой цѣли, если въ самой публикѣ не возникнетъ желанія самостоятельно познакомиться съ положеніемъ дѣла. А какъ только явится желаніе, найдутся и способы для его удовлетворенія.

А. Н. Бернштейнъ.

Народное образованіе въ Саратовской губерніи *)

Петровское земство начинаетъ принимать болѣе или менѣе активное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія лишь съ 1872 г., когда для разработки школьныхъ вопросовъ избрана была особая коммиссія. Въ 1873 г. земская управа высказываетъ убѣжденіе, что «дѣло народнаго образованія тогда только пойдетъ успѣшно, когда будутъ основаны, хотя первоначально и въ небольшомъ числѣ, исключительно земскія школы, т.-е. обладающія постоянными и прочными денежными средствами». Въ 1875 г. земскимъ собраніемъ для разработки вопроса о народномъ образованіи избрана была новая коммиссія, которая и представила слѣдующему земскому собранію докладъ. Въ своемъ докладѣ коммиссія, между прочимъ, говоритъ, что «цѣль всякаго народнаго училища должна заключаться въ томъ, чтобъ учившійся въ немъ пріобрѣлъ извѣстную долю самостоятельности, чтобъ онъ пришелъ къ сознанію своего человѣческаго достоинства и, наконецъ, чтобъ онъ до извѣстной степени понялъ свои отношенія къ Богу, къ внѣшнему міру и къ окружающему его обществу». Цѣль эта, по мнѣнію коммиссіи, можетъ быть достигнута при знакомствѣ съ Закономъ Божіимъ, математикой, естественными науками и, до извѣстной степени, съ географіей, исторіей, съ государственными и мѣстными учрежденіями и важнѣйшими законами. Въ качествѣ необходимаго дополненія къ указаннымъ предметамъ должны служить прикладныя знанія, изученіе ремеслъ, пѣнія, рисованія. «Только такое образованіе,— говоритъ коммиссія,—можетъ удовлетворить потребностямъ народа, сдѣлать его умственно, нравственно и экономически самостоятельнымъ и дать ему возможность правильно идти по пути дальнѣйшаго прогресса и достиженія великія силы и благоденствія». Отношенія земства и сельскихъ обществъ коммиссія опредѣлила слѣдующимъ образомъ: «предложить каждой изъ 36 волостей уѣзда выстроить на свой счетъ по планамъ, утвержденнымъ управой, просторныя и приличныя помѣщенія для волостной школы и учителя, снабдить также удобною мебелью и принять на себя отопленіе и ремонтъ помѣщеній, наемъ сторожа и покупку классныхъ принадлежностей. По исполненіи

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

этихъ требованій, принять въ каждой волости на счетъ земства уплату жалованья учителю (360 р.) и законоучителю (40 р.) и снабженіе училищъ учебными руководствами и пособіями, а равно необходимыми книгами какъ для учителя, такъ и для учащихся». На постройку школъ предположено выдавать обществамъ ссуды до 600 руб. безъ процентовъ. Предложенная коммиссіей школьная система была принята собраніемъ. Этимъ постановленіемъ вполнѣ опредѣленъ былъ типъ земскихъ школъ. Сельско-общественнымъ школамъ, возникшимъ ранѣе, земство тоже оказывало пособіе: однимъ выдавало только 50%-ное пособіе, другимъ 50%-ное пособіе и, кромѣ того, добавочное жалованье учителю (до нормы въ 240 руб.) и законоучителю (до 40 р.). Оказывалась матеріальная поддержка и существующимъ школамъ грамотности. Годичные отчеты инспектора народныхъ училищъ за послѣдніе годы показываютъ, что въ уѣздѣ растетъ число только образцовыхъ земскихъ школъ, число же сельско-общественныхъ школъ остается прежнее.

Камышинское земство въ 1868 г. открыло 3 народныхъ школы, ассигновавъ на каждую по 500 руб. въ годъ. Изъ существовавшихъ училищъ первоначально оказывалась поддержка только 4 школамъ по 125 руб. на каждую. Въ 1871 г. земскихъ школъ увеличилось до 6. На помощь остальнымъ существующимъ училищамъ въ этомъ же году ассигновано 4 т. р., которые должны быть распредѣлены между всѣми школами поровну. Въ 1884 году, наприм., вся ассигновка на народное образованіе въ размѣрѣ 8,825 р. распредѣлялась такъ: 3,150 р.—на содержаніе 6 земскихъ училищъ, 1,050 р.—на 2 министерскихъ училища, 2,000 р. на 30 русскихъ школъ и 2,500 р.—на 24 школы въ нѣмецкихъ селеніяхъ. Школьная система, принятая въ 1871 г., существовала почти безъ измѣненій до 1886 г. Вслѣдствіе недостаточнаго пособія общественнымъ школамъ состояніе ихъ было самое жалкое. По отчету инспектора народныхъ училищъ за 1878 г., «учителя находились въ полной зависимости отъ обществъ, которыя назначаютъ имъ на сходахъ жалованье, причемъ требуютъ угощенія міра водкой. Жалованье учителямъ весьма незначительное: отъ 150 р. до 200 р. въ годъ». При осмотрахъ училищъ, инспектору «приходилось заставать учительницу въ постели больной отъ холода, а въ классѣ, вмѣсто учениковъ, телятъ и овецъ». Послѣ попытки въ 1885 году замѣнить прежнюю систему пособій школамъ другою системой, оказавшейся тоже неудачной, системою пособій «пропорціонально размѣру классныхъ помѣщеній», земство въ 1886 г. принимаетъ такое рѣшеніе: «принять на счетъ земства уплату жалованья учителю въ размѣрѣ 250 руб. въ годъ, на что и ассигновать 15 т. р.». Въ 1894 г. собраніе увеличило жалованье учителю до 300 р. и сверхъ того установило прибавку въ 60 руб. тѣмъ учителямъ, которые прослужили въ уѣздѣ не менѣе 5 лѣтъ.

Къ другой группѣ земствъ, которыя увеличивали пособія всѣмъ существовавшимъ и вновь возникающимъ училищамъ постепенно, относятся всѣ остальныя 7 земствъ.

Аткарское земство только въ 1873 г. выработало опредѣленныя школьныя правила: «1) не ограничивать выдачу земскихъ субсидій незначительнымъ опредѣленнымъ числомъ училищъ и 2) выдавать денежныя пособія только тѣмъ училищамъ, основатели которыхъ предоставятъ приговоромъ или подпиской училищному совѣту самому выбирать для нихъ учителей и передадутъ въ распоряженіе его не менѣе 120 р. въ годъ на жалованье учителю». Такимъ училищамъ постановлено выдавать отъ земства жалованье учителю въ томъ же размѣрѣ, какъ и учредители, жалованье законоучителю до 50 р. въ годъ и учебныя пособія и книги. Устройство и содержаніе помѣщеній было предоставлено обществамъ и не обусловлено ничѣмъ, вслѣдствіе чего многія школьныя помѣщенія были очень плохи. На перестройку непригодныхъ зданій и постройку новыхъ земство съ 1880 г. и до 1890 г. стало вносить въ смѣту ежегодно по 2 т. руб. Благодаря этимъ ассигновкамъ, многія школьныя зданія приняли надлежащій видъ. Дальнѣйшее увеличеніе школьныхъ расходовъ произведено земствомъ въ 1882 г., когда введена была новая система вознагражденія учителей,—система, вызванная передвиженіемъ хорошихъ, опытныхъ преподавателей изъ Аткарскаго уѣзда въ уѣзды съ большимъ учительскимъ окладомъ. Система принята была слѣдующая: «учителю, прослужившему въ уѣздѣ 3 года, дѣлается къ жалованью прибавка въ 25 руб., еще черезъ 3 года—50 руб., черезъ 3-е и 4-е трехлѣтія тоже по 50 рублей; такъ что черезъ 12 лѣтъ окладъ жалованья учителя увеличивается на 175 р., что при окладѣ, принятомъ ранѣе, дастъ 415 р.». За дальнѣйшую службу увеличенія уже не производится. Эта система существовала до 1894 г., когда періодическія прибавки были отмѣнены и былъ установленъ для всѣхъ учащихъ однообразный окладъ въ 300 р. Благодаря земскимъ пособіямъ, число школъ въ 70 е годы и въ началѣ 80-хъ увеличивалось все болѣе и болѣе: въ 1874 г. ихъ было 10, въ 1875 г.—34, наконецъ, въ 1884 г.—63. Но неурожай 1885 г. сдѣлалъ расходы сельскихъ обществъ на школы обременительными, и число школъ быстро начинаетъ сокращаться: по 1889 г. было закрыто 13 училищъ. Число училищъ уменьшилось бы еще болѣе, еслибы земство не принимало на себя выдачу той доли учительскаго жалованья (120 р.), которая лежала на обществѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда общество не въ состояніи было внести эту сумму. Земство выдавало обыкновенно жалованье учителю сполна, а на общество накладывалась недоимка. Такихъ недоимокъ къ 1893 г. накопилось 21,188 руб. 34 коп. Въ 1886 г. вопросъ о передачѣ школъ въ руки духовенства возбуждался и на аткарскомъ земскомъ собраніи, но предложеніе не прошло.

Хвалынское земство обратило прежде всего вниманіе на увеличеніе учительскаго жалованья и въ 1871 г. постановило выдавать пособіе въ размѣрѣ 75 р. только тѣмъ школамъ, гдѣ общество даетъ отъ себя учителю, по крайней мѣрѣ, столько же. Остальныя школы оставлены были безъ всякихъ пособій. Но 150 р. были очень незначительнымъ жалованьемъ; многія школы не пользовались земскимъ пособіемъ, вслѣдствіе чего число ихъ

быстро упало съ 25 до 11, а число учащихся съ 418 (въ 1870 г.) до 333 (въ 1874 г.). Это уменьшеніе заставило земство въ 1874 г. разрѣшить училищному совѣту увеличивать учительское жалованье иногда до 300 р. прибавленіемъ 225 р. отъ земства къ 75 р. отъ общества и выдавать законоучителю по 50 руб., обусловивъ эти выдачи требованіемъ отъ обществъ строить удобныя помѣщенія для училища и квартиры учителя. Въ 1877 г. жалованье въ 300 р. учителю всецѣло принято земствомъ на себя; требованія отъ обществъ относительно устройства школъ осталось то же. Общества, не строившія удобныхъ школьныхъ зданій, должны пользоваться пособіями лишь въ размѣрѣ ихъ собственныхъ жертвъ. Въ 1883 г. постановлено было черезъ каждыя 5 лѣтъ производить прибавку къ учительскому жалованью по 50 р. за пятилѣтіе; впослѣдствіи эти періодическія прибавки замѣнены были единовременной въ 50 р. по истеченіи первыхъ 5 лѣтъ службы. Пособія земства обществамъ оказали большое вліяніе: число школъ съ 11 (въ 1874 г.) возросло до 27 (въ 1884 г.), а число учащихся съ 333 до 1,860. Всѣ школы находились въ особыхъ, спеціально построенныхъ для нихъ, домахъ.

Въ 1885 г. половина школъ была передана въ вѣдѣніе духовенства, а другая осталась при тѣхъ же условіяхъ, что и раньше. Передача школъ мотивировалась желаніемъ «сократить расходы по народному образованію и утвердить въ народѣ христіанскую нравственность и православное ученіе вѣры». Передача произведена была въ видѣ опыта, причемъ земство оставило за собой право отказать переданнымъ школамъ въ пособіи, если онѣ окажутся въ неудовлетворительномъ состояніи. Оставленное за собой право земство хотѣло примѣнить на дѣлѣ въ 1894 г., когда на очередномъ собраніи постановило: «увѣдомить саратовскій епархіальный училищный совѣтъ о томъ крайне неудовлетворительномъ состояніи церковно-приходскихъ школъ, въ которомъ онѣ находятся по случаю неудачнаго назначенія большинства учителей, и (объявить) что земское собраніе впредь будетъ выдавать пособіе этимъ школамъ и вновь открытымъ лишь въ томъ случаѣ, если гг. земскіе начальники удостовѣрятъ, что школы удовлетворяютъ своему назначенію, и земское собраніе признаетъ ихъ заслуживающими пособія».

Балашовское земство «никогда точно не опредѣляло своихъ отношеній къ сельскимъ обществамъ по содержанію училищъ». Въ 1872 г. оно ассигновало 5 т. р. на жалованье учителямъ и обязало общества «съ своей стороны вносить на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму, никогда ее не уменьшая». Какая сумма должна вноситься каждымъ обществомъ, это не было опредѣлено. Не было и опредѣленнаго учительскаго оклада: при распредѣленіи ассигнованной суммы управа, принимая во вниманіе отзывы о школахъ училищнаго совѣта, руководствовалась успѣшностью занятій въ той или другой школѣ. Въ 1882 г. постановлено распредѣлять учительское жалованье по числу учащихся въ школѣ: при 40 ученикахъ—270 р., при 60—300 р., при числѣ болѣе 60—320 р. Въ томъ же году постановлено

чтобы деньги, вносимыя обществами для учительскаго жалованья, передавались ими въ управу за каждое полугодіе впередъ, откуда онѣ вмѣстѣ съ земскими пособіями и должны выдаваться учителямъ. Это сдѣлано было для устраненія неаккуратности взноса денегъ со стороны сельскихъ обществъ. Такъ какъ сумма, вносимая обществами, не была опредѣлена, то часто, благодаря этому, получалась такая ненормальность: богатыя общества платили меньше, бѣдныя — больше, и земскія суммы тратились не такъ производительно, какъ слѣдовало бы. Для устраненія этой ненормальности въ 1885 г. выработаны были правила, опредѣляющія пособія соразмѣрно количеству надѣльной земли. Общества должны были вносить въ общемъ ту же сумму, но только болѣе равномѣрно. Новыя правила при проведеніи въ жизнь потерпѣли неудачу: 6 училищъ немедленно по введеніи правилъ закрылись, многія общества подали ходатайства о томъ же, 11 обществъ отказались увеличить плату. Въ 1885 г. земство пыталось сократить расходы по народному образованію, понизивъ учительское жалованье до 240 р., а жалованье помощника до 180 р., но въ слѣдующемъ же году оно приняло новую систему: учителю вначалѣ давать 250 руб., черезъ 5 лѣтъ—280 р., затѣмъ—300 р. и 350 р.

Для улучшенія школьныхъ зданій земство ассигновало въ 1874 году 3 т. р. на выдачу ссудъ обществамъ для перестройки плохихъ школъ; эта сумма вносилась въ смѣту до 1881 г. На книги и учебныя пособія въ 1873 г. и слѣдующіе годы земство ассигновало неравномѣрно: отъ 500 р. до 3 т. р. въ годъ. Число школъ въ уѣздѣ съ 33 (въ 1871 г.) возросло въ 1884 г. до 75 и потомъ убавилось до 70. Число учащихся съ 1871 г. по 1884 г. возросло на 244%: съ 1,548 до 5,321. Но съ 1884 г. и по 1892 годъ (за 8 лѣтъ) число учащихся увеличилось только на 11%: съ 5,321 до 5,914. Эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что при существующей системѣ пособій дальнѣйшій ростъ школъ затруднителенъ.

Саратовское земство въ 1870 г. собрало о школахъ полныя и достовѣрныя свѣдѣнія и ассигновало на пособіе школамъ 5 т. р. вмѣсто отпускавшихся ранѣе на тотъ же предметъ 2 т. руб., которыя расходовались крайне безсистемно, неопредѣленно. Въ это же время были приняты слѣдующія правила: «школамъ, получающимъ отъ общества отъ 150 до 200 р. и имѣющимъ не менѣе 50 учениковъ, выдавать пособіе отъ земства—200 р. съ тѣмъ, чтобы съ этимъ окладомъ жалованье учителю было не болѣе 300 р.; школамъ, учрежденнымъ съ содержаніемъ отъ 100 до 150 р. въ годъ, имѣющимъ не менѣе 25 учениковъ, выдавать въ пособіе на жалованье учителю 100 р. Въ этомъ же году было ассигновано единовременно еще на учебники и учебныя пособія 2 т. р. Сдѣлавъ такое постановленіе, земство успокоилось на нѣсколько лѣтъ и продолжало вносить на народное образованіе въ смѣту одну и ту же сумму—5 т. р.; на учебныя пособія съ 1870 г. оно не ассигновало болѣе ни одной копейки.

Такъ продолжалось до 1879 г. Число школъ росло и, слѣдовательно, пособія школамъ уменьшались. Плохо обезпеченные учителя стали перехо-

дить въ другіе уѣзды: дошло до того, что въ 1878 г. въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ сразу открылось 13 вакансій. Чтобъ устранить это явленіе на будущее время земство въ 1879 г. 1) увеличило жалованье учащимъ по 50 р. каждому и 2) на вознагражденіе законоучителей вмѣсто 1,000 р. стало вносить въ смѣту 2,500 р. Но, несмотря на это небольшое увеличеніе смѣты и несмотря на то, что въ 1884 году для обезпеченія болѣе аккуратной выдачи учительскаго жалованья было постановлено, чтобы «вся ассигнованная обществами на жалованье учителямъ сумма вносилась пополугодно впередъ въ земскую управу», школьное дѣло мало улучшилось. Требовалось коренное измѣненіе принятой земствомъ системы участія въ народномъ образованіи. Новая система выработана была школьною коммиссіей и принята земствомъ лишь въ 1888 г. По новымъ правиламъ, общество принимаетъ на себя расходы на отопленіе, ремонтъ школы, наемъ прислуги и ежегодно вноситъ въ земскую кассу не менѣе 100 руб. Земство принимаетъ на свой счетъ жалованье учителямъ всѣхъ школъ безразлично по 200 р. въ годъ. Изъ суммы, вносимой обществомъ, 50 р. управа ежегодно употребляетъ на учебныя пособія; остальную же часть относитъ къ жалованью учителя. Жалованье учитель долженъ получать своевременно и сполна изъ управы. Принятыя въ 1888 г. правила остаются до послѣдняго времени безъ измѣненія. Хотя въ Саратовскомъ уѣздѣ число школъ продолжало постепенно рости и во второй половинѣ 80-хъ годовъ, но за то съ 1888 г. за сельскими обществами накопилась значительная недоимка.

Сердобское земство до 1873 г. все дѣло народнаго образованія предоставляло на волю крестьянъ и не вносило «на этотъ предметъ» въ смѣту ни одной копейки. Въ 1873 году впервые было внесено въ смѣту на 1874 г. на народное образованіе 6,529 р. 96 к. (по 1 к. съ десятины). Суммы расходовались училищнымъ совѣтомъ, управа же не принимала въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Такъ дѣло продолжалось до 1889 г. Училища находились въ плохомъ состояніи, что оказалось по изслѣдованіямъ особой коммиссіи, которая къ 1889 г. представила земскому собранію докладъ о состояніи народнаго образованія въ Сердобскомъ уѣздѣ. Однако и послѣ доклада коммиссіи школьное дѣло мало улучшилось. Собраніе не приняло главнаго предложенія коммиссіи увеличить жалованья учителямъ до 300 р.; оно лишь постановило: внести въ смѣту на жалованье учителямъ 5,700 р., въ пособіе нѣкоторымъ училищамъ 640 р. и на покупку учебныхъ пособій—500 р. Деньги эти ассигновать какъ нормальный штатъ для училищъ Сердобскаго уѣзда». Этотъ «нормальный штатъ» фигурируетъ въ смѣтахъ и въ послѣдніе годы. Ассигновка на народное образованіе послѣ 1889 г. мало увеличилась: въ 1891 г. вносится въ смѣт[у] 150 р. на содержаніе 6 помощниковъ изъ бывшихъ учениковъ сельских[ъ] школъ (въ 1893 г. эта статья увеличена до 540 р.); въ 1892 г. ассигн[о]вано 240 р. на жалованье запасному учителю и 600 р. на награды 1[…] лучшимъ учителямъ; на 1893 г. ассигнуется 1540 р. на образованіе к[а]питала для выдачи обществамъ ссудъ на постройку и перестройку уч[…]

лицъ. Такимъ образомъ сердобское земство до сихъ поръ не выработало никакой опредѣленной системы участія въ дѣлѣ образованія, которое и за послѣдніе годы почти не улучшилось. Большинство учителей получаетъ 240 р. жалованья; помѣщенія школьныя тѣсны и неудобны; ученическія библіотеки и особенно учительскія во многихъ школахъ пусты. Такую картину рисуютъ отчеты инспектора народн. училищъ. Число школъ не увеличивается съ 1882 г.

Кузнецкое земство до 1877 г. вносило въ смѣту на народное образованіе ежегодно не болѣе 2—2½ т. р., и распоряженіе этими деньгами всецѣло поручало училищному совѣту. Совѣтъ хотя и стремился «довести норму учительскаго вознагражденія до 240—300 р. и снабжать сельскія училища необходимыми руководствами и пособіями», но при такой ограниченной ассигновкѣ не могъ сдѣлать никакихъ улучшеній въ школьномъ дѣлѣ. Въ 1878 г. инспекторъ народн. училищъ предложилъ собранію: «1) гарантировать сельскимъ учителямъ жалованье по 300 р. въ годъ, а законоучителямъ—50 р., и 2) ассигновать на учебныя пособія бѣднымъ ученикамъ 190 р.». Но собраніе постановило «оказывать пособіе сельскимъ обществамъ лишь въ той суммѣ, какую они даютъ школамъ, причемъ maximum земскаго пособія не долженъ, однако, превышать 150 р.». Смѣту собраніе хотя и увеличило, но только до 5 т. р. Этой суммы не хватало для увеличенія учительскаго жалованья до 300 р., и большинство учителей (въ 1879 г.) получали отъ 190 до 240 р. въ годъ и только 11 учителей—отъ 240 до 295 р. Кромѣ того, училищный совѣтъ постоянно стѣснялся опредѣленнымъ земскимъ собраніемъ maximum'омъ земскаго пособія въ 150 р., который, по представленію инспектора народн. училищъ, и былъ въ 1879 г. увеличенъ до 300 р. Земская ассигновка на народное образованіе значительно увеличилась лишь въ 1883 и 1884 гг.: съ 5 т. р. она возросла до 9 т. Благодаря этому увеличенію, и число школъ почти сразу увеличилось на 7, а число учащихся на 354 (на 25%).

Но, къ несчастью, въ 1884 г. кузнецкому земству «въ умъ пришло» произвести слѣдующій опытъ: «4 училища, построенныхъ на счетъ или при содѣйствіи земскихъ суммъ, оставить при настоящей ихъ организаціи, увеличивъ содержаніе учителей для привлеченія лучше подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности лицъ. Остальнымъ училищамъ выдавать земское пособіе въ размѣрѣ 60 р. въ годъ при соблюденіи слѣдующихъ условій: а) если завѣдываніе школой въ качествѣ учителя приметъ на себя священникъ или псаломщикъ и б) если общество будетъ платить на содержаніе школы не менѣе той суммы, какая имъ нынѣ платится». Такимъ образомъ, земство хотѣло образовать два типа школъ: 1) типъ школъ совершенныхъ, помѣщающихся въ хорошихъ зданіяхъ, «съ квартирами и огородами для учителей», и 2) типъ школъ начальныхъ сельскихъ, состоящихъ въ завѣдываніи духовенства, но съ контролемъ земства и училищнаго совѣта и не причисленныхъ къ разряду церковно-приходскихъ. Мотивы замѣны свѣтскихъ учителей лицами духовнаго званія были

такого рода: 1) «за 4-мя, 5-ю исключеніями священники стоятъ въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ развитіи гораздо выше того разряда людей, именуемыхъ народомъ «сертучниками», которые за ничтожное сравнительно вознагражденіе принимаютъ на себя трудную и отвѣтственную роль народнаго учителя; 2) допущеніе причетниковъ къ занятіямъ въ школахъ, съ оплатою ихъ труда окладомъ болѣе 200 р. въ годъ, привлечетъ на эти должности лицъ, окончившихъ курсъ семинаріи, и 3) оплата учительскаго труда повліяетъ на улучшеніе быта духовенства, возвысивъ его положеніе и значеніе, и откроетъ ему новое поприще живой плодотворной дѣятельности». Благодаря этому школьному преобразованію, расходы земства на народное образованіе сократились съ 9 т. до 5,800 р. Училищный совѣтъ, которому поручено было провести въ жизнь эту реформу, въ 1885 г. докладывалъ собранію, что «священники долго не давали согласія, а нѣкоторые приняли на себя учительскія обязанности, получали содержаніе, а въ школу не ходили». А одинъ членъ училищнаго совѣта докладывалъ тому же собранію, что «отъ завѣдыванія школами священники отказались, ссылаясь на малое вознагражденіе». Результатомъ этого интереснаго опыта было сильное сокращеніе числа школъ. Уцѣлѣвшія школы, благодаря принятымъ мѣрамъ, остались въ большинствѣ со свѣтскими учителями.

Царицынское земство въ началѣ своей дѣятельности, какъ было уже сказано выше, хотѣло ввести въ уѣздѣ обязательное образованіе, на что ассигновало 7,210 р. Послѣ отклоненія проекта объ обязательномъ обученіи оно уменьшило ассигновку до 800 р. и ограничивалось до 1871 г. незначительной и безсистемной выдачей сельскимъ обществамъ пособій. Въ 1871 г. собраніе постановило: «въ каждой волости имѣть школу, на которую ежегодно отпускать 200 р. на жалованье учителя и законоучителя; на всѣ 7 школъ отпускать на учебныя пособія 300 р.». Отъ общества требовалась постройка пригоднаго для школы зданія, отопленіе и освѣщеніе школы. Въ 1877 г. земство приняло на себя уплату жалованья учителю въ 300 р. въ 4-хъ селахъ, которыя пожелали взять изъ губ. земства ссуду на постройку школы. Въ 1882 г. жалованье всѣмъ учащимъ возвышено до 300 р., законоучителямъ назначено по 50 р. за 50 уроковъ въ годъ. Съ 1885 г. земство стало выдавать учителямъ, не имѣющимъ при школѣ квартиры, квартирныя по 40 р. въ годъ. Всѣ остальные расходы по содержанію школъ должно нести общество. Пособія на книги и учебныя пособія земство продолжаетъ отпускать и въ настоящее время. Благодаря этой установившейся системѣ участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія, существующей и въ послѣднее время, обстановка школьныхъ зданій улучшилась, число школъ съ 10 (въ 1878 г.) возросло до 2[illegible] (въ 1892 г.) и до 27 (въ 1895 г.); число учащихся съ 811 въ 1880—81 учебномъ году возросло до 2,188 въ 1895—96 году.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ земствахъ замѣчалось одно и то же явленіе, а именно: въ уѣздахъ, гдѣ на обществахъ оставлено только содержа

ніе училищныхъ помѣщеній, почти не встрѣчается случаевъ закрытія школъ; въ уѣздахъ же, въ которыхъ общества помимо содержанія школъ несутъ еще значительные расходы по уплатѣ части жалованья учителю и по покупкѣ учебныхъ пособій, случаи закрытія школъ представляютъ довольно обычное явленіе. Въ этихъ послѣднихъ уѣздахъ закрытіе школъ происходило большею частью съ средины 80-хъ годовъ, послѣ неурожайныхъ лѣтъ. Слѣдовательно, главною причиной закрытія школъ было паденіе матеріальнаго благосостоянія сельскихъ обществъ въ послѣднее десятилѣтіе и, слѣдовательно, для возрастанія числа школъ необходимо, чтобы земства увеличили расходы на народное образованіе и тѣмъ самымъ облегчили тяжесть школьныхъ расходовъ, лежащихъ на сельскихъ обществахъ.

Разсматривая, что уѣздныя земства сдѣлали для улучшенія отдѣльныхъ сторонъ школьной организаціи и народнаго образованія, мы должны обратить вниманіе: 1) на мѣры, принятыя земствами для улучшенія учительскаго персонала; 2) на мѣры къ улучшенію училищныхъ зданій; 3) на организацію надзора за школами; 4) на высылку въ школы учебныхъ пособій и устройство школьныхъ библіотекъ; 5) на устройство повторительныхъ курсовъ; 6) на устройство народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній и 7) на дѣятельность по отношенію къ ремесленному и сельско-хозяйственному образованію.

1. Для улучшенія учительскаго персонала изъ уѣздныхъ земствъ наиболѣе сдѣлало вольское земство, которое дало пособіе на устройство и содержаніе вольской учительской семинаріи, сдѣлавшей уже около 20 выпусковъ хорошо подготовленныхъ учителей. Кромѣ этого, вольское земство (въ 1876 г.), аткарское (въ 1873, 1874 и 1876 гг.), хвалынское (въ 1874 г.) и царицынское устраивали педагогическіе курсы для учителей. Земства балашовское и кузнецкое учреждали въ учительскихъ семинаріяхъ стипендіи. Наконецъ, нѣкоторыми земствами устроены учительскія библіотеки и разсылаются въ школы педагогическіе журналы и руководства для учителей. Первая учительская библіотека устроена была въ 1872 г. вольскимъ земствомъ по просьбѣ самихъ учителей. Учительскія библіотеки учреждены еще въ Балашовѣ, Аткарскѣ и Царицынѣ (въ послѣднихъ двухъ городахъ не спеціально учительскія). Кузнецкое и петровское земства дали возможность учителямъ безплатно пользоваться книгами изъ городскихъ библіотекъ, оказывая послѣднимъ матеріальное пособіе. Только въ Саратовскомъ уѣздѣ учрежденіе библіотеки въ 1894 г. признано «нежелательнымъ».

2. Для улучшенія училищныхъ зданій нѣкоторыя земства выдавали сельскимъ обществамъ безвозвратныя пособія, другія—безпроцентныя ссуды. Пособія выдавались земствами: аткарскимъ (съ 1880 г. по 1890 г. по 2 т. р. въ годъ, до 500 р. на школу), балашовскимъ (съ 1881 г.), сердобскимъ (до 1888 г. выдано пособій 5,952 р.), саратовскимъ (съ 1887 г. по 300 р. на школу) и немного вольскимъ и кузнецкимъ. Ссуды выдавались: балашовскимъ (съ 1874 г. до 1880 г. вносилось въ смѣту ежегодно до 3 т. р.), сердобскимъ (по 1888 г. выдано 8,530 р.), петровскимъ (болѣе 10 т. р.),

саратовскимъ (кредитъ до 1894 г. составлялъ 7,400 р., а съ 1894 г.—10 т. р.). Хвалынское и царицынское земства давали сельскимъ обществамъ возможность пользоваться ссудой губ. земства. Камышинское земство на постройку зданій не тратило ничего ни въ какой формѣ.

3. Для надзора за школами съ 1874 г. въ Саратовской губ. были учреждены правительствомъ сначала 2, потомъ 3 должности инспектора народн. училищъ. Такъ какъ при большихъ районахъ и большомъ числѣ школъ инспекторъ не могъ руководить, какъ слѣдуетъ, школьнымъ дѣломъ, то нѣкоторыя земства учредили должности особыхъ инспекторовъ для своихъ уѣздовъ. Такъ сдѣлали: Балашовскій уѣздъ (съ 1877 г.), Петровскій (съ 1885 г.), Аткарскій (съ 1887 г.) и Саратовскій (1891 г.). Въ Кузнецкомъ уѣздѣ въ 1887 г. надзоръ за школами порученъ члену училищнаго совѣта. Въ 1894 г. въ Балашовскомъ уѣздѣ должность инспектора замѣнена должностью завѣдующаго хозяйственной частью училищъ.

4. Учебныя пособія стали высылаться въ школы почти всѣми земствами въ первые же годы дѣятельности земства. Высылка учебниковъ продолжалась многими земствами и въ послѣдующіе годы: одни земства высылали учебники за свой счетъ, другія (саратовское)—за счетъ сельскихъ обществъ. Не высылало только камышинское земство. Нѣкоторые уѣзды устраивали даже книжные склады, такъ, наприм., Кузнецкій въ 1876 г., Аткарскій съ 1876 по 1878 г. и вновь въ 1887 г., Петровскій въ 1889 г. и Царицынскій. Для покупки книгъ для внѣкласснаго чтенія и устройства школьныхъ библіотекъ встрѣчаются ассигновки въ уѣздахъ: Аткарскомъ, Балашовскомъ, Вольскомъ (до передачи школъ въ духовное вѣдомство), Саратовскомъ, Хвалынскомъ и Царицынскомъ. Послѣднее въ 1889 г. устроило, кромѣ того, подвижную библіотеку, прекратившую свою передвижную дѣятельность и осѣвшую по частямъ въ нѣсколькихъ училищахъ въ 189³/₄ учебн. году.

5. Повторительные курсы прежде всего стали устраиваться по праздникамъ въ земскихъ школахъ Балашовскаго уѣзда (съ 1887 г.); въ 1890 г. ихъ стало устраивать петровское земство, въ 1894 г.—саратовское и вольское. Послѣднее еще ассигновало 100 р. на устройство воскресныхъ школъ для взрослыхъ.

6. Въ послѣдніе годы земства начинаютъ принимать участіе въ устройствѣ народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній. Петровское земство въ 1892 г. постановило ходатайствовать объ устройствѣ народныхъ библіотекъ при школахъ. На собраніи 1894 г. оно ассигновало 210 р. на 4 библіотеки. Въ томъ же году ассигновали: балашовское земство 250 р. на 1 библіотеку, камышинское—350 р. и вольское—300 р. на подвижную библіотеку. Ассигновки на народныя чтенія были: въ петровскомъ земствѣ, въ 1892 г., 200 р. на покупку книгъ и волшебнаго фонаря; въ 1894 г., в вольскомъ земствѣ, 200 р. на покупку 2-хъ волшебныхъ фонарей.

7. На ремесленное образованіе производили затраты многія уѣздны земства. Аткарское и балашовское оказывали пособіе ремесленнымъ клас

самъ при городскихъ училищахъ, кузнецкое — тѣмъ же классамъ при министерскихъ училищахъ. Петровское земство въ 1893 г. внесло въ смѣту но устройство ремесленныхъ классовъ при нѣсколькихъ сельскихъ школахъ 200 р. и на классы рукодѣлія — 50 р.; въ 1895 г. расходъ на ремесленные классы увеличенъ до 320 р. Камышинское земство внесло на одинъ 1894 г. на ремесленные классы 500 р. Саратовское земство на 1894 и 1895 гг. вноситъ въ смѣту на тотъ же предметъ по 1 т. р. Вольское земство еще въ 1878 г. устраивало при 3 училищахъ ремесленные классы но неудачно, потому что дѣти ремесламъ не научились. Въ 1890 г. он сдѣлало новую попытку: открыло 4 мастерскихъ — 2 шорныхъ и 2 слесарно-кузнечныхъ. Мастерскія за 4 года существованія выпустили только 3-хъ достаточно обученныхъ молодыхъ людей, вслѣдствіе чего въ 1894 г. были закрыты. Наконецъ, земство въ 1894 г. открыло низшую сельскохозяйственную школу съ хуторомъ, пріобрѣтя для него 219 десят. земли. О подобной же школѣ хлопотало въ послѣднее время и камышинское земство, просившее для устройства школы у губ. земства ссуду въ 20 т. р. Камышинское земство сверхъ того въ 1892 г. учредило 4 стипендіи въ кологривскомъ сельско-хозяйственномъ техническомъ училищѣ. Нѣкоторыя земства командировали нѣсколькихъ учителей на курсы садоводства и огородничества при Маріинскомъ училищѣ; а петровское земство, кромѣ того, отпускаетъ ежегодно 100 р. на устройство садовъ и огородовъ при школахъ.

Петровское земство въ 1892 г. ассигновало 250 р. для устройства при управѣ склада образцовой классной мебели.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ дѣятельности уѣздныхъ земствъ Саратовской губ., чтобы въ слѣдующей главѣ обрисовать положеніе народнаго образованія въ Саратовской губ. въ 189²/₃ учебномъ году.

IV.

Разсматривая детально состояніе народнаго образованія въ Саратовской губерніи въ послѣдніе годы, мы будемъ пользоваться цифровыми данными, относящимися лишь къ 1892—93 учебному году. Болѣе позднія свѣдѣнія хотя и имѣются у насъ, но они касаются или не всѣхъ уѣздовъ, или не всѣхъ группъ школъ. Но и свѣдѣнія, относящіяся къ 1892—93 учебному году, не отличаются желательной полнотой. Приводя ниже общее число школъ въ Саратовской губерніи, мы не включаемъ въ него число татарскихъ школъ, находящихся въ Кузнецкомъ, Петровскомъ и Хвалынскомъ уѣздахъ, потому что объ этихъ школахъ и объ учащихся въ нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Говоря о числѣ учащихся во всѣхъ школахъ Саратовской губ., мы не будемъ включать въ него учащихся въ церковныхъ нѣмецкихъ школахъ тоже по неимѣнію точныхъ данныхъ.

Въ 1892—93 учеб. году въ Саратовской губерніи было 1,063 школы (безъ татарскихъ). По уѣздамъ и по разрядамъ школы распредѣлялись такимъ образомъ:

Уѣзды.	Министер.	Земскія и частныя.	Церковно-приходскія.	Школы грамоты.	Всего.
Аткарскій	1	58 и 2 ч.	14 и 3 нѣм.	60	138
Балашовскій	—	70	11	87	168
Вольскій	2	—	31	32	65
Камышинскій русскія	3	35	15	35	88
» нѣмецкія	1	40	56	—	97
Кузнецкій	5	24	7	33	69
Петровскій	—	43	8	47	98
Саратовскій	1	61	6 и 3 нѣм.	53	124
Сердобскій	2	45 и 1 ч.	16	50	114
Хвалынскій	—	14	23	24	61
Царицынскій	—	24	4	13	41
Итого	15	414 и 3 ч.	135 и 62 нѣм.	434	1063

Отношеніе числа школъ къ пространству уѣздовъ слѣдующее:

Уѣзды.	Пространст. въ квадратн. верстахъ.	Число школъ безъ школъ грамоты.	На сколько квадр. верстъ приходится одна школа.	Число всѣхъ школъ.	На сколько квадр. верстъ приходится одна школа.
Аткарскій	10999,8	78	140,2	138	79,7
Балашовскій	10440,9	81	128,9	168	62,1
Вольскій	4939,0	33	149,7	65	76,0
Камышинскій	10911,5	150	72,7	185	59,0
Кузнецкій	4627,5	36	128,5	69	67,1
Петровскій	6509,6	51	127,6	98	66,4
Сердобскій	6477,4	64	101,2	114	57,3
Саратовскій	7018,2	71	98,8	124	56,8
Хвалынскій	5525,6	37	149,3	61	90,6
Царицынскій	6795,3	28	242,7	41	165,7
Итого	74244,8	629	118,2	1063	69,9

Изъ всѣхъ уѣздовъ выдается по абсолютной величинѣ числа школъ г по отношенію его къ пространству Камышинскій уѣздъ. Это объясняетс тѣмъ, что въ немъ много нѣмцевъ, которымъ изъ общаго числа (150) при надлежитъ 97 школъ. Далѣе, послѣ Камышинскаго слѣдуютъ уѣзды Сар товскій и Сердобскій. Рѣже всего школы въ Царицынскомъ уѣздѣ. Но рѣд кость школъ часто зависитъ отъ рѣдкости заселенія уѣзда, поэтому сопо ставимъ число школъ съ числомъ селеній въ каждомъ уѣздѣ:

УѢЗДЫ.	Число селен.	Число селен. со школами минист., зем. и церк.-прих.	Число селен. безъ такихъ школъ.	Изъ нихъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ есть школы грам.	Безъ всякихъ школъ.
Аткарскій	299	62	237	42	195
Балашовскій	283	68	215	64	151
Вольскій	129	32	97	26	71
Камышинскій	170	94	76	16	60
Кузнецкій	122	31	91	30	61
Петровскій	276	48	228	35	193
Саратовскій	225	57	168	45	123
Сердобскій	321	56	265	41	224
Хвалынскій	110	36	74	29	45
Царицынскій	68	25	43	6	37
Итого	2003	509	1494	334	1160

Изъ этой таблицы видно, что правильно организованныя школы (министер., земскія и церк.-прих.) находятся только въ 1/4 всѣхъ селеній; больше половины селеній (58%) не имѣютъ никакихъ школъ. Больше всего селеній безъ школъ въ уѣздахъ Сердобскомъ, Петровскомъ и Аткарскомъ; меньше всего въ Царицынскомъ, Хвалынскомъ, Камышинскомъ и Кузнецкомъ. Изъ этой же таблицы видно, что распредѣленіе школъ по уѣздамъ губерніи неравномѣрно; такая же неравномѣрность замѣчается и внутри каждаго уѣзда. Есть волости вовсе безъ школъ или только съ одной школой и, наоборотъ, есть волости, имѣющія 5—6 школъ. Неравномѣрность произошла отъ того, что инипіатива открытія училищъ принадлежала не земствамъ, а обществамъ, и, слѣдовательно, открытіе училища зависѣло отъ степени сочувствія того или другого общества образованію и отъ разныхъ другихъ, часто случайныхъ, причинъ. Земства же до сихъ поръ ни одно не намѣчало желательной для уѣзда сѣти народныхъ училищъ.

Безъ школъ остаются большею частію селенія мелкія, съ небольшимъ количествомъ жителей, въ чемъ можно убѣдиться изъ сопоставленія предыдущей таблицы съ нижеслѣдующей. Число крестьянскаго населенія (безъ татаръ и нѣмцевъ):

УѢЗДЫ.	Въ селеніяхъ, съ организов. школами.	Въ селеніяхъ со школами грамоты.	Въ селен., не имѣющихъ никакихъ школъ.
Аткарскій	122879	25758	85222
Балашовскій	150793	44524	49859
Вольскій	63299	33792	33711
Камышинскій	111354	12415	34487
Кузнецкій	54013	26449	25907
Петровскій	71619	23694	80870
Саратовскій	86923	23309	30302
Сердобскій	80168	24797	76723
Хвалынскій	81566	26888	20287
Царицынскій	40914	2340	13407
Итого	863528	243966	450775

Такимъ образомъ въ 843 селеніяхъ, имѣющихъ школы, числится жителей 1.107,494 чел., тогда какъ въ 1,160 селеніяхъ, не имѣющихъ никакихъ школъ, 450,775 чел.; на каждое изъ 843 селеній въ среднемъ приходится жителей около 1,314 чел., а на каждое изъ 1,160—389 человѣкъ. Все-таки, около ⅓ крестьянскаго населенія почти вовсе не имѣютъ возможности пользоваться школой. Конечно, нѣкоторая часть селеній, не имѣющихъ школы, можетъ пользоваться школой сосѣднихъ селеній, тѣмъ не менѣе и эта часть находится въ условіяхъ, затрудняющихъ пользованіе школой.

Число учащихся распредѣлялось по школамъ въ 1892—93 учебномъ году слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Въ министр.		Въ земскихъ.		Въ церковно-приходск.		Въ школахъ грамоты.		Всего.	
	Мальч.	Дѣв.	Мальч.	Дѣв.	Мальч.	Дѣв.	Мальч.	Дѣв.	Мальч.	Дѣв.
Аткарскій . .	97	—	4145	697	336	425	1591	219	6169	1341
Балашовск. .	—	—	5361	1142	367	194	2209	576	7937	1912
Вольскій. . .	211	6	—	—	1825	369	1172	238	3208	613
Камышинск. .	378	48	3584	411	952	176	1140	172	6054	807
Кузнецкій . .	488	42	1190	195	164	115	1129	190	2971	542
Петровскій. .	—	—	2876	623	309	31	1187	132	4372	786
Саратовскій .	117	13	3939	1175	353	95	1332	293	5741	1576
Сердобскій . .	147	73	3249	590	687	320	1262	327	5345	1310
Хвалынскій .	—	—	1048	244	1414	192	842	90	3304	526
Царицынскій .	—	—	1410	299	148	34	347	244	1905	577
Итого .	1438	182	26802	5376	6555	1951	12211	2481	47001	9990

Принимая вмѣстѣ съ саратовской земской коммиссіей по народному образованію процентное отношеніе числа дѣтей нормальнаго школьнаго возраста ко всему населенію въ 7% (при трехлѣтнемъ курсѣ отъ 8 до 11 л.) и въ 9,3% (при четырехлѣтнемъ—отъ 8 до 12 л.), мы получаемъ слѣдующія числа дѣтей школьнаго возраста, которыя должны остаться безъ школьнаго образованія:

Уѣзды.	При трехлѣтнемъ курсѣ.		При четырехлѣтнемъ курсѣ.	
	Мал.	Дѣв.	Мал.	Дѣв.
Аткарскій	2183	7179	4967	10019
Балашовскій	1184	7401	4224	10496
Вольскій	1478	4352	3039	6007
Камышинскій	1097	4981	2991	6857
Кузнецкій	833	3376	2101	4682
Петровскій	2339	5993	4576	8253
Саратовскій	—	3874	1562	5679
Сердобскій	1431	5762	3676	8120
Хвалынскій.	1300	4124	2835	5674
Царицынскій	383	1688	1146	2443
Итого	12228	48730	31117	68230

Такъ какъ средняя продолжительность пребыванія ученика въ школѣ для большей части уѣздовъ близка къ 3 годамъ и только для Балашовскаго и Саратовскаго, въ которыхъ пользуется значительнымъ распространеніемъ четырехлѣтній курсъ, находится ближе къ 4 годамъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что дѣйствительное число дѣтей, остающихся безъ школьнаго образованія, болѣе приближается къ числамъ 12,228 мальч. и 48,730 дѣв., чѣмъ къ числамъ 31,117 мальч. и 68,230 дѣв. Принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя и соображенія, саратовская коммиссія по народному образованію полагаетъ, что для введенія всеобщаго обученія для мальчиковъ, при томъ же % обучающихся дѣвочекъ (17,8% всѣхъ учащихся), нужно построить около 400 школъ, которыя могли бы вмѣстить (полагая по 50 чел. на школу) около 20 т. учащихся и потребовали бы, при средней стоимости одного учащагося въ земской школѣ въ 6 руб., расхода 120 т. р. Распредѣленіе этого расхода по уѣздамъ было бы неравномѣрно: «одни уѣзды (Царицынскій, Саратовскій) могли бы достигнуть обученія всѣхъ мальчиковъ съ сравнительно небольшимъ увеличеніемъ расходовъ на народное образованіе; другимъ (Петровскому, Аткарскому) понадобилось бы для этого значительное увеличеніе смѣты». Для введенія всеобщаго обученія, по мнѣнію коммиссіи, нѣтъ надобности дѣлать обученіе обязательнымъ, потому что у крестьянскаго населенія потребность въ образованіи значительна и настойчиво требуетъ удовлетворенія. О существованіи этой потребности свидѣтельствуетъ отчасти слѣдующая таблица, показывающая число отказовъ въ пріемѣ въ школы:

Уѣзды.	Число школъ.	Число отказовъ въ нихъ.	Въ томъ числѣ отказано по тѣснотѣ.
Аткарскій	40	790	776
Балашовскій	41	632	597
Вольскій	19	127	95
Камышинскій	32	602	597
Кузнецкій	15	172	148
Петровскій	22	353	345
Саратовскій	30	609	538
Сердобскій	33	690	667
Хвалынскій	24	393	393
Царицынскій	18	427	405
Итого	274	4795	4561

Это число отказовъ, понятно, не вполнѣ обрисовываетъ потребность народа въ образованіи; оно только говоритъ, что существующія школы не могутъ удовлетворять вполнѣ потребности даже того населенія, которое находится вблизи школъ и могло бы ими пользоваться. Для полнаго удовлетворенія потребности только этой части селеній потребуется построить вновь болѣе 80 школъ.

Вышеприведенное число нуждающихся въ школѣ и неудовлетворенныхъ должно увеличиться въ нѣсколько разъ, если мы примемъ во вниманіе, что жители отдаленныхъ отъ школы селеній, при всемъ своемъ желаніи научить своихъ дѣтей грамотѣ, не могутъ отдать ихъ въ школу и заявить ей о своей потребности въ образованіи.

Разсматривая положеніе учителей, состояніе школьныхъ помѣщеній и школьныхъ библіотекъ, мы разобьемъ школы на слѣдующія группы: 1) министерскія, 2) земскія, 3) церковно-приходскія и 4) школы грамоты. Чтобы не загромождать статью большимъ количествомъ цифръ, мы будемъ приводить цифровыя данныя, относящіяся лишь ко всей губерніи, не распредѣляя ихъ по уѣздамъ. Изъ уѣздовъ будемъ указывать только на тѣ, которые выдаются изъ всѣхъ въ положительную и въ отрицательную сторону.

Министерскихъ школъ въ губерніи 15: 8 двуклассныхъ (съ центральнымъ нѣмецкимъ училищемъ) и 7 одноклассныхъ. Помѣщаются онѣ въ спеціально построенныхъ зданіяхъ. Учителя почти всѣ съ спеціальною подготовкой, получаютъ жалованья 300—330 рублей при готовой квартирѣ. Библіотеки имѣются вездѣ; въ нѣкоторыхъ школахъ онѣ довольно значительныя: Баландинское училище (Атварскаго уѣз.) имѣетъ библіотеку въ 1,781 экз., Черкасское (Вольскаго уѣз.)—958 экз. Нѣкоторыя изъ школъ, благодаря наплыву учащихся, переполнены и далеко не имѣютъ нормальнаго количества воздуха. Освѣщеніе тоже не вездѣ удовлетворительно.

Въ земскихъ школахъ учителя и помощники по образованію своему распредѣляются такъ:

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ окончили	4	челов.
» спеціально-педагогическихъ заведеніяхъ окончили	78	»
» » » не окончили . . .	8	»
» среднихъ учеб. заведеніяхъ окончили	165	»
» » » » не окончили	49	»
» низшихъ учеб. заведеніяхъ окончили	116	»
» » » » не окончили	5	»
Домашняго образованія	32	»
Изъ нихъ безъ свидѣтельствъ	4	»
Всего	457	челов.

Лучше всѣхъ по подготовкѣ учителей Хвалынскій уѣздъ, хуже—Сердобскій, въ которомъ % учащихъ, получившихъ низшее и домашнее образованіе, вдвое выше средняго по губерніи и простирается до 68. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній больше всего дали учащихъ: епархіальное женское (67 уч.) и Камышинское реальное училище. Вольская учительская семинарія дала губерніи 60 окончившихъ и 5 не окончившихъ.

По размѣру получаемаго жалованья учителя распредѣляются таки образомъ:

Не болѣе 200 руб. получаютъ	15 муж.	19 жен.
Отъ 200 до 250 руб. получаютъ	87 »	92 »
» 250 » 300 » »	69 »	41 »
» 300 » 350 » »	38 »	11 »
» 350 » 400 » »	37 »	9 »
Свыше 400	8 »	3 »
Итого	254 муж.	176 жен.

Такимъ образомъ почти ⅓ учителей и болѣе ½ учительницъ получаютъ въ годъ не болѣе 250 р. и только ⅛ учителей и ⅐ учительницъ болѣе 300 р. Лучше всего обезпечены учителя образцовыхъ земскихъ школъ Петровскаго уѣзда (всѣ по 360 руб.); за нимъ слѣдуютъ Хвалынскій и Царицынскій уѣзды. Вслѣдствіе незначительности учительскаго жалованья и вслѣдствіе того, что учитель ничѣмъ не обезпеченъ на случай болѣзни и старости, большинство учащихъ при первой возможности мѣняютъ учительскій трудъ на что-нибудь другое болѣе выгодное. Продолжительность учительской дѣятельности показываетъ слѣдующая таблица:

Занимались учительствомъ въ начальныхъ школахъ: 1 годъ—76 уч., 2 г.—40 уч., 3 г.—28 уч., отъ 4 до 6 л.—108 уч., отъ 7 до 10 л.—79 уч., отъ 11 до 15 л.—75, больше 15 л.—48 уч.

Среднее число лѣтъ педагогической практики равняется 7,5 г.

Еще незначительнѣе время, проведенное учащими въ данной школѣ: 1 годъ—145 уч., 2 г.—67, 3 г.—49, 4 г.—38, 5 л.—32, отъ 6 до 10 л.—87, отъ 11 до 15 л.—27, выше 15 л.—12 уч.; въ среднемъ 4,3 г.

Выше другихъ въ предыдущемъ и данномъ случаѣ стоитъ уѣздъ Хвалынскій, ниже—Камышинскій и Царицынскій. Особенно много перемѣщеній было въ Царицынскомъ уѣздѣ (22%), Саратовскомъ (19%) и Аткарскомъ (18%).

Наибольшій % учащихъ въ земской школѣ даетъ духовное сословіе (28%), затѣмъ мѣщане (22%), крестьяне (20,7%), потомъ дворяне, дѣти чиновниковъ и проч. По мѣсту родины учащіе распредѣляются такъ: 22 чел. родомъ изъ той же волости, въ которой служатъ, 194—изъ того же уѣзда, 159—изъ другихъ уѣздовъ Саратовской губ. и 63—изъ другихъ губерній. Уроженцевъ того же уѣзда больше всего въ Сердобскомъ уѣздѣ (54% всѣхъ учащихъ), Камышинскомъ (52,5%), Балашовскомъ (45%) и Саратовскомъ (43%).

Школьныхъ помѣщеній, спеціально построенныхъ для школы во всѣхъ уѣздахъ губерніи (безъ Вольскаго), насчитывается 264 изъ 393 (общаго числа). Хуже всѣхъ школы въ русско-нѣмецкихъ училищахъ Камышинскаго уѣзда: изъ 41 школы имѣютъ спеціально построенныя помѣщенія только 2, остальныя—наемныя; въ томъ же уѣздѣ изъ 38 русскихъ училищъ только ½ помѣщается въ спеціально построенныхъ домахъ. Нѣсколько школъ (64) занимаютъ только части зданій; нѣкоторыя (13) помѣщаются въ церковныхъ домахъ.

Абсолютную и относительную величину классныхъ помѣщеній показываютъ слѣдующія числа: средній размѣръ площади пола въ квадр. арш. приходится на 1 школу 108,6, на 1 ученика — 1,4; кубическое содержаніе воздуха въ куб. арш.—на 1 школу 444,4, на 1 ученика—5,72. Такимъ образомъ школы въ общемъ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ школьной гигіены, опредѣляющей минимальный размѣръ кубич. содержанія воздуха на 1 ученика въ 8--9 куб. арш. Самыя плохія школы по абсолютнымъ и относительнымъ размѣрамъ въ Сердобскомъ уѣздѣ, гдѣ на 1 ученика приходится 1,2 кв. пола и 4,7 куб. арш. воздуха. Нѣмецкія школы Камышинскаго уѣзда также малы по абсолютнымъ размѣрамъ (размѣръ пола на школу 74,2 кв. арш. и куб. содержаніе воздуха на школу—274,3 куб. арш), но по относительнымъ размѣрамъ, благодаря небольшому числу учащихся въ каждой изъ нихъ, оказываются самыми просторными (размѣръ пола на 1 учен.—1,96 кв. арш., куб. содержаніе воздуха на 1 ученика—7,26 куб. арш.). Наиболѣе просторныя помѣщенія школъ въ Петровскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ. Тѣснота школъ еще болѣе видна изъ слѣдующихъ данныхъ: до 2,9 куб. арш. воздуха приходится на 1 ученика въ 17 школахъ, отъ 3 до 3,9 кв. арш. въ 79, отъ 4—4,9—въ 75, отъ 5—5,9—въ 63, отъ 6—6,9—въ 60, отъ 7—7,9—въ 48, отъ 8 до 8,9 въ 25, отъ 9 до 9,9 въ 14, отъ 10 и выше въ 44 шк. Такимъ образомъ 96 школъ (23%) не имѣютъ даже $^1/_2$ указаннаго нами выше минимальнаго размѣра (8 куб. арш. на 1 учен.) классныхъ помѣщеній, требуемаго школьною гигіеной. Требованіямъ гигіены удовлетворяютъ только 44 школы или 10%.

Не въ лучшемъ состояніи находится и освѣщеніе школьныхъ помѣщеній, относительно котораго школьная гигіена требуетъ, чтобы свѣтовая площадь равнялась $^1/_5$ площади пола, или чтобы на 1 кв. арш. пола приходилось свѣтовой площади 51 кв. арш. Въ школахъ Саратовской губ. на 1 кв. арш. пола приходится свѣтовой площади въ среднемъ только 39,3 кв. вершка. Частнѣе: на 1 кв. арш. пола приходится свѣтовой площади до 20 кв. вер. въ 30 школахъ, до 30—въ 106 шк., до 40 въ 101, до 50 въ 82, до 60 въ 42, до 70 въ 19, выше 70 въ 21. По освѣщенію хуже всѣхъ школы нѣмецкія Камышинскаго уѣзда и земскія Сердобскаго, лучше всѣхъ въ Саратовскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ.

Учебники и учебныя пособія находятся въ достаточномъ количествѣ въ 227 школахъ, въ недостаточномъ—въ 105. Лучше снабжены учебниками школы Петровскаго и Царицынскаго уѣздовъ; хуже всѣхъ—Кузнецкаго и Сердобскаго, въ которыхъ 64 и 59% всѣхъ школъ терпятъ нужду въ учебникахъ, во многихъ школахъ (отъ 50 до 35%) недостаетъ учебниковъ также въ уѣздахъ Камышинскомъ, Балашовскомъ и Хвалынскомъ.

Школьныя библіотеки имѣются въ 302 школахъ, не имѣютъ библіотекъ 41 школа. Число библіотекъ, имѣющихъ до 50 назв. книгъ—37, отъ 50 до 100 назв.—62, отъ 100—150 назв.—74, отъ 150—200 назв.—35, отъ 200—250 назв.—12, свыше 250 назв.—12. Особенно много школъ.

не имѣющихъ библіотекъ, въ Аткарскомъ уѣздѣ (15 изъ 55). Наиболѣе бѣдны книгами школы Царицынскаго, Кузнецкаго, Камышинскаго, Сердобскаго и Хвалынскаго уѣздовъ, въ которыхъ средній размѣръ библіотекъ простирается отъ 63 до 82 назв. Наибольшій средній размѣръ библіотекъ—въ школахъ Петровскаго уѣзда (231 назв.). Средній размѣръ школьныхъ библіотекъ въ губерніи равняется 118 назв. По отдѣламъ библіотечныя книги въ Аткарскомъ уѣздѣ распредѣляются такъ: беллетристика 1,968, духовно-нравственныя—1,212, историческія—948, естественно-научныя—555, географическія—312, разныя—20. Это распредѣленіе типично и для всѣхъ другихъ уѣздовъ.

Для занятій садоводствомъ и огородничествомъ 89 или $^1/_3$ часть всѣхъ земскихъ школъ надѣлены землей. Изъ нихъ при 30 школахъ земля или не обрабатывается вовсе, или же засѣвается хлѣбомъ; причиной этому бываетъ или отдаленность земли отъ школы, или плохое качество земли, или отсутствіе изгороди. Обработка сада и огорода обыкновенно производится сторожемъ или учителемъ, а иногда и крестьянами «по приказанію начальства». Ученики въ обработкѣ участвуютъ очень рѣдко.

Ремесленные классы имѣются только при 3—5 земскихъ школахъ всей губерніи; рукодѣліе преподается въ 21 школахъ. Пѣніе преподается при многихъ школахъ: школъ съ преподаваніемъ пѣнія насчитывается въ однихъ уѣздахъ $^1/_2$, въ другихъ—$^2/_3$, а въ Хвалынскомъ—$^3/_4$ всего числа школъ уѣзда. Въ большинствѣ школъ ученики поютъ только молитвы передъ ученіемъ, послѣ ученія и нѣкоторыя другія. Гимнастика введена во всѣхъ школахъ только въ Хвалынскомъ уѣздѣ, въ другихъ уѣздахъ распространена мало.

Народныя чтенія велись въ разное время при 40 школахъ, изъ которыхъ при 16 чтенія сопровождались показываніемъ туманныхъ картинъ. Чтенія происходили рѣдко, нѣсколько разъ въ годъ. Читались большею частію брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, рѣже историческаго и естественно-научнаго.

Церковно-приходскихъ школъ въ 189$^2/_3$ г. въ губерніи насчитывалось 161 съ 9,411 учащихся (съ городами); изъ нихъ въ селеніяхъ было 135 школъ съ 8,506 учащихся. Учителями въ церковно-приходскихъ школахъ были члены причта и лица свѣтскія. Лица духовнаго званія занимались въ школахъ безплатно. Только въ Вольскомъ и Хвалынскомъ уѣздахъ, въ которыхъ земство передало школы духовенству, священники изъ земскихъ суммъ получали по 22 р. 50 к. въ годъ въ Вольскомъ уѣздѣ и по 40 р. въ Хвалынскомъ, діаконы и псаломщики—по 67 р. 50 к. въ Вольскомъ и по 75 р. и 35 р. (псаломщики) въ Хвалынскомъ. По отчету епархіальнаго совѣта за 189$^3/_4$ учебн. годъ, «законоучители-священники иногда были отвлекаемы отъ школы службою въ церкви и требоисправленіями, но діаконы-учители къ требоисправленіямъ не привлекались, псаломщики же учители отвлекались только тогда, когда не было возможности замѣнить ихъ кѣмъ-либо другимъ по требоисправленію».

Изъ свѣтскихъ учащихъ преобладаютъ учительницы (75), изъ которыхъ многія получили образованіе въ епархіальномъ женскомъ училищѣ (38 оконч. и 1 неоконч.). Бывшихъ воспитанниковъ духовной семинаріи насчитывается 15 окончив. и 22 неокончив.; изъ духовнаго училища—19 оконч. и 2 неоконч.; учителей съ спеціальнымъ образованіемъ—всего 13 или 8%. По отчету епархіальнаго совѣта за 189³/₄ г., «въ отчетномъ году, какъ и въ предшествующіе, ощущался недостатокъ въ способныхъ учителяхъ для церковно-приходскихъ школъ. Причиной этому было крайне ограниченное и неравномѣрное жалованье учителямъ и учительницамъ оныхъ—отъ 60 до 200 р. въ годъ». Отчетъ за 189²/₃ г. говоритъ, что «нужда заставляетъ давать учащимъ вознагражденіе не по трудамъ ихъ, а по ихъ положенію» (по степени образованія, семейному положенію, по продолжительности службы въ школѣ). Вслѣдствіе этого встрѣчаются оклады въ 30 р. въ годъ (Аткарскій уѣздъ), 75 р. (Балашовскій); отъ 50 до 80 р. въ годъ получаютъ 13 учащихъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ и отъ 30 до 60 р.—10 учащихъ въ Камышинскомъ уѣздѣ. Но встрѣчаются оклады и въ 400 руб. (Балашовскій уѣздъ).

Спеціально построенныхъ для школъ зданій въ 189²/₃ учебн. году насчитывалось въ губерніи 90; но изъ нихъ больше половины (46) приходится на Вольскій и Хвалынскій уѣзды и получены духовенствомъ отъ земства. Большинство же школъ помѣщается въ церковныхъ домахъ, а нѣкоторыя въ наемныхъ (6) и частныхъ (6). По размѣрамъ церковно-приход. школы меньше земскихъ: площадь пола немного превышаетъ 100 кв. арш. только въ Саратовскомъ (102,9) и Сердобскомъ (101,9) уѣздахъ. Переполнены онѣ не больше земскихъ: самое большее куб. содержаніе воздуха на 1 учен. въ Петровскомъ уѣздѣ (7,9 куб. арш.), самое меньшее—въ Царицынскомъ (4 куб. арш.). По освѣщенію стоятъ онѣ ниже земскихъ: приходится на 1 кв. арш. пола отъ 24,6 кв. вер. свѣтовой площади въ Сердобскомъ до 37,9 кв. вер.—въ Аткарскомъ уѣздѣ, и только въ Балашевскомъ уѣздѣ на 1 кв. арш. пола приходится 42,38 кв. вер., а въ Кузнецкомъ—даже 51,6 кв. вер.

Учебниками и учебными пособіями церковно-приходскія школы снабжены такъ же плохо, какъ и земскія. Въ 189³/₄ г., по отчету епархіальнаго совѣта, только школы уѣздовъ Вольскаго, Камышинскаго, Хвалынскаго, а также Саратовскаго снабжены были книгами и письменными принадлежностями въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ; «въ прочихъ же школахъ, особенно во вновь открытыхъ, въ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ ощущался недостатокъ».

Книгъ для внѣкласснаго чтенія, по отчету за 189²/₃ г., очень мало въ церковно-прих. школахъ. Школъ, имѣющихъ библіотеки, въ этомъ году было 93; школъ безъ библіотекъ—41. До 50 назв. было въ библіотекахъ 37 школъ, отъ 50 до 100 назв. въ 16 школахъ, отъ 100 до 150—въ 4 школахъ и отъ 200—250—въ 1 школѣ. Отчетъ за 189³/₄ г. говоритъ о томъ же недостаткѣ школъ: «книгъ для внѣкласснаго чтенія вездѣ полный

недостатокъ, между тѣмъ желающихъ читать очень много, какъ изъ числа учащихся дѣтей, такъ и изъ окончившихъ курсъ». Въ церковно-приход. школахъ вообще преобладаютъ книги религіозно-нравственнаго содержанія: «для внѣкласснаго чтенія (въ 189³/₄ г.) давались дѣтямъ *Житія святыхъ*, *Училище благочестія, Троицкіе листки* и другія книги религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія, имѣющіяся у законоучителей и въ школьныхъ библіотетахъ». При 26 церковно-прих. школахъ губерніи имѣлись въ 189³/₄ г. земельные участки, которые находились въ такомъ же положеніи, какъ и въ земскихъ школахъ. Рукодѣльные классы были при 10 школахъ. Пѣвческіе хоры были при 37 школахъ.

Школы грамоты представляютъ изъ себя нѣчто неопредѣленное, непостоянное, неорганизованное: онѣ не имѣютъ ни постоянныхъ учителей, ни опредѣленныхъ средствъ содержанія, ни своихъ помѣщеній. Крайнее разнообразіе этихъ школъ очень затрудняетъ ихъ характеристику; а непостоянство ихъ затрудняетъ добываніе относящихся къ нимъ свѣдѣній.

Изъ 335 учащихъ школъ грамоты 146 принадлежатъ къ духовному званію и 209—свѣтскіе. Изъ первыхъ болѣе всего псаломщиковъ (120 ч.). Изъ свѣтскихъ преобладаютъ крестьяне (114 учит. и 3 учительницы); за ними слѣдуютъ лица изъ духовнаго сословія (10 учит. и 35 учительницъ) и военнаго (25 учит. и 1 учит-ца). Изъ 218 учащихъ, объ образованіи которыхъ имѣются свѣдѣнія, 4 окончили въ учительской семинаріи и 3 не окончили, 50 чел. (23%) окончили въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ епархіальномъ женскомъ—32 и духовной семинаріи—16) и 25 не окончили. Остальные 62% падаютъ на лицъ съ низшимъ образованіемъ и домашнимъ. Послѣднихъ—20 учителей и 32 учител-цы. Бывшихъ учениковъ земскихъ школъ—51 чел. По числу лѣтъ, проведенныхъ учащими въ школѣ, изъ 223 чел. 99 (44,4%) находятся въ школѣ не болѣе года, 41,4% отъ 1 до 3 лѣтъ.

Члены причта не получаютъ никакого вознагражденія за преподаваніе въ школахъ грамоты. Свѣтскіе учителя и учительницы иногда получаютъ плату съ родителей учениковъ (по 30—50 коп., а иногда и по 1 р. въ мѣсяцъ за ученика), иногда отъ общества помѣсячно (отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ) или погодно (отъ 25 до 50 р. въ годъ), иногда отъ земства (по 50 р. въ годъ). Къ денежной платѣ иногда присоединяется плата натурой (хлѣбъ, овощи).

О занятіяхъ лицъ причта директоръ народныхъ училищъ Саратовской губ. въ отчетѣ за 1890 г. и инспектора въ своихъ отчетахъ отзывались, что они (лица причта) въ школахъ грамоты ведутъ ученье «между дѣломъ», какъ лица, несущія другія обязанности. Учителя изъ крестьянъ, прошедшіе земскую школу, преподаютъ по новымъ методамъ; не прошедшіе новую школу держатся стариннаго метода.

Изъ 335 школъ грамоты свои помѣщенія имѣютъ только 11 школъ; 169—помѣщаются въ церковныхъ домахъ, 120—въ наемныхъ, 29—въ домахъ частныхъ лицъ и 6—въ общественныхъ; 17 школъ не имѣютъ по-

стоянныхъ помѣщеній и кочуютъ изъ дома въ домъ по жилищамъ родителей учениковъ.

Въ среднемъ на 1 школу грамоты приходится 34 ученика(14,789 : 434). Изъ 404 школъ въ 11 менѣе 10 учащихся, въ 82—отъ 11 до 20 уч., въ 119—отъ 21 до 30 уч. 7 школъ имѣютъ болѣе 70 учениковъ каждая, остальныя—отъ 30 до 70 учениковъ.

Въ заключеніе сказаннаго о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты приведемъ данныя, свидѣтельствующія о средствахъ содержанія церковныхъ школъ въ Саратовской губ. въ 189³/₄ г.

Запасный или основной капиталъ	1,835 р.	— к.
Пособія отъ церквей	4,669 »	12 »
Пособія отъ монастырей	644 »	— »
Отъ епархіальнаго училищнаго совѣта . . .	7,345 »	33 »
Отъ земства	14,726 »	43 »
Отъ приходскихъ попечительствъ	4,092 »	15 »
Отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ . . .	16,660 »	20 »
Отъ городскихъ обществъ и общества купцовъ и мѣщанъ	3,380 »	— »
Отъ попечителей и благотворителей	7,299 »	15 »
Получено платы за обученіе	1,174 »	17 »
Итого . . .	61,825 »	65 »

Изъ этихъ данныхъ видно, что главнымъ источникомъ содержанія церковныхъ школъ (церковно-прих. и школъ грамоты) служатъ сельскія общества и земства: доходъ отъ нихъ равняется 50% всего дохода.

Среднимъ числомъ содержаніе каждой церковной школы обошлось въ 189³/₄ г. въ 91 р. 32 к. (61,825 р. 25 : 677), а каждаго учащагося—около 2 р. 43 к. «Въ точности опредѣлить стоимость содержанія церковно-приходскихъ школъ и особенно школъ грамоты невозможно, потому что во многихъ мѣстахъ школы грамоты помѣщаются въ однихъ зданіяхъ съ церковно-приход. школами и пользуются пособіемъ натурою и мелкими денежными средствами на ремонтъ и проч. за счетъ общества или церквей» (Отчетъ за 189³/₄ г.).

Изслѣдованіе состоянія народнаго образованія въ Саратовской губерніи привело земскую коммиссію по народному образованію къ выводамъ, которые мы и приведемъ въ заключеніе настоящей статьи. Выводы эти указываютъ на слѣдующія нужды въ области народнаго образованія:

1) «Недостаточность существующихъ школъ для удовлетворенія уже назрѣвшей въ народѣ потребности въ образованіи и неравномѣрное ихъ распредѣленіе по территоріи уѣздовъ;

2) необезпеченность на случай болѣзни и старости учащихъ лицъ часто недостаточный размѣръ ихъ вознагражденія;

3) недостаточная подготовка (общая и спеціально-педагогическая) значительной части учительскаго персонала;

4) крайняя тѣснота школьныхъ помѣщеній и несоотвѣтствіе ихъ устройства требованіямъ школьной гигіены;

5) недостатокъ учебныхъ пособій во многихъ школахъ;

6) крайняя бѣдность школъ книгами для внѣкласснаго чтенія учениковъ;

7) слабое развитіе сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго образованія, какъ при помощи спеціальныхъ школъ, такъ и при помощи настоящей народной школы;

8) недостаточное развитіе внѣшкольныхъ способовъ распространенія знаній;

9) недостатокъ единства въ дѣятельности уѣздныхъ земствъ по народному образованію и проистекающее отсюда разнообразіе въ достигнутыхъ результатахъ» (Докладъ коммиссіи 29-му очередному земскому собранію, стр. 108). Вопросъ объ устраненіи этихъ нуждъ и стоитъ въ настоящее время передъ саратовскимъ губернскимъ и уѣздными земствами.

Н. Казанскій.

Робертъ Бэрнсъ *).

III.

Бэрнсъ разрубилъ узелъ однимъ ударомъ. Джэнъ теперь станетъ его женой на всѣхъ, даже церковныхъ, правахъ. Правда, она вульгарна, не чувствуетъ ни малѣйшаго интереса ни къ какой литературѣ, мужу съ ней немыслимо и двухъ словъ сказать о чемъ бы то ни было, выходящемъ за предѣлы хозяйства, онъ нравственно съ ней совершенно одинокъ. Но какая же другая женщина рѣшится стать подругой его нищенской каторжной жизни? А если бы и выискалась подобная героиня,—ему обошлось бы это счастье слишкомъ дорого. А Джэнъ — неприхотлива, здорова, съ превосходнымъ сердцемъ и считаетъ своего мужа первымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Такъ утѣшалъ себя Бэрнсъ, но въ такихъ случаяхъ утѣшенія всегда выходятъ «сухою теоріей», а жизнь безжалостно и неукротимо ведетъ свою линію и только что, повидимому, совершенно примиреннаго человѣка бросаетъ въ новую сѣть сомнѣній и самаго искренняго негодованія на судьбу.

У Бэрнса былъ подъ руками болѣе дѣйствительный источникъ спокойствія и даже радостей, чѣмъ всѣ добродѣтели жены,—*дѣти*. На нихъ поэтъ перенесъ всю страстность и нѣжность своего ненасытнаго сердца. Въ его письмахъ къ лучшимъ друзьямъ дѣти занимаютъ первое мѣсто. Трудно тщательнѣе слѣдить за развитіемъ дѣтской души, проницательнѣе подмѣчать малѣйшіе проблески индивидуальной натуры у двухлѣтняго мальчика, съ болѣе глубокой и тревожной болью говорить объ его будущемъ! Бэрнса охватываетъ дрожь при одной мысли, сколько испытаній предстоитъ дѣтямъ бѣдняковъ. Его особенно страшатъ униженія, зависимость, столь часто угрожающія необезпеченнымъ людямъ. Въ его головѣ роятся «тысячи плановъ», какъ бы предохранить «свою кровь» отъ рабства и обидъ. По временамъ онъ «теряетъ голову», вдумываясь въ свою бѣдность и въ жалкое наслѣдство своего потомства.

Бэрнсъ рѣшается помочь горю новымъ трудомъ, поступаетъ на службу въ акцизъ,—и надо помнить, гдѣ, когда и на какихъ условіяхъ! Прежде

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

всего, самая служба въ акцизѣ пользовалась весьма нелестной репутаціей по очень простой причинѣ. Торговля спиртными напитками процвѣтала въ обширныхъ размѣрахъ, ею занимались бѣдняки ради куска хлѣба. Чиновнику приходилось превращаться въ шпіона, и положеніе Бэрнса, извѣстнаго во всей странѣ,—становилось часто невыносимымъ. Крестьяне на ярмаркахъ и въ деревняхъ сбѣгаются взглянуть на знаменитаго *поэта*, а онъ въ это время привлекаетъ къ отвѣтственности какую-нибудь старуху вдову за бутылку виски. Правда, поэтъ и здѣсь дѣйствуетъ скорѣе вдохновенно, чѣмъ оффиціально,—самъ на судѣ защищаетъ виновныхъ. Но это не избавляетъ его отъ самыхъ странныхъ сценъ и унизительныхъ столкновеній.

Потомъ округъ его разбросанъ на громадномъ пространствѣ. Двѣсти миль въ недѣлю — самое скромное разстояніе, какое дѣлаетъ Бэрнсъ, по болотамъ и горамъ, во всякую погоду, не всегда находя ночлегъ и высушивая измоченную одежду на своемъ тѣлѣ. Естественно, трактиръ подчасъ является желаннѣйшимъ убѣжищемъ, и нашъ акцизный оказываетъ великую честь крѣпчайшему элю отнюдь не въ интересахъ службы и своего кармана. За всѣ эти приключенія и удовольствія жалованья 50 фунтовъ, въ случаѣ болѣзни оно сокращается до половины, и Бэрнсъ мирится. «Люди могутъ говорить все, что имъ угодно о позорѣ акцизной службы,—писалъ онъ,—50 фунтовъ въ годъ прокормятъ мою жену и сдѣлаютъ меня независимымъ; я предпочитаю, чтобы въ глазахъ людей отъ меня моя профессія пріобрѣла почетъ, а не я самъ отъ профессіи».

Но акцизное жалованье требовало нѣкотораго возмездія—не только трудами, но и доходами. Бэрнсъ, постоянно въ разъѣздахъ, не можетъ дѣятельно заниматься хозяйствомъ, и оно быстро идетъ къ упадку. Что пріобрѣтается на службѣ, то отчасти теряется на фермѣ, и бѣдность не перестаетъ глядѣть въ глаза несчастному труженику. Только въ эту эпоху мы слышимъ отъ Бэрнса желчное негодованіе на бѣдность, подчасъ проклятія и подавленный стонъ. Онъ принужденъ изъ одной гинеи дѣлать три, изъ трехъ пять, ломать голову надъ невозможными комбинаціями. Всѣ труды Геркулеса, три вѣка египетскаго рабства евреевъ не могутъ сравниться съ этой «адской задачей». И поэтъ произноситъ пламенную рѣчь противъ бѣдности, безразлично топчащей въ грязь и почтеннаго старца, и благороднаго юношу, и геніальнаго человѣка. Всѣ они осуждены на униженія, на рабство и геній,—за столомъ счастливцевъ,—въ скорбномъ молчаніи обязанъ переносить, какъ не обращаютъ вниманія на его замѣчанія, на него самого, и привѣтствуютъ одобреніями идіотскія попытки безсмысленнаго величія быть остроумнымъ...

Такъ вопіяли возмущенная кровь и истерзанныя нервы... Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить болѣе изобрѣтательную иронію судьбы, чѣмъ нашего поэта въ мундирѣ акцизнаго чиновника! Еще можно извлекать поэтическіе мотивы изъ сельской работы, изъ созерцанія вѣчно краснорѣчивой и чистой природы, но намъ понятенъ невольный страхъ поэта, какъ бы его не покинули «дочери Парнаса» — теперь, когда онъ скачетъ

по болотамъ и горамъ за тайными фабрикантами и продавцами виски и эля, уличаетъ преступниковъ по всѣмъ статьямъ питейнаго устава и изощряется въ уловкахъ спасти отъ законной кары бѣдную старуху.

Да, все это, пожалуй, испугаетъ «шаловливыхъ, радостныхъ и изящныхъ красавицъ». Но, вѣдь, онѣ знаютъ, люди подвержены жесточайшей нуждѣ, а у поэта жена и двое малютокъ должны имѣть «супъ и рубище». Поэтъ гордъ: это также извѣстно музамъ, но онъ скорѣе рѣшится на самый мелкій и неблагодарный трудъ, чѣмъ предоставитъ семью лишеніямъ. У него теперь мало времени и вдохновенія, но музы должны помнить: «устроить счастливый семейный очагъ для малютокъ и жены—захватывающая и высокая истина человѣческой жизни».

И здѣсь, слѣдовательно, поэтъ умѣлъ найти нравственную опору. Невольный крикъ гнѣва и боли смѣняется у него мудрымъ словомъ и мужественнымъ чувствомъ. Не дешево стоятъ въ такихъ случаяхъ мудрость и мужество, и не всегда, можетъ быть, жалобы и крики покажутся намъ умѣстными. Вѣдь, рѣшаются же нѣкоторые, несомнѣнно, весьма отважные судьи нашего поэта винить его въ томъ, что онъ слишкомъ часто въ своихъ письмахъ говоритъ о денежныхъ недостаткахъ *). Но только судьи забываютъ, что тотъ же жалующійся Бэрнсъ не обращался ни къ чьей помощи, даромъ отдавалъ въ печать свои стихи и искренне оскорблялся всякимъ намекомъ на гонораръ. Фактъ едва вѣроятный, а между тѣмъ передъ нами негодующее письмо поэта къ издателю народныхъ шотландскихъ музыкальныхъ мотивовъ. Издатель предложилъ Бэрнсу написать слова на нѣкоторыя изъ этихъ мотивовъ, выправить старыя аріи и, вообще, для готовой музыки дать изящный поэтическій текстъ.

Поэтъ согласился съ восторгомъ и никакъ не могъ помириться съ мыслью, что издатель долженъ дѣлиться съ нимъ прибылью отъ сборника. Бэрнсъ присылку гонорара счелъ жесточайшимъ оскорбленіемъ своему достоинству—поэта и патріота и грозилъ прервать даже сношенія съ издателемъ. И это не единственный случай. Все равно какъ самъ Бэрнсъ не успѣлъ додуматься до изданія своихъ стиховъ и скорѣе готовъ былъ искать счастья за океаномъ, такъ ему трудно усвоить обычные *литераторскіе* взгляды на поэзію и поэтическій трудъ. Онъ не различалъ рукописи отъ вдохновенія, и то и другое считалъ одинаково не подлежащимъ куплѣ и продажѣ. Здѣсь нѣтъ, конечно, особенно высокаго нравственнаго *принципа*, но *подвигъ*—внѣ сомнѣнія и благородство, хотя бы и наивное, тѣмъ трогательнѣе, что безсребренникомъ являлся чуть ли не поденщикъ.

Казалось бы, достаточно для бѣдности этой «близкой родственницы смерти и родной сестры ада», акцизной траги-комедіи; уже она могла заставить поэта пріобрѣсти дорожное изданіе *Потеряннаго рая*, чтобы всегда

*) Между прочимъ, въ письмахъ къ лэди Дэнлопъ, горячей поклонницѣ таланта Бэрнса. Полное изданіе переписки предстоитъ по поводу годовщины. Мнѣніе о сообщеніяхъ Бэрнса—*The fortnightly Review*, nov. 1895, въ статьѣ: *The Burns and Dunlop correspondance*, by L. Roberts.

имѣть передъ собой образъ побѣжденнаго, но не покореннаго сатаны. Достаточно, вообще, заботъ о супѣ и рубищѣ, чтобы отравить существованіе Бэрнса, но ко всѣмъ невзгодамъ присоединилось испытаніе особенно страшшное для поэта,—страшное при его натурѣ и міросозерцаніи.

Мы видѣли, въ акцизѣ онъ искалъ обезпеченности и независимости, последней болѣе всего, и вдругъ акцизъ именно и оказался источникомъ неизбѣжнаго рабства, какое только могло обрушиться на горячую голову Бэрнса.

Вспыхнула французская революція. Легко представить, какое чувство должна была вызвать у Бэрнса проповѣдь свободы, братства и равенства. Вѣдь, онъ самъ въ сущности былъ поэтомъ этихъ трехъ принциповъ. Мы увидимъ, какъ естественно и неизбѣжно муза Бэрнса—муза народной жизни и народнаго труда—затрогивала революціонные мотивы и, не произнося, не зная *отвлеченныхъ понятій*, вѣнчала своимъ вдохновеніемъ *стремленія и чувства*. А потомъ эдинбургскіе опыты какъ разъ были разсчитаны на совершенно опредѣленныя настроенія, и въ негодованіи Бэрнса на рабское положеніе личныхъ достоинствъ среди привилегированныхъ ничтожествъ таился въ зернѣ позднѣйшій энтузіазмъ передъ французскимъ движеніемъ. Равенство и свобода,—вѣдь, это для изстрадавшагося труженика звучало простымъ здравымъ смысломъ, а братство заключалось въ инстинктивныхъ влеченіяхъ его безгранично гуманнаго сердца!

И Бэрнсъ присоединяетъ свой восторженный голосъ ко многимъ привѣтствіямъ, раздававшимся въ Англіи въ первую эпоху революціи. Но не всѣмъ одинаково удобно было выражать свои сочувствія, и ужъ, конечно, неудобнѣе всего чиновнику, всецѣло зависящему отъ казеннаго содержанія. Правда, на сторонѣ Бэрнса множество клубовъ, обществъ, газетъ, брошюръ, но будь либеральный потокъ еще глубже и стремительнѣе, онъ не помѣшалъ бы правительству защищаться, по крайней мѣрѣ, отъ своихъ же агентовъ. И Бэрнсъ очутился въ болѣе фальшивомъ положеніи, чѣмъ когда-либо,—и не только по своей оффиціальной практикѣ, но и по идеямъ. Онъ—гордый плебей, прирожденный протестантъ и пламенный поэтъ—естественно оказался на лѣвомъ крылѣ. А это означало идти не только противъ правительства, но и противъ спеціально-англійскаго либерализма—особенно конца XVIII вѣка. Громадное большинство немедленно сдержало порывъ, лишь только революція вступила на путь жестокой энергіи. Бэрнсъ, истинный соотчичъ Нокса, готовъ ученіе о свободѣ и равенствѣ повести столь же далеко къ демократическому идеалу, какъ знаменитый реформаторъ—ученіе религіознаго протестантизма. И Бэрнсъ рѣзко и публично заявилъ свои настроенія.

Результатъ, конечно, не трудно угадать: что-нибудь изъ двухъ, или дѣлать политику, или служить,—и поэту коротко и ясно поставили эту дилемму. Онъ ее разрѣшилъ въ пользу супа и рубища, но, повидимому, въ первый разъ за всю свою нескончаемую борьбу съ противорѣчіями и контрастами, пошатнулся и заскорбѣлъ. По крайней мѣрѣ, эль и виски все чаще начи-

наютъ смущать поэта, онъ ищетъ забвенія въ обществахъ, вродѣ контрабандистовъ и матросовъ своей ранней молодости, проявляетъ болѣзненную лихорадочность или впадаетъ въ глубокую мрачную меланхолію, крѣпкій упругій организмъ поддается физически и нравственно. Бэрнсъ отлично понимаетъ свое состояніе и, безсильный подняться на высоту спокойствія, бодрости, еще глубже отравляетъ себя раздражительностью и тоской.

Въ такія-то минуты геній и высокій умъ являются настоящимъ проклятіемъ для человѣка. Они поднимаютъ свой голосъ то въ упрекахъ совѣсти, то въ мучительныхъ порывахъ вырваться изъ страшной петли нравственнаго паденія и безсилія, то въ припадкахъ смертнаго отчаянія. Для обыкновенныхъ и ничтожныхъ людей почти незамѣтенъ переходъ отъ полной цвѣтущей энергіи и жизни къ упадку и маразму: самая ихъ энергія такъ невысоко поднималась надъ застоемъ и смертью! Но заживо терять душевныя силы человѣку, когда-то орлинымъ полетомъ парившему надъ землей, ясно представлять пропасть между настоящимъ упадкомъ и былымъ могуществомъ—значитъ переживать драму, напоминающую участь заживо погребеннаго и ожившаго въ могилѣ. Мы своими сравненіями отнюдь не преувеличиваемъ и не раскрашиваемъ дѣйствительности. Прочтите предсмертныя письма Бэрнса,—трогательная искренность и самоотреченіе съ оттѣнкомъ горькой ироніи надъ собою и своею участью не позволятъ вамъ ни на минуту усомниться въ истинѣ и глубинѣ страданій поэта. И даже еслибы не было его личныхъ свидѣтельствъ, развѣ не являлось бы намъ совершенно логической, неизбѣжной заключительная драма жизни, столь безпокойной, созданной изъ столь разнообразныхъ, непримиримо-враждебныхъ элементовъ. Развѣ не достаточно таланта и низкаго происхожденія, чувства личнаго достоинства и бѣдности, чтобы повѣрить не только въ медленную агонію, а въ самую трагическую развязку? Такія банальныя, рѣшительно всѣмъ надоѣвшія посылки, а выводъ будто требуетъ доказательствъ и документовъ!

Бэрнсъ умеръ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и его отецъ. Тому грозила тюрьма за долги,—сынъ чуть ли не въ послѣднюю минуту получилъ требованіе объ уплатѣ пяти фунтовъ торговцу сукномъ, и почувствовалъ себя окончательно несчастнымъ: предъ больнымъ воображеніемъ возстали всѣ ужасы тюрьмы; это произошло въ половинѣ іюля,—21 поэта не стало. Его послѣдними словами было негодованіе на возмутителя его предсмертныхъ дней... Такъ глубоко потрясла его мозгъ послѣдняя обида нужды!

Мы не имѣли намѣренія подробно разсказывать исторію Бэрнса. Мы представили только главнѣйшія черты его жизни и личности и опустили множество подробностей, часто не менѣе краснорѣчивыхъ, чѣмъ общій характеръ рисунка. Но и даннаго матеріала достаточно, чтобы предъ нами возсталъ ясный и сильный образъ одного изъ оригинальнѣйшихъ дѣятелей *поэзіи* и *жизни*. Именно—поэзіи и жизни... У Бэрнса эти понятія неразрывны и тождественны. Все равно какъ отъ цвѣтка нельзя отдѣлить его аромата, такъ стихи Бэрнса нельзя исключить изъ его біографіи и разсма-

тривать ихъ только какъ творчество, поэтическое вдохновеніе. У всякаго поэта, конечно, личные опыты оказываютъ рѣшительное вліяніе на его поэзію, но одновременно съ *дѣйствительностью* подлинной, исторической, сюда проникаетъ *литература*, свободная игра фантазіи и эстетическаго чувства съ фактами и лицами. Эта игра можетъ у самыхъ положительныхъ художниковъ проникнуть не только въ ихъ творчество, а даже и въ ихъ исторію, напримѣръ, въ личныя воспоминанія. Гёте откровенно засвидѣтельствовалъ этотъ психологическій законъ, назвавъ свою автобіографію— *Правда и поэзія*.

И у кого, самаго простого не поэтическаго смертнаго, не происходитъ на каждомъ шагу подобнаго невольнаго сліянія истины съ вымысломъ? Кто, разсказывая о прошломъ, не сообщалъ ему гораздо больше блеска и привлекательности, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ? Поэтому-то воспоминанія и обладаютъ такою только имъ свойственною прелестью!

Бэрнсъ—оказывается—исключеніе. Прежде всего, эффектнѣйшей стороны своей жизни онъ почти совсѣмъ не коснулся въ своей поэзіи,—мы хотимъ сказать, не воспользовался сплошною драматическою борьбой своей натуры и генія съ житейскимъ положеніемъ и общественными условіями. А, между тѣмъ, какой богатый источникъ заключался здѣсь для вполнѣ законныхъ чувствительныхъ и грозныхъ мотивовъ! Во всякомъ случаѣ, для болѣе благодарныхъ, чѣмъ, напримѣръ, шиллеровскіе *Разбойники* и даже байроновскій *Чайльдъ Гарольдъ*. Поэтъ удовольствовался письмами и замѣтками въ дневникѣ и предоставилъ намъ считаться съ фактами въ ихъ чистѣйшемъ видѣ. Правда, и самые факты, мы видѣли, стóятъ иного романа и драмы, но даже достовѣрнѣйшая и святая истина должна непремѣнно прикрыть свою наготу нѣкоторыми украшеніями, чтобъ овладѣть слухомъ и чувствомъ большинства.

Поэтъ изъ своей жизни извлекъ *общіе* мотивы, даже въ самыхъ личныхъ и интимныхъ вопросахъ, въ любви. Авторъ пѣсенъ, т.-е. лиричнѣйшаго жанра поэзіи, сумѣлъ частныя и случайныя черты принести въ жертву общей психологической характеристикѣ чувства, и личные опыты отразились у него только на разнообразіи и глубинѣ этой характеристики. Въ противоположность большинству влюбленныхъ поэтовъ, онъ не преслѣдуетъ насъ основательными реляціями насчетъ совершенствъ той или другой избранницы, необычайно-интересныхъ свиданій, гдѣ и какъ и при блескѣ какого небеснаго свѣтила, не изощряется въ техникѣ риторическихъ фигуръ. У него увлеченіе всегда слишкомъ искренне, естественно, чтобы разводить хитрые досужіе узоры. Онъ сочиняетъ въ тотъ самый моментъ, когда ощущаетъ страстный трепетъ чувства, и не сочиняетъ собственно, а разсказываетъ, свои ощущенія переводитъ на слова, какія подскажутся мгновеннымъ настроеніемъ. Пѣсня Бэрнса — это невольный крикъ взволнованной души, паѳосъ переполненнаго сердца, мы бы сказали — трель птицы, разбуженной предразсвѣтнымъ вѣтромъ и пурпурнымъ блескомъ зари...

Но только пусть новѣйшіе сладкопѣвцы не радуются этому сравне-

нію. Пѣть инстинктивно, въ порывѣ нахлынувшаго вдохновенія, безъ заранѣе обдуманнаго мотива и поставленной темы, не значитъ еще обладать птичьимъ мозгомъ и мочальнымъ серцемъ такъ называемыхъ чистыхъ поэтовъ. Да, Бэрнсу чужда всякая тенденція, онъ никогда предварительно не ставитъ эпиграфа къ своему стихотворенію и, тѣмъ не менѣе, онъ преисполненъ идей и практическихъ внушеній.

Поэтъ самъ опредѣлилъ свой талантъ, разсказалъ процессъ своего творчества, и намъ нѣтъ нужды пускаться въ теоріи и догадки. Еще до появленія въ печати, Бэрнсъ серьезно думалъ надъ своимъ дарованіемъ и смѣло призналъ его естественную силу и оригинальность. Въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній онъ бросаетъ вызовъ педантической учености, школьному буквоѣдству, разсчитывающему попасть на Парнасъ при помощи грамматикъ и древнихъ языковъ:

«Дайте мнѣ искру естественнаго огня, — вотъ и вся наука, какой я желаю.

Gie me ae spark o'Nature's fire,
That's a'the learning I desire...

«Пусть тогда я вожусь съ плугомъ и телѣгой въ лужахъ и грязи, моя муза,—и бѣдно одѣтая,—будетъ трогать сердца». И муза обращается къ нему съ рѣчью утѣшенія. Она не можетъ научить его искусству блестящихъ ученыхъ поэтовъ, но вѣдь и среди розъ цвѣтетъ маргаритка, и рядомъ съ тѣнью царя лѣсовъ зеленѣетъ душистый баярышникъ. Итакъ, смѣлѣе за трудъ: ни богатства Перу, ни благосклонность царей не превзойдутъ счастья деревенскаго поэта...

Въ предисловіи къ первому изданію стиховъ Бэрнсъ съ тонкою проніей говорилъ о разницѣ между своими пѣснями и произведеніями людей просвѣщенныхъ, среди довольства и изящества снисходящихъ къ деревенскимъ темамъ и разсчитывающихъ на соперничество съ Теокритомъ и Виргиліемъ. Ему, Бэрнсу, недоступны научныя правила поэзіи, онъ просто воспѣваетъ чувства и нравы, имъ пережитыя и хорошо ему извѣстныя по личнымъ наблюденіямъ. Онъ даже и не разсчитывалъ печатать своихъ стиховъ. Для него вдохновеніе—отдыхъ среди работы и усталости трудовой жизни. Онъ изображаетъ разнообразныя чувства: любовь, горе, надежду, страхъ,—все, испытанное его собственнымъ сердцемъ,—и находитъ здѣсь нѣкоторый противовѣсъ житейской борьбѣ, столь тягостной для поэтическаго духа. Для него уже въ самой поэзіи заключается награда, и онъ только проситъ своихъ судей принять во вниманіе его уровень образованія и обстоятельства его жизни...

Нельзя, конечно, отрицать нѣкоторой предпамѣренной, хотя и добродушной, насмѣшки надъ «ученымъ искусствомъ», звучащей въ этой исповѣди «деревенскаго поэта». Но со стороны именно Бэрнса она такъ естественна и законна! Онъ зналъ, чего стóитъ *подлинная* деревенская поэзія, какихъ вещей приходится насмотрѣться и натерпѣться ради *искренняго* вдохновенія сельскою жизнью и ея героями. Игра въ идилліи, въ симпатичнаго зем-

ледѣльца и граціозную пастушку была въ высшей степени распространена среди поэтовъ XVIII вѣка, и Бэрнсъ не могъ безъ улыбки и, пожалуй, даже безъ нѣкотораго презрѣнія взирать на плоды «изящной и досужей жизни богачей». Онъ самодовольной шалости новѣйшихъ Теокритовъ противоставилъ великій принципъ истиннаго творчества: поди узнай жизнь, перестрадай ее и тогда описывай!

Вотъ и вся эстетика Бэрнса, самая простая и наглядная, а, между тѣмъ, такъ рѣдко доступная и еще рѣже выполняемая даже самыми прославленными поэтами!

И теперь если мы, послѣ теорій, заинтересуемся практикой нашего поэта, насъ поразитъ та же непритязательность, прозаичность, пожалуй, грубость того самаго процесса, какой принято именовать «бряцаньемъ на лирѣ», «жертвой Аполлона», «бесѣдой съ музой» и другими еще болѣе громкими наименованіями.

Въ наше время такъ часто приходится слышать удивительные росказни, «какъ работаетъ», т.-е. творитъ, та или другая литературная знаменитость. Для одной требуется непремѣнно «безвѣстное отсутствіе», для другой—обязательно искусственное освѣщеніе въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, для третьей—золотое перо, для четвертой—непремѣнно почтовая бумага строго опредѣленнаго образца, для пятой—какой-нибудь спеціально изобрѣтенный напитокъ. Геній каждаго изъ этихъ господъ—будто не доношенное дитя, нуждающееся для своего появленія на свѣтъ въ особыхъ хирургическихъ и иныхъ операціяхъ!

Какъ бы искренне расхохотался Бэрнсъ, еслибъ ему сообщили всѣ эти чудеса! Свиданія съ музой у него происходили совершенно иначе, точь въ точь, какъ у шотландскихъ парней съ горными красавицами, нерѣдко при самыхъ неудобныхъ обстоятельствахъ: въ дождь, въ зимній холодъ, гдѣ-нибудь въ пустой ригѣ, на задворкахъ, лишь бы только не подсмотрѣлъ тайны нескромный взоръ, или на виду у всѣхъ — въ разгаръ жатвы, во время совмѣстной страды, но за то со всею тонкостью романической дипломатіи и находчивостью влюбленнаго сердца! Да, вообще, развѣ можно напередъ предсказать, гдѣ произойдетъ желанная встрѣча. Вѣрно только одно— она произойдетъ непремѣнно: для любви нѣтъ препятствій,—это извѣстно съ той самой поры, какъ въ мірѣ появились молодость и страсть.

Таковы и свиданія Бэрнса съ музой. Чаще всего вдохновенныя минуты онъ переживаетъ за сохой. Во время пашни у него вдругъ начинаютъ складываться одна риѳма за другой, по временамъ онъ пріостанавливается, опираясь на плугъ, и приводитъ въ порядокъ мелькающія вихремъ строфы, и къ концу рабочаго дня, когда горизонтъ заволакивается вечерними тѣнями и даль полей окутывается туманомъ, поэтъ возвращается домой, исполненный думъ и глубокихъ волненій: лучшія пѣсни его родились на свѣтъ! И какихъ незначительныхъ, повидимому, случайностей достаточно, чтобъ эту чудную душу охватила «вьюга вдохновенья!» Братъ Бэрнса впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ могъ бы указать точно мѣста на пашнѣ, гдѣ были

созданы двѣ великолѣпнѣйшихъ пѣсни: *Къ полевой мыши, Къ полевой Маргариткѣ*, и обѣ онѣ не что иное какъ исторія подлинныхъ «происшествій». И брату ясно рисовалось задумчивое лицо поэта, отражавшее одновременно и физическую усталость, и свѣтъ творческаго вдохновенія... Какой подрывъ извѣстной истинѣ, будто «музы требуютъ досуга!» Здѣсь, напротивъ: муза, будто Антей, утомленная и страдающая, склоняется къ землѣ, чтобы немедленно явить всю силу и блескъ своего чувства и воображенія.

Да, именно, такія картины рисуютъ стихотворенія Бэрнса.

Весь день поэтъ работалъ въ полѣ, только что вернулся домой, страшно утомленный, разбитый, засыпалъ лошадямъ овса, и надо бы на покой, сама муза умоляетъ его отдохнуть, не писать сегодня стиховъ: у нея отъ работы кружится и болитъ голова... Но поэтъ не хочетъ и слышать объ отдыхѣ, онъ грозитъ музѣ, что онъ станетъ писать прозой, если ей не угодно заняться звучными риѳмами. Дѣлать нечего, музѣ приходится смириться, и изъ-подъ пера поэта льются энергичные стихи, будто онъ весь день только и готовился къ этой работѣ.

Случается и такъ. На полѣ внезапно пойдетъ дождь, разгонитъ жнецовъ, всѣ попрячутся за снопы, и поэтъ воспользуется невольнымъ перерывомъ, чтобы призвать свою бѣдную музу къ отвѣту...

И она безпрекословно является къ нему не въ ослѣпительной, классически-прекрасной туникѣ, не въ вѣнкѣ изъ розъ и лавровъ, не съ волшебнымъ жезломъ въ рукахъ, не съ величественною осанкой и царственнымъ взоромъ,—нѣтъ, такія видѣнія не для деревенскаго поэта. Гостья поэта—скромна и застѣнчива. Она тихо, съ краской на лицѣ, переступаетъ порогъ бѣдной хижины, увѣнчанная зелеными вѣтками остролистника, одѣтая въ тартанъ, клѣтчатый костюмъ шотландскихъ дѣвушекъ, изящно приподнятый, позволяющій видѣть стройныя тонкія ноги. Поэтъ ждетъ въ безмолвномъ восторгѣ, его сердце трепещетъ, чувствуя неразрывную родственную связь съ этою красавицей, и съ ея устъ начинаютъ литься рѣчи, исполненныя ласки и ободренія... Какая ученая и свѣтская бесѣда можетъ замѣнить поэту подобныя свиданія *)! И онъ правъ, бросая гордый вызовъ другимъ болѣе искуснымъ, сытымъ и пышнымъ поэтамъ, врядъ ли когда испытывавшимъ счастье такого искренняго и сердечнаго общенія съ божествомъ и врядъ ли, слѣдовательно, поднимавшимся на такую высоту идеально-правдиваго и прочувствованнаго творчества.

Да, муза въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и въ деревенскомъ платьѣ едва ли станетъ лгать и гримасничать, подбивать своего поэта на разныя хитрыя выдумки и красивые пустяки. Ему слишкомъ дорого время и силы, у него ноетъ спина и дрожатъ руки отъ только что оконченной работы, а завтра предстоитъ такой же день... У мѣста ли здѣсь играть цвѣтами воображенія и взвинчивать себя небылицами? Поэзія здѣсь такой же хлѣбъ

*) *The vision.*

насущный, какъ и ежедневный трудъ. Она — удовлетвореніе умственной жажды и душевной истомы, она—«противовѣсъ житейской борьбѣ», — говоритъ самъ поэтъ. Серьезнѣе трудно опредѣлить не только поэзію, а вообще жизненное значеніе искусства.

Но, чтобы служить дѣйствительнымъ противовѣсомъ, искусству необходимо быть не менѣе глубокимъ, сильнымъ и важнымъ, чѣмъ сама жизнь. Смыслу и содержанію жизни оно должно противоставить столь же значительный смыслъ и не менѣе богатое содержаніе. Иначе «житейская борьба» смететъ его созданія будто легкій налетъ,—красивую, но ни на что ненужную пыль. Прочно только то, что корнями входитъ въ самую сущность человѣческаго существованія и вѣтвями переплетается съ его «вѣчно цвѣтущимъ деревомъ».

Именно такія притязанія Бэрнсъ съ самаго начала заявилъ для своихъ стиховъ.

IV.

Если вы раскроете какое-нибудь иллюстрированное изданіе сочиненій Бэрнса,—вамъ бросится въ глаза чрезвычайное изобиліе женскихъ фигуръ на иллюстраціяхъ. Правда, художники любятъ романическіе и чувствительные мотивы, и каждый поэтъ непремѣнно рыцарь одной, а еще чаще нѣсколькихъ дамъ,—но въ данномъ случаѣ художники, пожалуй, слишкомъ скромны, а поэтъ по-истинѣ усерднѣйшій пѣвецъ красоты и сердечнаго счастья. Женщина въ жизни и поэзіи Бэрнса занимаетъ очень много мѣста,—гораздо больше, чѣмъ можно было бы ожидать при неустанной и безысходной борьбѣ поэта за кусокъ хлѣба въ буквальномъ смыслѣ слова.

Бэрнсъ самъ откровенно и неоднократно указывалъ на этотъ фактъ. Когда поэту предлагали основательно выучиться латинскому языку,—онъ съ улыбкой отвѣчалъ: все, что̀ ему желательно было знать по-латыни, онъ знаетъ. *Omnia vincit amur*, все побѣждаетъ любовь,—вотъ, по его мнѣнію, и вся достойная вниманія классическая мудрость.

Для него любовь—«альфа и омега человѣческаго счастья», «искра небеснаго огня, освѣщающая зимнее убѣжище бѣдности», «безъ нея жизнь бѣдныхъ обитателей хижинъ была бы проклятіемъ»,—наконецъ, эти стихи изъ *Субботняго вечера Поселянина*:

Любовь! блаженъ тотъ, кто тебя извѣдалъ.
Восторгъ сердецъ, безъ мѣры благодать!
Что, еслибъ Богъ отрады этой не далъ?...

И всѣ подобныя рѣчи отнюдь не оставались чистымъ поэтическимъ восторгомъ. Бэрнсъ дѣйствительно много любилъ и испыталъ все горькое и сладкое, что̀ таится на днѣ молодыхъ увлеченій. Нѣкоторые добросовѣстнѣйшіе почитатели Бэрнса пытались установить точный итогъ его романическимъ исторіямъ и, по его стихотвореніямъ, насчитали до пятидесяти героинь; но, вѣдь, это только *историческія* фигуры, звѣзды первыхъ величинъ,—

сколько одновременно съ ними промелькнуло по горизонту поэта метеоровъ и свѣтилъ второстепенной величины и блеска! И онъ находилъ достаточно времени и доброй воли слѣдить за звѣздами не только у себя надъ головой,—его живо интересовали чужія сердечныя страданія. Онъ среди поселянъ-земляковъ неизмѣнно играетъ роль адвоката въ слишкомъ запутанныхъ любовныхъ тяжбахъ. Сборникъ его стиховъ переполненъ посланіями и пѣснями, написанными для другихъ, разсчитанными на сердца даже незнакомыхъ ему красавицъ. Бэрнсъ не только охотно исполняетъ просьбы несчастныхъ влюбленныхъ, онъ самъ идетъ на-встрѣчу увлекательнѣйшей для него обязанности—проситъ друзей описать ему въ общихъ чертахъ внѣшность ихъ «богинь», а дальнѣйшее—уже дѣло его музы.

Мы могли бы и ограничиться этими замѣчаніями. Любовь и въ жизни и въ стихахъ представляетъ интересъ только для самихъ героевъ и героинь. Издали это явленіе всегда и вездѣ одинаковое, шаблонное и психологически-элементарное. Разсуждать о немъ по меньшей мѣрѣ безцѣльно, и всегда можно попасть въ ложное положеніе необычайно мудраго, но чистаго теоретика—монаха Лоренцо, столь побѣдоносно уничтоженнаго юнымъ практикомъ Ромео въ двухъ словахъ:

Ты говоришь о томъ не въ состояньи,
Чего не можешь чувствовать...

И мы предоставили бы нашего Ромео—Бэрнса—говорить за себя притомъ на самомъ подходящемъ для любви языкѣ, и не стали бы «низкой прозой» нарушать его «божественную» гармонію. Мы замѣнили бы нашу рѣчь искреннею рекомендаціей читателямъ лично познакомиться съ предметомъ, просто прочитать любовныя стихотворенія поэта,—и остались бы при полной увѣренности, что поэтъ сумѣетъ постоять за себя даже предъ самыми требовательными и свѣдущими критиками.

Но подобная политика умѣстна относительно чьихъ угодно романическихъ приключеній и сердечныхъ волненій, только не Бэрнса. Ромео и Джульетту дѣйствительно можно предоставить другъ другу и не касаться ихъ чувствъ, тѣмъ болѣе, что они и сами выдѣляютъ себя изъ всего остального міра и для счастья ни въ чемъ не нуждаются «кромѣ своей красоты».

У нашего поэта нѣсколько сложнѣе и «чувства», и неизмѣримо любопытнѣе психологія, входящая въ составъ его увлеченій.

Прежде всего, самый списокъ героинь Бэрнса въ высшей степени оригиналенъ. Возьмите, напримѣръ, исторію байроновскаго Донъ-Жуана, самаго умнаго и интереснаго изъ всѣхъ Донъ-Жуановъ, обратите вниманіе на дамъ его сердца,—васъ поразитъ полное отсутствіе личныхъ оригинальныхъ чертъ на этихъ одинаково прекрасныхъ, но столь же обыкновенныхъ и утомительно-однообразныхъ фигурахъ. Конечно, есть разница между чужой невѣрною женой и страстною дѣвушкой ребенкомъ, но это разница не по человѣчеству, не по духу, а по манерѣ любить. Въ сущности о человѣчествѣ и о духѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, иначе Донъ-Жуанъ не былъ бы Донъ-Жуаномъ.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ дѣйствительные романы Бэрнса. По внутреннему содержанію они рѣшительно превосходятъ литературные романы Англіи XVIII вѣка,—необычайно многочисленные и талантливые. Правда, герой предъ нами вездѣ одинъ и тотъ же, но героини,—что именно особенно рѣдко,—охватываютъ едва ли не всю область женской психологіи.

Вотъ, напримѣръ, дѣвушка, очень красивая и настолько граціозная, что по ея портрету Бэрнсъ изображаетъ свою музу. Но она не поднимается выше обычныхъ мужскихъ понятій о достоинствахъ женщины. Она—вѣрна, безгранично преданна, сердце ея—неистощимый источникъ доброты и всепрощенія. Когда ея увлекающійся мужъ окажется незаконнымъ отцомъ, она—жена и мать—безпрекословно приметъ въ свою семью чужого ребенка и ни единымъ намекомъ не обнаружитъ своей обиды. Она съ самоотверженіемъ подвижницы и съ простотой праведницы будетъ терпѣть взрывы пламенной и омраченной души своего господина и бога. Она, незамѣтная, неинтересная, пожалуй даже скучная, на своихъ плечахъ вынесетъ семейный покой и домашній порядокъ—и до конца съ затаеннымъ восторгомъ будетъ взирать на необыкновеннаго человѣка, удостоившаго снизойти до союза съ ней. Это—Джэнъ, героиня одной изъ злополучнѣйшихъ исторій въ жизни Бэрнса.

Поэтъ, конечно, не минуетъ вдохновеніемъ это благородное, хотя совсѣмъ не эффектное созданіе. Именно она должна внушить ему изящнѣйшій и задушевнѣйшій разсказъ о любви скромной деревенской красавицы. Она встрѣтила ловкаго красиваго парня на ярмаркѣ и танцовала съ нимъ. Потомъ вернулась домой и почувствовала что-то странное и непонятное въ своемъ сердцѣ. Раньше она такъ беззаботно помогала матери въ работахъ,—теперь она безпрестанно вздыхаетъ отъ какой-то душевной боли и заботы и не знаетъ, что стѣсняетъ и давитъ ея грудь. Но вотъ, на лугу усыпанномъ лиліями, къ ней подходитъ молодецъ и начинаетъ разсказывать ей сказку любви. Сердце у красавицы трепещетъ и глаза блестятъ лучами радости. Теперь ясно, что причиняло ей такія мучительныя и загадочныя страданія! Они окончатся взаимнымъ счастьемъ, но бѣдная Джэнъ и въ рѣшительную минуту, вмѣсто отвѣта на страстный голосъ милаго, только еще ярче покраснѣетъ *). И что можетъ сравниться съ кристальной переливающейся игрой картины, заключенной всего въ четыре стиха!

Now what could artless Jeanie do?
She had nae will to say him na:
At lehgth she blush'd a sweet consent,
And love was aye between them twa.

---

*) *There was a lass, and she was fair.* „Что же могла сдѣлать простодушная Дженни? Она не собрала духу сказать ему *нѣтъ*, и кончила тѣмъ, что покраснѣла въ знакъ милаго согласія, и любовь съ этихъ поръ осталась удѣломъ обоихъ".

Полная противоположность Джэнъ—ея соперница Мэри, зачаровавшая поэта чуть ли не одновременно съ его мечтами о «простодушной» подругѣ. Джэнъ приковываетъ вдохновеніе Бэрнса къ землѣ, въ послѣдніе годы онъ будетъ обращаться къ ней какъ къ женѣ, опорѣ своего спокойствія, великой волшебницѣ въ вопросахъ хозяйственной экономіи. Но развѣ подобные мотивы для музы нашего поэта? Самъ же онъ наивно признавался одному изъ друзей.

«Супружеская любовь—страсть, которую я чувствую глубоко и ставлю высоко,—но я не знаю, почему она не такъ идетъ къ поэзіи, какъ другой сортъ любви,

Гдѣ любовь—свобода, и природа, и законъ...

«Говоря языкомъ музыкантовъ, супружеская любовь—инструментъ, съ гаммой бѣдной и ограниченной, хотя всѣ его тонà невыразимо пріятны, но другая любовь, по объему модуляцій, соотвѣтствуетъ всей нравственной природѣ человѣческой души».

Сравненіе превосходное, и мы не должны слишкомъ строго придираться къ его практическому смыслу. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, душа Джэнъ, законной любви поэта, представляла «инструментъ» «ограниченный», и въ ней дѣйствительно не было созвучныхъ и отвѣтныхъ аккордовъ на всѣ мелодіи, звучавшія въ избранной натурѣ мужа. Выпади на долю Бэрнса иная «супружеская любовь»,— онъ, вѣроятно, и иначе судилъ бы объ ея поэтической бѣдности.

Но теперь надъ простодушной Дженни паритъ идеальный образъ такой же горной красавицы, но, очевидно, одаренной несравненно болѣе музыкальнымъ сердцемъ.

Мэри Кэмбелль, *Highland Mary*, *Марія съ горныхъ высотъ*, пронеслась по горизонту поэта будто одна изъ таинственныхъ звѣздъ, иногда загорающихся въ безднахъ вселенной, въ нѣсколько дней достигающихъ ослѣпительной яркости и потомъ безслѣдно пропадающихъ въ міровомъ пространствѣ. Это была простая молочница въ одномъ изъ сосѣднихъ зàмковъ, но, очевидно, муза въ остролистникѣ и тартанѣ низлила на нее всѣ дѣвственныя чары своего генія и нравственной красоты. Романъ длился очень недолго, но оставилъ въ памяти поэта нѣсколько незабвенныхъ мгновеній, на пространствѣ цѣлыхъ лѣтъ являвшихся ему въ какомъ-то неотразимо-влекущемъ, сладко-мучительномъ блескѣ.

Однажды, въ маѣ, въ воскресный день, влюбленные сошлись на берегу свѣтлаго горнаго Эйра. Мэри предстояло путешествіе домой, въ горы, свиданіе было прощальнымъ предъ разлукой, можетъ быть, на долгое время. Тамъ, гдѣ въ Эйръ впадаетъ ручей, растетъ кустъ боярышника, и до сихъ поръ хранящій память о поэтической сценѣ. Кругомъ цвѣтетъ шиповникъ и тысячи полевыхъ цвѣтовъ, а горизонтъ окаймленъ холмами, усѣянными кустарникомъ. Здѣсь поэтъ и Мэри поклялись другъ другу въ вѣчной любви, омывая руки въ кристальной водѣ и держа передъ собой

Библію. Ее, съ надписью Бэрнса, унесла съ собой невѣста, и ушла, чтобы больше не вернуться. Въ концѣ осени Мэри заболѣла лихорадкой и умерла, оставивъ въ душѣ поэта чистѣйшія и поэтичнѣйшія впечатлѣнія его жизни. Годы спустя поэтъ не могъ забыть свиданія на берегу Эйра, и осеннее звѣздное небо воскрешало предъ нимъ дорогую тѣнь. Въ одну изъ такихъ минутъ написана элегія *Марія въ небѣ*, исполненная гнетущей тоски одиночества и страстныхъ призывовъ къ былому счастью *).

Такъ поэты мечтали о своихъ Беатриче, Лаурахъ, Стеллахъ—съ одной только разницей. У Бэрнса мечта—не призракъ, не взвинченный и разукрашенный вымыселъ, въ поэтическомъ изображеніи утратившій почти всякое сходство съ реальнымъ предметомъ. Мэри—существо изъ плоти и крови, столь же искренне волнующее поэта и долго послѣ смерти, какъ и при жизни. Обращеніе къ *Маріи въ небѣ* написано дѣйствительно подъ вліяніемъ тоски и жгучаго сожалѣнія о прошломъ. Мы это знаемъ отъ очевидцевъ.

Въ одинъ октябрскій вечеръ Бэрнсъ вернулся съ работы, печальный и подавленный думами. Ночью онъ вышелъ на дворъ, хотя стоялъ осенній холодъ. «Простодушная» Джэнъ настоятельно упрашивала мужа не подвергаться опасности—заболѣть. Поэтъ всю ночь пробродилъ, любуясь звѣзднымъ небомъ, прилегъ отдохнуть на связку соломы, устремивъ глаза на утреннюю, особенно ярко блиставшую звѣзду, и все стихотвореніе явилось вдохновеннымъ порывомъ, было брошено на бумагу безъ поправокъ, однимъ почеркомъ пера.

Очевидно, предъ глазами поэта былъ не символъ отвлеченныхъ совершенствъ, и не безплотный прекрасный мотивъ для холодныхъ лирическихъ упражненій, а живой, захватывающій, страстно волнующій образъ, хотя и недосягаемо-чистый, почти обоготворенный. На немъ покоилась идеальная тоска Бэрнса, и въ неуловимыхъ лучахъ предразсвѣтной звѣзды ему грезилось неугасающее сіяніе высшаго таинственнаго счастья, сіяніе поэтическаго генія съ одухотворенной красотой. Здѣсь и слѣда нѣтъ той «любезной лжи»,—le mensonge aimable, того напускного лицемѣрнаго цѣломудрія, которое въ сонетахъ подсказывало кавалерамъ самыя рыцарскія, безкорыстныя чувства, а въ жизни не мѣшало съ великимъ успѣхомъ разыгрывать роль «отважныхъ блондиновъ».

Бэрнсу пришлось столкнуться и съ подобнымъ явленіемъ въ области любовной интриги. Джэнъ и Мэри, при всемъ различіи романическихъ по-

---

*) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ на русскомъ языкѣ удовлетворительнаго перевода этого трогательнѣйшаго стихотворенія Бэрнса и едва ли не самого популярнаго среди читателей поэта. Первая строфа—необычайно сильная и сжатая въ подлинникѣ—слѣдующая: „Ты медленно плывущая звѣзда, которая любишь своими блѣднѣющими лучами привѣтствовать утреннюю зарю, открываешь день, когда моя Мэри была оторвана отъ моей души... О, Мэри дорогая, исчезнувшая тѣнь! Гдѣ страна твоего блаженнаго упокоенія? Видишь ли ты твоего друга, здѣсь во прахѣ простертаго? Слышишь ли ты стоны, разрывающіе его грудь". И дальше слѣдуетъ чудное описаніе прощальнаго свиданія.

ложеній въ жизни поэта,—одинаково простыя, искреннія, беззавѣтно любящія. Онѣ далеки отъ всякой мысли щеголять своимъ чувствомъ и извлекать изъ него какіе бы то ни было эффекты. Совершенно иного свойства—двѣ другихъ героини, Кларинда и Джэнъ Лоримеръ. И обѣ онѣ, пожалуй, еще болѣе яркія и типичныя фигуры, чѣмъ Мэри и жена поэта.

Кларинда—наслѣдство эдинбургскихъ успѣховъ Бэрнса. Настоящее имя дамы, Агнеса, по общественному положенію—дочь интеллигентной семьи, по лично-семейному—соломенная вдова. Среди ея родственниковъ по матери были ученые и литераторы, и сама она вышла довольно талантливой исполнительницей на роли «литературной дамы». Въ качествѣ таковой она, конечно, не могла не заинтересоваться и даже не увлечься столь знаменитымъ поэтомъ, добилась знакомства съ нимъ и немедленно принялась разыгрывать свое амплуа. На сцену появились, конечно, разныя воспоминанія изъ прочитанныхъ книгъ, разумѣется, беллетристическаго и любовнаго содержанія. Бэрнсъ, съ своимъ плебейскимъ происхожденіемъ, съ своими лишеніями и роковымъ отщепенствомъ отъ «свѣта», быстро превратился въ Отелло, а сама Агнеса въ Дездемону. Потомъ, въ старинныхъ романахъ герои и героини часто пользуются псевдонимами, по возможности звучными и символическими. Это еще извѣстно со временъ Мольеровскихъ жеманницъ, когда Катерина перерождалась въ Артенису. Ясно, Агнеса должна стать Клариндой, а Бэрнсъ—Сильвандеромъ, и закипитъ переписка не хуже чѣмъ у Филисы или Атенаисы.

Поэтъ сначала пойдетъ на приманку: Кларинда, свѣтская и образованная дама, несомнѣнно, сильно интриговала горнаго Донъ-Жуана. Но вскорѣ должно обнаружиться, что игра не стóила свѣчъ.

Прежде всего дама, при всей своей мечтательной отвагѣ, чувствуетъ смертный ужасъ предъ всякимъ, по мнѣнію свѣта, предосудительнымъ шагомъ и не можетъ посѣтить Бэрнса больного. Потомъ она принимается кропать стихи, нестерпимо сантиментальничать и позировать въ прозѣ, лепетать «чуть дыша» о своей особѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и въ дополненіе всѣхъ гримасъ допекаетъ Сильвандера—Отелло дружбой несчастной и разочарованной Кларинды—Дездемоны.

Та же исторія продѣлывается и при свиданіяхъ... Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе подобный спектакль и особенно рѣчи о дружбѣ и «свѣтѣ» производили на Бэрнса! Еще «свѣтъ» кое-какъ сошелъ бы: поэтъ съ истинно-плебейской надменностью умѣлъ обходить этотъ подводный камень, но проповѣдь насчетъ дружбы приводила его чуть не въ бѣшенство. Конечно, Кларинда, вѣрная своему жанру и своей психологіи, могла позволить и дѣйствительно позволяла весьма многое пламенному Сильвандеру, но въ результатѣ все-таки получалась *l'amour inachevé*, для Бэрнс нѣчто противоестественное и нестерпимое.

Прибавьте къ этому удовольствію еще *ревность* Кларинды, и предъ вами будетъ полный портретъ оригинальной эдинбургской *pousseuse de sentiments*, практикующей *le métier de cruelles*, одновременно на манеръ г-жи

Рекамье, какой-нибудь Julie изъ эпохи фронды и Арсинои временъ Людовика XIV. Напрасно бѣдный поэтъ взывалъ противъ «пѣны сентиментальности и тумана софистики»,—одолѣть столь многосложную дамскую политику не удалось даже испытанному краснорѣчію Бэрнса. Кларинда пообѣщала Сильвандеру вспоминать о немъ въ церкви каждое воскресенье, за вечернею службой, въ восемь часовъ... Таковъ вѣдь исконный обычай чувствительнѣйшихъ жертвъ жестокой судьбы и роковой разлуки! Поэту оставалось—утѣшиться, по крайней мѣрѣ, строго-литературнымъ характеромъ своего романа: стиль былъ задуманъ и выполненъ въ совершенствѣ!

Но, къ великому огорченію шотландской Клеліи, въ натурѣ Бэрнса не было ни одной черточки Cyrus'а, и на первое время поэтъ имѣлъ опрометчивость горячиться и впадать въ злобное отчаяніе, но скоро онъ понялъ сущность комедіи, и трагической Клариндѣ пришлось выслушать не мало отнюдь не галантныхъ вещей, можетъ быть слишкомъ безжалостныхъ для смѣшной фантазёрки. Но трудно было нашему поэту вообще мириться съ какой бы то ни было ложью и нелѣпостью, а здѣсь говорила его кровь и, несомнѣнно, отчасти оскорбленное самолюбіе и позднее раскаяніе въ не совсѣмъ умно разыгранной роли.

Но Клариндой комедія любви въ жизни Бэрнса не ограничилась. Безнаказанно нельзя стать извѣстностью и пріобрѣсти имя, способное украсить альбомъ и обезсмертить какого-нибудь Бобчинскаго женскаго пола. По смерти поэта въ Шотландіи оказалось не мало наслѣдницъ его славы, т.-е. просто обладательницъ его стиховъ. Онъ былъ крайне щедръ на эти сокровища, и, случалось, осыпалъ ими красавицъ-аристократокъ, ему, темному крестьянину, разумѣется, недоступныхъ. Красавицы на посланіе отвѣчали гордымъ равнодушіемъ, но это не мѣшало имъ впослѣдствіи носиться съ рукописью поэта, будто съ драгоцѣнностью и завѣщевать ее изъ рода въ родъ.

Именно такая судьба постигла поэму Бэрнса, адресованную нѣкоей благородной барышнѣ, по имени Вильгельмина Александеръ, и на подобной же почвѣ разыгрался романъ съ девятнадцатилѣтнею дѣвицей — Дженъ Лоримеръ.

Поэтъ былъ уже на закатѣ дней, старше своей юной поклонницы на семнадцать лѣтъ, служилъ въ акцизѣ, нерѣдко оказывалъ большую честь трактирамъ и весьма веселымъ обществамъ, но что все это значило предъ мучительнымъ зудомъ красавицы попасть въ знаменитости на кончикѣ пера прославленнаго поэта? И начинается удивительная исторія,—не вообще удивительная, а по отношенію къ ней многоопытнаго поэта.

Бэрнсъ на нѣсколько времени становится рѣшительнымъ трубадуромъ «Хлорисы», съ несравненнымъ искусствомъ описываетъ прелести ея «побѣдоносной красоты», съ удовольствіемъ счастливаго человѣка сообщаетъ друзьямъ подлинное имя героини и весьма откровенно воспѣваетъ различныя сцены любви, напримѣръ, какъ онъ «сжималъ въ своихъ объятьяхъ свое драгоцѣнное сокровище со всѣми его чарами»... Можно подумать, поэтъ позво-

лялъ себѣ нескромность и въ самозабвеніи счастья подвергалъ опасности доброе имя дѣвушки... Оказывается, — вина отнюдь не его. Хлориса сама требовала, чтобъ ея имя блистало въ стихахъ Бэрнса. Мало этого. Публика должна была узнать, какая отважная дѣвица Джэни: стоитъ ея возлюбленному свиснуть, — это буквально, — и она не побоится ярости отца и матери, явится на свиданіе...

Вы ожидаете, съ такою героиней можно пойти далеко? — Опять ошибаетесь. Хлориса въ девятнадцать лѣтъ обладаетъ неизмѣримо болѣе развитыми дипломатическими способностями, чѣмъ ея другъ. Ея «нѣжно-голубые глаза ясно выражаютъ» полное сочувствіе «страсти» поэта, но благоразуміе — ея неизмѣнный припѣвъ; она говоритъ объ общественномъ положеніи, о религіи и даетъ поэту подробнѣйшую инструкцію, какъ замаскировать свиданіе: общій смыслъ, — пусть одинъ глазъ смотритъ, а другой не видитъ и не знаетъ...

Очевидно, велико было самообладаніе Джэни и по-истинѣ изумительная находчивость. Поэтъ снова попадалъ въ весьма сомнительное положеніе, и намъ невольно становится и жалко, и забавно, когда мы читаемъ нервное негодованіе тридцатишести лѣтняго мужа на благоразуміе рядомъ съ благоразумнѣйшими внушеніями молодой любительницы знаменитостей.

Этой комедіи предстояло окончиться даже скорѣе, чѣмъ исторіи съ Клариндой. Хлориса, конечно, при всѣхъ своихъ талантахъ, не могла сравниться съ эдинбургскою львицей, и Бэрнсу сравнительно легко было додуматься до истины, что «льняные локоны», — когда-то одна изъ воспѣтыхъ прелестей Джени, — вовсе ужъ не такое изящество и красота.

Мы видимъ, поэту не все приходилось срывать цвѣты удовольствія, случалось, въ порывѣ совершенно искренняго увлеченія, переходить границы, отдѣляющія великое отъ смѣшного и терпѣть чувствительный ущербъ своему личному достоинству.

Поэтъ, впрочемъ, всегда рисковалъ попасть на путь безцѣльныхъ жертвъ и неразсчетливой страсти. Онъ еще могъ довольно энергично отдѣлаться отъ какой-нибудь тоскующей дѣвы солиднаго возраста и буквально бѣжать отъ опасности, но молодость его обезоруживала. На посторонній взглядъ въ иной избранницѣ не оказывалось ни красоты, ни исключительныхъ достоинствъ, заслуживающихъ вдохновенія и сердечнаго трепета, но Бэрнсъ, съ первой же минуты увлеченія, украшая свой предметъ всею роскошью своего поэтическаго воображенія, будто божество солнца — озарялъ ослѣпительнымъ блескомъ и могучею жизнью все, на что падалъ его взоръ, и простая крестьянская дѣвушка преображалась въ перлъ созданія.

Эта способность видѣть женщину поэтическими глазами и чистосердеч но приходить въ восторгъ отъ ея даже небывалыхъ совершенствъ пр даетъ романическимъ приключеніямъ нашего поэта нѣкоторый оттѣнок донъ-кихотства. Бэрнсъ, конечно, всѣми силами души возсталъ бы проти отвлеченнаго, платоническаго обожанія красоты: въ его жилахъ текло слиш комъ много здоровой и горячей крови, и экзотическая галантность мог

вызвать въ немъ одно лишь глубокое чувство отвращенія. Но, при всемъ реализмѣ чувства, Бэрнсъ остался романтикомъ—въ духѣ старинныхъ авторовъ балладъ и пѣсенъ. Для него любовь дѣйствительно—божество, одно изъ самыхъ патетическихъ явленій человѣческой жизни, и женщина—«благороднѣйшее созданіе» природы. Онъ съ забавнымъ софизмомъ перевертываетъ извѣстное античное воззрѣніе на происхожденіе женщины. По мнѣнію древняго философа, женщина явилась въ міръ менѣе совершенной, чѣмъ мужчина, потому что природа на созданіе мужчины истощила свои высшія творческія силы и на долю женщины пришлись жалкія остатки. Бэрнсъ думаетъ какъ разъ наоборотъ: «неопытная рука природы изощрилась сначала на мужчинѣ, а потомъ уже создала дѣвушекъ» *).

И у Бэрнса это не фраза, не комплиментарное движеніе, а вполнѣ искреннее и серьезное убѣжденіе. Его, конечно, нельзя не признать вполнѣ рыцарственнымъ и джентльменскимъ, но руководиться имъ всегда и безусловно было, разумѣется, не совсѣмъ основательно и значило обрекать себя на безпрестанныя недоразумѣнія и разочарованія.

Настоящіе расовые Донъ-Жуаны застрахованы отъ подобныхъ непріятностей, въ виду ихъ грубо-животнаго отношенія къ женщинѣ, какъ бы они извнѣ ни размалевывали свое поклоненіе красотѣ и «вѣчно женственному». Бэрнсъ заранѣе осудилъ себя—несравненно больше давать, чѣмъ получать, соразмѣряя свои восторги не съ реальною цѣнностью предмета, а съ его поэтическими, воображаемыми совершенствами... Легко представить, какое обширное поприще при такихъ условіяхъ открывалось дамскому фантазерству и комедіантству! Кларинды, Хлорисы и цѣлая компанія литературныхъ прихвостницъ и просто психопатокъ могли на первое время сойти за «чудныя видѣнія» изъ области идеально-возвышенной мысли, неземныхъ предчувствій и ощущеній красоты.

Правда, здравый смыслъ у естественно здороваго и честнаго поэта бралъ свое, и незаконно присвоенный полетъ терпѣлъ полное крушеніе. Но рыцарскія наклонности и здѣсь не измѣняли Бэрнсу. Несомнѣнно, Хлорисѣ былъ непріятенъ душъ холодной воды, но самъ поэтъ страдалъ несравненно больше, потому что далеко не одно и то же провалиться на сценѣ и оказаться смѣшнымъ и обманутымъ въ жизни! «Мужчина долженъ быть жестокъ», говоритъ испанская пословица, особенно умѣстная на родинѣ Донъ-Жуана. У Бэрнса и намека не могло быть не только на жестокость, а просто на равносильный отпоръ женскому эгоизму. «Спокойствіе и счастье любимой женщины,—писалъ онъ,—первое и ненарушимое чувство, проникающее мою душу». И Бэрнсъ никогда не приносилъ жертвъ своей страсти въ ущербъ чужому благополучію. Лишь только собралась гроза надъ Джэнъ Армуръ, онъ немедленно объявилъ ее женой и наверху славы не отступилъ

*) *Green Grow the Rushes*: Auld Nature Swears, the lovely dears
Her noblest work she classes, O
Her'prentice han'she tried on man
An'then she made the lasses, O.

отъ своего слова, навсегда связалъ свою жизнь съ матерью своихъ дѣтей. Можно, конечно, въ той или другой исторіи поэта открыть и легкомысліе, и слѣпоту страсти и, пожалуй, излишнюю стремительность достигнуть цѣли. Но не слѣдуетъ забывать, что въ положеніи Бэрнса исторіи сами его искали, изрѣдка независимо отъ его воли, хотя бы, напримѣръ, великолѣпная Кларинда. И надо сначала точно и безпристрастно оцѣнить тяжелое иго поэта, попавшаго на роль «перваго тенора», но не обладающаго его спеціальными военными средствами, вродѣ тупоумія, эгоизма и нахальства.

И мы не станемъ чинить розыскъ о грѣхахъ Бэрнса, предоставимъ это призваннымъ блюстителямъ великобританской чистоты и невинности. Мы не могли опустить вопроса объ интимныхъ интересахъ Бэрнса: они занимаютъ слишкомъ много мѣста въ его поэзіи, но для насъ достаточно общей характеристики и нѣкоторыхъ эпизодовъ. Наше нравственное чувство вполнѣ можетъ быть спокойно. Предъ нами *поэтъ* и *человѣкъ* и, конечно, кому выпало завидное счастье всегда обладать «нормальнымъ пульсомъ» и «здравыми понятіями», тотъ можетъ бросить какой угодно камень въ нашего грѣшника, и было бы слишкомъ наивно ограждать его отъ подобныхъ ударовъ. Поэтъ самъ разъ навсегда покончилъ съ этимъ вопросомъ, — и не словами только.

Дѣло въ томъ, что чрезвычайная чувствительность Бэрнса къ сердечнымъ впечатлѣніямъ—только одно изъ проявленій его безгранично гуманной и любящей натуры. Трудно представить человѣка при столь тяжелыхъ условіяхъ жизни—болѣе терпимаго, болѣе готоваго помочь другимъ и отдать свое время и силы на общее дѣло. Можно подумать, этотъ крестьянинъ считалъ особенною честью и высокимъ нравственнымъ долгомъ устранить изъ своихъ личныхъ отношеній къ людямъ всякое вліяніе жестокой житейской борьбы и всевозможныхъ испытаній и разочарованій.

Напротивъ, чѣмъ больше накоплялось ихъ, тѣмъ глубже, трогательнѣе становилась гуманность поэта къ другимъ и тѣмъ строже судъ надъ самимъ собой.

Первое знакомство съ внѣшнимъ міромъ, во время обученія льняному промыслу, внушила Бэрнсу мысль вести дневникъ, долженствующій заключать въ себѣ житейскую мудрость юнаго наблюдателя и дѣятеля. Одно изъ разсужденій въ высшей степени характерно для двадцатипятилѣтняго автора.

«Я въ теченіе моихъ опытовъ надъ человѣческою жизнью часто наблюдалъ, что всякій человѣкъ, даже самый дурной, имѣетъ въ себѣ что-нибудь хорошее, хотя это часто только природная склонность къ той или другой добродѣтели. Именно отъ этой склонности зависитъ множество нашихъ пороковъ—и никому неизвѣстно, въ какой мѣрѣ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, въ какой степени сравнительно съ нимъ другой человѣкъ, по справедливости, можетъ быть названъ злымъ. Пусть тотъ, кто среди насъ отличается особенною строгостью поведенія, безпристрастно изслѣдуетъ, сколькими своими добродѣтелями онъ обязанъ своей организа-

ціи и своему воспитанію и отъ скольнихъ пороковъ онъ свободенъ не благодаря личнымъ усиліямъ и бдительности, а просто по отсутствію случаевъ согрѣшить или вслѣдствіе вмѣшательства какого-либо неожиданнаго обстоятельства. Пусть онъ разберетъ, скольнихъ человѣческихъ слабостей онъ избѣжалъ, потому что не подвергался искушеніямъ. Пусть онъ обсудитъ, чѣмъ онъ обязанъ хорошему мнѣнію свѣта,—что часто, если не всегда, имѣетъ особенное значеніе,—и обязанъ исключительно потому, что свѣтъ не знаетъ его вполнѣ. Я увѣренъ, — тотъ, кто поразмыслитъ обо всемъ этомъ, будетъ взирать на слабости, мало этого—на грѣхи и преступленія всѣхъ окружающихъ очами брата».

Это убѣжденіе, естественно, обнаружилось съ особенною силой во время столкновенія поэта съ духовенствомъ. Они были вызваны романическими происшествіями, но повлекли гораздо болѣе важныя послѣдствія, какъ и слѣдовало ожидать по характеру и натурѣ борца. Независимо отъ сатиры, Бэрнсъ написалъ *Обращеніе* по адресу святошъ поучительнаго содержанія, заявилъ себя «защитникомъ бѣдныхъ смертныхъ, которые часто «проходятъ мимо двери кроткой мудрости въ обитель безпечнаго неразумія» *). Поэтъ въ изящной забавной картинѣ изображаетъ болотное анемичное прозябаніе добродѣтельныхъ господъ рядомъ съ нервной, неугомонною жизнью молодыхъ грѣшниковъ, и проситъ «гордыхъ дамъ въ корсетахъ благочестія» сообразить разныя житейскія обстоятельства и вникнуть въ тайны человѣческаго сердца,—и тогда произносить свой приговоръ...

Конечно, поэтъ говорилъ здѣсь и за свой счетъ, но пуританская инквизиція, независимо отъ какихъ бы то ни было частныхъ случаевъ, заслуживала и не такой добродушной, спокойно насмѣшливой отповѣди.

И поэтъ имѣлъ на нее тѣмъ больше права, что искусъ его жизни былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо тяжелѣе какихъ угодно пресвитеріанскихъ подвиговъ, и въ то же время онъ судилъ о себѣ съ самоотверженіемъ и скромностью, рѣшительно недоступными свѣтиламъ и «Древняго» или «Новаго Свѣта» **). И снова повторяемъ,—передъ нами не риторика картиннаго покаянія, а искреннѣйшій голосъ человѣческаго сердца. Мы приведемъ одинъ эпизодъ, драгоцѣнный, именно полной гармоніей слова и дѣла, чего отнюдь нельзя было сказать о пресвитеріанскихъ свѣточахъ.

Умеръ одинъ шотландскій поэтъ, Михаилъ Брюсъ, двадцати одного года, послѣ него осталась старая мать—бѣдная и безпомощная. Рѣшено было издать сочиненія поэта въ пользу старухи; обратились къ Бэрнсу съ просьбой просмотрѣть и исправить рукописи Брюса и, если возможно,

---

*) *Address to the Unco Guid, or the Rigidly Righteous*:

Hear me, ye venerable Core,
As counsel for poor mortals
That frequent pass douce Wisdom's door
For glaikit Folly's portals.

**) *Old Light* и *New Light* двѣ партіи въ шотландской церкви—консервативная и либеральная.

дать въ сборникъ что-нибудь свое. Отвѣтъ Бэрнса могъ бы служить лучшею эпитафіей на его памятникѣ, и врядъ ли много праведниковъ въ состояніи указать въ своихъ біографіяхъ одну подобную страницу.

Бэрнсъ писалъ:

«Почему вы, милостивый государь, написали мнѣ въ такихъ нерѣшительныхъ выраженіяхъ о дѣлѣ бѣднаго Брюса? Развѣ я не знаю и не испыталъ многочисленныхъ бѣдствій,—бѣдствій исключительныхъ, составляющихъ удѣлъ всякаго поэта? Вы можете выбрать что вамъ угодно изъ моихъ неизданныхъ произведеній, и еслибъ я получилъ ваше письмо раньше (оно у меня всего минута назадъ),—я васъ бы избавилъ отъ всякой неизвѣстности на этотъ счетъ. Я прошу васъ только помѣстить въ предисловіи къ книгѣ и въ подписныхъ листахъ заявленіе, что изданіе полностью назначается въ пользу матери Брюса. Я не хочу, чтобы кто-либо по невѣдѣнію, или по злому умыслу могъ предположить, что я взялся за этотъ трудъ изъ корыстныхъ разсчетовъ. И вы не должны мое участіе въ этомъ дѣлѣ считать особеннымъ подвигомъ. За мной такая бездна грѣшковъ, ошибокъ, глупостей и паденій (другой нѣкоторымъ изъ нихъ могъ бы дать болѣе суровое наименованіе),—что съ цѣлью хотя бы нѣсколько, самую малость, подвести итогъ въ свою пользу, я готовъ оказать ближнему всякое добро, какое въ моихъ очень ограниченныхъ силахъ и—съ чисто-эгоистическимъ разсчетомъ немного освѣтить даль прошлаго».

И Бэрнсъ не задумался предложить свое обширнѣйшее, только что оконченное произведеніе—*Тэма д'Шэнтера*, которое онъ самъ считалъ выше всѣхъ другихъ своихъ сочиненій.

Эта гуманность и человѣколюбіе, достигающія въ благородной натурѣ нашего поэта силы и стремительности любовной страсти, легли въ основу творчества Бэрнса. Здѣсь нѣтъ никакого перерыва въ чувствахъ и мысляхъ, нѣтъ перехода отъ интимной личной жизни въ область широкихъ общественныхъ идей,—это развитіе одного и того же зерна, струи одного и того же источника. Бэрнсъ не поэтъ-политикъ, а поэтъ-человѣкъ, и на этой столь повидимому туманной и неуловимой основѣ народная «крестьянская» муза умѣетъ воздвигнуть одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ свободѣ и справедливости.

V.

Если *природа* наградила Бэрнса необычайно горячимъ сердцемъ и живымъ воображеніемъ и создала изъ него плодовитѣйшаго трубадура шотландскихъ горъ, *жизнь* должна была выработать изъ него краснорѣчивѣйшаго народнаго трибуна, именно—личная жизнь, независимо отъ политическихъ событій и соціальныхъ идей. И Бэрнсъ въ этомъ отношеніи не представлялъ исключительнаго явленія. На всемъ пространствѣ Западной Европы и преимущественно во Франціи, задолго до революціи и даже до просвѣтительной философіи, всѣ, кто имѣлъ глаза и видѣлъ,—невольно

впадалъ въ оппозиціонное и протестующее настроеніе. Власть прирожденныхъ правъ и всякаго рода привилегій въ частной и общественной жизни приводила на каждомъ шагу къ такимъ вопіющимъ неправдамъ и неразрѣшимымъ недоразумѣніямъ, что для идеала лучшаго будущаго не требовалось ни философіи, ни даже особаго просвѣщенія, а только здравый смыслъ, чувство личнаго достоинства и инстинктъ человѣческой свободы. И Вольтеръ былъ правъ, отождествляя главнѣйшія идеи современной ему мысли съ простымъ bon sens. Въ этой жизненности, разумной и практической неизбѣжности идей и заключалась ихъ сила и тайна ихъ безпримѣрно быстраго и глубокаго вліянія.

Бэрнсъ также, независимо отъ французской революціи и гораздо раньше торжества третьяго сословія, исповѣдалъ символъ свободы и равноправности, и внесъ въ него всю красоту своего вдохновеннаго таланта, страсть шотландской натуры и подавляющую энергію даровитой, но униженной личности.

Да, въ послѣднемъ обстоятельствѣ геній Бэрнса въ теченіе всей жизни могъ черпать сколько угодно мотивовъ печали и гнѣва. Каждый день, малѣйшее происшествіе, самое заурядное денежное затрудненіе должны были огнемъ жечь кровь поэта, которому оказалось легче пріобрѣсти громкую славу, чѣмъ кусокъ насущнаго хлѣба, побѣдить десятки женскихъ сердецъ и повергнуть въ изумленіе ученѣйшихъ людей своего времени—и не заручиться увѣренностью каждый день обѣдать и не оставить дѣтей нищими въ буквальномъ смыслѣ. Легко повѣрить, — муза въ тартанѣ и остролистникѣ нашептывала *деревенскому* пѣвцу не все только любовные романсы и посланія. Бывали минуты, ея дѣвственное чело загоралось инымъ огнемъ—не стыдливости и тайнаго восторга, а негодованія и безпощаднаго сарказма. И чтобы питать этотъ огонь, музѣ не требовалось даже переступать порога своего любимца и покидать родныя горы. Всюду, куда бы она ни оглянулась, передъ ней открывалось необозримое поприще человѣческой несправедливости.

И Бэрнсъ, вмѣсто всякой политической проповѣди, начинаетъ описывать жизнь поселянъ, съ точностью лѣтописца изображаетъ трудовой деревенскій день, субботній вечеръ, праздничныя удовольствія. Это все — *исторія*, спорить противъ нея нѣтъ ни малѣйшей возможности.

Страна дѣйствительно переполнена болотами, работа на такой почвѣ неблагодарна, сложна и требуетъ неустаннаго прилежанія. Она длится почти круглый годъ,—осенняя вьюга и зимнее солнце не измѣняютъ сельской картины труда. Глядя на нее, поэтъ невольно восклицаетъ: *Man was made to mourn* (человѣкъ созданъ на горе *).

Можно ли здѣсь помышлять о радостяхъ и удовольствіяхъ? Именно у крестьянъ,—отвѣчаетъ поэтъ, — они особенно искренни, хотя до крайней степени просты.

---

*) Такъ озаглавлена одна изъ воодушевленнѣйшихъ пѣсенъ Бэрнса.

Труженики такъ привыкли къ нуждѣ, что она уже не трогаетъ ихъ. Лишенія — ихъ обычный спутникъ, и они, долго не раздумывая, пользуются всякою минутой отдыха. Въ кругу семьи большое счастье — лепетъ дѣтей, бесѣда съ вѣрною и дѣльною хозяйкой, кружка хорошаго пива. Угодно заняться политическими или церковными дѣлами, — завязывается разговоръ о духовенствѣ, о дѣлахъ прихода, о новомъ налогѣ, о столичныхъ господахъ. Наступаетъ пора жатвы—и одинъ сплошной праздникъ охватываетъ весь деревенскій людъ. Сколько здѣсь любовныхъ исторій, сколько остроумія и веселости, заставляющей забыть о горѣ и заботахъ! Наступаетъ зима, дверь плотно запирается отъ леденящаго холода, и въ коттэджахъ пѣнится пиво, дымящаяся трубка переходитъ изъ рукъ въ руки и льется нескончаемая бесѣда стариковъ и не замолкаютъ игры молодежи *).

Да, есть счастье и въ бѣдности и въ непрестанномъ трудѣ!

И не только счастье,—сельскій трудъ, близость къ природѣ и вѣчные тяжелые счеты съ дѣйствительностью закаляютъ и облагораживаютъ человѣка. Вся его нравственная природа настраивается на серьезный, возвышенный тонъ. Онъ съ годами воспитываетъ въ себѣ чувство личнаго достоинства, патріархальное величіе духа и своеобразную поэзію суроваго, но глубоко-человѣчнаго сердца. Прочтите *Субботній вечеръ поселянина:* предъ вами не будетъ произнесено ни одного громкаго краснаго слова, не предстанетъ ни одной драматической сцены,—вамъ просто разскажутъ, какъ въ ноябрьскій вечеръ послѣ трудового дня собралась семья крестьянина, сначала поужинала неизмѣннымъ блюдомъ изъ овсяной муки, потомъ глава семьи читалъ Библію, всѣ помолились Богу и легли спать. Это происходитъ каждую субботу и во всякомъ коттэджѣ. Но вамъ послѣ разсказа становятся почему-то необычайно симпатичными всѣ его герои, и какъ бы хорошо было лично участвовать въ такомъ вечерѣ! Поэтъ сумѣлъ озарить едва освѣщенную хижину и грубыя крестьянскія лица, сожженныя солнцемъ и обвѣянныя зимнимъ вѣтромъ, такою задушевною поэзіей и величавою простотой, что вы невольно соглашаетесь съ его заключеніемъ. Самая пышная и сложная церемонія сравнительно бѣдна и врядъ ли угоднѣе Богу, чѣмъ этотъ непосредственный языкъ сердца, и врядъ ли какой свѣтскій блескъ говоритъ краснорѣчивѣе о величіи старой Шотландіи, чѣмъ подобныя сцены. Естественно, у поэта является настоящее любовное чувство всякій разъ, когда предъ нимъ даль родныхъ полей. Одинъ видъ дымящихся хижинъ,— говоритъ онъ,— приносилъ его душѣ удовольствіе, понятное только для того, кто, подобно ему, былъ свидѣтелемъ счастья и добродѣтели, обитающихъ въ хижинахъ крестьянъ.

И не только удовольствіе,—у поэта также невольно возникаютъ сравненія и выводы. Лично всю жизнь пребывая въ крестьянскомъ трудѣ, онъ не можетъ не сопоставить этой жизни съ другой—праздной и беззаботной

*) *The twa Dogs.*

Живя среди такихъ поселянъ, какіе выведены въ *Субботнемъ вечеръ*, онъ задается вопросомъ: здѣсь вѣчная и часто безплодная борьба за хлѣбъ, а у иныхъ людей такая же неустанная тоска объ удовольствіяхъ, и *здѣсь* столько достоинства и душевной чистоты, а *тамъ* соотвѣтствуютъ ли нравственныя совершенства необычайно счастливымъ внѣшнимъ условіямъ?

Вопросы совершенно естественные, столь же неразлучные съ предметомъ поэзіи Бэрнса, какъ свѣтъ и тѣни на всякой картинѣ. И у поэта почти каждое его произведеніе на тему крестьянскаго быта непремѣнно касается счастливыхъ и богатыхъ. Иначе и не могло быть: сама жизнь бѣдняковъ безпрестанно переплетается съ другимъ міромъ. Въ результатѣ предъ нами рядъ параллелей, всегда необычайно тонко и точно отдѣланныхъ.

Обширнѣйшая изъ нихъ—сказка *Двѣ собаки*. Одна принадлежитъ пастуху, другая—богатому собственнику, и онѣ разсказываютъ другъ другу о своихъ хозяевахъ.

За деревенскими буднями слѣдовалъ городъ. Бэрнсъ и здѣсь попалъ въ самыя выгодныя условія *для поэта*, одинаково близко познакомился и съ столичнымъ барствомъ, и съ рабочимъ, побывалъ и въ салонахъ, и въ народныхъ трактирахъ, интриговалъ литературныхъ дамъ и заставлялъ глазѣть на себя лавочниковъ и уличныхъ мальчишекъ. По-истинѣ завидное разнообразіе впечатлѣній!

Уличныя впечатлѣнія у Бэрнса подчасъ изумительно напоминаютъ позднѣйшую поэзію Гюго, даже нѣкоторые мотивы буквально предвосхищены нашимъ поэтомъ. Напримѣръ, изліяніе въ одномъ изъ писемъ насчетъ участи бѣдной падшей женщины, покинутой, презрѣнной, ожидающей подачки на перекресткѣ, и здѣсь же рядомъ — проносится карета съ титулованной продажной красавицей, спѣшащей на преступное свиданіе... Задавленная, беззащитная нужда и торжествующій, надменный развратъ! И Бэрнсъ менѣе всего былъ способенъ отступить предъ сильнымъ и энергическимъ словомъ.

Не лучше впечатлѣнія и въ салонахъ. Дамы и кавалеры, свободные отъ какихъ бы то ни было серьезныхъ столкновеній съ жизнью и совершенно обезопашенные отъ ея грубыхъ, стихійныхъ насилій надъ человѣкомъ, изобрѣтаютъ для наполненія времени и ничѣмъ не занятой мысли всевозможные пустяки и изощряются превращать ихъ въ вопросы исключительной важности. Это обычное явленіе экзотическаго обезпеченнаго существованія, несомнѣнно, съ особенной яркостью бросилось въ глаза Бэрнса. Онъ сознавалъ, что мало еще предметовъ могутъ приводить его въ такое раздраженіе, какъ пошлыя дѣлишки салоннаго общества, возводимыя на степень великихъ вопросовъ и событій. Поэтъ не могъ помириться, чтобы благородныя дамы могли съ высокомѣрною снисходительностью толковать вкривь и вкось о жизни низшаго класса и преклоняться предъ мелочами и глупостями собственнаго игрушечнаго мірка. Люди, помѣсячно и погодно отдающіе свои нервы, свои мускулы, свое здоровье, умъ, опытность, время,

даже добрую долю своихъ мыслей ради нуждъ, приличій или капризовъ кучки избранниковъ!... И у этихъ людей есть такая же—благородная душа и такой же природы, какъ и у самой знатной дамы!... Вся кровь поднимается у Бэрнса при одномъ представленіи о подобномъ порядкѣ вещей, и онъ горячо восклицаетъ: «Вѣчная память тому, кто первый изрекъ человѣку: «Помни и храни человѣческое достоинство!»

Все это передумалъ Бэрнсъ независимо отъ какихъ бы то ни было теорій и на себѣ самомъ научился понимать, что такое неравенство и привилегія. Любопытно, что ходъ мыслей у шотландскаго поэта тотъ же самый, какъ у французскихъ писателей задолго до политическаго переворота. Основной источникъ протеста во имя равноправія—вопіющее несоотвѣтствіе *личныхъ качествъ и внѣшнихъ преимуществъ* въ привилегированной средѣ. Нѣтъ ни талантовъ, ни ума, ни энергіи, часто нѣтъ даже самыхъ заурядныхъ неотъемлемыхъ признаковъ «почтеннаго человѣка», а между тѣмъ къ услугамъ всѣ блага земныя и, прежде всего, почетъ и уваженіе... Мы представляемъ, что въ первый разъ почувствовалъ Бэрнсъ въ гостиной одного изъ своихъ эдинбургскихъ свѣтскихъ почитателей, когда его мгновенно перестали слушать и будто забыли о немъ, лишь только въ залу вошелъ господинъ въ лентѣ и звѣздѣ. Мы легко догадываемся, съ какимъ настроеніемъ сталъ поэтъ вслушиваться въ разговоръ незнакомца и какое негодованіе охватило его, когда столь почетно принятый гость оказался пошлѣйшимъ ограниченнымъ болтуномъ. И это все,—думалъ поэтъ,—изъ-за ленты и звѣзды!...

Такія впечатлѣнія не забываются плебеями въ положеніи Бэрнса, и естественно, злосчастная лента и звѣзда попадутъ въ одну изъ пламенныхъ эпиграммъ поэта; смыслъ ея:

A lord may be a lousy loun
W'ribbon, Star, an'a that... *)

И будетъ написана едва ли не самая страстная пѣсня во всей англійской литературѣ во славу «честной бѣдности» **).

Въ элегіи *Man was to mourn* поэтъ спрашиваетъ:

If I'm design'd yon lodling's slave—
By Nature's law desing'd,—
Why was an independent wish
E'er planted in my mind?
If not, why am I Subject to
His cruelty, or scorn?
Or why has man the will and pow'r
To make his fellow mourn?

Т.-е. «Если я предназначенъ быть рабомъ господина,—предназначенъ закономъ природы,—тогда зачѣмъ моей душѣ прирождена жажда незави-

---

*) *The Heron Ballads*, I.

**) *Is there for honest Poverty,* существуетъ русскій переводъ В. Костомарова, весьма не точный въ самыхъ характерныхъ мѣстахъ.

симости? Если нѣтъ, зачѣмъ я подверженъ жестокости и презрѣнію другого? Или зачѣмъ человѣкъ имѣетъ волю и власть заставлять страдать своего ближняго?»

Но мы уже знаемъ, далеко не отъ однихъ взглядовъ Бэрнса зависѣло его сочувствіе революціи. Ему было естественно отвернуться отъ внѣшней политики революціонной Франціи послѣ того, какъ оборона родины стала переходить въ завоеванія и грабежи, т.-е. когда идеализмъ уступилъ мѣсто бонапартизму и проповѣдь гуманности смѣнилъ бѣшеный кличъ мародеровъ. Тогда Бэрнсъ и по собственному влеченію могъ поступать въ волонтеры и въ виду галльскаго нашествія на Британію сочинить патріотическую пѣсню... Но все это не касалось основныхъ настроеній Бэрнса. Какое было дѣло ему до такого или иного хода французской революціи? Онъ возникъ и развивался совершенно независимо отъ нея и могъ идти своимъ путемъ, не взирая ни на какихъ Робеспьеровъ и Бонапартовъ... Что касается англійскаго правительства, Бэрнсъ питалъ къ нему самыя нелестныя чувства еще со времени своего путешествія «по классической почвѣ Каледоніи», по поводу трагической судьбы Маріи Стюартъ и англійскихъ экзекуцій надъ шотландской національною свободой.

Всего этого было совершенно достаточно, чтобы вызвать у Бэрнса пламенное сочувствіе революціи, даже во время войны Франціи съ Англіей. Но въ оппозиціи оказывался не поэтъ шотландецъ только, а отецъ семьи и акцизный чиновникъ; и, въ концѣ-концовъ, Бэрнсу пришлось поставить крестъ на своей политикѣ и написать слѣдующее четверостишіе подъ заглавіемъ: *Poverty*. «Если ты желаешь вмѣшиваться въ политику, и твое матеріальное положеніе—жалко, запомни разъ навсегда: будь глухъ и слѣпъ и предоставь сильнымъ міра сего слышать и видѣть».

Эти стихи поэтъ нацарапалъ на окнѣ одного трактира, изливая порывомъ наболѣвшую скорбь безсильно мятущагося сердца. Очевидно, всякая широкая практическая дѣятельность въ желательномъ направленіи для поэта становилась невозможной. Иначе ему пришлось бы поднять руку на драгоцѣннѣйшія для него существованія, только въ немъ и видѣвшія свою радость и жизненную опору. Но это не значитъ, чтобъ онъ окончательно погрузился въ свои личныя дѣла и въ борьбу съ дурными настроеніями при помощи веселыхъ компаній. Именно на эпоху акцизной службы Бэрнса и падаетъ любопытнѣйшее предпріятіе поэта, вполнѣ отвѣчающее его демократической страсти.

Бэрнсъ весной 1789 года основываетъ передвижную сельскую библіотеку, всѣ хлопоты беретъ на себя, исполняетъ одновременно обязанности казначея, библіотекаря и цензора, проявляетъ истинное «общественное самопожертвованіе», по выраженію очевидца и участника дѣла.

И это не простое увлеченіе и прихоть, это—цѣлая программа, основательно обдуманная со всѣми матеріальными подробностями и нравственными послѣдствіями для крестьянскаго населенія. Образовалось общество изъ бѣдныхъ фермеровъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ взносомъ, въ пять шил-

линговъ единовременно и по шести пенсовъ ежемѣсячно, книги, подлежавшія выпискѣ, утверждались большинствомъ на собраніяхъ членовъ, въ выдачѣ книгъ устанавливалась строгая очередь, книги прочтенныя всѣми участниками продавались съ аукціона непремѣнно въ предѣлахъ общества. Проектъ осуществился, и Бэрнсъ въ теченіе трехъ лѣтъ стоялъ во главѣ совершенно оригинальнаго учрежденія. Среди книгъ, прочитанныхъ крестьянами, находились такія, напримѣръ: *Исторія Шотландіи* — Робертсона, *Журналы Стиля и Адиссона*, *Донъ-Кихотъ*, *Жозефъ Андрьюсъ*. Съ искренностью и непосредственнымъ воодушевленіемъ дѣятеля, влюбленнаго въ свое дѣло, Бэрнсъ писалъ: «крестьянинъ, который можетъ читать подобныя книги и находить въ нихъ удовольствіе, разумѣется, стоитъ выше своего сосѣда, прикованнаго къ своей упряжи и весьма мало, развѣ только внѣшнимъ видомъ, отличающагося отъ своихъ рабочихъ животныхъ».

Въ этихъ словахъ несомнѣнно извѣстное преувеличеніе, но оно свидѣтельствуетъ, какимъ жаромъ горѣло сердце поэта ради просвѣщенія «низшихъ классовъ полезными знаніями» и сколько нервной силы онъ, по обыкновенію, вкладывалъ въ свое новое дѣло. И замѣтьте, разсказывая о развитіи библіотеки, Бэрнсъ ни единымъ словомъ не намекнулъ на свою личную дѣятельность, отъ начала до конца выдвигая на первый планъ другихъ.

По-истинѣ, повѣствуя о подобномъ человѣкѣ, невольно опасаешься впасть въ мелодраматическій тонъ! Сколько здѣсь простоты, благородства, самоотверженія и изумительной цѣломудренной скромности! А между тѣмъ не требовалось даже никакого краснорѣчія для услажденія своего совершенно законнаго самолюбія: нужно было только *исторически* сопоставить личное положеніе и отзывчивость на чужія нужды и чужое горе.

Бэрнсъ никогда не позволялъ себѣ такой параллели, а какъ бы искусно онъ могъ увѣнчать побѣдными лаврами свою многострадальную жизнь!

Это мы видимъ изъ превосходнаго письма Бэрнса общаго содержанія. Авторъ изображаетъ судьбу *поэтовъ* среди людского общества. По его мнѣнію, это печальнѣйшій изъ всѣхъ мартирологовъ. Исключительныя дарованія и наклонности поэтической натуры, развитое воображеніе, тонкая чувствительность, трудно укротимая страстность, прихоти фантазіи и возбужденнаго сердца вмѣстѣ съ непрактичностью и крайне приподнятымъ сознаніемъ личнаго достоинства—все это на каждомъ шагу отравляетъ жизнь поэта, вовлекаетъ его въ ошибки и разочарованія, толкаетъ на грѣхъ и лишенія. Но Бэрнсъ знаетъ и возмѣщающія обстоятельства. Онъ испыталъ слишкомъ много счастья и яснаго душевнаго мира въ бесѣдахъ съ своей красавицей-музой, и послѣ самаго мрачнаго изображенія участи поэта не можетъ утаить, что даже мечты отшельниковъ о райскомъ блаженствѣ— только отблескъ сѣвернаго солнца на ледяныхъ пространствахъ сравнительно съ восторгами творчества.

Въ этомъ сопоставленіи вся личность Бэрнса.

Одаренный необычайно отзывчивой, лихорадочно-страстной душой, онъ

безъ всякой предосторожности и безъ разсчета бросился въ «океанъ жизни» и какъ «бурная волна понесся безумно по ея теченію». Пришлось потерпѣть немало крушеній, паденій, совершить много «безумствъ», пережить всю гамму человѣческихъ ощущеній отъ головокружительной любовной страсти и поэтическаго экстаза до безсильнаго раскаянія и даже отчаянія. И не посчастливилось поэту войти въ укромное пристанище и ступить на твердую почву до самого конца, и въ самой *эпитафіи* ему пришлось взывать къ «братскому чувству» прохожаго во имя человѣческаго сердца и даже «деревенскихъ пѣсенъ» *).

Но бывали минуты, поэтъ рѣшался заявить притязанія и на другія не столь скромныя нравственныя доблести. Онъ тогда разсказывалъ, какъ муза, увѣнчивая его вѣнкомъ остролистника, завѣщала ему: «заботливо всю жизнь поддерживай твое вдохновенное пламя и оберегай въ себѣ достоинство человѣка и прямоту души и вѣрь, что міровой порядокъ будетъ твоимъ покровителемъ **).

Это значитъ—потребовать самую дорогу расплату за поэтическій вѣнокъ, какую когда-либо музы предъявляли своимъ любимцамъ. Вдохновеніе и «каторжный трудъ», человѣческое достоинство и положеніе нищаго, прямота души и матеріальная зависимость отъ собственниковъ, заимодавцевъ и оффиціальнаго начальства. Но и это не все. «Вдохновенное пламя» могло родиться и горѣть только въ душѣ особаго строя, въ душѣ менѣе всего приспособленной къ обдуманному и послѣдовательному разрѣшенію задачи, напротивъ будто нарочно созданной для осложненія всякихъ житейскихъ затрудненій и вопросовъ. Мы знаемъ поэтовъ съ неменѣе сильными страстями и сознаніемъ личнаго достоинства, но безъ проклятыхъ вопросовъ о хлѣбѣ насущномъ, источникѣ жесточайшаго рабства: таковъ, напримѣръ, современникъ Бэрнса—Байронъ. Знаемъ также поэтовъ, осужденныхъ на борьбу съ нуждой, но въ то же время одаренныхъ великими практическими талантами, умѣвшихъ «восторги вдохновенія» сливать съ «холоднымъ разсчетомъ»—за дверями Аполлонова святилища: самый блестящій примѣръ—Шекспиръ. Знаемъ, наконецъ, поэтовъ и съ сильными страстями, и съ пустыми карманами, но съ завиднымъ даромъ—служеніе богу мирить съ угодой мамону и, въ случаѣ надобности, благороднѣйшія богатства своего генія бросать подъ ноги силѣ, тщеславію, золотому меценатству, а то и просто откровенной куплѣ-продажѣ. Такихъ примѣровъ, надѣемся, и безъ нашей помощи всякій можетъ припомнить достаточно.

Столько путей ведущихъ на путь спасенія! И ни на одинъ изъ нихъ или не хотѣлъ, или не могъ вступить нашъ поэтъ, предпочитая идти тер-

*) *A Bard's Epitaph.*

**) *The Vision.* The tuneful flame still scareful fan;

Preserve the dignity of Man
With soul erect;
And trust, the universal Plan
Will all protest.

нистой, узкой, но *своею* дорогой, и не было красивой фразой, когда онъ объявлялъ своимъ руководителемъ и образцомъ грандіозное изданіе Мильтона. Впослѣдствіи англійскій поэтъ Робертъ Броунингъ, дѣйствительно, поставилъ его имя рядомъ съ именемъ творца Сатаны. Онъ имѣлъ въ виду только одну сторону таланта и личности Бэрнса—его страстную любовь къ свободѣ, и поэтъ правъ. Эта любовь навсегда сохранитъ за шотландскимъ бардомъ почетное мѣсто среди борцовъ за идею. Но есть и великое различіе между геніальнымъ крестьяниномъ и величественнымъ авторомъ *Потеряннаго рая*.

Тамъ по-истинѣ грандіозная сила духа, настоящій пуританскій героизмъ, исключительная послѣдовательность и непоколебимость на разъ избранномъ пути, и практическая дѣятельность на обширной государственной сценѣ. Это—личность и жизнь, часто едва «вмѣстимыя», и отнюдь недоступныя для обыкновенныхъ смертныхъ, можетъ быть, самое мощное воплощеніе британскаго духа свободы и борьбы... И дивный слѣпецъ на закатѣ дней могъ съ полнымъ сознаніемъ заслуженнаго величія говорить о дѣлахъ своей жизни:

Надорванный трудомъ,
Я зрѣнье потерялъ, свободу защищая.
Я павшихъ разбудилъ и,—точно божій громъ,—
Глаголъ мой прогремѣлъ, Европу потрясая.
Теперь я одинокъ,—но съ совѣстью вдвоемъ,
Какъ съ вожакомъ, пройду весь міръ, не унывая...

Бэрнсъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ говоритъ о своемъ жизненномъ пути. Мильтону выпала печальная, но и героическая доля—не страдать никакой иной слѣпотой, кромѣ физической, отъ ранней молодости до могилы сохранить орлиную ясность и твердость духовныхъ очей. А нашъ поэтъ—онъ безпрестанно метался между ошибками и раскаяніемъ, страстью и самоуниженіемъ, несказанными душевными муками и напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ.

Но именно здѣсь и лежитъ тайна неотразимаго интереса этой личности и жизни. Мильтону законнѣйшая дань—преклоненіе передъ силой и доблестью, рядомъ съ Бэрнсомъ—всѣ завѣтнѣйшія движенія человѣческой природы. Именно къ Мильтону новый англійскій поэтъ долженъ былъ обратиться съ тоскующимъ порывомъ въ годину «*тяжкихъ бѣдъ* родного края»,—къ Бэрнсу, къ его исторіи и поэзіи, можетъ прибѣгать *всякій* во всѣ минуты *житейскихъ невзгодъ:* нигдѣ онъ не услышитъ болѣе *человѣческаго* и *братскаго* голоса, чѣмъ въ пѣсняхъ этого искреннѣйшаго изъ грѣшниковъ и благороднѣйшаго изъ людей.

Ив. Ивановъ.

Поэзія Гюйо въ связи съ его философскимъ міросозерцаніемъ *).

„Жизнь для жизни намъ дана".

I.

Немногіе знаютъ у насъ Гюйо философа и еще меньше какъ поэта; нѣкоторые ухитряются даже смѣшивать его съ экономистомъ. Ив. Гюйо (Yve Guyau), редактировавшимъ *Rappel* и бывшимъ министромъ публичныхъ работъ во Франціи въ 80-хъ годахъ. Имя Гюйо въ русской журналистикѣ попадается очень рѣдко **). Странная вообще психологія читателя въ нашемъ отечествѣ! Нужно непремѣнно, чтобы кто-нибудь изъ «заслуженныхъ писателей» взялъ на себя роль воспріемника того или другого иностраннаго автора и, окрестивъ его въ купели извѣстнаго журнала, заявилъ бы о томъ своимъ соотечественникамъ. Тогда всѣ набрасываются на него, говорятъ, спорятъ о немъ, онъ попадаетъ въ періодъ «моды», и его извѣстность, часто преувеличенная, обезпечена. Наоборотъ, даже писателемъ, какъ Гюйо, наприм., несмотря на его 8 томовъ самыхъ оригинальныхъ и сильныхъ философскихъ сочиненій, въ публикѣ, благодаря отсутствію *указчика,* интересуются мало. Тѣмъ менѣе знаютъ его поэзію. Насколько мнѣ извѣстно, какъ никто не сдѣлалъ въ печати полной характеристики Гюйо философа, такъ не было ни одной статьи о Гюйо—поэтѣ. Между тѣмъ, томикъ стихотво-

---

*) Читано 12 марта 1896 года въ русск. женск. взаимно-благотв. обществѣ.

**) Г. Гольцевъ въ статьѣ *Искусство съ соціологической точки зрѣнія,* напечатанной въ *Русской Мысли* въ октябрѣ 1889 года, разобралъ его сочиненіе *L'art au point de vue sociologique;* П. Д. Боборыкинъ, со свойственной ему отзывчивостью ко всѣмъ новымъ теченіямъ въ области искусства, подробно познакомилъ читателей *Вѣстника Изящныхъ Искусствъ* въ 1889 году съ книгой *Les Problèmes de l'Esthétique contemporaine;* г. Вентцель въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* въ 1892 году обстоятельно остановился на двухъ сочиненіяхъ Гюйо: *La Morale anglaise contemporaine* и *l'Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*; въ январьской книжкѣ *Русскаго Богатства* настоящаго года П. И. Вейнбергъ помѣстилъ прекрасный переводъ стихотворенія Гюйо *La douce mort,* а Т. Криль напечатала въ № 2 *Образованія* 1896 года статью *Мысли Гюйо о нравственности и воспитаніи.*

реній Гюйо *Стихи философа,* во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ, стоитъ того, чтобы на немъ остановиться и задуматься.

Поэзія Гюйо интересна не только своими поэтическими достоинствами, которыя часто очень велики, какъ, наприм., въ стихотвореніяхъ: *La Pensée et la Nature, Le devoir du Doute, Près et Loin, Le Luxe,* не только по массѣ широкихъ и богатыхъ идей, переданныхъ поэтомъ красивымъ и гибкимъ стихомъ, но еще и потому, что всѣ его стихотворенія, какъ зеркало, отражаютъ его философское міросозерцаніе и служатъ поэтическими иллюстраціями и эпиграфами къ его многотомнымъ философскимъ трудамъ; дѣйствительно, въ параллель почти каждому изъ нихъ можно было бы привести цѣлыя страницы изъ его сочиненій.

Не въ одной Франціи сильно интересовались творчествомъ Гюйо *) во всемъ его разнообразіи. Въ Германіи Schaarshmidt, Staudinger и др. писали о немъ въ *Monatshefte,* въ Италіи M. G. Tarozzi напечаталъ прекрасное изслѣдованіе о творчествѣ Гюйо сперва въ *Rivista di filosofia scientifica,* а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, озаглавивъ его: *Guyau e il naturalismo critica contemporaneo.* Говоря о Гюйо-поэтѣ, онъ сравниваетъ его съ Леопарди. «У Гюйо замѣчается та же нота торжественной меланхоліи, которая звучитъ во многихъ стихахъ Infinito Леопарди, съ тою, однако, разницею, что у итальянскаго поэта говоритъ міръ черезъ посредство человѣка, теряющаго почти сознаніе собственной жизни и желающаго себѣ смерти; у Гюйо же говоритъ человѣкъ и заставляетъ содрогаться все то безконечное, что содрогается въ его собственной, вполнѣ сознательной жизни».

Съ особеннымъ интересомъ и уваженіемъ отнеслись къ сочиненіямъ Гюйо въ Англіи. Страна, которая дала выдающихся психологовъ, создала цѣлыя школы этическихъ ученій, не могла, разумѣется, индифферентно отнестись къ такому мыслителю, какъ Гюйо. Выдвинувъ противъ него школу своихъ утилитаристовъ, она тѣмъ не менѣе нашла въ себѣ и приверженцевъ его ученія (M. Thomas Whittaker, Stout и др.), а стихотворенія его почтила слѣдующими словами: «Стихи философа указываютъ на необыкновенно геніальную жилку. Они выражаютъ самымъ яснымъ и простымъ языкомъ эмотивный видъ философіи; они оправдываютъ свое названіе въ самомъ полномъ смыслѣ; они — «стихи философа», который былъ въ глубинѣ своей природы настоящимъ поэтомъ» **).

Біографическихъ матеріаловъ о Гюйо удивительно мало, даже во Франціи. Людямъ, ищущимъ въ біографіи писателя интимныхъ подробностей, ста-

*) Больше всѣхъ занимался во Франціи произведеніями Гюйо — Фулье. Кромѣ двухъ исключительно ему посвященныхъ сочиненій *La Morale, l'Art et la Religion d'après M. Guyau* и *Pages choisies*, Фулье, издавшій послѣ смерти Гюйо сочиненія со своими предисловіями, писалъ много о Гюйо въ *Revue des Deux Mondes* и *Revue Philosophique* до и послѣ смерти юнаго философа. Въ текстѣ приведено нѣсколько выдержекъ изъ сужденій Фулье о Гюйо. О немъ писали Тардъ, Буаракъ, Маріонъ, Леви-Брюль и др.

**) См. Stout. Предисловіе къ англійскому переводу *Воспитаніе и наслѣдственность Гюйо.*

рающимся непремѣнно узнать то, что всякій другой, не писатель, вправѣ скрывать, какъ единственно ему принадлежащее, не найдутъ ничего «интереснаго» въ жизни Гюйо. Извѣстно, что родился онъ въ Лавалѣ 28 октября 1854 г., что его мать много писала по вопросамъ воспитанія подъ псевдонимомъ «Бруно» и была его первой воспитательницей, что дальнѣйшими занятіями и классическимъ его образованіемъ руководилъ Alfred Fouillée, изъ воспоминаній котораго мы узнаемъ, какъ Гюйо съ юныхъ лѣтъ высказывалъ необыкновенную жажду знанія, явное пристрастіе къ философіи и поэзіи. 19 лѣтъ онъ былъ увѣнчанъ Парижской Академіей Наукъ за блестящій трактатъ «объ утилитарной нравственности съ Эпиктета до настоящей англійской школы»; а въ 1874 г. 20-лѣтнему Гюйо былъ уже порученъ курсъ философіи въ Lycée Condorcet. Но съ самаго этого времени страшный недугъ оторвалъ у Парижа юнаго философа. Ослабленныя легкія заставили его странствовать по разнымъ европейскимъ теплицамъ—Ниццѣ, Ментонѣ, Италіи, чтобы продлить существованіе и отдалить часъ безпощадной смерти. Это исканіе физической жизни не ослабило въ немъ исканія правды и идеала; его дѣятельность стала еще лихорадочнѣе, еще сильнѣе; стоикъ по убѣжденіямъ, онъ, несмотря на физическую слабость, сумѣлъ провести эти убѣжденія и въ своей жизни: одно сочиненіе выростало за другимъ до самаго дня его смерти. *La Morale d'Epicure* (1877), *La Morale anglaise contemporaine* (1878), *Vers d'un philosophe* (1881), *Les Problême de l'Esthétique contemporaine* (1884), *Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction* (1885), *l'Irréligion de l'Avenir* (1887), наконецъ, изданныя уже послѣ его смерти, *L'Art au point de vue sociologique* (1889), *Hérédité et éducation* (1889) и *La Genèse de l'idée de Temps* (1890).

Умеръ Гюйо 31 марта 1888 г. въ Ментонѣ. Ему было всего 33 года. Онъ оставилъ любимую жену и маленькую 4-лѣтнюю дочь. Особенно обидной представляется эта случайность, когда она уноситъ людей, какъ Гюйо, въ расцвѣтѣ ихъ таланта и силы, сулящихъ еще столько откровеній уму, столько утѣшеній сердцу.

Гюйо, какъ онъ самъ говоритъ въ главѣ «безсмертіе въ монистическомъ натурализмѣ», сознавалъ не разъ приближеніе смерти. Онъ смѣло глядѣлъ ей въ глаза. Онъ взялъ у стоиковъ лучшіе принципы ихъ ученія, сохранивъ утраченную ими чуткость къ чужому горю и страданію. «Насколько стоикъ былъ не правъ,—говоритъ онъ,—когда, передъ смертью другого, онъ не понималъ страданій любви, этихъ условій его силы и его прогресса, когда онъ бралъ на себя смѣлость запрещать привязанность и приказывалъ безчувственность, настолько онъ былъ правъ, когда, говоря намъ о нашей собственной смерти, онъ предлагалъ человѣку стать выше ея. Никакихъ другихъ утѣшеній, кромѣ возможности сказать себѣ, что хорошо прожилъ, что исполнилъ свой долгъ, кромѣ мечты, что жизнь, не переставая, будетъ продолжаться послѣ васъ, можетъ быть, даже нѣсколько благодаря вамъ; что все то, что вы любили, будетъ жить, все то лучшее, о чемъ вы думали, осуществится навѣрно гдѣ-нибудь, что все, что было неличнаго въ

вашемъ сознаніи, все, что только прошло черезъ васъ, все безсмертное наслѣдіе человѣчества и природы, вами полученныхъ, и того, что было въ васъ лучшаго, все это будетъ жить, продлится, увеличится безъ конца, передастся снова безъ потерь; что нѣтъ ничего на свѣтѣ ничтожнѣе сломаннаго зеркала, что вѣчная послѣдовательность вещей возобновляетъ свое теченіе, что вами ничто не прерывается».

Это чисто-философское отношеніе къ смерти, эта послѣдовательность мысли въ минуты, когда пасуютъ самые сильные, были его поддержкой до самаго конца. Наканунѣ своей смерти еще онъ продиктовалъ нѣсколько страницъ; но уже къ вечеру наступила сильная слабость. Близкіе не покидали его. «Я хорошо боролся»,—сказалъ онъ, забывая себя и свои страданія. Альтруизмъ подсказалъ ему еще нѣсколько словъ, которыя онъ выговорилъ съ трудомъ: «Я доволенъ,—да, совершенно доволенъ. Будьте и вы также».

Гюйо похороненъ на откосѣ горы, откуда разстилается чудный видъ на воспѣтое имъ море; его могила заросла цвѣтами, и на ней, кромѣ обыденной надписи, вырѣзаны изъ его сочиненія: «l'Irreligion de l'Avenir», слова, которыя кажутся, по выраженію Фулье, его собственнымъ голосомъ, исходящимъ изъ нѣдръ земли: «То, что, дѣйствительно, жило однажды—возродится; то, что какъ будто умираетъ, только приготовляется къ возрожденію: сознавать и желать лучшаго, пытаться осуществить прекрасное стремленіе къ идеалу,—это то же, что ему способствовать, это значитъ—увлекать по этому пути всѣ поколѣнія, которыя придутъ послѣ насъ. Самыя наши высокія вожделѣнія, которыя кажутся намъ именно самыми тщетными, подобны волнамъ, которыя разъ дошли до насъ, пойдутъ дальше насъ и, можетъ быть, соединяясь, увеличиваясь, потрясутъ міръ. Я вполнѣ увѣренъ, что то, что во мнѣ есть лучшаго, переживетъ меня. Нѣтъ, ни одно изъ моихъ мечтаній не пропадетъ; другіе распространятъ ихъ, увидятъ ихъ послѣ меня, до тѣхъ поръ, пока они не осуществятся. Умирающими волнами море извиваетъ свой берегъ, обрисовываетъ огромное дно, на которомъ оно движется» *).

Существованіе, въ которомъ прозвучали такія чудныя слова, прошли такія широкія мысли, не нуждается въ кропотливыхъ біографахъ и изслѣдователяхъ, такъ называемыхъ «біографическихъ данныхъ», которыми въ настоящее время портятъ столько бумаги, пораждая цѣлый новый родъ никому ненужнаго и ничего не говорящаго «литературнаго архива». Жизнь Гюйо не могла даже представлять интереса дѣятельнаго; она всецѣло созерцательная и, какъ таковая, вылилась вся въ его твореніяхъ.

Вотъ почему цѣль настоящей работы будетъ состоять въ изложеніи наименѣе извѣстной русскимъ читателямъ области творчества Гюйо—его поэзі въ связи, однако, съ общимъ міросозерцаніемъ философа и руководящи идеями его сочиненій, такъ симпатично оттѣняющими оригинальныя сво ства его таланта и его собственную геніальную личность.

---

*) См. *M. Guyau:* „L'Irreligion de l'Avenir", page 458.

II.

Философъ и поэтъ, Гюйо удивительно сочеталъ эти два дара въ своей природѣ. Его философія проникнута поэтическимъ вдохновеніемъ, его поэзія полна философскихъ идей. И противно установившимся предразсудкамъ, эти тяготѣнія его ума и сердца нисколько не идутъ въ ущербъ другъ другу. Его поэзія дышетъ свѣжимъ, непосредственнымъ чувствомъ, его философія не затемнена отвлеченными умозрѣніями и метафизическими изысканіями. Онъ простъ, правдивъ, человѣченъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ, и его поэзія такъ же близка нашей жизни, какъ и его философія, стремящаяся подыскать всему естественную причину и объяснить все той же «жизненной эволюціей». Его смѣлый умъ какъ бы отдыхалъ въ поэтическомъ творчествѣ, которое никогда не натолкнуло его на неправдивое слово или слащавый звукъ. Говорить подчасъ стихами было такою же естественною потребностью его природы, какъ мыслить о судьбахъ человѣчества и нравственныхъ его задачахъ.

Quel est donc ce caprice étrange, o ma pensée,
De quitter tout à coup les grands chemins ouverts
Et de venir ainsi palpitante et froissée,
T'enfermer dans un vers" *)?—

— спрашиваетъ онъ въ первомъ стихотвореніи своихъ *Vers d'un philosophe.*

„D'où vient qu'en chaque mot je cherche une harmonie?
Je ne sais quelle voix a chanté dans mon coeur;
C'est comme une caresse, et mon oreille épie
Et s'emplit de douceur" **).

Далѣе въ этомъ стихотвореніи онъ говоритъ, что поэтъ въ полной власти своего сердца, которое бьется въ его груди, «какъ раненая птичка». И дѣлая, въ противоположность поэту, характеристику ученому, «спокойному властелину своего сердца», онъ продолжаетъ:

„S'il ne sait pas chanter du moins joyeux et libre,
Il n'a point à pleurer" ***).

Но Гюйо былъ слишкомъ чутокъ, чтобы сохранить холодность и спокойствіе ученаго. Человѣкъ со всѣми его слабостями и недостатками былъ слишкомъ близокъ его отзывчивой душѣ; онъ не умѣлъ объективно относиться къ чужому страданію, не могъ порвать съ міромъ жизненную связь:

---

*) „Что же это за странная прихоть, — о, мысль моя, вдругъ покидать открытые, большіе пути и трепещущей, оскорбленной, заключаться въ стихи?" *Vers d'u philosophe,* p. 1.

**) „Съ чего въ каждомъ словѣ ищу я гармоніи? Я не знаю, что за голосъ пропѣлъ въ моемъ сердцѣ; онъ подобенъ ласкѣ, мое ухо насторожилось, и я преисполнился нѣжности". *Vers d'un philosophe,* p. 1.

***) „Если онъ не умѣетъ пѣть,—по крайней мѣрѣ, радостный и свободный, онъ не долженъ плакать". Ibid., p. 3.

„Pourquoi craindre après tout? Pourquoi le bien suprême
Serait-il de n'avoir ici-bas nul bien?
Moi, je me sens plus libre auprès d'un coeur que j'aime
Et qui répond au mien“ *).

Это стихотвореніе есть какъ бы «profession de foi» самого поэта и составляетъ вступленіе къ его книгѣ *Vers d'un philosophe.* Кромѣ предисловія, о которомъ будетъ говорено ниже, въ книгѣ 4 части. Книга первая: *La Pensée (Мысль),* книга вторая: *L'Amour (Любовь),* книга третья: *L'Art (Искусство),* книга четвертая: *La Nature et l'Humanité (Природа и человѣчество).*

Во вступительномъ же стихотвореніи, эпиграфомъ къ которому служатъ слова «Servus Appollo» («Слуга Аполлона»), Гюйо лишній разъ проводитъ мысль, что философъ можетъ быть поэтомъ, ни мало не поступаясь свободой или правдой своей мысли.

„Serai-je donc moins libre avec toi, Poésie,
Si je m'abandonnais sur ton sein sans retour?—
Une chose ressemble à ta douce harmonie:
Je crois que c'est l'amour“ **).

---

*) „Зачѣмъ бояться? Почему высшее благо — не имѣть здѣсь никакихъ узъ? Я чувствую себя еще свободнѣе вблизи сердца, которое самъ люблю и которое отвѣчаетъ моему“. *Vers d'un philosophe,* p. 4.

„Mon amour est plus vivant et plus vrai que moi-même,—говоритъ Гюйо въ *L'Art au point de vue sociologique.*

**) „Развѣ я буду менѣе свободенъ съ тобой, Поэзія, если я беззаботно забудусь на твоей груди? Одно лишь напоминаетъ твою нѣжную гармонію: я думаю, это—любовь“. Ibid., p. 4.

Въ *L'Art au point de vue sociologique* проходитъ параллельная мысль: „L'Art est ainsi une condensation de la réalité; il nous montre toujours la machine humaine sous une plus haute pression. Il cherche à nous représenter plus de vie encore qu'il n'y en a dans la vie vécue par nous. L'art c'est de la vie concentrée qui subit dans cette concentration les différences du caractère des génies“. И тамъ же далѣе: „Toutefois, l'art n'est pas seulement un ensemble de faits *significatifs,* il est avant tout un ensemble de moyens *suggestifs.* Ce qu'il dit emprunte souvent sa principale valeur à ce qu'il ne dit pas, mais suggère, fait penser et sentir. Le grand art est l'art évocateur qui agit par suggestion. L'objet de l'art, en effet, est de produire des émotions sympathiques et pour cela non pas de nous représenter de purs objets d'affection, des sujets *vivants* avec lesquels nous puissions entrer en société“. См. *M. Guyau:* „L'Art au point de vue sociologique“, p. 65. И еще: „L'amour apporte la beauté avec lui. La vibration du coeur est comme celle de la lumière: elle se communique tout alentour; produisez en moi l'émotion, cette émotion passant dans mon regard, puis rayonnant au dehors se transformera en beauté pour mes yeux:

La première condition pour qu'un personnage soit sympathique, c'est évidemment qu'il vive. La vie fut-elle celle d'un être inférieur, nous intéresse toujours par cela seul qu'elle est la vie...

Le personnage le plus universellement sympathique est celui qui vit de la vie une et éternelle des êtres, celui qui s'appuie sur le vieux fond humain et se soulevant sur cette base immuable, s'élève aux pensées les plus hautes, que l'humanité atteint seulement en ses heures d'enthousiasme et d'héroisme. Mais il faut que ce soit là un élan du coeur et du sentiment non un jeu de l'intelligence“. См. *M. Guyau:* „L'Art au point de vue sociologique“, p. 66, 67.

Дѣйствительно поэтъ, въ произведеніи котораго звучитъ не только фраза, не только красивый подборъ словъ или даже идей, — поэтъ, который затрогиваетъ чувство читателя и заставляетъ его переживать свои творенія, долженъ непремѣнно отдавать частицу своего «я», переживая самъ то, что выливается изъ-подъ его пера. А *пережитое* у человѣка мыслящаго еще дѣйствительнѣе *передуманнаго*, такъ какъ въ самомъ себѣ уже заключаетъ выводъ затронутыхъ идей. Самъ Гюйо въ своей непосредственной искренности могъ бы съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ и своему творчеству извѣстныя слова Людвига Бёрне: «Я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ»...

Идея жизни, какъ главный стимулъ искусства, нравственности и религіи, занимала особенно Гюйо. Онъ посвятилъ ей много страницъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ и, мнѣ кажется, вполнѣ успѣлъ доказать ее.

Что мы цѣнимъ въ картинѣ, статуѣ, игрѣ актера, романѣ или стихотвореніи больше всего?—Все ту же *нашу* жизнь, которую безконечно любимъ и готовы безконечно переживать. Только испорченный, пресыщенный вкусъ утомленнаго горожанина можетъ предпочитать, наприм., заведенную игру Сары Бернаръ жизненной игрѣ Дузе или стихотвореніе Verlain'a истинному чувству A. Musset.

Когда замретъ вся зала, слушая пѣвца, когда Сальвини или Ристори заставятъ дрогнуть толпу и ручки разряженныхъ дамъ потянутся къ платкамъ, когда опустится занавѣсъ и электричество освѣтитъ намъ вдругъ взволнованныя лица и покраснѣвшіе глаза тѣхъ, которые за часъ готовы были легкомысленно пройти мимо чужого горя, — чья будетъ эта мощная сила, какъ не сила жизни, переданная художникомъ?

„Les hauts plaisirs sont ceux qui font presque pleurer" *).

Гюйо широко развиваетъ этотъ принципъ «жизни», и онъ является преобладающею его идеей. По его мнѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ индивидуальную и соціальную точку зрѣнія. «Главная заслуга XIX столѣтія та, что оно выдвинуло соціальную сторону человѣческаго индивидуума, живого существа вообще, которымъ слишкомъ пренебрегалъ матеріализмъ въ эгоистичной формѣ прошлаго столѣтія. И хотя, съ одной стороны, матерія подъ взглядомъ ученаго сдѣлалась все микроскопичнѣе, и часовой механизмъ La Mettrie утратилъ совершенно способность объяснять жизнь и *физіологія* отдѣлилась и превзошла элементарную *физику*, то, съ другой стороны, индивидуумъ, котораго считали обособленнымъ, заключеннымъ въ своемъ одиночномъ механизмѣ, явился вполнѣ подверженнымъ постороннимъ вліяніямъ, сдѣлался солидарнымъ съ другими сознаніями, опредѣлимымъ идеями и чувствами не личными...

*) „Высшія удовольствія тѣ, которыя заставляютъ почти плакать". *Vers d'un philosophe*, „Le mal du poète", p. 13.

«XIX столѣтіе закончится еще плохо оформленными открытіями, но настолько же важными, можетъ быть, въ нравственномъ мірѣ, какъ открытія Ньютона и Лапласа въ мірѣ звѣздномъ: притяженія чувствительностей и волей, солидарности умовъ, проникновенія сознаній» *).

Когда жизнь,—говоритъ Гюйо,—«приходя къ самосознанію», замѣчаетъ, что она одновременно личная и собирательная, является ощущеніе болѣе свободное—чувство удовольствія. «Въ концѣ-концовъ, что бы стало изъ удовольствія чисто-личнаго и эгоистичнаго?—спрашиваетъ Гюйо.—Существуетъ ли подобное? И какое мѣсто занимаетъ оно въ жизни? Спускаясь въ воображеніи по лѣстницѣ живыхъ существъ, мы видимъ, что сфера, въ которой движется каждое изъ нихъ, узка и почти замкнута; когда же, наоборотъ, обращаешься къ существамъ высшимъ, замѣчаешь, какъ сфера ихъ дѣятельности раскрывается, расширяется, все болѣе и болѣе соприкасается со сферой дѣятельности другихъ существъ...

Также какъ мое *я* для современной психологіи въ концѣ-концовъ только одна иллюзія и нѣтъ обособленныхъ личностей, такъ какъ мы состоимъ изъ безчисленнаго количества существъ и маленькихъ сознаній, точно такъ же эгоистическое удовольствіе одна лишь иллюзія: мое удовольствіе, мнѣ принадлежащее, не существуетъ безъ удовольствія другихъ; все общество должно болѣе или менѣе принимать въ немъ участіе, начиная съ маленькаго общества, которое меня окружаетъ,—моей семьи, до большого общества, въ которомъ я живу; чтобы сохранить свою интенсивность, мое удовольствіе должно сохранить всю свою *распространенность* **).

Въ своей книгѣ *Esquisse d'une morale* Гюйо замѣчаетъ: «Высшія удовольствія получаютъ съ каждымъ днемъ все большую часть въ нашей жизни; удовольствія эстетическія, удовольствія размышленія, знанія, пониманія, изслѣдованія и т. д. требуютъ гораздо меньше внѣшнихъ условій и гораздо доступнѣе всѣмъ, чѣмъ удовольствія чисто-эгоистичныя. Наслажденіе мыслителя или художника—наслажденіе дешевое. Имѣя кусокъ хлѣба, книгу или пейзажъ, вы можете ощутить безконечно высшее удовольствіе, чѣмъ то, которое испытываетъ глупецъ въ украшенной гербами каретѣ, запряженной четырьмя лошадьми. Высшія удовольствія, стало быть, одновременно интимнѣе, глубже и болѣе даровыя (не будучи таковыми всецѣло)... Они гораздо менѣе способствуютъ разъединенію существъ, чѣмъ удовольствія низшія» ***).

Изъ этого слiянiя индивидуумовъ и коллективнаго существованія Гюйо хотѣлъ создать концепцію жизни для искусства, нравственности и религіи.

„Il n'est peut-être pas de peine solitaire,
D'égoïstes plaisirs; tout se lie et se tient.
La peine et le plaisir courent d'un être à l'autre,
Et le vôtre et le mien, et le mien et le vôtre

*) См. *M. Guyau*: „L'Art au point de vue sociologique“. Préface XLII.
**) См. *M. Guyau*: „La morale d'Epicure“, p. 283.
***) См. *M. Guyau*: „Esquisse d'une morale“, p. 30.

Et je veux que le votre à vous tous soit le mien
Que mon bonheur soit fait avec celui du monde,
Et que je porte infin dans mon coeur dilaté
— En dût-il se briser,—toute l'humanité" *).

Общеніе и солидарность людей Гюйо переноситъ и въ область эстетическаго наслажденія. «Давно уже, — говоритъ онъ, — греческіе философы видѣли красоту въ гармоніи или, по крайней мѣрѣ, считали гармонію однимъ изъ существенныхъ характеровъ красоты; эта гармонія, слишкомъ отвлеченно и слишкомъ математично воспринятая древними, низводится для новѣйшей психологіи къ органической солидарности, къ соглашенію живыхъ клѣточекъ, къ извѣстному роду коллективнаго сознанія въ самомъ лонѣ индивида.

Мы говоримъ: *я*, а мы могли бы также сказать *мы*. Пріятное дѣлается прекраснымъ по мѣрѣ того, какъ оно поглощаетъ больше солидарности и соціальности между всѣми частями нашего существа и всѣми элементами нашего сознанія, по мѣрѣ того, что оно болѣе относится къ этому *мы*, которое заканчивается въ нашемъ *я*» **).

«Въ сущности, искусство,—говоритъ далѣе Гюйо,—есть распространеніе общественности посредствомъ чувства на всѣ существа природы и даже на существа, превышающія природу, или, наконецъ, на фиктивныя существа, созданныя человѣческимъ воображеніемъ. Художественное волненіе, стало быть, существенно соціально; его результатомъ является увеличеніе индивидуальной жизни, заставляя ее смѣшиваться съ жизнью болѣе широкой и вселенной. *Самая высокая цѣль искусства—создавать эстетическое волненіе соціальнаго характера»* ***).

Итакъ, по мнѣнію Гюйо, красота есть высшая форма чувства жизни, а потому и ея воспроизведеніе—искусство—должно быть жизненно, проникать въ самую глубь вещей, *создавать жизнь*, такъ сказать. Здѣсь Гюйо совершенно расходится со школой Канта и Спенсера, ограничивающихъ сферу искусства внѣшнимъ воспроизведеніемъ жизни, которую они понимаютъ только какъ «представленіе». Вотъ почему, по мнѣнію Гюйо, чувство красоты и эстетическаго наслажденія очень близко къ «дѣйствію», къ жизни; отчего, при развитіи нашихъ искусствъ, мало-по-малу совсѣмъ утрачивается въ нихъ область «фикціи» и противоестественныхъ положеній: «Самое живое эстетическое наслажденіе, въ которомъ наименѣе примѣшано грусти, встрѣчается тамъ,— говоритъ онъ,— гдѣ оно немедленно превращается въ дѣйствіе и этимъ самымъ удовлетворяетъ самоё себя:

---

*) „Можетъ нѣтъ одинокаго страданія, эгоистичныхъ удовольствій; все сцѣпляется и держится вмѣстѣ. Страданіе и удовольствіе перебѣгаютъ отъ одного существа къ другому, и то, что ваше—мое и что мое—ваше, и я хочу, чтобы принадлежащее всѣмъ вамъ было мое, чтобы мое счастье было создано счастьемъ всего свѣта, и чтобъ *я*, наконецъ, могъ нести въ своемъ сердцѣ расширенномъ,—хотя бы оно отъ того разорвалось,—все человѣчество". *Vers d'un philosophe*, „Solidarité", p. 88.

**) См. *M. Guyau*: „L'Art au point de vue sociologique", p. 8.

***) Ibid., p. 21.

спартанцы лучше чувствовали всѣ красоты стиховъ Тиртея, нѣмцы—стихи Кернера или Уланда, когда эти стихи увлекали ихъ въ битву; волонтеры революціи, вѣроятно, никогда не были такъ растроганы Марсельезой, какъ въ тотъ день, когда она однимъ вздохомъ подняла ихъ на холмы de Jemmapes. Точно такъ же двое влюбленныхъ, наклонившихся надъ какою-нибудь поэмой любви, какъ герои Данта, получатъ большее наслажденіе даже съ точки зрѣнія эстетической» *).

Эта концепція міра въ объединяющей идеѣ «жизни» особенно симпатична. По ней одной можно уже себѣ выяснить образъ Гюйо философа, необыкновенно чуткій и притягательный. Онъ близокъ вамъ уже потому, что вы чувствуете всегда свою близость къ нему. Его идеи, хотя самыя отвлеченныя, переданы съ такимъ субъективнымъ оттѣнкомъ, что невольно узнаешь въ нихъ себя и свои собственныя, гдѣ-то дремавшія мысли. Вы чувствуете постоянно, что этотъ писатель любитъ жизнь, любитъ человѣка, страдаетъ не только его страданіями, но и его несовершенствами. Дѣйствительно, рѣдко одаренный по природѣ, Гюйо отличался той особенной отзывчивостью и добротой, которая есть вѣнецъ всего истинно-великаго. Слезы бѣдняковъ, безъ устали работающихъ до могилы, слезы матери, кристаллизованныя нашимъ поэтомъ въ словахъ:

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей *(Некрасовъ)*,—

все то море слезъ человѣческихъ, бѣдъ и страданій наложило глубокій, неизгладимый слѣдъ въ его душѣ:

„Tous les maux que j'ai vus restent dans ma mémoire
Je pleure encor mes morts comme le premier jour;
Les cris de désespoir qui m'ont frappé l'oreille
Vibrent encor en moi sans que nul mot d'amour
Nul murmure enivrant du printemps qui s'éveille
Etouffe cette voix et fasse dans mon coeur
Chanter l'insouciance où pleura la douleur" **).

---

*) См. *M. Guyau*: „Les Problèmes de l'Esthétique Contemporaine", p. 31. Ср. p. 35. Не напоминаютъ ли эти идеи Гюйо взглядовъ автора *Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности?* Въ другой странѣ болѣе четверти вѣка тому назадъ была ясно формулирована (*Прекрасное — есть жизнь*) и поставлена передъ читателемъ та же точка зрѣнія.

**) „Всѣ страданія, которыя я видѣлъ, остаются въ моей памяти, я еще оплакиваю моихъ мертвыхъ, какъ въ первый день; крики отчаянія, поразившіе мое ухо, еще такъ дрожатъ во мнѣ, что никакое слово любви, никакой опьяняющій шепотъ возраждающейся весны не въ состояніи заглушить этотъ голосъ и заставить мое сердце воспѣвать безпечность тамъ, гдѣ плакало страданіе". *Vers d'un philosophe, — Le Devoir du Doute*, p. 61.

Это стихотвореніе, напоминающее m-me Аккерманъ *), про которую Гюйо въ своемъ сочиненіи *L'Art au point de vue sociolog.* сказалъ: «M-me Ackermann a trouvé de beaux vers pour traduire certaines idées de Schopenhauer et de Darvin» **)... и далѣе: «On peut regretter de trouver dans bien des pièces de ce volume plus d'éloquences que de poésie proprement dite» ***).

Но насколько мягче, насколько тише отчаяніе стихотвореній Гюйо по сравненію съ суровымъ, хотя всегда красивымъ стихомъ этой поэтессы. Гюйо, разумѣется, какъ всякій человѣкъ, много думавшій и страдавшій, былъ ближе къ пессимизму, чѣмъ къ оптимизму въ своемъ міросозерцаніи, но, благодаря силѣ и ясности своего ума и своимъ большимъ положительнымъ знаніямъ, его пессимизмъ не могъ перейти въ доктрину. «Въ своихъ сочиненіяхъ *Esquisse d'une morale* и *L'Irreligion de l'Avenir,*—говоритъ про Гюйо Фулье,—мы увидимъ, какъ съ обычной ему прозорливостью онъ показалъ излишества какъ пессимизма, такъ и оптимизма» ****).

У Гюйо сознаніе превратности человѣческой судьбы и его страданій только окрашиваетъ въ извѣстный грустный тонъ его чувство и служитъ лишнимъ ключомъ для его наблюденій и позитивныхъ выводовъ. Что ни говори приверженцы пессимизма или оптимизма объ объективномъ происхожденіи этихъ итоговъ нашей душевной жизни, это два умозрѣнія, покоющіяся въ значительной степени на ощущеніяхъ и чувствительности и

---

*) См. *Сѣверный Вѣстникъ* 1894 г., № 4, *Поэзія пессимизма: Луиза Аккерманъ,*—статья С. Кавосъ-Дехтеревой.

**) См. *M. Guyau:* „L'Art au point de vue sociologique", p. 276.

***) Ibid., p. 276, 277.

****) См. *A. Fouillé:* „La morale, l'art et la religion", p. 8. Въ своей книгѣ *Esquisse d'une morale,* разбирая гипотезу оптимизма, Гюйо говоритъ на 64 стр.: „En réalité, l'optimisme absolu est plutôt immoral que moral, car il enveloppe la négation du progrès. Une fois qu'il a pénétré dans l'esprit, il produit comme sentiment correspondant la satisfaction de toute réalité: au point de vue moral justification de toute chose; au point de vue politique, respect de toute puissance, résignation passive, etouffement volontaire de tout sentiment du droit et en conséquence du devoir".

И далѣе, на стр. 69: „Si un tigre croyait en sauvant la vie d'un de ses semblables, travailler, à l'avénement du bien universel, il se tromperait peut-être: il vaut mieux pour tous que les tigres ne s'épargnent point entre eux. Ainsi tout se confond et s'aplanit pour la métaphysiqne des hauteurs; bien et mal, individus et espèces, espèces et milieux; il n'y a plus rien de vil, comme disait l'optimiste Spinosa „dans la maison de Jupiter". Переходя къ гипотезѣ пессимизма, Гюйо замѣчаетъ: „On comprend que les excès de l'optimisme aient produit la réaction pessimiste. Le germe du pessimisme est chez tout homme: pour connaître et juger la vie, il n'est même pas besoin d'avoir beaucoup vécu, il suffit d'avoir beaucoup souffert". Page 84. Разбирая всѣ главные ингредіенты пессимизма, Гюйо говоритъ далѣе, что не будь общей всѣмъ людямъ способности преувеличивать будущее удовольствіе и умалять страданія, которыми они достигаются, жизнь сдѣлалась бы невозможной. „La souffrance morale vraiment triomphante,—говоритъ онъ,—tue moralement, anéantit l'intelligence et la volonté. Aussi celui qui, après quelque violente crise morale, continue de penser, de vouloir et d'agir dans tous les sens, celui là pourra souffrir, mais sa souffrance ne ttardera pas à être contre-balancée, par degrés étouffée. La vie l'emportera sur les endances dissolvantes". Page 96.

требующія непремѣнно личныхъ субъективныхъ жизненныхъ выводовъ. «Я зналъ неисправимаго оптимиста, которому все удавалось и которому стоило большого труда представить себѣ тѣ рѣдкія печали, которыя онъ испыталъ», говоритъ Рибо въ своей брошюрѣ *О чувственной памяти*, гдѣ онъ проводитъ мысль, что въ выработкѣ оптимистическихъ и пессимистическихъ формъ характера играютъ, главнымъ образомъ, роль индивидуальныя различія въ способности оживлять чувственныя состоянія *).

Мыслителю же нельзя безнаказанно отдаваться субъективной оцѣнкѣ или возводить, хотя бы безсознательно, личный опытъ въ теорію. Въ такомъ случаѣ ему непремѣнно грозитъ односторонность или метафизика. Даже m-me Аккерманъ, при всей своей послѣдовательности и холодности, дѣлаетъ частыя отступленія отъ позитивизма, съ которымъ иногда не уживается ея суровый пессимизмъ.

Гюйо же наоборотъ: несмотря на всю спекулятивность своего ума и даже воображенія, онъ остается всегда серьезнымъ мыслителемъ въ самыхъ рискованныхъ своихъ гипотезахъ и ни минуты не отступаетъ отъ научной, позитивной точки зрѣнія и системы.

„Le vrai, je sais, fait souffrir
Voir—c'est peut-être mourir
N'importe! o mon oeil, regarde!“ **)

III.

Первая книга *Vers d'une philosophe* озаглавлена *La Pensée*, и дѣйствительно по ней можно провести всю эволюцію философской мысли Гюйо и дойти до ея конечнаго вывода.

Въ ранней молодости Гюйо является послѣдователемъ Платона, Эпиктета и Канта, идеализмъ котораго имѣетъ отголосокъ и въ его поэзіи. Первое изъ стихотвореній *Moments de foi* озаглавлено *En lisant Kant*, и тутъ Гюйо говоритъ, что природа предлагаетъ свободѣ задачу:

„... ici bas le doute est une épreuve;
L'homme en face du mal doit décider sans preuve,
Malgré l'obscurité qui lui voile le ciel,
Si l'idéal n'est plus vrai que le réel!“ ***)

---

*) *Т. Рибо*: „О чувственной памяти“, русскій переводъ подъ редакціей В. М. Бехтерева, стр. 40.

**) „Я знаю: мучительно-больно
Отъ правды; быть-можетъ—умри,
Кто смотритъ въ лицо ей. Пусть будетъ
Что будетъ,—о, глазъ мой, смотри!“

Переводъ П. И. Вейнберга. *Vers d'un philosophe,—La douce mort*, p. 44.

***) „... здѣсь, на землѣ, сомнѣніе есть испытаніе; человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу со зломъ, долженъ рѣшать безъ доказательствъ, несмотря на темноту, заволакивающую ему небо,—не вѣрнѣе ли идеалъ того, что существуетъ“. *Vers d'un philosophe,—Moments de foi*, p. 58.

Идеализмъ Платона и Канта былъ, по словамъ Фулье, первой и единственною религіей Гюйо. Такимъ образомъ, его естественной точкой отправленія былъ результатъ, до котораго другіе, менѣе молодые, чѣмъ онъ, дошли только съ усиліемъ *).

Но это умозрѣніе не надолго удовлетворяетъ его. Онъ ищетъ большей ясности, большей жизненности, большей правды. Прекрасныя слова: «толцитесь и отверзется»—только наполовину дѣйствительны въ области знанія, особенно этическаго знанія.

„Non, nulle certitude où l'âme se repose"

восклицаетъ Гюйо послѣ долгихъ умственнныхъ усилій въ стихотвореніи *Voyage de recherche:*

„Les grands cieux ont gardé leur silence sacré" **).

Но Гюйо ни за что не останавливается въ своихъ стремленіяхъ. Его умъ вѣчно работаетъ, не даетъ ему отдыха и покоя. Въ стихотвореніи *La tâche du Philosophe* хорошо освѣщена разница между простой физической работой и работой умственной ***) вѣчно бодрствующаго, вѣчно безпокойнаго, не знающаго отдыха философскаго мышленія. Обратясь къ рабочимъ, для которыхъ въ благословенные шесть часовъ кончается трудовой день, и они могутъ весело и радостно оставлять свои темныя мастерскія, Гюйо говоритъ о себѣ:

„Seul, n'aurai-je jamais achevé ma journée,
Longue comme ma vie et le désir humain?

Toujours l'idée en moi, renaissante tressaille
Malgré moi, jour et nuit mon serveau les travaille
Dans un enfantement douloureux et sans fin" ****).

И такой вѣчною работой работалъ Гюйо съ юношескихъ лѣтъ. Узнать, все узнать—было его девизомъ. Это юношеское настроеніе и желаніе *знать,* хотя бы цѣною смерти, прекрасно выражено въ стихотвореніи *Le Problème d'Hamlet*. Не одинъ Гюйо переживалъ въ молодости состояніе

---

*) См. *A. Fouillé:* „La Morale, „L'Art et la Religion" d'après Guyau, p. 2.

**) „Нѣтъ никакой увѣренности, въ которой отдохнула бы душа. Небеса сохранили свое священное молчаніе". *Vers d'un philosophe,— Voyage de Recherche,* p. 9.

***) „Les êtres inférieurs n'agissent que dans une certaine direction; puis ils se reposent, s'affaissent dans une inertie absolue, par exemple le chien de chasse, qui s'endort jusqu'au moment où il recommencera à chasser. L'être supérieur, au contraire, se repose par la *variété* de l'action, comme un champ, par la variété des productions; le but poursuivi, dans la culture de l'activité humaine, c'est dans la réduction au strict nécessaire de ce qu'on pourrait appeler les périodes de *jachère*". См. *M. Guyau:* „Esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction", p. 12.

****) „Неужели я одинъ никогда не кончу моего дня,—долгаго, какъ моя жизнь и человѣческое желаніе? Возраждающаяся мысль непрестанно трепещетъ во мнѣ; мой мозгъ, помимо меня самого, работаетъ надъ ней ночь и день въ болѣзненномъ и безконечномъ зачатіи". *Vers d'un philosophe,—La tâche du Philosophe,* p. 52.

ума, доходящее почти до болѣзненности, когда, перепробовавъ всѣ средства, прослушавъ всѣ объясненія, потребность получить отвѣтъ на вѣчный и конечный вопросъ доводитъ все же, наконецъ, воспаленное воображеніе до жажды смерти, чтобы хотя этимъ способомъ разрѣшить себѣ вопросъ Гамлета: «to be or not to be». Позитивистъ говоритъ «не знаю». Но нелегко пылкому уму подчиниться такому индифферентизму,—тѣмъ болѣе, въ 16 лѣтъ.

Юноша-философъ прикладываетъ остріе лезвія къ своей груди. Одно мгновеніе,—и онъ будетъ «тамъ», познаетъ все великое, неизвѣстное... «Зачѣмъ это странное терпѣніе, заставляющее насъ отдалять часъ торжества науки?—восклицаетъ онъ.—Почему не сократить это ожиданіе?»

„Je verrais, je saurais, et le profond secret
Qui m'échappe vivant, la mort me le dirait.
Oh! savoir, être sûr! tout est là" *).

Но даже въ юные годы философскій умъ Гюйо былъ уже настолько ясенъ и силенъ, что онъ сдерживается въ своемъ увлеченіи и, какъ настоящій мыслитель, относится скептически не только къ своимъ чувствамъ, но и къ своимъ идеямъ:

„Puis, soudain, je me dis:
Qui sait si la mort même
Est sincère, sans voile et resout tout problème,
Quand vivre, c'est chercher, trouverai-je en mourant?" **).

Дѣйствительно, смерть, въ сущности, могла бы разрѣшить только одну сторону вопроса. Гораздо существеннѣе вопросъ конечный, на который мы не получимъ отвѣта... Мало-по-малу и пылкій умъ Гюйо сдается передъ роковою силой безполезности и необходимости. Ребенокъ перестаетъ плакать, когда никто его не слушаетъ, человѣкъ перестаетъ сердиться, философъ перестаетъ спрашивать. Но чувство сомнѣнія будетъ жить въ Гюйо, пока жива его мысль. Въ своемъ сочиненіи *L'Esquisse d'une morale* Гюйо вѣрно опредѣляетъ себя, говоря: въ области знанія нѣтъ ничего нравственнѣе правды. Когда же мы не имѣемъ сознанія правды, самое нравственное, по его словамъ, — «сомнѣніе». «Le Doute c'est donc la dignité de la pensée». Эта мысль настолько занимала Гюйо, что у него есть стихотвореніе, озаглавленное *Le Devoir du doute*:

„Je ne suis pas de ceux qui peuvent oublier
Qu'un instant de bonheur fait sourire et fait croire
Quand l'indignation les avait fait nier . . . . .
Heureux le coeur mobile ou tout glisse et s'efface" ***).

---

*) „Я увидѣлъ бы, я узналъ бы, и смерть раскрыла бы мнѣ ускользающую отъ меня при жизни тайну; о, узнать, увѣриться! все въ этомъ". *Vers d'un philosophe,— Le Problème d'Hamlet*, p. 54.

**) „Затѣмъ вдругъ я сказалъ себѣ: кто знаетъ, искренна ли сама смерть и разрѣшаетъ ли она всѣ задачи? Если жить значитъ искать, найду ли что, умеревъ?" *Vers d'un philosophe,—Le Problème d'Hamlet*, p. 55.

***) „Я не изъ тѣхъ, которые могутъ забыть, которые за одно мгновенье счастья готовы улыбаться и вѣрить, когда негодованіе уже привело ихъ къ отрицанію . . .

восклицаетъ онъ! Счастливы тѣ, которые обновляютъ свое сердце съ каждою весною и усыпляютъ страданіе молитвой... Они вѣрятъ и надѣются...

„Moi, j'aime mieux le doute et son anxiété,
Il suffit d'un seul cri d'appel aux cieux jeté
Et qui se soit perdu dans l'infini silence:
Le doute restera dans mon coeur révolté,
Aussi long qu'ici bas est longue la souffrance!" *).

Далѣе, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній *Question*, Гюйо прекрасно передаетъ то состояніе ума, къ которому онъ, наконецъ, пришелъ:

„Supprimer Jupiter serait-ce amoindrir l'univers?
Les cieux sont-ils moins doux pour qui les croit déserts?"

И еще:

„Si je souffre et meurs seul, du moins dans ma souffrance
Je me dis:—Nul ne sait, nul n'a voulu mes maux;
S'il est des malheureux, il n'est pas de bourreaux
Et c'est innocemment que la nature tue" **).

Какъ видно, его «Вопросъ« (*Question*) обращенъ здѣсь не къ безотвѣтнымъ силамъ природы, не къ метафизическимъ беднямъ, а къ нравственному чувству самого человѣка.

Вопросы человѣческой нравственности занимаютъ тѣмъ болѣе Гюйо, чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ полный индифферентизмъ природы. Онъ не возмущается этимъ безучастіемъ, какъ m-me Аккерманъ или Тургеневъ, онъ только констатируетъ это явленіе въ самыхъ поэтическихъ картинахъ. Океанъ, который явился темой одного изъ лучшихъ его стихотвореній, еще въ философскихъ сочиненіяхъ вдохновилъ его на слѣдующія сильныя по мысли и по исполненію мѣста, въ которыхъ Гюйо является настолько же поэтомъ въ прозѣ, на сколько онъ былъ философомъ въ своихъ стихахъ:

«Ничто, пожалуй, не даетъ глазу и мысли болѣе полнаго и болѣе грустнаго представленія о мірѣ, чѣмъ океанъ. Это, во-первыхъ, изображеніе силы въ самомъ ея суровомъ и необузданномъ видѣ; это такое развитіе, такая роскошь силы, о которой ничто иное не можетъ дать представленія; и она живетъ, волнуется, мучается безъ цѣли и безконечно. Можно было бы сказать подчасъ, что море живетъ, что оно трепещетъ и дышетъ,

---

Счастливы подвижныя сердца, по которымъ все скользитъ и стушевывается". *Vers d'un philosophe,—Le Devoir du Doute*, p. 61.

*) Я предпочитаю сомнѣніе и его безпокойство, достаточно одного призывнаго крика, брошеннаго небесамъ и утерявшагося въ безконечномъ молчаніи: сомнѣніе останется въ моемъ возмущенномъ сердцѣ до тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ страданіе". *Vers d'un philosophe,—Le Devoir du Doute*, p. 63.

**) Уничтожить Юпитера значитъ ли это умалить вселенную? Развѣ небеса менѣе отрадны тѣмъ, для которыхъ они пусты? Если я страдаю въ одиночествѣ, по крайней мѣрѣ я могу сказать себѣ въ своемъ страданіи: никто не знаетъ, никто не желалъ мнѣ болей, и если есть несчастные, то нѣтъ палачей и природа убиваетъ невинно". *Vers d'un philosophe,—Question*, p. 65.

что оно—огромное сердце, которое на нашихъ глазахъ мощно и мятежно приподнимается; но все это усиліе, вся эта кипучая жизнь расходуется совершенно безплодно—и это приводитъ въ отчаяніе; это сердце земли бьется безнадежно; отъ всѣхъ этихъ толчковъ, отъ всего этого вздыманія волнъ остается только немного пѣны, разсыпанной вѣтромъ.

«Я помню, какъ, сидя однажды на пескѣ, я смотрѣлъ на приближающуюся массу волнъ: онѣ набѣгали безъ передышки изъ глубины моря, пѣнясь и ревя; надъ той, которая умирала у моихъ ногъ, я уже замѣчалъ другую, а дальше, еще другую, а еще дальше—цѣлое множество; наконецъ, весь горизонтъ, сколько я могъ видѣть, подымался и двигался на меня: тутъ было такое соединеніе безконечной, неистощимой силы, что я ясно почувствовалъ всю неспособность человѣка остановить усиліе этого двигающагося океана. Преграда могла бы разбить одинъ изъ этихъ потоковъ, она могла бы разбить ихъ сотни и тысячи; но за кѣмъ, какъ не за океаномъ, осталось бы послѣднее слово? И мнѣ казалось, что я вижу въ этомъ приливѣ картину цѣлой природы, нападающей на человѣчество, которое напрасно хочетъ направлять ея ходъ, сплотить ее, укротить. Человѣкъ храбро борется, онъ умножаетъ свои усилія, минутами онъ считаетъ себя побѣдителемъ; это только оттого, что онъ не смотритъ достаточно далеко и не видитъ растущихъ изъ глубины небосклона огромныхъ волнъ, которыя рано или поздно должны уничтожить его твореніе и унести его самого. Въ этой вселенной, гдѣ міры волнуются подобно морскимъ потокамъ, не окружены ли мы, не настигнуты ли постоянно множествомъ существъ? Жизнь кружится вокругъ насъ, обволакиваетъ насъ, затопляетъ насъ: мы говоримъ о безсмертіи, о вѣчности; но вѣчно только то, что неистощимо, что достаточно слѣпо и достаточно богато, чтобы давать всегда и безъ мѣры. Со смертью знакомится тотъ, кто впервые узнаетъ, что его силы не безграничны, который чувствуетъ потребность въ отдыхѣ, который опускаетъ руки послѣ работы. Только природа достаточно неутомима, чтобы быть вѣчной. Мы говоримъ также объ идеалѣ; мы думаемъ, что у природы есть цѣль, что она идетъ куда-то; мы, стало-быть, ея не понимаемъ; мы принимаемъ ее за рѣку, которая течетъ къ своему устью и придетъ къ нему когда-нибудь, но природа—тотъ же океанъ. Давать природѣ цѣль—значило бы ее суживать, потому что цѣль есть предѣлъ. То, что безконечно, не имѣетъ цѣли» *).

И далѣе: «Мы не представляемъ себѣ безплоднаго поля. Но природа въ своемъ цѣломъ не обязана быть плодовитой: она—большое равновѣсіе жизни и смерти. Можетъ быть, ея высшая поэтичность происходитъ отъ ея горделивой безплодности. Пшеничное поле не стóитъ океана. Океанъ не работаетъ, не производитъ, онъ—волнуется; онъ не даетъ жизнь, онъ ее вмѣщаетъ; или, вѣрнѣе, онъ даетъ ее и отнимаетъ съ тѣмъ же безразличіемъ: онъ—та огромная качка, которая баюкаетъ существа. Когда смо-

*) См. *М. Guyau*: „Esquisse d'une morale", p. 103.

тришь въ его пучину, видишь, какъ копошится жизнь; въ каждой его каплѣ тысячи обитателей и всѣ другъ съ другомъ воюютъ, гоняются одинъ за другимъ, избѣгаютъ и поглощаютъ другъ друга; «всему» нѣтъ до этого дѣла, какое дѣло глубокому океану до тѣхъ народовъ, которые онъ прогуливаетъ въ своихъ горькихъ волнахъ? Онъ самъ даетъ намъ представленіе войны, безустанной борьбы: его разбивающіеся валы, самый сильный изъ которыхъ покрываетъ и увлекаетъ самый слабый, представляетъ намъ въ ракурсѣ исторію міра, исторію земли и человѣчества». И еще: «По мѣрѣ того, что я думаю, мнѣ представляется, что океанъ подымается вокругъ меня, завоевываетъ все, уноситъ все; мнѣ кажется, что я самъ не что иное, какъ одна изъ этихъ волнъ, одна изъ капель этихъ волнъ, что земля пропала, что человѣкъ пропалъ, и что ничего не осталось, кромѣ природы съ ея безконечными волнами, съ ея приливами и отливами, этими постоянными перемѣнами ея оболочки, подъ которой прячется ея глубокое и монотонное однообразіе» *).

Аналогичная концепція природы составляетъ руководящую мысль стихотворенія *La pensée et la nature*. Близъ Saint-Jeant de Luz въ Guétary **), на Атлантическомъ океанѣ, Гюйо видитъ дѣтей:

„Vêtements retroussés, dans l'eau jusqu'aux chevilles
Ivres de liberté, d'air pur, garçons et filles
Ont pris pour compagnon de leurs jeux l'Océan" ***).

Они ждутъ посреди прилива каждую набѣгающую волну и съ громкими криками радости и страха убѣгаютъ передъ нею. Но живая волна ударяетъ съ силой, бушуетъ, настигаетъ ихъ,—

„et ce sont de grands rires heureux,
Quand la bande un instant par l'eau folle cernée
La voit fuir en laissant une blanche traînée" ****).

И пока эти дѣти щебечутъ, какъ птички, и прыгаютъ, дѣлая себѣ игрушку изъ набѣгающихъ волнъ, огромный сѣрый океанъ растетъ, наводняя свои берега. Сверху на него свѣшиваются облака, и его безконечность теряется въ темнотѣ. Но изъ его неизвѣданной глубины постоянно выходятъ шумныя волны, рожденныя изъ мрака. Онѣ вздымаются, затѣмъ вдругъ разсыпаются пѣной, покрывая своими клочьями гребни островов.

*) См. *M. Guyau*: „Esquisse d'une morale", p. 105.

**) Прелестное мѣстечко—„plage" для купанья около Біаррица.

***) „Поднявъ платьица въ водѣ до самыхъ колѣнъ, опьяненные свободой и свѣжимъ воздухомъ, эти мальчики и дѣвочки взяли Океанъ товарищемъ своихъ игръ". *Vers d'un philosophe,—La Pensée et la Nature*, p. 27.

****) „Счастливый, громкій смѣхъ раздается изъ той толпы, окруженной на мгновеніе бурною водой, когда они видятъ, что она утекаетъ, оставляя за собой бѣлую полосу". Ibid., p. 28.

„Pendant ce temps, au bord les enfants sur le sable
Jouaient, insoucieux du gouffre inépuisable,
Et, jetant un frais rire à son immensité
Ne voyaient que le bout de son flot argenté!
Moi, je les regardais:—Frêles êtres, que l'onde
Poursuit, et sur qui vient tout l'Océan qui gronde,
Enfants au court regard que nous vous ressemblons.
Comme vous, la Nature, aux horizons voilés
Dans les plus tournoyants de ses flots nous enlace
Pendant ce temps notre oeil s'amuse à sa surface.
Nous comptons ses couleurs changeantes aux regards;
Nous jouons à ces jeux que nous nommons nos arts,
Nos sciences,—croyant la Nature soumise
Lorsqu'en nos doigts demeure un peu d'écume prise“ *).

Антитеза человѣческой мысли и безучастія пророды, съ дѣтскими играми и бурнымъ, вѣчно обновляющимся океаномъ, проведена здѣсь высоко художественно и поэтично.

Никому не познать истиннаго значенія и глубины человѣческой мысли. Скользитъ ли она по дѣйствительности или познаетъ всю глубину ея, она тѣмъ не менѣе прекрасна и есть вѣнецъ всего мірозданія.

И Гюйо кончаетъ свое стихотвореніе хвалебнымъ словомъ этому высшему дару человѣческой природы.

«Эволюція безъ начала и безъ конца,—говоритъ по поводу этого стихотворенія Фулье,—въ которой мысль есть драгоцѣнный и рѣдкій феноменъ, диковинка тѣмъ болѣе эфемерная, чѣмъ больше она зависитъ отъ встрѣчи болѣе сложныхъ сочленепій и отъ перекрещиванія болѣе тонкихъ законовъ,—такова была концепція міра, которая мало-по-малу выростала въ умѣ Гюйо. Разумѣется, эта гипотеза оставалась всегда въ его глазахъ тѣмъ, чѣмъ она была и ничѣмъ больше, простою гипотезой, той, которая какъ будто передаетъ намъ все то, чему насъ учитъ о природѣ позитивная наука, не утверждая, что суть вещей ничего далѣе въ себѣ не заключаетъ» **).

IV.

Вторая книга *Vers d'un philosophe* озаглавлена *L'Amour.* Хотя въ ней есть вдохновенныя страницы, поэтическіе образы и оригинальныя мысли,

*) „Въ это время дѣти играли въ пескѣ на берегу, не задумываясь надъ неистощимой пучиной; бросая свѣжій смѣхъ ея безконечности, они замѣчали только кончикъ ея посеребреннаго потока . . . .
А я смотрѣлъ на нихъ: Хрупкія созданія, за которыми гонится волна и на которыя идетъ весь ревущій Океанъ, близорукія дѣти, до чего мы на васъ похожи. Какъ васъ, Природа, съ ея затуманенными горизонтами, обвиваетъ насъ своими вертящимися потоками и въ это время нашъ глазъ забавляется на ея поверхности. Мы перечисляемъ ея мѣняющіяся подъ взглядомъ краски; мы играемъ въ эти игры, называя ихъ нашими искусствами, науками,—считая Природу уже подчиненной, когда въ нашихъ пальцахъ остается немного пѣны“. *Vers d'un philosophe,—La Pensée et la Nature*, p. 29

**) См. *Fouillé*: „La Morale, l'Art et la Religion“, d'aprés Guyau, p. 13.

ее, все-таки, слѣдуетъ считать наименѣе сильнымъ родомъ творчества Гюйо. *Пѣсня любви* должна быть непремѣнно субъективнаго происхожденія, и въ ней ярче всего отражается темпераментъ поэта. Болѣзненный и физически слабый, Гюйо, разумѣется, не долженъ былъ бурно переживать моменты любви. Сумма симпатіи и чувства такъ широко разлита во всѣхъ его произведеніяхъ, онъ отдалъ столько силы своимъ идеямъ и твореніямъ, что на личную его жизнь осталось немного. Стихотворенія, сгруппированныя въ этомъ отдѣлѣ, или чисто созерцательнаго, или тихаго, мечтательнаго характера. Такъ въ стихотвореніи *Au reflet du Foyer* Гюйо рисуетъ очень симпатичное пониманіе супружеской любви.

Почему бы ему не быть справедливымъ? Оно утѣшило бы многихъ женщинъ въ ихъ «âge de retour», оно остановило бы многія глупости съ ихъ болѣзненными послѣдствіями.

На порогѣ дома, ярко освѣщеннаго огнемъ домашняго очага, Гюйо видитъ женщину, устремившую глаза вдаль, въ ожиданіи мужа. Она кажется ему восхитительно красивой, но, подойдя ближе, онъ замѣчаетъ:

Que ses traits étaient flétris par l'âge,
Il restait seulement sur son pale visage
Ce sceau que laisse encore en fuyant la beauté *).

Но лучи, окружавшіе ее золотымъ сіяніемъ, преображали ее въ его глазахъ.

Telle,—pensai-je alors, m'apparaît cette femme,
Telle à celui qui l'aime elle apparait toujours;
Sur elle il sent encore errer comme une flamme,
Le reflet immortel de leurs premiers amours;
Il regarde ses traits à travers sa pensée...
Après tout, la beauté n'est que dans l'oeil qui voit,
Et lorsqu'elle pâlit, c'est que l'amour décroit **)

Трогательную, поэтическую пѣсню любви поетъ Гюйо въ стихотвореніи *Près et loin.* Оно написано имъ въ Bello Squardo, близъ Флоренціи, въ 1879 году и дышетъ свѣжестью молодости и благоуханіемъ весны:

Quelle pensée ici m'amène
Encor ce soir?
Je sais bien que ma chatelaine
Est, porte close, en son manoir;

---

*) ... „что ея черты поблекли съ годами и что на ея блѣдномъ лицѣ оставалась только печать уже улетучившейся красоты“ *Vers d'un philosophe,—Au reflet du foyer,* p. 85.

**) „Такой, подумалъ я тогда, представляется мнѣ эта женщина, такой она кажется всегда тому, кто ее любитъ; онъ чувствуетъ, что на ней еще блуждаетъ, какъ огонь, безсмертное отраженіе первыхъ восторговъ ихъ любви; онъ смотритъ на ея черты сквозь собственную мысль. Въ концѣ-концовъ красота находится въ томъ глазу, который видитъ, и если она блѣднѣетъ, значитъ уменьшается сама любовь“. *Vers d'un philosophe,—Au reflet du foyer,* p. 86.

Je sais que je ne puis la voir.
Quelle pensée ici m'amène
Encor ce soir?

Она спитъ, можетъ быть, забывая мое сердце, которое рвется за ея сномъ, въ двухъ шагахъ, въ ночной тиши... Отчего, отчего я не могу, какъ въ былыя времена, разбудить ее серенадой.

Autrefois on chantait:—je t'aime—
A tous les vents...
Il faut que je garde en moi-même,
Que je taise comme un blasphème
Ces deux mots pourtant bien fervents.
Beaux jours où l'on chantait:—je t'aim
A tous les vents.

Тамъ по дорогѣ прошли влюбленные. Они вмѣстѣ, они счастливы. Я одинъ одинокъ и покинутъ...

Que nous sommes loin l'un de l'autre
Etant si près.
Mon coeur bat à côté du vôtre:
Jusqu'à vous en vain je voudrais
Enfler ses battements muets.
Que nous sommes loin l'un de l'autre,
Etant si près *)...

Тотъ же тихій, мечтательный характеръ носитъ стихотвореніе *Excursion aux environs de Florence*, хотя оно гораздо менѣе художественно и талантливо по формѣ.

Мечта, очевидно, была лучше дѣйствительности въ жизни Гюйо, по крайней мѣрѣ до его женитьбы, пока онъ писалъ эти стихотворенія. Въ *Poésie et Réalité* проходитъ это меланхолическое разочарованіе дѣйствительностью. Пылкое воображеніе рисуетъ образъ, украшаетъ его своими мечтами и поэтическими уборами. Но вотъ настаетъ дѣйствительность... Темпераментъ не пополняетъ иллюзію, не помогаетъ дальнѣйшему самообману, и чудный образъ улетучивается...

Je la vois sans la reconnaître,
Je la contemple avec effroi;

---

*) „Что за мысль привела меня еще сюда въ этотъ вечеръ? Я, вѣдь, знаю, что моя владѣтельница заперта въ своемъ замкѣ; я знаю, что не могу ее видѣть. Что за мысль привела меня еще сюда въ этотъ вечеръ? . . . .

„Въ былое время пѣли направо и налѣво: „Я люблю тебя",—а я долженъ затаить въ себѣ, заглушить, какъ святотатство, эти два въ сущности крайне набожныя слова. Чудные дни, когда пѣли: Я люблю тебя,— направо и налѣво. . . . .

„Какъ мы далеки другъ отъ друга, будучи такъ близки. Мое сердце бьется рядомъ съ вашимъ. Напрасно я желалъ бы расширить до васъ его нѣмое біеніе. Какъ далеки мы другъ отъ друга, будучи такъ близки"... *Vers d'un philosophe,—Près et loin*, p. 89.

Je ne puis plus faire renaître
La beauté qui n'etait qu'en moi *).

Въ идеалѣ любви Гюйо много этики. Человѣкъ высокаго развитія, широкой души, онъ не ограничиваетъ свои требованія къ женщинѣ банальнымъ идеаломъ, въ которомъ кротость, женственность и безсловесность, эта троица женскихъ аттрибутовъ, удовлетворяетъ даже самыхъ умныхъ мужчинъ, особенно во Франціи.

Разумѣется, это низменное воззрѣніе на женщинъ есть еще остатокъ вандализма, физической побѣды и порабощенія женщины ея притѣснителями, которыхъ она не сумѣла удержать въ своей власти въ былое время ей принадлежавшимъ, женскимъ, материнскимъ правомъ. Чуткій умомъ и душой, поклонникъ гармоніи, безъ которой не признавалъ красоты, Гюйо требовалъ отъ женщины совершенствъ положительныхъ, жизни осмысленной, ума такого же свѣтлаго, какъ ея очи...

Они красивы, эти прелестныя личики, говоритъ онъ въ своемъ стихотвореніи *Visages et Ames*, эти большіе глаза, эти круглыя, съ удовольствіемъ обнажающіяся плечи, но въ моемъ воспоминаніи это статуи, которыхъ не оживитъ никакой Пигмаліонъ.

Laissez là ces mines guindées
Qu'on sente en vous couler le sang!
Ayez pour les grandes idées
Un sein qui batte, jeune et franc.

И затѣмъ, обращаясь къ силѣ любви, поэтъ восклицаетъ:

„Pourras-tu remplir de mon âme
La femme qu'un jour j'aimerai?
Pourras tu mêler nos pensées
Comme tu mêleras nos corps,
Et les emporter enlacées
Dans l'ivresse des grands essors? **)

И далѣе:

O toi que j'aime et que j'ignore,
Vers qui mes vers vont s'égarant,
De toi je ne sais rien encore,
Mais je te demande un coeur grand

---

*) „Я смотрю на нее, не узнавая, я лицезрѣю ее съ ужасомъ; я не могу уже возродить ту красоту, которая была, очевидно, только во мнѣ самомъ". *Vers d'un philosophe,—Poésie et Réalité,* p. 103.

**) Бросьте же вы эти надутыя мины, чтобы чувствовалось, что въ васъ течетъ кровь! Имѣйте для великихъ идей сердце, которое бы билось, молодое и откровенное".

„Удастся ли тебѣ наполнить моей душой ту женщину, которую я полюблю однажды"?

„Удастся ли тебѣ перемѣшать наши мысли, какъ ты перемѣшаешь наши тѣла, и унести ихъ перелитыми въ опьяненіи великихъ полетовъ"? *Vers d'un philosophe,—Visages et Ames,* p. 107.

Un noble coeur auquel soit chère
Toute clarté venant d'en haut,
Droit comme un rayon de lumière,
Et comme lui vibrant et chaud" *).

Послѣднее стихотвореніе этой книги озаглавлено *Aile brisée*. Для того, кому извѣстна трагическая судьба юнаго философа, сознательно умиравшаго въ 33 года, оно преисполнено глубокой скорби и трогательнаго, сердце надрывающаго чувства...

... fuyez, mes chères pensées,
Mes rêves d'amour, mon passé pleurant,
Vous êtes aussi mes ailes brisées **).

V.

L'Art et le Monde первое стихотвореніе 3 отдѣла книги *Vers d'un philosophe*. Повторяя здѣсь мысль, такъ интересно развитую въ книгѣ *La Morale d'Epicure*, гдѣ онъ посвятилъ много страницъ вопросу, уничтожаетъ ли анализъ чувство, Гюйо даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно симпатичное описаніе южной природы, этого калейдоскопа красивыхъ, живописныхъ картинъ, въ ихъ непроизвольной, яркой красками и чувствомъ жизни. Онъ хочетъ весь сосредоточиться въ зрѣніи и прійти къ заключенію древнихъ, говорившихъ: «le monde est une fête».

Quel bonheur d'effleurer, de jouir sans descendre,
Au fond de son plaisir! dans la création
Qui sait si l'être heureux n'est pas le papillon.
Amant de la beauté sans pouvoir la comprendre ***).

Въ стихотвореніи *La Berceuse*, которое Гюйо писалъ подъ жгучимъ солнцемъ юга, въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ дней, когда человѣкъ доходитъ до экстаза передъ красотой природы и готовъ бы вернуться къ идолопоклонству, чтобы вылить избытокъ ощущеній и радости существованія, образъ поэта рисуется намъ въ самомъ воспріятіи описываемыхъ красотъ: чуткость, нѣжность натуры, ничего рѣзкаго, даже по силѣ чувства. Искусство—великая вещь, и Гюйо былъ глубоко проникнутъ этимъ величіемъ:

---

*) „О ты, которую я люблю и которую не вѣдаю, къ которой, теряясь, идутъ стихи мои, я еще ничего не знаю о тебѣ, но я прошу у тебя великаго сердца, благороднаго сердца, которому былъ бы дорогъ всякій проблескъ, исходящій сверху,—прямой, трепещущій и жаркій, какъ лучъ свѣта". *Vers d'un philosophe,—Visages Ames*, p. 108.

**) „... бѣгите, мои дорогія мысли, мечты любви, мое грустное прошлое, вы же—мои разбитыя крылья". *Vers d'un philosophe,—Aile brisée*, p. 116.

***) „Какое счастье касаться слегка, наслаждаться, не углубляясь въ самую су своего удовольствія! Кто знаетъ, не мотылекъ ли самое счастливое существо въ розданьѣ, поклонникъ красоты не понимая ея"? *Vers d'un philosophe,—L'Art et Monde*, p. 120.

„L'art seul peut ici-bas, ainsi que la mort même,
Nous prendre tout entiers, et donner à qui l'aime
Le sourire immortel de sa sérénité *).

Стихотвореніе *Sur les groupes de Michel-Ange* состоитъ изъ 4 частей. Это—высоко художественная вещь. Весь драматизмъ отчаянія утраченныхъ надеждъ, все безсиліе благородной души передъ звѣрствами людей и торжествующаго зла переданы здѣсь мощными штрихами, потрясающими нотами. Въ этомъ стихотвореніи Гюйо нарисовалъ цѣлую политическую эпоху, ожививъ ее человѣческими слезами, которыя неизбѣжно сопровождаютъ дѣйствія жестокости и деспотизма.

Путешествуя по Италіи, онъ идетъ въ соборъ St. Lorenzo во Флоренціи и вдохновляется мощнымъ мраморомъ гробницы Медичей. Вся исторія Флоренціи встаетъ въ его воображеніи. Онъ видитъ какъ папа Климентъ VII и Карлъ V ведутъ свои войска на свободный и счастливый городъ. Передъ его глазами проходятъ ужасныя картины казни, подъ плахой падаютъ наилучшіе граждане, республика уничтожается, и Александръ Медичи строитъ крѣпость выше самого города. Мощная фигура Микель-Анджело, защищавшаго городъ въ продолженіе 11 мѣсяцевъ, встаетъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Ему не даютъ умереть съ его единомышленниками. Его подвергаютъ болѣе мучительной казни, предпославъ физическому концу—казнь нравственную... Его заставляютъ доканчивать гробницу Медичей и оставаться свидѣтелемъ всѣхъ звѣрствъ его враговъ, всего отчаянія окружающихъ друзей.

И Микель-Анджело, этотъ колоссъ, этотъ геніальный художникъ выливаетъ всю міровую скорбь въ своихъ твореніяхъ, изваиваетъ «Аврору» **), которая не хочетъ проснуться, по словамъ Гюйо, не хочетъ вѣрить, что мракъ разсѣялся, не хочетъ освѣтить этотъ городъ, утонувшій въ крови, эти жертвы, этихъ палачей...

„Crois tu, dis, que je songe aux campagnes vermeilles
Au flot pur des ruisseaux, aux grands monts innocents
Lorsque d'en bas j'entends monter à mes oreilles
L'appel désespéré des justes impuissants?"

Въ ужасѣ, она блѣднѣетъ и чувствуетъ, какъ погибаетъ ея красота, когда погибаетъ правда.

---

*) „Здѣсь на землѣ только искусство можетъ захватить насъ цѣликомъ, какъ сама смерть, и дать тому, кто его любитъ, безсмертную улыбку своей безмятежности". *Vers d'un philosophe,—La Berceuse*, p. 124.

**) „Les souffrances fécondes sont accompagnées d'une jouissance ineffable; elles ressemblent à ces sanglots qui, rendus par la musique d'un maître, deviennent harmonie. Souffrir et produire, c'est sentir en soi une puissance nouvelle éveillée par la douleur; on est comme l'Aurore sculptée par Michel-Ange, qui, ouvrant ses yeux en pleurs, ne semble voir la lumière qu'à travers ses larmes: oui, mais cette lumière des tristes jours est encore la lumière, elle vaut la peine d'être regardée". См. *M. Guyau*: „Esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction", p. 242.

„O mes rayons de flamme, o ma chaste clarté
Quand penétrerez vous les hommes jusqu'aux âmes.
Ainsi que vous chassez de tous les coeurs infâmes
La honte qui s'y plaît, le crime glorieux!
Comment, en l'éclairant purifier la terre?
Mais non, quand mon rayon comme un trait poursuit
Le crime triomphant s'étale à ma lumière...
Oh! de l'ombre, de l'ombre! Oh! viens profonde nuit“ *).

Второй нумеръ этого произведенія—*Le Crépuscule* дальнѣйшее развитіе той же мысли. Онъ напрасно боролся и страдалъ, онъ уничтоженъ, онъ изнемогаетъ, а ночь спускается ему на грудь. Онъ разбитъ, но не побѣжденъ, и удивляется, что правда обманула его.

„Il voudrait oublier, il ne peut; ses pensées
Vont s'abimant au loin dans les horreurs passées
Quand l'espoir meurt, il reste, helas, le souvenir“ **).

Что можетъ быть прекраснѣе этого послѣдняго стиха! Какое художественное выраженіе самаго сокровеннаго страданія, какая міровая скорбь и отчаяніе въ этихъ немногихъ словахъ!

„Quand l'espoir meurt, il reste, hélas, le souvenir!“

Лучше сонъ, вѣчный безпробудный сонъ...

Гюйо перевелъ строфу самого Микель-Анджело, и она составляетъ 3-ю часть этой поэмы (La Nuit):

„Il m'est doux de dormir, plus doux d'être de pierre,
Tant que dure ici bas l'approbre et la misère;
Ne rien voir, ni sentir, quel bonheur! Parle bas,
Oh! ne m'eveille pas!“ ***)

Но, наконецъ, явился день (Le Jour). Подавляющій свѣтъ, яркое солнце, громовой и мстительный день насталъ надъ землей. Гуркулесъ освободитель поднялся во всемъ великолѣпіи; испуганныя чудовища согнулись подъ его рукой...

---

*) „Скажи, неужели ты думаешь, что я мечтаю о яркихъ поляхъ, о чистыхъ потокахъ ручьевъ, о громадныхъ, невинныхъ высотахъ, когда я слышу, какъ снизу подымается къ моимъ ушамъ отчаянный призывъ безпомощныхъ праведниковъ?... О, мои огненные лучи, о, мой чистый свѣтъ, когда проникните вы людей до ихъ души? Также, какъ вы гоните изъ всѣхъ опозоренныхъ сердецъ живущій въ нихъ стыдъ и горделивое преступленіе! Какъ освѣжить его, очистить землю? Но нѣтъ, когда мой лучъ гонится за торжествующимъ преступленіемъ, онъ выставляетъ его при свѣтѣ... О! тѣни, тѣни! О! приди глубокая ночь“. *Vers d'un philosophe, Au Tombeau des Medi*[illegible] p. 128.

**) „Онъ желалъ бы забыть, онъ не можетъ; его мысли углубляются далеко, [illegible] прошедшіе ужасы. Когда умираетъ надежда, остается еще, увы! воспоминаніе“. *V*[illegible] *d'un philosophe, Au Tombeau des Medicis* (Le Crépuscule), p. 130.

***) „Мнѣ сладко спать, слаще быть каменной, пока здѣсь на землѣ продолжает[illegible] позоръ и несчастье; ничего не видѣть, не чувствовать, что за счастье! Говори ти[illegible] о! не буди меня“. *Vers d'un philosophe, Au Tombeau des Medicis* (La Nuit), p. 1[illegible]

„— Debout, peuples, c'est l'avenir
Le jour de la délivrance éclatant dans la vue!
Vous mêmes, ô vaincus, vous l'avez fait surgir
Votre indignation, courant comme la flamme,
Embrase enfin le ciel avec nous revolté;
Dans ce jour qui parait passe et rêvit notre âme,
Et de votre héroisme est faite sa clarté" *).

Это четверостишіе полно такими сильными нотами, въ послѣднемъ стихѣ столько вызова и воодушевленнаго возбужденія, что почти не узнаешь всепримиряющаго поэта.

Міровая скорбь довела философа до отчаянія и вдохнула ему всю силу своей угрожающей мощи. Впрочемъ, это и есть единственная въ этомъ родѣ вещь у Гюйо: *La Berceuse*, также какъ *L'Art et le Monde* и *Le mal du poète* могутъ назваться эпилогомъ психологіи поэта. Любовь природы, страстное желаніе ее воспринять и отразить, стремленіе такъ сильно безпокоющее дѣятельные умы и художественныя натуры, было удвоено въ Гюйо, какъ въ поэтѣ и философѣ.

„Je sens trop pour le dire et pourtant le silence
M'appresse comme un poids et je me laisse aller
A suivre ces doux vers que j'entends m'appeler
Et dont vibre à mon coeur l'indécise cadense" **).

Или еще:

„Lorsque je vois le beau, je voudrais être deux".

А чудныя строки, которыя повторитъ съ поэтомъ не одинъ любитель природы и художникъ въ душѣ:

L'homme devant le beau se prend à soupirer,
Sur son coeur trop étroit descend une tristesse
Les hauts plaisirs sont ceux qui font presque pleurer" ***).

Mes vers d'hier soir—послѣднее стихотвореніе этого отдѣла—хорошо рисуетъ преходящее настроеніе и чувство. Не только другой, но самъ поэтъ, перечитывая свое произведеніе въ другомъ настроеніи, не узнаетъ его, остается холоднымъ къ тому, что такъ волновало его вчера... Поэтъ боится, какъ тѣ, которымъ еще дальше его поэзія,—читатели, какъ отне-

---

*) „Вставайте, народы, вотъ будущность, вотъ среди облаковъ блестящій день освобожденья! Вы сами, о побѣжденные, вы произвели его, ваше негодованіе, перебѣгая, какъ огонь, воспламенило, наконецъ, возмущенныя съ вами небеса; въ этомъ появляющемся днѣ проходитъ и возрождается ваша душа и его блескъ сотканъ изъ вашего геройства". *Vers d'un philosophe, Au Tombeau des Medicis*, (Le faus) p. 143.

**) „Я слишкомъ много чувствую, чтобы выразить, и тѣмъ не менѣе молчаніе удручаетъ меня, и я отдаюсь этимъ сладкимъ стихамъ, которые призываютъ меня и неопредѣленный размѣръ которыхъ трепещетъ въ моемъ сердцѣ". *Vers d'un philosophe, Le mal du poète*, p. 138.

***) „Когда я вижу красоту, я хотѣлъ бы удвоиться.

Передъ красотой человѣкъ начинаетъ вздыхать, на его слишкомъ узкое сердце спускается печаль. Высокія удовольствія тѣ, которыя заставляютъ почти плакать". *Vers d'un philosophe, Le mal du poète*, p. 138.

сутся онн къ его стихамъ, преисполненнымъ его души. Тяжело должно быть чувство сомнѣнія въ читателѣ... Поэтъ обнажилъ свою душу всему міру, онъ высказалъ сокровенныя свои мысли и чувства... и вдругъ это чувство осталась непонятымъ, мимо его изстрадавшейся души прошли равнодушно, не сумѣвъ даже заглянуть въ нее.

Но пусть успокоится Гюйо. Никто изъ тѣхъ, кто способенъ чувствовать и понимать, не пройдетъ мимо его души, не воспринявъ ея частицу, не пріобщившись ею для болѣе сознательной, болѣе примиренной жизни...

VI.

Livre quatrième *La Nature et l'Humanité* состоитъ главнымъ образомъ, какъ показываетъ само названіе, изъ стихотвореній, внушенныхъ мыслями о природѣ и ея красотами. Гюйо проявляетъ здѣсь свой описательный талантъ и даетъ намъ характеристики разныхъ типическихъ по странамъ пейзажей. То изъ-подъ его пера выливаются чудныя воды Средиземнаго моря съ его украшеннымъ флеръ-д'оранжемъ берегомъ и стаей бѣлыхъ птицъ, улетающихъ въ далекое пространство, чудное, голубое море, которое поэтъ привѣтствуетъ стихомъ:

„Enfin je te revois: salut mer au flot pur,
Souriant au soleil, dangéreuse et charmante,
Ma préférée, ô toi, qui sais rester d'azur
Même dans la tourmente!“ *).

То онъ описываетъ пейзажъ d'Auvergne (Paysage d'Auvergne) то чудный, лунный свѣтъ въ Ниццѣ. Точильщикъ въ Равеннѣ (Le Remouleur), не знающій благодарности маленькій нищій въ Римѣ (Reconnaissance), источникъ въ Fiésole близъ Флоренціи (La Source)—наводятъ Гюйо на цѣлыя картины, въ которыхъ мысли философа переплетаются съ поэтическими описаніями. Гюйо обладалъ тѣмъ большимъ талантомъ и огромнымъ качествомъ для поэта наводить читателя на то или другое чувство или мысль. Онъ не рисуетъ реальныхъ ужасовъ войны, напримѣръ, какъ Зола и Верещагинъ, и можетъ быть, его вдохновенное слово не достаточно рѣзко, чтобы впечатлить le grand public, это сборище людей, требующихъ сильныхъ красокъ, грубыхъ картинъ, людей, непривыкшихъ отвлеченно мыслить и развивать самимъ извѣстную идею. Но людямъ другихъ привычекъ, у которыхъ мысль не требуетъ иллюстрацій, у которыхъ отвращеніе къ войнѣ есть уже чувство и выработало извѣстное физіологическое состояніе, совершенно достаточно строкъ:

Voici déjà dix ans! Oh! vous rappelez-vous
Ces brumeux jours d'hiver, ces longs jours de souffrance

*) „Наконецъ я снова вижу тебя; привѣтъ тебѣ, море чистыхъ приливовъ, улыбающееся на солнцѣ, опасное и очаровательное, мое излюбленное, о ты, лазурное, даже въ своихъ мученіяхъ!“ *Vers d'un philosophe, La Mediterranée*, p. 157.

Où semblait sans espoir sombrer autour de nous
Tout ce que nous aimions—la justice et la France?

И далѣе:

„Longtemps reste en nos coeurs aux guerres survivants
La haine: l'injustice appelle l'injustice;
Triste fécondité, le mal produit le mal
Quel siècle mettra fin à ce cycle fatal?" *).

Поэтъ кончаетъ благословеніемъ того великаго народа, который прекратитъ войну.

„Je t'aime, toi, sur qui notre avenir repose,
Qui pour dévise aurais: justice et liberté,
Car tu portes en toi, peuple, l'Humanité!" **).

Развѣ эти строки не будятъ въ насъ чувства, развѣ онѣ не наталкиваютъ насъ на стремленіе что-нибудь сдѣлать, чтобы прикончить съ этимъ страшнымъ кошмаромъ, въ которомъ мы живемъ, привыкая и къ газетнымъ передовымъ статьямъ, и къ ежедневно увеличивающемуся вооруженію, и къ европейскимъ союзамъ, какъ къ чему-то естественному, стихійному, какъ громъ и молнія, ураганъ и саранча? Но, вѣдь, то исходитъ не отъ насъ, людей! И развѣ мы не стараемся уменьшить своей опасности, развѣ не строимъ мы громоотводовъ, развѣ не слѣдимъ за атмосферическими явленіями, развѣ не пишемъ статей о борьбѣ съ саранчей? Да, съ одной стороны, мы силимся уничтожить все стихійное зло, а сами раждаемъ и растимъ сыновей, чтобы въ одинъ прекрасный день послать ихъ подъ бездымный порохъ, на еще болѣе звѣрское, никому ненужное убійство, чѣмъ бойня быковъ, возмущающая вегетаріанцевъ. Лига мира, журналъ *Die Waffen nieder*, романъ Берты фонъ-Зуттнеръ, стихотворенія Некрасова—все дѣтскія бредни, по словамъ многихъ, никогда не осуществимый идеалъ... Да? Но къ чему же мы придемъ упрямые, злые люди, способные заплакать и понять только тогда, когда потеряютъ *своего* сына, *своего* мужа или отца? О Боже! Это страшный, дикій сонъ, отъ котораго силишься проснуться... Какой народъ разбудитъ насъ?...

„...tu portes en toi, peuple, l'Humanité!"

Точно такимъ же намекомъ, картиной—Гюйо затрогиваетъ и соціальныя идеи, приводя читателя въ извѣстное настроеніе, гораздо больше говорящее

*) „Вотъ уже десять лѣтъ! О! помните ли эти облачные, зимніе долгіе дни страданія, когда казалось, что все, что мы любили—справедливость и Франція, все безнадежно тонуло вокругъ насъ.

Въ нашихъ сердцахъ ненависть надолго переживаетъ войны: несправедливость вызываетъ несправедливость: грустная плодовитость, зло родитъ зло, какое столѣтіе положитъ конецъ этому фатальному циклу?" *Vers d'un philosophe, La Guerre*, p. 176.

**) „Я люблю тебя, тебя, на которомъ зиждется наше будущее, тебя, девизъ котораго будетъ: справедливость и свобода, потому что, ты народъ, носишь въ себѣ человѣчество".—*Vers d'un philosophe,—La Guerre*, p. 177.

многихъ трактатовъ и статей. Въ стихотвореніи *Le Luxe* *) Гюйо рисуетъ образъ праздной красавицы, съ дѣтскою радостью любующейся драгоцѣнными подарками своего любовника и надѣвающей жемчужное ожерелье. Налюбовавшись въ зеркало, она засыпаетъ и видитъ странный сонъ:

„Leurs doigts meurtris avaient déterré quelquechose
Et c'était le saphir dans ses cheveux riants...
Puis, tout changea: la mer sous un ciel clair et rose
Roulait ses flots tout pleins du soleil d'Orient.

Un homme se pancha sur les eaux purfurines:
La mer tremblait profonde; il y plongea d'un bond,
Quand on le retira, le sang de ses narines
Jaillissait; dans l'air pur il râlait, moribond.

Alors elle aperçut en ses deux mains pendantes
Les perles du collier qui sur son cou flottaient.
Puis, tout se confondit, les flots aux voix grondantes
Et les râles humains qui vers le ciel montaient" **).

Изъ чисто-философскихъ стихотвореній этого отдѣла слѣдуетъ упомянуть *Spinosa*, *L'Analyse spectrale*, *Genitrix Hominum que deumque* и *L'Agave aloès*.

„On ne peut plus haïr l'être qu'on a compris" ***).

начинаетъ Гюйо стихотвореніе, озаглавленное *Spinoza*: La haine et l'amour и тѣмъ повторяя мысль m-me de Staël, говорившую въ свое время: «Tout comprendre, c'est tout pardonner».

«Мы находимъ здѣсь въ формѣ поэзіи, — говоритъ Фулье по поводу этого стихотворенія,—одну изъ самыхъ существенныхъ теорій, развитыхъ

---

*) „Avec le temps le travail deviendra de plus en plus nécessaire pour l'homme. Or, le travail est le phénomène à la fois économique et moral où se concilient le mieux l'égoisme et l'altruisme. Travailler, c'est produire, et produire, c'est être à la fois utile à soi et aux autres. Le travail ne peut devenir dangereux que par son accumulation sous la forme de capital; alors il peut prendre un caractère franchement égoiste, et, en vertu d'une contradiction intime, aboutir à la propre suppression par l'oisiveté même qu'il permet. Mais, sous la forme vive, le travail est toujours bon. C'est aux lois sociales d'empêcher les résultats mauvais de l'accumulation du travail, excès d'oisiveté pour soi et excès de pouvoir sur autrui, — comme on veille à isoler les piles trop puissantes". См. *M. Guyau*: „Esquisse d'une morale", p. 22.

**) „Ихъ помертвѣлые пальцы что-то откопали и это былъ сафиръ въ свѣтлыхъ волосахъ... Затѣмъ все измѣнилось: подъ яснымъ, розовымъ небомъ море катило свои потоки, залитые восточнымъ солнцемъ.

„Человѣкъ наклонился надъ водой: глубокое море дрожало, онъ сразу въ него бросился, и когда его оттуда вынули, кровь лила изъ его ноздрей и, умирающій, он хрипѣлъ на чистомъ воздухѣ.

„Тогда она замѣтила жемчуга своего ожерелья, обвивавшаго ея шею, въ двухъ его повисшихъ рукахъ. Затѣмъ все спуталось, потоки съ ихъ ревучими голосами и человѣческіе хрипы, подымавшіеся къ небу. *Vers d'un philosophe,—Le Luxe*, p. 19

***) „Нельзя ненавидѣть существо, которое стало понятнымъ". *Vers d'un philosophe,—Spinoza*, p. 193.

въ книгѣ *La Morale anglaise contemporaine*, растлѣвающее дѣйствіе размышленія на непосредственные инстинкты сердца. Что бы произошло, если все человѣчество принялось бы обсуждать свои чувства, анализировать любовь, которой оно живетъ, какъ оно анализировало пищу, которой оно питается? Во всякомъ инстинктѣ, во всякомъ чувствѣ есть несомнѣнно частица правды, которая удержалась бы при такомъ анализѣ, но есть несомнѣнно частица иллюзіи, которая пропала бы,—а иллюзія подчасъ такъ же плодовита, какъ сама правда» *).

Дѣйствительно, что останется отъ такого результата нашего мышленія? Можетъ ли любить тотъ, кто не можетъ ненавидить?

„Celui qui comprend tout et n'accuse personne,
Celui qui hait point, poura-t-il aimer?
L'amour comme la haine échappe à qui raisonne
L'amour craint la clarté pour que le coeur se donne,
Qui sait si l'oeil d'abord ne doit pas se fermer" **).

Но до того, чтобы такое пониманіе сдѣлалось общимъ, еще очень далеко... Къ тому времени жизнь и психологія выработаютъ другія формы, другіе пути.

Поэтъ обращается къ природѣ, безучастіе которой онъ нарисовалъ намъ въ стихотвореніи *Genetrix* и говоритъ:

„L'éternité n'a donc aboutit qu'à ce monde
La vaut-il? valons nous, hommes, un tel effort?
Est-ce en nous que l'espoir de l'univers se fonde?...
Je pense mais je souffre: en suis-je donc plus fort?"

Мысль настолько же мучительна, насколько она—выраженіе свѣта. И куда ни обращается она, все то же встаетъ передъ ея взоромъ, ничего новаго, къ чему она могла бы воззвать:

„Oh! si notre pensée était assez féconde,
Elle qui voit le mieux pour le réaliser;
Si les rêves germaient! oh! si dans ce lourd monde
Son aile au vol léger pouvait un peu peser" ***)!

Послѣднее стихотвореніе *Vers d'un philosophe* озаглавлено: *Agave-aloès*. Гюйо поэтично описываетъ въ немъ это странное растеніе, ютящееся на камняхъ и скалахъ, суровое и строгое своею крѣпкою листвой до тѣхъ поръ, пока вдругъ, изъ самаго сердца, не выростаетъ стебель, которому поэтъ уподобляетъ человѣческую мысль:

---

*) См. *A. Fouillée*: „La Morale, l'Art et la Religion" d'après Guyau, p. 65.

**) „Тотъ, кто все понимаетъ и никого не обвиняетъ,—тотъ, кто ничего не ненавидитъ, можетъ ли онъ любить? Любовь, какъ ненависть, ускользаетъ отъ того, кто разсуждаетъ, любовь боится свѣта, чтобъ отдаться сердцу, не должны ли сперва закрыться глаза?" *Vers d'un philosophe,—Spinoza*, p. 194.

***) „О, еслибы наша мысль была достаточно плодовита, она, которая видитъ лучше всего, чтобъ осуществлять, еслибы мечты произростали! О, еслибы въ этомъ тяжеловѣсномъ мірѣ ея легкое по полету крыло могло бы немного вѣсить?" *Vers d'un philosophe,—L'Analyse Spectrale*, p. 199.

„Tige puissante qui s'élance
Telle qu'un arbre droit dans l'air
Et qui joyeuse se balance
A la folle brise de mer
; alors la plante
L'oeuvre achevée meurt sur le sol
Elle vivait immobile,
Rassemblant toute sa vigueur
Que pour voir,—sublime et fragile,—
Cette fleur monter de son coeur.
Humanité—plante fixé
Depuis longtemps au sol nu
Mais où dort la vague pensée
Le rêve d'un ciel inconnu“ *).

Этотъ вопросъ, обращенный къ судьбѣ человѣческой мысли, преисполненъ тихой надежды на ея торжество, хотя нота сомнѣнія окрашиваетъ и это заключительное слово поэта.

«Такъ заканчивается и его философія. *Doute métaphisique—espérance morale*—вотъ девизъ поэзіи и философіи Гюйо:

„Ce qui fait la grandeur de notre pâle terre
Globe éteint, au hasard dans les cieux emporté,
C'est qu'elle est le seul coin aù l'on espère“ **).

Закончивъ *Vers d'un philosophe*, Гюйо больше не печаталъ стиховъ. Послѣ его смерти было найдено еще одно стихотвореніе *La mort de la Cigale*, подъ которымъ курсивомъ было отмѣчено: *Derniers vers d'un philosophe*. Меланхолическое сознаніе своей близкой кончины, сознательное умираніе въ 33 года, чувствуется въ каждомъ словѣ этой трогательной, предсмертной пѣсни поэта:

„Sous la bise naguère encore
Elle chantait au point du jour
Elle prenait la froide aurore
Pour le printemps à son retour.
Le printemps!... L'insècte poète
Ne voit pas les bluets deux fois
Dans la grande plaine muette
Comme un vain bruit mourut sa voix,

*) „Могучій стебель, подобный тонкоствольному дереву, быстро растущему въ вышину и радостно покачивающемуся отъ морского вѣтерка . . . . тогда растеніе,—законченное произведеніе,—умираетъ на землѣ.

„Оно жило, неподвижное, собирая всю свою мощь, чтобы видѣть, какъ этотъ божественный и хрупкій цвѣтокъ подымется изъ его сердца.

„Человѣчество—растеніе давно прикрѣпленное къ голой землѣ; но въ немъ спитъ неопредѣленная мысль — мечта невѣдомыхъ небесъ“. *Vers d'un philosophe,—L'agave-aloès*, p. 202.

**) „Величіе нашей блѣдной земли, этого погаснувшаго шара, случайно унесеннаго небесами, состоитъ въ томъ, что она тамъ единственный уголокъ, гдѣ надѣются“. *Vers d'un philosophe,—Illusion féconde*, p. 18.

Les blondes ailes se ternirent
Pendantes; puis, le soir venu
Les trois yeux perçants s'éteignirent
Elle tomba sur le sol nu.

Dans mon chemin la voilà morte,
Celle qui chanta tout l'été;
Et brin par brin, le vent emporte
Son pauvre coeur déchiqueté" *).

VII.

Познакомивъ читателей съ «поэзіей» Гюйо, я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ отношеніи къ ней, которое высказалъ самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ *Vers d'un philosophe*. По мнѣнію Гюйо въ поэзіи двѣ школы: одна требуетъ правдивой мысли, искренности чувства, естественности выраженія, всего того, что въ суммѣ вмѣсто *автора* даетъ намъ *человѣка*: для этой школы немыслима поэзія безъ идеи или чувства, которыя не были бы дѣйствительно передуманы и прочувствованы. Для другой школы, наоборотъ, правдивость, содержаніе, значеніе идеи занимаетъ въ поэзіи второстепенное мѣсто, такъ какъ, по ея мнѣнію, блестящая ткань ея фикціи ничего не имѣетъ общаго ни съ философіей, ни съ наукой: это— игра воображенія и слога, это — восхитительная фантазія, которою никто не долженъ обманываться, даже самъ поэтъ.

Экспозиція этихъ школъ или теченій напоминаетъ старый споръ приверженцевъ «искусства для искусства» и ихъ противниковъ. Перенесенный спеціально въ область «поэзіи», онъ, мнѣ кажется, легче разрѣшимъ, чѣмъ въ какой-либо другой области искусства; дѣйствительно, главный элементъ музыки—звукъ, живописи—краска, скульптуры—форма. Неужели же главный элементъ поэзіи — риѳма? И возможно ли колебаться въ вопросѣ: отдавать ли предпочтеніе «мысли» передъ «безсмыслицей», «правдѣ» передъ «фикціи», «искренности» передъ «искусственностью?» Дѣйствительно, культъ «формы» во что бы то ни стало, игнорированіе «идей» — мысли, должно было въ своемъ апогеѣ породить литературу неуравновѣшенности, символизма и декаденства. Но хотя декаденты, къ сожалѣнію, не единичны въ поэзіи, хотя не мало писателей, болѣзненное воображеніе которыхъ способно видѣть всю суть въ «словѣ», какъ бы оно ни было безсмысленно, на нихъ нельзя смотрѣть какъ на серьезное литературное явленіе. Ихъ без-

*) „Еще недавно, зимой, она пѣла на разцвѣтѣ, она принимала холодную зарю за возвращающуюся весну.

„Весна!... Поэту-букашкѣ не увидѣть двухъ разъ васильковъ въ большомъ, безмолвномъ пространствѣ, какъ тщетный шумъ умолкъ ея голосъ.

„Свѣтлыя крылья потускнѣли и повисли; затѣмъ, при наступившемъ вечерѣ ея три пронзительные глаза погасли, и она упала на голую землю.

„Вотъ она, мертвая, на моемъ пути, та, которая пѣла все лѣто, и вѣтеръ уноситъ кусочекъ за кусочкомъ ея бѣдное, искромсаное сердце".

жизненный идеалъ обреченъ на смерть уже въ силу своей искусственности. То, что далеко отъ жизни, должно неминуемо погибнуть и есть большею частью выраженіе только временнаго состоянія, часто болѣзненнаго. Такъ нельзя, напримѣръ, отрицать вполнѣ, что декаденты выражаютъ собой, до нѣкоторой степени, неудовлетворенность, что ихъ безплодныя потуги къ чему-то иному показываютъ, насколько они недовольны тѣмъ, что даетъ пошлость настоящаго, но ихъ неудовлетворенность безсознательна, а потому ея результатомъ являются произведенія полнаго безсилія, произведенія атрофированныя еще до момента своего рожденія.

Интересно сравненіе, которое Гюйо проводитъ между извѣстнымъ родомъ старости и декадентства:

«Выдающаяся черта старости, съ біологической точки зрѣнія, — говоритъ онъ, — упадокъ жизненной дѣятельности, который происходитъ отъ замедленія обмѣна и кровообращенія. Эта уменьшенность дѣятельности имѣетъ сама по себѣ первымъ выраженіемъ—безсиліе и безплодіе. Вотъ это-то безсиліе мы и находимъ съ точки зрѣнія интеллектуальной въ эпохи декадентства. Какой-нибудь Lilius Stalicus, Stace, Frontan по-истинѣ безсильны; усердствуя, ничего не производя, они не способны ни на какую выдумку, ни на какое личное творчество.

Ослабленіе дѣятельности и умственныхъ способностей у нѣкоторыхъ стариковъ часто соотвѣтствуетъ увеличенію силы привычекъ, готовыхъ формулъ, въ которыя заключается жизнь. Говорятъ же: «маніакъ, какъ старая дѣва»; у старика жизнь обыкновенно урегулирована, основанія всегда однѣхъ и тѣхъ же мыслей, по которымъ онъ живетъ, обыденныя движенія, свойственныя ему выраженія. Сторона автоматизма, однимъ словомъ, у него увеличилась; это было неизбѣжно, вслѣдствіе самаго жизненнаго упражненія, и безъ того, чтобъ оно вознаградилось увеличеніемъ внутренней энергіи. То же явленіе происходитъ въ обществахъ, находящихся въ упадкѣ и у ихъ писателей; эти послѣдніе — автоматы, неопредѣленно, безъ устали повторяющіе готовыя изреченія, фабрикующіе поэмы и трагедіи при помощи памяти, сонеты на готовыя формулы и неспособные думать иначе, какъ заученными строфами. Слово и фраза у нихъ приходятъ раньше мысли, они тщательно отдѣлываютъ его, какъ старцы прошлаго вѣка, съ любовью округлявшіе свои красивые поклоны; но не просите у нихъ нововведеній, ихъ новизна будетъ неуклюжа, отрывочна и причудлива *).

Свою главу о литературѣ декадентовъ Гюйо заканчиваетъ такъ: «Въ концѣ концовъ жизненное разложеніе составляетъ общій характеръ упадка въ обществѣ и въ искусствѣ. Характеристикой литературы декадентовъ, такъ же, какъ литературы неуравновѣшанныхъ, служитъ преобладаніе инстинктовъ которые направлены къ разложенію самаго общества и можно имѣть право ее судить во имя законовъ индивидуальной или собирательной жизни» **)

*) *M. Guyau*: „L'Art au point de vue sociologique", p. 355.

**) *M. Guyau*: „L'Art au point de vue sociologique", p. 377.

Возвращаясь отъ этого невольнаго отступленія къ изложенію предисловія *Vers d'un philosophe* самое лучшее будетъ привести слова самого Гюйо, такъ краснорѣчиво защищающаго права мысли въ поэзіи, и этимъ самымъ возводящаго ее на новую высоту, гдѣ она, конечно, сумѣетъ удержаться, несмотря на то, что проза съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ большее и большее значеніе:

«Мы не можемъ допустить эту вторую теорію, которая отнимаетъ, намъ кажется, у искусства всю его серьезность,—говоритъ Гюйо.—Наоборотъ, мы думаемъ, что единственный способъ сохранить поэзіи ея должное значеніе передъ лицемъ науки—это искать въ ней *правды*, какъ въ самой наукѣ, только подъ другою формой и другими путями. Если справедливо говорили, что поэзія часто правдивѣе исторіи, не можетъ ли она также подчасъ быть философичнѣе, чѣмъ сама философія?

«Намъ возразятъ, что отвлеченныя умозрѣнія философіи и современной науки не подходятъ къ стихотворному языку. Мы отвѣтимъ, что отчасти и философія затрогиваетъ то, что есть самаго конкретнаго, самаго воодушевляющаго въ мірѣ, такъ какъ она ставитъ себѣ задачей наше собственное существованіе и нашу участь. Философскій языкъ выходитъ изъ области стиха только тогда, когда онъ дѣлается дидактическимъ и техническимъ, но вотъ именно тогда, можетъ быть, онъ и теряетъ болѣе, чѣмъ выигрываетъ: самый глубокій смыслъ заключается часто въ самыхъ простыхъ словахъ, и поэтъ можетъ ими пользоваться наравнѣ съ прозаикомъ. Далеко не исключая чувства, философская мысль всегда его обнимаетъ: когда дѣло идетъ о великихъ задачахъ человѣческой судьбы, то всякій изъ насъ также думаетъ своимъ сердцемъ, какъ своимъ мозгомъ».

«... То искреннее и сдержанное воодушевленіе, которое всегда сопровождаетъ философскую мысль,—говоритъ далѣе Гюйо,—вдохновило нашъ томикъ стиховъ! Ошиблись ли мы? Существуетъ ли нѣчто болѣе сильное, чѣмъ правда и искренность? Или, можетъ быть, несмотря на все наше желаніе, намъ не удалось достичь ни того, ни другого? Одинъ читатель способенъ объ этомъ судить» *).

Читатель, каково же будетъ твое мнѣніе? Смѣю думать, что большинство будетъ на сторонѣ Гюйо. Время расплывчатыхъ идей, ходульныхъ фразъ, сверхъестественныхъ образовъ, несмотря на послѣднія предсмертныя потуги ихъ приверженцевъ, прошло безвозвратно: наука, царица правды и жизни, сдѣлала слишкомъ большіе шаги не только впередъ, но и въ ширину.

Софія Кавосъ-Дехтерева.

---

*) *M. Guyau*: „Vers d'un philosop Préface, p. II.

Вопросъ о размѣрахъ крестьянской собственности до революціи и о томъ, въ чьи руки перешла масса конфискованныхъ у церкви земель.

Г. Лучицкій ставитъ въ вину всѣмъ тѣмъ, кто раньше его касался вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи и о вліяніи, какое секуляризація церковной собственности имѣла на расширеніе его района «отсутствіе тщательнаго, подробнаго изученія... и это когда для рѣшенія имѣются вполнѣ точныя данныя—цифры, говорящія или могущія говорить сами за себя» (первый отчетъ о командировкѣ за границу, страница первая и вторая).

Вина всѣхъ его предшественниковъ въ томъ, что они не обратились къ единственно возможному въ такихъ вопросахъ методу—«методу статистическому», нѣтъ, ошибаюсь, «историко-статистическому». Г. Лучицкому мало вывода среднихъ цифръ (вѣдь въ чемъ, какъ не въ этомъ состоитъ задача статистики?) для землевладѣнія французскихъ крестьянъ до и послѣ секуляризаціи духовныхъ имуществъ, онъ хочетъ еще выводомъ такихъ же среднихъ цифръ для предшествующихъ эпохъ показать постепенный ростъ крестьянскаго землевладѣнія въ теченіе всего XVIII вѣка. Сколько прекрасныхъ намѣреній, сколько заманчивыхъ обѣщаній!

Посмотримъ теперь, что изъ всего этого выполнено и въ какой мѣрѣ методъ, какого придерживается г. Лучицкій, заслуживаетъ названіе статистическаго, да еще съ прибавкой «историко». Во Франціи 1789 года, какъ извѣстно, создано было 83 департамента и насчитывалось 42,800 приходовъ. Статистическія выкладки г. Лучицкаго касаются четырехъ департаментовъ и нѣсколькихъ сотенъ приходовъ. Какая, спрашивается, возможность говорить о выводѣ среднихъ цифръ, серьезно толковать о примѣненіи статистическаго метода? Но если выводы г. Лучицкаго не имѣютъ никакого значенія для всей Франціи, то, можетъ быть, они даютъ право установленія среднихъ цифръ для тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ произведено самое изслѣдованіе, быть можетъ, также выбранные департаменты настолько типичны, что установленныя на основаніи ихъ заключенія, хотя съ на-

тяжками и при большомъ избыткѣ фантазіи, всего менѣе желательной въ статистическомъ изслѣдованіи, могутъ быть признаны представителями цѣлыхъ областей?

Присмотримся къ самому ходу работы, вникнемъ въ ея частности, въ порядокъ производства статистическихъ выкладокъ въ каждомъ изъ выбранныхъ департаментовъ. Г. Лучицкій въ первую свою поѣздку «открываетъ въ Дижонѣ цѣлый рядъ совершенно неизвѣстныхъ до сихъ поръ описей общинъ, содержаніе которыхъ превосходитъ всѣ его разсчеты и ожиданія»; въ архивѣ Па-де-Кале «онъ натыкается на описи и крестьянскихъ, и церковныхъ, и дворянскихъ земель, на податныя книги и «списываетъ» несмѣтно. Въ архивѣ Ронскаго департамента въ Ліонѣ, котораго также коснулась его любознательность, онъ терпитъ первое свое пораженіе: «акты не приведены въ порядокъ», и онъ «долженъ прекратить начатую работу» (первый отчетъ, стр. 11 примѣч.). Съ тѣмъ бо̀льшимъ рвеніемъ набрасывается онъ на архивъ въ Тулузѣ, но тутъ, по не вполнѣ выясненнымъ причинамъ, онъ ограничиваетъ свои изслѣдованія всего однимъ дистриктомъ Muret и самъ чистосердечно сознался «въ совершенной почти безплодности своихъ изысканій въ громадной и въ высокой степени интересной коллекціи déliberations et correspondances и центральнаго и мѣстныхъ дистриктовъ» (Ibid., стр. 28).

Мы воздерживаемся отъ всякихъ квалификацій, кромѣ тѣхъ, какія онъ самъ даетъ результатамъ своей усидчивой работы въ Тулузѣ. «Данныя, собранныя мною въ Тулузѣ, — пишетъ онъ, — были болѣе чѣмъ скудны въ томъ, что касается распредѣленія поземельной крестьянской собственности до революціи» (Ibid., стр. 30). И вотъ, чтобы пополнить эти данныя, онъ ѣдетъ въ сельскіе архивы дистрикта Сенъ-Годенса, но здѣсь его ждетъ новая неудача. «Къ сожалѣнію,— пишетъ онъ,— для разсматриваемаго времени не нашлось въ этихъ архивахъ бо̀льшаго числа документовъ: во время извѣстнаго наводненія 1875 года значительная часть архива общинъ, расположенныхъ въ долинѣ верхней Гаронны, погибла» (Ibid., стр. 31). Пожалѣемъ объ этомъ и сдѣлаемъ тотъ печальный выводъ, что департаментъ Роны, какъ и департаментъ Haute Garonne только осчастливлены были пребываніемъ въ нихъ нашего извѣстнаго изслѣдователя и не доставили ему рѣшительно никакихъ данныхъ ни для утвержденія, ни для отрицаній. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать примѣненіемъ статистическаго метода, да еще съ прибавкой «историко», сообщеніе слѣдующаго одиночнаго факта: въ Rieumes, какъ видно изъ ея описи 1786 года, землепашцы владѣютъ 672 арпанами, а рабочіе 118 арпанами, въ то же время, какъ буржуазія—1,159, ремесленники—126, промышленники—150, сельскіе торговцы—130». Если какой выводъ позволителенъ, такъ развѣ тотъ, что крестьяне владѣютъ весьма мало, а буржуа весьма много, но авторъ имѣлъ въ виду доказать какъ разъ обратное и «съ этою цѣлью причислилъ даже ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, т.-е. весь tiers état rural къ крестьянамъ и, прибавивъ къ нимъ еще «вдовъ и другихъ», вывелъ же-

лательную для него цифру 1,904 арпана, уравнивающую цифру въ 1,880 арпановъ, представляющую собой размѣръ дворянскаго, церковнаго и буржуазнаго землевладѣнія. Простимъ ему эту подтасовку, тѣмъ болѣе, что научные интересы берутъ въ немъ все же верхъ надъ адвокатскими; въ ближайшей же таблицѣ онъ даетъ намъ всѣ элементы для критики собственной его гипотезы. Оказывается, что въ крестьянствѣ все той же злополучной общины Rieumes изъ 70 дворовъ землепашцевъ и 43 дворовъ рабочихъ всего 24 владѣютъ количествомъ земли свыше десяти арпановъ, 15—отъ 5 до 10, всѣ же остальные, другими словами $^2/_3$ всѣхъ крестьянскихъ и рабочихъ дворовъ, держатъ участки величиной отъ 1-го до 5 арпановъ, причемъ большинство составляютъ владѣльцы менѣе двухъ арпановъ. Мы позволимъ себѣ усомниться, чтобы о нихъ можно было говорить, какъ о крестьянахъ-собственникахъ.

Ограничившись однимъ примѣромъ при рѣшеніи вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи въ Лангедокѣ, г. Лучицкій такъ же скупъ въ своихъ сообщеніяхъ и по вопросу о томъ, кому въ Лангедокѣ достались секуляризированныя у церкви имущества. «Хотя, какъ онъ самъ говоритъ, имъ и составлены таблицы по шести дистриктамъ», но, вѣроятно, нежеланіе утомлять читателя заставляетъ его удовольствоваться приведеніемъ данныхъ только по одному.

Этотъ дистриктъ дорогъ ему вотъ по какой причинѣ: въ статьѣ, озаглавленной *Соціальное законодательство конституанты*, я высказалъ догадку, что фермеры, какъ наиболѣе зажиточный сельскій классъ, какъ главный элементъ tiers état rural должны были больше крестьянъ воспользоваться продажей церковныхъ имуществъ (*Сборникъ правовѣдѣнія*, томъ I, 1893 г.); и вотъ оказывается, что въ числѣ покупщиковъ дистрикта Muret встрѣчается только одинъ фермеръ. Одна кіевская газета подчеркнула этотъ фактъ, какъ явное доказательство тому, что сказанное мною сказано было на вѣтеръ. Но для того, чтобы фермеры могли воспользоваться чѣмъ бы то ни было, въ томъ числѣ и продажей національныхъ имуществъ, необходимо прежде всего, чтобы въ данной провинціи были фермеры. Изъ словъ же Кэнэ, приводимыхъ въ моемъ сочиненіи (*Происхожденіе современной демократіи*, томъ I), ясно слѣдуетъ, что къ югу отъ Луары, а въ томъ числѣ и въ Тулузской области въ серединѣ XVIII вѣка не было фермеровъ, такъ что меня поражаетъ только фактъ присутствія этого единаго фермера въ числѣ лицъ, пріобрѣтшихъ отчуждаемую правительствомъ церковную собственность. Но посмотримъ, какіе выводы г. Лучицкій дѣлаетъ касательно того, кто, буржуазія или крестьянство, извлекли наибольшую выгоду отъ пріобрѣтенія съ публичной продажи церковныхъ земель въ тѣсныхъ предѣлахъ даннаго дистрикта? Приведемъ его заключенія и покажемъ, на чемъ они опираются: «изъ 409 покупщиковъ,—говоритъ г. Лучицкій,—только 140 буржуазнаго класса и 271 крестьянскаго сословія» (Отчетъ I, стр. 27). Но, не говоря уже о томъ, что о 115 проданныхъ участкахъ нѣтъ свѣдѣній, кому они достались, спрашивается еще, какъ со-

ставилась приводимая г. Лучицкимъ цифра 271 крестьянина-покупщика? Въ эту цифру включаются имъ 62 мельника, сельскихъ купца, хлѣбопекаря и т. п. и 57 ремесленниковъ. Если это не представители tiers état rural, то интересно было бы знать, изъ кого могъ составиться этотъ классъ мірского кулачества? Но зададимся еще другимъ, не менѣе существеннымъ вопросомъ: какое количество земли попало въ руки каждаго изъ этихъ двухъ классовъ? Г. Лучицкій оставляетъ насъ въ неизвѣстности на этотъ счетъ и довольствуется только заявленіемъ, что крупныхъ скупщиковъ было 21 человѣкъ или 5%, но эти 21 человѣкъ, какъ видно изъ его же словъ, разобрали одинъ 500 journaux (количество земли, какое можно вспахать въ одинъ день), одинъ 400, два до 300, два по 90, одинъ 75, одинъ 53 и т. д. Цифра 59 «журно» еще считается крупнымъ пріобрѣтеніемъ, изъ чего легко заключить, что остающіеся 95% покупателей пріобрѣтали въ большинствѣ только клочки,—другими словами, что по количеству перешедшей въ ея руки собственности, буржуазія и ея составная часть—tiers état rural—взяла верхъ надъ сельскими воздѣлывателями. Изъ сказаннаго видно, что данныя Тулузскаго округа скорѣе подтверждаютъ, нежели опровергаютъ мнѣніе тѣхъ, кто, подобно мнѣ, думаютъ, что крестьянское землевладѣніе до революціи было незначительнымъ и что продажа церковныхъ имуществъ не много способствовала его расширенію. Но мы не станемъ настаивать на этомъ, такъ какъ это вовсе не статистическія данныя, а примѣры, анекдоты. Г. Лучинскій могъ бы разсказать намъ про пять или шесть другихъ общинъ то же, что онъ говоритъ о Rieumes и Muret; онъ могъ бы отнесть сотни мельниковъ, сельскихъ купцовъ и ремесленниковъ къ числу крестьянъ-землепашцевъ и допустить, что только крестьяне могутъ оставить вдовъ,—наше общее заключеніе не было бы этимъ ни подкрѣплено, ни опровергнуто.

Итакъ, изъ четырехъ обѣщанныхъ намъ департаментовъ два пропали для насъ безслѣдно, но не будемъ отчаиваться,—Па-де-Кале и Котъ д'Оръ вознаградятъ насъ сторицею. Можетъ, правда, возникнуть недоразумѣніе, почему въ работѣ, ставящей себѣ цѣлью на немногихъ типическихъ примѣрахъ изобразить общую судьбу крестьянскаго землевладѣнія до революціи, изслѣдователю показалось особенно желательнымъ остановиться на провинціи, которая всего сто съ небольшимъ лѣтъ сдѣлалась французской. Кому, даже изъ учебниковъ всеобщей исторіи (смотри Шульгина), не извѣстно двустишіе:

Quand les français prendront Arras
Les souris mangerons les chats?

Брать французамъ приходилось у испанцевъ и не раньше, какъ во времена Людовика XIV. Поэтому еслибы въ испанской провинціи Артуа и заложены были прочныя основы мелкой крестьянской собственности, то что бы это доказывало для всей Франціи? Но допустимъ на минуту, что окрестности испанскаго Арраса составляютъ сердце Франціи, и послѣдуемъ за г. Лучицкимъ шагъ за шагомъ въ его потугахъ историко-статистиче-

скаго изученія того, что, на нашъ взглядъ, не допускаетъ статистической опредѣленности. Съ самаго начала изслѣдователь огорчаетъ насъ заявленіемъ, что «ограничился пересмотромъ описей 1779 года только по дистрикту Сентъ-Омера». Хотя г. Лучицкій и прибавляетъ, что онъ обратилъ «все вниманіе на описи по дистрикту Арраса», но намъ отъ этого не легче, такъ какъ отъ выписокъ изъ rôles du vingtième авторъ, по собственному его сознанію, долженъ былъ отказаться» (ibid., отчетъ I, стр. 34); а между тѣмъ, если что обѣщало намъ выяснить вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, такъ именно эти описи, и вотъ по какой причинѣ: «такъ какъ,—говоритъ Маріонъ (*Révolution française* publiée par Aulard, а 1894, p. 411)—vintième, одинъ изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ падалъ только на земельнаго собственника и взимаемъ былъ съ него только, какъ съ собственника, не въ примѣръ taille и capitation, то изъ его описей только и можно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ собственность распространена была въ населеніи» (se rendre compte de la division de la propriété rurale). Понятно, что при этихъ условіяхъ г. Лучицкій спѣшитъ предупредить читателя, что «тѣ данныя, которыя онъ намѣренъ привесть, не даютъ еще права на обобщеніе изъ нихъ (?) не только къ (?) Франціи, но даже и къ Артуа». Онъ дѣлаетъ эту оговорку тѣмъ охотнѣе, что приводимые затѣмъ факты какъ разъ подтверждаютъ то, чего онъ признать не желаетъ. Въ общинѣ Сенъ-Вастъ, помимо дворянскаго и духовнаго землевладѣнія, весьма сильно представлено землевладѣніе буржуазіи—799 манкоде (изъ которыхъ каждая равняется 42 аръ, 91 септи-аръ). Правда, г. Лучицкій рядомъ выводитъ цифру 676 манкоде въ рукахъ крестьянъ, но цифра эта опять-таки получилась благодаря включенію въ нее 215 манкоде ремесленниковъ, 42 манкоде промышленниковъ и 156 манкоде фермеровъ. Отбросьте всѣ эти цифры, и получится немного болѣе 250 манкоде въ рукахъ крестьянства. Въ другой приводимой г. Лучицкимъ общинѣ Roclincour, по собственному его сознанію, крестьянская собственность сравнительно слаба (стр. 36), въ третьей Thelus, 986 манкоде аббатства Сенъ-Ваастъ сданы были въ наемъ пяти богатымъ фермерамъ; остальная же земля была распредѣлена такимъ образомъ: 362 манкоде было въ рукахъ буржуазіи, 138 у фермеровъ, 88 у ремесленниковъ и промышленниковъ и только 64 у хлѣбопашцевъ; правда 22 мѣстныхъ крестьянина снимали у мѣстной церкви еще 19 манкоде въ аренду, но отъ этого ихъ землевладѣніе, очевидно, не получило значительнаго расширенія. Фермеры, которыхъ нечего было искать тамъ, гдѣ ихъ не было и быть не могло, оказались занимающими то самое выдающееся положеніе въ сферѣ землевладѣнія сѣверной Франціи, на какое жалуются составители приходскихъ наказовъ, мною приведенныхъ, что̀, сказать мимоходомъ, никакъ не доказываетъ, чтобы пользованіе этими наказами для заключеній и по вопросу о распространеніи крестьянской собственности заслуживало то «удивленіе», какое оно встрѣчаетъ со стороны г. Лучицкаго *).

*) „Считаю излишнимъ останавливаться,—говоритъ онъ,—на обсужденіи вопроса

Хотя опять-таки, по собственному сознанію автора, приведенныя имъ данныя о трехъ всего-навсего общинахъ не даютъ права ни къ какимъ выводамъ, но это обстоятельство нисколько не останавливаетъ его научной предпріимчивости. Г. Лучицкій, исполняя, наконецъ, данное обѣщаніе примѣнить къ вопросу о крестьянской поземельной собственности не только статистическій, но и историко-статистическій методъ, даритъ насъ тремя таблицами, изъ которыхъ оказывается, что и число манкоде, и число дворовъ, между которыми дѣлятся эти манкоде, увеличилось за послѣднія 210 лѣтъ. Въ 1569 г. ихъ было въ Невиль-Сенъ-Вастъ 609, въ 1779 г.—676. Увеличеніе числа манкоде— результатъ новыхъ очистокъ, очевидно, должно было сопровождаться и увеличеніемъ числа владѣльцевъ. Если прибавить, что за 210 лѣтъ семьи должны были размножиться и раздробиться, то нѣтъ ничего удивительнаго, если крестьянская собственность, ни мало не выигрывая въ своемъ относительномъ распространеніи, могла въ 1779 г. насчитывать 209 дворовъ, тогда какъ въ 1569 г. въ ней было только 139. Одновременное возрастаніе числа собственниковъ въ общинѣ Thelus съ 77 на 93, при увеличеніи за то же время числа манкоде съ 130 на 294, можетъ вызвать только подозрѣніе, что размѣры крестьянской собственности въ этой мѣстности если не абсолютно, то относительно уменьшились, что впрочемъ находитъ и блистательное подтвержденіе въ сообщаемомъ и самимъ авторомъ фактѣ, что 156 манкоде изъ этого числа перешли въ руки фермеровъ. Наконецъ третій примѣръ общины Роклинкуръ, въ которой при возрастаніи количества земли со 130 на 185 манкоде, число крестьянъ собственниковъ за 210 лѣтъ возросло только на одну треть, т.-е. на то же число, на какое увеличилась земельная площадь, едва ли можетъ быть приводимъ въ доказательство поступательнаго движенія въ сферѣ крестьянской собственности. Но это не останавливаетъ г. Лучицкаго, и онъ смѣло заявляетъ: «какъ можно судить по собраннымъ мною даннымъ, оказывается, что, хотя и въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ, крестьянская собственность увеличилась въ теченіе двухъ столѣтій» (!).

Итакъ, если приведенныя данныя что-нибудь доказываютъ, то какъ разъ обратное тому, что думаетъ г. Лучицкій,—другими словами, изъ нихъ слѣдуетъ и незначительность крестьянскаго землевладѣнія и его косность; но я еще болѣе склоненъ думать, что изъ нихъ ровно ничего не слѣдуетъ, такъ какъ это совсѣмъ не среднія цифры и поэтому совсѣмъ не статистическія данныя.

Но г. Лучицкій ищетъ въ департаментѣ Па-де-Кале подтвержденіе и для другой своей догадки, что крестьянская собственность значительно расширилась отъ продажи церковной. Чтобы сразу отнять у насъ всякую иллюзію насчетъ того, что сообщаемыя имъ цифры имѣютъ значеніе среднихъ, дру-

о томъ, насколько ненадежнымъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности являются крестьянскіе cahiers 1789 г., которыми, къ удивленію, пользуется для этой цѣли г. Ковалевскій" (стр. 10).

гими словами, имѣютъ какое-нибудь значеніе,—авторъ спѣшитъ заявить, что «недостатокъ времени не позволилъ ему, къ сожалѣнію, изучить акты продажи по всѣмъ восьми дистриктамъ, на которые раздѣленъ былъ департаментъ, и что онъ составилъ полныя таблицы продажъ лишь по двумъ дистриктамъ, Арраскому и Сентъ-Омерскому; но и изъ этихъ дистриктовъ онъ благоволитъ сообщить намъ только интересные для него курьезы.

Въ одной общинѣ изъ 14 покупщиковъ 9 принадлежали къ крестьянскому классу, а 5—къ буржуазному. Авторъ не говоритъ намъ о томъ, какое количество пріобрѣли эти 9 и не было ли въ числѣ ихъ «ремесленниковъ и сельскихъ купцовъ», а пожалуй также и фермеровъ, которыхъ, какъ мы видѣли изъ прежнихъ примѣровъ, онъ любитъ валить въ общую кучу. Въ другой также приводимой имъ общинѣ 12 буржуа соперничаютъ въ пріобрѣтеніи съ 15-ю крестьянами. Сколько «оттягали» они земли у этихъ хлѣбопашцевъ и не были ли эти хлѣбопашцы кулаками, такъ и остается невыясненнымъ.

Въ двухъ другихъ общинахъ численный перевѣсъ рѣшительно на сторонѣ крестьянъ, но сопровождался ли онъ такимъ же перевѣсомъ въ размѣрѣ пріобрѣтенной собственности, оставлено благоразумно втунѣ. И вотъ и третій департаментъ проскользнулъ черезъ руки изслѣдователя, не оставивъ въ нихъ никакихъ данныхъ, не только историко-статистическихъ, но даже и просто статистическихъ.

Авторъ, озабоченный мыслью выбирать типическіе образцы, позволяющіе дѣлать выводы для всей Франціи, почему-то обошелъ своимъ вниманіемъ всю ту область сѣвера и сѣверо-запада, въ которой распространена была господствующая форма землевладѣнія—феодальная собственность и цензива. Онъ ограничилъ свои изслѣдованія только тѣми департаментами, гдѣ сохраненіе независимой, полной или аллодіальной собственности обѣщало легкую наживу. Откройте карту распространенія аллодіальнаго землевладѣнія во Франціи, карту, приложенную Эмилемъ Шенономъ къ его исторіи аллодіевъ, и вы увидите, что Тулузскій округъ, какъ и Ліоне и Котъ д'Оръ, съ городомъ Дижономъ въ центрѣ, принадлежатъ всѣ къ pays allodiaux. Казалось бы, что, имѣя дѣло со страною, въ которой численный перевѣсъ имѣли провинціи, или не допускавшія вовсе аллодіальной собственности, или требовавшія отъ владѣльцевъ доказательства аллодіальности, авторъ не долженъ обойти молчаніемъ той половины, въ которой прямо или косвенно признавался принципъ «нѣтъ земли, которая бы не принадлежала феодальному сеньеру»; но г. Лучицкій разсудилъ иначе.

Посмотримъ же, что даетъ ему анализъ источниковъ по крестьянскому землевладѣнію въ Бургундіи, въ которой, какъ видно изъ книги Шенона, обычное право, выраженное въ кутюмьѣ, не допускало господства принципа Nulle terre sans seigneur, замѣняя его обратнымъ Nul seigneur sans maitre *).

*) См. *Chénon*: „Étude sur l'histoire des alleux", стр. 123 и 124.

Слѣдуя своему обычному пріему, авторъ, пообѣщавъ сперва данныя по цѣлому департаменту, приводитъ ихъ только для той или другой общины. Послѣдуемъ за нимъ. Въ общинѣ Roux, Семюрскаго дистрикта, собственность распредѣлена слѣдующимъ образомъ: 17 землепашцевъ, 20 виноградарей, 12 батраковъ и рядомъ съ этимъ 35 «ремесленниковъ и другихъ». Въ общинѣ Пренуа 26 землепашцевъ, 29 батраковъ и 37 «ремесленниковъ и другихъ». Можно было бы заключить, что процентъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ, владѣющихъ землей въ этихъ двухъ общинахъ, больше числа членовъ tiers état rural, но въ какомъ количествѣ земля сосредоточивалась въ рукахъ того и другого класса, не сказано, а слѣдовательно никакой выводъ немыслимъ. Но авторъ еще спѣшитъ увеличить наши недоумѣнія, указывая, что выведенныя имъ для общины Пренуа цифры: 89,7% собственниковъ и 8,7% безземельныхъ, причемъ въ основаніе принятъ nouveau pied. des tailles за 1780 годъ, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ цифрами, приводимыми для той же общины и за тотъ же годъ rôle particulier des tailles. Процентъ собственниковъ по даннымъ rôle, — замѣчаетъ онъ, — составляетъ только 11,9, т.-е. почти столько же, сколько въ данномъ селѣ было безземельныхъ. Чтобъ объяснить такое противорѣчіе, авторъ ввергаетъ насъ въ еще большее недоумѣніе, объявляя, что тѣ, кто въ его графахъ обозначенъ подъ именемъ землепашцевъ «laboureurs», не всегда были собственниками, и что въ этомъ онъ убѣдился и изъ примѣра названныхъ двухъ общинъ и изъ массы другихъ данныхъ какъ въ Артуа, такъ и въ области Тулузы» (стр. 24). Что же намъ дѣлать послѣ этого съ его данными, въ которыхъ собственниками указаны тѣ, кто не всегда были собственниками, а безземельными тѣ, кто не всегда были безземельными?

Если по вопросу о крестьянской собственности до революціи департаментъ Котъ д'Оръ также мало оправдалъ наши надежды что-либо узнать «статистически-обоснованное» о величинѣ крестьянскаго землевладѣнія до революціи, то, можетъ быть, ему удастся, по крайней мѣрѣ, разсѣять ту, по словамъ автора, «историческую легенду», какую составляетъ предположеніе, что небогатые крестьяне, за недостаткомъ средствъ, не могли быть серьезными конкурентами городской и сельской буржуазіи въ пріобрѣтеніи церковныхъ имуществъ? Каково же наше удивленіе, когда, по собственному сознанію изслѣдователя (прочитавшаго 130 связокъ изъ 170), оказывается, что въ Бургундіи «главнымъ, хотя и не исключительнымъ, образомъ земли церковныя скупались буржуазіей и спекулянтами, и только при отчужденіи имуществъ эмигрантовъ, распродававшихся по мелочамъ, крестьяне явились покупателями въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ» (стр. 14). Между обѣими продажами протекъ значительный періодъ времени, въ который крестьяне, прекратившіе платежъ феодальныхъ поборовъ и разжившіеся продажей быстро вздорожавшихъ припасовъ, могли накопить сбереженія, достаточныя для пріобрѣтенія небольшихъ кусковъ продаваемыхъ на этотъ разъ по частямъ имѣній. Если прибавить, что авторъ ни словомъ

не говоритъ намъ, въ какой мѣрѣ въ средѣ этихъ крестьянъ-покупателей представленъ былъ классъ съемщиковъ помѣщичьей земли, фермеровъ и половниковъ, то не мудрено будетъ признать, что собственность эмигрантовъ скупалась крестьянствомъ. Это кажется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что часто сами эмигранты стороною снабжали своихъ бывшихъ съемщиковъ средствами для пріобрѣтенія этихъ земель съ цѣлью не допустить къ нимъ чужаковъ и въ надеждѣ получить разсчетъ отъ своихъ при ожидаемой со дня на день реставраціи. Но, повторяемъ, для насъ лично важна только удостовѣренная на этотъ разъ дѣйствительными статистическими данными скупка однихъ церковныхъ земель буржуазіей и спекулянтами, такъ какъ сами мы задавались вопросомъ только о судьбѣ этой церковной собственности.

Спрашивая себя въ заключеніе, что далъ намъ первый мемуаръ г. Лучицкаго, цѣликомъ переведенный имъ и на французскій языкъ *), что далъ онъ намъ для утвержденія или отрицанія того, что установлено было съ помощью совершенно другого матеріала и безъ всякихъ притязаній на статистическую опредѣленность, мы скажемъ: ничего или очень мало. Ничего по вопросу о крестьянской собственности до революціи, существованіе которой въ скромныхъ размѣрахъ я лично не отрицалъ; очень мало по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ буржуазія воспользовалась продажей церковныхъ имуществъ для расширенія собственнаго землевладѣнія. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ, впрочемъ, данныя г. Лучицкаго, насколько онѣ носятъ характеръ статистическихъ данныхъ, только подкрѣпляютъ нашу догадку о томъ, что буржуазія встрѣтила со стороны крестьянства далеко не опасную конкурренцію въ раздѣлѣ отобранной у духовенства добычи.

§ 2.

Надо отдать г. Лучицкому ту справедливость, что, не обольщаясь важностью уже добытыхъ выводовъ, онъ счелъ нужнымъ предпринять новую поѣздку по новымъ департаментамъ. На этотъ разъ, впрочемъ, искушенный опытомъ, нашъ неутомимый изслѣдователь уже ставитъ себѣ болѣе скромныя задачи.

Прежде онъ все обѣщалъ среднія цифры по департаментамъ, спускался затѣмъ къ изученію одного или двухъ дистриктовъ въ департаментѣ и, «за недостаткомъ времени», довольствовался примѣромъ двухъ-трехъ общинъ. Въ свою новую поѣздку онъ гораздо правильнѣе, на нашъ взглядъ, отлагаетъ заботу о выводѣ среднихъ цифръ по департаментамъ, но за то не сыплетъ и примѣрами отдѣльныхъ общинъ, а довольствуется составленіемъ таблицъ по нѣсколькимъ десяткамъ селъ.

Мы встрѣчаемъ у него таблицы, опредѣляющія составъ населенія 112 деревень Шатильонскаго округа въ Бургундіи, 75 селъ Ланскаго, 146 де-

*) *Revue historique publ. par Monod*, à 1895.

ревень Тулузскаго и соотвѣтственно таблицы распредѣленія земельной собственности до революціи въ селахъ этихъ трехъ группъ, наконецъ, данныя о покупкѣ церковныхъ имуществъ, но на этотъ разъ только въ округѣ Лана и въ дистриктѣ Тараскона. Очевидно, что всѣ эти данныя имѣютъ чисто-мѣстный интересъ и что изъ нихъ такъ же трудно дѣлать какія-либо заключенія касательно всей Франціи, какъ, напримѣръ, изъ того, что г. Рей говоритъ о распредѣленіи земельной собственности въ округѣ Сенъ-При, а г. Маріонъ о томъ же вопросѣ въ Тулузскомъ округѣ *). Оба изслѣдователя обнародовали результаты своихъ работъ, первый въ 1892, второй въ 1894 году. Г. Лучицкій поэтому является со своими статистическими таблицами не столько новаторомъ, сколько эпигономъ. Сами по себѣ эти таблицы несравненно менѣе полны и менѣе обстоятельны, чѣмъ тѣ, какія выведены для версальскаго округа г. Минцесомъ, за которымъ, повидимому, надо признать ту дорогую нѣмецкому сердцу квалификацію, которую передаетъ слово bahnbrechend. И на этотъ разъ таблицы г. Лучицкаго оставляютъ насъ въ счастливой неизвѣстности по тому, что намъ всего интереснѣе было узнать, а именно—не число собственниковъ по классамъ, а количество собственности, сосредоточивающейся въ рукахъ каждаго изъ классовъ. Что намъ, напримѣръ, отъ того, что почти 50% населенія въ округѣ Лана владѣютъ менѣе чѣмъ однимъ арпаномъ, а 26%—отъ одного до пяти? Вѣрнѣе, не доказываетъ ли это какъ разъ обратное тому, что желалъ бы установить авторъ, а именно—что крестьянская собственность составляла величину сравнительно незначительную и что большая часть земель сосредоточивалась въ рукахъ tiers état rural, какъ-то: «гроссбауеровъ», по-нашему попросту кулаковъ, ремесленниковъ и фермеровъ (см. второй отчетъ, стр. 31). За исключеніемъ указанной таблицы, ни одна изъ приведенныхъ г. Лучицкимъ не задается тѣмъ вопросомъ, который только и имѣетъ значеніе для судебъ крестьянской собственности до революціи,—вопросомъ о фактическомъ распредѣленіи земли между простыми землепашцами и сельскою буржуазіей. Впечатлѣніе, какое я выношу изъ таблицъ, такъ тщательно выведенныхъ г. Лучицкимъ, довольно близко къ тому, какое произвела не на меня одного послѣдняя по времени земельная статистика въ Англіи; она указывала довольно почтенную цифру собственниковъ, но $^9/_{10}$ ихъ числа оказались владѣльцами ничтожныхъ участковъ, и какихъ-нибудь 30—40 тысячъ—сосредоточивающими въ своихъ рукахъ почти всю земельную площадь Англіи. Составители ценза надѣялись разсѣять «легенду» о монополизаціи собственности въ рукахъ дворянства и крупной буржуазіи, а читатель нашелъ въ немъ только фактическое доказательство своей догадки, что Англія—«акро-кратія»,—терминъ, которымъ тотъ же читатель окрестилъ развернувшуюся передъ нимъ картину латифундій.

---

*) *Notes sur mon village. Les cahiers de Saint-Prix.* Paris, 1892. *Les rôles du vingtième dans le pays Toulousain,* par Marion (*Revol. franç.* 1894, p. 406).

Прежде чѣмъ перейти къ разбору данныхъ, сообщаемыхъ г. Лучицкимъ о продажѣ національныхъ имуществъ въ двухъ дистриктахъ Франціи, повторимъ наше изумленіе по поводу того, что авторъ попрежнему беретъ свои образцы въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ меньшинству тѣхъ, въ которыхъ удержалась полная или аллодіальная собственность. Въ этомъ положеніи находится Лангедокъ и въ немъ Тулузскій округъ *), Бургундія и въ частности округъ Шатильона, наконецъ, окрестности города Лаона, грамота котораго отъ 1128 года уже говоритъ объ аллодѣ жителей **). Послѣ этого нельзя считать великими открытіями такое, напримѣръ, сообщеніе, что въ значительной части деревень, сосѣднихъ съ Лаономъ, отсутствуетъ чиншевое владѣніе или цензива, а въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ деревняхъ Таво и Резиньи, она представляетъ величину или равную, или нѣсколько меньшую сравнительно съ величиною собственныхъ участковъ, находящихся въ рукахъ laboureurs и manouvriers, да иначе и быть не могло при господствѣ подгороднаго аллода. Но какія изъ этого выводы можно сдѣлать для всей Франціи, въ которой аллодъ далеко не представлялъ, какъ извѣстно, господствующей формы? Вѣдь и въ самомъ Лаонскомъ округѣ встрѣчается, напримѣръ, деревня Лапіонъ, въ которой чиншевое владѣніе крестьянъ, по признанію г. Лучицкаго, въ $2^1/_2$ раза превышало ихъ же собственность (626 арпановъ чинша при 257 арпанахъ собственности).

Перехожу къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ данныя касательно продажи церковныхъ имуществъ въ одномъ сѣверномъ и въ одномъ южномъ дистриктѣ, лаонскомъ и тараскоэскомъ, способны пролить свѣтъ на судьбу, ожидавшую конфискованныя у духовенства земли. Громадное большинство проданныхъ въ лаонскомъ округѣ участковъ,—пишетъ г. Лучицкій,—были сравнительно незначительны по объему (стр. 40). Одно уже это обстоятельство заставляетъ насъ быть осторожными въ выводахъ о томъ, насколько примѣнимо ко всей Франціи то, что касается избраннаго уголка. Вѣдь главный упрекъ, сдѣланный по адресу конституанты въ дѣлѣ отчужденія церковныхъ имуществъ состоитъ въ недостаточномъ дробленіи продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ имѣній, что и сдѣлало невозможнымъ пріобрѣтеніе ихъ мелкимъ людомъ. Этимъ же объясняется и возникновеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ дистриктѣ Суасона, ассоціацій, составленныхъ нерѣдко изъ хлѣбопашцевъ, ремесленниковъ и фермеровъ, съ цѣлью пріобрѣтенія имуществъ на общій счетъ. Существованіе этихъ ассоціацій было, однако, не продолжительнымъ, такъ какъ законъ 24 апрѣля—2 мая 1793 г. счелъ нужнымъ запретить ихъ формально, объявляя

*) См. *Chénon:* „Étude sur l'histoire des alleux", стр. 108 и 136; см. также „Du Franc-alleu", par Pierre Lanery D'Arc, стр. 330 и 333.

**) Ibid., стр. 257. Это не помѣшало правительству настоять при редакціи кутюмовъ на включеніи Верманду, центромъ котораго былъ Лаонъ, въ число pays „censuels", если не „anti-allodiaux", т.-е. въ число такихъ, въ которыхъ требуется отъ стороны представленіе доказательствъ аллодіальности его земельнаго фонда.

«frauduleuses les associations de tous ou de partie considérable des habitans d'une commune pour acheter les biens mis en vente et en faire ensuite la repartition ou division entre les dits habitants». Текстъ этого закона приведенъ мною въ примѣчаніи къ страницѣ 215 второго тома *Происхожденія современной демократіи*. Это не мѣшаетъ г. Лучицкому признать «по меньшей мѣрѣ страннымъ» слѣдующее замѣчаніе, мною сдѣланное на той же страницѣ: «къ чему было не допустить (разумѣется, при покупкѣ церковныхъ имуществъ) той помощи, какую могло оказать начало ассоціаціи?» Что заключаютъ въ себѣ эти слова, какъ не передачу самаго смысла закона 1793 года, и какъ можно утверждать, что сказанное мною «всецѣло противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности» (2-й отчетъ, стр. 58). Безнаказанно это можно сдѣлать только въ разсчетѣ, что читатель не сочтетъ нужнымъ провѣрить ссылки.

Подсчитывая число арпановъ, доставшихся въ силу покупки сельскимъ классамъ и буржуазіи въ предѣлахъ одного Лаонскаго округа, г. Лучицкій говоритъ о 23 тысячахъ 200 арпанахъ, перешедшихъ къ сельскому земледѣльческому населенію, и 18 тысячахъ 800 поступившихъ къ буржуазіи, «считая въ томъ числѣ, прибавляетъ онъ, и пріобрѣтенія, сдѣланныя классомъ фермеровъ». Мы отмѣчаемъ эти слова, такъ какъ въ нихъ косвенно заключается признаніе ошибки, допущенной авторомъ въ первомъ его мемуарѣ, въ которомъ онъ, какъ мы видѣли, валилъ фермеровъ въ одну кучу съ крестьянствомъ. Будемъ надѣяться, что въ ближайшемъ своемъ мемуарѣ,—а ихъ потребуется еще много, если авторъ захочетъ оправдать свое обѣщаніе освѣтить вопросъ «статистически»,—онъ включитъ въ отличную отъ крестьянства группу «tiers état rural» также всѣхъ тѣхъ сельскихъ ремесленниковъ, промышленниковъ и купцовъ, которыхъ онъ въ первомъ своемъ мемуарѣ никакъ не хотѣлъ признать представителями зарождающейся буржуазіи. Разсмотримъ теперь, какъ составилась цифра 23,200 арпановъ для выраженія количества земель, перешедшихъ въ руки сельскаго земледѣльческаго населенія. Оказывается, что въ нее вошли и покупки, сдѣланныя этимъ tiers état rural, такъ что 31½% въ числѣ пріобрѣтателей составлялъ этотъ живущій далеко не однимъ хлѣбопашествомъ классъ. Одно уже это обстоятельство значительно измѣняетъ численное отношеніе между покупками, сдѣланными «сельскими пахарями-батраками» и буржуазіей, оно даетъ рѣшительный перевѣсъ послѣднимъ.

Такія сообщенія, какъ напримѣръ то, что изъ 175 селеній Лаонскаго округа буржуазія получила при покупкахъ «безграничное преобладаніе надъ крестьянами только въ 11, а крестьяне надъ нею въ 36, что въ 82 селахъ большая часть земель досталась крестьянамъ, а въ 45 буржуазіи», не даютъ намъ возможности прійти къ какому-либо опредѣленному заключенію, такъ какъ авторъ не говоритъ намъ, сколько земли было въ каждомъ селеніи и такъ какъ, съ другой стороны, намъ извѣстно, что въ число лицъ, живущихъ однимъ земледѣліемъ, онъ вводитъ и представителей tiers état rural. Но г. Лучицкій подсчитываетъ и число арпановъ, до-

ставшихся каждому классу. Оказывается, во-первыхъ, что дѣло идетъ всего-на всего о судьбѣ какихъ-нибудь 14 тысячъ арпановъ, величинѣ въ сущности настолько незначительной, что на основаніи ея нельзя прійти ни къ какимъ ровно выводамъ насчетъ продажи сотенъ тысячъ арпановъ, какимъ сопровождалась секуляризація церковной собственности. Что въ томъ, если изъ этихъ 14 тысячъ крестьянству и досталось какихъ-нибудь 10 тысячъ, а фермерамъ только 3 тысячи. Ничего изъ этого заключить нельзя по отношенію ко всей Франціи. При позднѣйшихъ продажахъ, произведенныхъ конвентомъ и распространившихся на имущества эмигрантовъ, когда правительство, чтобъ облегчить покупку земель людьми небогатыми, предписало производить отчужденіе небольшими участками, крестьяне, разумѣется, лучше были поставлены для конкурренціи съ кулаками и городскою буржуазіей, такъ что я вполнѣ объясняю себѣ возможность того общаго вывода, какой дѣлаетъ г. Лучицкій относительно продажъ этой второй группы. «Покупки, произведенныя собственно земледѣльческимъ классомъ, составили болѣе половины всей проданной земли». Приложенная таблица, впрочемъ, ослабляетъ это впечатлѣніе, низводя только до $40^1/_2\%$ пріобрѣтенія, сдѣланныя хлѣбопашцами, батраками и пастухами. Но, повторяемъ, все это имѣетъ значеніе для Лаонскаго округа и никакого для Франціи, такъ какъ судьбою 5,000 и даже 10,000 десятинъ не рѣшается судьба сотенъ тысячъ.

По той же причинѣ только мѣстное значеніе имѣетъ фактъ пріобрѣтенія въ Тарасконскомъ округѣ крестьянами, считая въ томъ числѣ и tiers état rural, 493 эктаровъ церковныхъ земель въ то время, какъ городская буржуазія купила ихъ 578. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ нисколько не колеблетъ того общаго положенія, что главнымъ покупщикомъ являлось среднее сословіе, городское и сельское.

Г. Лучицкій любитъ выраженіе «открылъ», «указалъ», «разъяснилъ», «впервые обратилъ вниманіе», поэтому не удивительно, если высказываемыя имъ истины уже нашли выраженіе въ сочиненіяхъ его предшественниковъ. Въ первомъ своемъ мемуарѣ онъ указываетъ, напримѣръ, на неудачный выборъ г. Минцесомъ департамента Сены и Уазы для статистическихъ выкладокъ касательно судьбы церковныхъ имуществъ. Департаментъ этотъ не можетъ считаться типичнымъ, «такъ какъ лежалъ у самыхъ воротъ такого крупнаго политическаго центра, какъ Парижъ; крупные капиталисты еще до революціи скупали здѣсь земли». Замѣчаніе вѣрное, но цѣликомъ взятое у меня *). Вполнѣ вѣрно также, что, какъ гово-

*) Говоря о значеніи образцоваго изслѣдованія Минцеса, я замѣчаю слѣдующее въ статьѣ, написанной 21 января 1893 года и отпечатанной въ томъ же году въ *Сборникѣ правовѣдѣнія*: Нельзя, разумѣется, не пожелать, чтобы такія же точныя статистическія вычисленія были произведены и въ другихъ департаментахъ Франціи. Они, по всей вѣроятности, докажутъ односторонность тѣхъ выводовъ, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи только что приведенныхъ цифръ. Окрестности Версаля, очевидно, должны были привлечь къ себѣ парижскихъ капиталистовъ. Частое упоми-

ритъ г. Лучицкій во второмъ своемъ мемуарѣ, буржуазія скупала больше земель въ окрестностяхъ городовъ и меньше вдалекѣ отъ нихъ, но эта истина изъ числа тѣхъ, которыя могутъ обойтись и безъ статистической провѣрки. «Это фактъ,—говоритъ г. Лучицкій,—на который не было обращено большого вниманія», но который, прибавимъ мы отъ себя, не ожидая возраженій со стороны г. Лучицкаго, обратилъ на себя вниманіе критикуемаго имъ г. Минцеса.

Читатель согласится съ нами, что, при всемъ интересѣ сообщенныхъ г. Лучицкимъ фактовъ, они отнюдь не носятъ характера статистическихъ. Какъ частныя иллюстраціи извѣстныхъ гипотезъ, они, разумѣется, могутъ быть приводимы съ успѣхомъ, и притомъ какъ за, такъ и противъ, въ пользу распространенія и нераспространенія крестьянской собственности до революціи, слабаго и сильнаго участія крестьянъ - хлѣбопашцевъ въ покупкѣ церковныхъ имуществъ, а это одно уже доказываетъ, что историкъ происхожденія современной демократіи, для котораго вопросъ о большемъ или меньшемъ процентѣ крестьянъ покупателей играетъ, очевидно, второстепенное значеніе, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, вправѣ былъ воспользоваться и такими, напримѣръ, фактами, какъ общераспространенныя жалобы приходскихъ наказовъ на захваты и огораживанія помѣщиковъ, на соединеніе ими массы бывшихъ крестьянскихъ надѣловъ въ рукахъ немногихъ фермеровъ и тому подобное; онъ могъ считать ихъ указателями той тенденціи, въ какой происходила эволюція ни мало не отрицаемой имъ крестьянской собственности. Къ этимъ даннымъ, которыя говорятъ скорѣе о ея сокращеніи, нежели расширеніи, можно было бы прибавить и то впечатлѣніе, какое производитъ исторія аллодовъ во Франціи,—аллодовъ, съ судьбою которыхъ связана и судьба если не чиншевого владѣнія крестьянъ, то ихъ мелкой собственности. Всѣ тѣ, кто имѣлъ случай заниматься ихъ исторіей, и прежде всего Шенонъ и Ланери д'Аркъ, приходятъ къ тому выводу, что районъ аллодіальныхъ земель подвергся постепенно значительному сокращенію даже въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Оверни, дѣйствовалъ принципъ «nul seigneur sans titre». По замѣчанію извѣстнаго коментатора мѣстныхъ кутюмовъ, Ле-Гранъ д'Осси, аллодіальныя имущества были рѣдки и встрѣчались только въ окрестностяхъ города Труа, и не по какой другой причинѣ, какъ по той, что чиншъ или цензива пріобрѣталъ все большее и

ваніе о парижанахъ, какъ о покупщикахъ отчужденныхъ имуществъ, сосредоточеніе въ ихъ рукахъ 7,786 арпановъ въ Версальскомъ округѣ, 4,600 въ Дурдинскомъ и 2,924 въ Мантскомъ, какъ нельзя лучше доказываетъ исключительность условій, въ которыхъ находились земли, расположенныя вблизи столицы и резиденціи. Не надо забывать, что одинъ парижскій муниципалитетъ выразилъ желаніе пріобрѣсть церковныхъ имуществъ на двѣсти милліоновъ ливровъ. Большая часть ихъ была куплена по сосѣдству. Нѣтъ основанія, поэтому, обобщая исключительныя явленія, говорить о переходѣ большой массы церковныхъ имуществъ въ руки лицъ, не имѣвшихъ дотолѣ никакого отношенія къ земледѣлію.

большее распространение (à cause de la multiplicité des beaux à cens plus ou moins volontaires) *).

Если независимая собственность исчезла тамъ, гдѣ обычное право оказывало ей поддержку, то что же должно было имѣть мѣсто въ провинціяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Бретани, Санлисѣ, Блуа и Булануа, господствовалъ враждебный ей принципъ «Nulle terre sans seigneur»? Съ другой стороны, даже тѣ писатели, которые, какъ Маріонъ, склонны признавать довольно широкое распространеніе крестьянской собственности до революціи, не считаютъ возможнымъ игнорировать такой бьющій въ глаза фактъ, какъ быстрое обезземеленіе крестьянства въ годы, предшествовавшіе революціи. Движеніе,—пишетъ онъ,—въ пользу концентраціи, отнюдь не дробленія, становится, повидимому, всеобщимъ. Въ своихъ разъѣздахъ по краю «контролеръ вентьемовъ», Фигьеръ, каждый годъ, начиная съ 1778 по 1781 г., констатируетъ фактъ уменьшенія числа податныхъ плательщиковъ, особенно чувствительный, если сопоставить его съ тѣмъ, какое держалось 20 лѣтъ ранѣе. Одновременно падаетъ доходъ, доставляемый казнѣ сборами съ продажъ купчихъ (lods et ventes), такъ какъ, замѣчаетъ цитируемый нами авторъ, самыя отчужденія становятся рѣдкими **). На то же указано было десятки лѣтъ ранѣе и по отношенію ко всей Франціи Шерестомъ, вынесшимъ это впечатлѣніе изъ знакомства съ новыми редакціями «терье» или записями крестьянскихъ службъ и повинностей. Съ каждымъ поколѣніемъ помѣщики и ихъ фискальные агенты, чтобъ уравновѣсить потери доставляемыя неизмѣнностью вѣчно наслѣдственныхъ рентъ, стараются оживить забытыя претензіи и по возможности сократить крестьянскія права и преимущества къ выгодѣ феодальныхъ собственниковъ.

Чтобъ опровергнуть такія даже приблизительныя заключенія, нужно нѣсколько иное пользованіе историко-статистическимъ методомъ, чѣмъ то, образецъ котораго даетъ намъ г. Лучицкій.

Противорѣчивость сообщаемыхъ имъ частныхъ примѣровъ и по вопросу о судьбѣ церковныхъ имуществъ не освобождаетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ такимъ источникамъ, какъ административная или частная переписка. Я рѣшительно не вижу причины, по которой судьба 14 тысячъ арпановъ Лаонскаго округа даетъ намъ больше указаній на то, что сталось съ церковными имуществами во всей Франціи, чѣмъ, напримѣръ, слѣдующее категорическое заявленіе, сдѣланное депутатомъ Пикардіи Салладиномъ министру внутреннихъ дѣлъ Ролану 23 января 1793 года: «фермеры смотрятъ на себя какъ на законныхъ обладателей земель, снимаемыхъ ими прежде въ наемъ. Это заставило ихъ организовать коалицію съ цѣлью пріобрѣтенія отчуждаемой государствомъ собственности по дешевой цѣн‑ (смотри томъ II моего сочиненія, стр. 216). По сосѣдству съ Пикарді лежитъ Артуа, условія котораго поэтому во многомъ должны быть сходны

*) Цитата приведена по Шенову, стр. 119.

**) *Révolution française* publiée par Aulard. 1894 г., стр. 416.

Что же удивительнаго въ томъ, если нашедши однохарактерное свидѣтельство: «сколько фермеровъ перешло въ собственниковъ», я не счелъ возможнымъ пренебречь имъ только потому, что оно заключается въ частной перепискѣ англичанки, поселившейся въ Аррасѣ. Если при разборѣ актовъ, касающихся отчужденія церковныхъ имуществъ департамента Сарты, я не обратилъ вниманія на 350 купчихъ, въ которыхъ на-ряду съ ремесленниками, мельниками и кабатчиками, въ числѣ 98 человѣкъ, встрѣчаются и крестьяне, то только потому, что, какъ признаетъ и самъ г. Лучицкій, «покупки въ громадномъ большинствѣ случаевъ касаются мелкихъ участковъ въ пол-journal и даже менѣе» (стр. 7 I-го отчета). Я думалъ, что судьба 126 journaux, пріобрѣтенныхъ даже 252 крестьянами характеризуетъ въ меньшей степени судьбу церковныхъ имуществъ, чѣмъ покупка всего-на-всего десятью фермерами земель на сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ (сравни ту же стр. 7).

Итакъ, въ общемъ намъ остается только признать трудолюбіе г. Лучицкаго и пожелать ему въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ болѣе научнаго пониманія задачъ и требованій историко-статистическаго метода, тогда мы первые поспѣшимъ воспользоваться его «открытіями и разъясненіями».

Максимъ Ковалевскій.

Очерки провинціальной жизни.

Не любятъ у насъ печати! Безъ печати жить куда было вольнѣе. Не мало гнусностей и злоупотребленій вывела и продолжаетъ выводить она на свѣтъ Божій. Обыватели ненавидятъ корреспондентовъ и стараются всѣми возможными способами уничтожить ихъ, заставить ихъ замолчать. Нижегородскій городской голова, баронъ Дельвигъ, грозитъ, что пожалуется на мѣстныя газеты, и пожалуется не въ судъ, гдѣ кромѣ «жажды мести», надо еще имѣть доказательство своей правоты, а въ другое извѣстное барону учрежденіе, гдѣ будто бы, по выраженію барона, «стоитъ сказать лишь нѣсколько словъ». Провинціальныя газеты сообщаютъ, что то одно, то другое общественное учрежденіе не пустило представителей печати на свои засѣданія. Недавно такой фактъ имѣлъ мѣсто въ собраніи членовъ тифлисскаго дворянскаго земельнаго банка. Засѣданіямъ собранія предшествовала ревизія дѣлъ банка по распоряженію министерства финансовъ и дѣйствія банка признаны «неблаговидными». Засѣданія были бурныя. Въ собраніи шумѣли, свистали, шикали, грозили другъ другу кулаками. Обо всемъ этомъ говорилось на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. И вотъ, открывая одно изъ засѣданій, предсѣдатель собранія, г. Мусхеловъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Въ виду того, что газеты *Иверія, Новое Обозрѣніе* и *Тифлисскій Листокъ* глумятся надо мной, я приказалъ представителей этихъ газетъ не допускать больше въ отведенное для печати мѣсто, но они вошли. (Обращаясь къ представителямъ печати): «Прошу васъ уйти, кромѣ газеты *Кавказъ*». Видя, что репортеры газетъ не трогаются съ мѣста, предсѣдатель снова говоритъ: «Господа, уходите, а то я попрошу полицію».

— Можете что угодно дѣлать,—отвѣчаютъ ему представители печати,—но мы не уйдемъ, потому что требованіе ваше незаконно.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ и заявляетъ, что идетъ писать бумагу полицеймейстеру и до тѣхъ поръ, пока представители печати не уйдутъ, онъ не начнетъ засѣданія.

Представитель *Кавказа* заявляетъ, что если будутъ удалены остальные, то и онъ не желаетъ оставаться.

Тифлисскій полицеймейстеръ отказался вступиться въ это дѣло, и г. Мусхелову пришлось дѣйствовать самому. Онъ приказалъ убрать столы и уничтожить мѣсто, отведенное для печати. Но это приказаніе не помѣшало представителямъ печати раздобыть себѣ столъ и стулья, и, къ прискорбію предсѣдателя, заняться своимъ дѣломъ.

Результатомъ вражды одной изъ группъ собранія къ печати былъ слѣдующій прискорбный инцидентъ. Во время баллотировки должностныхъ лицъ банка, въ галлереѣ дворянскаго дома въ Тифлисѣ къ кн. В. М. Туманову, весьма уважаемому на Кавказѣ человѣку, подошелъ одинъ изъ членовъ-учредителей банка, кн. Н. Д. Діасамидзе, и, выразивъ ему неудовольствіе по поводу помѣщенной въ редактируемой имъ газетѣ *Новое Обозрѣніе* статьи, касающейся общихъ собраній банка, совершенно неожиданно для кн. Туманова ударилъ его суковатой палкой по головѣ. Слѣдствіемъ удара было поврежденіе наружныхъ покрововъ черепа. Князю Туманову случившимся тутъ же докторомъ сдѣлана была перевязка, послѣ чего онъ былъ отвезенъ домой.

Провинціальный корреспондентъ, по справедливому замѣчанію *Самарской Газеты,* явился не только въ извѣстной степени контролеромъ окружающей его дѣйствительности, но сыгралъ еще другую полезную роль: онъ способствовалъ распространенію чтенія газетъ. Обыватель, любопытствуя, какъ «пропечатываютъ» его согражданъ, сталъ все чаще и чаще брать въ руки газету, а потомъ съ интереса пропечатанія сталъ переходить и на другіе, дотолѣ чуждые ему «интересы». Это въ свою очередь усиливало матеріальныя основы для развитія провинціальной печати. Первоначально провинціальная печать представляла собою убогіе и по внѣшности, и по своему внутреннему содержанію—«листки». Но сѣмя было брошено, которое, если и не попало сразу на черноземную почву, то и не заглохло въ каменистомъ грунтѣ и въ пескѣ. Оно взошло и стало давать плоды, насколько позволяли ему какъ качество почвы, такъ и «благораствореніе воздуховъ...» И вотъ изъ жалкихъ «листковъ» мало-по-малу, сначала въ болѣе крупныхъ, а потомъ и въ второстепенныхъ русскихъ городахъ, стала выростать областная или мѣстная печать. И провинціальному обывателю пришлось познакомиться вскорѣ, кромѣ корреспондента, съ двумя другими еще болѣе непріятными для него видами газетныхъ работниковъ, съ репортеромъ и фельетонистомъ, которые стали заглядывать уже въ мелочи обывательской жизни, т.-е. въ такую область, гдѣ обыватель чувствовалъ прежде себя въ полной безопасности, пока не было мѣстныхъ газетъ. Атакованному, такимъ образомъ, чуть не со всѣхъ сторонъ обывателю пришлось считаться съ печатью уже весьма серьезно и, въ концѣ-концовъ, признать въ ней хотя и непріятную для него, но силу, съ которой борьба бываетъ не всегда успѣшною, такъ какъ, съ одной стороны, не для всякаго обывателя есть возможность пользоваться внѣшними давленіями на печать, а съ другой—невозможно стало дѣятелей ея принудить къ молчанію посредствомъ битья по карману. Провинціаль-

ный корреспондентъ, не имѣвшій возможности существовать одними корреспонденціями, принужденъ былъ «служить»; постоянный же провинціальный сотрудникъ нигдѣ не служитъ и ни отъ кого въ матеріальномъ отношеніи не зависитъ, такъ какъ провинціальная газета, несмотря на сравнительно ограниченный кругъ подписчиковъ, въ состояніи уже обезпечить его настолько, чтобъ онъ могъ спеціально посвятить себя избранной имъ профессіи. По крайней мѣрѣ, заработокъ въ поволжской печати постоянно и равномѣрно работающаго сотрудника колеблется отъ 300 до 2000 р. Такъ или иначе жить можно не хуже любого обывателя. И вотъ,—заключаетъ газета,—какъ ни тернисты пути провинціальной прессы, тѣмъ не менѣе она уже и въ настоящее время успѣла завоевать себѣ весьма видное положеніе въ провинціи и приноситъ не мало услугъ родинѣ.

Все это справедливо, но вѣрно также и то, что ростъ въ провинціи интеллигенціи и начатой ею тамъ работы на благо народа являются дѣломъ до такой степени новымъ, что рѣдко самое скромное предпріятіе не встрѣчаетъ тормазовъ, инсинуацій и доносовъ. Примѣровъ этому, и примѣровъ яркихъ, приводилось нами не мало. Вотъ одинъ изъ новенькихъ сообщенный въ *Новое Слово* изъ Выдропужска, Тверской губерніи. Всего какихъ-нибудь 3 мѣсяца у насъ въ Выдропужскѣ функціонируетъ,—говоритъ корреспондентъ,—народная читальня-библіотека, открытая новоторжскимъ земствомъ, а уже замѣтно ея благотворное вліяніе на населеніе. Народъ большую часть свободнаго времени проводитъ въ читальнѣ и повергаетъ господъ Деруновыхъ въ положительную ярость. «Охъ ужъ эти читальни,—говорятъ кабатчики,—одно зло отъ нихъ». За то крестьяне держатся совершенно противоположныхъ взглядовъ и отъ души благодарятъ устроителей. Впрочемъ, отъ кабатчиковъ чего же больше и ждать; а вотъ обидно, что гонителемъ библіотеки явился вновь къ намъ назначенный священникъ. Съ большимъ усердіемъ принялся онъ подкапываться подъ это симпатичное учрежденіе и достигъ въ этомъ направленіи значительныхъ успѣховъ. Началъ онъ съ того, что, явившись къ завѣдующему библіотекой, воспользовавшись любезностью послѣдняго, забралъ нѣсколько суворинскихъ дешевыхъ изданій и поднялъ по поводу ихъ цѣлую бурю. Особенно досталось Лѣскову и Чехову, которые, по несчастной случайности, попали въ число присланныхъ книгъ. «Предвзятые писатели, развратители»—вотъ это кто. Между тѣмъ крестьяне, узнавъ о присланныхъ земствомъ книгахъ, рѣшили отпраздновать открытіе библіотеки какъ можно торжественнѣе. Съ этою цѣлью они обратились къ обоимъ священникамъ нашего села и попросили ихъ отслужить молебенъ. «Не можемъ мы,—заявилъ новый батюшка,—святить романы», и, несмотря на всѣ упрашиванія, оставался непреклоннымъ. «Если ты,—говорилъ онъ молодому священнику,—пойдешь и будешь служить, я донесу на тебя преосвященному».—«Какъ же, батюшка, намъ не идти,—заявилъ дьяконъ,—когда прихожане просятъ? Этого нельзя дѣлать».—«Ну, только пойди,—стращалъ батюшка,—быть тебѣ въ монастырѣ на высидкѣ». Молебенъ, все-таки, со-

стоялся, благодаря молодому священнику; но еслибъ вы видѣли, чего ему это стоило! Онъ шелъ точно на смерть; поблѣднѣвшее лицо, голосъ, дрожавшій отъ волненія, ясно показывали, какъ дорого обходится ему этотъ геройскій подвигъ. Открытіе состоялось, и дѣятельность библіотеки началась. Крестьяне полюбили это учрежденіе, и въ темные, скучные вечера сельская скромная читальня-библіотека едва вмѣщала желающихъ. Ходило до семидесяти человѣкъ въ вечеръ, и, несмотря на многолюдность, собранія отличались замѣчательною тишиною и порядкомъ. «Одно,— говорили нѣкоторые,—книгъ мало».—«Да намъ еще пришлютъ»,—увѣренно заявляли другіе. Но скоро надъ библіотекою снова собрались тучи. Въ то время, какъ мирно развивалась дѣятельность читальни-библіотеки, не дремали и враги ея. Батюшка, съѣздивши въ Тверь, доложилъ архіерею, что въ Выдропужскѣ не все благополучно и что въ читальнѣ распространяютъ недозволенныя книги. При этомъ брошена была тѣнь на людей, принявшихъ близко къ сердцу дѣло читальни, и почему-то рѣшено было, что они «толстовцы». Началась обыкновенная исторія. Въ наши мирныя палестины пріѣхалъ спеціально-командированный чинъ, о насъ заговорили, и мирные, благонамѣренные обыватели близлежащихъ мѣстностей, при одномъ наименованіи Выдропужска, таинственно качаютъ головой и дѣлаютъ многозначительный видъ. «Уничтожу я читальню,—говоритъ батюшка,—не будетъ ея!» и, какъ бы въ подтвержденіе этихъ заявленій, книги изъ библіотеки все убываютъ, причемъ даже такіе разсказы, какъ *Кривая доля* Савихина, попадаютъ въ разрядъ запрещенныхъ... Былъ становой, былъ урядникъ, а за послѣднее время и губернаторъ обратилъ на насъ свое вниманіе, и библіотекарь долженъ былъ выслать ему черезъ урядика каталогъ имѣющихся въ читальнѣ книгъ. Невольно является вопросъ: за что?

И все это совершается въ то время, когда въ обществѣ окрѣпло и выдвинулось на первый планъ сознаніе необходимости спѣшить съ просвѣщеніемъ народа, когда значительная часть земствъ употребляютъ всѣ усилія для скорѣйшаго введенія общаго обученія. Да, надо скорѣе осуществить всеобщее обученіе, и тогда факты вродѣ вышеописаннаго станутъ невозможны. Къ числу земствъ, поставившихъ всеобщее обученіе на первую очередь, примкнуло и Курское. Губернское земское собраніе, съ цѣлью болѣе успѣшной и правильной постановки этого дѣла, избрало особую коммиссію, на которую возложило выработать основанія, при которыхъ должно выразиться участіе губернскаго земства въ дѣлѣ ускоренія всеобщаго обученія въ губерніи. Избранная коммиссія, какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ*, представила уже свою работу, въ которой высказала убѣжденіе въ возможности осуществить введеніе всеобщаго обученія дѣтей школьнаго возраста въ селеніяхъ Курской губерніи, а равно и указала степень участія въ этомъ дѣлѣ со стороны губернскаго земства.

При составленіи сѣти школъ коммиссіей принятъ, по возможности, 3-хъ верстный радіусъ пользованія школою, а равно и другія мѣстныя условія. Самое составленіе сѣти школъ по уѣздамъ возлагается на уѣздныя учи-

лищныя коммиссіи, какъ ближе всего знакомыя съ мѣстными условіями. Эти коммиссіи, составивъ проектъ сѣти школъ, пересылаютъ его на разсмотрѣніе губернской школьной коммиссіи и, въ случаѣ замѣчаній, проектъ исправляется уѣздными коммиссіями и затѣмъ составленный проектъ вносится на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго земскаго собранія. Затѣмъ этотъ проектъ сѣти школъ, одобренный губернскимъ земскимъ собраніемъ, заносится на карту губерніи и служитъ основаніемъ при постройкѣ школъ. Школы предполагается строить двухъ родовъ: нормальныя школы съ трехлѣтнимъ курсомъ и съ радіусомъ дѣятельности ея въ 3 версты, и филіальныя школы, вродѣ школъ грамоты. Какъ первыя, такъ и вторыя школы должны находиться въ вѣдѣніи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а филіальныя отдѣленія причисляются къ ближайшимъ нормальнымъ школамъ и находятся подъ наблюденіемъ учителя нормальной школы. На первое время предполагается школы второго разряда, т.-е. филіальныя, помѣщать въ наемныхъ домахъ, учителями въ филіальныя школы допускать изъ наиболѣе способныхъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ министерскихъ и земскихъ училищахъ. При устройствѣ новыхъ школъ и переустройствѣ старыхъ, пришедшихъ въ ветхость, губернское земство, на основаніи особо выработанныхъ правилъ, выдаетъ денежное пособіе безвозмездно или ссудою въ размѣрѣ 600 р. на каждую школу. Причемъ ссуда выдается на 10 лѣтъ безъ %, и ею могутъ пользоваться сельскія общества, уѣздныя земства и отдѣльныя лица. Всѣ получающіе земскую ссуду обязаны возводить школьныя зданія согласно выработаннымъ коммиссіею нормальнымъ планамъ, кои составлены 4-хъ типовъ и отвѣчаютъ педагогическимъ и гигіеническимъ требованіямъ. Для приведенія школьныхъ библіотекъ въ надлежащій порядокъ и для возможно-большаго увеличенія ихъ коммиссіею расширенъ и составленъ каталогъ ученической библіотеки, заключающій въ себѣ до 340 книгъ стоимостью въ 100 руб. Половину этого расхода, на образованіе новыхъ и пополненіе старыхъ библіотекъ, губернское земство принимаетъ на себя. Точно также губернское земство принимаетъ расходы въ половинномъ размѣрѣ на содержаніе учительскихъ библіотекъ при уѣздныхъ управахъ, причемъ исходатайствовано разрѣшеніе расширить каталогъ этихъ библіотекъ. Для распространенія народныхъ читаленъ, коммиссія предлагаетъ губернскому собранію принять участіе въ единовременномъ пособіи на устройство каждой читальни - библіотеки, въ размѣрѣ 100 р., съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ годъ на каждый уѣздъ пособіе со стороны земства выдавалось не менѣе какъ на двѣ читальни. Чтобы сдѣлать доступными народныя чтенія съ туманными картинами, коммиссія нашла необходимымъ возбудить ходатайство объ упрощеніи порядка разрѣшенія народныхъ чтеній, предоставивъ таковой на разрѣшеніе г. губернатора по соглашенію съ попечителемъ учебнаго округа. Признавая желательнымъ поощрить со стороны губернскаго земства повторительные курсы и вечерніе классы и отвѣчая на запросъ по этому предмету восьми уѣздныхъ земствъ, коммиссія предлагаетъ собранію принять рас-

ходъ на эти курсы въ половинномъ размѣрѣ и ассигновать ходатайствующимъ о томъ 8 земствамъ 1,840 рублей. Признавая полезнымъ устроить при губернской управѣ книжный складъ, коммиссія для развитія этого дѣла проситъ собраніе, кромѣ уже ассигнованныхъ 1,000 руб.,—ассигновать еще такую же сумму.

Таковы важнѣйшіе пункты доклада, представленнаго земскою коммиссіей въ курскую губернскую земскую управу. Осуществленіе предложеній коммиссіи поставитъ Курскую губернію въ дѣлѣ организаціи народнаго просвѣщенія на ту же высоту, на какой стоитъ губернія Московская.

Если въ сферѣ просвѣщенія народа совершается въ настоящее время еще небывалое въ Россіи движеніе впередъ,—движеніе, чреватое неисчислимыми благими послѣдствіями, то совершенно иной характеръ имѣютъ измѣненія, происходящія въ экономической жизни народа. На нашихъ глазахъ въ сельскомъ быту совершается переворотъ; земледѣльческое населеніе, представлявшее собою въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ однородную массу, начало распадаться на группы. Съ каждымъ днемъ увеличивается какъ группа богатѣевъ, такъ и группа бѣднѣющихъ крестьянъ и, слѣдовательно, таетъ группа средняго крестьянства. Бѣднѣющіе крестьяне, вынужденные бросать хозяйство, обращаются въ батраковъ, ищутъ работы на сторонѣ, идутъ въ города, на фабрики, заводы. Одни находятъ работу; другіе, не нашедши ея, нищенствуютъ по необходимости. Такимъ путемъ разлагается самостоятельное крестьянское хозяйство, растетъ число безземельныхъ, разлагается вѣковая русская община. Этотъ бѣдственный для народа процессъ обезземеливанія пережила и Западная Европа, но тамъ онъ смягчался тѣмъ, что одновременно съ нимъ развивалась и мануфактурная промышленность, поглощавшая большую часть обезземеливавшихся. По многимъ причинамъ ростъ нашей мануфактурной промышленности далеко отстаетъ отъ роста предложенія труда; почему неизбѣжнымъ результатомъ сокращающагося числа крестьянскихъ хозяйствъ является ростъ нищенства, усиленіе заболѣваемости и смертности.

Недавно вышла интересная книга г. Гуревича: *Экономическое положеніе русской деревни.* Для сужденія о хозяйственныхъ дѣлахъ въ современной деревнѣ авторъ пользовался земскими статистическими сборниками нѣсколькихъ среднихъ губерній. Приблизительное сходство основныхъ цифръ, по справедливому заключенію автора, дало ему право распространить выводы изъ его работы на всю среднюю полосу Россіи. Цифры показываютъ, что уже въ настоящее время число дворовъ, бросившихъ земледѣльческое хозяйство, достигаетъ *одной пятой;* приблизительно такое же число дворовъ разбогатѣли на счетъ своихъ сообщниковъ-бѣдняковъ и обрабатываютъ землю уже съ помощью батраковъ, въ качествѣ которыхъ часто являются ихъ же сообщники. Классъ сдатчиковъ надѣльной земли непрестанно увеличивается, а «сильные» дворы забираютъ мало-по-малу въ свои руки надѣлы разоряющихся хозяевъ и открыто выступаютъ противъ общинныхъ порядковъ. И хотя къ съемщикамъ надѣловъ переходитъ лишь право вла-

дѣнія землей, но имѣется уже не мало фактовъ, показывающихъ возможность превращенія владѣнія въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ сельское капиталистическое хозяйство. Заключительныя слова работы г. Гуревича слѣдующія: «Семейная кооперація, деревенская община и натуральное хозяйство—таковы основные элементы экономическаго строя Россіи въ прошломъ. Россія грядущихъ дней будетъ имѣть своимъ базисомъ крестьянскую буржуазію, земледѣльческій пролетаріатъ и капиталистическое сельское хозяйство».

Можно ли остановить этотъ бѣдственный для народа процессъ? Можно ли создать условія, благопріятствующія упроченію массы самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ? Да, условія эти существуютъ, о нихъ уже тридцать лѣтъ говорила наша экономическая литература, многія изъ этихъ условій указаны недавними земскими отвѣтами на запросы министра земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Но, чтобъ остановить быстрый ходъ разрушенія самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, требуется цѣлая совокупность весьма радикальныхъ мѣропріятій, требуется рѣшительный поворотъ въ нашей традиціонной экономической политикѣ. Разсчитывать на такой поворотъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, нѣтъ никакихъ данныхъ; что̀ имѣется на-лицо—такъ это лишь такія экономическія движенія, которыя только до извѣстной степени замедляютъ совершающійся у насъ процессъ капиталистическаго развитія. Въ числѣ этихъ движеній на первый планъ по своему значенію выступаетъ движеніе переселенческое. Переселеніе задерживаетъ процессъ разрушенія самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ двумя путями: бѣднѣйшая часть крестьянства, составляющая главный контингентъ эмиграціи, становится снова въ благопріятныя для продолженія земледѣльческаго промысла условія; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются надѣлы оставшихся на родинѣ членовъ общины. Весь ходъ экономической жизни современной русской деревни пораждаетъ изъ года въ годъ ростъ переселенческаго движенія. Ничтожное по размѣрамъ еще лѣтъ двадцать назадъ, оно выражается въ сотняхъ тысячахъ переселяющихся за послѣдніе годы. Въ теченіе одной лишь весны текущаго года переселенцевъ за Уралъ насчитывалось около 200,000 душъ. Правительствомъ обращено уже серьезное вниманіе какъ на упорядоченіе эмиграціи, такъ и на облегченіе условій переѣзда эмигрантовъ. Но размѣры эмиграціи возрастали такъ быстро и, въ то же время, съ постройкой Сибирской желѣзной дороги, такъ рѣшительно измѣнялись эмиграціонные пути, что правительство не успѣло еще установить порядокъ въ переселенческомъ движеніи. Отсюда—безпорядочность движенія и масса страданій, переживаемыхъ переселенцами.

Каждую весну, какъ только начинается переселенческое движеніе,—говоритъ *Степной Край*, — постоянно приходится отмѣчать тѣ трудности, которыя испытываютъ переселенцы только въ силу того, что передвиженіе ихъ на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ не обставлено сколько-нибудь удовлетворительно.

Съ особенною силой неупорядоченность переселенческаго передвиженія сказалась въ послѣдніе два года, когда переселенцы направились на Сибирскую желѣзную дорогу. Хотя еще въ концѣ прошлаго года было извѣстно, что нынѣшнимъ лѣтомъ должны пройти болѣе двухсотъ тысячъ переселенцевъ, тѣмъ не менѣе всѣ переселенческіе пункты вдоль Сибирской желѣзной дороги, начиная отъ Челябинска и до Кривощековой, оказались почти такъ же мало подготовлены для пропуска такого громаднаго числа, какъ и въ прошломъ году. Что̀ приходится въ силу этого переживать переселенцамъ, можно судить по слѣдующему сообщенію изъ Челябинска. Переселенческая волна съ наступленіемъ весны совершенно залила нашъ небольшой городокъ. На 10,000 жителей, вотъ уже двѣ недѣли, мы имѣемъ не менѣе 15—16,000 переселенцевъ, кочующихъ между городомъ и вокзаломъ. Положеніе переселенцевъ ужасно; живутъ они подъ открытымъ небомъ, въ грязи (послѣ бывшихъ ливней), полуголодные и плохо одѣтые, съ массой ребятишекъ, копошащихся въ грязи и среди нечистотъ (всѣ отправленія происходятъ тутъ же на мѣстѣ). Вся эта масса народа, задержанная за неимѣніемъ въ распоряженіи управленія Зап.-Сибирской ж. д. достаточнаго количества вагоновъ и паровозовъ для перевозки такого большого количества пассажировъ, расположилась на полѣ, тщетно пыталась укрыться въ холщевыхъ палаткахъ или подъ тюками своего багажа отъ дождя съ холоднымъ, пронизывающимъ вѣтромъ, какъ нарочно льющаго вотъ уже пять дней подъ-рядъ, а если къ этому прибавить еще, что значительная часть этого народа перебивается впроголодь, потому что не только въ столовой, существующей на переселенческомъ пунктѣ, но даже и у торговцевъ не хватаетъ, не говоря о щахъ, даже хлѣба, что не только кипяченой, но даже сырой воды нѣтъ по близости въ количествѣ, достаточномъ для утоленія жажды этихъ 15 т. душъ, то будутъ совершенно понятны причины огромной заболѣваемости и сравнительно большой смертности среди переселенцевъ. При подобныхъ условіяхъ и отсутствіи сколько-нибудь сноснаго питанія для больныхъ лѣченіе становится безполезнымъ занятіемъ, толченіемъ воды въ ступѣ. Особенно сильно распространяется и прямо господствуетъ дизентерія; въ настоящее время больными подобнаго рода заполненъ цѣлый баракъ, уступленный желѣзно-дорожной администраціей для помѣщенія больныхъ. Окрестности пропитаны зловоніемъ настолько сильнымъ, что обитатели желѣзно-дорожной станціи боятся открывать окна, а свѣжій человѣкъ можетъ проходить мимо переселенческаго табора только зажавши носъ. Очевидно, что движеніе переселенцевъ, хотя и ожидавшееся, застало челябинскій переселенческій пунктъ какъ бы врасплохъ: ни помѣщеній для защиты хоть бы отъ дождя, ни больницы, ни обширной и хорошо организованной столовой, ни отхожихъ мѣстъ съ хорошей дезинфекціей не оказалось, а эта непредусмотрительность прибавила цѣлое море страданій людямъ, гонимымъ нуждой изъ своей родины.

Новое Время, обращая вниманіе на тѣ разнообразныя затрудненія, съ какими встрѣчаются переселенцы на своемъ пути, справедливо указываетъ,

что немалую долю въ переселенческую страду вносятъ наши желѣзныя дороги, для которыхъ «пассажиры IV класса» ни въ какомъ случаѣ не люди, а грузъ малой скорости, подлежащій доставкѣ по мѣрѣ возможности и желѣзно-дорожнаго досуга. Газета заимствуетъ со словъ мѣстныхъ органовъ печати о злоключеніяхъ переселенцевъ на Кіево-Воронежской жел. дор. Товарные вагоны для переселенцевъ на ст. Бахмачъ были безъ скамеекъ, многіе даже безъ верхнихъ оконныхъ отверстій, двери безъ всякихъ загражденій, что представляетъ большую опасность въ пути, такъ какъ при отсутствіи оконъ дверь приходится держать полуоткрытой. Въ этихъ-то вагонахъ должна была размѣститься вся масса въ 800 чел. сѣраго люда съ женщинами, дѣтьми и дорожнымъ провіантомъ. На вагонъ приходилось до 70 человѣкъ, хотя надпись на вагонѣ во всеуслышаніе гласитъ: «8 лошадей или 40 человѣкъ». Болѣе рѣшительные переселенцы очень энергично протестовали: «що се таке намъ дѣтей своихъ давыть тутечки!»—слышалось отовсюду. Но, въ концѣ-концовъ, толпа, ворча и кряхтя, полѣзла въ вагоны, набивъ ихъ, какъ сельди въ бочки. Представьте же себѣ, что при такихъ условіяхъ совершается путешествіе въ нѣсколько тысячъ верстъ.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости описываютъ печальное положеніе переселенцевъ даже въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Харьковъ: «Холодъ, грязь, жизнь впроголодь, тяжелыя болѣзни и громадная смертность дѣтей — неразлучные спутники переселенцевъ. Есть семейства, которыя теряютъ во время пути всѣхъ дѣтей. Самая незначительная болѣзнь ребенка нерѣдко оканчивается смертью, благодаря тяжелой обстановкѣ, плохому питанію и отсутствію теплой пищи. Жители Харькова, которые теперь, отправляясь на дачи, имѣютъ случай часто посѣщать вокзалъ, могутъ во-очію убѣдиться, какова обстановка переселенцевъ и дѣтей ихъ, зайдя въ отдѣленіе 3-го класса. Если и теперь ужъ, на харьковскомъ вокзалѣ, наши сосѣди-полтавцы имѣютъ такой жалкій, истощенный видъ, то каковыми же они дойдутъ въ Акмолинскую область, мѣсто конечнаго ихъ пути? И не есть ли непремѣнный христіанскій долгъ всѣхъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые проходятъ переселенцы, доставить имъ пріютъ на время остановки, отдыхъ, теплую пищу, кипятокъ? И неужели такой городъ, какъ Харьковъ, не найдетъ средствъ построить хотя баракъ (благо есть и пустырь противъ вокзала) для переселенцевъ? Нужно вѣрить, что добрые люди не откажутъ въ своей помощи этому дѣлу, не терпящему никакихъ отлагательствъ. Пусть каждый, у кого есть свои дѣти, пойдетъ и посмотритъ, въ какомъ положеніи находятся переселенческія дѣти на вокзалѣ, и, навѣрное, каждый, у кого не заглохли человѣческія чувства, скажетъ: «да, здѣсь мѣсто не разговорамъ, а активной помощи, кто чѣмъ можетъ!» На первое время необходимы: баракъ, помощь фельдшера, теплая пища, кипятокъ, возможность переселенцамъ размѣститься и отдохнуть, хотя на соломѣ во время остановки въ ихъ долгомъ пути».

На станціи Рославль, какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ*, имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ. Начальникъ станціи Трумковскій нашелъ возмож-

нымъ посадить партію переселенцевъ въ 240 чел. съ 150 пуд. клади въ четыре товарныхъ вагона. Протесты переселенцевъ не повели ни къ чему. Въ невозможныхъ условіяхъ и духотѣ переселенцы тронулись въ путь. Доѣхавъ до ст. Дубровка, они, наконецъ, надумались и отправили министру путей сообщенія телеграмму такого содержанія: «Просимъ обратить вниманіе: 165 переселенцевъ, кромѣ 80 дѣтей, помѣщены нач. ст. Рославль въ четыре приспособленныхъ вагона. Благодаря страшной тѣснотѣ и духотѣ, изнемогаемъ. Переселенцы». Изъ министерства, какъ говорятъ, былъ присланъ чиновникъ для разслѣдованія, и теперь на Рославльской станціи переселенцевъ уже не транспортируютъ, какъ товаръ. Къ этому извѣстію газета прибавляетъ, что переполошившееся желѣзно-дорожное начальство, предполагая, что телеграмма составлена кѣмъ-либо изъ служащихъ ст. Дубровки, учиняетъ розыскъ этого «неблагонадежнаго лица».

Мы сказали, что организація въ широкихъ размѣрахъ переселенія бѣднѣйшей части крестьянства является наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для ослабленія процента разрушенія самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Другимъ, хотя не столь могучимъ, тѣмъ не менѣе, достаточно важнымъ средствомъ къ той же цѣли были всѣ мѣропріятія, клонящіяся къ уменьшенію числа безлошадныхъ дворовъ. Съ лишенія лошади именно и начинается разрушеніе самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства; изъ безлошадныхъ, далѣе, образуются бросившіе хозяйство и безземельные. На обширныхъ пространствахъ нашего отечества произведены изслѣдованія числа безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ и сдѣланы сопоставленія съ количествомъ ихъ лѣтъ десять назадъ, и всѣ же изслѣдованія показали значительный ростъ такихъ крестьянскихъ дворовъ, стоящихъ на границѣ окончательнаго разоренія и перехода изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ батраки. По отдѣльнымъ уѣздамъ потеря въ количествѣ скота и ростъ безлошадныхъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Напримѣръ, въ Казанскомъ уѣздѣ изъ 32,766 домохозяйствъ около половины, именно 13,464, оказались безлошадными; въ Мамадышскомъ уѣздѣ обнаруженъ переписью еще большій процентъ безлошадныхъ, именно около 44%. Конская перепись 1893 г. въ Саратовской губерніи выяснила фактъ существованія 85,118 безлошадныхъ хозяйствъ, что составляетъ 29,2% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ губерніи. По отдѣльнымъ уѣздамъ размѣръ процента колеблется между 21 (Сарат. у.) и 44 (Кузнец. у.). Десять лѣтъ назадъ процентъ безлошадныхъ въ Саратовской губерніи не превышалъ 19. Какъ видитъ читатель, за десятилѣтіе число безлошадныхъ возросло на 33%. Въ Воронежской губерніи крупнаго скота убыло 28%, а мелкаго 43%; число хозяйствъ безъ рабочаго скота перешло уже за треть. Въ Пермской губерніи количество крестьянскаго скота значительно уменьшилось во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ лишь Чердынскаго. Въ трехъ же уѣздахъ: Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Шадринскомъ получились, въ среднемъ выводѣ, слѣдующія цифры убыли: лошадей 36%, крупнаго рогатаго скота 34%, мелкаго скота 42%. Въ Вятской губерніи изслѣдованія по предмету

убыли скота окончены въ 131 волостяхъ изъ 307, имѣющихся въ губерніи. Произведенныя изслѣдованія показали, что убыль рабочихъ лошадей достигла цифры 25%, а контингентъ безлошадныхъ дворовъ составляетъ уже 32%. По послѣдней военно-конской переписи оказалось, что изъ $10^1/_2$ милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ Европейской Россіи болѣе чѣмъ у $2^1/_2$ милліоновъ нѣтъ ни одной лошади, т.-е. четвертая часть всѣхъ крестьянскихъ дворовъ не имѣетъ главнѣйшаго элемента для веденія самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Кіевская, Полтавская, Подольская) число безлошадныхъ дворовъ превышаетъ половину ихъ общаго числа. Но даже если отбросить губерніи Малороссійскія и Новороссію, гдѣ въ большинствѣ случаевъ вспашка производится волами, то и тогда число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ остальныхъ мѣстностей Россіи превзойдетъ шестую часть общаго числа домохозяевъ, а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній безлошадные дворы составляютъ болѣе четвертой доли всѣхъ хозяйствъ.

Вятское земство первое пришло на помощь безлошаднымъ. Уже два года оно производитъ операцію снабженія крестьянскаго населенія лошадьми и ведетъ ее очень успѣшно.

Закупку лошадей земство производитъ въ Сибири, для чего командируетъ туда ветеринарныхъ врачей. Въ 1894 г. каждая лошадь обошлась земству въ 34 рубля, а въ прошломъ году только по 32 рубля. Кромѣ того, губернская управа выдала уѣздамъ на ссуды безлошаднымъ крестьянамъ около 17-ти тысячъ рублей для покупокъ на мѣстныхъ базарахъ, а въ общемъ итогѣ на этотъ предметъ израсходовано 58,600 руб. Лошади выдаются крестьянамъ подъ условіемъ уплаты ихъ стоимости въ теченіе трехъ лѣтъ. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ представлялась исправность уплаты крестьянами этого долга, но оказалось на практикѣ, что и эта сторона дѣла довольно благополучна. Въ возвратъ уже поступило около 16-ти тысячъ рублей. Въ настоящемъ году на покупку лошадей губернскимъ собраніемъ вновь ассигнованъ изъ запаснаго капитала кредитъ въ размѣрѣ 30 т. руб., такъ что общая цифра кредита земства на этотъ предметъ превышаетъ 70 т. р., не считая въ томъ числѣ кредитъ, открытый нѣкоторыми уѣздными земствами изъ собственныхъ суммъ на покупку рабочихъ лошадей. Въ виду прекрасныхъ результатовъ сказанной операціи и безубыточности ея для земства можно думать, что и другія земства послѣдуютъ доброму примѣру вятской губернской земской управы.

Съ цѣлью предупредить тѣ неблагопріятныя экономическія условія, въ какія поставлено крестьянское населеніе Европейской Россіи, сибирская печать много удѣляетъ вниманія грядущему поземельному устройству Сибири. Государство является здѣсь исключительнымъ собственникомъ земли. Земля эта служила до сихъ поръ эмиграціоннымъ фондомъ; она заселялась переселенцами изъ Европейской Россіи. Продажа казенной земли въ частныя руки значительно ослабила бы для государства возможность надѣлять землей переселенцевъ, т.-е. элементъ, который стоитъ ближе къ землѣ и дл

котораго земля — насущная потребность. Насажденіе на государственныхъ земляхъ помѣщичьяго землевладѣнія имѣло бы слѣдствіемъ спекуляціи землею. Спекуляція выразилась бы въ двухъ видахъ: одни собственники занялись бы перепродажей земли нуждающемуся въ ней сельскому населенію; другіе, смотря по обстоятельствамъ, нашли бы болѣе выгоднымъ спекулировать землею въ формѣ сдаванія ея крестьянамъ въ аренду. Въ результатѣ же, во всякомъ случаѣ, оказалось бы, что людьми, ведущими сельскохозяйственный промыселъ, явились бы лишь крестьяне, а собственники крупныхъ и среднихъ участковъ получали бы за это ренты. Ошибочно было бы думать, что крупныя помѣстья въ Сибири могутъ явиться сельско-хозяйственными школами для народа. Опытъ прошлаго и современныя экономическія условія края рѣшительно говорятъ противъ этого. Этотъ тезисъ сибирская печать многократно и солидно обосновала. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Владивостокъ* сообщается новая иллюстрація къ обсуждаемому вопросу. Какъ извѣстно,—говоритъ газета,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ держалось у насъ вліятельное мнѣніе, которое считало, что для преуспѣванія края необходимо привить къ нему крупное землевладѣніе съ капиталистическими формами хозяйства. Предполагалось, что крупные землевладѣльцы заведутъ раціональную систему обработки земли, машины, дренажъ, искусственное удобреніе и проч. и явятся такимъ образомъ руководителями крестьянства по пути земледѣльческаго прогресса. На этомъ основаніи стали раздавать отдѣльнымъ лицамъ болѣе или менѣе крупные участки земли, и неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошли бы эти раздачи, если бы онѣ не были остановлены распоряженіемъ изъ Петербурга. Къ чему же привелъ сдѣланный опытъ? Дальше корейско-китайскаго способа обработки земли никто изъ созданныхъ правительствомъ помѣщиковъ не пошелъ; мало того: новосозданные лэндлорды находятъ наиболѣе выгоднымъ для себя лично вовсе не заниматься хозяйствомъ, а отдавать свои земли или исполу корейцамъ, или даже вовсе въ аренду. Такимъ образомъ, эта система плодила только тунеядцевъ, обогащающихся на счетъ чужого труда, безъ малѣйшаго съ ихъ стороны усилія поднять культуру, чѣмъ-нибудь отплатить за общее достояніе, выпавшее имъ на долю единственно благодаря несчастой ошибкѣ канцелярскихъ доктринеровъ. Этотъ фактъ—фіаско крупнаго землевладѣнія—особенно поучителенъ теперь, когда рѣшается вопросъ о судьбѣ стоверстной полосы по линіи желѣзной дороги. Достанется ли она цѣликомъ переселенцамъ-крестьянамъ, или для насажденія культуры будетъ предоставлено и неземледѣльцамъ широкое право на пріобрѣтеніе участковъ, которые они будутъ имѣть возможность отдавать въ аренду инородцамъ и своимъ, становясь лэндлордами, даже не имѣя историческихъ заслугъ послѣднихъ передъ своею страной? Будемъ надѣяться, что вопросъ рѣшится въ пользу крестьянина. Конечно, въ стоверстной полосѣ могутъ являться надобности и не для земледѣльческихъ цѣлей, а для нуждъ промышленности; но для фабрики и заводовъ потре-

буется слишкомъ незначительное количество земли, чтобы это могло играть роль въ рѣшеніи вопроса. Здѣсь,—заключаетъ газета,—въ новыхъ условіяхъ, гдѣ судьба дала намъ полную возможность безобидно для всѣхъ установить наиболѣе разумный экономическій порядокъ, мы не должны повторять старыхъ ошибокъ и слѣдовать предразсудкамъ, гибельные результаты которыхъ пришлось бы испытать въ самомъ близкомъ будущемъ. Сибирь не знала крѣпостного права и не знаетъ крупнаго землевладѣнія, и въ этомъ причина благосостоянія ея населенія и залогъ ея будущаго развитія.

Рядомъ съ эмиграціей сельскаго населенія за Уралъ идетъ также непрестанно эмиграція его изъ селъ въ города. Обезземелившіеся, всѣ бросившіе хозяйство за невозможностью прокармливать семью на надѣлѣ въ одну или 1½ десятины и не нашедшіе работы дома и въ ближайшихъ окрестностяхъ—идутъ искать работу въ города. Но далеко не всѣ находятъ ее здѣсь. Отсюда сильное развитіе за послѣднее время нищенства, бросающееся въ глаза даже самому ненаблюдательному человѣку. Нищенство—зло само по себѣ—порождаетъ еще другое великое зло: оно увеличиваетъ число дѣтей, растущихъ безъ всякаго призора, воспитанія и при условіяхъ крайне благопріятствующихъ развитію всякихъ преступныхъ наклонностей. Нѣтъ сомнѣнія, что возрастающее количество преступленій въ нашихъ городахъ находится въ тѣснѣйшей связи съ этимъ бѣдственнымъ явленіемъ. Изъ безпріютныхъ дѣтей и формируются, главнымъ образомъ, кадры профессіональныхъ воровъ. Нельзя сказать, чтобъ общество отнеслось вполнѣ равнодушно къ судьбѣ безпризорныхъ дѣтей. Во многихъ городахъ организованы уже спеціальныя благотворительныя учрежденія съ цѣлью пріютить безпризорныхъ дѣтей. Принимаются эти дѣти также въ устраиваемые обществомъ «дома трудолюбія». Наплывъ дѣтей въ нѣкоторыя дома трудолюбія такъ великъ, что дѣти превышаютъ число взрослыхъ, вслѣдствіе чего приходится давать дому трудолюбія организацію примѣнительно къ нуждамъ дѣтскаго и отроческаго возраста. Такъ, напримѣръ, въ виду преобладанія дѣтей въ вятскомъ домѣ трудолюбія, организаторы его дали ему характеръ профессіональной ремесленной школы для обученія заброшенныхъ подростковъ разнымъ ремесламъ. Но сколько благородной энергіи ни проявляетъ частная инициатива для призора безпріютныхъ дѣтей, она оказывается далеко не достаточна. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ это дѣло идетъ наиболѣе успѣшно, мѣстныя благотворительныя общества не въ состояніи пріютить и десятой доли несчастныхъ заброшенныхъ дѣтей, обреченныхъ на безъисходную нужду, холодъ, голодъ и преступленія. Городскія общественныя управленія заслуживаютъ въ этомъ дѣлѣ большого упрека. Они почти совершенно не обращаютъ вниманія на бѣдственное положеніе заброшенныхъ дѣтей, на это большое соціальное зло. Между тѣмъ забота о призрѣніи безпріютныхъ дѣтей составляетъ ихъ прямое дѣло. Этотъ же упрекъ высказываетъ кіевская газета *Жизнь и Искусство* Кіе-

ву. Ни въ одномъ городѣ нашего обширнаго отечества,—говоритъ газета,—нѣтъ такого огромнаго количества бродячихъ, безпризорныхъ дѣтей, какъ въ Кіевѣ. Почти вся эта масса дѣтей выросла преимущественно на окраинахъ города: Соломенкѣ, Лукьяновкѣ, Шулявкѣ, Юрковицѣ, гдѣ проживаютъ большею частью люди бѣднѣйшаго класса, перебивающіеся изо-дня въ день. Эти люди, еле добывающіе свое дневное пропитаніе, мало заботятся о будущности своихъ дѣтей; они едва прокармливаютъ ихъ до 7—8-лѣтняго возраста, а затѣмъ отпускаютъ ихъ на произволъ судьбы. Покинутыя дѣти бродятъ по улицамъ и закоулкамъ босыя, оборванныя, грязныя, голодныя, до тѣхъ поръ, пока попадутъ въ различныя трущобы и притоны разврата. Въ юношескомъ воспріимчивомъ возрастѣ они вскорѣ научаются всѣмъ хитростямъ и мошенническимъ пріемамъ и превращаются въ настоящихъ жуликовъ. Немудрено, поэтому, что въ Кіевѣ малолѣтніе воришки и карманники цѣлыми стаями шляются по базарнымъ площадямъ, на толкучемъ рынкѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагается наибольшее скопленіе народа. Что же сдѣлалъ Кіевъ для предотвращенія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія этого зла? Ничего или почти что ничего. Если исключить общество дневныхъ пріютовъ, преслѣдующее свои спеціальныя задачи, то въ городѣ имѣется только одно учрежденіе, въ сферу дѣятельности котораго входитъ забота о безпризорныхъ бродячихъ дѣтяхъ. Здѣсь имѣется въ виду кіевская исправительная колонія. Но, во-первыхъ, мыслимо ли, по силамъ ли одному этому учрежденію уврачевать давно наболѣвшій вопросъ о бродячихъ, безпризорныхъ дѣтяхъ, а во-вторыхъ, что самое главное, чтобы попасть подъ опеку колоніи, нужно совершить преступленіе. Но и помимо этого,—какъ справедливо замѣчаетъ газета,— общественный интересъ не можетъ примириться съ постановкой такого важнаго дѣла, какъ дѣло о безпризорныхъ дѣтяхъ, на почву простой филантропіи. Необходима соотвѣтствующая законодательная регламентація, необходима уже хотя бы потому, что изъ этого-то контингента обездоленнаго юношества являются общественные отбросы, которые впослѣдствіи наполняютъ собою тюрьмы. Общество смотритъ или по крайней мѣрѣ должно смотрѣть на подрастающее поколѣніе какъ на разсадникъ будущихъ общественныхъ работниковъ. Общество поэтому заинтересовано въ томъ, чтобъ эти будущіе работники были и физически, и морально, и умственно достаточно подготовлены къ успѣшному выполненію той или иной полезной роли въ общественной жизни, соотвѣтственно его запросамъ и потребностямъ. При наличности же условій, въ которыя поставлено дѣло попеченія о безпризорныхъ дѣтяхъ, всѣ эти надежды и чаянія безпрепятственно сводятся на нѣтъ. Вслѣдствіе этого и вырастаютъ дѣти улицы, дѣти алкоголики, дѣти преступники и т. п., и общество, не заботившееся о нихъ ранѣе, безстрастно караетъ ихъ, когда они дошли до скамьи подсудимыхъ.

Число учрежденій для призора безпріютныхъ и заброшенныхъ дѣтей, созданныхъ исключительно частной инпціативой, увеличилось на дняхъ еще

однимъ таковымъ же учрежденіемъ, организованнымъ въ городѣ Сумы. Учредительницею его явилась вдова потомственнаго почетнаго гражданина М. М. Суханова, пожертвовавшая 50 т. на содержаніе пріюта и усадебное мѣсто съ обширнымъ зданіемъ, садомъ и паркомъ. Всѣ расходы по первоначальному обзаведенію убѣжища приняты учредительницею также на свой счетъ. Убѣжище помѣщается въ живописной мѣстности, на такъ называемой «Сухановской» дачѣ, возлѣ рѣки Псла. Призрѣваемыя дѣти обучаются здѣсь закону Божьему, русскому языку, ариѳметикѣ, чистописанію и различнымъ ремесламъ.

И. Иванюковъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

Письма Знатнаго Иностранца *).

Переводъ съ рукописи.

Письмо шестое.

Дорогая Дженни!

Признаюсь, не безъ нѣкотораго сожалѣнія я собираюсь оставить южный берегъ Крыма, чтобъ отправиться въ Нижній-Новгородъ на выставку, которая, по заявленіямъ какъ и устроителей ея, такъ и нѣкоторыхъ газетныхъ корреспондентовъ, расхваливающихъ выставку, послѣ первыхъ, не вполнѣ одобрительныхъ, впрочемъ, корреспонденцій, съ пылкостью влюбленныхъ и усердіемъ людей, старающихся загладить ошибочность первыхъ, конечно, ложныхъ впечатлѣній,—представляетъ собою грандіозную и наглядную картину развитія русской промышленности и вообще русскаго генія, свидѣтельствуя въ то же время о богатствѣ производительныхъ силъ и мощи русскаго народа, и распорядительности, и энергіи представителей разныхъ вѣдомствъ.

Какъ ни хочется мнѣ скорѣй побывать на выставкѣ, которую безъ излишней ложной скромности расхваливали не только влюбленные корреспонденты, но и сами ея устроители, которые—нужно отдать имъ справедливость—не имѣютъ здѣсь скверной привычки врать, по довольно курьезному русскому выраженію, какъ «siwi mérépa» (русскіе предполагаютъ, что и лошади врутъ), подобно нашимъ англійскимъ министрамъ (о французскихъ или нѣмецкихъ я уже не говорю),—какъ, говорю, ни любопытно посмотрѣть выставку, которую я видѣлъ въ апрѣлѣ, такъ сказать, въ черномъ видѣ,—я все-таки откладываю поѣздку, до того, Дженни, мнѣ понравился очаровательный южный берегъ съ его благодатнымъ климатомъ, роскошью южной природы и чуднымъ моремъ, и я остаюсь въ Алупкѣ еще недѣлю, разсчитываю свершить еще экскурсіи и въ другія, болѣе или менѣе живописныя мѣста Крыма.

Жаль только, что кромѣ благъ, дарованныхъ Господомъ Богомъ, въ Крыму, какъ впрочемъ и повсюду въ Россіи, почти незамѣтно или замѣт-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

но очень мало культурной заботы человѣка приложить и свои силы къ Божіимъ дарамъ, и потому эта «жемчужина русской короны», какъ справедливо называютъ Крымъ, является далеко не благоустроеннымъ мѣстомъ, и жизнь въ немъ, по крайней мѣрѣ для людей, не имѣющихъ возможности тратить большія деньги, лишена даже самыхъ примитивныхъ удобствъ не только для больного, но даже и для совершенно здороваго человѣка. Помѣщенія въ пансіонахъ оставляютъ желать весьма многаго, начиная съ умывальниковъ и матрацовъ, а питаніе положительно грозитъ катарромъ. Благодаря счастливой случайности, я, впрочемъ, попалъ въ очень приличный пансіонъ, и, благодаря Богу, сытъ ежедневно и на катарръ не разсчитываю.

Что̀ бы сдѣлали изъ этого прелестнаго уголка представители какой-нибудь другой европейской націи, которая имѣла бы счастье владѣть Крымомъ,—о томъ достаточно свидѣтельствуетъ благоустройство и удобство жизни нашихъ приморскихъ мѣстечекъ, ривіеры и вообще всѣхъ европейскихъ курортовъ, причемъ пользоваться этими удобствами, и сравнительно не за дорогую цѣну, могутъ не одни только богачи.

Но, при всей моей симпатіи къ русскимъ, справедливость обязываетъ однако меня сказать, что они, вѣроятно, вслѣдствіе своей самобытности, на которую съ гордостью указываютъ, какъ на свое преимущество передъ прочими націями,—весьма, повидимому, равнодушны къ улучшенію условій жизни какъ личной, такъ и общественной, и довольно неохотно разстаются съ своими старыми привычками, освященными патріархальнымъ обычаемъ и строемъ ихъ общежитія.

Къ числу такихъ привычекъ слѣдуетъ, между прочимъ, отнести полное пренебреженіе ко всякимъ санитарнымъ мѣрамъ, что, впрочемъ, отчасти объясняется замѣчательною нечувствительностью обонянія русскихъ (на этотъ счетъ у нихъ даже существуетъ характерное присловье: «своя грязь не пахнетъ»), являющеюся результатомъ долгой привычки жить въ постоянномъ сосѣдствѣ съ помойными и мусорными ямами не только въ маленькихъ городкахъ, но даже и въ столичныхъ. Весной въ Москвѣ, я, Дженни, задыхался отъ благоуханій на улицахъ, а многіе знакомые москвичи и, казалось, съ носами отлично чующими, гдѣ пахнетъ жаренымъ (что означаетъ: можно поживиться), находили, что воздухъ свѣжъ и пріятенъ, и вдыхали полною грудью ароматы Москвы, особенно сильные при таяніи снѣга.

Отсутствіе заботъ объ удобствахъ квартиръ, какъ понимаемъ ихъ мы, тоже одна изъ привычекъ спеціально, какъ мнѣ кажется, принадлежащихъ русскимъ, и въ этой странѣ, Дженни, даже въ зажиточныхъ и богатыхъ семьяхъ главное вниманіе обращено на парадныя комнаты. Онѣ велики, нарядны и часто ослѣпляютъ роскошью. Несравненно хуже ихъ жилыя комнаты спальни и дѣтскія. Что же касается помѣщеній для прислуги, то въ рѣдкихъ квартирахъ можно найти спеціально назначенныя для нея комнаты Обыкновенно прислуга помѣщается или на кухнѣ, или гдѣ-нибудь въ ко

ридорѣ, какъ здѣсь говорятъ «на тычкѣ», то-есть на сундукѣ или на полу. О постельномъ бѣльѣ нѣтъ и помина. Короче сказать, помѣщеніе слугъ и служанокъ (особенно послѣднихъ) таково, что ни одна, даже самая нетребовательная англійская горничная не рѣшилась бы жить въ подобныхъ условіяхъ и пришла бы въ ужасъ при видѣ здѣшнихъ помѣщеній. О томъ, какъ помѣщаются рабочіе при булочныхъ, кондитерскихъ, у портныхъ и у сапожныхъ мастеровъ, нечего и говорить. Замѣчу только, на основаніи опубликованія санитарныхъ осмотровъ, что свиньи въ Англіи служатъ предметомъ бо̀льшихъ заботъ, чѣмъ здѣсь у нѣкоторыхъ хозяевъ рабочіе-джентльмены. Даже у людей, казалось бы, болѣе культурныхъ отношеніе къ людямъ во-истину безчеловѣчное. Такъ, на-дняхъ только я прочиталъ въ газетахъ, съ какимъ варварствомъ обращается извѣстный и у насъ содержатель хора Славянскій, дающій теперь концерты на выставкѣ, съ бѣдными дѣтьми пѣвчими. Вотъ что сообщаетъ одна изъ нижегородскихъ газетъ:

«Вчера къ мѣстной административной власти въ ярмаркѣ поступила довольно любопытная жалоба на плохое содержаніе двухъ мальчиковъ въ капеллѣ извѣстнаго русскаго пѣвца Д. А. Агренева-Славянскаго. Жалоба эта ярко характеризуетъ жизнь дѣтей, отдаваемыхъ родителями въ разныя капеллы, хоры и проч.

«Жаловались двое отцовъ—калужскій мѣщанинъ Николай Сидѣльниковъ и ярославскій мѣщанинъ Максимъ Тихановъ. Оба они отдали своихъ дѣтей въ капеллу Славянскаго—«для обученія пѣнію, игрѣ на инструментахъ и ремесламъ», какъ значится въ заключенныхъ ими договорахъ. Срокъ обученія—5 лѣтъ. Въ теченіе этого времени отцы предоставляли г. Славянскому «родительскія права» надъ своими дѣтьми. Во все время обученія г. Славянскій долженъ давать полное содержаніе своимъ ученикамъ. По истеченіи 5 лѣтъ они получаютъ свободу, а если до истеченія срока отцы захотѣли бы взять своихъ дѣтей отъ г. Славянскаго, то должны заплатить ему ввидѣ неустойки по 30 рублей за каждый мѣсяцъ, проведенный каждымъ ученикомъ у Славянскаго.

«Таковы въ общихъ чертахъ условія договора при отдачѣ дѣтей въ капеллу Славянскаго.

«Дѣти Сидѣльникова и Тихонова,— одному изъ нихъ 15 лѣтъ, а другому 12-й годъ, — уже около четырехъ лѣтъ путешествуютъ съ капеллой Славянскаго по разнымъ городамъ. Были эти мальчики и за границей, въ Парижѣ, въ Миланѣ,—«всего насмотрѣлись», какъ писалъ одинъ изъ нихъ своему отцу. Но нелегко все это доставалось имъ.

«— За границей мы много терпѣли отъ голода, — писалъ одинъ изъ нихъ (Тихоновъ) своему отцу.—Спимъ въ сараѣ, на сѣнѣ, одѣваемся мѣшками, въ головы кладемъ сапоги...

«— Отъ насъ уже четверо мальчиковъ сбѣжали,—писалъ недавно другой, — и мы лучше бы согласились уйти хоть куда-нибудь. Лучше жить въ арестантскихъ ротахъ.

«Желая провѣрить, каково живется дѣтямъ, одинъ изъ родителей просилъ машиниста желѣзной дороги Гербальскаго, пріѣхавшаго въ Нижній, повидать сына. Гербальскій отыскалъ квартиру, гдѣ жили дѣти, и послѣ долгихъ просьбъ къ нему отпустили ненадолго—«подъ расписку» мальчика-пѣвчаго. Тотъ разсказалъ обо всемъ своемъ горькомъ житьѣ, о чемъ Гербальскій тотчасъ же написалъ отцу. Послѣдній на-дняхъ пріѣхалъ въ Нижній и попросилъ г. Славянскаго отпустить его сына.

«Г. Славянскій указалъ на неустойку въ договорѣ... Но эта неустойка составила бы громадную сумму—за «выкупъ» двоихъ мальчиковъ пришлось бы заплатить слишкомъ 2,400 рублей! Тогда отцы рѣшились обратиться къ помощи административной власти.

«Одного изъ мальчиковъ мы вчера видѣли въ Главномъ домѣ, куда онъ пришелъ вмѣстѣ съ отцомъ. На мальчикѣ подъ синей блузой вмѣсто рубашки были прямо лохмотья,—какія-то грязныя тряпки. На ногахъ вмѣсто носокъ тоже грязныя тряпки... Видъ мальчика былъ тщедушный, забитый...

«Г. Славянскій приглашенъ былъ къ и. д. полицеймейстера на ярмаркѣ И. Е. Коствину и здѣсь согласился отпустить къ 1 сентября обоихъ мальчиковъ, не требуя никакой неустойки и выдавъ еще имъ на одежду нѣкоторую сумму денегъ».

Наконецъ, нельзя, Дженни, не упомянуть еще объ одной, нѣсколько странной, на мой взглядъ, привычкѣ русскихъ—о трогательной ихъ привязанности къ клопамъ и всякаго рода домашнимъ насѣкомымъ.

Привязанность эта, какъ мнѣ разъяснили, имѣетъ основаніе въ философской доктринѣ геніальнаго русскаго писателя графа Толстого о непротивленіи злу. Эта доктрина, какъ нельзя болѣе подходящая къ національному характеру и едва ли не съ Рюрика, основателя Русскаго государства, служившая единственною этикой, само собой очень нравится добрымъ русскимъ и примѣняется довольно широко не только по отношенію къ лицамъ (и преимущественно оффиціальнымъ), но, какъ я упоминалъ, и относительно насѣкомыхъ, и потому обиліе ихъ, особенно въ купеческихъ домахъ, въ которыхъ живутъ лэди и джентльмены болѣе тучные,—превышаетъ всякое воображеніе. Болѣе рѣшительные и послѣдовательные поклонники ученія графа Толстого доходятъ даже до такого самоотверженія, что предоставляютъ свои тѣла въ полное и невозбранное распоряженіе насѣкомыхъ, не осмѣливаясь, принципа ради, не только убивать ихъ, но даже ограничивать ихъ распространеніе персидскимъ порошкомъ,—этимъ, замѣчу кстати, необходимымъ предметомъ, безъ котораго здѣсь рѣшительно невозможно путешествовать.

Благодаря всему этому, въ Крыму можно жить съ удобствами только очень богатымъ людямъ,—къ ихъ услугамъ есть дорогія гостиницы и роскошныя виллы и дачи. Для людей же скромнаго достатка остается лишь одна природа и благодатный климатъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ, по выраженію туземцевъ, «драть шкуры» съ тѣхъ и съ другихъ и вообще смо-

трѣть на пріѣзжихъ, какъ смотрятъ профессіональные разбойники на неосторожныхъ путниковъ. А казалось бы, такъ не трудно устроить что-нибудь и для небогатыхъ людей, принявъ въ соображеніе, что пріѣзжающіе въ Крымъ отдохнуть и полѣчиться не одни только люди бросающіе бѣшеныя деньги, и не одни только дамы проблематическихъ лѣтъ, посѣщающія Крымъ спеціально для верховой ѣзды съ проводниками-татарами, пользующимися особеннымъ расположеніемъ преимущественно купчихъ. Какъ выгодна въ Крыму профессія проводника, можно судить по біографіи одного проводника, умершаго вслѣдствіе неумѣреннаго пьянства во время моего пребыванія въ Крыму. По словамъ мѣстной газеты *Ялты*, покойный татаринъ въ свое время пользовался большимъ вниманіемъ пріѣзжихъ любительницъ верховой ѣзды и черезъ его руки прошло не мало десятковъ тысячъ рублей. Уже самое обнародованіе такого факта свидѣтельствуетъ о распространенности подобнаго явленія, и я, послѣ первыхъ же дней пребыванія въ Крыму, перестаіъ удивляться и обилію пожилыхъ леди, и наглости проводниковъ-татаръ.

Въ виду неустройства и крайней дороговизны жизни въ русскихъ лѣчебныхъ мѣстахъ и курортахъ, многіе русскіе, не взирая на рискъ быть обвиненными нѣкоторыми газетами въ недостаткѣ патріотизма и въ увозѣ золота, которое, такъ необходимо оставлять въ странѣ, — многіе русскіе, преимущественно такіе, что не отрицаютъ персидскаго пороша, остерегаются ѣздить на отечественныя воды, хотя цѣлебныя свойства многихъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, кавказскихъ, и не оставляютъ желать ничего лучшаго, и отправляются за границу для лѣченія недуговъ, находя, и не безъ основанія, что пребываніе въ заграничныхъ курортахъ и дешевле, и спокойнѣе, и не грозитъ разными непріятностями, столь обычными въ русскихъ. Эти непріятности обильны и разнообразны. Онѣ бываютъ и изъ-за недостатка ваннъ, добиться которыхъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, судя по постояннымъ жалобамъ больныхъ въ газетахъ, бываетъ очень трудно безъ особой протекціи, по крайней мѣрѣ, для человѣка, не имѣющаго генеральскаго чина, и изъ-за квартиръ, отчаянность и дороговизна которыхъ просто-таки невѣроятны, и изъ-за невозможности питаться сколько-нибудь удовлетворительно. Если къ этому прибавить, что мѣстные жители-казаки и ихъ супруги сильно напоминаютъ пиратовъ и имѣютъ оригинальную привычку, получивъ съ жильца деньги, не исполнять обязательства ни относительно прислуги, ни относительно доброкачественности стола, то не трудно себѣ представить, Дженни, что у большей части больныхъ, побывавшихъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, къ прежнимъ болѣзнямъ прибавляется еще болѣзнь печени, не говоря уже о томъ, что больного оберутъ до нитки, въ чемъ мѣстнымъ пиратамъ значительно помогаютъ и пріѣзжающіе на сезонъ, то-есть врачи преимущественно московскіе и этической школы извѣстнаго московскаго профессора Захарьина, таксированные высокіе гонорары котораго, при долгомъ пользованіи его совѣтами, могутъ разорить даже и богатаго человѣка. За то,

впрочемъ, почтенный профессоръ обогатился самъ и настолько, что могъ недавно пожертвовать на церковно-приходскія школы 500,000 рублей.

Въ Алупкѣ я познакомился съ однимъ почтеннымъ джентльменомъ, имѣвшимъ, какъ онъ говоритъ, несчастье провести одинъ сезонъ въ Пятигорскѣ и Ессентукахъ. То, что онъ разсказывалъ о тамошнихъ порядкахъ, о туземныхъ домовладѣльцахъ и о нѣкоторыхъ докторахъ, рѣшительно напоминало разсказы Майнъ-Рида и только заставляло меня удивляться, что русскіе еще посѣщаютъ Кавказъ. Впрочемъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, дѣломъ упорядоченія условій жизни на кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ послѣднее время особенно озабочено министерство государственныхъ имуществъ и земледѣлія и, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, есть вѣроятія, что въ будущемъ пребываніе въ кавказскихъ лѣчебныхъ мѣстахъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, напоминать бѣдствій человѣка, внезапно очутившагося въ странѣ краснокожихъ.

Готовясь къ поѣздкѣ въ Нижній, я, разумѣется, внимательно прочитываю русскія газеты, изъ которыхъ черпаю свѣдѣнія какъ оффиціальныя, такъ и частныя о выставкѣ. Они весьма любопытны, какъ отраженіе несбывшихся ожиданій и нервности устроителей, желающихъ во что бы то ни стало найти виновниковъ въ полномъ внѣшнемъ неуспѣхѣ выставки, т.-е. въ непосѣщеніи ея публикой. А между тѣмъ на выставку затрачено не мало милліоновъ и казенныхъ, и частныхъ, выстроено множество гостиницъ, субсидируемыхъ правительствомъ въ ожиданіи наплыва публики, и тѣмъ не менѣе она представляетъ собой пустыню Сахару. Даже самые влюбленные въ выставку корреспонденты не отрицаютъ этого факта, засвидѣтельствованнаго турникетами, и, разумѣется, разыскиваютъ виновниковъ неуспѣха.

Черезъ недѣлю я разсчитываю выѣхать въ Нижній и затѣмъ подѣлюсь съ вами, дорогая Джени, личными впечатлѣніями отъ выставки и отъ ярмарки, которая на дняхъ открывается и, такимъ образомъ, я одновременно увижу и ту, и другую. Нечего и говорить, что въ качествѣ Знатнаго Иностранца, я буду безпристрастенъ, насколько это возможно при моей слабости къ этой оригинальной странѣ и ея обитателямъ. Пусть меня соотечественники называютъ руссофиломъ, но я не могу не сознаться, что, при многихъ своихъ недостаткахъ, русскіе вызываютъ къ себѣ симпатію и невольное удивленіе. До того они патріархальны и наивны подчасъ, эти милые русскіе, не безъ основанія считающіе себя единственнымъ въ своемъ родѣ народомъ. О, еслибы наши соотечественники такъ же знали эту страну, какъ я, они не печатали бы о ней разныхъ нелѣпостей и не представляли бы ее какимъ-то пугаломъ. Да хранитъ васъ Богъ, Дженни.

Письмо седьмое.

Дорогая Дженни!

Пользуюсь послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ Крыму, чтобы поспѣшить отвѣтить на ваше послѣднее письмо и, притомъ, сильно запоздавшее. Не смѣю утверждать, но предполагаю, что оно денекъ, другой пролежало въ

почтовой конторѣ, такъ какъ въ такихъ относительно глухихъ мѣстечкахъ, какъ Алупка, господа чиновники не очень-то торопятся доставлять адресатамъ корреспонденцію, считая, что часомъ или двумя, а то и днемъ позже, или раньше, получить письмо не составляетъ большой важности. Вдобавокъ и письма отсюда ходятъ до курьеза долго. Доѣхалъ я изъ Москвы до Севастополя въ 42 часа, затѣмъ изъ Севастополя до Ялты на пароходѣ въ 5 часовъ, и изъ Ялты до Алупки въ коляскѣ въ 2 часа. Итого для переѣзда человѣка изъ Москвы въ Алупку потребно 49 часовъ, а для путешествія письма потребно не менѣе (а иногда и болѣе) пяти сутокъ. По крайней мѣрѣ и я, и жившіе со мною въ пансіонѣ нерѣдко получали письма изъ Москвы на пятыя сутки. Такую разницу во времени путешествія человѣка и письма объяснить мнѣ никто не могъ, хотя на почтѣ и объяснили, что письма изъ Севастополя отправляются ежедневно, но только не на пароходахъ, а на лошадяхъ.

Спѣшу извиниться передъ вами, что, при всемъ желаніи, не могу отвѣтить на нѣкоторые ваши вопросы съ тою обстоятельностью, на которую вы нѣсколько наивно разсчитываете. Дѣло въ томъ, Джени, что русскія газеты, въ противоположность нашимъ, охотно готовымъ вѣрить всему и вкось разсуждать о всякомъ происшествіи, отличаются похвальною осторожностью и сдержанностью, и чтобы не распространять среди публики, какъ здѣсь говорятъ, ложныхъ извѣстій или превратныхъ толкованій, остерегаются говорить о такихъ фактахъ, правильно освѣтить и разъяснить которые господа журналисты, по свойственной имъ добросовѣстности, не могутъ до оффиціальнаго ихъ разъясненія въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

Повторять же слухи считаю совершенно лишнимъ и недобросовѣстнымъ, такъ какъ здѣсь, вслѣдствіе умѣлаго и крайне осторожнаго пользованія газетами свободой печати, разнообразіе слуховъ и сплетенъ, часто взаимно противорѣчащихъ, такъ велико, что разобраться въ нихъ и различить правду отъ лжи такъ же трудно, какъ трудно, по словамъ одного знакомаго моего журналиста, быть редакторомъ особенно такимъ, который хоть и не отрицаетъ рѣшительно, примѣняясь къ духу времени и потребностямъ публики, что его страна—первая страна въ подлунной, но, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ похваливать и другія страны и систематически указывать на то, что и на солнцѣ, какъ доказано астрономами, есть пятна *).

Возвращаюсь, однако, къ выставкѣ, о которой теперь говорятъ.

По словамъ корреспондента одной изъ распространенныхъ газетъ и притомъ самаго влюбленнаго, въ неуспѣхѣ выставки виноватъ знаете ли кто, Дженни? Десятокъ «жидковъ» корреспондентовъ, распространившихъ о ней ложные слухи и, натурально, по свойственной «жидкамъ» злобѣ ко всему

*) Нужно ли прибавлять, что почтенный лордъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе или, вѣрнѣе, мистифицированъ своимъ знакомымъ журналистомъ. Во-первыхъ, положеніе редактора точно опредѣлено закономъ, а во-вторыхъ, печатаніе астрономическихъ статей не можетъ быть причиной трудности положенія, какъ сообщаетъ Знатный Иностранецъ.—*Прим. пер.*

русскому. Однимъ словомъ, «десятокъ жидковъ» помѣшалъ странѣ съ населеніемъ въ сто милліоновъ выдѣлить приличное количество посѣтителей, введя ихъ въ заблужденіе сообщеніями о неготовности выставки, ея дороговизнѣ и т. п.

Признаюсь, Дженни, какъ я ни привыкъ здѣсь читать самыя невѣроятныя объясненія, имѣющія съ логикой мало общаго, и какъ ни обычна здѣсь манера нѣкоторыхъ газетъ искать виноватого во всемъ обязательно «жида», объясненіе, данное вышеупомянутымъ джентльменомъ, изумило даже меня своею необыкновенною глупостью, бросающейся въ глаза, если считать это объясненіе не однимъ только чрезмѣрнымъ усердіемъ влюбленнаго корреспондента.

Я внимательно читалъ газеты и рѣшительно не догадывался о присутствіи «десятка жидковъ». Правда, нѣкоторые корреспонденты сообщали и о томъ, что послѣ открытія, выставка не вполнѣ готова, что во время дождей крыши выставочныхъ зданій промокаютъ, что въ выставочныхъ гостиницахъ дороговизна и что посѣтителей мало,—но другіе корреспонденты, въ томъ числѣ, напримѣръ, «Old Gentleman» (это, Дженни, псевдонимъ одного изъ корреспондентовъ), напротивъ, только превозносили выставку, ни слова не говоря объ ея недочетахъ послѣ первыхъ, какъ я уже раньше говорилъ, не вполнѣ хвалебныхъ корреспонденцій. И затѣмъ является вопросъ: какъ это публика вѣрила какимъ-то «десяти жидкамъ», и не вѣрила русскимъ корреспондентамъ и оффиціальнымъ разъясненіямъ и восторженнымъ отзывамъ знаменитаго ученаго Менделѣева и таковымъ же телеграммамъ нѣкоторыхъ профессоровъ и, все-таки, не бросилась на выставку.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, Дженни, что «десять жидковъ» были придуманы только однимъ корреспондентомъ. Другіе, къ чести русскихъ журналистовъ, до такихъ нелѣпостей не доходили и даже въ pendant къ «десяти жидкамъ» никто не догадался усмотрѣть «интриги англичанъ». Надо признаться, Дженни, что большинство русскихъ газетъ насъ не долюбливаетъ и бранитъ нашихъ министровъ съ такою же откровенностью и свободой, съ какими одобряетъ своихъ.

Нѣкоторому порицанію подверглась русская пресса и со стороны выставочной администраціи. По крайней мѣрѣ, изъ любопытнаго разговора одного корреспондента съ вице-предсѣдателемъ коммиссіи по устройству выставки, напечатаннаго въ газетѣ, видно было, что почтенный директоръ департамента торговли и мануфактуръ, человѣкъ, повидимому, вполнѣ сочувственно относящійся къ прессѣ, и тотъ заявлялъ неудовольствіе на то, что нѣкоторые представители ея отнеслись къ выставкѣ не такъ, какъ бы слѣдовало: слишкомъ легкомысленно—и старались найти въ ней одно только дурное, не обращая вниманія или нарочно умалчивая о хорошемъ.

Я, конечно, понимаю, Дженни, что досадно и обидно видѣть легкомысленное и даже преднамѣренное отношеніе къ дѣлу, на которое затрачено много силъ и труда,—но, съ другой стороны, нельзя же требовать, чтобы корреспонденты непремѣнно писали такъ, какъ хотѣлось бы устроителямъ выставки.

Вообще говоря, здѣсь довольно странный взглядъ на свободу мнѣній печати. И даже люди образованные и умные, не смотрящіе на печать какъ на зло и любезно называющіе журналистовъ «почтеннымъ сословіемъ», и тѣ, чуть только кто-нибудь изъ представителей «почтеннаго сословія» высказываетъ мнѣніе, не соотвѣтствующее ихъ желаніямъ,—приходятъ въ нервное состояніе и теряютъ уваженіе къ «сословію», и слава Богу, если только ограничиваются порицаніемъ, а не жалуются главному управленію по дѣламъ печати.

Если таково отношеніе лучшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей къ печати, то вы можете себѣ представить, Дженни, какъ относятся къ ней тѣ дѣятели, которые въ каждомъ мнѣніи, несогласномъ съ ихъ собственнымъ, видятъ, какъ здѣсь говорятъ, «превратныя сужденія» и «подрывъ престижа власти».

Долженъ, однако, оговориться, Дженни, дабы не ввести васъ въ заблужденіе. Администрація выставки весьма предупредительна и любезно отнеслась къ представителямъ прессы. Имъ предоставленъ безплатный проѣздъ, для нихъ отведена особая зала на выставкѣ, гдѣ они могутъ писать корреспонденціи и получать свѣдѣнія. И, разумѣется, неудовольствіе, выраженное на прессу, далеко не имѣло обобщающаго характера, о чемъ можно судить уже и по тому, что одинъ изъ корреспондентовъ, г. Амфитеатровъ почтенъ назначеніемъ коммиссаромъ, что кромѣ почета даетъ еще и весьма приличный гонораръ. Нечего и прибавлять, что званіе коммиссара нисколько не стѣснитъ свободы его корреспондентской дѣятельности. Въ данномъ случаѣ совмѣстительство, пожалуй, даже можетъ помочь полнотѣ, обстоятельности и безпристрастію корреспонденцій.

На дняхъ я познакомился въ Алупкѣ съ однимъ очень пріятнымъ джентльменомъ, пріѣхавшимъ въ нашъ пансіонъ. Онъ служитъ въ какомъ-то вѣдомствѣ, и, судя по истомленному лицу, бѣдняга, должно-быть, сильно переутомился. Послѣ обѣда за общимъ столомъ мы остались съ нимъ одни за чашками кофе и разговорились. Онъ, по обыкновенію, разспрашивалъ меня о томъ, какое впечатлѣніе произвела на меня Россія, и затѣмъ спросилъ:

— А вы были на нашей выставкѣ?

— На дняхъ ѣду! — отвѣчалъ я.

— Вы увидите много интереснаго и поучительнаго, милордъ, и убѣдитесь, что русскіе теперь избавлены отъ торговой зависимости чужеземцевъ...

При этихъ словахъ почтенный джентльменъ взглянулъ на меня торжествующимъ взглядомъ своихъ темныхъ, нѣсколько потускнѣвшихъ глазъ, словно бы взглядомъ этимъ хотѣлъ сказать:

— Теперь англійскому сбыту окончательный капутъ!

И въ видѣ предостереженія прибавилъ:

— Мы и машины теперь сами строимъ. И какія еще!

Я, разумѣется, поспѣшилъ выразить полное сочувствіе и объяснить, что не имѣю заводовъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, милордъ, и если вы не имѣете предубѣжде-

нія противъ Россіи, какъ большинство вашихъ соотечественниковъ... Не правда ли, предубѣжденіе, вѣдь, есть?

Я не могъ не согласиться, но объяснилъ, что я знаю немного Россію и русскихъ и питаю большое къ нимъ расположеніе.

— Въ такомъ случаѣ вы убѣдитесь, какіе мы сдѣлали успѣхи за послѣднее время во всѣхъ отрасляхъ промышленности. И вообще выставка замѣчательна. Она серьезна и не имѣетъ того кафе-шантаннаго характера, которымъ отличаются европейскія выставки...

— Но, говорятъ, ее посѣщаютъ мало...

Мой собесѣдникъ внезапно сталъ нервнымъ и голосъ его принялъ раздражительный тонъ, когда онъ отвѣчалъ:

— Мало?... Это дѣйствительно правда, но въ этомъ отчасти виновата печать... корреспонденты... и наша дурацкая публика, которая вѣритъ всякому вздору. Признаюсь, я уважаю печать, но теперь я сильно потерялъ къ ней уваженіе.

— Почему?

— А потому, что наша печать не сумѣла отнестись къ своей задачѣ, какъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы помочь грандіозному государственному дѣлу,—она фыркала да указывала только на разные мелочные недостатки, неминуемые во всякомъ большомъ дѣлѣ. Люди создали въ короткое время прелестный городокъ—выставку, трудились, работали, а какой-нибудь болванъ корреспондентъ писалъ, что выставка не готова, что выстроена не тамъ, гдѣ слѣдуетъ... мало ли чего не писали... А публика вѣрила и не ѣхала.

— Но потомъ, когда публика убѣдилась, что сообщили вздоръ?—спросилъ я.

— Потомъ?—переспросилъ онъ.—Потомъ стало ѣздить больше, но, все-таки, надо правду говорить, что мало. Къ сожалѣнію, наша публика еще не доросла до такихъ выставокъ. Имъ кафе-шантанъ нуженъ. Впрочемъ, мы и не разсчитывали на приливъ публики. Мы имѣли въ виду немногихъ, но серьезныхъ посѣтителей, желающихъ чему-нибудь научиться.

— Въ такомъ случаѣ на кого же были разсчитаны всѣ эти выставочныя гостиницы, которымъ даны субсидіи? Мнѣ кажется, что дорогія въ нихъ цѣны, отъ четырехъ и шести рублей за номеръ, едва ли по карману тѣмъ серьезнымъ посѣтителямъ, на которыхъ, какъ вы говорите, разсчитывали?

Джентльменъ, видимо, былъ нѣсколько смущенъ моимъ вопросомъ и пустился въ объясненія, признаться, далеко не убѣдительныя. Казалось, и самъ онъ лишь утѣшалъ самого себя, стараясь увѣрить, что выставка была устроена для нѣсколькихъ сотенъ, а не для сотенъ тысячъ людей. Для сотенъ даже и такая богатая страна, какъ Россія, не устроила бы выставки и не потеряла бы милліоновъ, а вѣроятно, затратила бы ихъ на народное образованіе, о которомъ теперь всѣ говорятъ въ застольныхъ рѣчахъ. И къ тому же, сколько извѣстно изъ газетъ, всѣ приготовленія

именно имѣли въ виду болѣе или менѣе состоятельныхъ людей и только уже впослѣдствіи, когда не оставалось сомнѣнія, что не только нѣтъ наплыва публики, которая могла бы тратить бѣшеныя деньги, но и вообще публики мало, явилась прекрасная мысль о безплатныхъ поѣздахъ на выставку учащихъ, учащихся и рабочихъ и приняты были мѣры о возможно-дешевомъ ихъ содержаніи. Но раньше при устройствѣ выставки никакихъ приготовленій въ этомъ смыслѣ сдѣлано не было. Ясно было, что мой джентльменъ, какъ здѣсь выражаются, заговаривалъ зубы.

Я, конечно, не высказалъ ему всѣхъ этихъ соображеній, понимая, что они только раздражатъ его самолюбіе, которое здѣсь очень сильно, особенно у чиновниковъ. Вдобавокъ, по страстному тону, съ какимъ говорилъ молодой джентльменъ, я предположилъ (и, какъ оказалось впослѣдствіи, не безъ основанія), что онъ былъ тоже въ числѣ устроителей выставки. На слѣдующій же день онъ объяснилъ, что пріѣхалъ въ Крымъ на двѣ недѣли отдохнуть отъ чрезмѣрной работы по устройству выставки, гдѣ онъ завѣдывалъ какимъ-то отдѣломъ.

Признаться, и нѣкоторое раздраженіе, съ какимъ онъ говорилъ о пессимистахъ, не вѣровавшихъ въ успѣхъ выставки, было мнѣ совершенно понятно. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, Дженни, что мы приготовили торжественный фестиваль, разослали двѣсти приглашеній и вмѣсто двухсотъ человѣкъ къ намъ явилось бы всего два. Вѣдь, это было бы обидно. Не правда ли? Вѣроятно и мы постарались бы, какъ выражаются французы, «faire bonne mine au mauvais jeu».

До слѣдующаго письма изъ Нижняго-Новгорода. Будьте здоровы, Дженни.

Письмо восьмое.

Дорогая Дженни!

Изъ Ялты до Севастополя я дошелъ на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли вполнѣ благополучно. Пятичасовой переходъ былъ совершенъ утромъ, погода была ясная и тихая, на пути не было мелей и, слѣдовательно, не было особеннаго риска потонуть въ Черномъ морѣ, подобно злосчастнымъ пассажирамъ парохода «Владиміръ», погибшимъ въ прошломъ году, благодаря столкновенію съ другимъ пароходомъ въ ясную лунную ночь и благодаря отсутствію распорядительности капитана и тѣмъ вопіющимъ безпорядкамъ, какія оказались на «Владимірѣ».

Такъ же благополучно и безъ особенныхъ приключеній доѣхалъ я изъ Севастополя до Москвы и оттуда до Нижняго, что надо считать довольно счастливою случайностью и приписать,—какъ здѣсь имѣютъ привычку приписывать всякое благополучіе, — особому милосердію Господа Бога, такъ какъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ довольно-таки нерѣдки приключенія самаго разнообразнаго характера, начиная съ внезапныхъ и продолжительныхъ остановокъ среди лѣса и поля неизвѣстно по какимъ причинамъ (кон-

дукторы обыкновенно на вопросы отвѣчаютъ невѣдѣніемъ и нерѣдко, во избѣжаніе докуки, безцеремонно запираютъ вагоны на ключъ, предоставляя пассажирамъ самимъ догадываться, почему они не ѣдутъ) и кончая потерей багажа и возможностью имѣть, какъ русскіе говорятъ, «серьезное недоразумѣніе», то-есть быть избитымъ и ограбленнымъ. Такое «недоразумѣніе» едва не случилось съ однимъ изъ пассажировъ третьяго класса, описавшаго его въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ. Онъ среди бѣла дня подвергся нападенію на площадкѣ вагона со стороны нѣсколькихъ человѣкъ, ѣхавшихъ въ томъ же вагонѣ, и былъ принужденъ, во избѣжаніе побоевъ, выскочить на ходу съ поѣзда и пѣшкомъ дойти до ближайшей станціи, отдѣлавшись, по счастью, лишь ушибами, ибо, несмотря на его крики о помощи, ни одинъ кондукторъ не явился, какъ бы подтверждая обычную здѣсь привычку не однихъ только кондукторовъ, но и полисменовъ: появляться тамъ, гдѣ они рѣшительно не нужны, и обязательно отсутствовать тамъ, гдѣ присутствіе ихъ необходимо.

Я ѣхалъ въ первомъ классѣ безпересадочнаго вагона, надпись на которомъ: «Севастополь—Москва» какъ бы указывала на то,—какъ повсюду въ Европѣ,—что вагонъ этотъ исключительно предоставленъ пассажирамъ, ѣдущимъ изъ Севастополя въ Москву, которымъ, въ виду долгаго путешествія, есть, слѣдовательно, надежда провести двѣ ночи болѣе или менѣе спокойно и не бодрствуя по неволѣ.

Оказалось, однако, что объявленія и подписи, хотя бы и оффиціальныя, служатъ лишь для украшенія вагоновъ, такъ какъ вагонъ прямого сообщенія былъ переполненъ пассажирами, въ числѣ которыхъ большая часть пассажировъ ѣхали не въ Москву, а въ Харьковъ, Курскъ и другія промежуточныя станціи.

И когда одинъ изъ пассажировъ, пожилой толстякъ, задыхавшійся отъ жары въ сосѣдствѣ съ двумя столь же тучными дамами, и притомъ довольно некрасивыми, обратился къ оберъ-кондуктору съ протестомъ за нарушеніе правъ пассажировъ, ѣдущихъ до Москвы, то оберъ-кондукторъ улизнулъ, обѣщавъ доложить начальнику станціи, и пока онъ докладывалъ, поѣздъ тронулся, и всѣ мы изнемогали отъ тѣсноты и жары.

По счастію, къ позднему вечеру многіе пассажиры ушли, ушли и двѣ дамы, возмущавшія тучнаго джентльмена, и, въ виду не прекращавшихся его протестовъ и угрозъ оберъ-кондуктору показать сему послѣднему какую-то родительницу какого-то Кузьки (насколько я понялъ, это былъ одинъ изъ варіантовъ ругательствъ, которыми столь богатъ русскій языкъ), тѣмъ болѣе, что онъ, толстякъ, знакомъ съ самимъ министромъ путей сообщенія и, слѣдовательно, дѣйствительно, можетъ «показать» эту, повидимому, очень непріятную особу,—замѣтно струсившій оберъ-кондукторъ уже не пускалъ никого въ нашъ вагонъ, и мы могли выспаться, единственно благодаря энергіи тучнаго джентльмена.

Въ купэ со мной ѣхалъ молодой человѣкъ, спѣшившій, какъ и я, на

выставку. Мы съ нимъ разговорились, и онъ, между прочимъ, описывая достопримѣчательности Нижняго-Новгорода, ставилъ въ непремѣнный долгъ, если не познакомиться, то, по крайней мѣрѣ, увидѣть замѣчательныхъ тамошнихъ людей: губернатора Н. М. Баранова, предсѣдателя ярмарочнаго комитета, извѣстнаго милліонера Савву Морозова и лорда-мера барона Дельвига.

При этомъ молодой человѣкъ обязательно одолжилъ мнѣ номеръ одной большой петербургской газеты. Въ немъ корреспондентъ въ большомъ фельетонѣ описывалъ неутомимую дѣятельность и энергію г. Баранова, безъ котораго, по словамъ корреспондента, нельзя даже «понять ни Нижняго, ни выставки, ни ярмарки», съ такою же восторженностью, съ какою корреспондентъ другой петербургской же газеты описывалъ неутомимую дѣятельность и энергію дѣятелей выставки, безъ которыхъ, по словамъ корреспондента, выставка не была бы своевременно готова, не представляла бы собой красоты и изящества и не была бы столь дешево устроена. Отдавая должное названнымъ лицамъ, оба корреспондента, повидимому, расходились только въ оцѣнкѣ выставки. Первый, описывающій генерала Баранова, старался отмѣтить всѣ недочеты выставки; второй, напротивъ, ихъ не находилъ, но за то о дѣятельности генерала Баранова умалчивалъ.

Какъ бы то ни было, но я былъ очень радъ, Дженни, познакомиться хотя черезъ газеты съ дѣятельностью выдающихся общественныхъ дѣятелей, такъ какъ инымъ путемъ здѣсь познакомиться съ нею нельзя.

О дѣятельности генерала Баранова я, впрочемъ, зналъ во время прежняго моего пребыванія въ Россіи. Бывшій морякъ, герой «Весты»—маленькаго парохода, побѣдоносно ушедшаго отъ большого турецкаго броненосца, который, вслѣдствіе поврежденія въ машинѣ, не могъ догнать и потопить маленькое суденышко, затѣмъ оставившій флотъ для гражданской дѣятельности, бывшій короткое время петербургскимъ градоначальникомъ, онъ вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ пользуется популярностью, отличаясь и энергіей своихъ подчасъ исключительныхъ мѣръ во время холеры и голода, и умѣньемъ ладить съ ярмарочнымъ купечествомъ, и умѣньемъ импонировать на толпу обѣщаніями мѣръ, хотя и не предусмотрѣнныхъ въ законѣ, но имѣющихъ вполнѣ отеческій характеръ. Впрочемъ, вы будете имѣть, Дженни, объ этомъ дѣятелѣ болѣе точное понятіе по обстоятельному фельетону, недавно напечатанному, и потому я переведу его и пришлю вамъ въ непродолжительномъ времени, а пока прибавлю только, что названный дѣятель кромѣ того еще и литераторъ, при чемъ обнаружилъ большія полемическія способности въ полемикѣ съ извѣстнымъ журналистомъ княземъ Мещерскимъ, съ которымъ прежде, по словамъ князя, былъ очень друженъ и нерѣдко посѣщалъ его въ то время, когда князь еще былъ, какъ здѣсь говорятъ, «аркадскимъ принцемъ».

Желая предварительно ознакомиться по планамъ съ городомъ, выставкой и ярмаркой, я еще на Севастопольской станціи спрашивалъ «Путево-

дитель», изданный коммиссіей по устройству выставки, но онъ, какъ кладъ, не давался мнѣ въ руки,—нигдѣ на станціяхъ его не было, точно никто изъ устроителей выставки и не интересовался возможно-бо́льшимъ распространеніемъ «Путеводителя». Даже въ Москвѣ, на станціи Курской и Нижегородской дорогъ, на мой вопросъ о «Путеводителѣ», дѣвица, сидѣвшая у книжнаго шкафа, сунула мнѣ въ руки какую-то книжонку «Въ Нижній на выставку», и когда я замѣтилъ, что мнѣ нуженъ оффиціальный путеводитель, она не безъ гримасы отвѣтила, что «такого не держитъ».

— Почему не держите?

— Такъ не держимъ, и все тутъ!—отвѣтила дѣвица.

Благодаря такой таинственности «Путеводителя», я пріѣхалъ въ Нижній безъ всякихъ необходимыхъ свѣдѣній и съ перваго же шага попался, заплативъ извозчику съ вокзала въ верхній городъ въ гостиницу гораздо болѣе того, что слѣдовало. Побоялся я остановиться въ одной изъ выставочныхъ гостиницъ и въ виду ихъ дороговизны и въ виду ихъ слишкомъ легкомысленной постройки, грозившей заморозить меня, еслибъ наступили холода. И я не раскаялся, что остановился въ городѣ, гдѣ нашелъ въ гостиницѣ приличный номеръ съ постельнымъ бѣльемъ за 2 р. 25 к., тогда какъ въ Международной гостиницѣ и другихъ выставочныхъ гостиницахъ цѣны вдвое дороже и, какъ мнѣ сообщали многія лица, жившія въ этихъ гостиницахъ, въ нихъ кромѣ платы за номеръ берутъ еще разныя дополнительныя деньги и за постельное бѣлье, и за прислугу, и ставятъ несообразныя цѣны и за свѣчи, и за кипятокъ для чая (самоваровъ тамъ не даютъ во избѣжаніе пожара въ этихъ деревянныхъ, легко воспламеняющихся постройкахъ) и даже за прописку паспортовъ, хотя за это денегъ платить не полагается. Но гг. содержатели пустующихъ номеровъ выставочныхъ гостиницъ пользуются, разумѣется, всякимъ случаемъ, чтобы взять что-нибудь лишнее съ посѣтителя. Кромѣ того, всѣ эти выставочныя гостиницы, построенныя на время, представляютъ собою рядъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой такими тонкими досками, что случайные сосѣди дѣлаются невольными свидѣтелями того, что говорится и дѣлается въ комнатахъ рядомъ. Затѣмъ печей нигдѣ нѣтъ, и, въ случаѣ холода, жизнь въ такихъ гостиницахъ рѣшительно невозможна.

Вотъ уже пятый день, что я ежедневно посѣщаю выставку, а по вечерамъ, благодаря любезности нѣсколькихъ милыхъ нижегородцевъ, съ которыми я имѣлъ честь познакомиться въ первый мой пріѣздъ въ Нижній и которые обязательно знакомятъ меня, какъ иностранца, со всѣми особенностями своеобразныхъ увеселеній на ярмаркѣ, я нѣсколько разъ былъ въ ярмарочныхъ ресторанахъ и возвращался за полночь въ свою гостиницу усталый и разбитый и, признаюсь вамъ, Дженни, нѣсколько изумленный нетребовательностью русскихъ въ области развлеченій и грубостью ихъ вкусовъ. Объ этихъ увеселеніяхъ съ неизбѣжными хорами, шансонетными пѣвичками, танцовщицами, француженками, куплетистами и т. п., объ этой наполняю-

щей биткомъ громадныя залы ресторановъ своеобразной, разнокалиберной и одѣтой въ самые разнообразные костюмы публикѣ, громадное большинство которой—пріѣзжіе на ярмарку со всѣхъ концовъ Россіи купцы,—разскажу вамъ послѣ, а теперь передамъ свои впечатлѣнія отъ выставки, причемъ предупреждаю васъ, Дженни, что я не стану утомлять васъ описаніями экспонатовъ,—къ тому же я не настолько техникъ, чтобы дать о нихъ надлежащее представленіе,—и, повторяю, буду передавать только впечатлѣнія—не болѣе.

Прерываю письмо, чтобы просмотрѣть мѣстныя газеты, которыя только что принесъ газетный разносчикъ.

Въ сегодняшнихъ мѣстныхъ газетахъ есть крайне интересное и характерное заявленіе В. И. Ковалевскаго, вице-предсѣдателя коммиссіи по устройству выставки и, по общимъ отзывамъ, главнаго и неутомимаго работника, положившаго, такъ сказать, душу въ дѣло выставки. Въ этомъ заявленіи г. Ковалевскій объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что до него дошли слухи о томъ, что нѣкоторыя темныя личности, самозванно выдающія себя за редакторовъ газетъ и корреспондентовъ, пользуясь именемъ печати и именемъ выставочной администраціи, обращаются къ экспонентамъ съ предложеніемъ описать ихъ экспонаты и рекомендовать въ газетахъ и помѣщать рисунки (за приличный гонораръ, разумѣется, какъ вы догадываетесь, Дженни) въ иллюстраціяхъ и, такимъ образомъ, позорятъ, по заключенію г. Ковалевскаго, тотъ «почтенный общественный кругъ, который представляютъ собой представители печати. Въ виду этого г. Ковалевскій проситъ «доводить до свѣдѣнія выставочной администраціи о всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ корыстной эксплоатаціи гг. экспонентовъ, дабы администрація могла принимать противъ этого зла соотвѣтственныя и своевременныя мѣры».

Насколько я знакомъ съ нравами корреспондентовъ новѣйшей формаціи, мнѣ кажется, Дженни, что упоминаніе о «самозванцахъ» не болѣе, какъ любезный фигуральный оборотъ, причемъ выводъ изъ него не совсѣмъ логиченъ. Если дѣло идетъ о «самозванцахъ», то они, конечно, нисколько не могутъ позорить «почтенный общественный кругъ», какъ не могъ бы позорить, напримѣръ, не менѣе почтенный общественный кругъ чиновниковъ какой-нибудь «самозванецъ», выдающій себя за коммиссара и берущій взятки или заказывающій яко бы для выставки столы втрое дороже, чѣмъ они предлагались «самозванцу».

Г. Ковалевскій слишкомъ умный, конечно, человѣкъ, чтобы не знать, какіе въ послѣднее время встрѣчаются корреспонденты и почему именно такіе встрѣчаются. Понимаетъ, разумѣется, и восторженность нѣкоторыхъ изъ нихъ и не только по отношенію къ экспонентамъ и, вѣроятно, знаетъ, что если нѣкоторые репортеры и были удалены нѣсколько лѣтъ тому назадъ градоначальникомъ изъ Петербурга за поборы съ распорядителей увеселительныхъ заведеній, за то другіе корреспонденты, стоявшіе на высотѣ по-

ложенія, были даже почтены весьма видными назначеніями по тому же вѣдомству, въ которомъ служитъ почтенный В. И. Ковалевскій. Слѣдовательно, разные бываютъ корреспонденты: и дурные, за мзду восхваляющіе увеселительныя заведенія и экспонентовъ, и хорошіе, безкорыстно восхваляющіе выдающихся общественныхъ дѣятелей.

Затѣмъ, едва ли гг. экспоненты станутъ доводить до свѣдѣнія выставочной администраціи свои сдѣлки съ «самозванцами», если тѣ, несмотря на свое самозванство, напечатаютъ въ газетахъ то, что желательно экспонентамъ, и помѣстятъ рисунки ихъ витринъ и павильоновъ.

Экспоненты, привыкшіе, какъ здѣсь выражаются, къ «смазкѣ», предлагали взятки даже и чинамъ выставочной администраціи, о чемъ мнѣ разсказывалъ одинъ почтенный человѣкъ, завѣдующій отдѣломъ, и при этомъ, крайне удивлялись, что мой знакомый джентльменъ отказывался отъ благодарности, предлагаемой отъ чистаго сердца за нѣсколько лишнихъ квадратныхъ саженъ отведеннаго мѣста. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ ничего мудренаго, что возможны «темныя личности» не изъ среды «самозванцевъ», а изъ среды «почтеннаго сословія», какъ возможны они и изъ среды другихъ, не менѣе почтенныхъ сословій.

Конечно званіе «представителя печати», казалось бы, обязываетъ высоко держать честь сословія и не забывать, что на немъ, какъ на женѣ Цезаря не должно быть даже подозрѣнія, и говорятъ, что и въ Россіи были такія времена (въ шестидесятыхъ годахъ) когда даже и злѣйшіе враги печати не осмѣливались обвинить журналистовъ въ чемъ-либо такомъ, что теперь сдѣлалось заурядным явленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, Дженни, что и теперь есть вполнѣ безупречные и почтенные представители печати и корреспонденты, но они не составляютъ большинства да и вліяніе ихъ не такъ замѣтно, вслѣдствіе ихъ необычайной сдержанности и усвоенной имъ въ послѣднее время привычки не особенно много говорить о вопросахъ внутренней политики и заниматься болѣе внѣшней. За то, съ другой стороны, возможны и такіе джентльмены, какъ нѣкій г. Медвѣдскій, въ одномъ журналѣ хвалящій одного писателя, а въ другомъ пишущій на него доносы въ неблагонадежности и не безъ развязности признающійся, что онъ одно и тоже лицо, но свершившее только «быстрый и рѣшительный поворотъ». Надо отдать справедливость большинству русской печати. Она отнеслась съ омерзеніемъ къ этому господину, и одна изъ газетъ, *Петербургскія Вѣдомости*, между прочимъ, по этому поводу воскликнула: «Хороша та среда, въ которой могутъ существовать гг. Медвѣдскіе!» но, однако, точнаго объясненія почему гг. Медвѣдскіе существуютъ не дала, а это было бы, конечно, самое интересное.

На другой же день послѣ заявленія г. Ковалевскаго, одна изъ мѣстныхъ и весьма приличныхъ, насколько возможно быть приличной въ провинціи газетъ, ***Нижегородскій Листокъ***, подтвердила мое предположеніе о томъ, что нѣтъ дыма безъ огня.

По словамъ газеты «и сюда, на выставку «obivatel» (такъ, Дженни, русскіе называютъ гражданъ) явился уже съ нѣкоторымъ опытомъ, и когда ему потребовались услуги печати, онъ прямо сталъ предлагать ея представителямъ,—не разбирая, кто и что они,—оказать ему услугу. Экспоненту требовалось, напримѣръ, обратить вниманіе экспертовъ на свои издѣлія или, лучше сказать, предупредить отзывъ экспертовъ, повліять на ихъ мнѣнія. Онъ обращается къ представителю газеты, которую считаетъ наиболѣе для того удобною, и прямо предлагаетъ ему мзду за услугу. О такихъ фактахъ было заявлено въ собраніи представителей печати на выставкѣ, да ихъ можно было и a priori предсказать, зная, что въ нравы нѣкоторой части печати давно уже проникли панамскія традиціи. Именно желаніе избѣжать подобныхъ фактовъ и послужило поводомъ къ запрещенію печати касаться какихъ бы то ни было вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ экспертизѣ. Это было, конечно, черезчуръ: съ злоупотребленіями надо было бороться другими путями; дѣлать экспертизу тайной, важнѣе государственныхъ—значило придавать ей слишкомъ большое значеніе въ ряду другихъ явленій общественной жизни. Но подкладка, какъ это, по крайней мѣрѣ, высказывалось оффиціальными лицами, была именно такова.

Другой вопросъ—сдавались ли представители печати на предложенія экспонентовъ и другихъ обывателей? Опредѣленно, съ фактами въ рукахъ никто на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить. Слухи, неизвѣстно откуда исходящіе, не могутъ служить доказательствами. Но слухи есть, и было бы полезно какъ нибудь общими силами разобраться въ нихъ».

По словамъ автора статьи, «одинъ крупный россійскій промышленникъ съ циничною откровенностью передавалъ, что когда ему нужно разсказать что-нибудь публикѣ о себѣ, онъ призываетъ къ себѣ корреспондента одной изъ столичныхъ газетъ, передаетъ подходящій къ случаю матеріалъ и соотвѣтствующую мзду, а затѣмъ является въ печати въ извѣстной литературной обработкѣ».

Какъ видите, Дженни, дѣлается это весьма просто и, надо думать, не за дорогую цѣну, такъ какъ русскіе корреспонденты, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не гонятся за журавлемъ въ небѣ, довольны и синицей въ рукахъ.

Однако, я отвлекся въ сторону. Пора о впечатлѣніяхъ на выставкѣ... Но о нихъ—въ слѣдующемъ письмѣ. Замѣчу только, что многое на ней интересно и свидѣтельствуетъ о любви къ дѣлу, съ которой отнеслись къ ней устроители. Не ихъ конечно вина, что выставку устроили въ Нижнемъ, а не въ центрѣ Россіи, и что она мало посѣщается. Есть и много несовершеннаго и курьезнаго, свидѣтельствующаго и о безтолковости, и о пристрастіи русскихъ къ формализму и къ привычкѣ «непротивленія злу» особенно, по отношенію къ чистоплотности. И дороговизна не преувеличена. Правда, особенныхъ комаровъ, о которыхъ кто-то говорилъ, нѣтъ, но жить и даже скромно, все-таки дороговато.

Но довольно. Спѣшу отправить это письмо и успокоить ваши ни на чемъ не основанныя тревоги, относительно моей личной безопасности, какъ иностранца, да еще англичанина, среди ярмарочной толпы. Я вполнѣ благополученъ и не подвергался никакимъ серьезнымъ «недоразумѣніямъ», какъ здѣсь называютъ поврежденія тѣла съ переломами реберъ. И вообще надо замѣтить, что только газеты и часть интеллигенціи и купцы въ пьяномъ видѣ неодобрительно относятся къ иностранцамъ. Русскій же народъ терпимъ къ нимъ, какъ я уже писалъ вамъ не разъ раньше, и, совершенно равнодушный къ политикѣ, не считаетъ насъ интриганами, а напротивъ, отождествляя всѣхъ иностранцевъ въ нѣмцѣ, говоритъ о немъ, что онъ «выдумалъ обезьяну». Да хранитъ васъ Богъ, Дженни.

Вашъ Джонни.

Съ подлиннымъ вѣрно:

К. Станюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшіе указы.—Правительственное сообщеніе о стачкахъ на петербургскихъ фабрикахъ.—Новый трудъ о судѣ присяжныхъ.—Частныя усилія для распространенія народнаго образованія. — Уменьшеніе льготъ по воинской повинности.— Съѣздъ въ Нижнемъ.—Святогорская народная читальня въ память А. С. Пушкина.

Разслѣдованіе катастрофы на Ходынскомъ полѣ разрѣшилось слѣдующими Высочайшими указами правительствующему сенату: «Глубоко скорбя о несчастіи, происшедшемъ 18 мая сего года въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, и о гибели многихъ близкихъ сердцу Нашему подданныхъ, Мы признали необходимымъ обезпечить, по возможности, участь оставшихся вдовъ и сиротъ, что и сдѣлано по Нашему указанію. Горячо принимая къ сердцу все, что касается этого горестнаго событія, Мы, въ постоянной заботѣ о правдѣ, признали необходимымъ Лично разсмотрѣть произведенное по этому дѣлу предварительное слѣдствіе, и нынѣ, тщательно сообразивъ обстоятельства, выясненныя этимъ слѣдствіемъ, Мы признали за благо, не обращая дѣло къ судебному порядку, разрѣшить его Нашею непосредственною властью. Убѣдившись затѣмъ, что причину несчастія слѣдуетъ искать въ томъ, что московскія власти, обязанныя охранять порядокъ и безопасность столицы, не приняли своевременно должныхъ мѣръ для направленія массы народа, стремившагося на Ходынское поле, и, уволивъ въ виду сего вовсе отъ службы, безъ прошенія, исправляющаго должность московскаго оберъ-полицеймейстера,—повелѣваемъ: министрамъ Императорскаго Двора и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, принять относительно другихъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неисполненіи своего долга, иныя, указанныя Нами, мѣры взысканія, соотвѣтствующія обнаруженнымъ упущеніямъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ,
15 іюля 1896 года.

Разсмотрѣвъ Лично предварительное слѣдствіе, произведенное по несчастному событію, происшедшему 18 мая нынѣшняго года на Ходынскомъ

полѣ, въ Москвѣ, Мы, къ крайнему Нашему прискорбію, не могли не усмотрѣть, что желаніе второстепенныхъ исполнителей присвоить себѣ несоотвѣтствующее значеніе вызвало между ними соперничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе взаимнаго содѣйствія. Желая положить предѣлъ подобнымъ явленіямъ, могущимъ имѣть самыя вредныя послѣдствія по всей Россіи, Мы повелѣваемъ: всѣмъ министрамъ, всѣмъ главноуправляющимъ отдѣльными частями, всѣмъ генералъ-губернаторамъ, всѣмъ губернаторамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ направлять свои дѣйствія и распоряженія къ единству и имѣть неослабное наблюденіе, дабы подчиненныя имъ учрежденія и лица, не допуская между собою соперничества, неуклонно оказывали другъ другу содѣйствіе для пользы службы.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ,
15 іюля 1896 года.

Приведенные Высочайшіе указы являются возмездіемъ тѣмъ должностнымъ лицамъ, которые виновны въ печальномъ событіи 18 мая. Государь Императоръ строго осудилъ пагубное соперничество властей, отъ котораго пострадали тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей, и повелѣлъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ направлять свои дѣйствія и распоряженія къ единству. *Русскія Вѣдомости* напоминаютъ, что къ этой цѣли наше законодательство уже стремилось: «Можно указать, напримѣръ,—говоритъ газета,—что еще 12 ноября 1861 года былъ организованъ совѣтъ министровъ для предварительнаго обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ именно въ цѣляхъ установленія большаго единства и солидарной дѣятельности отдѣльныхъ министровъ. Между прочимъ, совѣтъ министровъ, по закону, обсуждаетъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія, требующихъ общаго соображенія: свѣдѣнія сіи, говорится въ законѣ, должны быть заявляемы въ совѣтѣ министровъ съ тою цѣлью, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министерствъ и главныхъ управленій. Законъ 12 ноября, къ сожалѣнію, не далъ законченнаго устройства названному высшему государственному учрежденію; заботы объ этомъ почти не было приложено и въ позднѣйшее время. Нынѣ обнародованный Высочайшій указъ 15 іюля, имѣющій цѣлью установленіе единства въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ лицъ, занимающихъ высшіе посты въ государственномъ управленіи, еще разъ указываетъ на необходимость дальнѣйшаго развитія нашего законодательства въ этомъ направленіи» *).

---

*) *Русскія Вѣдомости*, № 198.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано сообщеніе о забастовкѣ на девятнадцати петербургскихъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ. Сообщеніе отличается объективностью, ясностью и обстоятельностью. Оно, конечно, извѣстно читателямъ изъ газетъ. Въ основѣ забастовки, насколько можно судить по оффиціальному сообщенію *Правительственнаго Вѣстника,* лежало желаніе фабричныхъ сократить рабочій день, который теперь продолжается отъ 6 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ часовымъ промежуткомъ для обѣда. Забастовка тянулась съ 24 мая до 17 іюня. Общее число забастовщиковъ дошло до 14,712 человѣкъ. «Забастовщики вели себя чинно, не подавая поводовъ къ обвиненію въ нарушеніи порядка или попыткахъ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Громадная масса—68,445 рабочихъ остальныхъ частныхъ петербургскихъ заводовъ оставалась въ сторонѣ отъ стачки бумагопрядильщиковъ, не оказывая имъ матеріальной поддержки при наступившей безработицѣ. Забастовки, такимъ образомъ, имѣли спеціальный характеръ и вызывались особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производства». *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ далѣе о попыткѣ придать забастовкѣ политическій характеръ, объ агитаторахъ, которые обращались къ рабочимъ съ воззваніями и обѣщаніями помощи со стороны западно-европейскихъ рабочихъ.

Въ настоящее время работы идутъ своимъ порядкомъ. «Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ оконченною нынѣ забаставкой, возложено на чиновъ фабричной инспекціи и петербургскаго градоначальства».

Противники суда присяжныхъ часто упрекаютъ его защитниковъ въ доктринерствѣ, въ преклоненіи передъ западно-европейскими идеями и въ незнаніи русской жизни. Пусть, говорятъ они, судъ присяжныхъ и хорошъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Запада, онъ непригоденъ у насъ, на нашей почвѣ, онъ превращается въ судъ улицы. Гдѣ доказательства этого утвержденія? Съ этою цѣлью подыскивается какой-нибудь случай дѣйствительно неудачнаго приговора или искажается характеръ приговора, на самомъ дѣлѣ соотвѣтствующаго цѣлямъ правосудія. Естественно, что такимъ способомъ нельзя рѣшать вопроса подобной важности, что это только полемическій пріемъ и, притомъ, плохой, которымъ трудно кого-либо сбить съ толку, если онъ серьезно интересуется судьбами нашего суда присяжныхъ. Но кривотолки и развязныя утвержденія, повторяясь въ извѣстной части нашей печати изо дня въ день, производятъ, все-таки, нѣкоторое впечатлѣніе, и у людей, самостоятельно мало думающихъ, зарождаютъ сомнѣніе въ необходимости и благодѣтельномъ значеніи суда присяжныхъ въ Россіи. Противъ этого зла надо бороться фактами, строго провѣренными и систематически обработанными. Г. А. Джаншіевъ справедливо замѣчаетъ, что безстрастная, но краснорѣчивая и авторитетная статистика свидѣтельствуетъ, что дѣятельность присяжныхъ въ массѣ имѣетъ замѣчательно правильный, консервативный и постоянный характеръ, даже болѣе постоян-

ный, чѣмъ практика коронного суда *). Только-что вышелъ замѣчательный трудъ, которымъ подтверждается убѣжденіе русскихъ сторонниковъ суда присяжныхъ въ благодѣтельномъ значеніи этого учрежденія. Мы имѣемъ въ виду обширное изслѣдованіе г. Бобрищева-Пушкина, въ основу котораго положено болѣе полуторы тысячи дѣлъ по всѣмъ отраслямъ преступленій,—дѣлъ, которыя рѣшены присяжными засѣдателями и въ которыхъ авторъ принималъ личное участіе **). Г. Бобрищевъ-Пушкинъ велъ при этомъ записи. Тщательная обработка собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, на основаніи строго-научныхъ правилъ, и приводитъ автора къ *эмпирическимъ законамъ* дѣятельности суда присяжныхъ въ Россіи. Это — не мнѣнія, не предположенія, а выводы. И вотъ эти выводы, корни которыхъ глубоко лежатъ въ народной русской жизни, всѣ свидѣтельствуютъ о плодотворномъ нравственно-правовомъ значеніи нашего суда присяжныхъ. «Вердиктъ присяжныхъ въ значительной степени имѣетъ въ виду защитить интересы потерпѣвшаго съ той ихъ стороны, гдѣ они близко подходятъ къ интересамъ общественнымъ, но въ общемъ стремленіе защитить болѣе слабаго составляетъ характерную черту суда присяжныхъ» ***). Русскій присяжный засѣдатель оказывается независимымъ отъ постороннихъ правосудію вліяній. Въ этомъ отношеніи факты устанавливаютъ, что онъ стоитъ выше коронного судьи или назначаемаго сословнаго представителя. Нашъ судъ присяжныхъ неустанно творитъ живое право, справедливое и человѣчное. Это говоритъ изученіе именно русской дѣйствительности, изученіе долгое, тщательное, безпристрастное, результатомъ котораго явился въ данномъ случаѣ трудъ г. Бобрищева-Пушкина. Конечно, всякое учрежденіе, какъ дѣло человѣческаго ума и совѣсти, можно исказить и совсѣмъ изувѣчить глупостью и недобросовѣстностью; но тогда и отвѣтственность должно возлагать на эти качества людей, нерѣдко бывающія причинами историческихъ событій. Судъ правый и милостивый, немыслимый безъ суда присяжныхъ, дѣйствительно, по выраженію г. Бобрищева - Пушкина, необходимъ намъ, какъ свѣтъ и воздухъ. Всякое общество должно стремиться къ тому, чтобы создавались благопріятныя условія для развитія и укрѣпленія правосудія, для того, чтобы мощно росло чувство законности и справедливости. Уставы императора Александра II положили начало просвѣщенному правосознанію народа. Само собою разумѣется, что правильное дальнѣйшее развитіе этого правосознанія требуетъ, какъ непремѣннаго условія, широкаго распространенія народнаго образованія. *Русской Мысли*, къ великому счастью, приходится часто указывать на пробудившееся и быстро усиливающееся стремленіе русскаго общества внести образованіе въ народную сферу. Эти

---

*) *Г. А. Джаншіевъ:* „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“, 2-е изд., стр. 65.

**) *А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ:* „Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ“. Съ атласомъ. Изданіе журнала *Русская Мысль*.

***) Назв. соч., стр. 613.

усилія уже приносятъ плоды и изъ глубины народа, подымаясь все выше и выше, идетъ отвѣтная волна къ просвѣщенію.

Въ настоящее время у насъ въ рукахъ отчетъ *комитета невскаго общества устройства народныхъ развлеченій*. Данныя, которыя онъ заключаетъ, весьма поучительны. Въ Петербургѣ, за Невскою заставой, въ Шлиссельбургскомъ участкѣ, сгруппировано много фабрикъ и заводовъ.

Рабочее населеніе этого участка достигаетъ шестидесяти тысячъ. По праздникамъ, въ свободные отъ работъ дни, фабрично-заводскій людъ наполнялъ кабаки. Больше ему и дѣваться было некуда: дома тѣсно, грязно, тоскливо.

Въ 1885 году у нѣсколькихъ образованныхъ людей, живущихъ въ этой мѣстности, возникла мысль придти на помощь рабочему населенію, создать для него человѣчески-достойныя условія отдыха и развлеченія. По почину Владиміра Павловича Варгунина и Михаила Сергѣевича Агаѳонова (нынѣ уже скончавшагося) была открыта подписка. Набралось около 1,300 рублей. На эти деньги былъ построенъ павильонъ для музыкантовъ и эстрада для представленій. Публика пускалась за плату въ 10 к. Крѣпкіе напитки изъ этого сада были изгнаны. Успѣхъ оказался весьма значительный: на 25 гуляньяхъ перебывало болѣе 64 тысячъ человѣкъ. Дѣло стало расти. Для народныхъ развлеченій былъ нанятъ прекрасный паркъ Калинкинскаго пивовареннаго товарищества, въ которомъ руководители предпріятія построили театръ, карусели, горы, стрѣльбище и т. д. Въ 1891 г. кружокъ этихъ лицъ занялъ 44,500 рублей (изъ 4%), купилъ калинкинскій паркъ и четыре деревянные дома и представилъ на утвержденіе уставъ общества. Уставъ былъ, къ счастію, скоро утвержденъ, и дѣятельность общества все болѣе и болѣе развивалась. Въ результатѣ получилось замѣтное уменьшеніе пьянства, общее смягченіе нравовъ, возникновеніе духовныхъ интересовъ среди рабочаго населенія. Теперь комитетъ общества возбудилъ мысль о постройкѣ большого каменнаго (зимняго) театра, съ зрительною залой для 1,600 человѣкъ, другого театра меньшихъ размѣровъ и большого зданія народныхъ гуляній. На все это надо до 300 тысячъ рублей. Общее собраніе общества рѣшило приступить къ сбору пожертвованій

Нашъ журнальный обозрѣватель въ этой же книжкѣ *Русской Мысли* приводитъ поучительныя свѣдѣнія о томъ благотворном вліяніи, какое производятъ въ рабочей средѣ разумныя развлеченія, устраиваемыя Невскимъ обществомъ. Мы надѣемся, что на призывъ этого общества откликнутся многіе, что не далеко то время, когда осуществится задуманная обществомъ *утопія*. У насъ начинаютъ появляться не только благіе порывы, но и настойчивая воля, разумная энергія. Наше расплывчатое прекраснодушіе все болѣе и болѣе принимаетъ гуманную, но ясную, опредѣленно очерченную форму. И давно пора! А то мы все каялись да твердили о томъ, что русскій народъ по природѣ своей возлюбилъ страданія. Но мы стоимъ лишь въ началѣ пути, и работы—необозримое поле.

Отмѣтимъ почтенную просвѣтительную дѣятельность другого учрежденія—бывшаго московскаго комитета, нынѣ общества грамотности. Прежній составъ совѣта и коммиссій этого общества работалъ въ нынѣшнемъ году энергично. Такъ, библіотечная коммиссія, которая въ послѣднія шесть лѣтъ разослала безплатно книгъ на десять съ небольшимъ тысячъ рублей, въ одномъ нынѣшнемъ (съ января 1896) разошлетъ ихъ на нѣсколько десятковъ тысячъ. Кромѣ того, коммиссія своимъ почином вызвала и вызоветъ еще болѣе значительные расходы на книги для народнаго чтенія со стороны земствъ и крестьянскихъ обществъ: коммиссія разсылала циркуляры, предлагая открывать народныя читательни и обязуясь присылать книгъ на 50, 100 и даже (въ исключительныхъ случаяхъ) на 300 р., если на такую же сумму станутъ пріобрѣтать книгъ земства и крестьянскія общества, согласныя открыть библіотеки. Насколько намъ извѣстно, предложеніе коммиссіи вызвало такое сочувствіе, что нѣтъ возможности удовлетворить множества заявленій, несмотря на то, что въ распоряженіи коммиссіи находилось, какъ своевременно было сообщено, крупное пожертвованіе лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. На библіотеки для взрослыхъ коммиссія употребила 20,000 р. Это вызвало дополнительные расходы со стороны сельскихъ обществъ въ 5,872 р., земствъ—9,880 р. частныхъ лицъ—2,496 руб. (Цифры относятся къ началу августа). Кромѣ того сельскія общества, земства и частныя лица обязались на ежегодные расходы въ 5,451 руб. Всего открыто уже меньше, чѣмъ въ годъ, 262 библіотеки.

Кромѣ того, библіотечная коммиссія разослала 753 школьныхъ библіотеки, на сумму въ 11,605 рублей. Предполагается возможнымъ разослать еще довольно значительное количество библіотекъ.

Другая коммиссія бывшаго московскаго комитета грамотности успѣла пересмотрѣть программы народной школы и выработала проектъ, самая важная часть котораго (русскій языкъ въ связи съ исторіей) уже напечатана *)

Много поработала коммиссія воскресныхъ школъ. Въ прошломъ году она разослала по волостнымъ правленіямъ циркуляръ, въ которомъ спрашивала о положеніи существующихъ воскресныхъ школъ, о желаніи открыть новыя и т. п. Въ отвѣтъ поступило нѣсколько тысячъ заявленій и ходатайствъ (отъ волостныхъ правленій, учителей, священниковъ и другихъ лицъ). Коммиссія исполняла разныя порученія и просьбы, разослала безплатно 129 библіотекъ (стоимостью отъ 5 до 15 рублей). Двадцати лицамъ, выразившимъ намѣреніе открыть книжную торговлю, былъ предоставленъ коммиссіей кредитъ (отъ 5 до 20 рублей на каждаго). Новыхъ воскресныхъ школъ, благодаря призыву коммиссіи, открыто восемь; завязаны переговоры объ открытіи еще тринадцати школъ. Всего коммиссія израсходовала

*) Въ *Педагогическомъ Листкѣ* при журналѣ *Дѣтское Чтеніе*, издаваемомъ Д. И. Тихомировымъ

въ отчетномъ году 3,853 р. 42 к. На основаніи многочисленныхъ запросовъ и ходатайствъ, коммиссія воскресныхъ школъ образовала особую подкоммиссію для снабженія школъ учебниками и классными принадлежностями.

Конечно, для моря нашего невѣжества все это—только ручеекъ свѣжей и чистой воды; но ручейки множатся, соединяются въ сильные потоки. Благотворное значеніе библіотеки въ 50 или въ 100 рублей нельзя, конечно, мѣрить этою ничтожною суммой: создается новая нравственная сила, маленькій очагъ просвѣщенія, которому суждено расти и крѣпнуть. Пожелаемъ московскому обществу грамотности поработать такъ же успѣшно и въ томъ же духѣ, въ какомъ честно потрудился бывшій московскій комитетъ грамотности.

Мы такъ настоятельно нуждаемся въ повсемѣстномъ народномъ образованіи, историческія задачи Россіи такъ расширяются территоріально и вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ пунктахъ усложняются, что нельзя щадить усилій для открытія и улучшенія школъ, библіотекъ, для изданія книгъ. Но правильное развитіе низшихъ училищъ немыслимо, конечно, безъ непрерывнаго соотвѣтствующаго развитія среднихъ и высшихъ школъ. Поэтому мѣры, которыя такъ или иначе могутъ сократить доступъ въ эти школы, встрѣчаются въ обществѣ съ понятною тревогой. Для русской семьи въ большинствѣ случаевъ провести дѣтей черезъ гимназію и университеты не легкое дѣло, требующее напряженія платежныхъ силъ этой семьи. Естественно поэтому, что притокъ молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія долженъ ослабѣвать, когда сокращается какая-либо важная льгота по образованію, напримѣръ, по воинской повинности. Въ послѣднее время въ газетахъ появились извѣстія, что проектируется именно такая мѣра. Въ государственный совѣтъ уже поступилъ законопроектъ о сокращеніи льготъ по образованію при отбываніи воинской повинности. Онъ составленъ коммиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ предсѣдательствѣ т. с. Георгіевскаго. Для лицъ безъ всякаго образованія срокъ дѣйствительной службы опредѣляется въ пять лѣтъ (и тринадцать лѣтъ запаса); для окончившихъ курсъ училища 4 разряда—4 года дѣйствительной службы (и *четырнадцать* лѣтъ запаса); для получившихъ образованіе въ училищахъ третьяго разряда, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—три года дѣйствительной службы и также 14 лѣтъ запаса. Народные учителя привлекаются къ отбыванію воинской повинности (годъ дѣйствительной службы и 17 лѣтъ запаса). Сокращаются и отсрочки для окончанія образованія.

Къ счастью, какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*, проектъ министерства народнаго просвѣщенія вызвалъ серьезныя возраженія со стороны другихъ вѣдомствъ. Министерство финансовъ обстоятельно указываетъ на то, что боевая готовность современныхъ армій находится въ тѣсной зависимости отъ степени образованія офицеровъ и солдатъ и что сокращеніе

льготъ по образованію поведетъ ко вреду въ этомъ отношеніи, не говоря уже о другихъ неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ проектируемыхъ мѣръ. Оберъ-прокуроръ синода высказался противъ привлеченія къ отбыванію воинской повинности учителей начальныхъ школъ. По этому пункту и по вопросу объ уравненіи въ правахъ кончившихъ курсъ въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ высказались отрицательно министръ императорскаго двора и управляющій собственною Его Императорскаго Величества канцеляріей по вѣдомству Императрицы Маріи. Можно, слѣдовательно, еще надѣяться, что проектъ министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій цѣлью сокращеніе правъ, связанныхъ съ просвѣщеніемъ, и свидѣтельствующій объ отстутствіи единства въ управленіи, не пройдетъ въ государственномъ совѣтѣ.

Открывшійся въ августѣ всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ имѣетъ обширную програму, охватывающую многія существенно важныя стороны нашей экономической жизни. Первымъ въ перечнѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, стоитъ вопросъ о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о фабрично-заводской и ремесленной промышленности. Программа обращаетъ вниманіе на длинный рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью матеріальное обезпеченіе и духовное развитіе рабочихъ. Пожелаемъ съѣзду успѣха въ этомъ дѣлѣ, пожелаемъ, чтобы въ занятіяхъ его и въ постановленіяхъ и ходатайствахъ, которыя явятся результатомъ обсужденія, царилъ именно русскій духъ, чуждый сословности, чтобы на съѣздѣ въ Нижнемъ сказался русскій *всечеловѣкъ*, о которомъ намъ въ пушкинскіе дни говорилъ въ Москвѣ Достоевскій.

Въ августѣ, по словамъ газетъ, соберется въ Нижнемъ-Новгородѣ и другой съѣздъ: предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Совѣщаніе предполагается по слѣдующимъ вопросамъ: 1) введеніе однообразнаго счетоводства въ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ, что давало бы возможность составлять однообразные (удобо-сравниваемые) отчеты и смѣты; 2) обсужденіе вопроса о цѣлесообразности принципа, котораго придерживается московское губернское земство, приходя на помощь уѣзднымъ земствамъ при мѣропріятіяхъ высокополезныхъ, въ соотвѣтствіи со средствами самого уѣзда. Эти вопросы, конечно, важны для правильнаго хода нашего земскаго дѣла; но не мало и другихъ вопросовъ, не менѣе и даже значительно болѣе важныхъ, которые могли бы быть предметомъ подобнаго обсужденія. Жаль, что составъ съѣзда ограниченъ только предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, которые не могутъ спеціально знать подробностей всѣхъ отраслей земскаго управленія.

Съ истиннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ слѣдующій фактъ. Земскій начальникъ перваго участка Опочецкаго уѣзда обратился въ московское обще-

ство грамотности съ просьбой о содѣйствіи крестьянамъ слободы Таболенцъ, Святыя-Горы тожъ, которые рѣшили устроить библіотеку-читальню въ память своего помѣщика, творца *Бориса Годунова*. Въ приговорѣ сельскаго схода признается, что въ Святыхъ-Горахъ и въ Михайловскомъ не достаточно чтимъ нашъ великій поэтъ. Крестьяне отводятъ въ каменномъ домѣ, гдѣ находится богадѣльня, помѣщеніе для читальни и назначаютъ 100 р. ежегодно на ея содержаніе. Такъ какъ этихъ денегъ недостаточно, то они обращаются къ жертвователямъ. Совѣтъ московскаго общества грамотности постановилъ отправить въ святогорскую народную библіотеку-читальню, въ виду того, что она посвящена памяти великаго писателя и находится недалеко отъ его могилы, книгъ на 250 рублей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Умиротвореніе» Крита и другихъ областей Оттоманской имперіи продолжается по турецкому способу. «Программа» графа Голуховскаго по этому пункту осуществляется: *status quo* сохраняется. Вѣроятно, по иниціативѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, европейскія державы вступили было въ переговоры объ установленіи общей блокады Крита, чтобы не допустить помощи изъ Греціи критскимъ инсургентамъ. Предложеніе не имѣло желательнаго результата благодаря отказу Англіи. Коварный Альбіонъ поступилъ на этотъ разъ вполнѣ справедливо: не подобаетъ христіанскимъ и просвѣщеннымъ народамъ приходить на помощь злому религіозному фанатизму и невѣжественной національной нетерпимости. Газеты передавали извѣстія о томъ, что императорское русское правительство сдѣлало Портѣ серьезныя представленія, чтобы побудить султана къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ для водворенія порядка въ европейскомъ, а не въ турецкомъ смыслѣ слова. Средствомъ для этого можетъ быть только введеніе мѣстнаго самоуправленія, гарантирующаго христіанъ отъ насилій турецкой администраціи и жестокостей магометанскаго населенія.

Подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ событій смолкли въ нашей печати голоса, призывавшіе русскій народъ къ союзу съ Турціей. Но застарѣлая привычка съ презрѣніемъ,—въ которомъ, прежде всего, звучитъ отсутствіе самоуваженія,—относиться къ культурѣ и чужимъ народностямъ, даетъ еще себя чувствовать въ извѣстной части нашей журналистики. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы прочли недавно забавную въ этомъ отношеніи выходку: «Мадьярамъ,—говоритъ газета,—еще *очень, очень далеко,* чтобы дорасти до ненависти русскаго народа и Русскаго государства и *никогда* они до этой ненависти не дорастутъ. Покуда же мадьяры для насъ, русскихъ, совершенно безразличный народецъ» *).

Наше правительство, истиннымъ истолкователемъ духа и стремленій котораго изображаетъ изъ себя охранительная печать, не раздѣляетъ, разумѣется, потѣшнаго высокомѣрія *Московск. Вѣдомостей*. Телеграфъ извѣстилъ, что Императоръ Николай подарилъ венгерскому національному музею саблю

*) *Моск. Вѣд.* 5 августа (*Мадьярское тысячелѣтіе).*

князя Георга Ракоци, находившуюся во дворцовомъ музеѣ *). Нашъ посолъ въ Вѣнѣ, графъ Капнистъ, переслалъ эту саблю графу Голуховскому при письмѣ, въ которомъ сообщалъ, что «Государь Императоръ, узнавъ, съ какимъ живымъ интересомъ относятся въ Венгріи къ историческимъ памятникамъ, поручилъ ему препроводить этотъ даръ. Государь желаетъ показать, какъ онъ высоко цѣнитъ сердечность, характеризующую отношенія, существующія между Россіей и Австро-Венгріей». Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ министръ Голуховскій, выражая благодарность, сообщаетъ, что императоръ Францъ-Іосифъ былъ чрезвычайно тронутъ вниманіемъ Государя Императора и поручилъ ему передать черезъ посредство графа Капниста Его Величеству свою искреннюю благодарность, и что онъ немедленно сообщитъ венгерскому правительству о почетномъ дарѣ; письмо посла вызоветъ у венгерскаго народа величайшую радость и чувство благодарности». Позднѣйшія извѣстія свидѣтельствуютъ о томъ, что общественное мнѣніе Венгріи, дѣйствительно, весьма польщено даромъ Государя Императора. *Моск. Вѣд.* еще не обсуждали политическаго значенія этого дара.

Кабинетъ Рудини пошелъ на крупныя уступки военнымъ требованіямъ короля и единомышленниковъ Криспи. Генералъ Рикотти, рѣшительный сторонникъ сокращенія расходовъ на армію, вышелъ въ отставку и его мѣсто занялъ генералъ Пеллу, потребовавшій увеличенія военнаго бюджета. Въ палатѣ депутатовъ такое измѣненіе министерства вызвало страстныя пренія, въ равной мѣрѣ и назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста, престарѣлаго дипломата, бывавшаго уже министромъ въ консервативныхъ кабинетахъ.

Часть крайней лѣвой, съ Имбріани во главѣ, въ данномъ случаѣ отдѣлилась отъ Кавалотти и его единомышленниковъ и рѣшительно выступила противъ новаго кабинета Рудини. Къ этой тактикѣ неодобрительно относится даже *Secolo*. Газета говоритъ, что выраженіе недовѣрія министерству не имѣетъ серьезнаго значенія, такъ какъ необходимы измѣненія конституціи, чтобы поставить министровъ въ прямую зависимость отъ парламента **).

Вопросъ о причинахъ министерскаго кризиса, который привелъ къ вступленію въ кабинетъ Пеллу и Висконти-Веносту, былъ поднятъ къ закрытію палаты депутатовъ на лѣтнія вакаціи и въ сенатѣ. Запросъ внесъ сенаторъ Вителлески ***). Онъ говорилъ какъ другъ министерства, но друзья должны говорить правду, и сенаторъ считаетъ кризисъ внѣпарламентскимъ, на что обращаетъ особенное вниманіе: и въ палатѣ, и въ сенатѣ большинство не высказалось противъ кабинета Рудини-Рикотти, стало быть замѣна его новымъ и появленіе трехъ новыхъ министровъ на важ-

---

*) Георгъ Ракоци (1591—1630 г.)—одинъ изъ знаменитѣйшихъ вождей въ борьбѣ мадьяръ за національную независимость. Онъ, по миру въ Линцѣ, добился отъ Австріи признанія свободы совѣсти и возвращенія протестантамъ отнятыхъ у нихъ церквей.

**) *Il Secolo* 22—23 Luglio.

***) Передаемъ по отчету газеты *L'Adriatico* (25, Luglio).

нѣйшихъ постахъ свидѣтельствуютъ о существованіи тайныхъ причинъ кризиса. Вителлески выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы прекратились колебанія, чтобы правительство твердо держалось умѣренной и разумной политики. Въ концѣ рѣчи ораторъ воздаетъ хвалу тѣмъ министрамъ, которые отказались отъ власти, не желая измѣнять своимъ убѣжденіямъ.

Рудини въ своемъ отвѣтѣ заявилъ, что проектъ Рикотти не встрѣтилъ сочувствія въ палатѣ, что большинство стоитъ противъ уменьшенія боевыхъ силъ, а слѣдовательно и военныхъ расходовъ. Съ своей стороны Рикотти объяснилъ, что онъ не могъ оставаться министромъ послѣ того, какъ большинство членовъ кабинета, вопреки его требованію, отложило обсужденіе военнаго законпроекта до ноября.

Вителлески остался неудовлетвореннымъ объясненіями министра-президента, но никакихъ другихъ послѣдствій его запросъ не имѣлъ и *L'Adriatico*, какъ и многія другія газеты, подсмѣивается надъ сенатомъ и палатою депутатовъ, называя послѣднія засѣданія бурею въ стаканѣ воды. Эта буря будетъ стоить, однако, Италіи многихъ десятковъ и даже сотенъ милліоновъ франковъ, которые пойдутъ на усиленіе арміи и флота; а выйди эта буря изъ предѣловъ стакана,—и страна могла быть избавлена отъ новаго увеличенія тягости милитаризма. Должно прибавить, однако, что кабинетъ Рудини не расточаетъ народныхъ средствъ и вводитъ болѣе или менѣе строгій порядокъ въ финансовую администрацію. По отчету государственнаго казначейства съ 1 іюля 1895 г. по 1 іюля текущаго года поступило налоговъ 1.646.522,325 лиръ, болѣе, чѣмъ за предшествовавшій отчетный годъ на 84.709,591 л. *).

Для характеристики отношеній между французами и нѣмцами не лишенъ значенія слѣдующій фактъ. Въ *Figaro* появилось описаніе *Паломничества на границу* (Un Pèlerinage à la Frontière). Командиръ французскаго стрѣлковаго баталіона въ началѣ іюля предписалъ ротнымъ командирамъ разсказать и истолковать солдатамъ событія войны 1870—71 гг. и описать завоеванные нѣмцами Эльзасъ и Лотарингію. Затѣмъ баталіонъ, подъ звуки марша, двинулся къ границѣ. Отсюда на далекое пространство, подъ ногами стрѣлковъ, развертывался Эльзасъ. Баталіонный командиръ произнесъ воинственную и театральную рѣчь, въ которой аппеллировалъ къ *святой саблѣ*. Прошло нѣсколько дней, опроверженія разсказа *Figaro* не было, и тогда выступила въ походъ нѣмецкая *Strassburger Post*. Мы,—говоритъ газета,—не имѣемъ ни желанія, ни основанія трагически относиться къ рѣчи командира 19-го стрѣлковаго баталіона. На нѣмецкихъ солдатъ нѣсколько разъ повторенная фраза: *Святая сабля, я привѣтствую тебя!* произвела бы скорѣе комическое впечатлѣніе. Но *Страсбургская Почта* видитъ въ описанномъ фактѣ важный показатель настроенія по ту сторону Вогезовъ. Этому шовинистическому настроенію нѣмецкая газета противо-

*) *La Lombardia* № 201.

поставляетъ настроеніе милліоновъ и милліоновъ спокойныхъ людей въ Германіи, искренно желающихъ мира и потерявшихъ вѣру въ *святую саблю*. Въ виду несомнѣнно живучаго у французовъ желанія возмездія за несчастную войну, *Strassburger Post* говоритъ о необходимости быть постоянно на-сторожѣ, непрерывно вооружаться, чтобы отразить всякое нападеніе *).

Этотъ печальный фактъ, это враждебное отношеніе между французскимъ и нѣмецкимъ народами изъ-за отнятыхъ Эльзаса и части Лотарингіи, продолжаетъ быть то явною, то скрытою причиной въ высшей степени ненормальныхъ международныхъ отношеній, усиленія милитаризма и реакціи. Въ самой Франціи громадные военные расходы тяжело отражаются на благосостояніи народныхъ массъ, а близорукое упорство руководителей современной французской буржуазіи мѣшаетъ развитію этого благосостоянія съ другой стороны. Невольно вспоминаются слова Лермонтова:

„И хочется сказать великому народу·
Ты жалкій и пустой народъ!“

Намъ доставлена интересная книга г. Драндара: *Политическія событія въ Болгаріи съ 1876 года до нашихъ дней* *). Авторъ полагаетъ, что Болгарія тогда только пойдетъ по пути прогресса, независимости и благосостоянія, когда она сблизится съ Россіей, освободительницею и естественною покровительницей балканскихъ славянъ. Г. Драндаръ говоритъ, что болгарскія партіи являются въ сущности котеріями, которыхъ раздѣляетъ личная ненависть и личные интересы вождей. Онѣ поддерживаютъ, по его мнѣнію, нравственную анархію, создаютъ атмосферу недовѣрія, пагубную для всѣхъ. Г. Драндаръ заклинаетъ болгаръ прекратить раздоры, которые были причиной ихъ пятивѣкового рабства.

Г. Драндаръ много разсчитываетъ на благосклонность турецкаго султана, которому онъ приписываетъ великія достоинства ума и сердца. Авторъ названной книги усердно проситъ Абдулъ-Гамида улучшить положеніе его христіанскихъ подданныхъ въ Македоніи, умоляетъ повелителя правовѣрныхъ ввести въ этой области давно обѣщанныя реформы. Г. Драндаръ увѣряетъ султана, что такимъ образомъ онъ не только совершитъ актъ справедливости, но и поступитъ въ высшей степени благоразумно: онъ устранитъ навсегда опасенія новыхъ возмущеній и новыхъ войнъ, пагубныхъ для его имперіи. Мы понимаемъ, что съ такими рѣчами авторъ могъ бы обращаться къ представителямъ *Молодой Турціи*, которые стремятся къ европейскому просвѣщенію и неразлучнымъ съ нимъ общественнымъ порядкамъ; но желаніе г. Драндара увѣрить представителей мусульманскаго фанатизма, что имъ будетъ очень хорошо, когда подавляемое ими христіан-

---

*) *Strassburger Post*, 17 Juli.

**) Она напечатана по-французски *A. J. Drandar*: „Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours“. 1896.

свое населеніе получитъ достаточную свободу, въ нашихъ глазахъ является довольно наивнымъ. Старо-турки, — большіе самобытники, — очень хорошо понимаютъ, что областное самоуправленіе и всѣ вообще учрежденія, гарантирующія независимость личности и свободу убѣжденій, неминуемо ведутъ къ гибели стараго порядка, что просвѣщеннымъ и сознающимъ свое достоинство народамъ нельзя управлять путемъ административнаго произвола и религіозныхъ, и національныхъ насилій.

Въ книгѣ г. Драндара заключаются интересныя свѣдѣнія о болгарской арміи и финансахъ.

Въ Парижѣ выходитъ съ нынѣшняго года новый журналъ, посвященный женскому вопросу или вопросамъ и редактируемый русскою, г-жею Безобразовой. Журналъ называется *La Revue des femmes russes. Organe du féminisme international.* Редакція обратилась ко многимъ общественнымъ дѣятелямъ и писателямъ всѣхъ національностей съ просьбой высказать свое мнѣніе по слѣдующимъ пунктамъ: 1) Какая роль выпадаетъ женщинѣ въ эволюціи общества? 2) Какихъ реформъ женщина вправѣ требовать въ гражданскихъ законахъ? 3) Какими средствами женщина можетъ содѣйствовать выработкѣ законовъ? 4) Какъ женщина пересоздаетъ общество?

Въ редакцію журнала стали уже поступать отвѣты на приведенные вопросы и съ іюльскаго выпуска началось ихъ печатаніе. На первомъ мѣстѣ помѣщенъ отвѣтъ Ф. Пасси.

Для того, чтобы женщина,—пишетъ знаменитый французскій публицистъ,—была дѣйствительною подругой мужа и душою семьи, необходимо, чтобъ она не была служанкой или предметомъ роскоши. Женщина равна мужчинѣ, ихъ различія самостоятельны. Держать женщину въ невѣжествѣ является опасностью для семьи.

Женщина вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право, какъ всякій человѣкъ, на развитіе своихъ способностей и склонностей, на личную независимость. Ей долженъ быть открытъ доступъ и къ техническому, и къ высшему образованію, ей должны быть доступны разнообразныя отрасли профессіональнаго труда. Требуя уравненія гражданскихъ правъ мужчины и женщины, Ф. Пасси находитъ, что въ настоящее время не слѣдуетъ еще добиваться для женщины политическихъ правъ. Какъ страстно убѣжденный апостолъ мира, Пасси горячо призываетъ женщинъ къ борьбѣ съ шовинизмомъ и милитаризмомъ. «Матери,—приводитъ Пасси слова Жюля Симона,—защищайте кровь вашихъ сыновей!» и прибавляетъ къ этому: «Да, матери, защищайте кровь вашихъ мужей; дочери, защищайте кровь вашихъ отцовъ и дѣдовъ!»

Въ числѣ лицъ, приславшихъ отвѣты г-жѣ Безобразовой, мы находимъ двухъ извѣстныхъ соотечественниковъ: гг. Новикова и Грота. Первый считаетъ нелѣпостью установленіе соціальныхъ различій на различіи пола. Женщинѣ должны быть доступны всѣ профессіи и даны всѣ политическія права, если она индивидуально способна ими пользоваться. Теперь, когда

женщина поневолѣ должна искать мужчину, который ее содержалъ бы какъ мужъ, она обязана развивать въ себѣ качества, которыя дѣйствуютъ на мужскую чувственность, а въ этомъ заключается глубокое нравственное паденіе. Когда дѣвушка будетъ воспитываться такъ, что она въ состояніи будетъ имѣть самостоятельный заработокъ, тогда пріобрѣтетъ возможность достойно выбирать себѣ спутника въ жизни.

Н. Я. Гротъ находитъ, что справедливое разрѣшеніе женскаго вопроса заключаетъ въ зародышѣ полное преобразованіе общества. Нѣтъ ни одной отрасли человѣческой дѣятельности, въ которой женщина не могла бы сравняться съ мужчиной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ превзойти его. Но съ психической точки зрѣнія проф. Гротъ видитъ существенно важное различіе между мужчиной и женщиной, въ основѣ котораго лежитъ физическое различіе. Мужчина существо болѣе дѣятельное, творящее, женщина—болѣе пассивное, воспринимающее.

Въ иностранномъ обозрѣніи мы не можемъ, конечно, слѣдить за подробностями этого вопроса и давать характеристику новаго журнала. Мы отмѣчаемъ его появленіе потому, что оно служитъ признакомъ времени; не можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрыть своего удовольствія вслѣдствіе того, что во главѣ его стоитъ русская женщина. *La Revue des femmes russes* горячо привѣтствуетъ *Международную лигу женщинъ для всеобщаго разоруженія (Ligue internationale des femmes pour le désarmement général)*. Президентомъ этой лиги состоитъ княгиня Вишневская. Лига издаетъ журналъ *Le Désarmement général*.

Несмотря на лѣто, въ Австро-Венгріи политическая жизнь не стихаетъ. Въ виду новыхъ выборовъ, партіи готовятся къ борьбѣ. Среди нѣмецкой либеральной партіи возникли значительные раздоры, которые могутъ повести даже къ ея распаденію на нѣсколько партій. Въ Прагѣ, на собраніи уполномоченныхъ, была выработана программа для новой нѣмецкой прогрессивной партіи. Программа этой партіи вызвала неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ старыхъ вождей, нѣмцевъ-централистовъ, а также въ рядахъ нѣмецко-національной партіи. Соглашеніе цислейтанскаго правительства съ транслейтанскимъ подвигается медленно. Газеты сообщаютъ, что Банфи идетъ на уступки и признаетъ справедливымъ повысить долю Венгріи въ обще-имперскихъ расходахъ. Неизвѣстно, однако, согласится ли на такія уступки большинство въ транслейтанскомъ парламентѣ. Сомнительно также, чтобъ увѣнчалось прочнымъ успѣхомъ стремленіе графа Голуховскаго дать Австро-Венгріи руководящую роль въ восточномъ вопросѣ. *Times* справедливо возражаетъ противъ основной идеи восточной политики австро-мадьярскаго министра иностранныхъ дѣлъ: спокойствіе всего міра зависитъ, по мнѣнію графа Голуховскаго, отъ сохраненія *status quo* въ Турціи; оно зависитъ,—говоритъ первенствующая англійская газета,—отъ введенія у турецкихъ подданныхъ хорошаго правительства. Мы много разъ высказывали эту же мысль. Что это за кровожадный Молохъ *спокойствіе*

міра, если оно должно поддерживаться непрерывными убійствами, поджогами и грабежами,—а это и есть *status quo* въ Турціи. Обращаемъ вниманіе читателей на второе изданіе книги *Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году.* Книга переполнена мрачными фактами и заключаетъ въ себѣ статьи Гладстона, Роленъ-Жекмена, Диллона и др. Къ ней приложены портреты патріарха Измирліана и Диллона. Читатели знаютъ, что патріархъ Измирліанъ подвергся въ настоящее время гоненію со стороны турецкаго правительства за то, что не пожелалъ быть орудіемъ угнетенія армянъ.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Августъ. 1896 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Философія, психологія, педагогика.— Исторія, біографіи, исторія литературы.— Путешествія.— Политическая экономія.— Медицина.— Сельское хозяйство.— Книги для юношества, учебники.— Изданія для народа. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *май* и *іюнь*.— «Вѣстникъ Европы», *іюнь* и *іюль*.— «Сѣверный Вѣстникъ», *іюнь* и *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Бездомовье". Повѣсть и разсказы *А. П. Плетнева.* — „Нужды". Сборникъ стихотвореній, посвящ. памяти поэта-самоучки И. Д. Родіонова. Изд. кружка самоучекъ-писателей.—„Преимущественно современные франц. лирики въ краткихъ біографіяхъ и произведеніяхъ Е. Зетъ".—„Quo vadis?" Пер. *Ф. В. Домбровскаго.*

Бездомовье. Повѣсть и разсказы А. П. Плетнева. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. Въ повѣсти *Бездомовье* авторъ изображаетъ двухъ молодыхъ людей: петербуржца, Петра Николаевича Невина, и москвича, Родіона Михайловича Кремнева. Они товарищи по университету и друзья, но по характерамъ, вкусамъ и привычкамъ ничуть ни сходны другъ съ другомъ. И въ обществѣ они занимаютъ разныя положенія: Невинъ, сынъ высокопоставленнаго чиновника, богатъ и совершенно независимъ, такъ какъ нѣтъ у него никакихъ родныхъ; Кремневъ—бѣднякъ, живетъ уроками и отъ своихъ скудныхъ заработковъ помогаетъ матери и сестрѣ, молоденькой дѣвушкѣ, кончающей курсъ гимназіи въ Москвѣ. Невина ничто не привязываетъ къ Петербургу и къ Россіи, и онъ съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ уѣзжаетъ за границу, какъ только смерть старика отца выпустила его на полную свободу. Кремневъ не одобряетъ отъѣзда друга, осуждаетъ его космополитизмъ, ибо Кремневъ настоящій патріотъ спеціальной московской окраски. Онъ объявляетъ, что „не любитъ Петербурга потому, что тамъ какъ-то обходятся безъ любви къ отечеству". „Нельзя же,—поясняетъ онъ,—любить слово *родину, а не ее самое.* А она (родина) такъ далеко отсюда. У насъ въ Москвѣ есть хоть Кремль! Взглянешь на него и чувствуешь себя русскимъ". Невинъ въ Швейцаріи увлекается молодою англичанкой, миссъ Гамильтонъ, уѣзжаетъ за нею въ Англію, близко сходится съ ея семействомъ, поступаетъ на службу къ отцу миссъ Алиссы, крупному коммерсанту, дѣлается усерднымъ англоманомъ. Въ Петербургъ онъ возвращается, чтобы ликвидировать отцовское наслѣдство и навсегда уѣхать въ Англію, гдѣ его ждетъ миссъ Алисса. Встрѣча у Кремнева съ милою русскою дѣвушкой, влюбившеюся въ него, Невина,

Наташей Арнаутовой, измѣняетъ намѣренія англомана, равнодушнаго къ этой дѣвушкѣ, но соглашающагося жениться на ней потому, что она его любитъ, и потому, въ особенности, что Кремневъ этого желаетъ и уговариваетъ друга купить имѣніе около Москвы и заняться хозяйствомъ. Отказъ родителей Наташи разрушаетъ патріотическіе планы Кремнева, и Невинъ уѣзжаетъ въ Лондонъ къ ожидающей его миссъ Гамильтонъ. Все бы это ничего, повѣсть, какъ повѣсть: есть въ ней и славянофильскій душокъ, и неодобреніе желающимъ „опроститься“, по-толстовски, и о служеніи народу посредствомъ покупки подмосковнаго имѣнія. Но написана эта повѣсть такъ нескладно, такъ схематично и сухо, что ее читаешь, точно выписку изъ слѣдственнаго дѣла „о самовольномъ оставленіи своего отечества неслужащимъ дворяниномъ Невинымъ“. Изъ этой повѣсти и изъ слѣдующихъ за нею одиннадцати мелкихъ разсказовъ можно вывести заключеніе, что авторъ ихъ, человѣкъ очень хорошій, добрый и гуманный, одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, осуществить которыя литературнымъ путемъ ему довольно трудно, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ его произведеніяхъ не достаетъ оригинальности, всѣ они производятъ впечатлѣніе чего-то навѣяннаго со стороны, отчасти французскими книжками; во-вторыхъ, у автора нѣтъ, повидимому, извѣстныхъ литературныхъ навыковъ, тѣхъ писательскихъ пріемовъ, при помощи которыхъ люди съ крохотными дарованіями,—а то и совсѣмъ безъ таковыхъ,—пишутъ въ наши дни не только „очерки и разсказы“, но и цѣлые романы. Къ тому же авторъ, при своихъ несомнѣнно патріотическихъ чувствахъ, высказанныхъ устами Родіона Кремнева, слишкомъ часто грѣшитъ, совсѣмъ не патріотически, противъ родного языка, напримѣръ: „Но идя разными дорогами, дружба ихъ осталась такъ же крѣпка, какъ и прежде“. „Но изощряя свое остроуміе, глаза Михаила Михайловича добродушно смѣялись“. „И теперь я не могу вспомнить о мирныхъ дняхъ, протекшихъ для меня въ томъ тихомъ пристанищѣ, гдѣ я нашелъ себѣ временный пріютъ, безъ какого-то особеннаго умиленія и, къ чему скрывать, безъ того, чтобы слезы украдкой не навертывались на мои глаза“. Можно предположить, что авторъ знаетъ французскій языкъ лучше русскаго и „думаетъ по-французски“.

„Нужды“. Сборникъ стихотвореній, посвященный памяти поэта-самоучки И. Д. Родіонова. Съ его портретомъ, нѣсколькими стихотвореніями и біографическими свѣдѣніями о его личности. Москва. Изданіе кружка самоучекъ писателей. 1896—1897 гг. Ц. 25 к. Когда говорятъ „механикъ-самоучка“, для всѣхъ ясно, что рѣчь идетъ о строителѣ машинъ, нигдѣ не обучавшемся механикѣ и добирающемся своимъ умомъ до сооруженія какого-либо механизма, не имѣя понятія ни о какихъ теоріяхъ и законахъ движенія. Не такъ ясно дѣло, когда писатели или писатель самъ себя называетъ „самоучкой“. Для обученія механиковъ существуютъ спеціальныя школы, для обученія писателей и поэтовъ такихъ школъ нѣтъ, а есть общія школы низшія, среднія и высшія, гдѣ преподаются разныя науки, которыя потомъ всякій, по мѣрѣ своихъ влеченій и способностей, прилагаетъ къ житейской практикѣ. Слѣдуетъ ли разумѣть подъ наименованіемъ „самоучки“ такого писателя и поэта, который прошелъ только низшую школу, гдѣ не преподаютъ ни теоріи, ни исторіи литературы, ни правилъ стихосложенія? Если такъ, то на Руси большая часть писателей „самоучки“, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что къ такимъ писателямъ со стороны публики и критики должны быть предъявляемы

меньшія требованія, чѣмъ къ тѣмъ, которые прошли курсы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Тогда для оцѣнки литературныхъ произведеній пришлось бы установить три различныя мѣрки и предложить авторамъ обозначать въ подписи учебное заведеніе, въ которомъ каждый изъ нихъ кончилъ курсъ. Господа „самоучки", издавшіе сборникъ стихотвореній, претендуютъ, повидимому, на такую „прогрессивную" оцѣнку, по меньшей мѣрѣ, со стороны редакцій журналовъ, къ которымъ они обращаются съ укоромъ въ предисловіи къ лежащей передъ нами книжкѣ. Писатели - самоучки ставятъ редакціямъ въ примѣръ Салтыкова - Щедрина, который „выправлялъ рукописи, передѣлывалъ чуть не за ново". „Но, — продолжаетъ авторъ предисловія, — такихъ усидчивыхъ и *добросовѣстныхъ* редакторовъ днемъ съ огнемъ поискать". Обвиненіе высказано косвенно, но довольно круто. Далѣе авторъ говоритъ: „Блестки таланта разбросаны, они блестятъ, какъ свѣтляки, авторъ неумѣло пользовался ими или *не имѣлъ достаточно терпѣнія*,— надо собрать ихъ, поработать. Тяжелый трудъ, что и говорить! Только тотъ можетъ принять на себя его обузу, кому дороги интересы родной литературы"... т.-е. редакторъ, „добросовѣстно" относящійся къ своему дѣлу. У „самоучки" не хватило терпѣнія поработать, у него есть только „блестки", а нѣтъ „усидчивости",—и онъ требуетъ, чтобы „тяжелый трудъ" взяли на себя за него другіе,—самый тяжелый въ дѣлѣ писательства, добавимъ мы. Въ предисловіи говорится еще, что „не одна нужда губитъ талантъ, а и невѣжество". Это вѣрно, но, въ особенности, губитъ ихъ недостатокъ *усидчивости* и *терпѣнія* у писателей, которые хотѣли бы всю тяжелую и черную работу своего дѣла свалить на чужія плечи. „Нужда" губитъ и писателей, и художниковъ-живописцевъ, заставляя ихъ растрачивать силы на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. И, однако, живописцы не требуютъ, чтобы редакторы иллюстрацій исправляли и заново передѣлывали ихъ рисунки. Да и „нужда", губящая таланты, является нерѣдко по винѣ самихъ страдающихъ отъ нея, не умѣющихъ или не желающихъ соразмѣрять свои прожитки съ имѣющимися на лицо средствами. Всего же чаще подъ гнетъ „нужды" попадаютъ такіе писатели, которые всѣ свои надежды возлагаютъ на писательскіе гонорары и потому пренебрегаютъ всякимъ инымъ трудомъ и заработкомъ. Всякому самоучкѣ мы скажемъ: учись и трудись, читай и работай, не кивай на Кольцова и Никитина, коли Богъ такого роста не далъ, не сваливай свою „обузу" на чужую шею, и тогда до чего-нибудь путнаго и доберешься.

Въ сборникѣ *Нужды* напечатаны стихотворенія 38 писателей, именующихъ себя „самоучками". Всѣ они написаны довольно гладко, въ нѣкоторыхъ „блестятъ, какъ свѣтляки", искорки дарованія, но большая часть страдаетъ отсутствіемъ самобытности, оригинальности, производитъ впечатлѣніе пѣсенъ съ чужого голоса и на чужіе мотивы, особенно излюбленные, что придаетъ имъ очень однообразный тонъ, дѣлающій весь сборникъ довольно скучнымъ.

Преимущественно современные французскіе лирики въ краткихъ біографіяхъ и произведеніяхъ. Е. Зетъ. Изданіе второе. 1888—1893. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 75 коп. Подъ такимъ длиннымъ и не лишеннымъ заманчивости заглавіемъ вышла книжка переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній г. Зета. „Краткія біографіи" избранныхъ переводчикомъ поэтовъ очень напоминаютъ біографіи извѣстныхъ „современниковъ", помѣщаемыя въ энциклопедическихъ словаряхъ. Всѣ характеристики въ нихъ „благожелательны" и безцвѣтны,

„кратки“ до того, что многимъ отведено по одной страницѣ и даже меньше. Изъ произведенiй французскихъ лириковъ помѣщено въ книжкѣ по одному стихотворенiю Ламартина, Дешана, Виктора Гюго, Теофиля Готье, Эд. Гренье, Андре Терье, Поля Арена, Жана Ришпена и др. У иныхъ взято по два стихотворенiя, немногимъ посчастливилось на большее число. Переводы вообще слабы, а нѣкоторые—совсѣмъ плохи, какъ напримѣръ *Караванъ* Теофиля Готье, гдѣ попадаются такiе стихи:

„... И тянется съ трудомъ безчисленныя лѣта,
Сжигаемый огнемъ и пôтомъ трудныхъ лѣтъ
Залитый. Львы рыкаютъ, стонутъ грозно бури“...
„... И вотъ вдали *оазъ* зеленый видѣнъ *тамъ*“...
„... И, какъ оазъ, Онъ далъ кладбище вамъ найти“...

Вотъ образецъ оригинальнаго произведенiя г. Зета:

„Когда я призванъ былъ Творцомъ
Частицей мiра быть сего,
Благоговѣлъ я предъ Отцомъ,
Хотѣлъ ученiя Его“...

И еще:

„Въ мглѣ зеленаго отлива
Скрылся городъ *съ* глазъ,
Видѣнъ берегъ лишь залива,
Что вблизи отъ насъ“...

Полагаемъ, что этого достаточно для оцѣнки по достоинству книжки г. Зета.

Quo vadis?... Романъ изъ временъ Нерона въ 11 част. съ эпилогомъ. Генриха Сенкевича. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго, съ предисловiемъ и примѣчанiями переводчика. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Плохихъ переводчиковъ не жнутъ, не сѣятъ,—они сами родятся, но среди этихъ самородковъ г. Домбровскiй является особенно крупнымъ и чрезвычайно интереснымъ экземпляромъ. Иной искажаетъ иностраннаго автора благодушно, свое незнанiе и русскаго языка, и того, съ какого переводитъ, ничѣмъ не прикрываетъ, а г. Домбровскiй ужъ если возьмется допечь кого-нибудь, то представитъ его въ такомъ смѣшномъ и позорномъ видѣ, что руками разведешь. Почему-то объектомъ его злобы сдѣлался Сенкевичъ и бѣднаго польскаго писателя онъ терзаетъ на всѣ лады и манеры, точно свирѣпый башибузукъ плѣннаго болгарскаго ребенка. Прежде почтенный переводчикъ поступалъ довольно просто,—бралъ чужой переводъ, по мѣрѣ силъ искажалъ его, вносилъ разныя нелѣпости своего собственнаго сочиненiя и пожиналъ лавры. Но теперь ему этихъ лавровъ, видимо, оказалось недостаточно. Смѣемъ ручаться, что *Quo vadis*, несомнѣнно, переведенъ самимъ г. Домбровскимъ, ибо кто другой сумѣлъ бы сплести въ одну пышную гирлянду такое поразительное незнанiе польскаго и русскаго языка, такую колоссальную безграмотность и такое... какъ бы сказать помягче?—такую развязность. Вотъ какъ г. Домбровскiй пишетъ по-русски: „Являясь яростнымъ послѣдователемъ тенденцiй въ искусствѣ различныхъ нацiй, онъ (Сенкевичъ) производитъ своихъ героевъ въ характерные герои, которые...“ и т. д. Это говорится въ предисловiи, въ концѣ котораго переводчикъ обязуется снабдить „все, быть-можетъ непонятное для многихъ, особыми примѣчанiями“. Романъ историческiй, изобилующiй массой дѣйствительно незнакомыхъ словъ, какъ же г. Домбровскому можно было обойтись безъ примѣчанiй и не

блеснуть своею ученостью? Но объ учености г. Домбровскаго мы поговоримъ впослѣдствіи, а пока обратимся къ его переводу и посмотримъ, какъ онъ знаетъ польскій языкъ. „Конечно, я не скажу тебѣ, что это глупо",—говоритъ Петроній на 5-й стр. перевода г. Домбровскаго. Смотримъ въ подлинникъ и читаемъ: „nie potrzebuję ci zresztą mówić, że postąpiono głupio", т.-е. какъ разъ наоборотъ. На стр. 15-й тотъ же Петроній говоритъ, что долженъ былъ слушать разсказъ Авла Плавтія „объ упадкѣ мелкаго хозяйства въ Италіи, причиной котораго являлся Лициній Столонъ". Въ подлинникѣ: „o upadku małych gospodarstw w Italii, któremu jeszcze Licinius Stolo starał się zapobiedź", т.-е. „объ упадкѣ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ, который старался предотвратить еще Лициній Столонъ". Стр. 16-я украшена слѣдующимъ перломъ: въ подлинникѣ Виниційй говоритъ: „Черезъ минуту прибѣжалъ маленькій Плавтій и началъ о чемъ-то спрашивать, но я не понялъ, что ему нужно.—О, Аѳина!—воскликнулъ Петроній,—сними съ глазъ этого мальчика повязку..." Въ переводѣ г. Домбровскаго это мѣсто выходитъ такъ: „Вскорѣ прибѣжалъ маленькій *Плавтикъ* (!) и началъ о чемъ-то распрашивать *ее,* но я не понялъ, чего онъ хотѣлъ *отъ нея и о чемъ распрашивалъ.* — Объ Аѳинахъ! — воскликнулъ Петроній.— Надо снять повязку съ глазъ этого мальчика". Г. Домбровскаго смутило начертаніе имени Аѳины—Athene, и онъ разжаловалъ ее въ городъ. Впрочемъ, это не единственное столкновеніе Аѳины съ высокоученымъ переводчикомъ Сенкевича. На стр. 33 мы читаемъ: „Слушаю тебя, мой Аѳеней". Любопытно знать, что это значитъ? „Аѳеней" снабжено примѣчаніемъ. Смотримъ его (стр. 554): „Аѳеней—современникъ Архимеда, ученый". Обращаемся къ подлиннику: „я слушаю тебя, моя Аѳина". Стр. 32: „изгони изъ себя всѣ прямые и честные помыслы и дай время себѣ и мнѣ подумать". Въ подлинникѣ сказано: „wyczerpaj proste uczciwe sposoby i zostaw sobie i mnie czas do namysła", т.-е. „исчерпай всѣ приличныя средства и оставь себѣ и мнѣ время для размышленія". Мы ограничились 32 страницами перевода г. Домбровскаго, не обращая вниманія на его смѣлую транскрипцію собственныхъ именъ. Такъ, Тразеа называется у него Трасей, Авлъ—Авлій, Мидасъ—Мида, скиѳы—сциты (пойми, что это значитъ), Деметра—Деметрія, но за то и Ніобея перекрещена въ Ніобу. На 550 стр. разсыпаны лишь цвѣточки, а ягодки начинаются съ 551,—съ примѣчаній. Такъ, наприм., Univira (женщина, бывшая только одинъ разъ замужемъ), по мнѣнію г. Домбровскаго, значитъ *добродѣтельная,* Норикумъ (римская провинція, находившаяся около Дуная)—*родъ соуса* (ей-Богу! стр. 554, прим. 73); Либитина (богиня похоронъ) — *покровительница смерти и похоронъ* (пріятное божество!); Августа — *священная;* Аренарій (мѣсто, откуда добываютъ песокъ)—*мѣсто всего амфитеатра, или поле состязаній или всего сраженія;* Domus aurea (Золотой дворецъ Нерона)—*домъ насилія...* Мы могли бы привести еще сотни примѣровъ ни съ чѣмъ несравнимой храбрости г. Домбровскаго, рѣшившагося выступить публично съ своимъ переводомъ и своими примѣчаніями, но, кажется, и этого достаточно. Долготерпѣливъ русскій читатель, почему же господину Домбровскому и не обирать его?

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Темпераментъ и характеръ“. *Альфр. Фулье.* Пер. *В. Н. Линда.* — „Умственное и нравственное развитіе ребенка“. *Г. Компэрэ.* Пер. *С. Исаевой и Л. Макухиной.* — „Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе“. Чтеніе В. Оствальда. Пер. *Н. С. Дрентельна.* — „Интеллектуальныя функціи головного мозга“. Прив.-доц. *В. А. Муратова.* — „Что такое философія“. *Эрн. Навиля.* — „Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ: Дантъ, Боккаччіо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ“. Крит. очеркъ *А. Н. Гилярова.* — „Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго“.

Темпераментъ и характеръ. Альфреда Фуллье. Переводъ В. Н. Линда. Ц. 1 р. М. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. 1896 г. 337 стр. За послѣдніе годы у насъ, какъ извѣстно, издательская дѣятельность значительно усилилась; къ числу новыхъ издательскихъ фирмъ принадлежитъ и магазинъ „Книжное дѣло“. Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно къ его дѣятельности; выборъ издаваемыхъ имъ книгъ (переводныхъ) показываетъ знаніе дѣла и вѣрное чутье къ умственнымъ запросамъ публики и къ потребностямъ времени. Въ числѣ изданныхъ фирмою книгъ стоятъ такія вещи, какъ *Древняя гражданская община* Фюстель де-Куланжа, печатается и готовится къ печати рядъ сочиненій Д. С. Милля (*Автобіографія*, *Огюстъ Контъ и позитивизмъ, Система логики*) и *Демократія въ Америкѣ* А. Токвиля. Вполнѣ удачно выбрана и лежащая передъ нами книжка А. Фуллье. Фуллье—одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе широко-образованныхъ философовъ современной Франціи, авторъ большого числа сочиненій по исторіи философіи, по психологіи и метафизикѣ, отличный стилистъ. Основною чертой его философскихъ сочиненій является стремленіе къ соглашенію противоположныхъ взглядовъ, къ сглаживанію и примиренію контрастовъ; особенно много шаговъ сдѣлалъ онъ съ цѣлью примиренія детерминизма съ ученіемъ о свободѣ воли, причемъ особенно настаивалъ на значеніи идей, какъ движущихъ силъ. Въ настоящемъ сочиненіи Фуллье наиболѣе любопытны третья и четвертая книги, посвященныя „различію темперамента и характера соотвѣтственно полу“ и „характерамъ человѣческихъ расъ и будущности бѣлой расы“. Исходя изъ біологическихъ данныхъ касательно процесса воспроизведенія, авторъ характеризуетъ женскій элементъ вообще какъ элементъ интеграціи, накопленія, собиранія матеріала, мужской—какъ элементъ дезинтеграціи, распространенія, разсѣянія, усиленной дѣятельности. Изъ этого положенія авторъ выводитъ опредѣляющіе признаки темперамента, физіологическаго устройства, чувствительности, умственныхъ способностей, воли и нравственныхъ качествъ мужчинъ и женщинъ, причемъ вполнѣ справедливо говоритъ, что „между хорошими качествами и недостатками женскаго ума очень трудно опредѣлить, что зависитъ отъ самой природы женщины и что отъ накопленія результатовъ низшаго ея образованія, продожавшагося цѣлые вѣка“. Установивъ полную равноправность духовныхъ типовъ мужского и женскаго, необходимость возможно широкаго и всесторонняго развитія для каждаго изъ нихъ, авторъ признаетъ, что „женщина всегда была героиней семьи, и пока (и если) она будетъ матерью, въ этомъ всегда будетъ состоять главный центръ ея круга дѣятельности“. Но для того, чтобъ она могла съ честью исполнить эту свою задачу необходимо познакомить ее въ общемъ объемѣ со всѣмъ, что составляетъ умственный и нравственный капиталъ человѣчества; „для женщинъ по преимуществу учебный курсъ долженъ быть въ собственномъ смыслѣ тѣмъ,

что называлось *humaniora*". Такимъ образомъ семью, эту ячейку, зародышъ общества, надо пріобщить ко всей культурѣ, ко всей „человѣчности", какая выработалась и накопилась въ общественности, этой великой лабораторіи умственной и моральной культуры; благодаря непосредственности и глубинѣ своего вліянія, семья можетъ какъ нельзя лучше упрочить въ каждомъ слѣдующемъ поколѣніи разъ достигнутые исторіей результаты. Фуллье резюмируетъ требованія защитниковъ женщинъ въ трехъ положеніяхъ: уничтоженіе власти мужа, устройство семьи на основаніи равенства правъ и обязанностей и предоставленіе женщинѣ права свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и законной доли власти (реформа семейно-юридическая); открытіе женщинамъ доступа ко всѣмъ родамъ какъ умственнаго, такъ и промышленнаго труда,—реформа экономическая, имѣющая особенное значеніе потому, что далеко не всѣ женщины выходятъ замужъ и основываютъ семьи; наконецъ, признаніе за женщинами права хотя бы совѣщательнаго участія въ устройствѣ общественныхъ дѣлъ (реформа административная и политическая). Чрезвычайно интересна и четвертая книга сочиненія Фуллье. Установивъ въ общихъ чертахъ характеръ первобытнаго человѣка, онъ указываетъ на различія въ духовномъ складѣ отдѣльныхъ расъ, выясняетъ вліяніе воспитанія и скрещиванія на характеръ ихъ и приводитъ „расовый вопросъ" къ слѣдующей дилеммѣ: или цвѣтныя расы настолько приблизятся къ бѣлой по темпераменту и характеру, что смѣшеніе ихъ съ ней посредствомъ скрещиваній дастъ средній типъ высокаго достоинства и способный къ усовершенствованію; или, наоборотъ, пропасть между цвѣтными и бѣлою расами будетъ все увеличиваться, причемъ бѣлая раса будетъ все болѣе и болѣе возвышаться надъ прочими. Если справедливымъ окажется послѣднее, то какъ бы ни угрожали намъ черные и желтые люди, бѣлая раса все-таки найдетъ въ своей наукѣ и въ своей изобрѣтательной способности средства для того, чтобъ уравновѣсить значеніе количества людей цвѣтныхъ расъ. Поэтому будущее зависитъ отъ насъ самихъ, и притомъ не только отъ нашего ума и нашей науки, но также, и преимущественно, отъ нашей воли и нравственности. Воздѣйствіе расъ и ихъ элементовъ на ходъ исторіи проходитъ, по мнѣнію Фуллье, три періода. Чѣмъ первобытнѣе раса и общество, тѣмъ однороднѣе (относительно) входящія въ ихъ составъ личности. Во второй періодъ различія физическія и моральныя постепенно уменьшаются между расами и народами, но увеличиваются между особями, принадлежащими къ одной расѣ, къ одному народу. Въ третій періодъ одинаковость цивилизаціи, однородность воспитанія и обученія, смѣшеніе и скрещиваніе народовъ и расъ—все это будетъ постоянно увеличивать сходство и не только между расами и народами, но въ то же время и между отдѣльными лицами. Съ другой стороны, свобода, предоставляемая въ культурныхъ обществахъ индивидуальному развитію, выработка рѣзко очерченныхъ оригинальныхъ характеровъ будутъ въ этотъ третій періодъ класть совершенно опредѣленныя черты своеобразія на индивидуальности.

Книга Фуллье, написанная свойственнымъ ему легкимъ, изящнымъ языкомъ, переведена хорошо, издана тщательно, что дѣлаетъ ее, при крайне недорогой цѣнѣ (1 рубль за 21 печатный листъ), желательной для распространенія въ публикѣ. Къ книгѣ приложена глава о „воспитаніи характера" изъ сочиненія Фр. Кейра *Les caractères et l'education morale*.

Умственное и нравственное развитіе ребенка. Г. Компэре. Переводъ съ французскаго С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. Переводъ этотъ печатался въ теченіе прошлаго года въ журналѣ *Образованіе,* а теперь вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Выборъ для перевода этого сочиненія довольно извѣстнаго французскаго психолога и педагога Г. Компэре надо признать удачнымъ. Это чрезвычайно поучительно для лицъ, уже знакомыхъ болѣе или менѣе съ основными теоріями, методами и положеніями психологіи и интересующимися спеціально психологіей дѣтей. Авторъ сводитъ наиболѣе существенные результаты важнѣйшихъ изъ новыхъ изслѣдованій надъ дѣтьми и дополняетъ ихъ значительнымъ количествомъ собственныхъ наблюденій и опытовъ. Матеріала авторъ собралъ такъ много, что онъ нѣсколько даже подавляетъ собственно научную, аналитическую часть. Сколько-нибудь обстоятельному изложенію въ рецензіи эта книга не поддается; можно обратить вниманіе читателей на очень интересныя главы о развитіи у дѣтей рѣчи и нравственнаго чувства и о „недостаткахъ и хорошихъ качествахъ дѣтей". Переводъ въ общемъ сносенъ, хотя свѣдѣнія по нервной физіологіи у переводчицъ, повидимому, не велики и, къ тому же, переводъ довольно неровенъ: особенно въ первой половинѣ книги кое-гдѣ мало замѣтенъ трудъ редактора, метранпажа и корректора. Отъ этого получается такое впечатлѣніе, какъ будто переводъ напечатанъ прямо въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера переводчицъ. Иногда попадаются такія фразы: „періодъ кризиса, когда особенно многочисленъ и опасенъ приступъ болѣзни" (стр. 13); морганье „Прейеръ называетъ: ощущеніемъ *апрессивной руки*" (стр. 35); Прейеръ „*отъ имени* нѣмецкихъ дѣтей заявляетъ, что у нихъ слезы..." (стр. 82); одно и то же примѣчаніе набрано и помѣщено два раза на двухъ страницахъ (стр. 173 и 174) и т. д. По изложенію книга вполнѣ доступна для самой широкой публики, и если оно кое-гдѣ страдаетъ, то скорѣе нѣкоторой растянутостью, обиліемъ повтореній. Общая точка зрѣнія автора — эмпирическая, въ духѣ англійской школы.

Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. Чтеніе Вильг. Оствальда, проф. Лейпцигскаго университета, на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Любекѣ въ сентябрѣ 1895 г. Переводъ съ нѣмецк. Н. С. Дрентельна. Спб., 1896 г. Цѣна 30 к. Знаменитый химикъ Оствальдъ, извиняясь за свою смѣлость („я хорошо понимаю,— говоритъ онъ,— что мое намѣреніе приводитъ меня къ разногласію со взглядами людей, которымъ наука обязана великими успѣхами и на которыхъ всѣ мы смотримъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Да не сочтутъ они за признакъ высокомѣрія то, что я въ столь важномъ дѣлѣ становлюсь въ противорѣчіе съ ними. Матросъ, стоящій на-сторожѣ, обязанъ дать знать о томъ, что онъ видитъ, и онъ не выполнилъ бы своего долга, еслибъ этого не сдѣлалъ"),—выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что „научный матеріализмъ", сводящій весь міръ на „атомы" и „силы", на „механику атомовъ", неправиленъ и стоитъ въ противорѣчіи съ несомнѣнными и общепризнанными истинами. Его надо замѣнить другимъ міропониманіемъ, которое Оствальдъ хотѣлъ бы назвать „энергетическимъ". „Что узнаёмъ мы о внѣшнемъ мірѣ? Очевидно, лишь то, о чемъ намъ даютъ знать органы чувствъ. Но при какомъ условіи тотъ или другой изъ этихъ органовъ приходитъ въ дѣйствіе? Какъ бы мы ни разсматривали дѣло, мы не откроемъ ничего иного, кромѣ слѣдующаго: *органы чувствъ реа-*

цируютъ на энергетическіе разности между ними и окружающей средою" (стр. 15). Вотъ основа разсужденія автора. Но разъ это такъ, то не очевидно ли, что основой міра, реальностью, являются даже не „энергетическія разности", а данныя органовъ чувствъ, извѣстныя духовныя состоянія? Ибо если матеріальныя воздѣйствія можно свести на „энергетическія разности", то эти послѣднія, мало того, что существуютъ лишь въ ихъ отношеніи къ нашимъ чувствамъ, и сами представляютъ собою для насъ лишь извѣстнаго рода воспріятія. Поэтому если ужъ идти до послѣдней реальности міра, то за таковую надо признать скорѣе нѣкоторыя состоянія сознанія, чѣмъ „энергетическія разности". Если же довольствоваться той относительною реальностью, какая нужна для научнаго изученія внѣшняго міра, то „энергетическое" міровоззрѣніе только въ томъ случаѣ будетъ имѣть преимущества передъ „научнымъ матеріализмомъ", если эта перемѣна не будетъ словесной, если научные анализы съ точки зрѣнія энергетики пойдутъ иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія матеріи и движенія, атомовъ и силъ. Предоставляя это рѣшенію спеціалистовъ, мы хотимъ здѣсь показать только то, что вопросъ далеко не такъ простъ, какъ, повидимому, думаетъ проф. Оствальдъ. Сверхъ того, если проф. Оствальдъ полагаетъ (кажется, это такъ и есть), что онъ первый говоритъ объ „энергетическомъ" пониманіи міра, то онъ сильно ошибается.

Интеллектуальныя функціи головного мозга. Приватъ-доцента В. А. Муратова. Рѣчь, читанная въ открытомъ годичномъ собраніи общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Казань, 1896 г. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) можно считать безусловно доказаннымъ, что въ головномъ мозгу существуютъ отдѣльные аппараты, завѣдующіе опредѣленными нервными отправленіями. Элементарныя психическія способности (память тѣхъ или другихъ спеціальныхъ представленій) пріурочены къ опредѣленнымъ отдѣламъ мозга, локализованы. 2) Наравнѣ съ такою чисто-мозговою дѣятельностью существуетъ общемозговая, или *интегральная* функція мозга; анатомо-физіологическая ея основа выражается сочетательнымъ механизмомъ мозга; функціональное условіе — совмѣстное возбужденіе многихъ нервныхъ центровъ и ихъ соединительныхъ путей.

Въ защиту идеаловъ разума. Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей. I. Что такое философія? (La définition de la philosophie) Эрнеста Навиля, заслуженнаго профессора Женевскаго университета. Переводъ съ французскаго подъ редакціей доцента философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскаго. М., 1896 г. Съ 1867 по 1883 г. протоіерей Заркевичъ издавалъ сборникъ: *Матеріализмъ, наука и христіанство*, гдѣ помѣщались главнымъ образомъ переводы соотвѣтственныхъ произведеній западно-европейской литературы. Теперь, въ 1896 году, доцентъ духовной академіи А. И. Введенскій предпринялъ новую „защиту идеаловъ разума", которые, по его мнѣнію, враждебно сталкиваются съ вѣяніями современной мысли. Идеи свободы (воли, конечно...), души, долга, безсмертія, Бога (стр. IV) — все это подвергается нападкамъ со стороны западной науки, и люди, дорожащіе своими вѣрованіями, въ которыхъ они воспитаны, мучительно желаютъ спасти и отстоять ихъ, тѣмъ болѣе, что у насъ, въ Россіи, „живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствуется нарожденіе отрицательныхъ теченій мысли, такъ какъ они рѣзко противорѣчатъ вѣковому складу и вѣковымъ устоямъ нашей бытовой, рели-

гіозной и государственной жизни" (стр. V). Въ силу этихъ соображеній г. Введенскій и задумалъ изданіе, которое должно помочь русскимъ читателямъ критически разобраться въ новѣйшихъ умственныхъ движеніяхъ и устами западныхъ писателей опровергнуть западныя же идеи. Никто, разумѣется, не будетъ спорить съ г. Введенскимъ, что объективно-критическое отношеніе къ вещамъ и взглядамъ въ высшей степени необходимо и плодотворно и что во время дебатовъ всегда слѣдуетъ выслушивать et alteram partem. Но, быть можетъ, иные замѣтятъ, что ученый доцентъ самъ грѣшитъ противъ объективности, когда онъ заранѣе считаетъ свои убѣжденія положительными, а воззрѣнія своихъ противниковъ называетъ отрицательными; быть можетъ, ему замѣтятъ, что съ этими терминами надо обращаться крайне осторожно и что, собственно говоря, „отрицательныхъ теченій мысли" не существуетъ, ибо всякая работа мысли по самому характеру своему положительна, и если писатели Запада, дѣйствительно, многое отрицаютъ, то они дѣлаютъ это во имя извѣстныхъ *положительныхъ* вѣрованій. На „идеалы человѣческаго разума", рыцаремъ которыхъ такъ похвально желаетъ быть г. Введенскій, никто не посягаетъ, но дѣло въ томъ, что эти идеалы могутъ пониматься такъ или иначе, и точка зрѣнія на нихъ г. Введенскаго ни для кого не обязательна; они не застыли въ опредѣленныхъ и безжизненныхъ формахъ, они подвержены трансформаціи, и если въ ихъ развитіи одна стадія отрицаетъ свою предшественницу, то отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что эта отрицательная стадія не выдерживаетъ критики или представляетъ собою регрессъ.

Въ качествѣ введенія къ своему изданію, А. И. Введенскій предлагаетъ трудъ Э. Навиля. Несомнѣнно, что произведеніе женевскаго профессора, взятое само по себѣ и не разсматриваемое съ точки зрѣнія „защиты идеаловъ", является очень дѣльною и полезною книгой. Авторъ подробно и логично разъясняетъ понятіе философіи, указываетъ ея принципы, методы, значеніе и отношеніе къ частнымъ наукамъ и всѣ свои взгляды формулируетъ въ цѣломъ рядѣ тезисовъ. Обладая дисциплинированнымъ и яснымъ умомъ, Навиль строго систематиченъ, и мысль его развивается послѣдовательно, плавно и неторопливо; она не дѣлаетъ скачковъ, и за нею легко слѣдить. Вотъ почему его книгу и можно рекомендовать начинающимъ заниматься философскими проблемами; они сразу будутъ введены въ курсъ дѣла и увидятъ предъ собою тѣ дороги, по которымъ направляются различныя теченія философіи. Но они должны быть осторожны и не слѣдовать безъ дальнѣйшихъ разсужденій за Навилемъ по его пути спиритуализма. Правда, швейцарскій мыслитель не игнорируетъ и другихъ философскихъ ученій, иногда воздаетъ имъ должное, но критикуетъ онъ ихъ не всегда глубоко и не всегда вѣрно. Онъ, напримѣръ, противникъ монизма вообще, но самъ же говоритъ, что „специфическою чертой жизни... служитъ своеобразная координація движеній матеріи" (стр. 5),—значитъ, нѣтъ роковой, незасыпаемой пропасти между матеріей и жизнью, хотя Навиль въ приведенныхъ словахъ и имѣетъ въ виду только растительную жизнь, обособленную отъ всякаго психическаго элемента. Кромѣ того, возражая противъ монизма, авторъ считаетъ, однако, главнымъ достоинствомъ спиритуалистическаго направленія то, что оно устанавливаетъ своего рода монизмъ (стр. 7). Слишкомъ бездоказательны у Навиля и его заимствованное у Лейбница дѣленіе человѣческихъ знаній на прирожденныя истины разума и добытыя опытомъ истины факта (стр. 26), и всѣ его вообще нативистическія тео-

ріи, и его утвержденіе, будто научныя объясненія—результатъ однѣхъ только дедукцій (стр. 45) и будто въ исторіи человѣческихъ изслѣдованій „не анализъ предшествовалъ синтезу, но какъ разъ наоборотъ" (стр. 121). Далѣе, напрасно авторъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, будто „сущность эмпиризма состоитъ въ томъ, что онъ сводитъ роль познающаго субъекта къ пассивной воспріимчивости" (стр. 155); это опредѣленіе совершенно не вѣрно и смѣшиваетъ эмпиризмъ и сенсуализмъ. Навиль какъ бы устраняетъ значеніе эмпиризма въ исторіи философіи и тогда, когда въ числѣ людей, „которые ввели въ науку зачатки истины", называетъ Декарта и Лейбница и не упоминаетъ Локка (стр. 258). Какъ недостатокъ книги, слѣдуетъ отмѣтить и то, что Навиль слишкомъ злоупотребляетъ понятіемъ гипотезы; подъ этимъ терминомъ онъ, въ сущности, мыслитъ всякое пытливое стремленіе человѣческаго ума вообще, всякое исканіе истины. Въ послѣдней главѣ авторъ, между прочимъ, доказываетъ, что противники философіи неизбѣжно и безсознательно для самихъ себя приходятъ къ той же философіи. Эта старая мысль Аристотеля глубоко вѣрна, но Навиль дѣлаетъ изъ нея неправильные выводы. Онъ въ бѣглыхъ чертахъ разсказываетъ давно извѣстную исторію позитивизма и не безъ нѣкотораго злорадства говоритъ о мистическомъ періодѣ въ жизни и дѣятельности Огюста Конта; по Навилю, этотъ мистицизмъ является результатомъ позитивной философіи, и знаменателенъ тотъ фактъ, что Контъ отъ крайняго невѣрія переходитъ къ крайнему суевѣрію (стр. 300). Несостоятельность этого взгляда очевидна, и всякій понимаетъ, что не въ сущности позитивизма, а въ индивидуальности Конта, какъ человѣка, слѣдуетъ искать причины его своеобразнаго религіознаго настроенія; дѣло не въ отдѣльныхъ мыслителяхъ, а въ системѣ.

Въ общемъ, несмотря на легкій налетъ буржуазности, который то тамъ, то здѣсь проглядываетъ въ міровоззрѣніи Навиля, его трудъ изобилуетъ вѣрными и симпатичными мыслями. Авторъ всюду подчеркиваетъ необходимость опытной провѣрки апріорныхъ построеній, тонко выясняетъ ихъ взаимодѣйствіе; онъ защищаетъ взглядъ, что „нравственное сознаніе не развивается изолированно и неотдѣлимо отъ разума" (стр. 204), что философія не должна подчиняться политикѣ (стр. 213) и что области философіи и богословія строго разграничены.

Переводъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ шероховатостей (зачѣмъ на 313 стр. такъ упорно повторять „констан*т*ированіе"?), сдѣланъ удовлетворительно.

Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччіо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи какъ выраженіи вселенскаго Логоса. А. Н. Гилярова. Кіевъ, 1895 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Читатель очень ошибется, если повѣритъ заглавію книги г. Гилярова и начнетъ ее читать съ намѣреніемъ узнать что-нибудь о „старыхъ поэтахъ въ новыхъ русскихъ переводахъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса". Правда, г. Гиляровъ говоритъ и о Логосѣ, говоритъ и о новыхъ русскихъ переводахъ старыхъ поэтовъ, но, во-первыхъ, о Логосѣ гораздо меньше, чѣмъ о переводахъ, а, во-вторыхъ, Логосъ у него самъ по себѣ, а русскіе переводы сами по себѣ, и читателю очень трудно связать то и другое, такъ какъ авторъ ничего не дѣлаетъ для этого. Такимъ образомъ отзывъ о разбираемой книгѣ нужно было бы разбить на двѣ части и говорить отдѣльно о Логосѣ и отдѣльно о переводахъ. Книга называется, однако, *Старые*

поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ, и потому мы поступимъ, кажется, вполнѣ правильно, если оставимъ въ сторонѣ Логосъ и обратимъ вниманіе на русскіе переводы, тѣмъ болѣе, что разсужденія г. Гилярова о Логосѣ, благодаря своей спорности, односторонности, а иногда и непонятности, завели бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся для подтвержденія только-что сказанныхъ словъ однимъ примѣромъ. Г. Гиляровъ говоритъ, между прочимъ: „Изъ филологіи исключается изученіе всего того, что служитъ выраженіемъ нечеловѣческаго разума и не въ человѣческомъ словѣ, то-есть, во-первыхъ, природы и тѣхъ наукъ, которыя считаются точною передачей ея законовъ, и во-вторыхъ—богословія, поскольку его даннымъ приписывается божественное происхожденіе“ (стр. 3). Но всего нѣсколькими строчками ранѣе тотъ же г. Гиляровъ утверждаетъ, что „филологъ по значенію своего имени тотъ, кто любитъ Логосъ“. Если подъ словомъ „Логосъ“ слѣдуетъ разумѣть „вселенскій разумъ“, на что указываетъ (на той же 3-й стр.) и г. Гиляровъ, то какимъ же образомъ изъ филологіи можно исключать изученіе природы? Съ другой стороны, что значитъ въ вышеприведенныхъ словахъ г. Гилярова „не въ человѣческомъ словѣ“? Не говоря уже о смыслѣ этихъ словъ, мы не понимаемъ и грамматической ихъ связи съ предшествующимъ.

Что касается до оцѣнки г. Гилярова новыхъ русскихъ переводовъ, то весьма многое здѣсь довольно поучительно и интересно. Передъ читателемъ послѣдовательно выступаютъ новые русскіе переводы такихъ поэтовъ, какъ Дантъ, Боккаччіо, Аріостъ, Сервантесъ и Байронъ. Г. Гиляровъ часто слишкомъ строгъ къ гг. новымъ переводчикамъ, но въ немъ иногда виденъ знатокъ дѣла и всегда любитель, которому свойственно увлекаться и преувеличивать. Какъ бы то ни было, а книга г. Гилярова можетъ сослужить извѣстную службу какъ самимъ переводчикамъ, такъ и читающей публикѣ, если тѣ и другая пренебрегутъ въ ней разсужденіями о Логосѣ.

Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго. Спб., 1896 г. Цѣна 50 коп. Настоящая книга, изданная семьей Ушинскаго, представляетъ изъ себя сборникъ рѣчей и докладовъ, прочитанныхъ на двухъ засѣданіяхъ — 20 и 22 декабря 1895 года, — состоявшихся въ С.-Петербургѣ, съ цѣлью чествованія памяти знаменитаго педагога, по случаю исполнившагося (21 декабря) двадцатипятилѣтія со дня его смерти. По желанію издателей, а также и авторовъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, вся выручка какъ отъ настоящаго, такъ и послѣдующихъ его изданій будетъ обращена на сельскія библіотеки и читальни. Большой интересъ содержанія книги, дающей въ общемъ обстоятельную и всестороннюю характеристику покойнаго педагога, изящная внѣшность изданія, украшеннаго портретомъ Ушинскаго, снимкомъ съ его намогильнаго памятника и факсимильнымъ письмомъ (въ извлеченіи) къ барону Н. А. Корфу, а также доступность по цѣнѣ, вмѣстѣ съ прекрасною цѣлью изданія, — все это даетъ основаніе пожелать этой книгѣ широкаго распространенія. Что касается до самыхъ статей, то большинство ихъ принадлежитъ извѣстнымъ педагогамъ и писателямъ. Такъ, общій обзоръ и оцѣнку замѣчательной дѣятельности Ушинскаго находимъ въ статьѣ г. М. Л. Песковскаго, озаглавленной: *Значеніе чествованія К. Д. Ушинскаго, его заслуги и труды.* Авторъ ея справедливо думаетъ, что „такое чествованіе обязательно даже не столько ради памяти заслуженныхъ дѣятелей, сколько—для самого же общества, какъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ для воспитанія и его самого, и тѣмъ

болѣе подрастающихъ его поколѣній". П. Ф. Каптеревъ въ статьѣ *Ушинскій объ общественныхъ и антропологическихъ основахъ воспитанія* называетъ покойнаго „духовнымъ вождемъ педагоговъ", который былъ необходимъ потому, что „нужно было связать, объединить педагогическое движеніе, выяснить его отношеніе къ потребностямъ времени, дать ему научное основаніе". Высоко цѣня общественный починъ и самодѣятельность въ дѣлѣ образованія, народную школу „Ушинскій считалъ чисто-семейнымъ дѣломъ самого народа, которое всецѣло должно оставаться въ его рукахъ". Поэтому мысль объ охранѣ въ народѣ и его школѣ религіозныхъ и государственныхъ убѣжденій сверху и какимъ бы то ни было административнымъ путемъ казалась Ушинскому, по меньшей мѣрѣ, странною, несообразною ни съ характеромъ русскаго народа, ни съ его исторіей. Надеженъ только тотъ охранитель, который имѣетъ собственный интересъ въ охраненіи". *Голосъ изъ семьи* г-жи Е. Я. Корсаковой свидѣтельствуетъ о томъ, какую великую услугу оказалъ покойный дѣтямъ и родителямъ своими извѣстными руководствами. Особенный интересъ представляютъ затѣмъ статьи извѣстнаго педагога Д. Д. Семенова, работавшаго совмѣстно съ Ушинскимъ въ Смольномъ институтѣ. Въ первой изъ этихъ статей—*Дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ (По личнымъ воспоминаніямъ автора)*, находимъ, между прочимъ, очень интересныя свѣдѣнія о происхожденіи нашихъ женскихъ институтовъ. „Первообразомъ для Смольнаго института послужилъ,—говоритъ Д. Д. Семеновъ,—женскій французскій институтъ Сенъ-Сиръ. Онъ былъ основанъ въ 1668 году, по внушенію де-Ментенонъ, Людовикомъ XIV, близъ Версаля, для воспитанія дочерей французскаго дворянства, разореннаго безпрерывными войнами. Въ началѣ это заведеніе было чѣмъ-то вродѣ поэтической забавы для короля. Онъ являлся туда среди избранной толпы пышныхъ царедворцевъ, любовался искусствомъ и граціей, съ которыми воспитанницы разыгрывали трагедіи Расина, съ наслажденіемъ прислушивался къ чистымъ звукамъ дѣтской любви, выражавшейся въ пѣніи гимновъ, музыки Люлли, окружалъ воспитанницъ роскошью, приставилъ къ нимъ прислугу въ королевской ливреѣ, далъ заведенію великолѣпный гербъ, усѣянный царственными лиліями, даже велѣлъ выбить въ честь Сенъ-Сира медаль". Разсказавши затѣмъ дальнѣйшую судьбу этого заведенія, г. Семеновъ замѣчаетъ, что „первою начальницей нашего Смольнаго была француженка, Софія де-Лафонъ, которая, по преданію, сама воспитывалась въ Сенъ-Сирѣ и очень естественно старалась дать Смольному направленіе, полученное ею въ Сенъ-Сирѣ". Смольный былъ основанъ при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1764 году. Почтенный авторъ подробно описываетъ то состояніе этого учебнаго заведенія, которое засталъ Ушинскій, явившійся его преобразователемъ на раціональныхъ педагогическихъ основахъ, при сотрудничествѣ такихъ силъ, какъ Д. Д. Семеновъ, баронъ Косинскій, М. И. Семевскій, Я. П. Пугачевскій, В. И. Лядовъ, А. И. Павловскій, О. Ѳ. Миллеръ, В. И. Водовозовъ, проф. Дестунисъ, священникъ-академистъ Головинъ, Л. Н. Модзалевскій, Н. И. Раевскій, Буссе и др. Ушинскій пробылъ въ Смольномъ всего три года, съ 1859 по 1862 г. „Но реформа его не умерла,—говоритъ авторъ цитируемой статьи.— Она продолжалась и продолжается до сихъ поръ въ духѣ идей К. Д. Ушинскаго во всѣхъ институтахъ имперіи. Благодаря именно этому, институтка не является уже какимъ-то анахронизмомъ на общемъ фонѣ современнаго русскаго общества". Во второй статьѣ: *Педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго*

тотъ же авторъ дѣлаетъ оцѣнку сочиненій и педагогическихъ идей покойнаго борца за женское образованіе и въ особомъ приложеніи даетъ полный текстъ *Программы педагогики для спеціальныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній*, составленной К. Д. Ушинскимъ. Л. Н. Модзалевскій, другой сотрудникъ покойнаго по Смольному, даетъ статью *О народности въ воспитаніи по Ушинскому;* Ю. Ю. Цвѣтковскій останавливается на мысляхъ Ушинскаго о воспитательно-образовательномъ значеніи родной природы и родного слова, а В. Я. Авраловъ—на значеніи его для народныхъ учителей и школъ. Рядъ статей заканчиваетъ Я. Г. Гуревичъ характеристикой Ушинскаго какъ редактора *Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія.* Уже изъ приведеннаго нами перечня статей видно богатство содержанія отмѣченнаго нами изданія, заслуживающаго полнаго вниманія образованныхъ читателей.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина“. Томъ X. — „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“. Изд. журн. „Странникъ“. — „Іван Вишенськiй і его твори“. Написав *д-р Іван Франко.*—„Сказаніе о самозванцѣ. Платонова“.—„Культурно-историческая библіотека“.—„Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ“. Соч. *Дж. К. Инграма.*—„Изъ исторіи Москвы 1147—1703 гг.“. *В. Н....* — „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“. *Л. Майкова.*

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ десятый. Окраины Россіи. Изданіе Д. Самарина. М., 1896 г. Цѣна 2 руб. Новый, только что вышедшій въ свѣтъ томъ сочиненій Юрія Самарина представляетъ большой историческій интересъ; надо замѣтить, правда, что взятый въ цѣломъ, а не въ своихъ только конечныхъ выводахъ, онъ не является ни доступнымъ, ни любопытнымъ для большой публики. Для спеціалиста же, способнаго популяризовать добытые послѣ утомительной работы выводы, названный томъ привлекателенъ вдвойнѣ: во-первыхъ, для характеристики интересовъ и настроеній самого автора и, во-вторыхъ, по самому предмету изложенія. Главное содержаніе десятаго тома составляетъ шестой выпускъ *Окраинъ Россіи,* законченный авторомъ въ іюнѣ 1875 г., начатый печатаніемъ въ Берлинѣ въ 1876 г. и вышедшій въ свѣтъ уже послѣ смерти Ю. Самарина. Этотъ „шестой выпускъ“ носитъ на себѣ черты ученой исторической работы, подкрашенной, конечно, тенденціями и пристрастіями Юрія Самарина. Мы очень хорошо знаемъ послѣднія, знаемъ отношеніе къ нимъ тогдашнихъ правительства и общества и достаточно пріучились цѣнить смѣлость Ю. Самарина, о которой въ публикѣ еще продолжаютъ размышлять не достаточно объективно. Говорить на эту тему въ бѣглой замѣткѣ и по поводу одного только тома сочиненій Ю. Самарина нѣтъ надобности, отмѣчая появленіе новаго тома сочиненій названнаго писателя, отлично съ внѣшней стороны издаваемыхъ Д. Ѳ. Самаринымъ, важно имѣть въ виду, что изслѣдованіе *Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи*, составлявшее, какъ извѣстно, шестой выпускъ берлинскаго изданія *Окраинъ Россіи*, написано по архивнымъ матеріаламъ и, главнымъ образомъ, по дѣлопроизводству Лифляндскаго комитета 1803—1819 г., хранящемуся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Когда Самаринъ печаталъ свою работу, то онъ долженъ былъ скрыть, что изучалъ это дѣлопроизводство въ московскомъ архивѣ, дабы не навлечь на его администрацію каръ высшей с.-петербургской администраціи. Въ 1875 г. *нельзя*

было заниматься дѣлопроизводствомъ лифляндскаго комитета, хотя оно вовсе не было секретнымъ, и эксплуатировать его никто не запрещалъ, нельзя было въ Россіи и издать сочиненіе, написанное на основаніи этого дѣлопроизводства, хотя въ немъ нецензурнаго было ровно столько же, сколько... ну хоть въ *Бѣдной Лизѣ* Карамзина. Прошло очень немного лѣтъ, и издаются въ Москвѣ не только *Окраины Россіи*, но и извѣстное письмо Юрія Самарина къ императору Александру II по поводу ихъ берлинскаго изданія; не только не предписывается скрывать документовъ московскаго архива министерства юстиціи, но какъ разъ наоборотъ: высочайше утвержденное положеніе объ архивѣ министерства юстиціи возлагаетъ на послѣдній обязанность *научной разработки и изданія* важнѣйшихъ архивныхъ документовъ. Въ силу этого положенія и ежегодной обязательной ассигновки въ 1,000 руб. на изданіе при профф. Н. В. Калачевѣ и П. А. Поповѣ, управлявшихъ архивомъ, дѣятельно велось опубликованіе работъ и документовъ, заглохшее въ настоящее время, такъ что чиновники того же архива вынуждены свои труды по документамъ печатать въ постороннихъ изданіяхъ, несмотря на продолженіе ежегодныхъ ассигновокъ. Таково, напримѣръ, изданіе г. Оглоблина по обозрѣнію документовъ сибирскаго приказа, который въ предисловіи къ своему труду горько жалуется на подобное ненормальное положеніе вещей. Такъ живо перемѣняются у насъ обстоятельства. Эта перемѣна не могла бы, кажется, помѣшать тому, чтобъ одновременно съ изданіемъ важной работы Самарина было опубликовано обозрѣніе дѣлъ лифляндскаго комитета, ибо только при этомъ условіи читатель можетъ судить, насколько полно Ю. Самаринъ эксплуатировалъ дѣлопроизводство лифляндскаго комитета, что въ немъ важнаго оставилъ нетронутымъ и не слѣдуетъ ли его пересмотрѣть вновь. Безъ этого пересмотра оцѣнка изслѣдованія Ю. Самарина не можетъ быть обстоятельной и полной. Необыкновенный интересъ, съ какимъ относится авторъ къ изучаемому вопросу, горячность, съ какою его трактуетъ, глубина и вѣрность многихъ замѣчаній, обиліе архивнаго матеріала, пущеннаго въ оборотъ,—чрезвычайно облегчаютъ чтеніе сухого и сложнаго изслѣдованія Ю. Самарина, представляющаго для русскаго читателя своего рода повѣсть. Въ концѣ десятаго тома помѣщено впервые появляющееся въ печати окончаніе труда Ю. Самарина о православныхъ латышахъ въ періодъ 1845—1848 гг. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, говоря о трудѣ Ю. Самарина *Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи,* что въ числѣ запросовъ, поставленныхъ X археологическому съѣзду въ Ригѣ (на августъ текущаго года) и своевременно опубликованныхъ, значится слѣдующій: „составить обозрѣніе хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи документовъ каммеръ-конторы и юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а также дѣлъ комитетовъ по улучшенію быта крестьянъ остзейскихъ губерній". Обязанность отвѣчать на этотъ запросъ и лежитъ на упомянутомъ архивѣ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Изданіе журнала „Странникъ", подъ редакціей проф. Пономарева. 2 выпуска. Спб., 1894—1896 гг. По идеѣ задуманная *Странникомъ* серія изданій заслуживаетъ полнаго вниманія. Какъ извѣстно, назидательный элементъ является преобладающимъ въ древне-русской литературѣ; поучительныя произведенія составляютъ подавляющее большинство ея памятниковъ Эти памятники разбросаны по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ сдѣланы попытки

сопоставленія разныхъ списковъ одного и того же произведенія и установленія текста; многое до сихъ поръ еще не издано. Получить въ нѣсколькихъ книжкахъ весь подлежащій матеріалъ, обставленный научнымъ аппаратомъ, было бы очень желательно для всѣхъ, кто интересуется нашею стариной.

Въ виду этого понятенъ интересъ, съ какимъ мы приступили къ изученію *Памятниковъ*. Къ сожалѣнію, онъ очень быстро смѣнился полнѣйшимъ разочарованіемъ. Прежде всего бросается въ глаза крайняя неряшливость изданія. Благодаря типографской небрежности, мѣстами страницы недопечатаны, въ разныхъ мѣстахъ нѣтъ цѣлыхъ строкъ или ихъ концовъ; корректура настолько небрежна, что все изданіе обезображено массой не указанныхъ опечатокъ, часто искажающихъ смыслъ; многія изъ нихъ не могутъ быть исправлены на основаніи контекста; мѣстами при наборѣ переставлены строки (наприм., I, стр. 68, строка 22—24 сверху) и проч. Авторы вступительныхъ статей своеобразно поняли свою роль: они не столько выясняютъ историко-литературное значеніе издаваемыхъ произведеній, сколько расхваливаютъ ихъ. При сопоставленіи получается странный выводъ: одинаково хорошо быть краткимъ и многословнымъ, простымъ и искусственнымъ и проч. Какъ такое субъективное размалевываніе далеко отъ цѣлей и пріемовъ настоящей науки!

Комментаріи къ поученію Луки Жидяты вызываютъ много недоумѣній. Для знаменитаго „москогудства" указывается невозможная этимологія, хотя у Срезневскаго и А. Н. Веселовскаго (*Розысканія*, VII, стр. 193) давно указано, что это слово соотвѣтствуетъ греческому mimologia (I, стр. 15). Затруднившее автора (стр. 15) „творити", повидимому, находится въ связи съ „потворы творити", „потворница"—„magissa". Нѣкоторыя характерныя черты поученія Жидяты (наприм., „любовь имѣйте со всяцѣмъ человѣкомъ, а *боле* зъ братіею"; „не пій безъ года, но здовелъ, а не до піанства" и проч.), такъ и не нашли себѣ объясненія. Пробѣлы подобнаго рода особенно непріятны, если принять во вниманіе щедрость автора на излишнія и ни на чемъ не основанныя гипотезы. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ поражаютъ своеобразною логикой: Ярославъ цѣнилъ Жидяту прежде всего какъ практическаго дѣятеля, *потому что*, одновременно съ поставленіемъ Луки, онъ посадилъ въ Новгородѣ своего сына и далъ новгородцамъ уставную грамоту; изъ лѣтописнаго извѣстія: „клеветы бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новограда, и иде къ Кіеву, и осуди и (его) митрополитъ Чорремъ, и пребысть тамо три лѣта", дѣлается выводъ, что Лука *терпѣливо* перенесъ клевету и, *слѣдовательно*, былъ человѣкомъ болѣе другихъ способнымъ къ пасторству по своей нравственной подготовленности; въ наивномъ построеніи проповѣди г. Евсѣевъ увидѣлъ „привычку къ катихизаціи", и отсюда заключаетъ, что Лука не въ первый разъ брался за учительское слово и отличался навыкомъ къ пастырскому учительству (стр. 90). Представимъ еще одинъ, особенно блестящій примѣръ „евсѣевскаго" силлогизма: „На основаніи лѣтописныхъ данныхъ, построеніе храмовъ во время епископства Луки возможно представить въ обширныхъ размѣрахъ. Подъ 1030 г. (1037?) въ лѣтописи сообщается, что Ярославъ приказалъ собрать отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300 человѣкъ и учить ихъ книгамъ. Дѣти эти *могли* придти въ соотвѣтсвующій священству возрастъ только при епископѣ Лукѣ. *Слѣдовательно*, Лука *имѣлъ надобность* строить или проще рубить *весьма много* церквей".

(стр. 90—91). Напомнимъ кстати, что школа была устроена въ Кіевѣ, а Лука былъ епископомъ въ Новгородѣ. Благодаря такимъ научнымъ пріемамъ, г. Евсѣевъ обогатилъ біографію Луки рядомъ новыхъ фактовъ.

Г. Н. К. Н. написалъ вступительную статью и примѣчанія къ поученіямъ Ѳеодосія. Нѣкоторыя изъ поученій, которыя обыкновенно приписываются Ѳеодосію, исключены изъ изданія только потому, что было указано ихъ сходство съ греческим проповѣдями, хотя давно уже извѣстно, что древне русскіе писатели полными пригоршнями черпали матеріалъ изъ византійскихъ источниковъ, перерабатывая и дополняя его: обширныя заимствованія въ этихъ поученіяхъ не исключаютъ ихъ принадлежности тому или другому писателю, а только характеризуютъ его писательскіе пріемы. „Воспрошаніе Изяславле“ исключено безъ всякихъ оговорокъ. Г. Калугинъ, авторъ вступительной статьи объ Иларіонѣ, систематически пріурочиваетъ Иларіона къ XII в. (стр. 50, 57—bis, 58, 83). Такихъ мелкихъ небрежностей много въ его статьѣ, сравнительно съ другими недурной. Авторъ внимательно вчитался въ существующую литературу, но своего къ ней ничего не прибавилъ. Еще менѣе самостоятельна статья г. Пономарева о Кириллѣ Туровскомъ: въ первой своей части онъ представляетъ рядъ выдержекъ изъ Макарія, Голубинскаго и проч.

Ни у одного изъ авторовъ не замѣтили мы настоящаго *историческаго,* научнаго отношенія къ предмету изслѣдованія. Часто ярко сквозитъ у нихъ даже скудость историческихъ свѣдѣній: антагонизмъ между Новгородомъ и Кіевомъ, разложеніе южной Руси и тяготѣніе южнаго духовенства къ Руси сѣверной, и проч.—все это, повидимому, осталось неизвѣстнымъ комментаторамъ, хотя оно освѣщаетъ затронутые ими вопросы.

Второй выпускъ занятъ Прологомъ (за сентябрь—декабрь). Издается онъ, къ сожалѣнію, въ извлеченіи. Поученія, вошедшія въ Прологъ, совсѣмъ не удостоились комментаріевъ; житія снабжены довольно подробными примѣчаніями, а повѣсти—наивнымъ экскурсомъ въ область странствующихъ сказаній и неприличной по тону полемикой съ Л. Н. Толстымъ и покойнымъ Лѣсковымъ, которые не угодили г. Пономареву своимъ толкованіемъ отдѣльныхъ проложныхъ легендъ, ему г. Пономаревъ противопоставляетъ другія проложныя легенды, забывая, что Прологъ составлялся вѣками и поэтому отличается разнородностью своего состава, а мѣстами страдаетъ и противорѣчіями.

Будемъ надѣяться, что слѣдующіе выпуски будутъ проредактированы осмотрительнѣе и что цѣна на нихъ будетъ понижена.

Іван Вишенськiй і его твори. Написав д-р Іван Франко. Львів, 1895. Ціна 1 гульд. Имя Ивана Франка, одного изъ лучшихъ галицкихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, мало извѣстно въ Россіи. Почтенный изслѣдователь историческаго прошлаго южной Руси отчасти извѣстенъ русской публикѣ своими беллетристическими произведеніями (въ переводѣ и подлинникѣ нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщаемы въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и *Кіевской Старинѣ*).

Книга, заглавіе которой мы выписали выше, послѣдній и наиболѣе крупный трудъ Ив. Франка по исторіи южно-русской литературы и общественности XVI и XVII вв. Иванъ Вишенскій, южно-русскій проповѣдникъ, жилъ приблизительно между 1570—1620 гг. и родомъ былъ изъ Червонной Руси. Въ эпоху, предшествовавшую уніи, и въ первый періодъ борьбы за и противъ уніи онъ большую часть времени жилъ на Аѳонѣ, совершая оттуда путешествія на Русь и постоянно пере-

сылая посланія на родину, гдѣ кипѣла горячая и упорная какъ соціальная, такъ и религіозная борьба. Страстный защитникъ православія, вѣры хлопской, но любезной его сердцу, Вишенскій обращался къ своимъ землякамъ съ пылкими посланіями, убѣждая стоять за родную вѣру, обычай и тотъ строй жизни, какой выработала южная Русь въ до-уніатскую эпоху; и посланія эти Вишенскій облекалъ въ образную поэтическую рѣчь, такъ какъ несомнѣнно обладалъ художественнымъ талантомъ и страстною натурой. Не вы ли, обращается, напримѣръ, Вишенскій къ богатымъ современникамъ своимъ, защищая бѣдняковъ, „сами обнажаете изъ обора конѣ, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжныя; дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните; а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите, или если и трафится того трупа оидолотвореннаго на другое мѣстце перенести на колыскахъ, якъ бы и дома сѣдячи, безскорбно преносите; а бѣдные подданные и день, и ночь на васъ трудятъ и мучятъ; которыхъ кровь, силы и праци и подвига выссавши и нагихъ... учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндыщани, утрѣфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници—подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ! Вы ихъ пота мѣшки полны грошми золотыми, талярни, полталярки, орты, четвертаки и потройники намыхаете, суммы докладаете; въ шкатулахъ мѣстца, гдѣ бы которой особѣ съ тыхъ помененныхъ годное было почивати, расправуете; а тые бѣдници шеляга, за што соли купить, не маютъ". (*Архивъ Юж. и З. Р.* т. II, стр. 230). Четыре посланія Вишенскаго, впервые напечатанныя во II т. *Актовъ Юж. и Зап. Россіи;* затѣмъ позднѣйшія изданія остальныхъ работъ Вишенскаго (С. Голубева, И. Житецкаго и И. Франка) расширили знакомство русскихъ историковъ съ литературной и общественною личностью одного изъ старѣйшихъ малорусскихъ проповѣдниковъ. Историки (Костомаровъ, Соловьевъ, г. Кулишъ) широко и съ большимъ, чѣмъ надлежало, увлеченіемъ воспользовались картинами исторической и бытовой жизни, изображенными сильнымъ словомъ проповѣдника въ пылу страстной полемики. Работа же Ив. Франка надъ сочиненіями Вишенскаго была совершена съ цѣлью по возможности научно изслѣдовать труды проповѣдника, чего не было совершено до него, и указать то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ литературной и общественной южно-русской жизни XVI и XVII вв. Работа Ив. Франка исполнена очень удачно. Прежде всего должно отмѣтить тотъ строгій научный методъ, который примѣнилъ авторъ къ своему труду. Обширная эрудиція, отсутствіе предвзятыхъ, критически не провѣренныхъ мнѣній, осторожность въ выводахъ и детальное изученіе какъ сочиненій излюбленнаго автора, такъ и литературы, современной ему, выдвигаютъ на первый планъ серьезное, научное значеніе труда Ив. Франка. Оставляя подробный разборъ сочиненія для спеціальныхъ научныхъ изданій, считаемъ нужнымъ указать на общій планъ и послѣдніе выводы, къ какимъ приходитъ авторъ, и съ каковыми, въ общемъ, спорить трудно. Тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ сдѣлать это, такъ какъ книга издана во Львовѣ и написана по-малорусски и, несмотря на исключительно научный характеръ и значеніе ея, извѣстна у насъ въ 2—3-хъ экземплярахъ, благодаря неизвѣстно какимъ причинамъ. Въ предисловіи авторъ горько жалуется на невозможность правильнаго

обмѣна научными мыслями, книгами и трудами по ту и по другую сторону „Збруча". Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ для русской науки — не выгодно.

Въ первомъ отдѣлѣ книги Ив. Франко разсматриваетъ труды его предшественниковъ и даетъ сдержанную и вѣрную характеристику отношенія русскихъ ученыхъ къ сочиненіямъ Вишенскаго: серьезной научной обработки вопроса не существуетъ. Франко во 2 отдѣлѣ книги приступаетъ къ такой обработкѣ и разсматриваетъ отдѣльно сочиненія Вишенскаго въ ихъ хронологической послѣдовательности, устанавливая самъ эту послѣдовательность на основаніи анализа сочиненій Вишенскаго и разныхъ историческихъ и библіографическихъ данныхъ, такъ какъ Вишенскій сочиненій своихъ не датировалъ. До появленія новыхъ свѣдѣній хронологическое расположеніе, предлагаемое Ив. Франко, послѣ самой строгой оцѣнки должно быть принято: „Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама, Слѣдъ къ постиженію и изученію художества, Обличіе діавола міродержца, Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестяхъ, О еретикахъ, Загадка философамъ латинскимъ, Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живущихъ, Посланіе къ кн. Василію Острожскому, Писаніе къ утекшимъ отъ православной вѣры епископамъ, Краткословный отвѣтъ Ѳеодула, Посланіе къ старицѣ Домникіи, Зачанка Христофора инока Русина, Порада (совѣтъ) объ очищеніи церкви, Предисловіе къ Терминѣ, т.-е. собранію 10 сочиненій Вишенскаго, Посланіе Іову Княгиницькому, Посланіе до братства Ставропигійского, Позорище мысленное и Листъ до М. Вишневецкаго". Въ третьемъ отдѣлѣ книги Ив. Франко разсматриваетъ жизнь Вишенскаго, составляетъ біографію и даетъ характеристику воззрѣній проповѣдника.

На основаніи строгаго и научнаго анализа сочиненій Вишенскаго Франко приходитъ къ заключенію, что Вишенскій былъ первымъ южнорусскимъ публицистомъ, который будилъ въ землякахъ протестъ противъ устанавливавшихся въ началѣ XVII в. порядковъ и вызывалъ отвагу и силу для дальнѣйшей борьбы (462). Общественные взгляды Вишенскаго, особенно подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ, носятъ крайнѣ демократическій характеръ. Не только папы, цари и чиновники казались ему слугами діавола, но даже ремесленники, купцы, всѣ, которыхъ какая бы то ни было собственность дѣлала рабами „князя міра сего", неспособными понять, что нужно для спасенія, и какимъ путемъ достигнуть его. Свѣтъ держится,—говоритъ Вишенскій,—голяками, странниками, которые презрѣли діавола и слугъ его мірскихъ, чтобы спасти душу свою молитвою и борьбою съ прихотями человѣческой жизни (483).

Не останавливаемся на другихъ любопытныхъ вопросахъ и выводахъ, къ которымъ приходитъ Франко (о перенесеніи позднѣйшихъ взглядовъ XVII в., на вопросъ о преслѣдованіи православія XVI в., о преувеличенномъ значеніи Аѳона въ исторіи южной Руси и т. п.). Мы считали только необходимымъ указать на сочиненіе галицкаго ученаго, имѣющее право на самое серьезное вниманіе со стороны русскихъ ученыхъ, изучающихъ развитіе литературной и общественной жизни XVI и XVII вв.

Сказаніе о самозванцѣ. Платонова. Спб., 1895 г. Довольно значительная по количеству памятниковъ древне-русская литература эпохи смуты недавно обогатилась новымъ „сказаніемъ о самозванцѣ", дающемъ кое-какія своеобразныя черты. Издатель не рѣшаетъ опре-

дѣлить время его появленія, но, по нашему мнѣнію, конецъ ясно указываетъ на принадлежность автора сказанія къ партіи Шуйскаго царя, чѣмъ приблизительно опредѣляется и время или нашего памятника, или его литературнаго источника, если допустить вмѣстѣ съ г. Платоновымъ, что сходство построенія новаго сказанія съ „повѣстью 1605 года“ и „сказаніемъ о Гришкѣ Отрепьевѣ“ указываетъ на несамостоятельность перваго... Впрочемъ, это положеніе нуждается еще въ болѣе основательной детальной провѣркѣ. Изъ отдѣльныхъ подробностей этого любопытнаго сказанія отмѣтимъ рѣзкость новаго сказанія о знаменитомъ годѣ самозванца, дышащій свѣжестью непосредственныхъ, личныхъ наблюденій. По нашему мнѣнію, новое свидѣтельство окончательно устанавливаетъ за „адомъ“ характеръ „глума и позора“ скоморошьяго типа; только по недоразумѣнію Масса принялъ его за крѣпостцу. Намъ кажется, что разсказъ не допускаетъ иныхъ толкованій: „сей окаянный еретикъ Гришка Отрепьевъ охочь былъ *до потѣхъ*. И нѣкто нѣкоторый мастеръ бысть хитръ велми и здѣлалъ ему *потѣху* при животѣ его, адъ о трехъ главахъ: какъ станетъ зѣвать и глаза мигать, и колоколцы шумятъ, изо рта огнемъ пышетъ, изъ ушей дымъ идетъ (сказочный оборотъ); и выйдутъ изъ него люди въ личинахъ, діаволомъ претворени, наметки у нихъ черныя, что у черницъ, и почнутъ смолою и дехтемъ людей мазать и шелепугами почнутъ бить, да въ деготь омачивая, а иныя изъ ада водолейками прыскаху воду з дехтемъ на міръ“ (стр. 14). Разсказъ самъ говоритъ за себя.

Культурно-историческая библіотека (изданіе О. Н. Поповой). Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Сочин. Дж. К. Ингрэма. Переводъ съ англійскаго З. Журавской съ дополненіями изъ трудовъ Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к. Небольшая книжка Ингрэма разсчитана по очень широкому масштабу: она охватываетъ исторію рабства за всѣ времена и во всѣмъ мѣстахъ его существованія,—притомъ не только рабства въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и крѣпостного права. По заявленію самого автора, онъ писалъ „не для школьниковъ, но для массы мыслящихъ и образованныхъ мужчинъ и женщинъ, и потому стремился, по отношенію къ исторіи рабства, дать широкіе взгляды и общія идеи, какія должны входить въ составъ умственной пищи каждаго развитого человѣка“ (стр. 3). Къ этому нужно прибавить, что авторъ далеко не воспользовался всѣми новѣйшими работами въ своей области,—которыя могли бы облегчить поставленную имъ себѣ трудную задачу. Изъ всей богатой литературы о колонатѣ, наприм., ему извѣстенъ только этюдъ Фюстель де-Куланжа; для характеристики античнаго хозяйства онъ не пользовался, повидимому, даже Родбертусомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если широкія начинанія привели къ очень скромнымъ результатамъ: получился довольно поверхностный компилятивный очеркъ,—ясно и толково написанный, впрочемъ, и удовлетворявшій своему назначенію, какъ статья *Энциклопедическаго Словаря* (работа Ингрэма появилась сначала въ *Британской Энциклопедіи*). Другой вопросъ, стоило ли его переводить на русскій языкъ. Издатели перевода руководились, повидимому, мыслью, что лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего, и, сознавая недостатки книги Ингрэма, снабдили ее обширными дополненіями. Къ сожалѣнію, выборъ послѣднихъ былъ не всегда удаченъ. Объ одной книгѣ, откуда были взяты отрывки (*Histoire de l'esclavage*, *Tourmagne'а*), сами издатели замѣчаютъ, что она „написана поверхностно и безъ

должной критической оцѣнки". Кромѣ того, судя по русскому переводу, книга Турманя написана и неудопонятно. Какъ, наприм., понять фразу на стр. 94: „Августъ съ гордостью разсказываетъ въ своей аккирской надписи, что при своемъ вступленіи онъ считалъ изъ добычи, полученной на войнѣ, на каждаго плебея по 300 сестерцій на отца и по 400 на него". Стоическая школа состояла „изъ людей озлобленныхъ" (стр. 104). Домиціанъ въ 284 г., т.-е. безъ малаго двѣсти лѣтъ послѣ своей смерти, „вступилъ на путь Антонина", которому было всего 10 лѣтъ въ годъ смерти Домиціана (стр. 110). За то, вѣроятно для равновѣсія,—правленіе Клавдія отнесено къ 53 г. *до* Р. Хр. Немного счастливѣе оказались и другія „дополненія": на стр. 74 мы находимъ невѣдомую исторіи морскую битву „при Дулліѣ", а на стр. 78 возставшіе въ концѣ III вѣка галльскіе крестьяне „богоды" (bagaudae—„мятежники", на мѣстномъ нарѣчіи) превратились въ равнымъ образомъ никому неизвѣстную „Богодѣю". Переводъ собственно книги Ингрэма удался лучше, хотя недосмотры встрѣчаются и здѣсь (наприм., „...колонъ не могъ отрицать (?) ея (своей собственности) безъ согласія хозяина" (стр. 128). Надо было, кромѣ того, перевести латинскія цитаты и термины,—что̀ сдѣлано далеко не вездѣ. Въ общемъ компиляція Ингрэма можетъ быть полезна большой публикѣ, если только переводъ и самой книги и, въ особенности, „дополненій" будетъ тщательно просмотрѣнъ.

Изъ исторіи Москвы 1147—1703. Очерки съ 212 рисунками. В. Н... М., 1896 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Только коварная опрятность, съ какой издана книжка г. В. Н., заставляетъ насъ говорить о послѣдней и, конечно, съ единственною цѣлью огражденія читателей отъ непроизводительныхъ расходовъ времени, труда и капитала. Текстъ книжки г. В. Н. по частямъ печатался въ одномъ изъ московскихъ уличныхъ листковъ, оттуда же взято и большинство помѣщенныхъ въ ней рисунковъ; въ числѣ пособій автора были такія книжки, какъ *Александръ Невскій* г. Хитрово или *Какъ строилась Русская земля*. Въ предисловіи авторъ молчитъ о первомъ, а въ длинномъ спискѣ своихъ пособій пропускаетъ упомянутыя сейчасъ книжки. Лишь какъ бы случайно въ концѣ книги, петитомъ, авторъ признается въ этихъ грѣхахъ, и то, какъ можно думать, по обязанности благодарить за рисунки Н. И. Пастухова—„этого почтеннаго русскаго человѣка" (стр. 265). Заяви авторъ эту благодарность въ предисловіи или подчеркни въ спискѣ своихъ ученыхъ пособій книжку г. Хитрово, читатель маломальски чуткій сразу увидалъ бы, что имѣетъ дѣло съ лубочной макулатурой, и отбросилъ бы книжку г. В. Н. въ сторону, какъ ненужный хламъ. Такимъ образомъ пріему г. В. Н. нельзя отказать въ значительной дозѣ ловкости; онъ, правда, невыгоденъ для читателя, за то весьма утѣшителенъ для рецензента, который съ самымъ искреннимъ удовольствіемъ можетъ засвидѣтельствовать, что на нашемъ книжномъ рынкѣ начинаютъ серьезно стыдиться нѣкоторыхъ изданій даже сами сотрудники послѣднихъ. Содержаніе книжки г. В. Н. самое незамысловатое: въ 1001 разъ сухо, скучно и безсвязно въ ней разсказывается рядъ болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи московскаго великаго княженія и московскаго царства съ попыткой введенія нѣкоторыхъ подробностей матеріальнаго быта. Въ книжкѣ не мало курьезовъ, ибо, пересказывая свои пособія, авторъ не всегда въ состояніи понимать, о чемъ идетъ рѣчь. Нельзя не признаться, что эти курьезы, источникъ которыхъ въ научной безграмотности автора,

доставляютъ не мало удовольствія рецензенту. Порой г. В. Н. полемизируетъ съ неизвѣстными мнѣніями неизвѣстныхъ историковъ, порой доказываетъ, что въ Москвѣ XII в. „едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло сказываться“ и что въ смутное время не могли „изъ Руси надѣлать (sic!) вѣчевыя народоправства или даже воскресить удѣльную систему“. Читаешь подобныя мѣста—и глазамъ не вѣришь; а выписать въ отзывъ рѣшаешься не иначе, какъ послѣ справки со спискомъ опечатокъ. Слѣдить за всѣми перлами научной безграмотности автора не стóитъ, любопытнѣе отмѣтить *внѣшнюю* цѣль его изданія: г. В. Н. хотѣлъ уяснить „*духъ Москвы*“ и обновить „національное сознаніе“. Цѣль очень модная... Авторъ договорился въ предисловіи до того, что „историческія преданія“ Москвы „дѣлаютъ ее (sic!) принципомъ нашей жизни“.

Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Л. Майкова. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное. Съ портретомъ К. Н. Батюшкова. Спб., 1896 г. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб. Еще сравнительно недавно сочиненія Батюшкова не были широко распространены въ русской читающей публикѣ. Только благодаря появившемуся нѣсколько времени тому назадъ дешевому изданію его сочиненій и небогатый читатель получилъ возможность познакомиться съ произведеніями одного изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Трудъ г. Майкова, выходящій 2-мъ изданіемъ, свидѣтельствуетъ, что въ русскомъ обществѣ существуетъ интересъ къ поэту, котораго Пушкинъ назвалъ своимъ учителемъ. Главное значеніе разбираемой книги состоитъ въ обиліи интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ той эпохѣ. Слѣдя шагъ за шагомъ за исторіей жизни и литературной дѣятельности Батюшкова, авторъ дѣлаетъ характеристики, нерѣдко очень подробныя, различныхъ дѣятелей и писателей, которые въ томъ или другомъ отношеніи имѣли вліяніе на судьбу поэта; далѣе, предъ нами раскрывается внутренняя жизнь литературныхъ обществъ и кружковъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться; мы узнаемъ новыя подробности о взаимныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между выдающимися литераторами и публицистами той эпохи. Батюшкову авторъ отводитъ среди нихъ почетное мѣсто. Онъ находитъ, не сравнивая дарованій обоихъ поэтовъ, много общихъ чертъ въ литературной дѣятельности Батюшкова и Пушкина; мастерскимъ стихомъ перваго было подготовлено совершенство послѣдняго. Батюшковъ, какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣній. Свойство его таланта было исключительно лирическое, но въ то же время поэтъ умѣлъ достигнуть объективности; онъ сумѣлъ проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и рядомъ съ *Умирающимъ Тассомъ* создалъ *Вакханку* и подражанія греческой антологіи. Г. Майковъ старается освободить Батюшкова отъ упрека въ отсутствіи содержанія и народности: въ его стихахъ—впервые въ русской лирикѣ сказалось сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, а роднымъ языкомъ „этимъ непосредственнымъ хранилищемъ народности“ никто изъ современныхъ поэтовъ, кромѣ Крылова, не владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, какъ Батюшковъ.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, книга г. Майкова страдаетъ однимъ недостаткомъ. Это—многія излишнія подробности, быть можетъ, интересныя спеціалисту, но отвлекающія вниманіе читателя отъ главнаго предмета, таковы, наприм., свѣдѣнія о помѣстьяхъ, которыми былъ надѣленъ каждый изъ предковъ Батюшкова, сообщенія о служебной

дѣятельности различныхъ лицъ, имѣвшихъ иногда даже косвенное отношеніе къ жизни поэта и пр. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія, для которыхъ автору приходилось заглядывать въ служебники и формулярные списки, могутъ оказать услугу лицамъ, желающимъ спеціально познакомиться съ первыми десятилѣтіями нынѣшняго столѣтія.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Вокругъ Россіи". *В. Дѣдлова.*

Вокругъ Россіи. Портреты и пейзажи. В. Дѣдлова. Изданіе М. М. Ледерле. Спб., 1895 г. Цѣна 2 рубля. Г. Дѣдловъ, повидимому, большой „патріотъ своего отечества", даже слишкомъ большой: такого патріотизма, какъ у него, хоть отбавляй. Конечно, патріотизмъ—чувство прекрасное и почтенное, но лишь до тѣхъ поръ, пока чувство это не переходитъ извѣстныхъ границъ и не увлекаетъ людей до ненавистничества ко всему, что, по ихъ разумѣнію, находится внѣ излюбленнаго ими тѣснаго круга. Г. Дѣдловъ, судя по его книгѣ, — „патріотъ" такого *своего* круга, и хотя авторъ называетъ себя въ предисловіи „русскимъ литераторомъ", патріотизмъ его мы не можемъ признать за „русскій", а почитаемъ за какой-то иной, кружковой, истинно русскому человѣку противный и никакъ несовмѣстимый съ другимъ, не менѣе высокимъ, чувствомъ гуманности, т.-е. братолюбія не приходскаго, а общечеловѣческаго. Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ: „Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что русскій литераторъ долженъ Россіи льстить. Россіи лесть не нужна, и нужна ей не лесть". На этомъ конецъ: что, по мнѣнію г. Дѣдлова, Россіи нужно, онъ не объясняетъ. Мы же думаемъ, что Россіи прежде всего и больше всего нужна правда о ней самой, о всей Россіи, не исключая изъ нея и не выдѣляя никакихъ „окраинъ", какъ то дѣлаетъ г. Дѣдловъ. И отнюдь уже никому не нужны ругательства, глумленія и поношенія какихъ - либо окраинъ и ихъ обитателей, чѣмъ наполнена книга г. Дѣдлова. Въ первыхъ строкахъ предисловія сказано: „Русскій читатель все еще слишкомъ мало знаетъ свое отечество и его окраины въ особенности. Всякая попытка придти въ этомъ случаѣ на помощь — не безполезна"... По нашему мнѣнію, книга г. Дѣдлова „не безполезна", а вредна: всякій знакомящійся по ней съ „нашими окраинами" получитъ о нихъ совершенно невѣрное, нерѣдко превратное понятіе. Что же касается „лести", о которой говоритъ авторъ, то всѣмъ извѣстно, что льстить можно двумя способами, прямо, какъ лисица льститъ воронѣ въ баснѣ, и косвенно, обругивая и позоря передъ сильнымъ его ближнихъ и родственниковъ: вотъ, молъ, они каковы, а стало-быть ты-то у насъ не имъ чета!... „Тѣ" и жить-то не умѣютъ, у нихъ въ окна дуетъ, и экипажи у нихъ скверны, и извозчикъ ихъ возитъ гадкій, и ѣдятъ они плохо, и говорятъ нелѣпымъ и потѣшнымъ языкомъ. Живутъ „они" скромно, хозяйничаютъ усердно, это мерзко, скаредно; въ свободное время „они" веселятся, это отвратительно, ибо и развлеченія-то ихъ „не нашенскія"... Въ такомъ тонѣ г. Дѣдловъ раздѣлываетъ Польшу, Бессарабію, Финляндію, къ Крыму и Уралу относится снисходительно, къ Нижнему даже съ нѣкоторымъ умиленіемъ,—это, впрочемъ, уже не окраина, а совсѣмъ „нашенское". Раздѣлываніе Польши и поляковъ начинается съ того, что тамъ—„*Эуропа*"

и все *Эурона,* и говорятъ тамъ даже съ прислугой „по-*эуропейски*", и даже на базарѣ нѣтъ „ни суеты, ни *мущинскихъ* словъ", всѣ, обращаясь другъ къ другу, говорятъ: „пане". Названіе варшавскаго общества поощренія изящныхъ искусствъ звучитъ, по мнѣнію г. Дѣдлова, „для русскаго уха далеко не изящно", и авторъ демонстративно, для увеселенія такихъ же патріотовъ, каковъ онъ самъ, прописываетъ русскими буквами польское названіе общества. Про народъ польскій мы читаемъ на 20 стр.: „Дворянство физически выродилось, простой народъ въ Польшѣ былъ изнуренъ, буржуазіи не было, и народъ можетъ поспорить своими старческими недугами не только съ французами, но и съ итальянцами". А на 12 стр. напечатано: „Народъ все рослый, стройный, со спокойными, нѣсколько утомленными небольшими голубоватыми глазами"... Это ли признаки вырожденія? „Миновали тѣ времена (стр. 16), когда Польша была классическою землей ѣды, питія, пьянаго веселья и буйства". — За это въ своемъ мѣстѣ поляки обруганы.—„Теперь—это одна изъ самыхъ разсчетливыхъ и скопидомныхъ странъ, ближе всего напоминающая скаредныхъ итальянцевъ. Какъ въ Римѣ, такъ и въ Варшавѣ ѣдятъ только по необходимости. Кухмистерскія полнымъ-полны, а гастрономическіе рестораны пусты". Стало быть, и это плохо. Посмотримъ дальше, на стр. 79 и слѣд.: „Скота много, хлѣба, судя по сараямъ, тоже много, несмотря на то, что у помѣщика средней руки всего двѣсти-триста десятинъ. Помѣщики средней руки хозяйничаютъ, выучившись у нѣмцевъ, хорошо и, подъ давленіемъ необходимости, усердно"... Польскій панъ въ высокихъ сапогахъ и короткой курткѣ изъ дешеваго сукна „бѣгаетъ съ поля въ хлѣвъ, изъ хлѣва въ огородъ, оттуда на лугъ, съ луга на шоссе, гдѣ подчищаютъ грязь, чтобы вывезти ее въ качествѣ удобренія на поля. Нельзя сказать, чтобы панъ не любилъ хозяйства, земли"... „Но",—и послѣ этого „но" идетъ всяческое поношеніе этого самаго пана, у котораго очень многому слѣдовало бы поучиться нашимъ господамъ, помѣщику-„барину", бѣгущему съ земли на жалованье. Домишки у такихъ пановъ плохіе, но въ нихъ, по словамъ г. Дѣдлова, принимаютъ гостей радушно, угощаютъ усердно, „съ видимымъ желаніемъ поразить и блеснуть",—укорительно замѣчаетъ авторъ. Гостя занимаютъ разговорами о театрѣ, о скачкахъ, о картинахъ, о выставкахъ, — тоже, чтобы блистать, по мнѣнію г. Дѣдлова. Гостя отвозятъ въ хорошемъ экипажѣ, но „экипажъ, лошади и кучеръ всегда безукоризненны, какъ принадлежность обстановки, наиболѣе бросающейся въ глаза". Какъ видитъ читатель, подобными пріемами писанія, — вѣрнѣе, расписыванія,—можно загадить все, что угодно. Любопытно только знать, ради чего это дѣлается и кому нужно такое описываніе незнакомыхъ читателю краевъ.

Въ такомъ же тонѣ „расписываетъ" авторъ и Бессарабію, называя ее „Молдо-Жидовіей",—необыкновенно остроумно! „Молдоване и валахи именуютъ себя румынами..." они „страдаютъ *романоманіей*, то-есть болѣзненно убѣждены, будто они происходятъ отъ древнихъ римлянъ..." „Говорятъ, что ихъ языкъ латинскаго корня..." За симъ слѣдуетъ опять глумленіе надъ румынскимъ языкомъ съ приведеніемъ примѣровъ, могущихъ вызвать нелѣпый смѣхъ людей, не имѣющихъ никакого представленія о другихъ языкахъ, кромѣ того, на какомъ говорятъ въ „ихъ приходѣ". „Молдоване,—говоритъ авторъ,—хорошія созданія: добрыя, тихія, красивыя, опрятныя, наивныя. Но..."—и пошла писать: они—„великіе лѣнтяи", „образецъ безпечности", женщи-

ны „чрезвычайно легкомысленны“, „какъ мужчины, такъ и прекрасный полъ — мелкій воръ...“ Крупныя помѣстья нажиты грабежами, разбоями, предательствами, работой фальшивыхъ ассигнацій (стр. 122). „Изъ всего этого сомнительнаго сброда не могло образоваться хорошаго общества. Оно богато, но жадно и только...“ Такое сплошное опозориваніе цѣлаго народа, цѣлаго края, производитъ отвратительное впечатлѣніе, которое усиливается до крайней степени послѣ прочтенія описанія Аккерманскаго уѣзда; называемаго авторомъ „Аккерманландіей“ за то, что тамъ много нѣмецкихъ колоній. Про нѣмцевъ-колонистовъ нельзя сказать ничего худого: они честны, трудолюбивы, трезвы, нравственны, и все это вынужденъ признать даже г. Дѣдловъ, но... онъ такъ изображаетъ честность, трудолюбіе, трезвость и нравственность нѣмцевъ-колонистовъ, что, конечно, никому „не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ“. Нѣмцы эти сто лѣтъ назадъ пришли въ Россію нищими, изъ пустырей сдѣлали вполнѣ культурный уголокъ, никого не грабили, живутъ тихо и смирно, никому жить не мѣшаютъ, честнымъ трудомъ пріобрѣли достатокъ. Г. Дѣдловъ находитъ нужнымъ и умудряется и ихъ опозоривать, и на нихъ извѣстнымъ образомъ подмигивать, инсинуировать. Молятся нѣмцы въ своей церкви, читаютъ молитву Господню, противъ этого, казалось бы, уже сказать нечего, а г. Дѣдловъ говоритъ: „*но* слова эти произносятся машинально, равнодушно: эти люди сыты. Это бы слава Богу, *но* эти люди, кромѣ того, злы, не помнятъ сдѣланнаго имъ добра и, вдобавокъ, далеко не малочисленны“.—Словомъ, „русскій литераторъ“ г. Дѣдловъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, обгадилъ всѣхъ, кого могъ, и книгу написалъ гадкую, которую истинно-русскому человѣку читать стыдно и обидно, да къ тому же и томительно скучно, ибо написана она безъ признака таланта и съ большими претензіями на остроуміе, каковымъ авторъ не обладаетъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы“. *Кн. Н. Шаховского.* — „Экономическое положеніе русской деревни“. *И. Гурвича.* Пер. *А. А. Санина.*

Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Кн. Н. Шаховского. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. Отхожіе промыслы вообще имѣютъ огромное значеніе для экономической жизни Россіи, такъ какъ ради нихъ милліоны рабочихъ, не находящихъ дѣла у себя дома, переходятъ на болѣе или менѣе долгое время за сотни и тысячи верстъ отъ своей родины въ поискахъ заработка. Въ „отходъ“ рабочіе отправляются изъ деревень въ города, на фабрики и заводы, на каменноугольныя и соляныя копи, на земляныя работы, въ портовые города на пристани, въ лѣсныя мѣста на сплавы лѣса; уходятъ на весь рабочій сезонъ плотники, пильщики, каменщики, огородники; на весь годъ, по большей части, покидаютъ свои семьи извозчики, ремесленники, прислуга и т. д. Но всѣ эти люди отправляются въ мѣста имъ извѣстныя, на вполнѣ опредѣлившееся дѣло, и идутъ они съ приблизительно вѣрнымъ разсчетомъ на извѣстный заранѣе заработокъ. Колебанія въ цѣнахъ на ихъ трудъ бываютъ небольшія. Въ совершенно иномъ положеніи находятся земледѣльцы, отправляющіеся въ отходъ на сельско-хозяйственныя работы, и вопросъ объ этихъ работахъ настолько важенъ и трудно разрѣшимъ, что имъ уже нѣсколько лѣтъ

занимаются правительственныя учрежденія, земства, общества и съѣзды сельскихъ хозяевъ, имѣя въ рукахъ обширные матеріалы по разработкѣ вопроса и, тѣмъ не менѣе, вопросъ остается не только не разрѣшеннымъ, но,—судя по книгѣ князя Шаховского,—и никогда удовлетворительно разрѣшенъ быть не можетъ. Въ своемъ солидномъ трудѣ авторъ опредѣляетъ сущность вопроса прямо и просто: густо населенныя губерніи Россіи имѣютъ большой избытокъ свободныхъ рабочихъ рукъ и огромную нужду въ *деньгахъ;* мало населенныя, степныя мѣстности Россіи производятъ въ огромномъ количествѣ хлѣбъ, а слѣдовательно и *деньги,* но рабочихъ рукъ въ достаточномъ количествѣ не имѣютъ. Задача взаимнаго обмѣна труда на деньги была бы разрѣшима безъ особенныхъ затрудненій, еслибъ урожаи въ степныхъ мѣстахъ были сколько-нибудь постоянны и уборка ихъ требовала опредѣленнаго, хотя бы приблизительно, извѣстнаго числа рабочихъ. Но по „капризамъ степного климата“ нельзя заранѣе опредѣлить, даже гадательно, ни количества ожидаемаго урожая, ни времени начала уборки. А потому нѣтъ возможности предвидѣть, сколько потребуется мѣстнымъ хозяевамъ рабочихъ рукъ, и съ точностью сказать, когда эти руки понадобятся. Вотъ почему притокъ временныхъ, пришлыхъ рабочихъ далеко не всегда бываетъ соразмѣрнымъ со спросомъ на ихъ трудъ. Въ урожайные годы цѣны на трудъ поднимаются до огромныхъ размѣровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поднимаются и требовательность, и „капризы“ пришлыхъ рабочихъ, къ серьезному ущербу для хозяевъ-нанимателей и для всей страны. Убытки происходятъ не отъ переплаты только, но и отъ того, что хлѣбъ, за недостаткомъ рабочихъ и по милости ихъ капризовъ, перестаивается, осыпается и гибнетъ въ полѣ. И наоборотъ, въ неурожайный годъ цѣны падаютъ до того, что пришлые рабочіе предлагаютъ свой трудъ за „харчи“, за прокормъ только, и не находятъ работы, вынужденные возвращаться домой „Христовымъ именемъ“. Всѣ проекты и попытки, направленные къ урегулированію притока рабочихъ и къ установленію (нормировкѣ) цѣнъ на трудъ, до сихъ поръ ни къ чему не привели и, по мнѣнію, весьма обоснованному, кн. Шаховского, привести не могутъ. Изъ положеній кн. Шаховского можно вывести заключеніе, что задачи эти никогда удовлетворительно рѣшены не будутъ, а въ недалекомъ времени весь „вопросъ“ устранится, „перестанутъ существовать сельско-хозяйственные отхожіе промыслы“, когда широкое примѣненіе машинъ и естественный приростъ населенія юга уменьшатъ, а затѣмъ и совсѣмъ уничтожатъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ. Авторъ полагаетъ, что, при существующемъ движеніи отхожихъ рабочихъ, должно стремиться не къ „урегулированію“ движенія и не къ „нормировкѣ“ цѣнъ,—то и другое онъ считаетъ „несбыточнымъ“,—а позаботиться надо о возможномъ облегченіи для рабочихъ „отхода“ удешевленіемъ кредита на дорогу, удешевленіемъ проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ на все время рабочаго движенія, ускорить доставку рабочихъ желѣзными дорогами, предоставить рабочимъ возможныя удобства въ вагонахъ и на мѣстахъ найма для охраны здоровья людей, идущихъ на тяжелый трудъ, до минимума удешевить прокормъ ихъ здоровою пищей до пріисканія работы, предоставить имъ на чужой сторонѣ даровую медицинскую помощь во всѣхъ ея видахъ, устроить въ мѣстахъ спроса и предложенія труда „конторы найма“,—своего рода „биржи труда“. „Не лишнимъ“ представляется автору „учрежденіе инспекціи надъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ, въ цѣляхъ успѣшнаго и своевременнаго раскрытія не-

рѣдкихъ нынѣ злоупотребленій договоромъ, улаживанія возникающихъ недоразумѣній между сторонами...“ Изъ книги кн. Шаховского мы вывели заключеніе, что „нарушаютъ“ договоры обѣ стороны,—рабочіе въ случаяхъ значительнаго повышенія цѣнъ, наниматели—при ихъ паденіи; „злоупотребляютъ же“ договорами только наниматели. Рядомъ съ этими причинами недоразумѣній и основною ихъ причиной является почти поголовная неграмотность рабочихъ и неграмотность значительной части нанимателей изъ мелкихъ и среднихъ хозяевъ. Противъ этой бѣды средство давно извѣстно.

Авторъ, помимо значительнаго и любопытнаго статистическаго матеріала, даетъ въ своей книгѣ правдивыя, яркія и внушительныя картины сборовъ рабочихъ „въ отходъ“, ихъ поистинѣ мученическихъ странствованій на заработки, ихъ несчастнаго, во всѣхъ отношеніяхъ безпомощнаго положенія на мѣстахъ найма, подъ открытымъ небомъ, голодныхъ, холодныхъ, валяющихся въ грязи... ихъ жалкаго положенія на работахъ безъ пристанища или въ такихъ казармахъ, въ какихъ хозяева не допустятъ держать свой скотъ... Результатомъ всего этого являются изнуреніе рабочихъ, огромная въ ихъ средѣ заболѣваемость и смертность, развитіе заразительныхъ и эпидемическихъ болѣзней, заносимыхъ ими какъ въ мѣста работъ, такъ и въ свои родныя деревни. Изъ-за всего этого проглядываютъ тамъ и сямъ изображенія жестокой борьбы изъ-за рублей и копеекъ между рабочими и нанимателями,—борьбы, кончающейся иногда очень плачевно и переходящей порою даже въ рукопашныя схватки и въ такъ называемые „бунты“ рабочихъ. Авторъ приводитъ и разбираетъ много проектовъ земствъ и частныхъ лицъ „снабженія юга рабочими или снабженія рабочихъ югомъ“, т.-е. указанія на мѣстахъ жительства рабочимъ количества предлагаемаго труда, и довольно убѣдительно доказываетъ несостоятельность „мѣръ, предлагавшихся для урегулированія рабочаго движенія“. Для дальнѣйшей разработки дѣла книга кн. Шаховского даетъ много весьма любопытныхъ данныхъ и всѣми, занимающимися этимъ вопросомъ, прочтется съ большимъ интересомъ и пользой для самаго дѣла.

Экономическое положеніе русской деревни. И. Гурвича. Пер. съ англ. А. А. Санина подъ ред. и съ пред. автора. Изд. М. Водовозовой. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к. Хотя работа г. Гурвича была опубликована нѣсколько лѣтъ назадъ на англійскомъ языкѣ, но тогда она совсѣмъ не обратила вниманія русской публики, котораго, безспорно, она заслуживаетъ, поэтому появленіе ея теперь въ русскомъ переводѣ для русской публики равносильно появленію ея въ первый разъ. Интересъ книги г. Гурвича не въ изложеніи новыхъ фактовъ (факты, сообщаемые имъ, все такого рода, что для всякаго, хоть нѣсколько знакомаго съ земскою статистикой, какъ говорится, настряли въ зубахъ), но въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ. Сущность воззрѣній г. Гурвича выражена въ заключительныхъ словахъ книги слѣдующимъ образомъ: „Семейная кооперація, деревенская община и натуральное хозяйство — таковы основные элементы экономическаго строя Россіи въ прошломъ. Россія грядущихъ дней будетъ имѣть своимъ базисомъ крестьянскую буржуазію, земледѣльческій пролетаріатъ и капиталистическое сельское хозяйство“ (стр. 216). Разложеніе стараго, дореформеннаго, экономическаго строя въ нѣдрахъ нашей деревни и нарожденіе элементовъ новаго общественнаго строя — вотъ предметъ книги г. Гурвича. Свои выводы онъ обосновываетъ на данныхъ двухъ уѣздовъ

Рязанской губ.—Данковскаго и Ранепбургскаго. Ограниченность района изслѣдованія опредѣлилась отчасти внѣшними, случайными условіями составленія работы; но эти данныя пополнены г. Гурвичемъ данными и относительно нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ. Авторъ полагаетъ, что „приблизительное сходство основныхъ цифръ (по разнымъ уѣздамъ) даетъ намъ право распространить наши выводы на всю среднюю полосу Россіи“ (стр. VIII пред.). Съ этимъ можно, конечно, спорить (хотя и намъ представляется, разница по уѣздамъ и губерніямъ одного и того же экономическаго района можетъ быть только количественная, а не качественная), но, въ границахъ изучаемаго района, доказательность изложенія г. Гурвича, можно сказать, неотразима. Нѣтъ ни одного положенія, которое не было бы подтверждено,—можетъ быть, даже съ излишней роскошью,—цифрами, занимающими большую часть книги. Въ виду этого, книгу г. Гурвича можно усиленно рекомендовать всякому, кто хочетъ sine ira et studio поучиться. Къ внѣшнимъ достоинствамъ изложенія нашего автора слѣдуетъ отнести отсутствіе полемическихъ красотъ: г. Гурвичъ не изощряется въ болѣе или менѣе остроумныхъ, но излишнихъ для дѣла полемическихъ пріемахъ, онъ *доказываетъ*. Естественно напрашивается сопоставленіе разсматриваемой работы съ книгами гг. Волгина и Н. —она. Часть книги г. Волгина, посвященная общинѣ, совпадаетъ по предмету, равно какъ и по выводамъ, съ книгой г. Гурвича, но мы отдали бы предпочтеніе этой послѣдней по доказательности изложенія. Съ книгой г. Н. —она работа г. Гурвича можетъ быть сопоставлена съ той стороны, что обѣ онѣ прослѣживаютъ развитіе капиталистическаго производства, первый въ обрабатывающей промышленности, второй въ земледѣліи. Одна дополняетъ другую (работа г. Гурвича, въ свою очередь, можетъ быть дополнена статьями г. Скворцова въ *Юрид. Вѣстн.*, подводящими итоги даннымъ земской статистики относительно черноземнаго района). Историка идей заинтересуетъ справедливо отмѣченное г. Гурвичемъ сходство между ученіемъ Г. Джорджа и нашимъ народничествомъ. „Какъ въ ученіи Г. Джорджа, такъ и въ русскомъ народничествѣ и его пріемномъ дѣтищѣ, толстовщинѣ, земля совершенно заслоняетъ собою остальные факторы производства. „Обезпечьте народъ землею и вся прочая приложатся вамъ“, твердятъ въ унисонъ Single-taxer'ы и русскіе народники. Ни тѣ, ни другіе не имѣютъ никакой опредѣленной программы внѣ этого кореннаго требованія“ (стр. XIV *). Отмѣтимъ, наконецъ, слѣдующее воззрѣніе г. Гурвича. Изъ того факта, что деревенскій пролетаріатъ составляетъ отъ 2% до 8% ко всему населенію, г. Гурвичъ дѣлаетъ выводъ, что „о развитіи пролетаріатскаго классоваго духа („proletarisches Klassenbewusstsein“) въ современной русской деревнѣ не можетъ быть и рѣчи“ (стр. 139). Это утвержденіе можетъ быть подтверждено или опровергнуто только практическимъ путемъ, поэтому оно представляется во всякомъ случаѣ рискованнымъ.

Переводъ, сдѣланный г. Санинымъ и проредактированный авто-

---

*) Заслуживаетъ еще вниманія, на нашъ взглядъ, вскользь брошенное замѣчаніе (стр. 178, примѣч.) о сближеніи идей нашего народничества съ извѣстной формулой Родбертуса: christlich, monarchisch, social. Параллель между міросозерцаніемъ знаменитаго „соціалъ-консервативнаго“ нѣмецкаго мыслителя и нашихъ славянофиловъ, духовныхъ отцовъ современнаго народничества, могла бы составить любопытную задачу для историка. Ихъ сближаютъ не только сходство практической программы, но и философскаго міровоззрѣнія: извѣстно, что на „органическое“ міровоззрѣніе Родбертуса имѣла наибольшее вліяніе философія Шеллинга (см. *H. Dietzel:* „Rodbertus“, II), имѣвшая большое вліяніе и на славянофиловъ.

ромъ, безупреченъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ приложеніе русскаго переводчика: „Нѣсколько замѣчаній по поводу теоріи народнаго производства“. Не содержа въ себѣ новыхъ идей, оно содержитъ много хлесткихъ выраженій и въ особенности проигрываетъ отъ сопоставленія со спокойною дѣльностью г. Гурвича.

Мы увѣрены, что книжка найдетъ широкое распространеніе въ читающей публикѣ.

МЕДИЦИНА.

„Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней“. Сост. профф. F. Penzoldt'омъ и R. Stintzing'омъ. Перев. д-ра *А. М. Левина.*—„Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“. Подъ ред. проф. *И. П. Мержеевскаго.*

Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней, составленное проф. F. Penzoldt'омъ (Эрлангенъ) и проф. R. Stintzing'омъ (Іена). Пер. д-ра А. М. Левина. Изд. К. Риккера. Вып. I—II. Заболѣванія органовъ пищеваренія. Вып. II—III. Инфекціонныя болѣзни. Спб., 1895 г. Въ обработкѣ названнаго руководства принимаютъ участіе 70 выдающихся профессоровъ, имена которыхъ перечислены на заглавномъ листѣ русскаго перевода, изданіе котораго предпринято фирмой К. Риккера. Все сочиненіе предполагается окончить печатаніемъ въ теченіе 1896 года, въ 25—30 выпускахъ (по 10 печатныхъ листовъ) съ подписною цѣною 1 р. 20 к. за каждый выпускъ или 36 р. за все изданіе, состоящее изъ 12 отдѣловъ или 6 томовъ, не считая приложеній (гинекологическое, офталміатрическое и отіатрическое лѣченіе внутреннихъ болѣзней профессоровъ Фроммеля, Эвербуша и Бюркнера). Соотвѣтственно послѣдующимъ прогрессивнымъ успѣхамъ науки, издатели предполагаютъ время отъ времени выпускать дополнительные томы.

При составленіи этого руководства обращено особенное вниманіе на всесторонность, основательность и объективность изложенія съ подробнымъ описаніемъ оперативныхъ пособій и механическихъ пріемовъ по спеціальнымъ отдѣламъ, имѣющимъ связь съ внутренними заболѣваніями (психіатрія, женскія, накожныя, ушныя, горловыя и глазныя болѣзни), на-ряду съ сжатымъ изложеніемъ всей *частной патологіи* внутреннихъ болѣзней и соприкасающихся съ нею областей. Обработка общаго матеріала составителями различныхъ отдѣловъ производится хотя и независимо другъ отъ друга, но по взаимному соглашенію. Примѣнительно къ современному уровню знанія относительно профилактики (предупредительныхъ мѣръ), ухода за больнымъ и лѣченія, предполагается разбирать, какъ видно изъ приложеннаго къ первому выпуску проспекта, не только вопросъ, „*что* назначать“, но и „*какъ* назначать“, съ какою цѣлью, какъ долго, съ какими шансами на успѣхъ должно выполняться то или иное терапевтическое предписаніе.

Изданные два выпуска, въ особенности по отдѣлу инфекціонныхъ болѣзней, отличаются большими достоинствами, въ смыслѣ полноты, ясности изложенія и систематизаціи обширнаго матеріала съ подробнымъ перечисленіемъ въ концѣ отдѣльныхъ главъ литературныхъ источниковъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ.

Весьма подробно и оригинально обработанъ д-ромъ Z. Pfeiffer'омъ (директоромъ оспопрививательнаго института въ Веймарѣ) отдѣлъ лѣченія и профилактики оспы, занимающій значительно большую часть,

сравнительно съ общей программой изданія, въ виду совершенно новыхъ взглядовъ, проводимыхъ имъ во введеніи. Содержаніе этого отдѣла, какъ и по другимъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, распадается на два отдѣла: 1) *спеціальная терапія оспы* (введеніе, сущность, причина и форма оспы, уходъ за больными и т. д.); 2) *профилактическая терапія оспы* (прививка въ цѣляхъ иммунизированія натуральной, коровьей, телячьей и лошадиной оспы) съ подробнымъ обзоромъ техники оспопрививанія и дѣйствующаго въ различныхъ государствахъ законодательства по этому предмету; 3) въ приложеніи помѣщенъ библіографическій указатель иностранной и русской литературы.

Между прочимъ, въ отдѣлѣ общаго лѣченія инфекціонныхъ болѣзней проф. Цимссенъ настойчиво указываетъ на *необходимость устройства*, путемъ частной благотворительности, *пріютовъ для выздоравливающихъ* изъ недостаточныхъ классовъ, справедливо замѣчая, что „врачу представляется высокая задача все больше и больше запечатлѣвать *въ сознаніи публики* необходимость такого гуманитарнаго учрежденія и *не щадить никакихъ усилій* для осуществленія въ сферѣ своей дѣятельности подобныхъ пріютовъ для выздоравливающихъ". Особенно важно это замѣчаніе для русскихъ въ виду полнаго отсутствія у насъ стремленія пополнить этимъ путемъ „пропасть между болѣзнью и полнымъ востановленіемъ рабочей способности".

Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Повременное изданіе подъ редакціей проф. И. П. Мержеевскаго. Годъ XI. Вып. I, съ 5 фототипич. табл. и 1 топограф. картой. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г. Періодическія и не-періодическія изданія медицинской и вообще спеціальной прессы должны были бы занимать вполнѣ опредѣленное мѣсто въ библіографическихъ обзорахъ общихъ журналовъ. Этимъ путемъ возможно было бы установить связь между общественными науками и спеціальными изслѣдованіями, представляющими общій соціально-гигіеническій интересъ, на-ряду съ расширеніемъ круга читающей публики, не имѣющей возможности слѣдить за всѣми новостями спеціальной литературы. Программа названнаго выше журнала заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) оригинальныя статьи общія и спеціальныя; 2) хроника заведеній для душевно-больныхъ (отчеты психіатрическихъ отдѣленій и спеціальныхъ больницъ различныхъ вѣдомствъ); 3) критика и библіографія (обзоръ сочиненій по психологіи, рефераты по психіатріи и невропатологіи); 4) новости и смѣсь; 5) въ приложеніи помѣщаются протоколы засѣданій общества психіатровъ въ Петербургѣ. Изданіе существуетъ уже одиннадцатый годъ, съ внѣшней стороны безукоризненно, а по содержанію весьма разнообразно и интересно.

Въ первомъ выпускѣ за текущій годъ въ числѣ оригинальныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе: обширное изслѣдованіе д-ра *В. Л. Коссаковскаго* (съ таблицами и топографическою картой) *о пеллагрѣ* (maidismus), сообщеніе женщины-врача *В. С. Ивановой-Яковенко* по вопросу о *психическихъ галлюцинаціяхъ*, опытъ статистическаго изслѣдованія *о душевно-больныхъ въ Россіи*—д-ра *М. В. Игнатьева*, сообщеніе д-ра *П. В. Дмитревскаго* „о патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ костей у душевно-больныхъ" и другія болѣе спеціальныя статьи. Пеллагра представляетъ мало изслѣдованную болѣзнь, находящуюся въ связи съ употребленіемъ въ пищу испорченной кукурузы и, подобно другимъ сходнымъ болѣзнямъ (эрготизмъ, латиризмъ и молочная болѣзнь или Milk sickness у англичанъ) имѣетъ громадное соціально-ги-

гіеническое значеніе. Область культуры маиса въ Россіи весьма обширна и обнимаетъ, кромѣ Бессарабіи, къ которой, главнымъ образомъ, относятся наблюденія автора, Подольскую, Херсонскую губерніи, Землю Войска Донского и Кавказъ. Между тѣмъ, большинство врачей совершенно незнакомо съ этою болѣзнью, въ Бессарабіи (съ 1880 года) достигнувшей въ 1893 году, послѣ голодовки, размѣровъ эпидеміи. Она угрожаетъ серьезной опасностью народонаселенію, какъ указываетъ примѣръ Италіи, гдѣ пеллагра составляетъ народное бѣдствіе, обусловливая постепенное вырожденіе расы.

Авторъ утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ районѣ распространенія кукурузы пеллагра существуетъ, но „только благодаря полному незнакомству врачей съ этою болѣзнью нѣтъ сообщеній о значительномъ ея распространеніи". Завѣдуя больницей для душевно-больныхъ въ Бессарабіи и производя наблюденія надъ большимъ количествомъ пеллагриковъ, д-ръ Коссаковскій излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ спеціальной работѣ, печатаніе которой въ названномъ журналѣ будетъ еще продолжаться. Въ виду этого, не касаясь самой работы по существу впредь до выхода ея отдѣльною книгой, достаточно будетъ въ данномъ случаѣ лишь пожелать скорѣйшаго осуществленія надежды автора, что ему „удастся обратить *вниманіе высшихъ сферъ и земства* на значеніе этой болѣзни для края". Тѣ страшныя послѣдствія, которыми она угрожаетъ населенію, и полный успѣхъ Франціи въ энергичной борьбѣ съ нею, дѣйствительно, должны были бы „достаточно поощрять къ неотложному предпріятію самыхъ серьезныхъ мѣръ къ прекращенію этого ужаснаго недуга". Въ Италіи, гдѣ болѣзнь извѣстна врачамъ болѣе 100 лѣтъ и гдѣ она лучше всего изучена, всѣ мѣры, предпринимавшіяся и предпринимающіяся для ея прекращенія, до сихъ поръ оказываются мало успѣшными, и болѣзнь постоянно увеличивается, захватывая все большее и большее число жертвъ и распространяясь на новыя области. Наоборотъ, Франція „во-время спохватившись, *цѣлымъ рядомъ крупныхъ мѣръ*, клонящихся къ улучшенію экономическаго быта деревенскаго населенія, *успѣла совершенно прекратить болѣзнь* въ мѣстностяхъ, гдѣ она, особенно въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, была довольно сильно распространена". Факты, собранные и сгруппированные въ названномъ изслѣдованіи, настолько характерны и любопытны, затемняясь въ то же время излишними „для высшихъ сферъ и земства" медицинскими подробностями, что было бы весьма полезно, одновременно съ выпускомъ въ свѣтъ спеціальной монографіи, издать также болѣе популярное извлеченіе изъ нея для „большой публики". Иначе повторится та же исторія, что въ Италіи и въ Румыніи: будутъ 100 лѣтъ изучать болѣзнь, а она займетъ положеніе „кота-Васьки" въ извѣстной баснѣ Крылова, какъ это вообще наблюдается при практическомъ рѣшеніи вопросовъ соціальной гигіены въ Россіи. Будутъ производиться тщательныя изслѣдованія, но сами по себѣ они не въ силахъ ограничить размѣры распространенія соціально-экономическаго недуга. Едва ли возможно подробно излагать содержаніе другихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ и частью не вполнѣ еще законченныхъ, тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ могла бы доставить обширный матеріалъ для размышленій на темы по общественной гигіенѣ и психопатологіи. Тѣсныя рамки библіографической замѣтки даютъ случай лишь указать общій характеръ того или иного изданія, предназначеннаго для пользованія спеціалистовъ, но содержащаго статьи, не лишенныя и общественнаго значенія.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Труды Импер. моск. общ. сельскаго хозяйства". Вып. I и II. — „Труды третьяго кіевскаго областного сельско-хозяйств. съѣзда". — „Общее животноводство". *Н. П. Чирвинскаго.* — „Растеніе какъ источникъ органической жизни на землѣ". Сост. *П. А. Матусевичъ.*

Труды Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства. Описанія частновладѣльческихъ хозяйствъ. Выпуски I и II. М., 1895 г. Монографическая литература по русскимъ хозяйствамъ очень не богата, несмотря на то, что среди нашихъ хозяйствъ наберется не малое число такихъ, которыя располагаютъ подробною отчетностью за многіе годы. Собираніемъ и изданіемъ матеріала по такимъ хозяйствамъ вполнѣ умѣстно заняться нашимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кіевское общество сдѣлало починъ, но остановилось на первомъ выпускѣ, относившемся къ тремъ имѣніямъ. Не знаемъ, много ли счастливѣе будетъ Московское общество, выступившее теперь съ двумя выпусками, въ которыхъ описаны *Хуторокъ* барона В. Р. Штейнгеля (Кубанской области) и *Латорево* кн. Л. Д. Вяземскаго (Тамбовской губерніи). Авторъ перваго описанія И. В. Лещенко, авторы второго М. Е. Миловидовъ и А. А. Кротковъ; редакція описаній принадлежала профессору А. Н. Шишкину. Оба хозяйства представляютъ большой интересъ въ виду высокаго уровня и разнообразія отраслей сельско-хозяйственной техники. Достойно вниманія, что, при всемъ своемъ техническомъ совершенствѣ, Лотаревское хозяйство и въ 1893 и въ 1894 годахъ заключило свои счета убытками вслѣдствіе пониженія хлѣбныхъ цѣнъ. Хуторокъ за послѣднее пятилѣтіе давалъ около 190 тысячъ годового дохода на капиталъ въ 2 милліона рублей.

Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы этими двумя выпусками изданіе не ограничилось и чтобы ими положено было только начало цѣлой серіи сельско-хозяйственныхъ монографій, весьма важныхъ для русской литературы.

Труды третьяго Кіевскаго областного сельско-хозяйственнаго съѣзда. Кіевъ, 1896 г. Третій областный съѣздъ для хозяевъ юго-западныхъ и малороссійскихъ губерній состоялся въ Кіевѣ въ февралѣ 1895 года подъ предсѣдательствомъ князя Н. В. Репнина при 453 членахъ. Въ *Трудахъ* напечатаны 27 докладовъ и отчеты о шести засѣданіяхъ съѣзда. Девять докладовъ относятся къ общимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ о системахъ хозяйства, организаціи, объ устройствѣ арендъ и о сельско-хозяйственныхъ опытахъ. Темами прочихъ докладовъ были разные вопросы обработки, удобренія, посѣва, уборки, а также хмѣлеводства, садоводства, винодѣлія, лѣсоводства, молочнаго хозяйства, пчеловодства, шелководства и бухгалтеріи. Болѣе десяти печатныхъ листовъ занимаетъ одинъ наиболѣе пространный докладъ Л. М. Брокля (нынѣ завѣдующаго сельско-хозяйственнымъ бюро въ Галиціи), собравшаго обширный статистическій матеріалъ для характеристики мѣстныхъ системъ хозяйства въ связи съ положеніемъ международнаго рынка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ преніяхъ по докладамъ Л. М. Брокля и И. М. Ревы заслуживаетъ вниманія рѣчь проф. С. М. Богданова, напомнившаго о невозможности замѣнить всѣ хлѣбные посѣвы посѣвами зеленаго горошка, резеды и левкоевъ, и о томъ совершенно обособленномъ положеніи, которое занимаютъ у насъ свеклосахарныя хозяйства, благодаря государственному покрови-

тельству. Повидимому, съѣздъ прошелъ оживленно. Слѣдующій четвертый областной съѣздъ ожидается въ 1897 году одновременно съ Кіевскою сельско-хозяйственною выставкою.

Общее животноводство Н. П. Чирвинскаго. 2-е изданіе. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 40 коп. Учебникъ животноводства написанъ былъ профессоромъ Петровской академіи Н. П. Чирвинскимъ восемь лѣтъ тому назадъ по порученію департамента земледѣлія. Теперь передъ нами новое, значительно дополненное изданіе этого учебника, увеличившееся въ объемѣ почти на 5 печатныхъ листовъ. Въ ученіи о кормленіи нѣсколько сокращена историческая часть, что слѣдуетъ считать цѣлесообразнымъ въ интересахъ среднихъ школъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, учебникъ назначается. Въ отдѣлѣ заводскаго искусства подробнѣе, чѣмъ въ первомъ изданіи, разсмотрѣны измѣненія развитія подъ вліяніемъ корма; вкратцѣ отмѣчено вліяніе упражненій на развитіе органовъ (функціональная гимнастика). Добавлены параграфы о спеціализаціи производительности и о совмѣщеніи разныхъ видовъ производительности. Описанъ предложенный Мицѣевичемъ способъ опредѣленія вѣса измѣреніемъ. Въ зоогигіенѣ исключено раздѣленіе контагія и міазмы, но дополнено общее изложеніе заразныхъ болѣзней и предохранительныхъ мѣръ. Книга заканчивается приложеніями, въ которыхъ, кромѣ прежде помѣщенныхъ таблицъ Пресслери, приведены кормовыя нормы Вольфа, составъ кормовъ по Вольфу и Кюну и переваримость по Кюну. Видно, что авторъ много поработалъ надъ пересмотромъ учебника, который принесетъ и въ новомъ изданіи несомнѣнную пользу русскому сельско-хозяйствоенному образованію.

Растеніе, какъ источникъ органической жизни на землѣ. Составилъ П. А. Матусевичъ. Кіевъ, 1895 г. Цѣна 40 коп. Низшія сельско-хозяйственныя школы весьма нуждаются въ краткихъ учебникахъ по разнымъ отраслямъ основныхъ и спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Брошюра г. Матусевича является опытомъ такого учебника по физіологіи сельско-хозяйственныхъ растеній. Основой при составленіи брошюры служили извѣстныя публичныя лекціи проф. К. А. Тимирязева — *Жизнь растенія*. Изложеніе очень сжатое; недостаткомъ слѣдуетъ признать обиліе иностранныхъ терминовъ. Цѣна брошюры высока.

КНИГИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА, УЧЕБНИКИ.

„Разсказы о друзьяхъ человѣчества“. Шесть біографій для юношества. *Н. А. Рубакина.* — „Изъ міра науки и изъ исторіи мысли“. Сборникъ популярныхъ статей для юношества. *Н. А. Рубакина.* — „Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ“. Часть II. Сост. *Н. Кумской.* — „Краткій историко-географич. словарь“. Сост. *И. Верицинъ.* — „Для преподавателя“. Обученіе грамотѣ и цифровому счету въ семь дней или въ семь уроковъ по „органо-цвѣтовому методу мысли“. Ч. V. *И. Г. Храпаля.*

Разсказы о друзьяхъ человѣчества. Шесть біографій для юношества. Н. А. Рубакина. Подъ редакціей В. В—ва. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1896 г. Ц. 75 к. Здѣсь собраны въ одну книгу написанныя авторомъ въ разное время (и притомъ многія во времена студенчества) біографіи такихъ „друзей человѣчества“, какъ Маколей, Генри Томасъ Бокль, Исаакъ Джемъ (*Мученикъ науки*), Янъ Амосъ Коменскій, Гренвиль Шарпъ (*Исторія маленькаго человѣка*) и И. А. Гончаровъ. Всѣ эти біографіи печатались въ свое время въ *Семейныхъ*

вечерахъ, *Родникъ* и *Дѣтскомъ Чтеніи* и собранныя во едино показываютъ только, что авторъ ихъ всегда былъ вѣренъ себѣ въ дѣлѣ одушевленнаго призыва своихъ читателей къ труду и наукѣ. Въ маленькомъ предисловіи къ книгѣ онъ скромно замѣчаетъ, что „перечитывая теперь то, что было написано восемь или десять лѣтъ тому назадъ", онъ нашелъ тамъ не мало такого, что слѣдовало бы „выбросить, дополнить и измѣнить". Но, говоритъ далѣе г. Рубакинъ, вѣдь, все это „было и пережито, и передумано, и перечувствовано". Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и кроется, по нашему мнѣнію, главное достоинство біографій, собранныхъ въ книгѣ, читая которую, всякій юноша, не лишенный хорошихъ задатковъ, свойственныхъ возрасту, невольно подчинится молодому и свѣжему увлеченію просвѣщеннаго автора нравственною красотой людей, замѣчательныхъ своимъ трудолюбіемъ, высокою и безкорыстною преданностью интересамъ человѣчества. Юношество нашихъ дней, говорятъ, будто бы не отличается уже наклонностью къ благороднымъ увлеченіямъ, страдая, наоборотъ, чуть ли не со школьной скамьи узкимъ матеріализмомъ и благоразумною разсчетливостью, хотя мы и не думаемъ, чтобъ эти огульныя обвиненія были вполнѣ справедливы. Вытравить безъ остатка живую и честную мысль, способность къ увлеченію возвышенными идеями и стремленіе къ свѣту и наукѣ—едва ли въ состояніи какая-либо эпоха. Эти драгоцѣнныя качества, болѣе всего, конечно, присущія молодости, всегда останутся неприкосновенною собственностью человѣчества, въ средѣ котораго всегда найдется благодарная и плодородная почва для посѣва на ней разумнаго, добраго, вѣчнаго. Пожелаемъ и книгамъ, которыя, подобно лежащей передъ нами, сѣютъ эти сѣмена, самаго широкаго успѣха. При біографіяхъ Маколея, Бокля, Коменскаго и Гончарова помѣщены хорошіе портреты этихъ писателей.

Изъ міра науки и изъ исторіи мысли. Сборникъ популярныхъ статей для юношества. Н. А. Рубакина. Къ серіи изданій подъ редакціей В. В—ва. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1896 г. Ц. 1 р. Сборникъ принадлежитъ перу того же автора, какъ и отмѣченная уже нами книга *О друзьяхъ человѣчества*, и отличается тѣми же симпатичными достоинствами. Г. Рубакинъ придаетъ большое значеніе естественнымъ наукамъ, любитъ эти науки и въ рядѣ статей, написанныхъ съ обычнымъ для него талантомъ популяризатора, знакомитъ своихъ юныхъ читателей со многими фактами изъ этой области, стараясь въ то же время привить юношамъ вкусъ и желаніе къ изученію явленій природы. Статьи (ихъ всего семь) печатались въ разное время въ *Мірѣ Божьемъ* и *Семейныхъ Вечерахъ* и имѣютъ между собою, по словамъ автора, „нѣчто общее,—это стремленіе человѣческаго ума проникнуть въ тайну, окружающую его, добиться точной, безпристрастной, ничѣмъ неопровержимой истины, распространить эту истину среди человѣчества, среди всѣхъ людей, кто бы они ни были, къ какому бы классу общества ни принадлежали,—стремленіе устроить человѣческую жизнь на началахъ истины, справедливости и любви къ людямъ" (Предисловіе, III). Книга открывается статьей *Изъ міра науки и преданій*, въ которой указывается на цѣломъ рядѣ примѣровъ, какъ, подъ вліяніемъ науки и точнаго знанія, человѣкъ освобождается отъ таинственныхъ и фантастическихъ преданій, созданныхъ невѣжествомъ для объясненія непонятныхъ явленій природы. Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, *Дѣдушка Время*, въ сказочной формѣ авторъ старается дать понятіе о таин-

ственной работѣ атомовъ, совершаемой подъ вліяніемъ всемогущаго времени, въ лабораторіи природы. Любопытныя свѣдѣнія о процессѣ зарожденія живого существа въ яйцѣ находятся въ статьѣ *Тайны куринаго яйца*, а въ слѣдующей за ней, озаглавленной *Искусство въ мірѣ животныхъ*, болѣе ста страницъ отведено интереснымъ описаніямъ разнообразныхъ построекъ птичьихъ гнѣздъ. „Всѣ формы и явленія,— говоритъ въ заключеніе этой статьи авторъ (словами Льюиса), — имѣютъ глубокое духовное значеніе: правильно изучаемыя, они немедленно убѣждаютъ насъ въ этомъ". Съ особеннымъ интересомъ читается далѣе очеркъ изъ исторіи органической жизни, трактующій о переселенцахъ въ животномъ царствѣ, изъ котораго оказывается, что и въ мірѣ животныхъ есть свои переселенцы и свой „переселенческій вопросъ", вызываемый „малоземельемъ". Съ удовольствіемъ и пользой прочтутся также очерки изъ исторіи астрономіи (*Въ поискахъ за истиной*), равно и помѣщенный въ концѣ книги *Очеркъ изъ исторіи образованія Западной Европы* (*Знаменіе времени*), въ которомъ сообщаются данныя о возникновеніи движенія въ пользу распространенія въ массахъ университетскаго образованія.

Несомнѣнная польза всѣхъ этихъ статей для нашего юношества увеличивается потому, что онѣ восполняютъ отчасти крупный недостатокъ програмы средней школы, въ которой естественнымъ наукамъ почти не отводится мѣста. Настоящее изданіе можно только упрекнуть за нѣкоторую небрежность въ редакціонномъ отношеніи. Здѣсь встрѣчаются, напримѣръ, такія неясныя сравненія: „яма идетъ немного вкось, такъ что образуется нѣчто вродѣ *маленькой печки*" (стр. 217); „они устраиваютъ *пиръ изъ риса*" (стр. 246) или тяжеловѣсныя выраженія, напримѣръ: „не сразу сложились сложныя общества птицъ" (стр. 249); на стр. 346 говорится: „дикарь знаетъ болѣе или менѣе хорошо, что для него полезно, что вредно. Даже болѣе: главнымъ образомъ, онъ только это и знаетъ", а на стр. 348 мы уже встрѣчаемъ отрицаніе этого положенія: „Читатель, быть можетъ, подумаетъ, что, оставаясь на такой точкѣ зрѣнія, присматриваясь лишь къ тому, что полезно или что вредно, дикарь на многое множество явленій совсѣмъ не обратитъ вниманія. Такъ ли это? Совсѣмъ не такъ. Область явленій, на которыя дикарь обращаетъ вниманіе, гораздо шире". Все это легко устранимые редакціонные недосмотры и желательно было бы при слѣдующемъ изданіи книги, котораго она, конечно, дождется, увидѣть болѣе тщательную редакцію ея. Это необходимо уже въ виду того, что она предназначается для юношества.

Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Историческая хрестоматія. Часть вторая. Составилъ Н. Кумской. Тифлисъ, 1895 г. Цѣна 1 рубль. Выборъ отрывковъ изъ источниковъ во второй части составленной г. Кумскимъ *Исторической хрестоматіи* гораздо удачнѣе, чѣмъ въ первой; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ вторая часть улучшена мало, и мы не станемъ повторять здѣсь того, что было сказано нами по поводу первой части въ кн. I „Библіогр. отдѣла" за 1891 г. Есть, впрочемъ, одна особенность въ трудѣ г. Кумского, на которую раньше намъ не случилось указать: мы разумѣемъ языкъ, которымъ написана *Историческая хрестоматія*. Когда въ одной книгѣ собраны переводы и сочиненія разныхъ авторовъ, то мудрено, конечно' требовать повсюду одинаково правильнаго и складнаго языка; однако' нельзя не пожалѣть, что во многихъ мѣстахъ *Исторической хрестоматіи*, которая предназначается для учащихся, языкъ этотъ слишкомъ мало походитъ на образцовый. Раскрываемъ, напримѣръ, книгу, на

стр. 115 и читаемъ: „Когда лакедемонянинъ Павзаній былъ въ первый разъ (?) отозванъ спартанцами отъ должности главнокомандующаго въ Геллеспонтѣ и по привлеченіи къ суду былъ оправданъ, то государство больше не посылало (?) его; тогда онъ на собственныя средства, безъ *соизволенія* лакедемонянъ, снарядилъ герміонскую трирему" и проч. Въ другомъ мѣстѣ переводчикъ такъ разсказываетъ объ Эпаминондѣ: „Подойдя къ городу, Эпаминондъ не рѣшился вступать по такимъ мѣстамъ (?), гдѣ онъ (?) долженъ сражаться внизу (?) и получать удары съ кровлей домовъ, или гдѣ его большинство не могло бы дѣйствовать противъ меньшинства" (?) (стр. 372). Кажется, двухъ приведенныхъ мѣстъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что *Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ* могла бы мѣстами отличаться лучшимъ слогомъ. Эти мѣста при чтеніи останавливаютъ на себѣ тѣмъ большее вниманіе, что есть другія совершенно противоположныхъ качествъ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно сослаться на разсказанное въ *Хрестоматіи* объ Аристидѣ (стр. 98—107).

Краткій историко-географическій словарь. Пособіе при изученіи всеобщей и русской исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Веригинъ. Тверь., 1895 г. Цѣна 50 коп. Въ словаряхъ, подобныхъ *Краткому историко-географическому словарю*, составленному г. Веригинымъ, существуетъ нужда, однако, авторъ преувеличиваетъ значеніе своего словаря. Въ предисловіи онъ насчитываетъ цѣлыхъ 4 цѣли, которыя преслѣдуетъ его *Словарь: Словарь* его долженъ 1) облегчить учащимся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній трудъ отыскиванія на картѣ и точнаго опредѣленія важнѣйшихъ географическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ курсѣ всеобщей и русской исторіи; 2) научить ихъ наиболѣе правильному произношенію географическихъ именъ, которыя въ русской транскрипціи съ этою цѣлью снабжены удареніями; 3) возобновить въ ихъ памяти историческіе факты, удобно ассоціируемые по единству мѣста, и 4) содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію ими территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ. Всего важнѣе, по нашему мнѣнію, 3-я изъ намѣченныхъ цѣлей, такъ какъ если каждый словарь существуетъ для справокъ и „возобновленія въ памяти", то и *Словарь* г. Веригина въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно хорошо служитъ тому же; 1-я цѣль тоже указана, пожалуй, вѣрно, что же касается до 2-й и особенно 4-й, то и та, и другая, какъ намъ кажется, разсматриваемому словарю навязаны. Правда, для удовлетворенія 2-й цѣли, въ книжкѣ разставлены ударенія, но нигдѣ не сказано, какими основаніями и соображеніями руководится авторъ при разстановкѣ этихъ удареній въ спорныхъ случаяхъ, да еслибъ и произошла иной разъ ошибка въ удареніи со стороны учащихся, бѣда была бы не особенно велика. Относительно 4-й цѣли мы должны сознаться, что прямо не понимаемъ, о чемъ говоритъ въ ней авторъ. Какимъ образомъ словарь можетъ „содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію учащимся территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ?" Вѣдь если тутъ имѣется въ виду то, что сказано въ *Словарѣ* о Великобританіи (стр. 27, 28 и 29), о Руси (стр. 113, 114, 115 и 116) и проч., то, во-первыхъ, историко-географическихъ названій, которымъ посвящено нѣсколько страницъ, въ книжкѣ г. Веригина очень немного, а во-вторыхъ, *Словарь*, т.-е. справочная книга, не можетъ дать какое бы то ни было „болѣе основательное и ясное пониманіе", не даетъ его и *Словарь* г. Веригина. Насъ

удивило также, что въ разсматриваемомъ пособіи не достаетъ очень многихъ историко-географическихъ названій, и мы такъ и не нашли въ немъ, напримѣръ, *Средиземнаго моря*. На это замѣчаніе г. Веригинъ указалъ бы, можетъ быть, на заглавіе, въ которомъ прибавлено „краткій", но предѣловъ этой краткости, къ сожалѣнію, не обозначено, да и съ другой стороны, въ *Словарѣ* слишкомъ часто встрѣчаются указанія, совсѣмъ не соотвѣтствующія его краткости: таковы какія-либо древнія названія, безъ которыхъ „краткому" словарю можно бы было, повидимому, свободно обойтись.

Для преподавателя. Обученіе грамотѣ и цифровому счету въ семь дней или въ семь уроковъ по „органо-цвѣтовому методу мысли". Часть. V. Урокъ первый. И. Г. Храпаля. Кіевъ, 1895 г. Цѣна 30 коп. Книжка, заглавіе которой только-что выписано, удивительна, чтобы не сказать больше, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Удивительна она не только по цѣли, которую преслѣдуетъ авторъ, и плану, котораго придерживается онъ, но и по своему содержанію и даже по обложкѣ, въ которую она обернута. Повидимому, г. Храпалю мало научить „въ семь дней или въ семь уроковъ грамотѣ и цифровому счету",—онъ намѣренъ въ тѣ же семь дней убѣдить своихъ учениковъ въ пользѣ и значеніи грамоты и дать имъ всестороннее развитіе. Для этой цѣли онъ раздѣляетъ свое руководство на 4 отдѣла: 1) *Что дѣлаетъ и говоритъ учитель?* 2) *Что дѣлаютъ и говорятъ ученики?* 3) *Что и почему?* 4) *Развитіе.* Изъ названныхъ отдѣловъ нѣсколько непонятенъ, на первый взглядъ, 3-й, озаглавленный совершенно загадочно: *Что и почему?*—но изъ первыхъ же строкъ этого отдѣла обнаруживается, что авторъ имѣетъ здѣсь въ виду выясненіе своего метода, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „первый урокъ изложенъ мною въ стихахъ, такъ какъ то, что сообщено въ привлекательной формѣ, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе", но учитель можетъ *тоже* (sic!) самое, не заучивъ наизусть, а составивъ планъ, излагать прозаически (стр. 2).

Посмотримъ, что же „дѣлаетъ и говоритъ учитель" и „что дѣлаютъ и говорятъ ученики". Боже мой, что только они дѣлаютъ и что только они говорятъ! Въ самомъ началѣ урока, напримѣръ, „садясь или стоя, какъ удобнѣе, смотря въ глаза сзади сидящимъ (но не въ одну точку), энергично-убѣдительно и внятно, переходя отъ спокойнаго до паѳоса", учитель говоритъ:

„Всему, братцы, есть наука,
Шить, кроить, ковать, пахать,
Для всего есть обученье
Чтобы выучиться—знать.
Голова не для того у тебя,
Чтобы шапку надѣвалъ,
А чтобы все вокругъ себя
Ты разумно понималъ"... (стр. 3 и 4).

И далѣе:

„2 уха, ротъ 1, какъ понимать?
Больше надо слушать и меньше зѣвать.
2 глаза, ротъ 1 — надо, знать,
Больше смотрѣть и меньше болтать".

Таково начало перваго урока, изложенное, какъ увѣренъ г. Храпаль, „въ привлекательной формѣ"; что впечатлѣніе отъ такого начала можетъ получиться „неизгладимое", это несомнѣнно, но нельзя не пожалѣть учениковъ, которые, по плану г. Храпаля, „должны повторять суть каждаго подобнаго предложенія" (стр. 7).

Однако, это пока цвѣточки, ягодки впереди. На стр. 16-й, 17-й и 18-й г. Храпаль заставляетъ учителя съ чертежомъ въ рукѣ вести слѣдующее объясненіе, въ которомъ и заключается тайна „органоцвѣтового метода мысли“: „Голова нашъ умъ, наша жизнь и душа, живемъ головой; можно быть безъ руки, безъ ноги, безъ рукъ и ногъ, безъ печени, съ порванной грудью, но безъ головы нельзя жить, вся сила въ головѣ, думаемъ, слышимъ, видимъ, ѣдимъ, говоримъ, поемъ, радуемся, плачемъ—все головой; ею и учимся. Что же такое есть въ головѣ важнѣе и сильнѣе? А вотъ смотрите: здѣсь разрѣзанная голова пополамъ: вотъ видны волосы, кожа, а это кость, подъ костью въ плевѣ лежитъ сѣрый мозгъ, здѣсь-то происходитъ начало всему — мысль, думка; здѣсь вотъ спина—косточки это шейные позвонки, это дыхательное изъ хрящевыхъ колецъ, или гортань—инструментъ нашего голоса. Въ гортанной трубочкѣ перетянуты связки, а когда мы дышемъ грудью, какъ мѣхомъ въ эту трубочку, то голосовыя связки натягиваются и получается голосъ или пѣніе. Дальше небо, языкъ, зубы, носъ, а рядомъ съ гортанью горло пищевое. Теперь *ясно*, что если надо пѣть, то мысль заставляетъ дуть сильно черезъ голосовыя связки и, раскрывая ротъ, человѣкъ *поетъ* о, а, у, если дуть тихо, то х, г, к— это горломъ, черезъ носъ и черезъ зубы и языкъ“ и проч. (стр. 16 и 17).

Непосредственно за такимъ объясненіемъ учитель опять переходитъ къ стихамъ:

„Ясное золото ярко и звонко
Пойте основу свободно и вольно.
(Пропѣть на мотивѣ о, у, а, э...)
У насъ видите—губы красныя(,)
Такія основы *дуются* неясныя(,)
(ртомъ показать б, п, ф, в).
За губами бѣлые зубы виднѣются,
Такія же двѣ основы имѣются.
(д. т.)
Дальше лежитъ сѣрокрасный языкъ—
Трудная основа, имѣйте навыкъ(.)
(л. р.)
На носу блѣдноватожелтая кожа
2 знака основы, блѣдные тоже(.)
(н. м.)
Надъ землею—языкомъ—небо синѣетъ,—
3 знака основа синихъ имѣетъ.
Вода льется—ш.
Съ каплей изъ бочки щ, ч,
Вода изъ лейки или бочки шумитъ
3 синихъ основы такія на видъ.
Сребро звенитъ, серпъ блеститъ,
Серебряный знакъ похожій на видъ.
(с. ц.)“ (стр. 17 и 18).

Въ соотвѣтствіе учителю говорятъ и ученики: „Золото *значитъ основу пѣть*“ (стр. 17) или „Блѣдножелтое *значитъ, что основу дуть черезъ носъ*“ (стр. 18); тѣ же ученики и *поютъ* и *дуютъ*. Подъ конецъ перваго урока учитель, чтобы стало ясно, что значитъ слово *сразу*, поетъ „речитативомъ знакомый мотивъ пѣсни, а потомъ тотъ же мотивъ, прерывая кашлемъ или дѣломъ какимъ (?) или вообще разрывая (?)... (стр. 21).

Сказаннаго, кажется, достаточно. Остается указать на обложку, на которой г. Храпаль заявляетъ о 6 своихъ сочиненіяхъ и отпечатываетъ, что они составляютъ „собственность Старокіевскаго военнокнижнаго магазина“, но, къ удивленію, тутъ же прибавляетъ, что изъ нихъ изданы только 2. Стóитъ книжка г. Храпаля цѣлыхъ 30 коп.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности.

Іонычъ. Разск. Ф. Нефедова. Ц. 14 к. Свекоръ. Разск. Его же.— На міру. Пов. Потѣхина. Ц. 18 к. Хай дѣвка. Пов. Его же. Ц. 10 коп. Отрѣзанный ломоть. Ком. Его же. Ц. 10 к. Чужое добро въ прокъ не идетъ. Др. Его же. Ц. 10 к. Около денегъ. Ром. Его же. Ц. 25 коп.—Павло Чорнокрылъ. Разск. М. Вовчка. Ц. 3 к.—Смерть Ивана Ильича. Пов. Л. Толстого. Ц. 5 коп. — Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разск. Л. Толстого. Ц. 3 к.—Судный день. Сказка В. Короленко. Ц. 8 к.— На морскомъ пескѣ. Разск. Ц. 3 к. Маруся. Разск. М. Вовчка. Ц. 12 к. — Дочь миссіонера. Разск. Котса. Ц. 8 к.—Великанъ Іеусъ. Сказка Ж.-Занда. Ц. 5 к.—Крылья мужества. Сказка. Ея же. Ц. 8 к. Чортово болото. Ром. Ея же. Ц. 7 к.—Послѣдній день приговорен. къ смерти. В. Гюго. Ц. 8 коп.— Чародѣйка. Ром. Ж.-Занда. Ц. 15 к.—Деревенская драма. Ром. М. Вудсъ. Ц. 10 к. Какъ умираютъ. Разск. Зиса. Ц. 4 к. Разсказы Додэ. Ц. 3 к. Маленькій графъ. Разск. Уйда. Ц. 6 к. Разсказы Верга. Ц. 3 к. Свадебный маршъ. Пов. Бьернсона. Ц. 6 к. Два дѣятеля. Разск. Его же. Ц. 5 к. Мать. Разск. Амичиса. Ц 3 к.— Наводненіе. Разск. Зола. Ц. 3 к. Нянька. Разск. К. Станюковича. Ц. 8 к. Басни Крылова. Ц. 35 к. Самое крупное явленіе въ области народной литературы за послѣдніе четыре мѣсяца—это появленіе цѣлаго ряда изданій безвременно погибшаго въ самомъ разгарѣ своей многолѣтней и плодотворной дѣятельности С.-петербургскаго комитета грамотности. Въ теченіе небольшого промежутка времени появилось до *пятидесяти изданій* комитета, въ большинствѣ случаевъ весьма удачно выбранныхъ, отпечатанныхъ опрятно и стоющихъ чрезвычайно дешево. Какъ извѣстно, такъ называемыя „интеллигентныя" издательскія фирмы, какъ и другія начинанія нашей культурной интеллигенціи, совершенно не привыкли къ работѣ стремительной и энергичной, не умѣютъ дорожить временемъ, что хотя и находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ нашею общественною отсталостью, но тѣмъ не менѣе очень грустно. Наша интеллигенція, въ силу особыхъ летаргическихъ условій, привыкла работать не торопясь, по-весьма зловредной теоріи „лучше нѣчто, чѣмъ ничто". За единственнымъ исключеніемъ неутомимаго „Посредника", всѣ наши интеллигентныя книгоиздательства выпускаютъ на книжный рынокъ maximum по пяти или по восьми книжекъ въ годъ, какъ бы не торопясь жить и дѣйствовать. Правда, медленность работы нашей интеллигенціи объясняется и условіями, въ которыхъ находится эта работа и при которыхъ неизмѣримо громадныя силы тратятся на борьбу со всевозможными мелкими препятствіями, ничего общаго не имѣющими съ пользой самаго дѣла, и стѣсняющими какъ количество культурныхъ центровъ, такъ и районъ и степень дѣятельности каждаго. Но, помимо внѣшней стороны дѣла есть еще сторона внутренняя, такъ сказать психологическая, въ силу которой, какъ извѣстно изъ исторіи, препятствія могутъ не только помѣшать работѣ, но и вызвать къ дѣятельности новыхъ и новыхъ работниковъ, возбудить въ нихъ тѣмъ большую энергію, придать имъ тѣмъ большія силы, чѣмъ нужнѣе для народной жизни ихъ работа, чѣмъ яснѣе въ нихъ сознаніе, что если они не сдѣлаютъ, такъ и никто не сдѣлаетъ или же сдѣлаетъ... не-

много погодя,—въ слѣдующую геологическую эпоху. Дѣятельность С.-петербургскаго комитета грамотности особенно поучительна именно съ этой психологической стороны. Ни одно частное общество, когда-либо существовавшее въ Россіи, не успѣло сдѣлать въ такой короткій промежутокъ времени такъ много, не сумѣло вызвать къ общественно-полезной дѣятельности столько молодыхъ и свѣжихъ силъ, не дало также блестящаго доказательства, что народное просвѣщеніе *можетъ* и должно развиваться лишь при единственномъ условіи—при условіи общественной самодѣятельности, регулируемой широкимъ общественнымъ же контролемъ. При этомъ условіи, какъ извѣстно и изъ исторіи, общественно-полезное дѣло никогда не страдаетъ отъ недостатка рабочихъ силъ, и успѣхъ его, можно сказать, бываетъ обезпеченъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе люди, какъ будто ужъ и отвыкли и отъ широты размаха, и вообще отъ всего, что мало-мальски выходитъ изъ обычной и, кстати сказать, всѣмъ опротивѣвшей колеи. Не привыкли мы и коренные вопросы ставить ребромъ и рѣшать ихъ положа руку на сердце. „Полезно народное образованіе и просвѣщеніе или не полезно?"—„Полезно, да, но..." Затѣмъ являются одно „но" за другимъ и дѣло сводится въ концѣ-концовъ на нѣтъ,—для всѣхъ, даже очень ограниченныхъ умовъ сводится на нѣтъ, хотя такіе quasi-друзья народнаго просвѣщенія все еще твердятъ и доказываютъ пользу народнаго образованія. И въ этомъ отношеніи исторія С.-Петербургскаго комитета грамотности чрезвычайно поучительна. Какъ будто бы онъ и есть, а какъ будто бы его и нѣтъ, какъ будто бы онъ тутъ, какъ будто бы и не тутъ, какъ будто бы дѣйствуетъ и обдумываетъ что-то значительное, а какъ будто бы и спитъ и думать ему не полагается... Порывъ широкой общественной дѣятельности,—время устройства цѣлыхъ сотенъ библіотекъ по глухимъ селамъ и деревнямъ, время разбрасыванія сотенъ тысячъ книгъ тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, вплоть до Камчатки включительно,—какъ будто бы прошелъ. Вмѣсто людей „не степенныхъ" пришли люди степенные, сѣли и заснули, размышляя о пользѣ образованія и другихъ полезныхъ вещахъ. Комитетъ издалъ пятьдесятъ хорошихъ книжекъ по беллетристикѣ—фактъ, кажется, говоритъ самъ за себя,—не о немъ шумятъ, онъ самъ шумитъ, если можно такъ выразиться. Каждая вновь вышедшая народная книжка интересна не какъ таковая, сама по себѣ, а какъ выразительница цѣлой группы чрезвычайно сложныхъ общественныхъ отношеній. Оторвать такую-то книжку отъ издателя и его міровоззрѣнія такъ же мудрено, какъ оторвать ее отъ читателя и міровоззрѣнія его. „Скажи мнѣ, что ты издаешь или изъ чего состоитъ излюбленное тобою чтеніе, и я скажу, кто ты". Правда, физіономіи нѣкоторыхъ издателей испорчены, словно злокачественными волдырями, цѣлымъ рядомъ изданныхъ ими дурныхъ книжекъ, но для физіономіи, вѣдь, характерны и волдыри... Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности, за самыми немногими исключеніями, цѣнны, между прочимъ, и тѣмъ, что всѣ они проникнуты единымъ общимъ духомъ, чуждымъ даже какой-либо тѣни человѣконенавистничества, мракобѣсія, злонамѣреннаго втиранія очковъ того или иного цвѣта. Всѣ изданія С.-Петербургскаго комитета проникнуты единою общею идеей широкой христіанской гуманности, уваженія къ человѣческому достоинству, какъ къ таковому, безъ всякаго отношенія къ табели о рангахъ, къ труду и трудящимся, къ свободной работѣ мысли и дѣятельности, въ основѣ которой лежитъ безкорыстная любовь къ трудящемуся классу. Въ за-

слугу комитету слѣдуетъ поставить и то, что онъ считалъ своимъ долгомъ ручаться за идейное содержаніе изданныхъ имъ книжекъ, что онъ совершенно чуждъ воззрѣній на эти книжки, какъ на болѣе или менѣе ходкій товаръ. У насъ многія книги не расходятся на рынкѣ потому, что читатели не рѣшаются ихъ покупать, не имѣя никакого понятія объ ихъ качествахъ. Этимъ отчасти объясняется большой успѣхъ на книжномъ рынкѣ изданій комитета, успѣвшаго заслужить въ весьма короткое время широкое и искреннее довѣріе русскаго общества. Къ числу симпатичныхъ сторонъ комитетскихъ изданій слѣдуетъ отнести еще тотъ фактъ, что, издавая народныя книжки, комитетъ не смотритъ на своего читателя сверху внизъ, не коверкаетъ ради него произведеній такихъ-то авторовъ; онъ даетъ эти произведенія такими, каковы они вышли изъ-подъ пера этихъ авторовъ. Комитетъ, прежде всего, ставитъ своею задачей удешевленіе книги и приближеніе ея къ читателю изъ народа, понимая подъ народной беллетристическою книжкой—книжку дешевую. Въ этомъ отношеніи имъ сдѣланы поразительные успѣхи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Полное собраніе басенъ Крылова*—весьма изящное изданіе со множествомъ оригинальныхъ изящныхъ рисунковъ (почти къ каждой баснѣ по рисунку). Изъ всѣхъ изданій басенъ Крылова, появившихся въ позапрошломъ году на книжномъ рынкѣ, принимая въ разсчетъ изящество и дешевизну изданія, на первомъ мѣстѣ по справедливости нужно поставить изданіе комитета (35 к. за 300 стр.). Нельзя не удивиться, что это изданіе не вошло въ число книгъ, допущенныхъ въ среднія и низшія учебныя заведенія министерствомъ народнаго просвѣщенія, чего удостоились даже басни Крылова, изданныя „Чит. народной школы“ и неизмѣримо уступающія первому. Вообще говоря, новыя изданія комитета вездѣ показываютъ значительное пониженіе цѣны. Наприм., въ прежнихъ изданіяхъ *Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ* стоилъ 15 коп., теперь онъ изданъ (пересмотрѣнный и дополненный В. А. Шляпкинымъ) всего за *6 коп.* безъ всякаго ухудшенія внѣшней стороны изданія. *Кавказскій плѣнникъ* и *Гдѣ любовь, тамъ и Богъ* Л. Толстого въ прежнихъ изданіяхъ стоили 20 к. (по 10 к.), теперь оба эти разсказа изданы за 3 к.; *Соловки* Немировича-Данченко—вмѣсто 12 к. за 6 к., и т. д. Объясняется это тѣмъ, что изданія комитета, сбытъ которыхъ обезпеченъ благодаря довѣрію къ нему со стороны общества, стали печататься въ громадномъ количествѣ экземпляровъ (до 16,000 и болѣе *). Просматривая вновь вышедшія книги, необходимо отмѣтить, во-первыхъ, тотъ пріятный фактъ, что комитетомъ пущена, такъ сказать, въ обращеніе масса свѣжаго матеріала, еще не попадавшаго до сихъ поръ въ число изданій для народа (изъ сочиненій Бьернсона, Золя, Д. Верга, Амичиса, Вовчка, В. Короленка, Ф. Нефедова и др.). На одно изъ первыхъ мѣстъ по той общественной идеѣ, которая его проникаетъ, необходимо поставить разсказъ Ф. Нефедова *Гоньчъ*. Герой этого разсказа восьмидесятилѣтній старикъ, старообрядецъ, радѣтель за своихъ и за „міръ“ и за просвѣщеніе, хранитель древляго благочестія и мірской правды. *Судный день*, сказка В. Короленка, ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ, разумѣется, въ отрицательномъ смыслѣ, лучше ли кулакъ-русскій, чѣмъ

---

*) Нѣкоторыя вышли уже вторымъ изданіемъ, напрям. *Донъ елки* К. Станюковича, *Зимовье на Студеной* Д. Мамина-Сибиряка, *Басни* Крылова, *Между матросами (Матросскій линчъ)* К. Станюковича и др. См. нашъ отзывъ въ *Русск. Мысли* 1894 г.

кулакъ-еврей, и насколько вопросъ о кулакѣ — вопросъ національный, а не экономическій? Великолѣпны три разсказа А. Додэ: *Послѣдній урокъ*, *Партія на бильярдѣ* и *На паромѣ*. Первый разсказъ представляетъ изъ себя небольшую, но яркую картинку изъ жизни Эльзаса въ тотъ самый моментъ, когда вышло постановленіе имперскаго правительства вести преподаваніе въ эльзасскихъ школахъ на нѣмецкомъ языкѣ (вмѣсто французскаго),—впечатлѣніе, произведенное на эльзасцевъ этимъ постановленіемъ, и смыслъ его. Второй разсказъ—*Партія на бильярдѣ* одного французскаго фельдмаршала, большого любителя бильярдной игры, въ то самое время, когда солдаты мокнутъ подъ дождемъ, сражаются и терпятъ пораженіе отъ нѣмцевъ. Въ разсказѣ *На паромѣ* авторъ противопоставляетъ истиннаго патріота—квасному патріоту буржую. *Маленькій разсказъ* Дж. Верга кратко, но ярко рисуетъ ужасы войны. *Клейменый рыжій*, разсказъ того же автора, рисуетъ тяжелое положеніе итальянскаго рабочаго, который трудится и погибаетъ, какъ животное... Въ разсказѣ Э. де-Амичиса *Мать* трогательно описывается свиданіе матери съ сыномъ-солдатомъ; эта встрѣча и составляетъ содержаніе разсказа. Изъ сочиненій Ж. Зандъ комитетомъ изданы переводы романовъ *Чортово болото* и *Чародѣйка (La petite Fadette)*. Какъ извѣстно, эти романы относятся къ тому періоду дѣятельности Ж. Зандъ, когда она увлекалась изображеніемъ деревенской жизни; познакомиться съ жизнью крестьянъ французскихъ, разумѣется, очень даже не мѣшаетъ и русскимъ. Разсказъ Э. Золя *Наводненіе* также рисуетъ яркую картину изъ крестьянской жизни въ департаментѣ Гаронны,—картинку мужицкаго благополучія, разрушаемаго слѣпою, стихійною силой воды. *Великанъ Іеусъ*, сказка Ж. Зандъ (изъ ея *Бабушкиныхъ сказокъ*) даетъ картину борьбы человѣка съ природой,—картину борьбы „за плодородіе земли" и побѣды. Въ этой сказкѣ, какъ и въ другой того же автора *(Крылья мужества)*, чудесному, фантастическому элементу отведено самое скромное мѣсто. Въ этой послѣдней сказкѣ (изданной тоже безъ всякихъ сокращеній въ хорошемъ переводѣ М. Д. Никоновой) авторъ рисуетъ влеченіе къ свободной и самостоятельной жизни среди природы. Изъ жизни крестьянъ англійскихъ или, вѣрнѣе, фермеровъ-арендаторовъ, взятъ сюжетъ романа М. Вудсъ *Деревенская драма*. Впрочемъ, фермерская жизнь составляетъ лишь общій фонъ романа, тогда какъ содержаніемъ его служитъ любовь двухъ пролетаріевъ—фермерскаго работника и фермерской воспитанницы. Общественное мнѣніе обрушивается на ихъ „незаконную" любовь,—незаконную потому, что герой и героиня не стояли подъ вѣнцомъ. За день до свадьбы первый попадаетъ случайно подъ поѣздъ, а героиня, будучи не въ силахъ вынести на себѣ гнетъ общественнаго мнѣнія, которое и сама она признаетъ несправедливымъ и безсмысленнымъ, не видя предъ собой ничего свѣтлаго, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Съ этимъ романомъ М. Вудсъ интересно сопоставить повѣсть А. Потѣхина *Хай дѣвка*, уже не впервые появляющуюся въ народномъ изданіи. Героиня этой послѣдней повѣсти, какъ извѣстно, энергично отстаиваетъ свое право любить кого она хочетъ и распоряжаться собственною своей судьбой, сообразуясь со своей волей, а не съ общественнымъ мнѣніемъ. Та же мысль лежитъ въ основѣ повѣсти Бьернсона *Свадебный маршъ*, хотя авторъ беретъ вопросъ съ нѣсколько другой стороны. Авторъ защищаетъ право дѣвушки самой выбирать себѣ мужа и показываетъ, что въ основѣ брака и семьи должна лежать любовь, а не насиліе, въ какой бы формѣ оно ни выража-

лось и какое бы названіе ни носило. Къ серіи этихъ же книгъ на семейно-общественныя темы относится комедія А. Потѣхина *Отрѣзанный ломоть*, принадлежащая къ раннимъ произведеніямъ этого автора. Какъ извѣстно, дѣйствующія лица этой комедіи, съ одной стороны, люди старые, деспотъ отецъ, съ другой—новые люди, его сынъ, затѣмъ нѣкто Денкинъ, мировой посредникъ. Содержаніе пьесы—борьба отцовъ и дѣтей на почвѣ семейныхъ отношеній; дѣти борятся за свое право жить и любить. Разсказъ Нефедова *Свекоръ* касается одной изъ темныхъ сторонъ крестьянской семейной жизни—снохачества, и рисуетъ тяжелое положеніе крестьянской женщины, преслѣдуемой свекромъ. Разсказъ Марка Вовчка *Павло Чорнокрылъ* (уже извѣстный по изданію *Посредника*) рисуетъ мрачную картину семейнаго деспотизма,—деспотизма мужа, который всячески тиранитъ и, наконецъ, убиваетъ свою немилую жену, чтобы жениться на другой дѣвушкѣ, но въ концѣ концовъ самъ погибаетъ подъ гнетомъ своей собственной совѣсти. Вопросовъ воспитанія касаются два изданія комитета,—прекрасный разсказъ Станюковича *Нянька* (изъ *Морскихъ силуэтовъ*, о которыхъ уже данъ отчетъ на страницахъ этого журнала) и разсказъ Уйда *Маленькій Графъ* (изъ *Сказокъ* Уйда). Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ маленькій представитель славнаго и стариннаго рода бѣжитъ отъ своихъ нянюшекъ и тетушекъ, опекуновъ и опекуншъ, усердно дѣлающихъ изъ него чопорную и пустую куклу, набитую никому не нужными знаніями и мертворожденными сентенціями. Въ концѣ концовъ даже временное удаленіе отъ тетушекъ и краткая жизнь на свободѣ, среди бѣднаго люда, среди униженныхъ и угнетенныхъ, оказываетъ на чуткую дѣтскую душу самое свѣтлое и благотворное вліяніе. Развращающему вліянію денегъ на психику человѣка посвящены, во-первыхъ, появившійся въ дешевомъ изданіи комитета романъ А. Потѣхина *Около денегъ* (25 к. за 264 стр.) и драма того же автора *Чужое добро въ прокъ не идетъ*. Содержаніе ихъ настолько извѣстно, что пересказывать ихъ было бы излишне. *Скряга Скруджъ*, святочный разсказъ Ч. Диккенса, появляется въ народномъ изданіи не впервые. Изданіе комитета снабжено многочисленными рисунками. На ту же психологическую тему вліяніе денегъ на душу человѣка написанъ разсказъ неизвѣстнаго автора *На морскомъ берегу*. Герой этого разсказа—несчастный, отверженный человѣкъ, грабитель труповъ, выброшенныхъ моремъ. Единственная страсть, еще не умершая въ немъ—страсть къ деньгамъ; единственное живое существо, питающее къ нему доброе чувство, одна пожилая женщина, проводящая остатки своихъ дней въ одиночествѣ. Въ погонѣ за деньгами, грабитель труповъ убиваетъ мужа этой женщины, котораго онъ не зналъ. Когда для него раскрывается то, что онъ сдѣлалъ,—онъ бросаетъ свои накопленныя такимъ путемъ деньги въ волны моря, а самъ кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Въ изданія комитета вошелъ цѣлый рядъ книжекъ на тему „какъ люди умираютъ". Сюда относится, во-первыхъ, повѣсть Л. Толстого *Смерть Ивана Ильича* (издана за 5 коп.),—смерть „чистаго господина"; во-вторыхъ, извѣстное произведеніе В. Гюго *Послѣдній день приговореннаго къ смерти* (существуетъ въ дешевомъ изданіи А. Суворина и „Семейной библіотеки"),—горячій, художественный протестъ противъ величайшаго насилія человѣка надъ человѣкомъ; въ-третьихъ, наконецъ, рядъ картинокъ Э. Золя *Какъ умираютъ* (аристократъ, представитель крупной и мелкой буржуазіи, смерть въ рабочей семьѣ, смерть крестьянина). Картинки, нарисованныя умѣлою рукой Золя, на-

водятъ на мысли не только о человѣческой смерти, но и о человѣческой жизни въ разныхъ слояхъ общества.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ дешевыхъ народныхъ изданіяхъ прекрасныхъ повѣстей А. Потѣхина *На міру*, Э. Амичиса *Учительница*, М. Вовчка *Маруся*. Героиня послѣдней повѣсти—маленькая дѣвочка, умирающая во время своего служенія несчастной родинѣ. Идейная жизнь и идейная смерть производятъ на читателя сильное, даже потрясающее впечатлѣніе. Что касается до разсказа Бьернсона *Два дѣятеля*, то по-русски онъ появляется, повидимому, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, вслѣдствіе чего производитъ на читателя нѣсколько двойственное впечатлѣніе. Оба дѣятеля ставятъ на первый планъ свое „я", оба терпятъ крушеніе, но одерживаетъ въ концѣ концовъ побѣду тотъ, кто первый отрѣшается отъ своего я, оба „познаютъ въ несчастіи истинную цѣну привязанностей и благодарностей людей". Мысль книжки понятна сама собою, но проведена въ русской книжкѣ она не отчетливо.

Что касается до повѣсти А. Котса *Дочь миссіонера* въ переводѣ Л. Мея, то, вѣроятно, она попала въ число изданій Петербургскаго комитета по недосмотру. Невѣроятные люди, невѣроятныя событія, напыщенныя фразы, курьезный языкъ: вмѣсто „скальпа" чубъ (стр. 55), „клещистыя руки" (стр. 76), и т. д.

Къ числу серьезныхъ недостатковъ изданій слѣдуетъ отнести подстрочныя примѣчанія, которыми снабжены всѣ книжки и которыя объясняютъ иностранныя слова, встрѣчающіяся въ текстѣ. Редакція изданій разумно сдѣлала, что оставляла языкъ книгъ безъ перемѣнъ, но необходимо было обратить на примѣчанія побольше вниманія и не скупиться на нихъ.

Изъ предыдущаго видно, что издательская дѣятельность Петербургскаго комитета грамотности прекращается въ самомъ своемъ разгарѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, повторяемъ, мы не знаемъ другого частнаго общества въ Россіи, которое за такой короткій промежутокъ времени сдѣлало бы такъ много.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство", *май* и *іюнь*.—„Вѣстникъ Европы", *іюнь* и *іюль*. — „Сѣверный Вѣстникъ", *іюнь* и *іюль*.

Съ тѣхъ поръ, какъ по поводу романа г. Баранцевича *Борцы* мы отмѣтили нѣкоторыя изъ чертъ психологіи уличной толпы, состоящей изъ людей, выбитыхъ изъ насиженнаго гнѣзда, изъ наѣзжанной колеи, жизнь дала ужасающую иллюстрацію такой психологіи... Само собой разумѣется, что говорить о страшномъ событіи мы не будемъ, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ компетенціи журнальнаго обозрѣвателя. Приведемъ только мнѣніе обозрѣвателя *Вѣстника Европы* для того, чтобы потомъ связать высказанныя имъ идеи съ разборомъ окончанія романа г. Баранцевича.

„Сдерживать и управлять людскимъ моремъ, — говоритъ обозрѣватель, — можетъ только внутренняя дисциплина, порождаемая наслѣдственностью культурныхъ нравовъ. Такой дисциплины слишкомъ мало въ русской толпѣ, даже тогда, когда она не смущена, не взволнована, не охвачена ни паникой, ни подозрительностью, ни гнѣвомъ. Сразу создать навыки, развивающіеся вѣками, немыслимо; но возможно

ускорить и усилить дѣйствіе причинъ, ведущихъ къ ихъ созданію. Къ числу такихъ причинъ никакъ не принадлежитъ *страхъ*. Этого страха у насъ достаточно; надъ его распространеніемъ и обостреніемъ трудилась почти вся русская исторія, и продолжительный опытъ убѣждаетъ въ томъ, что гарантіей порядка въ чрезвычайныхъ случаяхъ страхъ служить не можетъ. Наоборотъ, подъ господствомъ страха грубѣютъ нравы; а грубость толпы — постоянная угроза общественной безопасности и общественному спокойствію".

Страхъ, какъ общественно-психологическій мотивъ, какъ соціальная сила, порождаетъ не только грубость нравовъ, но и цѣлый рядъ сложныхъ общественныхъ явленій, кульминаціоннымъ пунктомъ которыхъ является своего рода общественный фетишизмъ, преклоненіе предъ силой, какого бы то ни было рода, хотя бы это была сила борца, колдуна, велосипедиста и т. п. Въ майской книгѣ *Русскаго Богатства* г. Короленко (*Современная самозванщина*) очень вѣрно отмѣтилъ эту черту народной психологіи или, вѣрнѣе сказать, психологіи толпы.

„Самыя мрачныя страницы нашей исторіи, — говоритъ г. Короленко, — связаны съ мотивомъ самозванства и хлестаковщины въ смыслѣ присвоенія власти. Свирѣпая фигура Пугачева и геніально лгущій Хлестаковъ—это два крайнихъ олицетворенія одного и того же самобытнаго русскаго мотива... *Страхъ* и суевѣріе — вотъ два основные элемента, изъ которыхъ выростаетъ это явленіе. Суевѣріе религіозное дѣлаетъ изъ религіи свѣта и надежды религію страха, суевѣріе гражданское заставляетъ робко преклоняться не предъ закономъ и правомъ, а предъ всякимъ, кто крикнетъ погромче".

Пропуская предъ читателемъ цѣлую галлерею самозванцевъ „прозванія духовнаго", авторъ останавливается на личности нѣкоего Пети изъ Ставропольскаго уѣзда. Этотъ деревенскій страдалецъ (калѣка и слѣпой), чистый сердцемъ и темный головой схоластикъ — истинный представитель застоявшейся мудрости прошлыхъ вѣковъ, — мудрости, отрицающей всю культурную жизнь до самыхъ ея основъ... „Было бы жестокою клеветой, — продолжаетъ г. Короленко, — отождествлять мудрость Пети съ мудростью народной. Да и что такое народная мудрость? Народъ не есть что-либо единое, и его мудрость есть комплексъ идей, необыкновенно сложный, однимъ концомъ примыкающій къ нашему міровоззрѣнію, а другимъ—теряющійся въ сумракѣ вѣковъ. Вопросъ не въ качественномъ различіи какихъ-то двухъ специфическихъ мудростей, а въ различной возможности удовлетворять стремленію къ познанію міра, освобождающему душу отъ *страха*. Съ этой точки зрѣнія представляется чистѣйшимъ недоразумѣніемъ идеализація мистической *страннической* философіи,—идеализація, отъ которой не вполнѣ свободны даже прогрессивныя теченія нашей литературы"... „Мы переживаемъ теперь, — продолжаетъ авторъ, — знаменательную переходную эпоху нашей народно-общественной жизни. А всякая переходная эпоха отмѣчается всегда глубокими колебаніями и противорѣчіями. Въ литературѣ аксіомы внезапно становятся вопросами, а въ народной массѣ тревожно встаютъ и заявляютъ о себѣ отживающіе свой вѣкъ призраки старыхъ временъ. И это совпаденіе не случайное. Всюду, гдѣ общественный барометръ падаетъ слишкомъ быстро и горизонтъ заволакивается тучами, изъ взволнованнаго народнаго моря проглядываетъ внезапно все еще слишкомъ сильная фантастическая мудрость доисторическихъ временъ. Тѣ самые люди, въ которыхъ мы замѣчали терпимость и даже стремленіе впередъ, становятся доступны голосу изувѣр-

ства. Въ спокойное время народъ склоненъ учиться и думать вмѣстѣ съ нами, а въ тревожныя мгновенія своей жизни онъ склоняетъ слухъ къ шипѣнію старицъ".

Мы нѣсколько уклонились, можетъ быть, въ сторону отъ романа г. Баранцевича, хотя и не совсѣмъ уже такъ въ сторону. Правда, мы не время паденія барометра, не время собиранія грозовыхъ тучъ имѣемъ въ виду, а совсѣмъ обычное спокойное теченіе дѣлъ и событій, время ничѣмъ и никѣмъ не тревожимое. Но дѣло-то въ томъ, что въ психологіи толпы во всякое время мотивъ страха, какъ общественной производящей силы, дѣйствуетъ одинаково во всякія времена, тревожныя и нетревожныя, порождая, конечно, весьма различныя явленія. Послѣдняя часть формулы, о которой мы говорили въ прежнемъ нашемъ обозрѣніи: хлѣба и зрѣлищъ,—несомнѣнно вызывается, въ концѣ-концовъ, не только разнузданностью звѣрскихъ инстинктовъ, а и этимъ могучимъ общественнымъ мотивомъ—страхомъ, заставляющимъ толпу искать и создавать себѣ кумировъ, идоловъ, каковы бы эти идолы ни были, отъ бѣлаго генерала до атлета или героя спорта включительно. Тому самозванству, стремившемуся къ захвату власти, основанной на страхѣ, о которомъ говоритъ г. Короленко, въ психіи толпы соотвѣтствуетъ стремленіе поклоненія фетишу, герою, вождю, котораго она *боится,* потому что хочетъ бояться и не можетъ не бояться.

Съ другой стороны, толпа жаждетъ жизни и силы, которая присуща жизни... Но ея психическая жизнь настолько переполнена всяческими, вѣками создаваемыми, страхами, что она не можетъ еще дойти до яснаго сознанія, что жизнь-то—въ ней, что сила жизни принадлежитъ ей же. И вотъ она ищетъ силу во внѣ себя, хотя и признаетъ эту силу въ нѣкоторой степени своей представительницей. Поклоняясь силѣ, создавая себѣ идола, она поклоняется себѣ самой, своимъ инстинктамъ и, прежде всего, своему неосмысленному и несознанному стремленію къ ширинѣ и яркости жизни. Потому-то въ разныхъ дикихъ дѣяніяхъ толпы видѣть только одну разнузданность, одну дикость, одно отсутствіе моральной дисциплины—намъ и представляется не вполнѣ вѣрнымъ. Нѣтъ, въ этомъ созданіи себѣ фетишей, въ этойараждѣ зрѣлищъ бьется живой пульсъ настоящей, подлинной жизни, но жизни людей, бродящихъ во мракѣ, переполненныхъ нелѣпыми страхами и не сознающихъ еще своей силы, какъ массы, и всей законности своихъ эмоціональныхъ стремленій.

Недостатокъ романа *Борцы* мы и видимъ, главнымъ образомъ,—помимо техническихъ недостатковъ, на которые мы уже имѣли случай указывать,—въ томъ, что авторъ не могъ схватить этой стороны вопроса, что въ стремленіи толпы къ зрѣлищамъ онъ не усмотрѣлъ этой черты законности требованій толпы, жаждущей полноты жизни, при неосмысленности самосознанія толпы, какъ силы. Картина послѣдней борьбы, въ которой погибаетъ знаменитый борецъ Капитонъ, нарисована замѣчательно яркими красками, но она является неполной и недостаточной именно потому, что на первый планъ г. Баранцевичъ выдвигаетъ чисто-животные, а не человѣческіе мотивы. Правда, авторъ отмѣчаетъ, что „толпа, вѣчно алчущая видѣть и прославлять однихъ побѣдителей, готова была въ одну минуту сорвать ореолъ славы съ головы своего любимца и покрыть имъ его соперника, но онъ не придаетъ важности этому моменту въ психологіи толпы и не прослѣживаетъ его до его конечныхъ выводовъ, до безсознатель-

наго чувства своей собственной силы и до страха, мѣшающаго такому безсознательному чувству стать сознательнымъ стремленіемъ.

За то авторъ очень удачно отмѣчаетъ другую сторону настроенія толпы, ея издѣвательство надъ своими прежними идолами, надъ тѣмъ, что было когда-то силой, передъ которой толпа такъ недавно преклонялась, а теперь, когда это перестало быть силой, съ азартомъ топчетъ ногами. Мы уже указывали на довольно удачную фигуру кутилы-идеалиста, графа, представителя стараго, уничтоженнаго жизненнаго уклада. Такъ вотъ этотъ графъ, присутствуя при разнузданно-дикихъ проявленіяхъ стремленія толпы къ зрѣлищамъ, больной и разбитый, шепчетъ: „мой бѣдный народъ, что вы сдѣлали съ моимъ бѣднымъ народомъ?“ Какъ ни комичны съ перваго взгляда эти слова въ устахъ бездомнаго обломка старой культуры, но нельзя отрицать его права на произнесеніе ихъ. Да, это его или ихъ, представителей старой культуры, народъ; эта толпа не только до извѣстной степени создана ими, но и создала ихъ, сдѣлавъ изъ нихъ и изъ той культуры, представителями которой они являются, фетишъ, идола. Эта культура была когда-то силой, которую толпа ненавидѣла и которой поклонялась, потому что жаждала и жаждетъ поклоняться всякой силѣ, кромѣ силы, присущей ей самой, ибо у ней еще нѣтъ сознанія о существованіи этой послѣдней. А теперь, когда на сценѣ народнаго кабака поютъ куплеты: „Бывало“,—толпа апплодируетъ и требуетъ новаго и новаго повторенія „куплетовъ“. Казалось, ей мало было тѣхъ насмѣшекъ и униженій, которыя были въ пропѣтыхъ куплетахъ, и она требовала еще, какъ бы желая насладиться казнью.

Казнь,—шепталъ графъ,—казнь до конца! Такъ нужно... и этого слѣдовало ожидать.

Народъ не знаетъ искупленія,—онъ или любитъ или казнитъ—сегодня меня, завтра этого купца. И тому придетъ своя очередь!

До сихъ поръ намъ приходилось говорить о фетишахъ толпы, созданныхъ страхомъ. Теперь въ концѣ романа г. Баранцевича передъ нами тоже фетишъ, но созданный уже не страхомъ, а противоположнымъ ему чувствомъ, являющимся или, вѣрнѣе сказать, могущимъ явиться тоже могущественной общественной силой, надеждой. Этотъ фетишъ—фетишъ не уличной толпы, а толпы интеллигентной,—деревня съ ея яко бы *святымъ* трудомъ, наслажденіемъ и прочими невиданными въ реальной деревнѣ прелестями. Въ концѣ своего романа авторъ спасаетъ своего героя, павшаго борца Капитона, посылая къ нему отца, несравненнаго, благообразнаго, спокойно сильнаго, уравновѣшанно-гуманнаго мужичка,—однимъ словомъ, фигуру столь идеальную, что при чтеніи о ней во рту чувствуется нѣкоторый привкусъ лакрицы. Авторъ, заставляя своего идеальнаго мужичка отвѣчать на слова сына: „что же ты, батюшка, не спрашиваешь меня, какъ я жилъ?“—такими елейными словами: „чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по-Божески жилъ, чего спрашивать, а худо жилъ, несправедливо—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ“ — подаетъ читателю надежду на моральное выздоровленіе Капитона въ освѣжающей атмосферѣ „правды“ деревенскихъ отношеній. А своими разсужденіями о деревенскомъ воздухѣ и деревенскомъ молочкѣ успокоиваетъ читателя относительно физическаго поправленія блуднаго сына деревни. Эхъ, кабы устами г. Баранцевича да медъ пить!

И однако, не вѣрится какъ-то, что мы въ самомъ дѣлѣ будемъ этотъ медъ пить. Вѣдь, не кто же иной какъ эта самая всеисцѣляю-

шая деревня, несмотря на ея молочко; на ея воздухъ, на правду ея отношеній, на святость земледѣльческаго труда—наслажденія, выбросила Капитона и выбрасываетъ сотни и тысячи блудныхъ сыновъ изъ своей среды. Или, можетъ быть, это выбрасыванье только блажь, только баловство блудныхъ сыновъ, не умѣвшихъ цѣнить счастья труда—наслажденія и деревенской правды? Можетъ быть. А что, если именно эта блажь, это баловство и есть настоящая, подлинная человѣческая правда? Куда тогда мы съ г. Баранцевичемъ съ своимъ фетишемъ дѣнемся?

Безспорно, что надежда, какъ соціальная сила, будетъ куда повыше страха, какъ таковой же силы. Безспорно, что фетиши, создаваемые первой, много человѣчнѣе и отраднѣе фетишей, создаваемыхъ вторымъ, потому что первые фетиши—это идеалъ, а вторые—грубая сила. Но неужели совсѣмъ безъ фетишей нельзя? Неужели нужна для правильнаго человѣческаго развитія только замѣна страха надеждой, а не развитіе самосознанія хотя бы той же толпы? Вѣдь, самосознаніе—это, прежде всего, самоопредѣленіе, т.-е. опредѣленіе предѣловъ своей собственной, присущей толпѣ силы, и, между прочимъ, опредѣленіе ея предѣлами идеала, порождаемаго надеждой. Такъ не вѣрнѣе ли такой путь самосознанія толпы, чѣмъ путь созданія интеллигенціей фетиша, хотя бы и самаго возвышеннаго?

Читатель, разумѣется, не можетъ ожидать, чтобы въ разбираемыхъ нами книгахъ, журналахъ и въ особенности въ журнальной беллетристикѣ, которой намъ приходится почти всецѣло посвящать свое вниманіе, встрѣтился обильный или даже сколько-нибудь достаточный матеріалъ для обсужденія занимающаго насъ теперь вопроса о самоопредѣленіи толпы, о выходѣ изъ дилеммы: или фетишъ толпы — грубая сила, или фетишъ народнической интеллигенціи—идеальная, мечтательная и, вѣроятно, нигдѣ теперь въ дѣйствительности не существующая деревня. Но все же кое-какіе хотя бы намеки на существованіе такого выхода иногда встрѣчаются и въ нашей, довольно-таки скудной по этому вопросу, литературѣ. Вотъ, наприм., нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Михайловскимъ (*Литература и жизнь*—іюнь) о дѣятельности Невскаго общества. Для занимающаго насъ вопроса особый интересъ представляютъ отвѣты на поставленные обществомъ вопросы о вліяніи устраиваемыхъ имъ народныхъ развлеченій. Отвѣты эти идутъ отъ несомнѣнныхъ представителей толпы. Тутъ мы встрѣчаемъ все блудныхъ сыновъ деревни, выброшенныхъ ею изъ своихъ единоспасающихъ яко бы нѣдръ: слесарей, плавильщиковъ, столяровъ, фабричныхъ работницъ и проч. И какимъ радостнымъ вѣяніемъ молодой, свѣжей, неизжитой еще жизни вѣетъ отъ нихъ! Какая могучая жажда жизни! Какое страстное и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивое стремленіе къ правдѣ, къ идеалу въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ самосознанію, къ опредѣленію того, что составляетъ настоящую, движущую, прогрессивную силу человѣческаго существованія! Эти отвѣты просто трогательны. Именно трогательны,—другого эпитета мы не придумаемъ,—по своей кроткой и вмѣстѣ съ тѣмъ разумной наивности, нетронутости, вѣрѣ въ силу знанія, по своей надеждѣ на Бога жизни, на жизнь, на людей. Трогателенъ въ своихъ заявленіяхъ даже желчный крестьянинъ, рабочій на чугунномъ заводѣ, который говоритъ, что „развлеченія въ матеріальномъ отношеніи не очень. Можетъ быть, вамъ кажется и дешево, но и мы не дороги"... и „съѣстные припасы, можетъ быть, и удовлетворительны, но я ихъ не ѣдалъ, а по чужому вкусу судить плохо".

„Вотъ, наприм., отзывъ ткача, унтеръ-офицера, о двухъ разрядахъ лицъ въ комедіяхъ: ко второму разряду принадлежатъ люди образованные, милостивые, благодѣтельные (развѣ не трогательно такое отождествленіе? И развѣ оно не представляетъ крупнѣйшаго фактора развитія и орудія для воздѣйствія?) стараются подѣлиться своимъ знаніемъ и средствами, и даже не дорожатъ собою для того только, чтобы послужить на пользу человѣчеству".

Да, и мы знали когда-то такія слова. Знали и почти забыли. А теперь вонъ откуда они раздаются!

А вотъ вамъ отзывъ дѣвушки-работницы,—отзывъ прямо прелестный по своей разумности и почти дѣтской чистотѣ. „Придешь въ театръ—и такъ слушаешь, что не видишь ничего, кромѣ сцены. Вся уйдешь въ то, что видишь и слышишь. На работу встаешь съ свѣжей головой и весело принимаешься за работу. (Умѣемъ ли мы такъ слушать? Встаемъ ли мы такъ послѣ посѣщенія театра?) И подумаешь: будутъ ли когда всѣ люди такими, какъ, наприм., въ *Доходномъ мѣстѣ* тотъ молодой человѣкъ, который хотѣлъ жить трудомъ, а не взятками. Или будутъ ли когда-нибудь *всѣ* такими умными и честными, какъ Чацкій, чтобы некому было смѣяться надъ умниками"... (Какая тонкость пониманія! И какая требовательность у этихъ людей толпы, ищущихъ своего самоопредѣленія. *Всѣ*, непремѣнно *всѣ*. На меньшемъ толпа не помирится...) А дальше совсѣмъ по-женски прелестно: „театръ и меня исправилъ отъ одного недостатка" (осужденія подругъ).

Милая дѣвушка! Да, эти люди умѣютъ чувствовать такъ, какъ и мы когда-то умѣли, да, къ сожалѣнію, забыли.

Не однѣ женщины исправляются отъ своихъ довольно невинныхъ недостатковъ, а и мужчины. Одинъ мастеровой пишетъ: „Все это видѣвши, оно завсегда живо представляется, и ты хотѣлъ бы кого обмануть, но какъ вспомнишь представленіе, гдѣ обманъ ведетъ къ худшему, и оставишь этотъ нехорошій порокъ".

А вотъ и не одни впечатлѣнія, а серьезныя требованія толпы. Одинъ рабочій пишетъ: „Главное, даже непремѣнно нужное, предъ представленіемъ указывать, въ какой средѣ выводимые люди выросли, каковы ихъ старшіе были и до чего довели, сами не сознавая своихъ дурныхъ поступковъ, что они губительно вліяютъ на людей, зависящихъ отъ нихъ". (Должно быть, бѣднякъ о „правдѣ" деревенскихъ отношеній вспомнилъ. Солоно ему эта правда досталась). Помощникъ мастера-механика совѣтуетъ въ саду устроить галлерею портретовъ друзей человѣчества всего свѣта и павильонъ для чтенія, а также торговлю книгами, а между портретами повѣсить списки лучшихъ популярныхъ книгъ для самообразованія. „Народъ любопытенъ, и этимъ надо воспользоваться для его же собственной пользы".

Одинъ столяръ протестуетъ противъ пьесъ и сценъ народнаго быта. Помните, читатель, объясненіе Глѣба Успенскаго, почему французскому рабочему разные Ракомболи нравятся? Остроумное, удивительное объясненіе. Такъ вотъ и у столяра тотъ же мотивъ, только куда посильнѣе онъ высказанъ! Да и не диво, что посильнѣе. Вѣдь, тутъ жизнь и проливаемая жизнью кровь сердца говоритъ. „На сцену выводился фабричный безнравственный разгулъ,—пишетъ возмущенный столяръ,—но какъ хочется фабричному смотрѣть на эту игру, когда она ему противна въ жизни? Посмотрите, какъ они выходятъ вечеромъ изъ фабрики, какъ очумѣвшіе, выпущенные на свѣтъ Божій. Не нашлось, кажется, автора драматурга благодѣтеля, кромѣ Некрасова, пи-

сать пьесу не на площади фабричной, а заглянуть за непроницаемыя стѣны фабрики. Человѣкъ пришелъ въ садъ отогнать нерадостныя мысли, а тутъ душу его терзаютъ. За людей обидно. Хотя это и народная сцена, но дайте намъ то, что намъ въ зубахъ не навязло, чего мы въ жизни не знаемъ".

И развѣ, по совѣсти говоря, столяръ не правъ? Вѣдь, народу, толпѣ самоопредѣленіе нужно, она его, а не поученія ищетъ. А какимъ же путемъ она можетъ получить это самоопредѣленіе при помощи того только, что въ зубахъ навязло? Она молода, эта толпа, она свѣжа, какъ юноша, какъ чистая дѣвушка. Дайте же ей то, чего она ищетъ: дайте ей идеальное въ искусствѣ и жизни.

Столяръ не только протестуетъ, но и восторгается. И въ восторгѣ „стишину" пишетъ: „Его душа, какъ странница усталая, хочетъ уйти отъ жизни будничныхъ невзгодъ", „Его умъ, какъ узникъ скованный цѣпями, хочетъ постигнуть прекрасный міръ". Онъ (поэтъ) „стѣсненный жизнью просилъ людей о помощи—и всѣ молчали, и печальный звукъ жегъ ему сердце, какъ уголь раскаленный". И вотъ онъ, убитый, слабый, утомленный, идетъ въ Невскій садъ и тамъ „съ души его печальной спадаетъ желчь и свѣтъ не кажется мнѣ пустъ". „Чья честная душа,—вырывается у народнаго поэта вопль сердца,—предъ нравственною тратой горячихъ слезъ за ближнихъ не прольетъ? И въ этотъ часъ (въ саду) простить я радъ злодѣю, сказать ему: прости, мой добрый братъ!"

Плохая это, можетъ быть, стишина. По формѣ, навѣрное, плохая и никакими художественными достоинствами не блещетъ. Но если цѣнить несомнѣнную искренность и примитивность чувства, глубину и основную правдивость и широту мысли, значительность поэтическаго настроенія,—то вотъ такая, написанная простымъ столяромъ, стишина куда подороже будетъ цѣлыхъ томовъ стихотвореній современныхъ изломанныхъ и прилизанныхъ поэтовъ. А главное — она дорога потому, что доказываетъ жизненность души русскаго народа, доказываетъ, что живъ Богъ земли Русской, что велика душа, его выносившая и выносящая.

Довольно, однако, пока о толпѣ и ея настроеніяхъ. Вѣроятно, не одинъ разъ еще намъ на этихъ страницахъ придется возвращаться къ этому вопросу. Позволимъ себѣ сдѣлать только одно заключительное, такъ сказать, замѣчаніе. Не представляется ли читателю, что дѣятельность Невскаго общества (и другія кромѣ него дѣйствуютъ тоже въ этомъ направленіи) очень маленькое, можетъ быть, по размѣрамъ дѣло, но очень большое по существу, по принципу? Не представляется ли ему, что это дѣло, можетъ быть, и есть путь къ выходу изъ выше поставленной дилеммы о двухъ фетишахъ?... Дѣло вотъ въ чемъ. Вездѣ въ нашихъ лучшихъ журналахъ вы встрѣтите обсужденіе вопросовъ о малоземельи, о переселеніяхъ, о количествѣ рабочихъ часовъ, о заработной платѣ и т. п. Ну, да: все это нужно, все это важно, все это настоятельные вопросы дѣйствительности, о которыхъ необходимо писать, думать, говорить и для которыхъ надо работать. Но... Въ послѣ-нее время появились особаго рода общественные философы, которые въ высь летать не желаютъ, а хотятъ по землѣ ползать, и которые кричатъ обществу на всѣ голоса одинъ и тотъ же завѣтъ: „въ карманъ-то, въ карманъ-то нарови!..." Ну, и пусть ихъ. Не велика штука такая житейская мудрость. Сумасшедшая бабушка въ *Разореніи* Успенскаго тоже, вѣдь, умѣла такіе-то завѣты своему потомству преподавать. Но вс-

рѣ оказалось, что завѣты эти пустые, ибо кармана не оказалось. Но не въ томъ дѣло. Повторяемъ: пусть ихъ. Но намъ-то, намъ-то зачѣмъ слѣдовать за этими представителями *ползучей* философіи и дѣйствительности, хотя бы и съ цѣлями и задачами противоположными ихъ цѣлямъ и задачамъ? Намъ-то зачѣмъ забывать то, чего не забываетъ самъ народъ: что и переселенія и увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, и лишній часъ отдыха и досуга и лишній двугривенный заработной платы—все это хорошо и нужно, да только не само по себѣ, а какъ средство къ чему-то высшему, къ подлинному человѣческому существованію, къ нравственной правдѣ, къ утопіи, если хотите? Не все, вѣдь, опредѣляется и рѣшается экономическимъ факторомъ. Да еслибъ и все рѣшалось имъ, такъ онъ, факторъ-то этотъ, лишь постольку важенъ и интересенъ, поскольку за нимъ стоитъ болѣе важное имъ опредѣляемое. Надо, настоятельно надо снова припомнить забытое, снова дойти до вывода, до идеала. Именно этого, вѣдь, и хочетъ наболѣвшая душа толпы при всѣхъ ея метаніяхъ, при всѣхъ ея даже самыхъ дикихъ дѣяніяхъ.

Было бы большою ошибкой предполагать, что свѣтъ только и есть, что въ окошкѣ, что страстное исканіе путей къ правдѣ человѣческихъ отношеній составляетъ отличительную черту только толпы большихъ городовъ, однихъ только городскихъ рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ. Въ деревнѣ этотъ процессъ, можетъ быть, менѣе замѣтенъ, но онъ наврядъ ли менѣе интенсивенъ, менѣе своеобразенъ. Тамъ не одинъ только процессъ экономическаго дифференцированія и разложенія старыхъ экономическихъ формъ происходитъ, а и нѣкотораго рода борьба за право, борьба разныхъ душевныхъ наслоеній, различныхъ міровоззрѣній. Житель деревни также бьется—страстно, лихорадочно и неумѣло, за свои права человѣческой личности, какъ и городской рабочій. Къ сожалѣнію, наша беллетристика очень мало отражаетъ это новое явленіе, какъ впрочемъ, она мало отражаетъ и всякія истинно новыя и внушительныя явленія нашей общественности. Мы уже не одинъ разъ замѣчали, что причина такой отсталости нашей беллетристики отъ глубокихъ жизненныхъ теченій состоитъ совсѣмъ не въ отсутствіи у насъ талантовъ. Можетъ быть, эту причину слѣдуетъ искать именно въ томъ преобладающемъ настроеніи нашей интеллигенціи, на которое мы намекнули выше, въ ея стремленіи придавать особое значеніе фактору экономическому, а не какому-либо иному. Намъ, по крайней мѣрѣ, думается, что такое объясненіе всего правдоподобнѣе. Наши молодые таланты, такъ сказать, связаны традиціями не старыхъ и ложныхъ эстетическихъ теорій, какъ это проповѣдуютъ разные тамъ наѣздники и глашатые новыхъ словъ и новой красоты, а традиціями мышленія, направленнаго только на явленія экономическія, съ исключеніемъ всякихъ иныхъ—политическихъ, интеллектуальныхъ, моральныхъ и чисто-общественныхъ. Понятно, что для писателя, даже одареннаго истинно-художественнымъ талантомъ, но находящагося во власти такого настроенія, вся наша народная масса должна представляться одною сплошною массой угнетенныхъ и подавленныхъ экономически людей, массой сплошного, не дифференцированнаго никакими иными духовными факторами матеріальнаго страданія. Такая точка зрѣнія, безспорно, очень плодотворна въ смыслѣ творчества общественнаго, но наврядъ ли она плодотворна въ смыслѣ творчества художественнаго. Мы уже замѣтили однажды, что большой бѣды въ этомъ не видимъ, такъ какъ бываютъ такія эпохи въ исторіи, когда людямъ не до ху-

дожественнаго творчества, когда интересы его должны уступить мѣсто дѣланію, интересамъ творчества соціальнаго. Возможно, что теперь мы именно переживаемъ такую эпоху. Тѣмъ не менѣе это, вѣдь, только объясненіе явленія, а объясненіе еще не устраняетъ потребности въ эстетической критикѣ.

Для уясненія нашей мысли укажемъ на произведенія гг. Марковича (*Бразиліане*), Чирикова (*На стоянкѣ*) и Хотымскаго (*Маленькіе разсказы про маленькихъ людей*). Всѣ эти авторы безспорно обладаютъ тѣмъ Божьимъ даромъ, который принято называть если не художественнымъ, то беллетристическимъ талантомъ. Всѣ они—начинающіе, такъ называемые *молодые* писатели, а новыхъ словъ, новыхъ настроеній невольно ожидаешь именно отъ молодыхъ. И еслибы только эти и другіе молодые знали, какъ страстно, съ какою почти болѣзненною жаждой читатели (да и критики тоже) ждутъ отъ нихъ этихъ новыхъ настроеній. И что же? Читаешь ихъ произведенія и встрѣчаешь—увы!—все перепѣвы, все старыя погудки, и даже не новый ладъ. Например, въ этой толпѣ несчастныхъ, буквально заморенныхъ голодомъ людей, бразиліанъ (польскихъ крестьянъ, переселяющихся въ Бразилію), которую намъ изобразилъ г. Марковичъ, нѣтъ ни одной человѣческой личности сколько-нибудь индивидуализированной художественнымъ творчествомъ. Это—просто масса страдающихъ отъ голода и экономическаго разоренія людей. Недостаетъ того, что только и составляетъ настоящій объектъ художественнаго произведенія,— недостаетъ отдѣльнаго человѣка. Понятно, что, несмотря на всю правдивость, всю реальность изображенія явленія, недостаетъ и настоящей художественной правды. Невольно спрашиваешь себя: да полно, дѣйствительно ли таковъ польскій крестьянинъ? Данныхъ для отвѣта у насъ, пожалуй, и нѣтъ; но, насколько можно судить по изображеніямъ, напримѣръ, Ожешковой, отвѣтъ придется дать отрицательный. А между тѣмъ г. Марковичъ безспорно талантливъ, изображать явленіе, и довольно яркими красками, онъ умѣетъ; но онъ находится, очевидно, во власти исключительно на экономическія явленія направленнаго мышленія, во власти традиціи, почтенной и вѣрной, но для цѣлей искусства не особенно благопріятной и, во всякомъ случаѣ, этимъ цѣлямъ почти чуждой... Тутъ мы считаемъ необходимымъ сдѣлать одну оговорку. Обыкновенно полагаютъ, что въ художественное творчество такая традиція была введена или, лучше сказать, вторглась подъ вліяніемъ такъ называемыхъ идей шестидесятыхъ годовъ. Это — ошибка и огромное недоразумѣніе. Для исторіи этихъ идей еще, вѣроятно, не настало время; но когда оно настанетъ, то будетъ признано, что онѣ, эти идеи, по существу были идеями, такъ сказать, синтетическими, т.-е. не упускавшими изъ виду ни одного соціологическаго фактора. И исторія нашей беллетристики прекрасно иллюстрируетъ это. Каковы бы ни были недостатки писателей-беллетристовъ шестидесятыхъ годовъ: Помяловскаго, Слѣпцова и другихъ,—они менѣе всего находились во власти чисто-экономическихъ категорій мышленія. Все это появилось позднѣе, подъ вліяніемъ необходимой и законной эволюціи нашего общественнаго мышленія въ семидесятыхъ годахъ. Извиняясь за это отступленіе, продолжаемъ.

Разсказъ г. Чирикова *На стоянкѣ*—просто хорошенькая картинка въ реалистическомъ жанрѣ, и, притомъ, картинка чисто-фотографическая. Г. Чириковъ пишетъ уже давно и пишетъ красиво. Но все въ этомъ родѣ. Если г. Марковичъ находится подъ властью извѣстнаго мышленія, то г. Чириковъ, кажется, совсѣмъ ни подъ какою властью

не находится. Онъ просто себѣ поетъ, какъ птица небесная, ни о чемъ, повидимому, не думая. Хотя, кажется, имѣетъ всѣ данныя, чтобы думать. Онъ все какъ будто торопится. Увидитъ картинку или сценку изъ народнаго быта — сейчасъ у него и аппаратъ готовъ. Снялъ ее, сценку-то эту, а такъ какъ онъ ретушеръ и рисовальщикъ хорошій и красокъ у него даже въ изобиліи, то и раскрасилъ ее поярче, покрасивѣе и пустилъ въ обращеніе. Для живописи оно, пожалуй, этого и достаточно, тѣмъ болѣе, что все-таки не безъ выбора же г. Чириковъ картинки рисуетъ; но для искусства слова, этого могучаго орудія духа, этого ужъ маловато. Прочтешь, наприм., такой хорошенькій разсказецъ, какъ *На стоянкѣ*, и ничего у тебя не останется. Занятный типикъ — водоливъ Семенычъ, ловкая и шельмоватая баба — Марина, разудалый парень — Кирюха,— вотъ вамъ и все, что можно получить изъ разсказа; ничего больше вы изъ него не высосете. И стóитъ, подумаешь, столько красокъ, и красивыхъ красокъ, для такого ничтожнаго результата тратить. Что-нибудь одно: наши молодые или не способны видѣть, или не умѣютъ думать.

Еще лучшею иллюстраціей нашей мысли могутъ служить коротенькіе разсказы г. Хотымскаго. Въ двухъ разбираемыхъ книгахъ *Русск. Богатства* этихъ разсказовъ три: *Гришка, Добытчикъ* и *Удача*. И всѣ три очень симпатичны. Г. Хотымскій по талантливости и вдумчивости несомнѣнно головой выше и г. Марковича, и г. Чирикова. И все же, несмотря на симпатичность его манеры, на нѣкоторую вдумчивость въ изображаемыя имъ явленія народной жизни, онъ не даетъ ничего или почти ничего. Онъ передаетъ читателю развѣ одно только свое глубоко гуманное и искренне сердечное отношеніе къ народу и его бѣдамъ. Хорошо, разумѣется, и это. Но этого маловато. Не сороковые годы теперь, когда гуманнаго настроенія было предостаточно. На порогѣ двадцатаго вѣка сама жизнь требуетъ чего-нибудь большаго и, во всякомъ случаѣ, болѣе яснаго и опредѣленнаго. И опять-таки намъ думается, что причина тутъ въ нѣкоторой все захватывающей власти экономическихъ категорій мышленія. Это всего очевиднѣе въ третьемъ разсказѣ г. Хотымскаго *Удача*. Предъ авторомъ былъ очень богатый матеріалъ для чисто-художественнаго воспроизведенія и настоящій *новый* типъ дѣвушки изъ народа—Дуни, которая сама, безъ всякаго понужденія, даже безъ уговоровъ жертвуетъ тѣмъ, что для нея всего дороже, своею дѣвическою честью для того, чтобы своего отца, тихаго, робкаго тятеньку отъ порки спасти. И что же сдѣлалъ изъ такого сюжета г. Хотымскій? Да ровно ничего. Онъ прошелъ мимо него и посвятилъ все свое вниманіе крестьянской нуждѣ и злодѣйству кабатчика и водочнаго довѣреннаго, а это значитъ, что душой автора овладѣлъ простой физическій фактъ экономическаго насилія, и овладѣлъ до такой степени, что онъ пропустилъ безъ вниманія другой фактъ высшаго порядка: пробудившееся въ душѣ деревенскаго человѣка *сознаніе стыда*, едва отмѣтивъ этотъ многозначительный фактъ. А фактъ безспорно многозначителенъ. Вѣдь, если Дуни будутъ стыдиться, что ихъ тятенекъ порятъ, какъ ребенка какого, такъ не только пороть перестанутъ, а и того добьются, что и злодѣйствъ кабацкихъ не будетъ. Гораздо содержательнѣй и любопытнѣй съ точки зрѣнія улавливанія новыхъ явленій народной жизни очеркъ г-жи Дмитріевой *Учитель*, начатый печатаніемъ въ іюльской книгѣ *Вѣстника Европы*. Впрочемъ, прежде разговора объ очеркѣ г-жи Дмитріевой, намъ надо сказать нѣсколько словъ о беллетристикѣ іюньской книги почтеннаго журнала.

И разумѣется, раньше всего о Боборыкинской *Княгинѣ*. Свой романъ на сей разъ маститый беллетристъ кончилъ безъ литавръ и тромбоновъ въ честь хорошихъ идей. Должно быть трубные звуки теперь вообще не ко двору, а, вѣдь, г. Боборыкинъ, какъ извѣстно, писатель чуткій. И вотъ на сей разъ онъ свою героиню возвращаетъ мужу, снова награждаетъ ее за ея добродѣтели капиталомъ, и она ѣдетъ къ „своимъ“, т.-е. къ крестьянамъ, въ деревню, гдѣ въ качествѣ благородной супруги сіятельнаго земскаго начальника одною рукой будетъ поддерживать и облагораживать его, а другой будетъ цѣлить тѣ раны, которыя случайно, пользуясь присвоенной ему властью, будетъ наносить „своимъ“ ея сіятельный проходимецъ. Очень это чувствительно выходитъ,—такъ чувствительно, что нѣкоторые грубые люди, пожалуй, уподобятъ княгиню Вѣру, эту купеческую лэди, знаменитой протодіаконской дѣвицѣ, которая, какъ извѣстно, и капиталъ пріобрѣла, и невинность соблюла. Такое уподобленіе будетъ, разумѣется, большою грубостью, ибо благородныхъ мотивовъ княгини зоилы не понимаютъ.

И, все-таки, какъ-то не вѣрится въ искренность и правдивость дѣйствующихъ лицъ романа г. Боборыкина, и самой княгини, и даже ея матушки—купчихи Финиковой. Все кажется, что ихъ „капля крови общая съ народомъ“—одна фальшь, и больше ничего. Такъ, для приличку больше. А главное-то не въ томъ, а въ малодушіи и покорности мелкимъ личнымъ мотивамъ. Вотъ, напримѣръ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* печатался романъ г. Стахѣева подъ пышнымъ и не вполнѣ содержанію соотвѣтствующимъ заглавіемъ: *Не угашайте духа*. Романъ, какъ романъ; довольно таки тягучій и скучноватый, хотя написанный съ знаніемъ изображаемой среды (мелкаго и средняго московскаго купечества). Такъ, вотъ, въ этомъ романѣ центральная фигура, старая-престарая бабушка, полуглухая, полуслѣпая и несомнѣнно изъ ума выжившая, всѣ житейскія сомнѣнія, всѣ затрудненія, порождаемыя жизнью, порѣшаетъ простыми словами: „любите, добрые, другъ друга; живите, добрые, въ мирѣ“. Не Богъ знаетъ, конечно, это какая мудрость, и многіе скептики скажутъ непремѣнно: „ладно тебѣ такъ, бабушка, разсуждать, коли ты ужѣ оглохла, ослѣпла и изъ ума выжила. А какъ-то ты съ своими добрыми словами къ недобрымъ подойдешь? Ты имъ будешь говорить: живите, добрые, въ мирѣ, а они тебя наровятъ по головѣ палкой оглоушить. Ты имъ скажешь: любите, добрые, другъ друга,—а они тебѣ горло перехватить хотятъ. Оглохшимъ, ослѣпшимъ и отжившимъ старцамъ вообще очень легко добрыя слова говорить, а вотъ посмотрѣли бы мы тебя, бабушка, какъ ты сама-то жила, когда ты еще думала, когда горячая кровушка у тебя по жиламъ перекатывалась, когда въ тебѣ людскія страсти играли. Жизнь, эту сложную игру человѣческихъ страстей и интересовъ, въ одну общую, хотя бы и самую хорошую и добрую, формулу не уложишь. Очень ужъ она, жизнь-то эта, хитрая штука. Вотъ, напримѣръ, Гриша, купеческій сынъ, услыхалъ бабушкино: живете, добрые, въ мирѣ,—и покорился родительской власти въ томъ, въ чемъ ей, пожалуй, и подчиниться нельзя, въ дѣлѣ совсѣмъ личномъ, въ вопросѣ о бракѣ. Купчина Петръ Ѳедоровичъ тоже подъ вліяніемъ бабушкиныхъ изрѣченій отдумалъ женить сына на золотомъ чурбанѣ и женилъ его на избранной имъ дѣвушкѣ, ибо постигъ, что злато есть тлѣнъ. Ну, и все чудесно вышло. Выжившая изъ ума бабка все устроила къ общему благополучію. А если бы такъ не вышло? Если бы купчина не проникся и

„духъ угасилъ“? Ибо, вѣдь, „оно, злато-то—тоже сила“! И пришлось бы Гришѣ съ истуканомъ всю жизнь маяться.

Что отвѣтила бы бабушка на замѣчанія скептиковъ, да и вообще могла ли она что-либо отвѣтить иначе, какъ опять-таки общею формулой: „любите другъ друга“,—неизвѣстно. Но несомнѣнно одно, что въ ея словахъ и дѣйствіяхъ ни крошечки фальши нѣтъ. И именно это и дѣлаетъ ея почти уже мертвенную фигуру даже трогательной. Ну, а вотъ и Вѣра, и Финикова (да, пожалуй, и авторъ съ ними)—такъ тѣ, пожалуй, что и фальшатъ.

Одной изъ отличительныхъ чертъ современной журнальной беллетристики служитъ то, что она частенько впадаетъ въ дѣтство. Нѣтъ, нѣтъ—и услышишь вмѣсто говора взрослыхъ людей, талантливыхъ или бездарныхъ, умныхъ или безтолковыхъ, но все же взрослыхъ, дѣтскій голосокъ, лепечущій что-то изъ дѣтскихъ прописей. Такъ что тутъ критикѣ и дѣлать нечего. Развѣ только похвалить милыхъ дѣточекъ, что они уроки хорошо выучили. Начнетъ, наприм., г-жа Виницкая *(Услуга за услугу)* пошлѣйшій анекдотъ разсказывать, да, вѣдь, какъ разсказывать! Даже читателя мутить начинаетъ. И онъ думаетъ, какъ бы хорошо было, если бы какой-нибудь благодѣтель,—ну, хоть почтенная редакція что ли взялъ бы съ генеральши Носиковой, то бишь, съ г-жи Виницкой „честное слово и письменное обязательство говорить только о томъ, что интересно другимъ“, или, еще лучше, совсѣмъ не говорить. Право, прекомичную фигуру представляютъ всѣ эти г-жи Стародубскія, Виницкія и гг. Ширковы и другіе, рядомъ съ воинствующимъ и побѣдоноснымъ рыцаремъ г. Слонимскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте: тутъ въ нѣкоторомъ родѣ геройскій подвигъ — полное раскассированіе Маркса; а тамъ „пятачки“, „услуги“ и пр. и пр. Несовмѣстно какъ-то.

Вернемся, однако, къ очерку г-жи Дмитріевой. Намъ уже не одинъ разъ на страницахъ нашего обозрѣнія случалось говорить, что, по нашему мнѣнію, г-жѣ Дмитріевой отказано въ томъ Божіемъ дарѣ, который именуется художественнымъ талантомъ и, однако, ея произведенія оставляютъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ произведенія разныхъ „молодыхъ“, безпорно талантливыхъ авторовъ. Все дѣло въ томъ, что г-жа Дмитріева умѣстъ думать. И не только умѣетъ думать, а умѣетъ, думая, наблюдать. Потому она изъ крестьянской жизни обыкновенно выхватываетъ такія явленія, которыя, во-первыхъ, болѣе или менѣе новы,—новы въ томъ смыслѣ, что представляетъ часть, отраженіе глубокаго процесса, происходящаго въ деревнѣ, и, во-вторыхъ, по этой же причинѣ многозначительны. Авторъ доказалъ, что онъ умѣетъ находить подобныя же явленія и въ средѣ нашей учащейся молодежи. Припомните *Гомочку* г-жи Дмитріевой. Таковы двѣ сферы, гдѣ г-жа Дмитріева чувствуетъ себя дома. И вотъ читатель совершенно забываетъ неуклюжесть и, такъ сказать, склеенность разсказовъ и очерковъ автора, забываетъ нѣкоторую архаичность его беллетристическихъ пріемовъ, часто встрѣчающіяся знакомыя, заимствованныя или навѣянныя другими болѣе извѣстными авторами, подробности, нѣкоторую безсвязность и склеенность произведенія изъ отдѣльныхъ кусочковъ, отсутствіе стройности и симметріи и т. п. недостатки. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ эти недостатки по сравненію съ мыслью и въ особенности съ правильно-отмѣченнымъ новымъ и несомнѣнно важнымъ явленіемъ, притомъ болѣе или менѣе вѣрно и широко-истолкованнымъ? Жизнь ставитъ теперь людямъ такіе глубокіе запросы, что люди не очень склонны искать непремѣнно чисто-эстетической эмоціи, если

только такъ или иначе получаютъ отъ автора отвѣты на эти вопросы жизни.

Всѣ вышеотмѣченныя черты будутъ, кажется, отличать и новое произведеніе г-жи Дмитріевой: *Учитель*. Этотъ учитель—молодой крестьянинъ, почти парень, страстно привязавшійся къ чтенію. Откуда у него эта страсть? Авторъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ,—да и резонно дѣлаетъ, ибо нельзя отвѣтить на вопросъ о стремленіяхъ, охватывающихъ людей, какъ стихія. Именно все дѣло въ томъ и состоитъ, что вся жизнь, весь ея укладъ или, лучше сказать, весь процессъ развитія, исконные уклады разрушающій, порождаетъ такія чисто-массовыя стремленія. Митюха не представляетъ собой чего-нибудь особаго, изъ среды другихъ выдѣляющагося; онъ самый простой и самый обыкновенный парень. Онъ даже не борецъ какой-нибудь, хотя мракъ деревенской жизни охватываетъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ ненавидитъ этотъ мракъ, эти старые устои деревенской жизни, насколько, конечно, такой мягкотѣлый человѣкъ, какъ Митюха, вообще ненавидѣть можетъ. Но онъ не борется съ мракомъ или борется съ нимъ только пассивно. Его другъ и пріятель Семенъ, тоже захваченный духомъ протеста, еще можетъ бороться, а Митюха нѣтъ. Онъ по натурѣ мямля. И, однако, эта мямля явленіе прогрессивное, потому что его охватила нѣкая великая идея или великое стремленіе къ свѣту, къ знанію, и охватила цѣликомъ, всего, безъ остатка. И, охваченный такимъ высокимъ стремленіемъ, мечтательный, увлекающійся Митюха забываетъ, что онъ связанъ по рукамъ и ногамъ грубой и невѣжественной женой, всей своей мрачной жизнью и восторженно восклицаетъ: „Эхъ, Сенька, вѣдь, не пропадать же намъ!“ На что Сенька самоувѣренно отвѣчаетъ: „Небось, Митюха, не пропадемъ“. Авторъ даетъ понять, что непремѣнно пропадутъ. „Наивные деревенскіе парни не знали еще, что и посильнѣе ихъ люди пропадали, добиваясь права мыслить и жить по-человѣчески, что не однихъ ихъ ломала и коверкала темная сила, именуемая бѣдностью и невѣжествомъ“,—меланхолически замѣчаетъ онъ. Быть можетъ и пропадутъ. Начавшійся процессъ умственнаго и моральнаго разложенія экономическаго, и соціалогически болѣе важный, поглотитъ не одну сотню Митюхъ и Сенекъ, какъ онъ поглотилъ и поглощаетъ не одну сотню Дмитріевъ и Семеновъ культурной среды. Важно то, что этотъ процессъ начался и что онъ вполнѣ, по всѣмъ своимъ наиболѣе характернымъ чертамъ, тождественъ съ процессами, происходившими и происходящими въ средѣ культурной. Повидимому, въ жизни Митюхи никакой и драмы нѣтъ. Все тихо и покойно. Отецъ его, въ сущности, вполнѣ добродушный хозяйственный мужикъ; онъ не мѣшалъ сыну учиться, хотя и смотрѣлъ на его ученье какъ на баловство. Но „непобѣдимое ничѣмъ упорство Митюхи въ его стремленіи къ книжкѣ не на шутку начало безпокоить старика и въ его неповоротливомъ мужицкомъ мозгу закопошились какія-то странныя мысли. Книжки... клеверъ... отрицаніе домового... все это пугало его, и Ивану чудилось, что на него идетъ что-то грозное, непонятное, вродѣ чумы, голода и всякаго другого божескаго насланія“. И онъ ворчитъ: „Аль мы ужь дураки стали, а вы больно умны... Нѣтъ, видно, помирать пора“.

И, вѣдь, старикъ не ошибается; вѣдь, дѣйствительно помирать пора, дѣйствительно это божеское насланіе для него, его устоевъ, его міровоззрѣнія и міровоззрѣнія всѣхъ Ивановъ... Не кажется ли вамъ, что всѣ эти ламентаціи старика что-то очень знакомое, очень близкое вамъ? И, конечно, знакомое и близкое. Потому что „умирать пора“

говорили вашъ дѣдъ, вашъ отецъ—и такъ, собственно говоря, недавно—и по той же причинѣ. На нихъ тогда, лѣтъ тридцать или пятьдесятъ назадъ, тоже шло что-то непонятное и неотразимое. Дѣло въ томъ, что мы, въ сущности говоря, еще страшно молоды. Тотъ процессъ, который переживаютъ Митюхи только теперь, мы, культурные люди, въ разныхъ отслоеніяхъ культурной среды переживали не очень давно: кто лѣтъ пятьдесятъ назадъ, кто лѣтъ тридцать, смотря по отслоенію. А нѣкоторые слои культурнаго общества, сѣренькій разночинецъ, еще и теперь, пожалуй, переживаютъ его одновременно съ Митюхой.

Въ особенности любопытно то, что процессы вполнѣ тождественны. Тоже настроеніе обѣихъ борющихся сторонъ, та же увѣренность въ томъ, что не пропадемъ—и безъ такой увѣренности и борьба была бы невозможной—тоже стариковское ворчаніе: „помирать пора", повидимому, безобидное, а на самомъ дѣлѣ ведущее къ борьбѣ интенсивной, ужасной и неизбѣжной,—до того ужасной, что отъ нея, вотъ отъ этого ворчанья-то: „помирать пора" люди культурной среды тогда и деревни теперь бѣгутъ куда глаза глядятъ, къ какому-то тамъ свѣту, который гдѣ-то свѣтитъ, и дѣйствительно пропадали и пропадаютъ... до тѣхъ, конечно, поръ, пока не одерживали побѣды.

Процессы тождественны по сущности, по настроенію, тождественны они и по орудіямъ борьбы. Съ одной стороны старый авторитетъ, съ другой стороны книга, европейская мысль. И несомнѣнно, что книга побѣдитъ въ деревнѣ, какъ она побѣдила (увы! далеко еще не вполнѣ) въ культурной средѣ. А потому... „не робѣй, Варсанофій Петровъ".

Современный интеллигентный человѣкъ Струковъ (*Карьера Струкова* г. Эртеля) оробѣлъ... и погибъ. Но погибъ не такъ, какъ гибли и гибнутъ разные культурные и некультурные Митюхи,—не погибелью за идею, погибелью, таящей въ себѣ зародыши новой жизни и новой борьбы и окончательной побѣды, а погибелью безславной и безплодной... Онъ тоже стремился, но стремился не къ торжеству чистой идеи, а къ ея компромиссу съ жизнью,—какъ будто вообще такой компромиссъ когда-либо бываетъ возможнымъ въ такомъ процессѣ развитія, который направленъ на полное устраненіе старыхъ устоевъ жизни. Онъ все ждалъ волны, которая схватила бы его и унесла. И волна нахлынула и унесла его, оробѣвшаго, утратившаго вѣру въ торжество идеи,—только не та это была волна, которой онъ ждалъ.

Свое мнѣніе о романѣ г. Эртеля мы уже высказали и повторять его не будемъ. Ограничимся только двумя замѣчаніями, или нѣтъ: однимъ замѣчаніемъ и одной цитатой. Сначала цитата.

„Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ людей, благороднѣйшихъ людей, тѣмъ яснѣе видишь, что неестественное распаденіе съ жизнью ведетъ къ идіосинкразіямъ, ко всякимъ субъективнымъ блажамъ. Beatus ille, qui procul negotiis можетъ съ головой погрузиться въ частную жизнь или теорію. Не всякій можетъ. И эти-то не могущіе вянутъ въ монотонной, длинной агоніи, плачевной и главное — убійственно-скучной... Ни у кого нѣтъ собственнаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, вовлекающее въ себя всѣ силы души".

Знаете ли, кому принадлежатъ эти строки и когда онѣ были написаны? Онѣ написаны Герценомъ больше пятидесяти лѣтъ тому назадъ. И между тѣмъ онѣ лучше всего передаютъ всю трагедію жизни современныхъ русскихъ интеллигентовъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, къ ка-

кимъ принадлежитъ Струковъ. И такихъ Струковыхъ много. Ихъ горе именно въ томъ, что у нихъ „нѣтъ дѣла, вовлекающаго всѣ силы души". И выдумать себѣ такое дѣло они не могутъ, потому что дѣло не выдумывается, а дается жизнью тѣмъ, кто это дѣло вмѣстить можетъ. А они, новые или старые лишніе люди, вмѣстить не могутъ. Въ томъ-то и дѣло, что нѣкоторые слои русской интеллигенціи, несмотря на свою молодость, страшно дряхлы. Они все еще не вышли за предѣлы настроеній и міровоззрѣнія тургеневскихъ героевъ; они все еще представители старой вымирающей культуры, хотя сами эту культуру теоретически и отрицаютъ. А теперь замѣчаніе — и на сей разъ о женщинѣ.

Наташа Струкова на прощанье читаетъ мужу такую отповѣдь:

„Годы постылаго прозябанья, нытья, компромиссовъ, подходовъ... Развѣ я того отъ тебя ждала? Развѣ на то надѣялась? Я поѣхала съ тобой. Я думала, что ты мой товарищъ... Не говори, что наши лондонскіе планы оказались непрактичны. А жить, ѣсть, пить, спать—это практично? Это можно? Я бы съ тобой въ огонь пошла, на голодъ, на холодъ пошла бы... А ты? Читалъ умныя книжки? Говорилъ умные разговоры? И ждалъ: вотъ нахлынутъ откуда-то волны и понесутъ насъ".

А докторъ иллюстрируетъ мысль автора словами:

„Такихъ, какъ она, только и удержишь подвигомъ".

Хорошо оно, спору нѣтъ. Но, однако, и не совсѣмъ ужъ такъ хорошо. И нехорошо потому, что указываетъ, что извѣстная среда культурныхъ людей недалеко ушла за пятьдесятъ-то лѣтъ развитія и все топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ—и мужчины, и женщины. И если мужчины—все еще тургеневскіе лишніе люди, то и женщины тоже тургеневскія женщины, вѣнчающія своею любовью именно подвигъ мужчины. Жизнь этой среды столь скудна, что она для женщины ничего новенькаго выдумать не можетъ, кромѣ роли увѣнчательницы подвига. Красивая, конечно, роль, но, право же, обидная. Какая въ самомъ дѣлѣ скудость содержанія должна быть въ жизни, чтобы любовь мужскую или женскую, это все равно,—это самодовлѣющее и само себя опредѣляющее благо сдѣлать только вѣнцомъ, т.-е. чѣмъ-то чуждымъ, побочнымъ, хотя и украшающимъ элементомъ человѣческой жизни, тогда какъ по своей сущности оно, это могучее чувство, должно и можетъ быть только составнымъ элементомъ этой жизни, элементомъ присущимъ и органическимъ. Елена, по циническому и вѣрному замѣчанію Шубина, любитъ не Инсарова, какъ человѣка, а „ироя", совершившаго подвигъ, бросающаго въ воду пьянаго нѣмца; Маріанна любитъ не Нежданова, а его подвигъ и т. д. Повторяемъ, это красиво, но это и обидно. Подвиги, вѣдь, разные бываютъ. И какъ бы далеко ни отстояли другъ отъ друга Елена и Маріанна, вѣнчающія подвигъ Инсарова или Нежданова, и соблазнительная брюнетка, вѣнчающая борца Капитона (*Борцы* г. Баранцевича),—общее между ними, все-таки, есть. И это общее—въ томъ, что онѣ не просто любятъ, а вѣнчаютъ своею любовью. Что-то обидное для женщины, потому что это нѣчто рыцарское... или животное. Вѣдь и львица вѣнчаетъ побѣдителя.

Это совсѣмъ не пустое и не мелкое замѣчаніе, это и не мелкій жизненный фактъ. Существованіе до сихъ поръ тургеневскихъ героинь и настроенія такихъ героинь указываютъ лишній разъ на бѣдность жизненныхъ мотивовъ, на скудость жизненнаго содержанія извѣстной среды, на отсталость мысли въ этой средѣ, на отсутствіе настоящаго дѣла и настоящаго подвига, на ту тоску и скуку, отъ которой гибнутъ и -

обходимо должны гибнуть и мужчины, и женщины этого стараго типа, представители этой старой культуры. А вѣдь жаль ихъ. Вѣдь это— силы и довольно-таки незаурядныя, которыя въ экономикѣ развитія весьма бы нужны были.

Да, нѣтъ настоящаго подвига! Потому что настоящій подвигъ тотъ, за который любовью не увѣнчиваютъ, ибо любовь сама по себѣ, а подвигъ самъ по себѣ. Любовь сама по себѣ довлѣетъ и сама себя, а не что-либо другое, вѣнчаетъ. Она, могучая и сильная, какъ смерть, или какъ жизнь, грядетъ къ сынамъ и дочерямъ человѣческимъ, какъ убранная цвѣтами, какъ счастливая невѣста, которой ни до кого и ни до чего, кромѣ себя самой и своего избранника или избранницы, нѣтъ дѣла. А подвигъ вызывается только сложнымъ комплексомъ отношеній, именуемыхъ жизнью, и вызывается не всегда, а только тогда, когда этого требуетъ жизнь. Любовь вѣчна, какъ сама природа и сама жизнь, а подвигъ—нѣчто высокое, но временное. Между ними, собственно говоря, нѣтъ и не можетъ быть соотношенія, кромѣ того, конечно, общаго соотношенія, которое существуетъ между всѣми жизненными явленіями. А потомъ: „я пошла бы за тобой!“ Такъ говоритъ тургеневская женщина. И опять-таки красиво... и обидно. А одна, если это нужно, безъ всякаго „за тобой?“

Да, скудна старая культура, красивы, но жалки люди старой культуры и скучно, ахъ какъ, въ сущности, скучно, несмотря на весь ея блескъ и красоту, живется среди нихъ и въ ней.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1896 г.

Брокгаузъ. Энциклопедическій словарь. Т. XVIII. Спб., 1896 г.

Глаголевъ, С. С. Больной цѣлитель. Сергіевъ-Посадъ. 1896 г. Ц. 25 к.

Дмитріевъ, К. Мелкая пахота какъ испытанное средство отъ засухи. М., 1896 г. Ц. 10 к.

Журналы засѣданій очередного елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1896 года. Елисаветградъ, 1896 г.

Золотаревъ, Л. А. Родительскія заботы. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Историческій очеркъ дѣятельности россійскаго краснаго креста. Спб., 1896 г.

Кони А. Ѳ. „За послѣдніе годы“ (Судебныя рѣчи 1888—1896 гг.—Воспоминанія и сообщенія. Юридическія замѣтки. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Краткій очеркъ развитія начальнаго народного образованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Кропоткинъ, А. Стохотворенія. М., 1896 г.

Крюковъ, Н. А. Опытъ описанія землепользованія. М., 1896 г.

— Пріамурскій край на всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Лавровъ, С. И. Очеркъ земской медицины Нижегородскаго уѣзда. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Масловичъ, Н. В. Басни и были. Спб. Ц. 75 к.

Медвѣдевъ, Л. М. Въ семьѣ. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Мѣропріятія Нижегородскаго уѣзднаго земства по дорожной части съ введенія земскихъ учрежденій по 1896 г. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Ольденбургъ, Ф. Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—93 году. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

О платино-промышленности. Екатеринбургъ. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго С.-Петербургскаго комитета грамотности императорскаго вольнаго экономическаго общества за 1895 г. Спб., 1896 г.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ и о дѣятельности кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства за 1895 годъ. Пермь, 1896 г.

Penzoldt и Stintzing. Руководство къ частной терапіи. Вып. IX. Спб., 1896 г.

Плетневъ, А. П. Бездомовье. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Пояснительный каталогъ къ чертежнымъ экспонатамъ харьковскаго земледѣльческаго училища въ 1896 г. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Промыслы крестьянскаго населенія Нижегородскаго уѣзда. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Протоколы постоянной коммиссіи и спеціальныхъ коммиссій, состоящихъ при учебномъ отдѣлѣ музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ, подъ редакціей хранителя учебнаго отдѣла С. Я. Никитинскаго. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пэнъ, С. Моисей Маймонидъ, его жизнь и дѣятельность. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Радимичъ, Е. Милостивый Осипъ, или милости хочу, а не жертвы. Витебскъ, 1896 г.

Раевскій, В. Изъ жизни народн[...]ъ училищъ. Нижній-Новгородъ, 1896

О'Реллъ, М. Джонъ-Булль и его [...]олоніи. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Реформа денежнаго обращенія въ Ро[...]к. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Савелова, З. Ф. Вышиваніе по [...]вѣ. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Вып. IV, V и VI. Тифлисъ, 1896 г.

Селезневъ, В. Изразцы и мозаика. Спб., 1896 г.

Сперанскій, С. Рабочіе дома въ Россіи и за границею. Спб., 1896 г.

Стивенсъ, Т. Вокругъ свѣта. Ч. I и II по 50 к. Спб., 1896 г.

Угетти, Г. В. Лихорадка. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Ѳедоровъ, Е. Детальная геологическая съемка Богословскаго горнаго округа. Пермь, 1896 г.

XXXI очередное нижегородское уѣздное земское собраніе 3 — 8 октября 1895 г. и экстренное собраніе 22 февраля 1896 г. Нижній-Новгородъ, 1896 г.

Шаховской, Н., кн. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Шенбергъ, Г. Положеніе труда въ промышленности. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы. Вып. XIII. М., 1896 г.

Шкателовъ, В. В. Коньякъ. В., 1896 г.

Якимовъ, В. М. Преступная молодежь по изслѣдованіямъ медицинской науки и мѣры уголовной политики въ отношеніи нея. В., 1896 г. Ц. 20 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 іюля по 1 августа 1896 г.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

***Корелинъ, М. С.**, проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

***Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Цѣна по 2 р.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Руфина Каздоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Асбьернсена, П. Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Беккерледжъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

***Берже, П.** Модная болѣзнь нашего времени слабые нервы. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, к[illegible] хранить и лечить себя отъ с[illegible] упадка Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к. [illegible] порт-

Бергергофъ, Г. Руководство для [illegible]сть пировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Вернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ-Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.

Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.

— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богаевскій, .П. Мултанское „моленіе“ вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.

Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи з анія. П., 1896 г. Ц. 25 к.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизація въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариеметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариеметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариеметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариометика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9)

Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Васневскій, Г. Гипнотизмъ у животныхъ. Х., 1896 г. Ц. 35 к.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.
— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.
— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальпаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.

— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.

— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Водовозовы, М. и Н. Изданія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.

— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Габриловичъ, И. Чахотка и основы ея лѣченія. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гвоздевъ, И. Первичный наружный судебно-медицинскій осмотръ мертваго тѣла. П., 1896 г. Ц. 60 к.

— О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц., 1896 г. Ц. 50 к.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 ч. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленія растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.
Горацій Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горбуновъ. Програмы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Програмы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Програмы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 80 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедичекій словарь, 8 т. или 103—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета и. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.
Гротъ, П. Физическая кристаллографія. Ч. I. П., 1896 г.
Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. Ц. 50 к.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Гурфинкель, М. Дитя и уходъ за нимъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ росск. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Собраніе стихотвореній, вып. XII. Т., 1896 г. Ц. 20 к.

— Собраніе стихотвореній 13 выпусковъ. Цѣна кажд. вып. по 20 к. Т., 1896.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Дегіо, К.** Проказа въ прошломъ и настоящемъ и борьба съ нею. П., 1896 г. Ц. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинфскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.

— Святочные разсказы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.

Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Догановичъ, А. Ѳомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.

Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Мееодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Мееодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Егоровъ, Ѳ. Методика - ариѳметика. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жукъ, В. Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
— Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $1/2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $1/2$ стр. поперекъ 75 к., съ $1/3$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.

Зетъ, Е. Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золотаревъ, Л. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругонъ-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Игра футболь съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.

Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.

Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.
Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каценеленбогенъ, Г. Краткій курсъ патологической анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.
Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Кирхнеръ, I. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кирхманъ, Ф. Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.
Кіари, Х. Техника патолого-анатомическихъ вскрытій. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.
Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Книга здоровья. Ц., 1896 г. Ц. 1 р.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.
Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.
— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Кольбе, Б.** Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
— Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольберинъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кореливъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М, 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
— Паденіе античнаго миросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. П., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн переплѣ.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецкіе обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

***Кюнеръ, д-ръ.** Гигіена любви. Одесса, 1896 г. Ц 50 к.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Леббокъ, С. Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лебо, Эженъ. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсалина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лоранъ, Э. Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мангуби, И. Практическое виноделіе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французск. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
Марконетъ, А. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р 25 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
*— Басни и были. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Маурeръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
*— Васька-горнистъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
***Медвѣдевъ, Л.** Въ семьѣ. М., 1896 г. Ц. 60 к.
Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е

изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Рипъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семья. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М. 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.
— Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Михневичъ, В. Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техни-

кой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, I., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Навиль, Э. Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Народныя русскія сказки. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р 60 к.

— Астрономія. П., 1896 г. Ц. 6 р.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер.моск.общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.
Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней. К., 96 г. Ц. 30 к.
Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.
Оглоблинъ, В. Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2 т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.
Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Оствальдъ, В. Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.
Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разскав. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскоши. перепл.—1 р. 60 к.
— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гарнюй. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. Москва, 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.
Потебни, А. Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Принсъ, А. Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.
Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древ[illegible]е адвокаты и наши присяжные цицеро[illegible]. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 189[illegible] г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ за[illegible]новъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкера [illegible]о Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 [illegible]сунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 5[illegible]

Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 80 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ред. Иванова. Новое Manuale Pharmaceuticum. Вып. I. П., 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіэна глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіэна. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.
Рено, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія энскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А.С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Пер. съ фр. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сахаровъ, А. По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сѣлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
Симсонъ, Ѳ. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.
Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. (М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.
— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 6[illegible] к.
Скоровъ и Полянскій. С[illegible]ъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію [illegible]ъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. [illegible]ѣна за оба тома 4 руб.
Сказки русскихъ писателей для [illegible]й. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Сказки русскаго народа. 7 в. М., [illegible] г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
Судебныя драмы. Жанъ Делалоижъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кастоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академія) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и др[illegible]гихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8 М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбу[illegible] книга для класснаго чтенія и бесѣд[illegible] М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1[illegible] г. Ц. 35 коп.

— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ. С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. Москва, 1895 г. Ц. 40 коп.

Фраасъ, Э. Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практич скія упражненія по физіологіи. Сп(1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе ı ды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 г

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.
Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.
Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
— Лучи Рентгена. П., 1896 г. Ц. 40 к.
Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.
Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.
Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Крущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
аппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
Циммерманъ, А. Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 80 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.
Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.

— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.

— Ч. II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 р.

— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.

— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

— Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

***Шаховской, Н.** Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.

— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.

— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.

— Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна имъ 7 р. М 1881 г.

Шмидтъ, О. Русалочка. М., 18 Ц. 50 к.

Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50

Шольцъ, Фридрихъ. Ненор ности дѣтскихъ характеровъ. Пер нѣмецкаго Л. Л. Сченс новича 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣнеіи къ обыденной жизни). Сбп., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ѳ. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Э—на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
***Юстусъ, В., д-ръ.** Болѣзни волосъ и ихъ лѣченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.
Album universel. Съ видами Италіи,

Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes [illegible]vures en couleurs par Adrien-Mari[illegible] 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belle[illegible] lustrationse n coulesur par. E. de [illegible]hart et de nombreuses graurves en [illegible] grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4⁰. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4⁰. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4⁰. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8⁰. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4⁰. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.

in 16⁰. Цѣна по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godetroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
Ca petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4⁰. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 30 иллюстрацій въ краскахъ. Цѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4⁰. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La journée de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 6.
Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.

La plage de Wimerux, par M-me Balleyguier.
***Les enfants de cigarette,** par Théo-Critt.
***Les bonheurs de bonsheurs de Pauline,** par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir,** par Roger Dombre.
***Les mémoires d'un chèvre,** par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ многоч. иллюстр въ текстѣ въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes,de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famile in 8°, илл. *Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.*

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nao.
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 кон. до 90 кон.

Первая серія, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.— Puck.— Mein Miezi. — Eichhörnchen auf Reisen.—Fürs Herzblättchen.— Im Freien. — Der Kinderomnibus.—Hucke-Puck.—Ein treuer Hausfreund.— Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes.—Was Vöglein singt.—Wasich weiss! — Zoologischer Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama.—Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arch. Noahs.—Ringel, Ringel, Rosenkranz.— Puppen-Gesellschaft„—Die wunderliche Kutsche.— Robinson Crusoe.— In der Maienzeit.—Prinzessin Tausendschön.— Guckkasten.—Wer nicht „liebes Kindchen“ sein will.—Spielzeug Alphabot.— Garten Frenden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.

Feierstündchen.— Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin.—Lustige Reigen.—Lieblings Kurzweil.—Komische Clowns.— Unsere Lieblingsthiere.—Familie Fan gemaus.—Musjo Clown.—Ein Ausfl auf's Land.—Rothköpfehen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги п удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswal d. schönsten deutschen Märchen gesar

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородныхъ**.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII и XIII-й выпуски

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ“
Іоганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большихъ тома въ 1.000 страницъ, со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературъ будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весной 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты всей суммы. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія:

ДРЕЙФУСЪ. Міровая и соціальная эволюція. Цѣна 1 р. 50 к.
ТОМА. Внушеніе и его роль въ воспитаніи. Цѣна 40 коп.
ДАНТЪ. Адъ. Переводъ въ стихахъ *Н. Голованова*, подъ редакц. проф. *Ѳ. Буслаева*. Цѣна 1 р. 50 к.
ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

Подписка принимается и книги продаются въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Издатели **Д. В. Байковъ и К°.**

Русская Мысль.

Съ 1 сентября настоящаго 1896 года,

въ г. НЬЮ-ЙОРКѢ сѣверо-восточной Америки будетъ издаваться

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Православный Американскій Вѣстникъ".

(Органъ Православной Американской Миссіи.)

Болѣе важныя и существенныя статьи будутъ печататься въ два текста—русскій и англійскій—параллельно.

Журналъ имѣетъ выходить дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го числа

Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ **три доллара**; въ Россію **шесть** рублей, съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ АМЕРИКѢ:

AMERIKA NEW-YORK, CITY, 323 SECOND AVENUE, REVEREND ALEXANDER HOTOVITZKY.

Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція «Церковнаго Вѣстника»—для перевода въ Нью-Йоркъ.

Статьи и корреспонденціи направлять исключительно по первому адресу.

Соотвѣтственно задачамъ русской православной миссіи въ Америкѣ, нашъ журналъ имѣетъ цѣлью:

Возвѣщать въ инославной средѣ догматическую и историческую правду православія, какъ путемъ раскрытія положительнаго ученія церкви, такъ и путемъ разъясненія и опроверженія заблужденій противниковъ.

Защищать правоту русскаго православнаго дѣла отъ неприязненныхъ выходокъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетъ, враждебно относящихся къ успѣхамъ русскихъ миссіонеровъ въ этой странѣ.

Всѣмъ православнымъ переселенцамъ изъ „стараго края" внушать чувства любви и преданности своей вѣрѣ и родинѣ, воодушевляясь которыми они могли бы не только противостоять неблагопріятному вліянію окружающей инославной среды, но и сами—вліять на нее.

Пріобщая путемъ печати душу и сердце этихъ людей къ жизни родного народа, одновременно и въ читателяхъ Стараго Свѣта вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ земляковъ.

Постепенно знакомить мѣстныхъ иностранныхъ читателей—американцевъ—съ дѣйствительнымъ типомъ русскаго человѣка, съ духомъ и обычаями русской страны, поселяя въ американской средѣ, на мѣсто предубѣжденія, симпатію къ нашему родному народу.

Начиная изданіе въ скромныхъ размѣрахъ, редакція „Православнаго Американскаго Вѣстника" твердо убѣждена, что сочувствіе лицъ, которымъ близки интересы русскаго православнаго дѣла вообще, облегчитъ тѣ исключительныя трудности, съ которыми неизбѣжно сопряжено изданіе русскаго журнала за границей, — подаритъ ей читателей и сотрудниковъ и позволитъ, такимъ образомъ, постепенно расширять программу журнала и тѣмъ самымъ—возводить дѣло отъ малаго къ большему.

Редакторъ, настоятель Русской церкви въ г. Нью-Йоркѣ.
Священникъ **А. ХОТОВИЦКІЙ.**

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Бирнбаумъ, М., д-ръ. Водолѣченіе кнейпа съ медицинской точки зрѣнія. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Войтевскій, И. Юмористическая „Энеида“, поэма въ стихахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Космополитическіе нравы. М., 1896 г. Ц. 1 руб.

Вольперъ, М. Иллюстрированный толкователь словъ, фразъ и оборотовъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Гельвенсъ фонъ, К., д-ръ. Гигіена новобрачныхъ. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Гельдъ, А. Фабрика и ремесло. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Жиликъ, М. Сборникъ монологовъ, сценъ, куплетовъ и стихотвореній. Вып. II. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Жукъ, В. Краткая гигіена женщины-матери, общедоступно изложенная. Съ 14 рис. въ текстѣ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Золя, Эмиль. Римъ. Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изба, ея значеніе въ жизни народа и государства. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго общества Каснаго Креста. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Подъ редакціей Шамонина и Петрушевскаго. Выпускъ 2-й. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Кази-Бекъ, Юрій. Черкесскіе разсказы. Т. I. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Карачунскій, Л. Наши петербургскіе артисты. 300 порт. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Карповъ, А. Огородничество на Сѣверномъ Кавказѣ. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Кони, А. За послѣдніе годы. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Кругловъ, А. Все пріятели. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Крушеванъ, П. Дѣло Артабанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лебедевъ, А., протоіерей. Молитва Символъ вѣры и заповѣди Закона Божія. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Легувэ. Чтеніе какъ искусство. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Lolo. Онѣгинъ нашихъ дней. Романъ-фельетонъ въ стихахъ. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Leland. Рѣзьба по дереву. Руководство для любителей. Съ 105 рис. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Лоранъ, Э., д-ръ. Медицина души. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Лѣскова, Н. С. Собраніе сочиненій. Т. XII. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Найтингель, мисс. Какъ нужно ухаживать за больными. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Нефедовъ, Ф. Святочные разсказы. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Петерсъ, д-ръ. Малокровіе. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Поповъ, Н. Юзя Чаплинская. Историческій романъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Промышленность. Переводъ съ нѣмецкаго. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. Изъ міра науки и изъ исторіи мысли. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Скворцовъ, Ѳ. Руководство къ успѣшной рыбной ловлѣ. Изд. 2-е. Съ 44 рисунк. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Соловцовъ, И. Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.

Татищевъ, В. Духовная моему сыну. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Тихановъ, М. Разбитая жизнь. Романъ-быль (Изъ современной жизни). Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хандриковъ, М. Описательная астрономія, элементарно изложенная. Кіевъ, 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хитрово, М. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цаппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Швейковскій. Судъ общества офицеровъ и дуэль въ войскахъ россійской арміи. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шульцъ, А. Краткія замѣтки о преподаваніи нѣмецкаго языка. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Шульцъ, А. Новый практическій элементарный курсъ нѣмецкаго языка. Спб 1896 г. Ц. 60 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

